

ГРУЗИНСКАЯ
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РЕСПУБЛИКА

ДОКУМЕНТЫ

1917-1953

საქართველოს ეროვნული საისტორიო არქივი
Государственный Исторический Архив Грузии
Georgian State Historical Archive

საქართველოს პარლამენტის ეროვნული ბიბლიოთეკა
Национальная Парламентская Библиотека Грузии
The National Parliamentary Library of Georgia

საქართველოს დემოკრატიული რესპუბლიკა

დოკუმენტები

შეარჩია და გამოსაცემად მოამზადა
ირაკლი იაკობაშვილმა

თბილისი

2022

Грузинская Демократическая Республика

ДОКУМЕНТЫ

Подборка, редакция и издание:
Ираклий Якобашвили

ТБИЛИСИ

Издание осуществлено при финансовой поддержке Национальной Парламентской Библиотеки Грузии

Рекомендовано к печати Научным Советом Института Политологии ТГУ

Подготовка к печати и редакция: Ир. Якобашвили, Доктор Ист. Наук.

Сборник: Документы по истории Грузинской Демократической Республики (1918-1952).

В сборнике опубликованы неизданные, неизвестные читателям архивные документы, так и републикации изданных малыми тиражами в странах Западной Европы журнальные публикации. Изданные документы и тексты относятся как к временам Грузинской Демократической Республики (1918-1921 г.г.), так и участку времени вынужденной эмиграции власти Независимой Грузии вследствие насильственной оккупации территории демократической Грузии вооруженными силами СССР и узурпации власти в Грузии большевистской Россией (февраль/март 1921 г.).

Национальная Парламентская Библиотека Грузии.
Тбилиси, 2022 г.

XXV + 398 стр.

ISBN 978-9941-9802-1-3

UDC (უკუ) 94 (479.22) (19)
Я- 46

Copyright © Национальный Архив Грузии
Copyright © Национальная Парламентская Библиотека Грузии
Copyright © Якобашвили И. П. (Составление, предисловие)

«В вашей политической системе вы сами управляете вашим государством; Поэтому, перед вашим правительством ставьте пока такие цели, которых можно осуществить [в обозримом будущем].

Мой дружеский вам совет – Не требуйте от вашего правительства Чудес. Угнетаемый в течении столетий народ не сможет в одно мгновение создать новые формы жизни. Вам конечно, трудно – однако терпите; если не все у вас в одно мгновение получилось, - делайте это постепенно, шаг за шагом»

Томас Шоу

Один из вождей английской лейбористской партии. Министр труда в правительство Ремзея Макдональда.

Из речи, произнесенной в «Рабочем Клубе» в Надзаладеви, 30 сентября, 1920
г. Тифлис

Несколько замечаний издателя

Вы ставите вопрос так, как будто у нас [в Грузии, в 1918-21 годах] уже было организованное государство или большие законы. (...) Время было переходное и законодательство не поспевало за событиями. [Мы, Власть – старались] чтобы вводились бы такие же законодательства, такие же нормы, как и в Западной Европе, – мирные и так дальше. А между тем в законодательстве невозможно было отказаться от некоторых революционных установлений. Единственно, о чем у нас иногда шли споры – что «Вот такие – то, и такие – то законы; – это все революционного характера! Что же, вы будете это вводить в законодательство?» Приходилось! (...) Не могу сказать, что все было так, как я хотел бы. Но порядок уже был. Когда к нам приезжали гости [делегация Второго Интернационала] из заграницы, то они нашли, что порядок имеется везде – и в городе, и в тюрьмах, и в организациях, везде. (...) Мало по малу, одно за другим порядок устанавливался. Окончательным порядок еще не был установлен, когда ликвидировалось наше государство [в февр-марте 1921 г.].

Ражден Арсенидзе: Беседа с Леопольдом Хаймсоном

Второй том серийного издания русскоязычных документов по истории Грузинской Демократической Республики состоит из различных по своему характеру (и значению) текстов.

В первой части сборника опубликованы (в хронологическом порядке) неизданные, неизвестные большинству исследователей тексты Ираклия Церетели,¹ Ноя Жордания², Александра Гедеваншвили³, Тадеуша Шецеля⁴ и Васан – Гирея Джабаги⁵.

Текст выступления Ираклия Церетели является переводом на русский язык его выступления 6 октября 1917 года в Тифлисе⁶, в рабочем Клубе в Надзаладеви⁷, вскоре по его (вместе с Николаем (Карло) Чхеидзе⁸) приезде из предреволюционного Петрограда в спокойную Грузию.

¹ Церетели, Ираклий Георгиевич, (1981.12.02 – 1959.05.21); Виднейший социал-демократ XX века, один из основателей Грузинской Демократической Республики (1918-1921 г.г.); Председатель фракций РСДРП в Государственной Думе II созыва, Член Учредительного Собрания Грузии (1919-21 г.г.) После большевистской оккупации Грузии, с 18 марта 1921 года – политический эмигрант.

² Жордания Ной Николаевич (1868.01.2/14 – 1953.01.11) Виднейший социал-демократ XX века, один из основателей Грузинской Демократической Республики (1918-1921 г.г.); Председатель фракций РСДРП в Государственной Думе I созыва, После большевистской оккупации Грузии, с 18 марта 1921 года – политический эмигрант.

³ Гедеваншвили Александр Александрович (1870 – 1933) Профессиональный военный, генерал, окончил Академию Генерального штаба России (по второму разряду), в Первой мировой войне командовал дивизией. С 1915 г. генерал-лейтенант. В 1918-1921 г.г. бессменный Первый Заместитель военного министра в правительстве Грузинской Демократической Республики. Один из создателей вооруженных сил грузинской Демократической Грузии.

⁴ Шецель (Шетцель) Тадеуш (1891.03.12 – 1971. 06.26) – польский офицер военной разведки, дипломат и политик, активист движения «Прометей», полковник артиллерии Войска Польского, Депутат главы Сейма. В 1923 году в Лозанне возглавлял неофициальную Польскую делегацию. С 1925 года представитель польского Генерального штаба в Константинополе (Турция). Один из создателей структуры Прометеевского движения. После советского вторжения в Польшу 17 сентября 1939 года переехал в Румынию. В августе 1944 года уехал в Турцию, затем в Египет. С 1947 года в эмиграции в Великобритании, организатор Лондонского института имени Юзефа Пилсудского и Лиги независимости Польши, с 1957 года президент ее Высшего совета. В 1949 году он восстановил группу «Прометей», которой он руководил. Скончался 26 июня 1971 года в Лондоне. Похоронен на лондонском кладбище Саут-Иллинг.

⁵ Джабаги (Джабагиев) Вассан-Гирей Ижиевич ((1882.05.02 – 1961. 10.18), Ингушский просветитель, социальный мыслитель, один из лидеров освободительного движения народов Северного Кавказа. Председатель Парламента Северокавказской Республики (в 1918-1919 гг.).

⁶ Текст выступления Ираклия Церетели был тогда опубликован в газете грузинских соц.- демократов, «Брдзола» (Борьба). См. «Доклад Каки Церетели», // “Эртоба”, № 165, Воскресенье, 8 октября 1917 г. (На груз. Яз.).

⁷ Надзаладеви, жилой район рабочих в Тифлисе.

⁸ Чхеидзе Николай (Карло) Семенович, (1864.04.09 – 1926.06.13); Виднейший социал-демократ XX века, один из основателей Грузинской Демократической Республики (1918-1921 г.г.); Председатель фракций РСДРП в Государственной Думе III и IV созывов, Член Учредительного Собрания Грузии (1919-21 г.г.) После большевистской оккупации Грузии, с 18 марта 1921 года – политический эмигрант.

Чем интересно сегодня мнение Ираклия Церетели, высказанное им в Тифлисе 6 октября 1917 года? Какая именно его мысль, высказанная более чем столетие тому назад значимо для сегодняшнего читателя?

Описания этого непростого участка времени (с марта по июль 1917 г.) Церетели касается и позднее, в иных своих текстах,⁹ однако, именно в приведенной ниже своей речи в Тифлисе он беседует с однопартийцами на удивление открыто; Он (1) четко обрисовывает созданное в первые месяцы после Революции сложнейшую картину распределения общественных сил по всей России; (2) ясно (для непредвзятого слушателя) показывает все реально существующие пути достижения (с учетом положения в стране) жизненно важных целей партии Социал – Демократов; (3) доказывает необходимость создания коалиционного правления в России, как оптимального для того времени пути достижения целей партии; (4) показывает губительность для Партии отстранения от ответственности принятия участия в управлении процессами в государстве, губительность ухода партии в «глухую» оппозицию; (5) обосновывает необходимость вступления РСДРП в ситуативное единство (другими словами участие Социал – демократов в коалиционном правительстве) с существующей буржуазной Властью;¹⁰.

Отношении партии к этому важнейшему вопросу – **в частности, вопросу о губительности для партии отдаления от ответственности принятия участия в управлении процессами в государстве**, – описывает Ражден Арсенидзе в своих «Беседах», опубликованных ниже. Однако, из-за значительности вопроса я считаю нужным привести - еще и здесь – ту часть текста из бесед, где Арсенидзе, - на «внутригрузинском» примере - доходчиво излагает «расклад сил» в партии, по отношению к вопросу: Приходить – ли партии во Власть или все-таки подчеркнуто остаются в «стороне».

Арсенидзе: *«Акт Независимости [Грузии 26 мая 1918 года в Тифлисе] читал Жордания, потому что он был председателем Исполнительного комитета Национального Совета, от имени которого мы объявили независимость. И когда заседание это, после объявления независимости, выбирало правительство, то он [Жордания] не захотел войти в правительство, а вошел и первым Председателем был Ной Рамшвили. Через месяц нам захотелось его сменить - это была инициатива Ираклия Церетели. Он [Церетели] был председателем фракции, и он настаивал на том, чтобы Председателем Правительстве был лидер Партии»¹¹.*

Фракция защищала иной взгляд: Мы предполагали что, видите ли, если правительство проявит, так сказать, своеволие, то бы мы могли их, в случае чего и отозвать. В таком случае нам удобнее иметь не Жордания во главе правительства, а других: тогда кандидатов на председательство было у нас несколько человек: и Гегечкори, и Чхенкели, и Девдариани - все они могли бы быть председателями. Так что фракция думала, что мы тогда это правительство будет иметь в своих руках и в случае чего можем даже сменить.

Ираклий Церетели настаивал на обратном: Раз мы объявили Независимость, партия всю свою силу должна вложить в это дело, весь свой авторитет. Он приводил тогда пример Западной Европы как образец, как аргумент. Он настаивал на том, что Жордания должен стать во главе правительства; «Это значит, что во главе стоит вся партия! Если мы провалимся, то проваливается вся партия. Никаких разговоров не может быть!». Вот на этой почве, таким образом, он сначала убедил Жордания, чтобы он вошел в правительство.

Жордания же предпочитал сидеть в Совете Рабочих депутатов председателем и оттуда диктовать. Но Ираклий настаивал, что «Нет, это не полагается, чтобы он диктовал оттуда. Нам все это будет хуже. Пускай вся партия, как таковая, берет на себя ответственность в лице своего лидера». Таким образом, кажется, уже 21 июня, мы сменили в министерстве Рамшвили и посадили Ноя Жордания во главе правительства.

Хаймсон: *Я бы хотел немножко углубиться в этот вопрос. Что значат те предположения, которые имела фракция вообще и Жордания в особенности, чтобы он не стал Председателем Совета министров? Это был вопрос ответственности? Что, партия не хотела отвечать?*

Арсенидзе: *Видите ли, это была борьба за то... Видите ли, мы еще не были опытными политическими государственными людьми! Так вот фракции - у нас была огромная фракция - фракции хотелось иметь возможность держать правительство в «своих*

⁹ См. Церетели, Ираклий // Воспоминания о Февральской революции. Париж. 1962.

¹⁰ «Имея целью спасти и Революцию, и сам пролетариат, мы считаем обязательным действовать тактическими ходами даже если ради этого нам придется жертвовать своей популярностью», заявил Ираклий Церетели. См. стр. 10.

¹¹ Подчеркивание текста везде (если нет к.л. особого замечания) наше. Изд.

руках», чтобы правительство выполняло действительно волю фракции, решения фракции. Если во главе [правительства Грузии] стоит Жордания, и если...

Хаймсон: Тогда Вы должны конечно, подчиниться?

Арсенидзе: ... тогда, понимаете, унижить его авторитет, это значит унижить и авторитет всей партии! А мы так хотели, чтоб своих людей оценить могли. И раз такие соображения родились, то долго шли об этом споры, несколько недель шли эти споры, именно потому что отношения фракции и правительства в такой форме многим казались наиболее подходящими. А Ираклий Церетели настаивал на обратном.

Как видите, и он провел свое. Сначала нужно было выбрать Жордания, но Жордания тоже был против, он не хотел войти в правительство. Он предполагал, что ему лучше сидеть в революционных организациях, где он был полным хозяином. А у нас было еще и другое намерение: чтобы революционные организации не вмешивались сами в судьбу, в жизнь нашего правительства, а, наоборот, поддерживали бы его. И если Жордания становился Председателем и там и тут, то таким образом сливались две власти, получалось единство работы к единство политического действия обеих организаций - правительства и революционной организации...

Хаймсон: Я бы хотел узнать следующее...

Арсенидзе: ... Это [выборы Жордания Председателем Правительства Грузии] было проведено исключительно по инициативе Ираклия Церетели.»

Хаймсон: Я бы хотел узнать следующее: играл ли в этом роль идеологический момент? Это значит, что в конце-концов этот буржуазный режим¹²?

Арсенидзе: Нет, нет, это не играло роли. Потому что есть доказательство этому, что не играло! Когда Ной Жордания вступил в правительство, то он даже не сделал никакой декларации. Заявил, что эта перемена не имеет значения; декларация, сделанная раньше, остается в силе. Так что политического момента здесь не было.

Хаймсон: Я понимаю. Но до этого? До этого момента, это значит до того, как они воздерживались это сделать? Это играло роль? Этот идеологический момент? Что мы должны это понять?

Арсенидзе: Нет, нет, этих вещей не было! Видите ли, фракция хотела иметь сильное влияние на правительство - вот и все! Только в этом отношении, только в этой плоскости была борьба, а не в плоскости каких-нибудь идейных разногласий. Впоследствии нам, фракции социал - демократической партии, пришлось тоже несколько раз приглашать Жордания во фракцию и разбирать все действия его министров и давать ему указания. Он энергично этого послушался. Мы растkritиковали некоторых министров, которые делали такие шаги, которые еще не были одобрены Парламентом, и говорили Председателю [Жордания], что «Вы обязаны и должны подчиниться решению фракции». И это, по-моему, было правильно. В этом нам еще пришлось убедиться».

Вернемся к тексту выступления Церетели 6 октября 1917 года.

Мысли Церетели, высказанные на этом совещании являются составными частями концепции партии грузинских Социал - демократов, суть которой вкратце состоит в постоянном стремлении поисков путей достижения целей Революции в первую очередь не-революционными средствами¹³. Иными словами: При осуществлении революционных изменений в общественной жизни, в первую очередь следовало выбирать такой путь, осуществление которого не потребовалось бы проведение над населением революционных, насильственных, «шоковых» социальных экспериментов.

Эта мысль Ираклия Церетели, по нашему убеждению, полностью сохраняет свое положительное значение и сегодня, по прошествии более столетия.

¹² Так в тексте. Изд.

¹³ См. Пространно об этом статьи Ираклия Церетели: «Исторические письма депутата Ираклия Церетели: 1. Превращение федералистов в социалистов-революционеров; 2. Социал-демократы или социалисты-революционеры?». Тип. И. Киладзе и И. Хеладзе, Кутаиси, 1907 г., (на груз. яз.) Русский перевод см. А. П. Ненарокова и Ир. П. Якобашвили // Ир. Г. Церетели об исторических корнях российского социалистического движения и грузинских социалистах-федералистах; Сборник: Власть и общество в Первой российской революции 1905–1907 гг. Документальные свидетельства / отв. ред. П.Ю. Савельев. М., 2017 г. С. 325–379.

Именно учитывая концептуальный характер текста «тифлисского» выступления Церетели, мой учитель, Альберт Павлович Ненароков, вероятно лучший знаток истории российской Социал-Демократии, в 2015 году поручил мне перевести текст этого выступления Церетели на русский: Альберт Павлович решил включить русский перевод текста Церетели в третий том готовившегося в издательстве РОССПЭН трехтомника, посвященного газетным публикациям современников революции 1917 года.¹⁴ Отредактированный им текст перевода был одобрен редколлегией сборника, текст перевода был вставлен в издательский макет, однако, в последнюю минуту (летом 2017 года), по не зависящим от нас причинам и несмотря на резкий протест Альберта Павловича, текст выступления Церетели был изъят из готового макета третьего тома издания. Раздосадованный до крайности таким, никак не оправданным решением, Альберт Павлович поручил мне, при первой – же возможности напечатать, - и, тем самым ввести в научный оборот, - перевод текста выступления Ираклия Церетели 6 октября 1917 года, - имеющий, по словам АП, *«важнейшее значение для понимания смысла решения Церетели поддержать идею создания в России в первые месяцы 1917 года коалиционного правительства, как и для понимания Его решения вступить членом в такое правительство»*.

Я рад данной мне возможности исполнить волю моего наставника.

Публикуемая здесь впервые на русском языке пространная статья Ноя Жордания *«Империализм под революционной маской: Ответ Троцкому»*, была издана в Париже, в 1922 году, на французском, английском и немецком языках, и распространена была тогда – же, в среде Европейской политической элиты того времени, в бытности автора уже в вынужденной политической эмиграции. Статья тогда-же была напечатана на грузинском, в грузинском эмигрантском издании¹⁵.

Статья Жордания является ответом на публикацию Льва Троцкого *«Между империализмом и революцией»*, изданной в феврале того-же 1922 года, в которой, впервые даны официальные оценки - с большевистской точки зрения - истории Грузинской Демократической республики (1917- 1921 гг.).

В своей статье Жордания, на основе привлеченных документов, опровергает большинство из доводов, высказанных Троцким; Жордания не ставит под вопрос правдивость одного явления, которого Троцкий оценивает как отрицательное, в то время как то-же явление Жордания оценивает как положительное.

О каком именно явлении идет речь?

По словам Троцкого, потерпев неудачу в строительстве в России госуларства, основанного на идеалах Февральской революции, Чхеидзе и Церетели *«просочились»* на Кавказ, пришли к власти в Грузии и, начали строить Государство, основанное на тех-же идеалах Февраля уже в Грузии! *«Роль, которую Чхеидзе и Церетели исполняли в Петрограде in folio, они продолжают на Кавказе in octavo»*, пишет Троцкий.¹⁶

Павел Аксельрод, обращаясь 5 октября 1920 года к ЦК Грузинской СДРП, в связи с посещением Грузии группой вождей Интернационала¹⁷, сравнивая страну, построенную большевиками в России с властью, построенной грузинскими Социал -демократами в Грузии, писал, что *«в то время, как большевистские захватчики государственной власти [в России] удерживают ее в своих руках только ценой насильственной ликвидации демократических завоеваний февральской революции, террористическим подавлением всякой, самой мирной оппозиции и варварским разрушением самых основ современного прогресса, социалистический пролетариат Грузии господствует политически, в силу своей положительной, творческой работы, над упрочением и дальнейшим развитием демократического строя и всенародного признания этой его творческой революционной миссии»*¹⁸.

Аксельрод особо отмечает, что пришедшие к власти в 1918 году в Грузии грузинские социал – демократы, *«в противоположность большевикам, достигли власти не при помощи военного заговора, преступной демагогии и прямого обмана рабочих масс, а лишь в силу того факта, что социалистический пролетариат всем своим развитием в дореволюционное время подготовлен был к*

¹⁴ *«Революция 1917 года глазами современников»* // Изд. РОССПЭН, М. 2017 г. В 3-х тт.

¹⁵ См. Журнал «Свободная Грузия», № 25. 1922. Стамбул.

¹⁶ Кстати, автор, как видно, до того в восторге от своей находки, что в тексте из 36.000 слов это идиоматическое выражение он употребляет 4 (четыре!) раза.

¹⁷ См. Телеграмма П.Б. Аксельрода ЦК Грузинской СДРП в связи с посещением Грузии группой вождей Интернационала // «Пусть горит свеча»; Сб. Памяти доктора ист. Наук, проф. Альберта Павловича Ненарокова. Стр. 402-404.

¹⁸ Телеграмма П.Б. Аксельрода ЦК Грузинской СДРП в связи с посещением Грузии группой вождей Интернационала. /газ. «Борьба», 5 окт. 1920 г. № 225 (780); См. «Пусть горит свеча». Сб. статей и материалов, посвященной памяти докт. Ист. Наук, профессора А.П. Ненарокова. М. РОССПЭН. 2021. Стр. 402-403.

роли общепризнанного организатора и вождя всех демократических слоев в период революции»¹⁹.

Вслед за П.Б. Аксельродом, все, без исключения, демократические круги того времени воспринимали построение в Грузии (и задействие в 1918-1921 годах) государства на демократических завоеваниях Февраля 1917 г., как однозначно положительное явление, которое, кстати, следует поставить в заслуги грузинским Социал-Демократам²⁰; Большевики признавали такое государства в Грузии в 1918-1921 годах, однако, оценивали ее как явление однозначно отрицательное.

Аннексировав Грузию в 1921 году физически, большевики сразу почувствовали резкое недоверие к ним практически всего населения Грузии. Именно эта высокая степень недоверия, вероятнее всего заставило Советскую Власть постараться оправдать аннексию Грузии, обосновав оккупацию Грузии еще и теоретически.

Именно это была главенствующая цель, стоящая перед Троцким: – любыми средствами оправдать необходимость вторжения большевистской армии в Грузию силой оружия, оправдать оккупацию страны, с которой, всего десять месяцев тому назад, 5 мая 1920 года официально подписала Мирный Договор.

В 1932 году Троцкий, в крайне унижительной форме вышвырнутый как из его родной партии, так и из его родного СССР, при жизни вычеркнутый из истории созданной ими страны, довольно остроумно, кстати, напишет, что «*Официальная история партии [большевиков] и революции представляет собою сейчас свиток, исписанный во всех направлениях разными писцами, мало заботившимися друг о друге, отчасти – одним и тем же писцом, мало заботившемся о том, что им написано вчера*²¹».

Видел – ли Троцкий себя одним из тех творцов исписанного «по всем направлениям» свитка истории созданной им – же партии? Искавший в эмиграции путей если не примирения с грузинскими Социал - демократами, но, хотя бы капли от них к себе сочувствия, осознавал ли он в 1932 году, загнанный в «медвежий угол», неприемлемый уже как для меньшевиков, так и для всех демократических кругов Европы; – себя, тем самым плодовитым «писцом», по его-же словам «*мало заботившемся о том, что им написано вчера*»?

Этот непростой вопрос для меня все еще остается без однозначного ответа.

Публикуемая нами статья Жордания 1922 года (как и подобные ему иные, неудобные Советской власти издания) для жителей советской Грузии была официально недоступна. Волею судеб текст этой статьи Жордания оставался неизвестным и в пост-советское время; насколько мне известно, эта, важная для истории Грузинской Демократической Республики статья, вплоть до сегодняшнего дня крайне редко цитируется как грузинскими, так и зарубежными исследователями истории Грузинской Демократической Республики.

Именно учитывая столь плачевное положение дела изучения и издания первоисточников по истории Грузинской Демократической Республики (1918-1921 гг.), так и времени изгнания политических лидеров независимой Грузии, времени их проживания в вынужденной эмиграции (1921-1960 –е г.г.), нами (среди прочего) были подготовлены к изданию указанную статью Жордания; Изданием статьи Жордания хочется создать основу, некую «*исходную точку*» для начала академической полемики о аргументах, высказанных Троцким и Жордания касательно истории Грузинской Демократической Республики. Надеемся, наша публикация содействует началу упомянутой научной полемики.

Следует добавить и то, что автограф рукописи статьи на русском языке сохранился в личном архивном фонде Жордания²², и на русском языке публикуется впервые.

Мы решили опубликовать в сборнике текст официального обращения (по всей вероятности генерала Александра Гедеванишвили) к представителям Держав Согласия (Entente). Текст должен быть составлен и передан командующему английского военного представительства в Батумском округе, в первые дни его вступления в должность в Батуме (это конец 1918 года).

На первой странице документа сохранилась карандашная резолюция (на грузинском): «*Меморандум об истории и значении Батума и батумской области и о стремлении и причинах*

¹⁹ Ibid.

²⁰ См. Напр. *Kautsky, Karl // Georgien. Eine sozialdemokratische Bauernrepublik: Eindrücke zu Beginn des 20. Jahrhunderts.* Wien, 1921.

²¹ Троцкий, Л.Д. *Сталинская школа фальсификации.* Берлин, 1932. Стр. 9.

²² Фонд 2113 // Личный архивный фонд Ноя Жордания/ Нац. Исторический архив Грузии.

Турции захватить Батумскую область». Подписанный генералом оригинал письма, по всей видимости, был отправлен адресату, в грузинском архиве сохранился лишь отпечаток документа.

Важность издаваемого впервые перевода текста письма на русский, заключается как в его информационной насыщенности, так и в однозначно ясно выявленной автором письма позиции правительства Грузинской Демократической Республики по отношению к историческим явлениям, происходящим в Грузии (в Батумской области, в частности), в предшествовавшем дате написания письма, так и кратким, и одновременно емким, в смысловом значении, рекомендациям концептуального характера, выраженных в виде искренних напутствий Командующему, в день его вступления на новую должность.

Вопрос всестороннего изучения значения Батума и батумской области для истории Грузинской Демократической Республики имеет сравнительно короткую историю. Научные исследования, осяцающие все основные стороны т. н. «Батумского вопроса» начаты в последние 20-30 лет. Многие вопросы – по причине недоступности для специалистов документов того времени – все еще остаются неисследованными. Значение и ценность издаваемого документа именно в этом: в представленном меморандуме впервые в стройном ряду приводятся ряд важных сведений о истории Батумской области, изложенных ясным, доходчивым языком. Текст должен послужит полезным введением в вопрос «Батумской области» для тех, кто заинтересован понять смысл и характер сложностей, доставшейся населению края, со времен позднего средневековья вплоть до 1919 года.

Два из издаваемых документов связаны с Грузино – Польскими политическими отношениями. Представленный текст состоит из двух документов, составленных Тадеушем Шецелем, Председателем «Польской группы «ПРОМЕТЕЯ», одного из лидеров и организаторов Движения Прометеизма в 20-30 г.г., и присланных им в Заграничное Бюро Социал-Демократической Партии Грузии (в эмиграции). Важность, ценность документов, выявленных нами в Национальном Архиве Грузии несколько лет тому назад, в том, что, как видно, это первые из известных Прометейских документов, составленных в 1951 году, то есть принадлежат они наименее изученному, послевоенному, как выяснилось, - финальному периоду истории Движения Прометеизма²³.

Документы привлекли наше внимание еще и тем, что посвящены они основополагающим, концептуальным вопросам Прометеизма, отражающим драматические перемены, происшедших после окончания Второй Мировой войны (в частности, в Восточной Европе).

Первый из двух опубликованных документов – это письмо Тадеуша Шецеля в Заграничное Бюро Социал – Демократической партии Грузии (в Париж). В письме Шецель призывает Бюро, «с давних лет принимающему участие в движении», рассмотреть текст Декларации и поддержать польскую группу в возрождении Движения, с учетом политических реалий, сложившихся в Европе после - (как и – «в следствии») Второй Мировой войны и «высказаться по поводу прилагаемой декларации». «Полученные ответы – по словам Шецеля - будут служить базой, исходя из которой можно будет выработать такие формулировки, которые могли бы быть приняты всеми как общий объединенный фронт Прометейского движения». «Эти формулировки – по мнению автора письма - были бы основанием для согласованных выступлений извне всех Прометейских центров» (30).

Цель Декларации (приложенной к письму) изложена в начале письма: это иницировать «создание основы для согласования взглядов на перемены, которые произошли в международной обстановке и в политических условиях прометейского движения со времени начала второй мировой войны». Для достижения изложенной задачи, лидер польской группы считает, что «координация взглядов и мнений является необходимым для того, чтобы деятельность отдельных частей движения выходила из одинаковых постулатов и шла бы параллельными путями».

Для понимания степени изменения видения места Движения и его общественно – политических целей в послевоенном обществе (в частности в 50 –х г.г., XX века.), по нашему мнению, следует кратко, сжато, схематично, обрисовать видения места Движения и его общественно – политических целей в довоенном обществе (в частности в 30 –х г.г., XX века)²⁴.

Итак, - после завершения Первой Мировой Войны, распада великих империй и образовании целого ряда национальных, автономных независимых единиц, по мнению Движения, европейские государства начали приравниваться к пробуждавшимся в мире национальным самосознанием угнетаемых народов; часть из таких государств начали создавать систему доминионов, связанных с

²³ В отличие от целого ряда блестящих публикации документов, как и исследований, посвященных истории Движения Прометеизма 20-30 годов XX в., - насколько мне известно, документы, описывающие участок истории Движения «Прометеизма» после Второй Мировой войны, не опубликованы: Я с искренней благодарностью приму весть о изданных документах, посвященных Движению в послевоенное время.

²⁴ Я привожу, в основном воззрения на этот исторический отрезок времени, грузинских участников Движения «Прометеизма», которые мало в чем отличались от воззрений на тот – же исторический период; В ближайшее время я готовлю к публикации более развернутую, - основанную на архивных документах, - редакцию этих воззрений. Изд.

Метрополией на основе Короны (напр. Англия), в этом направлении и начали развиваться другие Европейские страны со своими колониями (как и кстати, США, напр. предоставившая независимость Филиппинам).

Только СССР, по мнению Движения, стал исключением из этого общего процесса, где нац. меньшинства прикованы были к московскому государству путем насилия и террора со стороны большевиков; постоянная скованность этих не-русских народов создало в Советском Союзе центробежные силы, постоянно, системно подтачивающие, - по мнению Движения, - единство СССР, в стране, где большинство населения ждало момента, когда при первом подходящем толчке извне (или изнутри), сбросит ненавистное иго и объявить себя независимыми.

По мнению Движения, этот толчок извне мог прийти в результате обострения противоречий между СССР и к.-л. великой державой. В этой плоскости следовало Движению рассматривать события, происходящие на Западе и на Востоке.

В Европе рассматривались страны, довольные (Франция, Англия) и не довольные своим положением страны, напр. Германия или Италия, замкнутые в своих тесных границах и все больше обращающие свои взоры за пределами Европы, где уже ни Италии, ни Германии нечего завоевывать.

«Drang nach Osten» Гогенцоллернов подразумевал владение Балканами и Турецкой империей. После реалей, созданных в Европе вследствие Версальского Договора, «Drang nach Osten» Германии Национал-Социалистов уже подразумевал завоевание не Балкан и Турции, но именно большевистской СССР. Направить Германию от Европы на большевиков были остро заинтересованы все те Европейские страны, которым потенциально угрожала Германия.

Стравив Германию с СССР, Европа была заинтересована получить до такой степени ослабленную Москву, чтобы она больше никогда не смогла бы завладеть Константинополем, выйти на Средиземное море и угрожать Европе не только с Востока, но еще и с Юга. Единственным барьером выхода СССР на владение проливами, - а затем и на юг Европы - был, по мнению Движения, объединенные в конфедеративный союз независимые страны Южного и Северного Кавказа, подобно независимой Румынии и Болгарии, созданных барьерами между Германией и СССР.

На другом конце СССР, на Дальнем Востоке поднимающая «с колен» Япония заинтересована была создать буферные для себя новые нац. государства на территории СССР, объявляя лозунг «Азия – для Азиатов». Интересы Японии на Дальнем Востоке, по мнению Движения, прямо совпадали с национальными движениями поработанных народов ССР, проживающих на Дальнем Востоке; Автономия Сибири, свободная Монголия и свободный, объединенный Турккестан являлись, по мнению Движения, также гарантиями для безопасности Японии от нападения России. Свобода Туркестана совпадала и с интересами Англии, как барьер между Россией и Индией, на подобие Афганистана.

Таким образом, Германия, Италия и Япония, по мнению лидеров Прометеизма, должны были быть заинтересованы в поддержке Движения, стремящегося освободить поработанные народы Кавказа, Туркестана и Вост. Сибири. То есть недовольные создавшимся в 20-3-х г.г. положением эти державы вынуждены были бы искать выход своим экономическим силам за счет (распада) СССР, освобождении поработанных народов СССР и создании на части бывшей СССР независимого Кавказа, независимого Туркестана и независимых стран на терр-ии Восточной Сибири.

Следовательно, «Движение» отмечало, что интересы Германии, Италии и Японии и интересы поработанных народов СССР и ее соседей в 30-х годах XX века двигались по одной и той-же линии. Сойдутся – ли окончательно или разойдутся эти интересы – зависело, - по мнению «Движения» - от дальнейшей политики этих держав²⁵.

После окончания Второй мировой войны реалии – как в Европе, так и в Мире пошли иным путем. В письме 1952 года Тадеуш Щецель, в общих чертах излагает свое видение создавшегося политического положения стран Восточной Европы, после Второй Мировой Войны. В результате Войны, пишет Щецель, *«вся Средняя Европа очутилась во власти России. Народы, которые до 1939 года развивались в условиях независимой жизни, находятся сейчас в рабстве, подобно как и народы, которые вторично были поработаны Россией после Первой Мировой Войны»* (стр. 31). *«Победа Польши в 1920 году – по мнению Щецеля – «задержала империалистическую экспансию России на Запад, но она, однако, не принесла освобождения тем народам, которые повторно были захвачены Москвой.»* (32).

Щецель справедливо отмечает, что *«Вторая мировая война выявила также, что цели и стремления Держав и Прометейских народов были различны. Выявила она и факт игнорирования*

²⁵ Хотя, Движение отмечало, что ни один народ СССР не хочет освободиться от одного иго для того, чтобы подпасть под другое иго.

Державами [- победителями, то есть Англией, Францией и Америкой] принципов, провозглашаемых ими самими-же во время развития военных действий [против Гитлеровской Германии и на Нюрнбергском Процессе].» (32). Можно согласиться с автором, что «Во многих эмигрантских центрах [Восточной Европы] утвердилось убеждение, что единственным путем ведущим к освобождению, является путь подчинения Державам или же пассивное ожидание развития событий, ибо эти только державы в состоянии решать судьбы народов и мира».

По мнению Шецеля, «Союз Западных держав с Советским Союзом, создаваемый в в огне борьбы с Германией, оказался вскоре пагубным для Западных держав». Шецель пишет, что, «Желая найти противоядие против угрожающих последствий этого союза, они [Западные Державы] стараются восстановить мощь Германии и Японии» .

Нельзя не согласиться с оценкой Шецеля послевоенного Запада, который, руководимый оппортунизмом, «отказался от значительных пространств западной цивилизации, отдавая в добычу Москве не только те народы, которые во время войны принуждены были к сотрудничеству с врагом, но даже и те, которые в лошальном сотрудничестве с Западом, во имя провозглашаемых им лозунгов, понесли огромные жертвы людьми и достоянием.» (32)

На основе приведенного вывода, Шецел заключает, что «На Западе нет также и понимания того, что в этой части мира [то есть в Восточной Европе] нельзя достичь долговечного спокойствия путем создания равновесия между сильной Россией и сильной Германией и что это спокойствие может быть достигнуто только путем добровольных союзов между свободными народами. Ибо союзы эти являются, не только восстановлением исторической справедливости, но равно гарантируют и безопасность в случае возрождения концепции германо – русского союза».

Послевоенная История показала, что Европейские страны – победители и не думали после 1945 года оставлять Германию на «произвол Судьбы», - как это произошло после Первой Мировой войны; Сразу-же, по завершении войны, побежденные Япония, Италия и Германия (за исключением части Германии, оставшейся под контролем СССР), военно - политически, финансово, идейно были срочно и прочно интегрированы в военно – политический блок, созданных США и Западно - европейскими странами, с учетом возникших послевоенных реалий.

Упомянутые в Декларации Шецеля «страны Ближнего и Среднего Востока», в частности, одна из важнейших стран «Среднего Востока» – Турция, также, сразу – же, по окончанию войны, была прочно интегрирована Европейскими странами и США в тот-же военно – политический блок.

Незамедлительными были и шаги СССР; доставшиеся ему после войны страны Восточной Европы были интегрированы - в противовес странам Западной Европы, - в восточноевропейский военно-политический блок.

Мир, в результате, на долгое время стал «двуполярным».

Таким образом, упомянутые в Декларации «Объединение Прометейских народов», вследствие решительных шагов властей Европы и США с одной стороны, и СССР с другой, не оставили никакого политического пространства для полноценного возрождения Движения Прометеизма на территории Восточной Европы.

Именно эти факторы, по нашему мнению, сделали практически невозможным «Объединения Прометейских народов на обширных пространствах, тянущихся от Балтийского моря и восточных границ Германии к бассейну Дуная и далее к Черноморско-Каспийским берегам и в своей южной части опирающихся на страны Ближнего и Среднего Востока»; Именно поэтому не смогла она стать «несокрушимой гарантией их независимого существования и мощным основанием равновесия в этой части мира».

Более того: Однозначно отказавшись от «горячей войны» с невероятно окрепшим (морально и физически) Советским Союзом, Европа начинает против СССР «холодную войну», одним из проявлений которой явилась начавшаяся в начале 50—х годов функционировать радиостанция «Освобождение», имеющая целью постоянное информировании, подпавшей под строжайшую политическую цензуру населения республик СССР и стран «Социалистического лагеря».

Именно для этой цели была созданы на Радио «Освобождении» «национальные» редакции, вещающие нецензурированные сведения со всего мира на языках стран Восточной Европы и национальных языках стран СССР²⁶. Тем самым, Радиостанцию «Освобождение» (включая национальные информационные радио службы) можно рассматривать как составную часть именно политической (не военной!) составляющей Военно – Политического блока США и Европейских стран.

²⁶ По состоянию на октябрь 2018 года, вещание «Radio Free Europe/Radio Liberty» ведётся на 26 языках на 23 страны Восточной Европы, Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока

В начале 50-х годов, при создании национальных служб радиостанции, подавляющее большинство из привлеченных на службу сотрудников, состояло из политических эмигрантов из стран СССР и стран «Восточного блока». В частности, первым руководителем грузинской службы «Радио Освобождения», был назначен Ражден Арсенидзе, который, кстати, уже начиная с нач. 20-х г.г. постоянно и обоснованно позиционировал себя сторонником иного - концептуально отличного от «Прометеизма» - пути освобождения поработенных народов СССР и стран «Восточного Блока» от большевистского ига. Надеемся, в ближайшее время опубликовать основанное на документах исследование, посвященное этому – отличному от «Прометеизма» политического пути.

Думается, именно этот, иной путь, оказался приемлемым организаторам при основании службы «Радио Освобождение».

Знакомясь с намеченными целями Движения в послевоенный период времени, безусловно, нельзя не обратить внимание на стремление лидеров Прометеизма *«утвердит в народах, пребывающих сегодня под гнетом Советской России, уверенность, что в единстве «вольных с вольными и равных с равными» содержится цель, к которой неуклонно стремится нам надлежит».* Размышляя об идеальном политическом обустройстве послевоенного Мира, идея «Единства вольных с вольными и равных с равными» между странами видится, безусловно, весьма заманчивой.

Провидческой звучит для XXI века и мысль Тадеуша Щецеля: *«Характер усилий, потрясающих человечество, говорит о том, что конечная победа будет решена не материальной силой, находящейся в распоряжении каждой из сторон, но прежде всего, человеком. Ружье и танк, машина, подводная лодка или самолет, снабженный атомной бомбой, обслуживаются человеком и результат столкновения будет зависеть от того, как он будет вести себя. (...) Прометейские народы, многократно разочарованные в своих надеждах в отношении Западных держав, должны утвердиться в убеждении, что наиболее мощным оружием в их руках является солидарность их действий, которая увеличит их силу сопротивления и претворит их в веский независимый фактор в международных отношениях».*

Наконец, следует обратить внимание на слова Тадеуша Щецеля, сохраняющие актуальность и сегодня, в дни ведения властями сегодняшней России тупой, захватнической войны против независимого украинского государства; По мнению Шетцеля *«Не может подлежать сомнению, что цели Прометейского движения были бы более легкими для достижения если бы в русском народе произошли более глубокие перемены, если бы Прометейский дух очистил русский народ от вековых традиций - результатом которых является рабство завоеванных Россией народов; Настоящее освобождение самого русского народа может быть достигнуто только путем победы прометейской идеи» (30).*

Учитывая все возрастающий интерес историков республик Северного Кавказа, так и повышение интереса научных кругов зарубежья к истории Национально – Освободительных движений народов Северного Кавказа, мы решили опубликовать в сборнике текст ингушского просветителя, социального мыслителя, политического и общественного деятеля, бывшего Председателя Парламента Северокавказской Республики, одного из наиболее видных фигур в постреволюционной кавказской эмиграции, Васан-Гирей Джабаги (Джабагиева), посвященный истории провозглашения независимости Республики Северного Кавказа.

Истории, рассказанные самим участником истории всегда обладают особой ценностью; такие тексты всегда содержат элементы, передающие такие стороны явления, которые по определению недоступны для историков, изучающих исторические явления по книгам и документам. Такими интересными элементами полон текст Васан – Гирей, человека, на себе пережившего как всплеск дела освобождения народов Северного Кавказа, так и его движение по нисходящей. Все эти явления, описанные автором в строго академическом виде, все – же содержат элементы, которых замечают, чувствуют только – лишь очевидцы. Чего стоит хотя - бы рассказ господина Джабаги о восстановлении Северо - кавказской Республики (после длительной борьбы Вооруженных Сил Юга России (ВСЮР) с Союзным Советом Северного Кавказа) и привлечение в управление страной нескольких так называемых «правителей» из числа преданных царизму генералов из северокавказцев. *«В сущности, - пишет господин Васан-Гирей - эти «правители» были подставными лицами, с которыми командование Добровольческой армии совершенно не считалось».*

Васан – Гирей обращает внимание читателя к словам Английского представителя при ВСЮР, полковника Раулинсона, призывавшего в сентябре 1919 года ингушей, чеченцев и дагестанцев, сражавшихся в то время с войском «Добровольцев», прекратить борьбу за свою свою независимость и подчиниться генералу Деникину во имя восстановления *«Единой и неделимой России».* *«В противном случае, - говорилось в воззвании – Союзники вас будут считать своими врагами».*

Ценным воспоминанием следует рассматривать сведение г. Джабагиева о стремлении руководства армии Деникина по возможности широко распространить по всему Северному Кавказу это Воззвание. Вместо использования военной авиации (полученной ВСЮР от стран Антанты в дар именно для эффективных военных действий против большевиков), армия Деникина использовала военную (!) авиацию для распространения листовок с Воззванием среди кавказцев; Тексты Воззвания *«даже сбрасывались с аэропланов [ВСЮР] в ряды сражающихся ингушей»*, вспоминает Васан-Гирей.

Еще одна причина публикации нами текста В. - Г. Джабагиева, это его значимость – и вместе с этим – труднодоступность; ведь текст издан в эмиграции, незначительным тиражом, что и является основной причиной его неизвестности для подавляющего большинства специалистов по политической истории независимых стран Северного Кавказа в первой четверти XX века.

Во второй части представленного издания помещена так называемая «расшифровка» бесед вероятно самого известного на Западе историка российской Социал - Демократии, проф. Леопольда Хаймсона²⁷ с одним из основателей Грузинской Демократической Республики, министром юстиции Грузинской Демократической Республики в 1919 - 1921 гг., интеллектуалом, одним из авторов Конституции Грузинской Демократической Республики, Ражденом Арсенидзе²⁸.

Несколько слов о самом тексте бесед.

Судя по машинописным записям, сохранившихся в личном архиве Раждена Арсенидзе, упомянутые беседы были записаны 21, 25, 26, 27 и 28 июля (еще две записи сделаны в не датированных июльских днях), как и также 10 и 11 сентября 1961 г; Пять дополнительных интервью были записаны в течении нескольких, точно не указанных дней октября того – же 1961 года. Несколько бесед состоялись (и были записаны) в августе 1963 г; Беседы, судя по примечаниям Л. Хеймсона в печатном тексте, проходили в Мюнхене, вероятно в Radio Free Europe, в бытности Арсенидзе (в 1953 – 1963 гг.) первым руководителем Грузинского Бюро RFE/RL.

На примере представленного текста беседы Хаймсона с Арсенидзе видны этапы работы по подготовке издания. Первый этап работы заключалась в беседе: Интервьюер (в данном случае Леопольд Хаймсон) задавал вопросы респонденту (в данном случае Раждену Арсенидзе) и получал от него ответы. Беседа записывалась на магнитофонную пленку; Второй этап состоял в «расшифровке» магнитофонной записи и печатании расшифрованного текста на печатной машине; Третий этап состоял в отсылке печатного текста респонденту, для внесения им необходимых исправлений и дополнений; На четвертом этапе отредактированный респондентом текст отсылался интервьюеру; На окончательном этапе интервьюер переписывал текст бесед в повествование от лица респондента и отсылался в печать.

Текст пространных бесед Леопольда Хаймсона с Ражденом Арсенидзе нельзя именовать заурядной записью бесед журналиста с интересным собеседником. Известно и то, что *«наиболее важные интервью Хеймсон проводил сам»*²⁹. Этот текст скорее всего запись беседы высоко профессионального знатока истории Грузинской Демократической Республики с одним из создателей этой республики. *«Разработанная Хеймсоном специальная система вопросов акцентировала внимание интервьюируемых на узловых проблемах и событиях, очевидцами которых они были. Она должна была свести воедино различные свидетельства, мнения, комментарии, перекрестным путем подтверждая или опровергая бытующие в общественном мнении, а порой и в исторической науке, версии и оценки»*

²⁷ Леопольд Генри Хаймсон (1927 — 18.10.2010) был историком и профессором Колумбийского университета. Хеймсон получил докторскую степень по истории и социальным отношениям в Гарвардском университете в 1952 году. Он был преподавателем Чикагского университета с 1956 года. Он поступил на факультет Колумбийского университета в 1965 году в качестве профессора истории России и члена Русского института. В 1959 -1981 годах Он был директором межуниверситетского проекта по истории меньшевистского движения (Inter-University Project on the History of the Menshevik Movement) и научным сотрудником Центра перспективных исследований в области поведенческих наук Стэнфордского университета. Опубликовал множество книг и статей, специализирующихся на истории России, в частности меньшевистского движения.

²⁸ Арсенидзе, Ражден Матвеевич (1880.09.28 - 1965.05.24) Один из Отцов-Основателей Грузинской Демократической Республики, Министр Юстиции в правительстве Демократической Грузии. Один из авторов Конституции Грузинской Демократической Республики. Крестьянин духовного сословия. Закончил духовное училище и духовную семинарию (обе в Кутаиси) по Первому разряду. В 1912 году, после окончания Дерптского (Юрьевского - Ныне Тартусского) Университета по Первому разряду (с оценкой «Отлично»), возвратился в Грузию, начал службу в редакции партийного журнала «Квали» (сначала журналистом, затем редактором журнала); Интеллектуал, свободно владеющий несколькими европейскими языками, избранный член Учредительного Собрания Грузии, Арсенидзе был назначен сперва заместителем Министра, затем Министром юстиции независимой Грузинской демократической Республики; является одним из авторов Конституции независимой Грузии. С марта 1921 года – политический эмигрант. В 1921-1923 г.г. в Стамбуле, член «Политической Коммисии Стамбула, редактирует журнал грузинской эмиграции «Свободная Грузия» (на груз. яз.); с 1923 г. в Париже, занимает должность секретаря Заграничного Бюро СДРП Грузии; с 1925 г. редактор журнала СДРП Грузии «Борьба» (на груз. яз.); Редактирует журнал «Социалистическая мысль» (на груз. яз.); С 1949 г. сотрудничает с журналом «Наше Знамя»; в 1930-1960 годах публикует ряд научных исследований как по истории Грузинского Права, так и вопросам грузинской литературы. С 1951 года сотрудничает с изданием Грузинского Национального Совета, журналом «Борющаяся Грузия». С 1953 по 1962 г. – Глава грузинской редакции «Радио Освобождение» (позднее «Радио Свобода»). Скончался 24 мая 1965 г. Похоронен на кладбище грузинской легации в Левиль – сюр-Орж, близ Парижа).

²⁹ Ненароков А.П. Правый Меньшевизм. Прозрения Российской Социал – Демократии. М. Новый Хронограф. 2011. стр. 75.

30. Цель доктора Хаимсона – описать биографию Раждена Арсенидзе вместе (если угодно – «на фоне») политических явления, свидетелем или участником которых он, Ражден Арсенидзе был.

Вполне вероятно, Хаимсон подготавливал к изданию (думается, в той-же серии, что и воспоминания Ноя Жордания и Григория Уратадзе) и книгу воспоминаний Раждена Арсенидзе.

Арсенидзе, получив «расшифровки» записей 1961 и 1963 годов с текстами, исправляет напечатанный на пишущей машинке текст в 904 машинописных страниц, и по внесении исправлений, как видно, откладывает исправленный однажды текст, не отсылает их Хаимсону (возможно, собираясь еще раз пересмотреть ее?); В 1965 г. Ражден Арсенидзе скончался, возможно, так и не завершив полностью редакцию текста «Бесед»; Видно, поэтому Хаимсон, со своей стороны не смог, не успел довести текст «Воспоминаний» Арсенидзе до печати.

Что же касается дальнейшей судьбы рукописи Арсенидзе, то к 1999 году личный архив Раждена Арсенидзе, вместе с другими архивными документами деятелей Грузинской Демократической Республики, частью из Франции, частью из Гарвардского Университета, США, официально перевозится в Грузию, в Национальном Историческом Архиве Грузии (г. Тбилиси), где эти записи и находятся в открытом доступе, по сегодняшней день, в личном фонде Раждена Арсенидзе (фонд № 2127)³¹.

Полностью основываясь на фактическое положение вещей, я ставлю правообладателем т.н. «расшифровок» текстов «Бесед» (представляющих сегодня уже сами-по себе степень исторического документа) Центральный Исторический Архив Грузии - где сегодня официально находится на постоянном хранении правленная рукой Раждена Арсенидзе расшифровка текста бесед с Л. Хаимсоном.

Решив подготовить текст «бесед» к изданию, я взял на себя нелегкий, однако приятный труд по набору на компьютере текста «Бесед», внося в электронную версию кроме текста также все исправления, внесенными господином Арсенидзе, корректуре и технической части, необходимой для подготовки текста к печати. Местонахождение вероятно существующих магнитных лент с записями «бесед», мне пока ничего не известно.

Еще одно, необходимое замечание к текстам интервью с г. Арсенидзе. Респонденты, дающие интервью на не-родном (в нашем случае – на русском) языке, часто (хотя в разной степени) применяют разговорные формы родного языка, произнося составленные таким образом предложения на русском. Вполне естественно, что для русскоязычного читателя (слушателя) непривычно слушать (читать) тексты, выстроенные непривычным, нехарактерным для русского языка образом. Смысл произнесенного в такой непривычной форме, респондентом могут – в разной степени - затуманивать смысл ими произносимого; респондент, в таких случаях, иногда не может точно, однозначно выразить свою мысль, и это также может быть причиной «туманности» текста респондента. Доктор Хаимсон, создавая окончательный вариант текста, редактируя ее в виде монолога, в виде рассказа от первого лица, конечно, исправил - бы эти, если можно так сказать, «шероховатости», как это было сделано в случае создания текстов воспоминаний Ноя Жордания и Григория Уратадзе. Мы – же решили не менять конструкцию текста и оставлять в расшифровке текст точно в таком виде, в каком это было расшифрована запись Хаимсона с Ражденом Арсенидзе. Лишь в некоторых местах мы взяли на себя смелость изменить или добавить слова, которые, - как видно из контекста предложения – явно подразумевались респондентом, но были (по разным причинам) пропущены им во время интервью. При всех случаях, измененные или вставленные нами в текст «бесед» слова ограничены квадратными скобками, чтобы читатель всегда однозначно мог увидеть как оригинальный текст «бесед» , так и наши вставки. Все вышесказанное в замечании к текстам Арсенидзе полностью распространяется на тексты г.г Эрадзе, Габашвили, Тер-Погосяна, Цуладзе и Садыхова, приведенных в этом-же сборнике.

Подготовкой тексты «Бесед» к изданию, мы ставим целью введение в научный оборот важнейший для истории Грузинской Демократической Республики (все еще не до конца исследованной) текст совместного (именно совместного!) труда Раждена Арсенидзе и Леопольда Хаимсона. Книга «Бесед» должна найти достойное место среди ряда первоисточников по истории Демократической Грузии и, надеемся, заслужит внимание как специалистов – историков, так и любителей истории Грузинской Демократической республики.

Одна из ценностей текстов бесед Раждена Арсенидзе в показе им (в доходчивой форме) процесса, показа «повседневности» строительства Грузинского государства - изнутри; Вместе с тем, ценность их еще и в том, что Арсенидзе делится с нами такими фактами, которыми официально редко кто открыто делится - и еще реже пишет - в открытой медиа³². Такие, чаще всего – не описываемые – факты, как правило, дают возможность еще точнее, еще однозначнее, еще четче понять происходящее в прошлом явление. Именно поэтому, я решил внести в окончательный текст и произнесенные во время «бесед»

³⁰ Ibid.

³¹ Второй, направленный рукой Арсенидзе комплект из трех книг хранится в коллекции архива Бориса Николаевского Гуверовского института Стенфордского университета.

³² На языке наших современников информация такого характера именуется «инсайдерской». Изд.

господином Арсенидзе слова, иногда целые предложения, иногда совершенно складно произнесенные мысли, - которые ему, позднее, эти слова, уже напечатанные на бумаге, показались ему (по какой-то причине), лишними, ненужными, для внесения в окончательный текст. Таковые слова и\или предложения даны в тексте также перечеркнутыми, хотя в таком виде их можно свободно прочесть.

В текстах Арсенидзе лидеры Демократической Грузии видны как мудрые Отцы Нации, четко осознающие конечную цель своих трудов – построить в Грузии полноценное демократическое государство, основанное на универсальных человеческих ценностях; построить государство с учетом как целей грузинского населения, так и с обязательным учетом общественного положения как внутри страны, так и за его пределами – в первую очередь с учетом положений дел у наших кавказских соседей, с учетом постоянно изменяющихся состояний дел в Южной так и в Северной странах.

Всяческих похвал достоин Леопольд Хаймсон, всеми силами стремившийся по возможности полноценно, по возможности точно отобразить эти бесценные знания Раждена Арсенидзе (и, в более общем виде – знания грузинских Социал – Демократов) в слове, и в виде текста донести их до читателя (до Нас с Вами).

Будучи знакомым в более - менее подробных ступенях последовательности фактов, явлений истории грузинского демократического государства (1917–21 г.г.), также как и научных исследований, проведенных как отечественными, грузинскими – так и зарубежными исследователями, считаю в первую очередь необходимым заметить, что «Беседы» касаются большинства (но не всех!) значительных явлений из истории демократической Грузии. Отмечу, в первую очередь и то, что такая выборность никак не является недостатком текста. Само – по себе, такие беседы не имеют недостатков по определению; автор и собеседник касаются тех вопросов, которых они считают нужным касаться – тем более нелепо считать недостатком авторов то, что они не касаются вопросов, которые интересны нам, читателям, по прошествии долгих десятилетий.

В Третьей части помещены интервью с политическими деятелями Азербайджана, Армении и Грузии, участниками всех тех событий, которые происходили на территории бывшей Российской Империи в течении 1917 и последующих годов. Все они, разными путями, но оказались в вынужденной эмиграции.

Крайне любопытна история записи этих интервью; В середине 1960-х годов на «Радио Свобода» в Мюнхене родилась идея — подготовить серию больших исторических интервью мемуарного характера с участниками Первой мировой, революции и гражданской войны в России. Задание было поручено преподавателю Колорадского университета, историку Алексею Малышеву (он проделал наибольшую часть этой работы) и главному редактору тематических программ «Свободы» Владимиру Рудину. К 1966 году были готовы записи воспоминаний 79 человек: писателей, литературных критиков, историков, художников, адвокатов, инженеров, общественных деятелей старой России, сохранивших и в эмиграции пыл, мысль и не проходящее ощущение трагедии отечества³³. С начала 1967 года Радио Свобода начало включать фрагменты этих интервью (продолжительностью от 9 до 13 минут — таков был разработанный для них аудиоформат) в исторические, публицистические и литературные передачи. Насколько можно судить по станционному архиву, в эфире прозвучала приблизительно половина имевшихся записей, причем каждая была представлена не более чем третью своего объема. Остальное так куда и не пошло³⁴.

К концу 1960-х годов (после 15 лет вещания) коллекция радиостанции разрослась. Были найдены подходящие архивы, которые согласились принять магнитофонные записи на хранение. Магнитопленки с «Революционными» записями, - как выяснил после многолетних поисков, их первооткрыватель, Иван Никитич Толстой - известный историк, писатель и журналист, многолетний сотрудник русского отдела «Радио Свобода» - были переданы на хранение в один из частных архивов Нью-Йорка. Там эти магнитные пленки, с записями 69 бесед и пролежали в полной неизвестности, без движения в течении нескольких десятилетий. Именно в результате безвозмездной траты своих когнитивных, физических и материальных возможностей все 69 магнитозаписей были переведены в цифровой формат; оцифрованные аудио файлы – же ими были переданы в дар библиотеке Колумбийского университета, где эти записи, также безвозмездно, выставлены во всеобщий доступ.³⁵

³³ Русское лихолетье. История проигравших. Воспоминания русских эмигрантов времен революции 1917 года и Гражданской войны. Составитель Иван Толстой. М. АСТ. 2021. Стр. 6.

³⁴ *ibid.* стр. 7.

³⁵ *Ibid.*

Занимаясь (с переменным успехом) поисками аудиозаписей голосов деятелей Грузинской Демократической Республики, несколько лет тому назад я был рад обнаружить уже «оцифрованные» файлы записей на сайте библиотеки Колумбийского Университета. Меня особо заинтересовали беседы пяти деятелей Грузинской, Армянской и Азербайджанской Демократических республик. В свободное от моей основной работы я с удовольствием расшифровал тексты упомянутых бесед пяти «Кавказцев» и набрал их на компьютере. О подготовке бесед к изданию я тогда не думал.

Идея подготовить тексты к публикации появилась у меня после появления в печати книги Ив. Толстого «*Русское лихолетье. История проигравших*», содержащей беседы 11 современников Революции 1917 года. Связавшись с Иваном Никитичем я попросил у него официального разрешения на публикацию текстов бесед 5 кавказских деятелей, из найденных им и «ожививших» своими. Иван Никитич искренне пожелал мне удачи в деле публикации текстов аудиозаписей и, среди прочего, рассказал мне, что несмотря на его старания и траты, он отказался от всяческих прав на электронные версии всех 69 бесед и передал их в дар библиотеке Колумбийского университета, для свободного, безвозмездного, посредством интернета пользования всеми желающими.

С благодарностью принимая в дар этот, поистине царский подарок, считаю своим долгом поблагодарить Ивана Никитича за его целенаправленные поиски долгое время считающихся потерянными магнитных пленок с записями бесед, за труды по созданию электронных версий аудиозаписей и бескорыстное раскрытие для всех нас бесценных документальных источников.

Полноценное, всестороннее изучение нагруженной ценнейшими мыслями и многочисленными сведениями об исторических фактах из истории Грузии, которых касаются собеседники в текстах «Бесед» – дело будущего.

Считаю приятной обязанностью выразить благодарность Сотрудниками Национального Архива Грузии – Теоне Иашвили, Кетеван Кобиашвили, Гулиаде Гоциридзе, Давиду Сахвадзе; Руководителям и сотрудникам издательских программ Национальной Парламентской Библиотеки Грузии Георгию Кекелидзе, Мириану Хоситашвили, Эмзару Джгеренайя, Лилли Сакварелидзе, Тейе Шубитидзе, Натии Кобахидзе, Левану Тактакишвили; Также Антону Вачарадзе, Майе Гвахария, Равилье Гайнуллиной (РГАСПИ, Москва), Юсифу Исмаилу (Гянджа), Мажене Крук (IPN, Варшава), Марцину Маевскому (IPN, Варшава), Малхазу Мацаберидзе, Нинель Мелкадзе, Давиду Мосиашвили, Майе Мчедлишвили, Шалве Папалашвили, Петру Савельеву (РГАСПИ, Москва), Ивану Толстому (RFE/RL, Прага), Хатуне Узнадзе, Ираклию Хвадагиани, Каха Химшиашвили, словом или делом поддерживавших меня в тяжелейшем для меня деле подготовки к печати текстов сборника описывающих трагическую историю страны, где мой народ, тогда, к несчастью, был.

Ираклий Якобашвили

Ноябрь - Декабрь, 2022 г.
Тбилиси.

Документы

По истории Грузинской Демократической
Республики

Ираклий Церетели

Выступление перед Областным комитетом [РСДРП]

Доклад Каки Церетели

6 октября Областным комитетом [РСДРП] в театре Надзаладеви³⁶ было созвано собрание партийных комитетов, членов районных комитетов и пропагандистов. Целью областного комитета было взаимное знакомство и обмен мнениями. На собрании присутствовали и сторонние люди.

Зал был переполнен. Председательствовал Ной Жордания, который при открытии собрания объяснил присутствующим цель их сбора. Приветствовал Каки³⁷ представитель района Надзаладеви [некто] Садагишвили.

Каки сделал обширный доклад о текущем моменте. В первую очередь он сердечно поблагодарил присутствующих за теплый прием и пожелания и с радостью отметил, что опять видит рабочий класс того края, в котором родился и принял первое революционное крещение. После этого он коснулся вопроса Войны и сказал, что воцарение Мира [воцарение перемирия] является главным вопросом момента. Он заявил, - мы прилагают и приложат все усилия по приближению перемирия, вы знаете об обращении 14 го марта³⁸ однако он не смог такого скорого отзыва в Международной демократии, какую мы ожидали, хотя призыв этот не прошел зря: уже видны знаки пробуждения и пролетариат остальных воюющих стран по нарастающей присоединяется к российской революции в вопросе войны и перемирия. Однако мы не удовлетворимся одними ожиданиями. Мы должны были прибегнуть к практическим действиям, и первые шаги этих действий должна была сделать дипломатия. В этом вопросе мы поразили [повергли] буржуазию, страна уничтожена, союзники и воюющие государства рассчитывают за наш счет завершить войну и поэтому в вопросе войны даже цензовые элементы³⁹ вынуждены принять нашу демократическую платформу. [Они] отошли от захватнической политики для [с целью] защиты революции. Наилучшее средство - это демократическое перемирие. И когда империалистическая буржуазия начала осуществлять практические шаги по осуществлению перемирия за счет России, пролетариат обязан активно вмешаться во внешнюю политику, Россия должна взять в свои руки инициативу, разработать платформу и представить ее союзникам, которые не могут не принять сегодня наши предложения учитывая пробудившегося собственного рабочего класса.

Дальше этого революция не сможет пойти, - только лишь собственными силами российская революция не может покончить с Войной. Собственную буржуазию она заставит встать на путь уступок, однако с буржуазией Европейской она управиться не сможет. В это дело должно вмешаться государство, правительство, и если мы не достигнем цели, то мы должны знать, что Россия встанет на путь гибели. Это должно хорошо понять пролетариат.

После этого оратор коснулся вопроса составления правительства и сказал, что при составлении правительства следует принять во внимание экономическое и политическое состояние страны, демократические реформы. Организация демократией [контроля?] производства и распределения - это наилучший путь. Вместе с тем, нельзя не считаться с правдой [реальностью] Всякий демократ хорошо знает, что правительство будет лучше, если она будет происходить из «недр демократии». Среди нас разногласия имеются только оценка настроения [существующих] сил. Революция изначально действовала под флагом демократической республики. Несмотря на это [мы] были вынуждены пойти по пути соглашения и [были вынуждены] передать бразды правления цензовым элементам. Одновременно с этим [мы] создали Советы Рабочих и Солдатских депутатов, с целью контроля деятельности правительства, а также для того, чтобы дать рабочему классу все то, что возможно было бы дать им в рамках буржуазного общества. Тогда это не вызывало разногласий, однако, со временем в самой демократии появилась тенденция к освобождению [власти] от цензового элемента и взятия управления в свои руки. И когда выяснилось, что Корнилова поддерживает и цензовая буржуазия, то эта тенденция заметно усилилась. Вместе с тем, тут же возник вопрос, - имеет ли достаточно сил демократия, чтобы [полностью] взять все управление [страны] в свои руки? ЦК было против однообразного правительства, однако весь прошедший опыт показывал невозможность демократии проводить обще - национальную борьбу.

³⁶ «Надзаладеви» один из наиболее индустриальных, «рабочих» районов гор. Тифлиса.

³⁷ «Каки» - прозвище Ираклия Церетели среди грузинских друзей и однопартийцев. Изд.

³⁸ «Обращение 14 го марта» (или Приказ № 1): Документ (приказ), изданный объединённым Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов (Петросовет) 1 (14) марта 1917, во время Февральской революции, по гарнизону Петроградского округа, выработанный на основе требований выступавших на заседании солдат и матросов.

³⁹ «Цензовые элементы». Один из источников власти, утвердившаяся в период от Февраля к Октябрю 1917 года. Таких властей» утвердились две: корпоративное представительство и вооруженная сила. В терминах 1917 г. это – «Цензовые элементы» и «революционная демократия». «Цензовые элементы» при образовании первого Временного правительства были представлены Временным Комитетом Госдумы, далее - общественными торгово-промышленными организациями и кадетской партией, которая была политической силой этой «правой» стороны. От имени «революционной демократии» выступал сначала Исполком Петроградского Совета, затем Исполкомы двух Всероссийских Советов, а фактически группа руководителей Исполкомов, так называемая «звездная палата», включавшая в себя лидеров партий, имевших большинство в Советах - меньшевиков и эсеров. См.

<http://www.hist.msu.ru/Calendar/1999/Apr/lomonos99/Zhdanova.htm>

С целью - еще раз прояснить для себя расположение сил, [мы] собрали Демократическое Собрание⁴⁰, на котором выяснилось то, что мы увидели на Московском Собрании⁴¹, - расслоение [разделение] пролетариата и демократии.

Вопрос состава правительства разделило демократию на две части: демократия, как цельная единица, не смогла выявить твердую волю для взятия в свои руки всех бразд правления [страной]. Желание и потребовала взять всю власть в свои руки потребовала лишь одна часть демократии. Другая же часть посчитала необходимым коалицию с цензовым элементом.

Так и выявилось реально существующее положение вещей.

В России не завершен процесс объединения демократии под пролетарским знаменем. Она [демократия, в России все еще] не является цельной единицей. Поскольку средняя ее часть - мелкая демократическая буржуазия - всегда решала судьбу революции, мы, конечно же, должны принимать ее в расчет. Городская и сельская демократия признает себя неготовой [для взятия власти в руки], она не надеется на свои силы, она не считает [сегодня] возможным присоединение к пролетариату, поскольку хорошо знает, что это последняя не ограничится демократическими реформами и обязательно начнет попытки осуществлять свои классовые цели; следовательно, демократия не сможет остановить идущий по пути на социализм пролетариат своими силами. И поскольку демократия не располагает достаточными собственными силами проводить собственные интересы в блоке с пролетариатом, и вместе с тем, - не доверяет пролетариату и не имеет желания идти до конца только по пути классовых интересов пролетариата, она говорит пролетариату: *«Мы создадим с вами блок, но только в том случае, если в этот блок вы введете буржуазию»*. Они знают, что пролетариат в лице буржуазии встретит противника в его движении к своим классовым целям, но она признает цензовую буржуазию. Когда пролетариат не воспротивился коалиции, тем самым она поспособствовала объединению всех живых сил и такое единение было трезвым хранителем [сторожем] революции. И когда возник вопрос ликвидации такого единства, перед рабочим классом была поставлена альтернатива - *«Или вы немедленно берете всю власть в руки, или вы получаете блок с цензовым элементом»*. Если до сегодняшнего дня демократия отказывалась брать всю власть в свои руки, недалек тот час, когда она все - таки возьмет в руки эту власть: уже организованы городские и сельские демократические организации - в лице местного самоуправления, - что и является главным документом его усиления, его поступательного политического совершенствования.

Те, которые говорят, будто революция ничего не дала пролетариату, - неправы. Этого говорят те, выше всех интересов ставят интересы преходящего характера, материальные интересы - но не интересы иные - общественные, классовые интересы. В сегодняшних же условиях для пролетариата дороги именно эти, иные, - чем материальные - интересы.

Таков характер Свободы, таковы возможности устройства организаций.

Всеобщее избирательное право - это величайшее из достояний, завоеванной измученным российским самовластием пролетариатом. Пользуясь этим достоянием не только пролетариат, но и вообще демократия приняла новый облик и скоро наступит время, когда власть в руки возьмет та демократическая буржуазия, несуществование которой замедляла в России освободительное движение, и которая до сегодняшнего дня замедляет шествие Революции.

Мы конечно знаем, что соглашательская политика - вещь не идеальная. Однако в России не оказались силы, унаследовавшей бразды правления: буржуазия была плохо взаимосвязана между собой, демократия оказалась незрелой, пролетариат же - нетренированным и неподготовленным. Российская жизнь не смогла сформировать силу, которая должна была взять всю власть в свои руки - и именно поэтому пролетариат пошел на жертву - он вступил в коалицию, тем самым взял на себя часть ответственности, часть тяжести современного [создавшегося] положения. Одолеть такое противодействие возможно только в революционном процессе и я твердо убежден, что если мы сможем не ввязаться в [миновать] гражданскую войну, и сможем все силы, - не растеряв единства, - довести до Учредительного Собрания, то мы достигнем и такого времени, когда демократия, даже и без цензовой буржуазии сможет управлять страной. И именно это является основанием нашего решения согласиться на коалицию. С точки зрения формы сегодняшняя коалиция ничем не разнится от коалиции прошлой, однако сегодня мы были вынуждены создать предварительный парламент, где большинством являются представители демократии и лишь малая часть принадлежит буржуазному элементу. Буржуазия старалась разъединить правительство от общества. Это могло вызвать контр - революционные выходы справа и анархо - синдикалистские движения слева. Поэтому мы создали предварительный парламент, перед которым было бы ответственное [коалиционное] правительство. Несмотря ни на какие между ними формальные отношения, правительство, фактически должно подчиняться предпарламенту, оно дает максимальную гарантию для преодоления гражданской войны. Раньше, мы, выходя на улицу воздействовали на правительство. Не отрицая эту фактическую силу [возможность], мы, вместе с тем хотели обустроить такой государственный орган, который еще до выхода на улицу проводил бы контроль действующего правительства. Именно таким органом является предправительство. Возможно он не будет полной гарантией от всех случайных происшествий: во всех революциях были случаи, когда пролетариату приходилось чистоту своего флага и своего имени, буржуазия же всегда старалась разъединить пролетариат от остального общества и, как только это ему удавалось, буржуазия топила пролетариат в

⁴⁰ Демократическое Собрание: Всероссийское демократическое собрание - собрание представителей политических партий и общественных организаций, проходившее в Петрограде 14—22 сентября (27 сентября — 5 октября) 1917 г. Итогом Собрания стало создание Предпарламента.

⁴¹ Московское Собрание: Государственное совещание в Москве (Московское государственное совещание) — всероссийский политический форум, созданный Временным правительством. Проходил в Москве 12 (25) — 15 (28) августа 1917 г. Собрание было создано Временным правительством для информирования граждан России о политической ситуации в стране и объединения поддерживающих его сил среди разных слоёв и групп российского общества.

крови. Возможно, такой момент наступит и у Российской революции. Тогда пролетариат должен с головой броситься в бой в защиту флага и чистоты пролетарского дела, его руководители могут сложить головы, единственное надеясь на то, что следующие за ними поколения продолжат их дела. Однако у нас пока не настали времена таких крайностей, пролетариат все еще не отделен [от общества] и мы всеми силами должны постараться, чтобы такого разъединения не произошло, чтобы мы смогли победно завершить революцию.

Мы знаем, что одна часть говорит: «Почему нас не призывают в бой?»

Мы также знаем, что есть и вторая часть, которая с пониманием относится к нашей позиции.

Сегодня невозможно разъединить пролетариат, значительная ее часть охвачена болезненной апатией: об этом можно судить по тому, что даже общие собрания большевиков посещают всего несколько человек. Они не верят, что их осуществление их стремлений воодушевит не то, что буржуазию, но даже демократию. И пока существует надежда проведения в жизнь нашей политики, это не только защитит честь пролетариата, но и доведет демократию до Учредительного Собрания.

Сие же - всего лишь половина дела.

На Учредительном Собрании будут решены знаменательные вопросы. И после этого пролетариат увидит, что их интересы правильно поняли те, кто довел страну до демократической республики, но никак не те главари - крикуны, которые многого обещали пролетариату, но на самом деле ведут его к поражению, как они и затеяли дела 3-5 июля. Возможно наша политика снаружи не такая уж блестящая снаружи, но она доведет нас до Учредительного Собрания.

Вторая политика ведет к делам 3 - 5 июля. Пролетариат - же никогда не простит тем, кто будет вести его по этому пути. Он, в таком случае, может окончательно отойти от нас и это значительно опаснее, чем потеря популярности в результате шатаний в минуту слабости, при поиске секундных вождельных высот.

Мы готовы пожертвовать нашей популярностью, лишь бы пролетариат достиг окончательной победы, вторая же политика гонит нас к полному уничтожению через поражение. Вот этими доводами руководствовались мы при решении вопроса составления правительства.

(Длинные аплодисменты).

После завершения речи началась дискуссия, в которой приняли Ной Жордания, Акакий Чхенкели и другие товарищи.

Речь Ноя Жордания

Товарищ Каки говорит, что в России не нашлась демократия, которая могла бы взять власть в свои руки. Это факт явный и на этом мы не задержимся.

Вместе с тем - каким должна быть сегодня наша тактика?

Мы - партия Будущего. Однако, если мы будем учитывать в своей работе только конечные цели, тем самым мы оторвемся от сегодняшнего дня и превратимся в максималистов. Если же мы будем довольствоваться реагированием только на злобы сегодняшнего дня, то мы превратимся в безликую, рядовую демократическую партию. Правильная тактика осуществляется единением этих двух моментов.

Мы осуждали ликвидаторов, которые не могли учесть будущее и тем самым сползи в оппортунизм. Большевики же, - наоборот, не хотели учитывать реалии сегодняшнего дня и тем самым смыкались с анархизмом. Если Церетели отмечает, что у нас здесь существует демократия, объединенная под знаменем пролетариата, то это получилось вследствие ведения нами независимой политики, и, следовательно, следует такую же политику проводить по всей России. Сегодня - же я не вижу в России этой, так сказать «Кавказской линии».

Там, в России, наши товарищи подпали под влияние ликвидаторов. Общество делится на классы, есть буржуазия, есть пролетариат, но посреди них есть еще и третья часть, которая всегда решала судьбу революций. Один из основополагающих положений марксизма требует перевести их на свою сторону. В Петрограде же меньшевики стараются отгородиться от них и отбросить их в стан буржуазии. Если часть их мелко буржуазна и если они не готовы взять власть в руки, о надо их привлечь к себе, в свой лагерь. Мы же, следуя своей тактике, делали противоположное. Вот именно в этом и заключается основная ошибка. Если бы мы даже не смогли привлечь демократию на свою сторону, то мы тогда могли бы полностью отстраниться от ответственности, мы тогда перешли бы в оппозицию существующему правительству. Именно в таком случае можно было бы получить такое положение, какое положение создалось здесь, у нас. В Петрограде же наши забывают [не хотят учесть] наш опыт, они действуют совершенно по другому. Во всех революциях XIX века рабочий класс был увлечен большевистскими тенденциями. Это стихия рабочего класса, и, для того, чтобы эта тенденция не усилилась и у нас, то, надо нашей тактикой приостановить рабочий класс от вредных (!) выступлений.

Московский совещание усилило - с одной стороны большевизм, а с другой - Кадетов. На московском совещании мы защищали «среднее» течение, которое требовало демократического правительства, которое одно могло спасти нас как от контр - революции, так и от анархизма. Тем самым мы могли вырывать почву из под ног большевизма. Все рабочие советы, все профессиональные союзы были против коалиции. Поддержкой коалиции мы оборвали бы связи с ними, усилили бы большевизм и создали бы угрозу революции. Ценовая буржуазия всей душой желает, чтобы мы боролись бы пулями, но никак не тактикой, - однако мы такой ошибки не допустим. Поскольку битва идет за среднюю часть - за демократию, - мы должны всеми силами стараться перевести их на нашу сторону. Эта тактика спасет нас, как сегодняшнюю партию тем, что спасет революцию, спасет нас как партию будущего тем, что подготовим массы, без которых невозможно произвести социальную революцию.

Речь Акакия Чхенкели.

Когда я ехал отсюда в Москву, то я думал подобно Вам, однако сегодня я разделяю мнение Каки. На Московском Совещании никто не был против коалиции. Однако на совещании выступление Корнилова было воспринято как переход буржуазии на сторону контр - революции и именно поэтому потребовали взятие всех рычагов власти в свои руки. Однако будет большой ошибкой воспринимать [объяснить] выступление Корнилова как только лишь действиями буржуазии.

Большая часть общества отнеслось к выступлению Корнилова равнодушно, поскольку она видит и учитывает факты, а факты говорят, что революция не смогла решить ни одного значительного [значимого] вопроса: Она не смогла устроить перемирие, не смогла защитить страну от внешних угроз, не смогла устранить экономическую заваруху, не смогла решить многого другого. И до того времени, пока эти коренные проблемы не решены, страна постоянно будет под риском расцвета контр - революции. На демократическом совещании выявилось бессилие демократии. Демократия отказалась от взятия власти в свои руки. Стало явным, что нее на это не оказалось сил. Товарищ Жордания здесь заявил, что если стало бы невозможным перевести демократию на нашу сторону, то тем самым у нас появлялась возможность полностью отказаться от всякой ответственности, мы могли бы вести только нашу политику и встать в оппозицию власти. Однако, вследствие такого ведения дела мы не смогли бы отгородиться дел 3-4 июля уже по всей России. Но мы не могли делать этого.

Следовательно, остается только такой путь: Правительство должно было быть составлено или полностью из Советов, или полностью из буржуазии. Составлять правительство полностью из Советов. - это последнее дело. Не могли мы составить правительство только из буржуазии.

Именно поэтому следовало составить правительство коалиционным.

Товарищ Ной Жордания заявил, что демократия не является однообразно цельным. Он говорит, что это - факт и это уже можно не обсуждать.

Но, надо ли нам исходить из этого факта?

Мы исходим из этого факта и реальность не нравится и нам, но наша главная цель - довести Революцию до Учредительного Собрания.

Ответное слово Каки.

В ответном слове Каки не соглашается со взглядами Жордания по объяснению сегодняшних трудностей российской демократии.

Центром Соц. - демократического движения на Кавказе является Грузия, в частности Кутаисская и Тифлисская губернии. Сам Ной Жордания учил нас, что вследствие исторических условий у нас не было крупной буржуазии и [именно поэтому] пролетариат [на Кавказе] смог собрать всю массу под своим флагом. Однако это невозможно в России. Если там социалисты возьмут всю власть в руки - то они должны, они вынуждены будут осуществить все требования, даже осуществить сам социализм. В противном случае она должна всенародно показать свое банкротство, или превратится в какуюнибудь буржуазную партию.

Сегодня в России социалисты не являются властителями всего положения. Буржуазия, - и это бесспорно - никогда не собиралась под платформу демократии, но бесспорно и то, что во время революций она всегда вынуждена учитывать требования революции.

Именно так случилось и у нас: Обратите внимание - во все те времена, когда буржуазия видела, что у массы сложились свои четкие пристрастия и - с нашей точки зрения - массы могли с учетом этих своих пристрастий оценивать действия буржуазии и, - исходя из этого - или приближаться или отдаляться от нее [от буржуазии], то буржуазия, никогда не выступала против нас и всегда делала выбор, подобный нашему. Так, в частности был решен ими вопрос войны и вопрос примирения [мира].

Я, конечно, не верю в то, что буржуазия была и будет заинтересована в этом вопросе принять нашу платформу. Однако, она вынуждена будет делать так, поскольку в противном случае мы отдадим от нее демократию. Невозможно одним ударом решить всех проблем, даже правительство однообразного [гомогенного] состава не сможет сделать такого - он превратилось бы в правительство Советов, так как у демократии не оказалось стремления к правлению государством.

Если мы полностью отдалимся от ответственности, как говорил об этом товарищ Ной Жордания, то буржуазия в таком случае всю власть возьмет на себя, и ее максималистические требования усилили бы анархические движения, и их жертвами стали бы в первую очередь рабочие.

Я сторонник коалиции, но ненавижу буржуазию так, как и вы. Однако, руководствоваться чувствами в политике - вещь недопустимая.

Наша тактика состоит в стремлении победы революции объективными условиями, и, - если мы сегодня отдаляемся от рабочего класса [вступлением в коалицию], все это потому, что хотим спасти рабочий класс от испытаний. Возможно такими нашими шагами мы не спасем Революцию, но наибольшую гарантию победы дает именно этот наш путь.

Мы должны дойти до Учредительного Собрания не ослабив силу пролетариата. Если пролетариат все таки останется один и ввяжется в бой, схватится с врагом, то нам не останется ничего, кроме как ввязаться в бой вместе с ними, однако такого времени еще не настало, и, имея целью предотвратить это и спасти революцию и сам пролетариат мы считаем обязательным действовать тактическими ходами, даже если ради этого нам придется жертвовать своей популярностью.

(Долгие аплодисменты и овация)

Вене⁴².
«Эртоба», № 165,
Воскресенье, 8 октября
1917 г.

Публикация Альберта Ненарокова и Ираклия
Якобашвили.
Перевод с грузинского Ираклия Якобашвили.

⁴² Наиболее вероятно Вене (Венедикт) Агатиашвили, публицист, сотрудник газеты «Эртоба».

Обращение к представителям Держав Согласия⁴³

Меморандум

об истории и значении Батума и батумской области и о стремлении и причинах Турции захватить Батумскую область⁴⁴

№ 109

В приветственном своем слове я позволил себе выразить уверенность, что при выполнении Вами возложенной на Вас высокой миссии по отношению, между прочим, Батумской Области, оккупированной Турцией по известному Брест - Литовскому договору, Вами будут приняты во внимание данные исторического прошлого этой Области и о современном составе и положении ее населения и чаяния этого населения.

Позвольте мне остановить на минуту Ваше внимание на этих данных.

История древних времен повествует, что нынешняя Батумская Область составляла часть княжества Гурии - одной из грузинских того времени провинции, являвшейся ареной вечных войн, из-за обладания ею, между Турцией, Персией и Византией, пока, наконец, во второй половине XVI века (1564 г.) она не перешла во владение Турции, обладавшей ею до 1878 г., когда, по Берлинскому трактату, была присоединена к Российской Империи.

Известно, что древнее население означенной провинции - Колхи, Халдейцы, Мешехи (Месхи) и др., исповедовавшие христианскую религию, имели свою культуру, высоко развитую торговлю и промышленность, а также свое прекрасно организованное и вооруженное войско сумевшее на протяжении нескольких веков отстаивать свою независимость. О переходом же во владение Турции, эта богатейшая во всех отношениях страна быстро превратилась почти в пустыню - благоустроенные ее деревни были разрушены, памятники христианской культуры, следы которой и сейчас на лицо, были (40 об) уничтожены, население, брошенное на произвол сатрапов - бегов, почти одичало и так далее. и т.д. Батумская Область была присоединена к России (1878 г.о в следующих границах: с С. и В. - Черное море и Кутаисская губерния, с В. и Ю, Тифлисская губерния и Карская Область и З. -Лазистанский Санджак (Турция). С 1903 года Батумская Область окончательно была выделена из Кутаисской губернии в особую административную единицу, с подразделением ее на два Округа - Баумский и Артвинский, с административным центром в гор. Батуми.

Нынешнее население Области- по преимуществу грузины-мусульмане, принявшие (1564 г.) и исповедующие ислам, до сих пор не потеряли свой родной - грузинский язык, в особенности, женщин большинство коих вовсе не говорит по турецки.

Сохранившиеся в населении и по сие время нравы и обычаи, народные песни и сказки, названия местных деревень, остатки храмов, крепостей и др. сооружений, составляют теперь уже никем не оспариваемый исторический факт, что Область эта составляла часть Грузии с населением грузинским.

Батумский край всегда привлекал к себе всеобщее внимание как один из важных стратегических и торговых пунктов на Юго восточном побережье Черного моря. Собственно-же гор. Батум сочетал в себе два достоинства, составляющая редкость для портовых городов : благодаря своей прекрасной природной бухте и вообще географическому положению, являлся- крупным портовым городом и одновременно солидной крепостью. Исторический факт, напри., что, до Берлинского конгресса, (41) Англия не желала допустить обладания Батума Россией. Маркиз Сольсбери еще до упомяну- того конгресса указал в одном из своих циркуляров, что *«Сущность дела проявится тогда,когда в конц конгресса Англия предложит, в виде последнего условия, чтобы Россия отказалась от Батума»*. Эти достоинства Батума были учтены и Русским Правительством, затратившим, в первые-же годы вступления сюда, несколько миллионов рублей на укрепления и на улучшения и расширения порта.

С объявлением Батума порто-франко, а затем приобщением его к главной железно- дорожной магистрали Баку - Батум, торгово - промышленная жизнь в города начинает развиваться гигантскими шагами ; - вся ввозная и вывозная торговля направилась на Батум, благодаря чему на протяжении каких нибудь 5-10 лет население.в нем увеличивается чуть-ли не в десять раз и из грязной деревушки, с населением в 2000 д., превращается в цветущий фабрично-заводской город с развитою торгово-промышленною жизнью и с населением в 20000 душ. До начала,- есть надежда, уже закончившейся, небывалой в истории народов, войны, в Батуми насчитывалось до 40000 душ населения, сейчас же, без войска, население Батума доходит до 19 тыс. душ.

Батум в отношении населения, говоря по справедливости, представляется интернациональным городом, как и всякий другой город с широко развитою портовой жизнью (41 об) Но преобладающими в нем являются грузины, греки, русские, армяне и грузины-мусульмане. Лучшим показателем такого соотношения между национальностями служить всегдашнд.й состав Батумской Городской Думы с самага введения здесь (с 1888 г.) Городского Самоуправления по настоящее время: так, в продолжении 8 четырехлетий в сказанной Думе перебивало 341 гласный, причем из них : грузин было 44,86 %, русских - 19,94%, армян - 14,96%. и т.д.. Преобладание грузинского элемента наблюдается и в составе исполнительного органа Думы - Городской Управы. После первого, по назначению от Правительства,

⁴³ Над заглавием перечеркнуты слова «Представителю Англии (Антанта)»

⁴⁴ Текст приписан от руки, красным карандашом.

Городского Головы из русских, все затем городские Головы были из грузин; точно также из двух или трехчленного- состава Управы половина или два члена были грузины и т.д.. Приведенная справка, не подлежащая оспариванию, еще раз подтверждает тот несомненный факт, что в Батуме хозяевами положения являлись грузины и это наблюдается не только в Городском Управлении, но и в других частных или общественных учреждениях и организациях.

Иначе и не могло быть, если иметь в виду, что, кроме грузин и грузин - мусульман, а также некоторой части населения из греков и армян, все остальные национальности составляют в этом крае пришлый элемент, осевший здесь по торговым или служебным делам, либо по климатическим условиям и так далее.

Но не так смотрят на настоящее этого прекрасного и богатого во всех отношениях уголка Кавказского Края, нынешние хозяева (42) положения по пресловутому Брест - Литовскому договору. Несколько месяцев управления Оттоманскими учреждениями Батумской Областью и в частности г. Батумом положили на них никогда неизгладимый след некультурности, граничащей с варварством.

Небезызвестен Вам, нужно полагать, опыт произведенного здесь под руководством местного Мутессерифа⁴⁵ и под давлением аскеров референдума по тому-же Брест - Литовскому договору, с целью определения ориентации местного населения, по преимуществу - же, грузин - мусульман, и результаты этого референдума. Достаточно упомянуть, что референдум этот, с его комическим результатом, был высмеян даже Константинопольской властью, называя его «затеей» и «фантазией» Мутессарефа.

Управление Областью вверено низшим агентам администрации, руководящимися в отправлении своих служебных обязанностей личным произволом, поддаваемым и одобряемым местною высшею властью. Население Области доведено до нищеты исполнением разных натуральных повинностей-по перевозке разных воинских и других грузов, по устройству и ремонту дорог, по поставка разных продовольственных местного производства продуктов, не получая взамен ничего; проходящая войска опусташают деревни, поедая скот и всякую живность, уничтожая на корню разные ценные сельскохозяйственные насаждения и неуспевшие еще созреть фрукты и т.д.

Не составляет уже секрета, что попытка власти, под шумок, навязать населению Области (42 об) воинскую повинность, окончилась полным провалом - население это пригрозило поголовным восстанием и кочевкой в горы, и затея эта, таким образом, была оставлена впредь до более благоприятного для сего времени. Сейчас Аджария полна эмиссарами, коими являются наехавшие из Константинополя моллы, подготовляющие население ко второму референдуму, который, яко-бы, должен быть произведен при наличии на месте Англо-Французской миссии.

Словом, на местах в Области идет самая энергичная пропаганда под руководством и при ближайшем сотрудничестве известного турецкого ренегата - Джамал - бега Химшиашвили - Аджарского, удостоенного за подобные заслуги, а также за услуги в деле пресловутого возстания Аджарцев, чина Паши вскоре по открытии военных действий с Турцией, - пропаганда с целью отторгнуть эту часть Области от Грузии и присоединить ее к турецкой империи.

Имеются, однако, несомненные данные, что огромное большинство населения Нижней и Верхней Аджарии и Кобулетского (Кинтришского) района оказывает подобной пропаганде сильное противодействие. Так происходит дело в селениях области.

Хозяинчанию-же в Батуме всяких Оттоманских учреждений Военных и гражданских и мало-мальски власть имущих лиц, нет пределов: дома и имущества всякого рода, оставленные бежавшими из города к 1 - ому апреля с/г., то есть пред вступлением в город турецких войск, подвергаются разгромлению, расхищению и конфискации, при чем движимость присваивается ими на месте, или вывозится в Турцию, по преимуществу, в Констан(43)тинополь. Вмешательство местных Национальных Советов в защиту интересов беженцев, не приводили ни к каким благоприятным результатам; также без результатны бывают протесты представителей Городского Управления, когда пред их глазами грабили городское школьное и всякое другое имущество, вывозя их - например школьные парты, прямо в Константинополь, для пополнения школьной мебели после бывших там пожаров; конфискации и вывоз награбленного имущества происходит часто на глазах же не признаваемых ими владельцев или их поверенных ; бывали случаи, когда похищенное имущество покупали сами же хозяева их на рынке, куда аскеры выносили их для продажи, не осмеливаясь при этом заявить о своем праве на такое имущество. Такой-же участи - конфискации - подверглось многомиллионное городское имущество, переданное Городскому Управлению разными организациями,- согласно распоряжению Временного Правительства, как - то - Союдами Городов и Земств, революционными и др. Комитетами и так далее. Имущества эти местною Оттоманскою военною властью рассматривались принадлежащими казне и конфисковывались как военная добыча. Разгрому и хищению в самое последнее время, даже после подписания перемирия, подвергаются форты, - окружающая Батум укрепления, причем вывозятся оружия и др. предметы артиллерийского значения.

Вывозили и сейчас вывозят разные продукты и предметы продовольствия - муку, сахар, нефть, керосин, мазут, разные нефтяные масла и так далее. не давая взамен их ничего, ни другим не разрешая провозить, что либо. Все это, разумеется, порождает спекулянтов пользующихся и временем, и обстоятельством и вызывающих, таким образом, неимоверное повышение цен на всякие также предметы. (43об)

Жизнь и торгово-промышленная деятельность в города сведена на нуль. В одно время разрешено было проявлять жизнь в городе лишь до 7 час. ве чера, затем - до 11 час. ночи и только на днях после

⁴⁵ Муттасариф (Муттесариф), титул губернатора административного района, используемый в Османской империи. Административный район под его властью, «Муттасарифат», официально назывался «Санджак» (по-турецки) или «Лива» (по-арабски). Муттасариф подчинялся Вали (т.е. Генерал-губернатору) провинции, но имел более высокий ранг, чем Каймакам.

перемирия снят этот запрет с городски обывателей. Выезд и въезд в город сопряжены с препятствиями, делящимися для желающих часто месяцы ; железнодорожное сообщение, с самого- же начала происходит три раза в неделю, почта телеграф действует лишь до границы Грузинской Республики (Натанеби), при чем телеграммы принимаются исключительно на турецком языке. Ни привоза, ни вывоза - ни сухим путем, ни морем. Словом, жизнь скована во всех отношениях, и Батум, несколько месяцев тому назад цветущей с развитой торгово-промышленной жизнью, напоминает сейчас былое прошлое свое время, когда оно поступило во владение России (1878 г.).

Едва-ли подлежит сомнению, что устранение указанных выше препятствий дало-бы, между прочим возможность местным собственникам и оборигенам возвратиться к насиженному месту в родном городе, чтобы оберегать свою собственность, составляющую для большинства из них, может быть, единственный достаток для существования. Но это не отвечало бы видам Оттоманской администрации, в виду опять - таки ожидаемого референдума; не в ее интересах усиление здесь чуждого, а может быть и враждебного ее вожделениям элемента.

С августа месяца Городское Управление начало ходатайство пред местною властью о желательности открытия здесь функционировавших до 1-го апреля сего года учебных заведений, - средних и высших и низших начальных училищ. Заручившись разрешением на открытие лишь пяти начальных училищ - по одной - для русских, грузин, греков, мусуль(44) ман и евреев, с обязательным преподаванием турецкого языка, до сих пор Городское Управление не может воспользоваться этим разрешением, в виду занятия школьных здании разными Оттоманскими учреждениями. Только на днях пришлось заполучить некоторые из этих здании, благодаря тому обстоятельству, что многие из этих учреждений эвакуировались в Константинополь ; об открытии-же средних учебных заведений - мужской и женской гимназий до сих пор не последовало разрешение, будто-бы ожидаемое Мутессерифом из Константинополя - пришлось ограничиться для детей гимназий, с особого разрешения г. Мутессерифа, организацией групповых занятий, которые, разумеется, не могут идти с желательным и должным успехом, но приходится с этим мириться, так как учащейся и без того много времени потеряли благо даря пережитым и переживаемым событиям.

В таком же загоне дело о печати. Вскоре после вступления Оттоманского войска разрешено было издание официозной газеты, под строжайшею цензурой неофициальной ее части, но через несколько недель газета прекратила свое существование и больше попыток в этом отношении не проявлялось. Сейчас издаются ежедневные, под цензурой г. Мутессерифа, телеграммы, в коих политические известия освещаются и подносятся публике з желательной для администрации редак ции и с большими опозданиями.

О Городском Самоуправлении, даже в том его уродливом виде в каком мы его имели при русском Правительстве, Оттоманская администрация не имеет представления, и в первое время она рассматривала это учреждение как одну из единиц административного управления и имела посползование распоряжаться в городском хозяйстве по своему усмотрению. Она (44 об) вмешивалась не только в распоряжения Управы по ведению хозяйства, но и в назначениях и увольне ниях служащих. В этом от ношении и настоящий состав Городского Управления с честью вышел из борьбы и сумел поставить местную высшую административную власть в принадлежащая ей рамки в особенности после последовавшего в сентябре фирмана Султана, что во вновь присоединенных областях сохраняют силу временно, до конца 1919 г., все законы и распоряжения, до того существование.

В заключение не могу не указать еще на один факт, характеризующей произвол местной администрации.

За несколько недель до объявления перемирия, местный Мутессериф не смотря на только-что упомянутый фирман, приказал местным нотариусам не совершать далее никаких сделок о купле и продаже и вообще о переходах недвижимых имений. Можно себе представить в какое положение должно было поставить население города это распоряжение, в особенности ту часть этого населения, которая, в силу переживаемых события желала развязаться с своим имением покинуть город навсегда. Напрасно было доказывать ему, что такое распоряжение ограничивает самое неотъемлемое право владения и распоряжения всякого своим имуществом, раз он законом не ограничен в таком праве, между прочим, уголовно; только на днях, после долгих и настоятельных ходатайств Городского Управления Мутессериф соизволил отменить упомянутое распоряжение.

Из изложенного вкратце Вы, Милостивые (10) Государи, можете усмотреть в какое положение попали вся Область вообще и г. Батум в частности, а также их население в руках фактических их сейчас владельцев. Вы, являющиеся представителями великих держав, имеющих большой исторический опыт в государственной политике и вообще прошедших славную школу в определении своего отношения к недержавным народам, стремящимся к самоуправлению, будете - есть полная надежда - руководствоваться при исполнении возложенной на Вас миссии желаниями и стремлениями местного населения, по воле судеб, отторгнутого от исконных своих сородичей.

Машинопись
ЦИАГ. Ф. 1864. Оп. 1. Д. 24. Л.л. 40-45.
(с) Ираклий Якобашвили

Ной Жордания

Империализм под революционной маской: Ответ Троцкому

Когда в начале 1921 года войска Советской России вторглись в Грузию и завоевали страну, г-н Троцкий, который в качестве военного комиссара подготовил и руководил этим нападением, не считая возможным публично выступить в защиту этого «героического поступка» его войск. Советское правительство делало в то время все возможное, чтобы скрыть свое участие в акции против Грузии. Она хотела, чтобы весь мир поверил, что она не воюет с Грузией. Этой же точки зрения придерживался и г-н Цхакаия⁴⁶, опубликовавший в «Социалистическом обозрении» большой очерк в защиту «большевистской» политики в Грузии. Точно так же события были рассмотрены в письме представителя Красина,⁴⁷ г-на Берзина⁴⁸ в Исполнительный комитет английской лейбористской партии от имени советской миссии в Лондоне.

Но факт войны против Грузии скрыть невозможно. Правительство, которое завоевало соседнюю страну, а затем хочет, чтобы весь мир поверил, что оно не вело войны, *«тем самым доказывает, что его политика была преступной»*.

Советское правительство поняло это, и вот оно круто переменяет свою тактику в освещении вопроса о Грузии. Карл Радек⁴⁹ на совещании трех Интернационалов в Берлине и Троцкий в своей недавно вышедшей книге «Между империализмом и Революцией», уже не отрицают роли русской со(2)ветской армии в том событии, которое до сих пор изображалось большевиками, как «рабоче-крестьянская революция» в Грузии. Они оба - Радек прямо, а Троцкий со всякими оговорками - признают, что Грузия завоевана армией Советской Москвы. И свою задачу они видят в том, чтобы доказать, что это завоевание ее было не актом империалистического разбоя, но революционным делом.

Такова политическая цель последней литературной акции Троцкого. Все остальное: нападки на вождей европейского пролетариата, насмешки над Каутским, оскорбления Гендерсона и Макдональда, беспринципные обвинения в адрес грузинской демократии, - все это лишь задним числом, чтобы скрыть от читателя тот факт, что автор старается представить ему, черное - белым.

Так как у меня нет средств Троцкого, который смог опубликовать свои нападки на Грузию в виде полностраничных объявлений в английской прессе, я вынужден публиковать только самые важные (4) из тех положений, представленные им против Грузии, разобрать обвинения против нас и дать читателям несколько примеров того, как беспринципно обращаются большевики с фактами, правдой, с политической моралью... Сам Троцкий, впрочем, не скрывает, что для него целью является Освятить означает, и что все - а таковыми он считает всех, кроме членов Третьего Интернационала, - его враги «бьют или обманывают, смотря по обстоятельствам». Мошенничество - его высший приоритет, пока ему удастся клеветать и клеветать на оппонента. В прошлом году он приказал своим солдатам двинуться на нас со штыками; теперь он обманывает мир своим пером. Но если мы были в неравных условиях в штыковой борьбе с Троцким, то его миллион штыков не поможет ему в литературной борьбе против нас.

Формулировка вопроса.

Начнем с введения.

Г-н Троцкий удивляется или притворяется удивленным, что Социалистический Интернационал так настойчиво требует очистить Грузию от русской армии: *«К чему для них это предпочтение Грузинских меньшевиков перед московскими меньшевиками?»* - спрашивает он и затем продолжает: *«Для грузинских меньшевиков они требуют восстановления своей власти, для московских меньшевиков - только изменения методов репрессий!»*

На самом деле Интернационал никогда не требовал восстановления государственной власти грузинских меньшевиков. Все, чего она требовала, это восстановления свободы грузинского народа.

Между правлением большевиков в России и в Грузии есть очень существенное различие: в России большевистская власть возникла из внутреннего переворота. В Грузии, однако, от завоевания иностранной державой; в России это означает диктатуру меньшинства, а в Грузии это означает иностранную оккупацию.

⁴⁶ Михаил (Миха) Григорьевич Цхакая (22 апреля (4 мая) 1865 года, с. Хунци, ныне Грузия — 19 марта 1950 года, Москва) — грузинский революционер, советский государственный и партийный деятель. С 1920 года член Исполкома Коминтерна. Депутат ВС СССР 2—3-го созывов (1938—1950).

⁴⁷ Леонид Борисович Красин (15 [27] июля 1870, Курган, Западно-Сибирское генерал-губернаторство — 24 ноября 1926, Лондон) — российский революционер, участник социал-демократического движения в России с 1890, член ЦК РСДРП в 1903—1907. Руководитель Боевой группы при ЦК РСДРП, член ЦК ВКП(б) в 1924—1926, член Совета обороны; советский государственный и партийный деятель. Член ЦИК СССР 1—3 созывов.

⁴⁸ Ян Карлович Берзин (настоящее имя — Петерис Янович Кюзис); 13 [25] ноября 1889, хутор Клингене, Яунпилсская волость, Рижский уезд, Лифляндская губерния, Российская империя — 29 июля 1938, Расстрельный полигон «Коммунарка», Московская область, РСФСР, СССР), советский военный и политический деятель, один из создателей и руководитель советской военной разведки.

⁴⁹ Карл Бернгардович Радек (при рождении *Кароль Зобельзон*, 31 октября 1885 года, Лемберг, Австро-Венгрия — 19 мая 1939 года, Верхнеуральск) — еврейский революционер, деятель международного социал-демократического и коммунистического движения, советский политический деятель; публицист, литератор, дипломат, литературный критик, журналист. В 1919—1924 годах член ЦК РКП(б); в 1920—1924 член (в 1920 — секретарь) Исполкома Коминтерна, сотрудник газет «Правда» и «Известия».

Таким образом, грузинский вопрос рассматривается международным социализмом с иной точки зрения, чем русский вопрос. Разбирая русский вопрос, Интернационал протестует против преступлений большевистского правительства, против нарушений им принципов социализма и демократии. По грузинскому вопросу требует прекращения военной оккупации, вывода русских войск и восстановления разрушенной свободы независимого государства. Но удаление армии Троцкого из Грузии означает в то же время уничтожение большевизма и насилие Троцкого и компании в этой стране. Вот почему этот завоеватель делает вид, что не видит разницы между Москвой и Грузией.

Независимость Грузии.

Первая глава брошюры Троцкого называется «Миф и действительность». (5) Согласно этой, главе Чхейдзе и Церетели, вступившие в борьбу с большевиками в Петрограде в начале революции 1917 года, потерпели там поражение. Затем они бежали из Петрограда на Кавказ, используя Закавказье как один из последних своих укрепленных районов отступления, пытаясь водрузить там знамя независимой республики.

Г-н Троцкий этим повторяет сказку, ранее распространенную денкикинскими газетами. Если приписывать создание государства субъективным желаниям и стремлениям отдельных лиц и партий, то тем самым совершенно теряют почву объективности и исторической перспективы и становятся на точку зрения «ЧК», которая везде видит только «виновных». Государство возникает в результате исторического процесса под давлением событий, определяющих волю и желания отдельных лиц и народа в целом.

Каков был характер этих событий в Грузии?

Троцкий изображает дело так, как будто в друг, ни с того ни с сего, несколько меньшевиков - Грузин из пальца высосали независимость Грузии. Между тем, Грузии не нужно было выдумывать независимость, ибо она две тысячи лет была независима и только к концу 18 века, под давлением неприятелей - турок и персов - она, по особому соглашению, соединилась с Россией (Трактат 1788 г.) с условием защиты ее границ русскими войсками. Следовательно, потеря независимости Грузией была вызвана необходимостью для нее защиты жизни и имущества нации.

В результате октябрьского захвата власти большевиками в России вспыхнула гражданская война и создались бесчисленные республики. Закавказье сразу было отрезано от России, от Центра, не получая отсюда ни продовольствия, ни денег, ни инструкций для миллионной армии, стоявшей на границах против турок. Страна, предоставленная самой себе, была вынуждена, во имя самосохранения, сама взяться за свое дело и спасти себя своими силами. Все революционные и общественные организации собрались 24 ноября 1917 г в Тифлисе и постановили создать Закавказское правительственное, на началах коалиции партий и наций, для руководства внутренними военными делами. Образовался Закавказский комиссариат, куда от грузинской социал-демократии входило только два человека.

Но к тому времени эмиссары большевиков проникли на фронт, к армии, стоявшей на территории Турции. Они, от имени Москвы, объявили солдатам демобилизацию, и солдатская масса всполошилась. Случилось позорное событие: миллионная победоносная армия самовольно покинула фронт, обнажив границы, оставившим все военное имущество туркам. Турецкие войска шли по пятам за уходившими русскими солдатами. А через несколько времени большевики в Брест Литовске передали туркам ключи Закавказья - Батум, Карс, Ардаган. (6)

Закавказье сделало попытку отвести занесенный над ним удар. Для этого оно должно было оформить свою государственную самостоятельность. Отсюда провозглашение независимости Закавказской Республики 22 апреля 1918 года.

Однако наши усилия остановить на границах Закавказья турецкие полчища, хлынувшие через открытые большевиками ворота страны, оказались тщетными. А прямым результатом турецкого нашествия стал распад Закавказской республики и провозглашение независимости Грузии.

Одна и та же причина: необходимость защищаться от турок вызвала отказ Грузии от независимости в 18 веке и ее восстановление 26 мая 1918 года.

А господин Троцкий продолжает вопрошать - а где референдум? Он не замечает, что есть кое что в истории выше и сильнее референдума, есть историческая, неотвратимая необходимость, которая определяет волю всех без всякого референдума. Ведь опрос населения предполагает, что есть выбор, что предложение может быть принято или отвергнуто. Между тем, причины восстановления независимости Грузии не представляли народу выбора. Самосохранение нации диктовало только один выход, только одно решение. Этим Грузия была спасена от турецкого нашествия.

Все революционные общественные организации признавали эту историческую необходимость. Народные советы, демократически избранные городские управы, органы местного самоуправления, профессиональные союзы и - что было особенно важно для г-на Троцкого - также Совет рабочих делегатов в Тифлисе и национальный штаб Советов, принял и утвердил независимость Закавказья, а затем и Грузии Это единодушное волеизъявление народа имело моральный и политический вес всеобщего референдума. А затем независимость Грузии была санкционирована и торжественно подтверждена единогласным голосованием Учредительного собрания Грузии, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного пропорционального избирательного права для обоих полов.

Попытка Троцкого представить независимость Грузии как результат антибольшевистских махинаций отдельных политиков, которые действовали независимо от народа, действительно является попыткой покушения непрактичными средствами.

Уяснив этот основной факт, я могу для краткости обойти мелкие фальсификации и неправды Троцкого: произвольное и ложное толкование речи Церетели в Закавказском сейме, искажение роли

германских войск в Грузии, якобы цитаты из выступлений «старого меньшевика Топуридзе⁵⁰, представителя правительства в Батуме» и т. д.

Нейтралитет Грузии.

Теперь я перехожу ко второй главе, посвященной внешней политике Грузии, в частности ее нейтралитету. (7)

Троцкий считает нейтралитет Грузии сказкой. Он пытается разрушить эту «сказку» с тем же рвением, с каким всего несколько лет тому назад представители и пособники германского империализма опровергали «сказку» о нейтралитете Бельгии. Цель в обоих случаях одна и та же: немецкие империалисты должны были оправдать оккупацию Бельгии, а Троцкий должен был оправдать оккупацию Грузии.

Троцкий начинает со ссылки на конференцию представителей Грузинской республики, Кубанского правительства и Добровольческой армии, которая состоялась в Екатеринодаре 25-26 сентября 1918 года.

Протоколы этой конференции были опубликованы нами в то время сначала в нашем партийном органе «Борьба», а затем в сборнике «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии». Этими протоколами пользовался г. Троцкий, но, извлекая из них лишь несколько фраз, он скрыл от читателей истинный характер конференции, ее задачи и ее результаты.

В сентябре 1918 года Грузии угрожал голод. Главной задачей правительства было добыть хлеб для страны. С этой целью товарищ Гегечкори, занимавший в то время пост министра иностранных дел Грузии, отправился на Кубань (откуда Грузия всегда получала хлеб) для переговоров с кубанским правительством - с тем самым демократическим губернским правительством, чьи члены были впоследствии приговорены генералом Деникиным к смертной казни через повешение, но это правительство обладало тогда только гражданской властью, а военная власть осуществлялась командирами добровольческой армии, отказавшимися послать зерно в Грузию.

Для выяснения этих вопросов в Екатеринодаре было созвано совещание, из протокола которого г. Троцкий сформулировал против нас два обвинения: во-первых, мы дали убежище офицерам русской армии, во-вторых, мы добились договоренности с Алексеева и Деникина за совместную борьбу с большевиками.

Мы полностью принимаем первое «обвинение» и гордимся тем, что предоставили убежище офицерам, находившимся на нашей территории.

Гегечкори сказал по этому поводу на конференции в Екатеринодаре: *«Я могу с гордостью засвидетельствовать здесь, что в то время, когда почти вся Россия была охвачена варварством судов линчеваний, только у нас, в Грузии, благодаря обученной массе, благодаря работе политических руководителей, не было отмечено ни одного случая применения в Грузии насилия или факта о линчевания российских офицеров»* (8).

Теперь, по словам Троцкого, оказывается, мы совершили преступление, приютив этих несчастных, которых травили, как диких животных, большевики только потому, что они были офицерами, доблестно сражавшимися на фронтах.

Вместо того, чтобы хотя бы теперь признать свое варварство, Троцкий упорно твердит о том, что подстрекательство к офицерству и применение закона о линчевании было славным делом! Если это так, то почему он принял в свою армию впоследствии именно этих офицеров, не отвергнув даже таких запатентованных реакционеров, каковыми являются генерал Слащев и его приспешники?

Итак, мы принимаем эти обвинения и заявляем: да, мы не следовали в Грузии варварским методам большевиков, которые без суда и следствия истребляли офицеров по всей России методом самосуда.

Пусть Троцкий похвалится этим подвигом!

Второе обвинение Троцкого против нас есть абсолютная клевета. Цитируемый им документ содержит прямо противоположное тому, что он утверждает, что видно из заключительных слов, которыми закончил совещание генерал Алексеев: *«Наша точка зрения и точка зрения Грузии расходятся настолько резко, что нет возможности дальнейшего обсуждения оставшихся вопросов. Так как военно-политическая обстановка не выяснена и здесь не решены взаимные уступки, то нет смысла приступать к обсуждению торгово-промышленных вопросов. Как бы мне ни было жаль, я должен объяснить, что наша конференция закрыта, и закрыта безрезультатно»*.

На этом конференция подошла к концу.

Между Грузией и Добровольческой армией произошел открытый разрыв, впоследствии приведший к вооруженным конфликтам между сторонами. Троцкий скрывает все это от читателей и уверяет в обратном: Оказывается мы договорились с царскими генералами о борьбе с большевиками! Врите, господа, но знайте меру!

Свою позицию по поводу гражданской войны в России мы изложили 26 октября (8 ноября) 1917 года, на следующий день после переворота, устроенного большевиками [в Петрограде], в резолюции совместного заседания Тифлисского Совета рабочих делегатов и Национального центра Советов. В этой резолюции мы заявили, что *«Подавление (переворот) силой оружия неизбежно приведет к торжеству»*

⁵⁰ Диомид Алексеевич Топуридзе (16 августа 1871, Хета, Самегрело, Зап. Грузия — 11 декабря 1937) — российский революционер, меньшевик, губернский комиссар Временного правительства России, участник Октябрьского переворота в Саратове. Член Учредительного Собрания Грузии.

контр - революции и гибели завоеванных свобод»⁵¹. Тем самым мы раз и навсегда подвели черту между нами и любой военной интервенцией, Гражданской войной и Добровольческой армией. Но в пределах Грузии мы, конечно, не допустили повторения московского эксперимента и боролись против нашего внутреннего большевизма. Гегечкори сказал по этому поводу на Екатеринодарской конференции следующее: *«Наша цель - защитить наши границы и нашу республику от всех враждебных элементов. Наша задача - защитить нашу демократическую республику, ее территорию, ее порядок и ее права от всякого, кто захочет ее прикоснуться, будь то большевики или кто - либо еще»*.⁵²

Хочу также отметить, что Грузия тогда вела оборонительную борьбу против большевиков, вторгшихся на нашу территорию с побережья Черного моря. Несколько сотен кубанских казаков, (9) пришедшие к нам через горы сдавались командующему грузинскими войсками генералу Мазниеву для борьбы с большевиками. Генерал Мазниев⁵³, который, по его прямому заявлению, даже ничего не знал в то время о существовании добровольческой армии, естественно, принял эту поддержку⁵⁴. Если г-н Троцкий раньше и теперь прибегал к услугам китайцев, абсолютно ничего не знающих о русских делах, для подавления народного движения, то какие основания были у нас отказываться от поддержки наших соседей в защите наших границ до вторжения Троцкого? Нейтралитет означает не отказ защищать себя, а отказ от нападения на другую страну. Мы не нападали на Россию, но в то же время отражали ее вражеские атаки.

«А как же Врангель?» - восклицает Троцкий. Ведь Грузия прислала ему на помощь *«30.000 бойцов!»*

Это обвинение, однако, не подтверждается даже видимостью каких-либо доказательств; Троцкий просто вытряхнул этот номер «из рукава».

Почему, спрашивается, именно 30.000, а не 50.000, или, например, 5.000?

Если бы автор хоть немного подумал, он бы сам увидел нелепость своего утверждения. Сколько пароходов нужно, чтобы перевезти 30.000 человек с оружием и боеприпасами, как намекал глава русской армии? И мы терпели такую сильную иностранную армию у себя в стране, где сами не имели и половины такой военной мощи?

Врите, но сохраните хоть маленькое приличие, господа большевики!

В действительности же факты были таковы: часть добровольческой армии, которую теснили большевики, перешла через Кавказский хребет с севера и, как до них большевистская армия, проникла на территорию Грузии. Мы разоружили Добровольцев, которых насчитывалось около 5.000 человек, большинство из которых были нашими соседями: Лезгины, ингуши, осетины, черкесы, насильно мобилизованных Деникиным. Все эти люди один за другим возвращались в свои дома, даже не доехав до железнодорожной ветки. Некоторые разбежались в Грузию, где нашли работу, а мы разместили несколько сотен казаков в Поти.

Мы поддержали их несколько месяцев, а потом по потом мы сами предложили или найти заработок или уехать. Или Троцкий думает, что мы должны были заботиться о них до последнего? На каком основании это должно было произойти? Законы нейтралитета в гражданской войне в другой стране не тождественны законам нейтралитета в войне между государствами. В последнем случае экипажи, пересекшие границы, интернируются до конца войны, а расходы на содержание оплачивает заинтересованное государство. Однако в первом случае солдаты, пересекшие границу, рассматриваются исключительно как беженцы.

Тем не менее, мы поддержали 7.000 таких беженцев-большевиков в Тбилиси, обеспечили их одеждой и обувью и наконец дал каждому из них деньги на проезд до (10) границы большевистского государства. Троцкий, безусловно, хорошо осведомлен об этом, ибо это были солдаты его армии.

А теперь несколько сотен казаков, бывших в Поти и разбросанных во все стороны, превратились у Троцкого в 30 тысяч вооруженных бойцов!

Троцкий делает из комара слона!

Между прочим, как мало можно верить притязаниям большевиков, видно из следующего факта: 21 июля 1920 года грузинское правительство получило ноту под номером 648 от полномочного представителя Советского правительства в Тифлисе г-на Кирова со следующим сообщением: *«Из достоверного источника мы получили известие о том, что пароход «Кисиль-Аrvat» с 800 добровольцами на борту, направляющийся к генералу Врангелю в Крым, 13 июля вышел из порта Батум под французским флагом. В настоящее время в порту Батума «Петр Великий» принимает груз, уже имеющий на своем борту ддя отправления в Крым добровольцев - бывших воинов армии ген. Деникина и груза керосина»*.

Получив эту ноту, грузинское правительство немедленно сформировало смешанную комиссию с участием двух представителей батумского отделения советской миссии, гг. Бекендорфа и Чернышева, которой доверил расследование этого дела. Рассмотрев дело, комиссия 24 июля составила Эрвей-протокол, в котором единогласно признала полную беспочвенность обвинений в записке г-на Кирова.

В одном из таких журналов читаем:

«На борту моторно-парусной шкуны «Петр Великий» керосина, помимо нужного для мотора количества, не оказалось и к погрузке не предполагается. Притом, то количество керосина получено

⁵¹ См. «Документы и матерьялы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, Типография Правительства Грузинской Республики, 1919 год., 514.

⁵² Там же, Стр. 400.

⁵³ Георгий Иванович Мазниашвили (Мазнев), (6 апреля 1870 — 16 декабря 1937) — национальный герой Грузии, грузинский генерал, военачальник Грузинской Демократической Республики. Кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени. Полковник Русской императорской армии.

⁵⁴ Там же. Стр. 397.

шкунной в Новороссийске При осмотре шкуны пассажиров на ней не было, но предполагается взять пассажиров от 20 до 80 человек, - больше шкуна не может взять».

Во втором журнале читаем:

«Пароход «Кисиль-Арват» прибыл в Батум 7 июля в 19 часов вечера под французским флагом со стороны моря.... Большинство пассажиров остались на борту. 13 июля в 7 часов вечера, пароход вышел из порта, имея на борту около 1.000 пассажиров, большинство из которых составляли женщины и дети. В Батуме на борту находилось около 40 мужчин, среди которых не было найдено ни одного военного».

Вот такие вот «надежные источники» у господ большевиков!

Отмечу еще, что после заключений смешанной комиссии, большевики не решались повторять против нас обвинения в отправке военной контрабанды генералу Врангелю. И лишь год спустя, после завоевания Грузии г-н Троцкий воскресил старую сплетню г. Кирова, в свое время опровергнутую его - же чиновниками, очевидно воскресил ее за неимением лучших аргументов против нас. (11)

То же самое и со ссылкой Троцкого на мое письмо генералу фон Кресс, 15 декабря 1918 г. В данном случае Троцкий совершает двойную фальсификацию: во-первых, по вопросу о большевиках он ссылается на письмо, в котором нет ни слова ни о большевиках, ни о России вообще; во-вторых, он неверно цитирует мое письмо, тем самым придавая ему прямо противоположный характер.

Реальные факты таковы: в середине октября 1918 г. генерал фон Кресс предложил правительству Грузии активно участвовать в войне на стороне Центральных Держав.

На это предложение я ответил отказом и при этом написал: *«Я никогда не рассматривал международное положение Грузии, как положение государства совершенно⁵⁵ нейтрального, так как очевидные факты нам показывают обратное. Поэтому я охотно соглашаюсь с вами, когда Вы определяете это положение, как «государства, соблюдающего ограниченный нейтралитет. Исходя из этого определения, вполне определяющего события нашей политической жизни я должен сказать, что несмотря на то, что наш нейтралитет ограничен и каков бы ни был его объем, он является тем не менее фактом⁵⁶.»*

Чем же был ограничен наш нейтралитет? Да самым фактом присутствия на нашей территории, во время всемирной войны, генерала Кресс и его солдаты, - подобно тому, как был ограничен, еще в большей степени, нейтралитет Советской России фактом присутствия в Москве графа Мирбаха⁵⁷.

Прямой ложью является утверждение Троцкого о помощи будто бы оказанной нами Турции при перевозке ее войск против Баку. Ни один турецкий эшелон не был пропущен нами через территорию Грузии. Войска турецкого султана пришли на Баку походным порядком через Карсскую и Ардаганскую области, который сам же г. Троцкий в Брест - Литовске передал Турции.

Поздравления, будто бы принесенные мною по поводу падения Баку, - старая клеветническая выдумка, которая в свое время была официально опровергнута мною.

Г-н Троцкий явно переплел падение Баку и убийство коммунистов в Асхабаде со своей антигрузинской полемикой, чтобы произвести впечатление на тех читателей, которые не знают, где Баку, где Асхабад и где Тифлис.

На самом деле, если у турецкого султана и были союзники в Закавказье, то это были не кто иные, как большевики. Они отдали Турции ключи от Закавказья (Карс, Ардаган и Батум), они передали войскам Вехиб-паши на фронте огромное количество военной техники; они поднимали восстания в тылу наших войск, сражавшихся с турками; они пытались сорвать нашу мобилизацию; в решительный момент они с позором покинули Баку, а впоследствии открыто объединились с кемалистами. (12)

Не вдаваясь в мелкие замечания Троцкого, - этот господин так же правдив и добросовестен в мелочах, как и в своих основных утверждениях, - сошлюсь только на его ссылку на наших товарищей, русских меньшевиков.

Российские и грузинские меньшевики

В декабре 1918 года конференция российской Соц. - Демократической Партии вынесла резолюцию, которая, может быть истолкована, как осуждение политики грузинской социал-демократии.

Господин Троцкий ликует.

Но вспомним, каковы были в то время уловия сношений между Кавказом и Россией. Вспомним, в какой моральной блокаде держала большевистская власть страну, как систематически обманывала она население. Что же удивительного, если наши российские товарищи в декабре 1918 года не имели ясного представления о нашей политике и сочли вынужденными, в условной форме, отмежеваться от той политики, которую нам приписывали газеты г. Троцкого.

Позже, когда наши российские друзья получили подробную информацию о ситуации в Грузии, они отменили эту резолюцию и продолжали поддерживать Грузию.

Поэтому попытка использовать в 1922 году меньшевистскую революцию 1918 года для того, чтобы набросить тень на нейтралитет Грузии и оправдать ее завоевание, ее оккупацию, эта попытка г. Троцкого может вызвать лишь брезгливость.

⁵⁵ Это слово опущено Троцким. Н.Жорд.

⁵⁶ «Документы и материалы» стр. 387.

⁵⁷ Граф Вильгельм фон Мирбах (2 июля 1871, Бад-Ишль — 6 июля 1918, Москва) — граф, германский дипломат, с апреля 1918 года посол Германской империи при правительстве РСФСР в Москве. Участник советско-германских мирных переговоров в Брест-Литовске (декабрь 1917 — март 1918).

Внутренний режим

Внутренняя политика Грузии «разоблачается» г. Троцким с таким же успехом, с каким он «разоблачал» нарушение Грузией нейтралитета.

Троцкий ссылается на крестьянские восстания, якобы имевшие место в Грузии.

Но он не говорит, где происходили эти «беспорядки».

Этот его пробел очень неприятный.

Точное перечисление этих восстаний позволило бы читателю составить представление о характере этого явления. За время существования Демократической Республики Грузия на ее территории трижды происходили события, которым большевики стремились придать характер крестьянских восстаний.

Эти события происходили: 1). В июне/июле 1918 г. на побережье Черного моря; 2). В сентябре 1919 г. в районе Душети и 3). В мае/июне 1920 г. в Осетии.

Во всех трех случаях события развивались по одной и той же схеме: вооруженные большевистские банды ворвались в Грузию из России, с помощью взяток, угроз и насилия привлекая к участию в своих дальнейших операциях отдельных лиц из числа местного населения и не гнушаясь демагогически эксплуатировать чувство местного сепаратизма среди наиболее отсталого населения Абхазии и Осетии. В большинстве случаев, когда к ним подходили наши вооруженные силы, поддерживаемые большинством населения, большевистские банды просто убежали, оставляя свои пушки, пулеметы и винтовки.

Но в единичных случаях имели место вооруженные столкновения, в ходе которых имели место, с одной стороны, спровоцированные большевиками беспорядки против местного населения, а с другой - отдельные мародеры расстреливались военно-полевыми и полевыми судами. (13)

Цитаты из докладов тов. Джугели⁵⁸, приведенные г. Троцким, ясно показывают, как трудно приходилось нашим товарищам, работавшим в рядах народной гвардии, бороться с этими эксцессами. Что же касается событий в Абхазии, то они не имели никакого внешнего сходства с крестьянским восстанием. Скорее, они представляли собой попытку местных контрреволюционных помещиков захватить власть с помощью турецкого десанта. Само собой разумеется, что мы оказали сопротивление этой попытке и силой отогнали высадившиеся турецкие войска.

Не буду здесь подробно останавливаться на фантастических рассказах Троцкого о нашем «Особом отряде». В действительности этот отдел в Тбилиси выполнял весьма скромную роль тайной полиции, не выполнявшей ни следственных, ни судебных функций и не имевшей никакой самостоятельности. Только при полном пренебрежении к истине это ведомство можно сравнить с «ЧК» в Советской России, которая решает вопросы жизни и смерти граждан, не связана никакими законами и ни перед кем не отчитывается.

Г-н Троцкий рассказывает, что в октябре 1919 года в Грузии было расстреляно 30 коммунистов.

Это прямая ложь!

Меня только удивляет, что г-н Троцкий довольствуется скромным числом 30: он мог бы с таким же успехом заявить, что мы расстреляли 300 или 3.000 большевиков, - эффект был бы еще больше.

Далее г-н Троцкий говорит, что партия большевиков в Грузии в 1918-1920 годах существовала нелегально.

Это неправда!

Партия большевиков вела открытое существование в Грузии, но ее органы печати, подстрекавшие народ к восстанию и даже отрицавшие саму идею независимости Грузии, были фактически заблокированы нашими властями, а агенты большевистской партии, готовившие заговоры, были арестованы и высланы в Россию.

После 7 мая 1919 года Коммунистическая партия Грузии выступила с заявлением о признании независимости нашей республики и отказе от заговора для борьбы против нашего правительства, в результате чего она была официально легализована, и наше правительство даже выделило ей специальное помещение.

В то время Грузия была буквально наводнена агентурой из Советской России. Десятки из них ежедневно пересекали наши границы, привозя с собой оружие и целые пачки бумажных денег (в пропагандистских целях). Нам удалось задержать некоторых из этих агентов, освобожденных после подписания нашего договора с Советской Россией.

Господин Троцкий торжествует: Посмотрите, сколько большевиков было в грузинских тюрьмах! Я бы задал г-ну Троцкому такой вопрос: что было бы, если бы какое-нибудь соседнее государство направило в Советскую Россию своих агентов для заговоров, восстаний, и т. д. и если бы эти агенты были задержаны советскими властями? Если бы жизнь этих людей была сохранена, вернули бы им свободу? Какой гротеск: г-н Троцкий, русский военный комиссар, верховный начальник пеших и конных палачей, в роли нравоучительного обличителя Грузии, затоптанной ее войсками! (14)

Действительно, лицемерие этого человека не знает границ!

Г-н Троцкий обвиняет нас в том, что Тифлис был местом сбора контрреволюционеров с Украины, Кубани, Дагестана и Северного Кавказа. Но для большевиков «контр - революционерами» являются все, кто не на их стороне. На деле же мы предоставили убежище всем политическим беженцам - большевикам, бежавшим от Деникина, а также украинцам, казакам и кавказским горцам, бежавшим от большевистской «ЧК». Никакой другой политики не может придерживаться свободная, демократическая страна!

⁵⁸ Валентин (Валико) Константинович Джугели (1 января 1887, Тифлис — 30 августа 1924, Грузия) — грузинский политический и военный деятель, член Учредительного собрания Грузии. Командующий Национальной гвардии Грузии.

Народная гвардия.

Г-н Троцкий пытается убедить читателей, что демократическое правительство в Грузии держится на штыках Народной гвардии. Он рассказывает всякую чушь о Народной гвардии и описывает ее как власть, не зависящую ни от одного из демократических институтов республики.

Правда о народной гвардии такова: в ноябре-декабре 1917 г. Совет тифлиссских рабочих делегатов положил начало организации вооруженных сил Грузии, создав Красную Гвардию из тифлиссских рабочих. Это была чисто революционная вооруженная сила, находившаяся в исключительном ведении Тифлиссского Совета рабочих делегатов.

После провозглашения независимости Республики Грузия и образования единого социалистического правительства во главе с председателем Тифлиссского рабочего совета и Национального центра советов Собрание 8 июня 1918 г. приняло постановление, в котором, как лучшее свидетельство взаимоотношений между советами и общедемократическими учреждениями Грузии, воспроизводится дословно следующее.

Резолюция гласит: *«После обсуждения положения страны, создавшегося в результате заключения мира с Турцией, Генеральная ассамблея Национального Штаба Советов, Исполнительного Комитета и Штаба Красной Армии постановляет следующее: Важнейшим требованием момента является создание сильной, дееспособной государственной власти. Следует объединить всю демократию и противостоять всем попыткам извне и изнутри уничтожить нашу независимость и наши революционные завоевания.*

Революционные организации, обладающие реальной властью и выполняющие некоторые государственные функции, с одной стороны, и правительство, выступающее носителем государственных функций, но не имеющее реальной власти, с другой стороны, не могли создать отдельно друг от друга демократический государственный аппарат.

Соединение этих двух элементов, т. е. сохранение революционной организации, как руководящей политической организации рабочего класса, с передачей в то же время всех вооруженных сил в руки демократического правительства, - вот единственный способ создать солидную государственную власть. (15)

Бюро Исполкома поручить разработать формы этого объединения по согласованию с Правительством».

Так нам виделось слияние реальной власти Советов с правительством, с гвардией, поставленной непосредственно во главе правительства (который был также главой рабочего совета).

Самоопределение народов.

В IX главе, посвященной «*праву народов на самоопределение*», Троцкий обсуждает главный вопрос нашего спора.

Как - же он оправдывает нарушение правительством Москвы права грузинского народа на самоопределение? Очень просто.

Он объясняет:

«Мы не только признаем принцип самоопределения, но и всячески поддерживаем его там, где он направлен против феодальных, капиталистических, империалистических государств. Однако там, где фикция самоопределения превращается в руках буржуазии в оружие, направленное против революции пролетариата, мы не видим оснований относиться к этой фикции иначе, чем ко всем другим «принципам» демократии, превращенным в свою противоположность. по капиталу».

Здесь г-н Троцкий оставляет за собой право решать, где найти «буржуазию» и где найти «революционный пролетариат»; где следует иметь дело с реальными «принципами», а где с «фикцией самоопределения».

В конечном итоге замечания Троцкого можно свести к следующей фразе: мы уважаем право народов на самоопределение, тогда, когда оно нам выгодно; в остальных случаях мы противостояем этому праву своими штыками и пушками.

Старое, старое евангелие империалистского грабежа!

Но напрасно г. Троцкий пытается представить свою точку зрения как новое откровение пролетарской революции. Он также тщетно пытается оправдать отказ советского правительства вывести свои войска из Грузии, указывая на империалистов Запада.

Вот что он пишет об этом:

«Требование вывода советских войск из Грузии и проведения референдума «под контролем смешанных социалистически-коммунистических комиссий» является одной из самых подлых империалистических ловушек, расставленных под флагом национального самоопределения». В качестве доказательства Троцкий приводит корабли Антанты в Черно море. Но эта ссылка не выдерживает критики не более, чем заявление Троцкого о том, что войска Советской России бросились на помощь большевикам в Грузии. Горстки большевиков найдутся в любой стране, и если Московское правительство претендует на право посылать свои армии на помощь любой горстке большевиков в другой стране, то это открывает перспективу войн во всех частях света! (16)

Таким же образом, трудно предсказать, где останутся захватнические планы Троцкого, когда он заявит о праве сосредоточить свои войска в каждой стране, у берегов которой крейсируют корабли Антанты.

Нет, эти детские мотивы не объясняют завоевания Советской Россией независимой Грузии. Истинная причина этого завоевания, о которой г. Троцкий лишь мимоходом упоминает, была публично раскрыта г-ном Радеком, когда он заявил на берлинской конференции трех Интернационалов, что *«московское правительство завоевало Грузию и держит страну под своей оккупацией с целью только самим контролировать пути выхода бакинской нефти в Черное море»*.

Завоевание чужой страны руководясь своими экономическими предпочтениям называется империализмом. Такую политику грабежа всегда практиковали крупнейшие государства по отношению к своим более слабым соседям.

Сколько бы клеветы г-н Троцкий ни распространял против Грузии, сколько бы новых предложений он ни изобретал для оправдания завоевания нашей страны, он не сможет ввести в заблуждение общественность, как не сможет стереть со своего лба клеймо подлинного русского империализма, которое досталось им в наследство от царизма.

Необходимость арбитражного суда.

Наконец, несколько слов в ответ на вызов, который бросает нам г. Троцкий в своих письмах, требуя опубликовать содержание наших архивов.

Мы с готовностью принимаем этот вызов.

Чтобы поставить вопрос на почву практического осуществления, мы, со своей стороны, предлагаем г. Троцкому: все документы по грузинскому вопросу передать беспристрастному международному рабочему трибуналу, который должен вынести свое решение на основании эти документы.

Мы заявляем о своей готовности с самого начала подчиниться вынесенному ими приговору.

Пусть и большевики возьмут обязательство подчиниться этому приговору.

В ожидании ответа,

Ной Жордания
Глава Правительства Грузинской Демократической Республики.

23 июля 1922 года.

«Imperialismus unter revolutionärer Maske:
Eine Antwort an Trotzki».
Von Noe Jordania
Tony Breitscheid Verlag,
Berlin W 15,
1922;
ЦИАГ. Ф. 2113, Оп. 1. Д. 210. Л.л. 60-68.
(с) Ираклий Якобашвили. Публикация.

Декларация Польской группы «Прометей»

Милостивый Государь,

Прилагаю при этом Декларацию Польской группы «Прометей».

Целью декларации является создание основы для согласования взглядов на перемены, которые произошли в международной обстановке и в политических условиях прометейского движения со времени начала второй мировой войны.

Декларация эта направлена к членам Прометейя с давних лет принимающим участие в движении.

Все участники Прометейского движения отдают себе, без сомнения отчет в том, что в современную эпоху это движение находится в исключительно благоприятных условиях, для достижения своих целей. Несомненным является также то, что общая тенденция движения характеризуется тесным сотрудничеством всех его участников.

Но даже если бы оказалось, что согласованное организованное сотрудничество всех участников или местных центров движения было бы невозможным из за технических или иных причин, то и в этом случае координация взглядов и мнений является необходимым для того, чтобы деятельность отдельных частей движения выходила из одинаковых постулатов и шла бы параллельными путями.

В связи с этим обращаемся к Вам с просьбой высказаться по поводу прилагаемой декларации. Полученные ответы будут служить базой, исходя из которой можна будет выработать такие формулировки, которые могли бы быть приняты всеми как общий объединенный фронт Прометейского движения.

Эти формулировки были бы основанием для согласованных выступлений извне всех Прометейских центров.

Прилагаемая декларация оставляет определение отношения к русскому народу для совместной формулировке.

Не может подлежать сомнению, что цели Прометейского движения были бы более легкими для достижения если бы в русском народе произошли более глубокие перемены, если бы Прометейский дух очистил русский народ от вековых традиций - результатом которых является рабство завоеванных Россией народов, настоящее освобождение самого русского народа может быть только достигнуто путем победы прометейской идеи.

Тем не менее на фоне общих тенденций создания будущего устройства мира на основе больших политических группировок, русская политическая мысль производит впечатление, что она остается верной взгляду относительно возможности дальнейшего применения старых методов и роли русского государства. В пределах, доступных для наблюдения в настоящих условиях нет данных для утверждения, что наступило уже в русском народе понимание необходимости основной искренней перемены в отношении к народам, терпящим под ярмом России и борющихся за свою свободу и независимость.

За польскую группу "Прометей"

Председатель
Т[адеуш]. Шецель

Лондон, 19 марта 1951

1 аннекс.

ЦИАГ. ф. 1861. Оп. 3. Л. 402. Л. 1.
(с) Ираклий Якобашвили. Первая публикация.

*

ПОЛЬСКАЯ ГРУППА «ПРОМЕТЕЙ» В ЛОНДОНЕ.

Начало второй мировой войны завершило один этап деятельности Прометейского движения. Условия, существовавшие до 1 сентября 1939 года, в особенности, соотношение международных сил, подверглась радикальным изменениям.

Сравнение сегодняшнего положения с положением, существовавший 12 лет тому назад, приводит к следующим утверждениям:

Прометейское движение репрезентировало всегда борьбу угнетенных России народов за право жить независимой жизнью. Опыт и наблюдения последних лет углубила в народах, объятых Прометейским

движением, убеждение, что это движение является не только борьбой за реализацию освободительных лозунгов, но и защитой прав отдельных точностей, как равно и защитой целых народов от опасности полного Физического уничтожения.

Вторая мировая война выявила, что все Прометейские народы находятся под угрозой не одного, а двух центров безудержного захватничества, а именно: России и Германии.

В результате Второй Мировой Войны, вся Средняя Европа очутилась во власти России. Народы, которые до 1939 года развивались в условиях независимой жизни, находятся сейчас в рабстве, подобно как и народа, которые вторично были поработаны Россией после Первой Мировой Войны. Таки мобразом, количество Прометейских народов значительно увеличилось.

В борьбу против разрушительной силы русского коммунизма, проводимую в одиночестве в течении многих лет угнетенными Россией народами, втянуты сейчас почти все народы. Развивающийся конфликт между Советской Россией и миром, не находящимся в ее власти, приближает развязку, от которой зависят также судьбы угнетенных Москвой народов.

Последние 50 лет

Дважды в течении последних 50 лет полностью выявились позиции Москвы и Берлина по отношению других народов и по отношению естественного права каждого народа жить независимой жизнью.

Враждебная тенденция в отношении этих принципов пропитывала действия Германии в 1914-18 г.г. Не менее враждебные было отно(2)шение царской России к угнетенным ею народам. Убедительным свидетельством освободительных стремлений поработанных Россией народов был факт прекращения ими всякой связи с русским государством последовавший в ответ на признание права па самоопределение, прокламированное «демократической» Россией Керенского.

Державы - победительницы в Первой Мировой Войне, после поражения Германии и перед лицом происходящих революционных перемен в коммунистической России после 1917 года признали факт восстановления государственной независимости рядом народов, но, одновременно с этим, они не воспрепятствовали новому кровавому захвату большевистской Россией ряда возродившихся государств в районе Черноморско - Каспийского Междуморья.

Победа Польши в 1920 году задержала империалистическую экспансию России на Запад, но она, однако, не принесла освобождения тем народам, которые повторно были захвачены Москвой.

3. В промежутке между войнами, задачей суверенных народов средней Европы было укреплено независимости. Цель эта могла быть достигнута только солидарной акцией, которая создала бы мощь, способную противостоять захватническим стремлениям Германии, как равно и усиливающейся угрозе со стороны Москвы. Однако, консолидация этого района затруднялась политикой Западных держав, делающих из него арену политической игры.

4. В 1939 году Германия, вступив в заговор с Россией, вызвала Вторую мировую войну. Ничто не свидетельствует о том, что понесенное поражение уничтожило в ней жажду мирового господства. Москве же война принесла расширение сферы господства влияния на огромные пространства, увеличивая этим ее возможности к захвату всего мира.

5. Вторая мировая война выявила также, что цели и стремления Держав и Прометейских народов были различны. Выявила она и факт игнорирования Державами принципов, провозглашаемых ими самими же во время развития военных действий.

Запад, руководимый оппортунизмом, отказался от значительных пространств западной цивилизации, отдавая в добычу Москве не только те народы, которые во время войны принуждены были к сотрудничеству с врагом, но даже и те, которые в лояльном сотрудни(3)честве с Западом, во имя провозглашаемых им лозунгов, понесли огромные жертвы людьми и достоянием.

6. Союз Западных держав с Советским Союзом, созидаемый в в огне борьбы с Германией, оказался вскоре пагубным для Западных держав. Желая найти противоядие против угрожающих последствий этого союза, они стараются восстановить мощь Германии и Японии. Западные державы по прежнему недооценивают значения Прометейских народов, которые должны быть их естественным и верным союзником в борьбе с Россией, если будут убеждены в том, что победа принесет им желанное освобождение. На Западе нет также и понимания того, что в этой части мира нельзя достичь долговечного спокойствия путем созидагия равновесия между сильной Россией и сильной Германией и что это спокойствие может быть достигнуто только путем добровольных союзов между свободными народами. Ибо союзы эти являются, не только восстановлением исторической справедливости, но равно гарантируют и безопасность в случае возрождения концепции германо - руского союза.

7. Навязанное державами положение создало общую дезориентацию хаос в понятиях и подорвало взаимное доверие. Во многих эмигрантских центрах утвердилось убеждение, что единственным путем

ведущим к освобождению, является путь подчинения Державам или же пассивное ожидание развития событий, ибо-те только державы в состоянии решать судьбы народов и мира.

8. Борьба между двумя системами и диаметрально противоположными концепциями жизни принесет поражение или победу одной из этих систем. Сущность конфликта заключается не только в сохранении прав личности, добываемых в течении веков, но и в спасении целых народов, как равно и общечеловеческих достижений духовной культуры. Эта борьба и веденая сейчас всем некоммунистическим миром была начата Прометейским движением много лет тому назад, но цели, к которым стремится «Прометей», не стали еще целями общепризнанными и общепринятыми.

Выводы.

1. Характер усилий, потрясающих человечество, говорит о том, (4) что конечная победа будет решена не материальной силой, находящейся в распоряжении каждой из сторон, но прежде всего, человеком. Ружье и танк, машина, подводная лодка или самолет, снабженный атомной бомбой, обслуживаются человеком и результат столкновения будет зависеть от того, как он будет вести себя. Факт этот увеличивает шансы победы Прометейского движения.
2. Прометейские народы, многократно разочарованные в своих надеждах в отношении Западных держав, должны утвердиться в убеждении, что наиболее мощным оружием в их руках является солидарность их действий, которая увеличит их силу сопротивления и претворит их в веский независимый фактор в международных отношениях.
3. Прометейские народы должны еще еболее укрепить в себе убеждение что трагическое положение, в котором они находятся, требует не дробления стремлений в целях реализации второстепенных задач, но концентрацию всех усилий на основных целях: защите народа от истребления и достижении независимости.
4. Полноправным партнером в международных отношениях может быть только тот, кто сохраняет независимое положение и свободу действий. Представительства Прометейских народов должны познать это в полной мере.
5. Ввиду увеличения сферы советской оккупации, акция Прометейского движения должна включить в себя также те народы Средней Европы, которые только в результате Второй мировой войны оказались во власти Москвы.
6. Прометейские народы уже теперь должны положить основание реализации системы союзов свободных народов, освобожденных из под власти России и угрожаемых в будущем новыми захватническими попытками русского и германского империализмов. Объединение Прометейских народов на обширных пространствах, тянущихся от Балтийского моря и восточных границ Германии к бассейну Дуная и далее к Черноморско-Каспийским берегам и в своей южной части опирающихся на страны Ближнего и Среднего Востока, будет несокрушимой гарантией их независимого существования и мощным основанием равновесия в стой части мира.

Польская Прометейская Группа выражает уверенность, что представители Прометейского движения, признавая солидарность в качестве основного условия победы Прометейских Идей, приложат все усилия для укрепления связи между ними, ослабленной в течении Второй мировой (5) войны но восстановленной до сих пор, не смотря на то, что необходимость совместных действий чувствуется во всей полноте: что достижение единения не останется без влияния не. наших братьев,находящихся в настоящее время под иноземным владычеством, предвидение триумфа Прометейских Идей утвердит в народах, пребывающих сегодня под гнетом Советской России, уверенность, что в единстве «вольных с вольными и равных с равными» содержится цель, к которой неуклонно стремится нам надлежит.

За Польскую Группу «Прометей» в Лондоне

Т. Щецель
Председатель.

Лондон, 19 марта 1951 г.

ЦИАГ. ф. 1861. Оп. 3. Д. 402. л.л. 2-4
(с) Ираклий Якобашвили.Первая публикация

Васан - Гирей Джабаги

Из истории провозглашения независимости Республики Северного Кавказа

11 мая с. г. исполнилась тридцать пятая годовщина провозглашения Независимой Республики Северного Кавказа. Приблизительно две недели спустя, примеру ее последовали Грузия, Азербайджан и Армения. Таким образом, в мае 1918 года состоялось отделение всего Кавказа от России. На протяжении тысячелетий своей истории Кавказ и его народы вели беспрестанную войну то против южных, то против северных соседей, а в том числе, и против завоевателей, которых Азия высылала из своих недр на Запад - в Европу.

Однако, до появления русских не было еще случая, чтобы весь Кавказ был покорен какой-нибудь внешней силой. Если равнины переходили под чужую власть, то кавказские горы давали неизменно приют и убежище разбитым народам, которые при первом удобном случае возвращались опять на плодородные земли предгорий и плоскостей.

Когда появились впервые русские, северные границы Кавказа доходили до устьев Дона и Волги. Во времена Шейха Мансура (конец XVIII-го столетия) границная линия проходила от Ейска, по Маньчу и Куме.

Северный Кавказ, который своим географическим положением и волей судеб был призван играть главную роль в обороне всего Кавказа, исполнил свою обязанность защитника свободы и независимости всех кавказских народов с таким мужеством, что это вызывает до сих пор восхищение всего мира. Действительно, малые горские народы отстаивали против самой крупной империи мира «каждую пядь своей земли, стоя сами по колено в крови», как образно выражался в 1861 году один из современников и историков Русско-Кавказской войны француз Дюлорие (Dulaurier).

Названная война продолжалась официально от 1785 до 1864 г.. то-есть ровно 80 лет, причем величайшие русские писатели - Пушкин, Лермонтов, Лев Толстой и др. воспели доблесть и героизм северокавказских бойцов за свободу. Но и окончании Русско-Кавказской войны борьба только Северного, но и Южного Кавказа против русского владычества продолжалась в той или иной форме, теми или иными средствами.

Как сама война, так и частые восстания и упорное сопротивление руссификационной политики царской России, а также и Советского; Союза, обошлись, в особенности Северному Кавказу очень дорого: сотни тысяч убитых, один миллион черкесов и чечено-ингушей, принудительно высланных с Кубани и Терека в Турцию (1859-1865 гг.) и другой миллион чечено-ингушей и балкаро-карачаевцев, депортированных в 1944 г. Кремлем в Среднюю Азию и в Сибирь. Вследствие такой драконовской политики правительств старого Санкт-Петербурга и красной Москвы. Северный Кавказ лишился половины, своего населения и потерял территорию равную 400000 кв. км.

Все эти неслыханные потери и жертвы принесены были северокавказцами во имя свободы и независимости. Поэтому неудивительно, что они приветствовали с величайшей радостью февральскую революцию 1917 года, в надежде, что, наконец, снова засияет для них солнце освобождения и независимости.

Уже в начале мая (1-9) того же [1917] года созван был общегорский съезд во Владикавказе, закончившийся заключением братского союза всех северокавказских народов, включая в него и ногайцев и туркменов, и избранием Центрального Комитета, в состав которого вошло по одному представителю от всех горских народов Кавказа. Несколько сот делегатов, участвовавших на съезде, принесли на Коране и Евангелии (осетины - христиане) (17) присягу верности союзу и подтвердили решимость отстаивать свободу.

На съезде не было еще произнесено слово «отделение от России», но всем участникам было ясно, что борьба идет за свободу и независимость. Такое поведение объяснялось тем, что никто еще не знал какими путями пойдет революция, а также и тем, что предвиделись трения и столкновения коренных горских народов с пришлым русским населением - казаками и т. называемыми «иногородними». Съезд постановил также войти в орошения и союз с народами Южного Кавказа - азербайджанцами, грузинами и армянами.

Необходимо тут сразу же подчеркнуть, что кавказские горцы, исповедующие в своем подавляющем большинстве Ислам, не руководствовались религиозным фанатизмом или панисламизмом, а исключительно политическими целями. Об этом ясно говорит тот факт, что Северный Кавказ, которому было предоставлено 6 мест во Всероссийском Мусульманском Совете в Петрограде, отказался дать туда хотя бы одного делегата. Впрочем, осетины-христиане и осетины-мусульмане были приняты в Союз, как один единый народ.

Дальнейшим доказательством намерения стать с течением времени самостоятельной и независимой нацией является и тот факт, что Центральный Комитет Союза Горцев Кавказа отказался участвовать в работах общероссийских комиссий, которым было поручено правительством Львова выработать закон о местном самоуправлении и порядок избрания членов будущего Учредительного Собрания. Тем же горцам, которые, тем не менее, были в разных избирательных округах Северного Кавказа выбраны депутатами, он вменил в моральную обязанность отказаться от участия в названном Учредительном Собрании.

Приведем еще следующий характерный факт, свидетельствующий о решимости Северного Кавказа отойти от России, - а именно, запрещение Центральным Комитетом войскам Кавказской Туземной Дивизии, состоявшей из северокавказцев, участвовать в походе генерала Корнилова на Петроград, против

правительства Керенского, под тем предлогом, что полки этой дивизии не должны вмешиваться «во внутренние русские дела» и поэтому должны вернуться немедленно на Кавказ. Это распоряжение, посланное из Владикавказа, было исполнено дивизией беспрекословно и этим самым правительство Керенского было спасено.

Интересно отметить, что в походе генерала Корнилова участвовали, главным образом, не русские, а национальные части (сентябрь 1917 года).

Наконец, самым ярким и непреложным выражением воли северокавказских народов отстаивать свою самостоятельность является то, что они вели непрерывную борьбу с оружием в руках как против московских большевиков, так и против Добровольческой Армии генерала Деникина и Врангеля, не говоря уже о постоянных стычках с терскими казаками, завладевшими во время царизма обширными и плодороднейшими землями чечено-ингушей, осетин и кабардинцев.

Перейдем теперь к описанию в сжатой форме событий и деятельности сперва Центрального Комитета, а затем и северокавказского правительства, перед и после 11-го мая 1918 года.

Первый съезд горских народов (1-9 мая 1917 г.), установил политическое единство этих народов, федеративное устройство Северокавказской Союзной Республики и кантональное управление каждой народной группы, а также двухпалатную парламентарную систему с президентом, в качестве главы исполнительной власти, и высший государственный суд, наблюдающий над точным соблюдением конституции. В дальнейшем на местах были созданы народные (кантональные) советы, организована общая и местная администрация, а также воинская сила, ядро которой составили полки, входившие до этого в Кавказскую Туземную дивизию.

Второй съезд был созван в начале сентября 1917 года в Веденё, бывший в течении долгого времени столицей Имама Шамиля, одного из величайших героев борьбы Северного Кавказа за свободу против России. Съезд этот ликвидировал попытку мусульманского духовенства установить шариатское управление с выборным имамом во главе. Инициатором этой попытки был Нажмуд-дин⁵⁹ из Гоцо (Гоцинский), избранный на первом съезде Шейх-уль-Исламом Северного Кавказа.

Участники созданного им самочинно собрания у озера Эзен-ам, недалеко от Веденё⁶⁰, и приуроченного к Веденскому съезду, покинули Гоцинского и его клеветников и присоединились к этому последнему съезду.

Третий съезд состоялся в октябре того же 1917 года. На этих двух съездах было постановлено поручить Центральному Комитету Союза добиваться отделения от России и провозглашения в ближайшем будущем Независимой Северокавказской Республики. Случай к тому скоро представился: большевистский октябрьский переворот, путем разгона Учредительного Собрания и установления «диктатуры пролетариата», вызвал полное потрясение в самой России, а вслед за тем и длительную гражданскую войну. (18)

Воспользовавшись этим обстоятельством, Центральный Комитет Союза Горцев Кавказа переименовался в начале декабря 1917 года в правительство и прокламировал, согласно с постановлением общенародного съезда в Веденё, отделение Северного Кавказа от России.

В скором времени, а именно 21 декабря того же года, декларация независимости была еще раз повторена.

Против провозглашения нового суверенного Северокавказского государства выступили уже в начале января 1918 года с оружием в руках терские казаки и другие русские элементы местного населения. Нападению с их стороны подверглись семьи горцев, проживавших в столице новой республики, во Владикавказе, и чечено-ингушские аулы. Казачьим отрядам удалось занять, благодаря неожиданности удара, Владикавказ. Вследствие этого северокавказское правительство переселилось в Ингушетию и обосновалось в крепости Назран. В конечном результате казаки были разбиты и стали искать дружбу и содействие против горцев у распропагандированных большевиками российских войск, возвращавшихся с кавказско-турецкого фронта.

Назановское правительство, во главе которого стал, в качестве заместителя председателя Абдул-Меджида Чермоева, Васан-Гирей Джабаги, уполномочило некоторых своих членов (Чермоева и Гайдара Баммата) вести переговоры с Турецкой империей и другими державами о признании ими независимой Республики Северного Кавказа. Прибытие обоих этих делегатов в Йстанбул состоялось 25 апреля 1918 года. Делегация вручила как турецкому правительству, так и представителям других иностранных государств ноту, датированную днем 11 мая 1918 года, содержащую официальную декларацию независимости Северного Кавказа. На основании этой декларации северокавказская делегация могла начать переговоры с Турцией, Германией и др. державами о признании нового союзного государства в границах, включающих области Дагестанскую, Терскую и Кубанскую и губернии Черноморскую и Ставропольскую. Затем северокавказская делегация приняла участие в Батумской конференции, наряду с делегатами Грузии, Армении и Азербайджана, в переговорах с турками о мире.

8-го июня 1918 года Оттоманская империя заключила договор дружбы с Республикой Северного Кавказа. В октябре того же года велись в Тифлисе переговоры с представителем Германской империи, генералом Кресс фон Крессенштейном, автором этой статьи Васан-Гиреем Джабаги, выступавшим от имени северокавказского правительства. Переговоры касались заключения договора дружбы и подписания консульской конвенции между обоими государствами. Переговоры, были, однако, прерваны ноябрьским переворотом в Берлине и поражением Германии.

Тем временем, в течение всего лета 1918 продолжалась война между северокавказцами (главным образом чечено-ингушами), с одной стороны, и казаками и русскими, с другой.

⁵⁹ Нажмудин Гоцинский (1859 — 28 сентября 1925) — религиозный и политический деятель на Северном Кавказе. Муфтий Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. Один из руководителей освободительного движения Горцев в Дагестане в 1917—1921 годах.

⁶⁰ Веденё (чечен. *Ведана*) — село в Чеченской Республике. Административный центр Веденского района.

Между тем из Турции вернулся глава делегации и правительства А. М. Чермоев⁶¹, который задержался в Тифлисе, чтобы вести там переговоры с дипломатическим представителем Германии упомянутым уже выше генералом Кресс - Крессенштейном. Затем туда же прибыл с Кубани, член правительства Пшемахо Коцев и из Нарзана (?). Васан-Гирей Джабаги. Последнему было поручено дальнейшее ведение начатых Чермоевым переговоров.

Немецкие войска пришли в Грузию по соглашению с тифлисским правительством. Ожидался и приход турецких войск в Азербайджан и на Северный Кавказ.

Турки заняли в середине сентября 1918 года Баку и вытеснили из этого города и из Азербайджана пятнадцатитысячный отряд генерала Бичерахова, действовавшего в контакте с английским командованием. Часть турецких войск под командованием Юсуф-Иззет паши последовала за казаками Бичерахова в Дагестан и в середине октября заняла Дербент. Затем был занят турками, при содействии дагестанцев, в скором времени и Порт Петровск. При штабе турецкой дивизии находились А. М. Чермоев и Пшемахо Коцев.

Вслед за очищением Дагестана от воинских частей Бичерахова, правительство Северо-Кавказской Республики перенесло свою столицу временно в Темир-Хан-Шуру.

Главными задачами, которые стояли теперь перед ним, были созыв Союзного Совета (Парламента), создание регулярной воинской силы, организация администрации и финансов, а также а признание Мировой Конференцией в Париже независимости Северного Кавказа.

Исполнению всех этих трудных задач помешали последующие события: поражение уже в ноябре 1918 года немцев и турок, уход турецкого отряда с Кавказа и вторжение на Северный Кавказ Добровольческой армии генерала Деникина, поддерживаемой всемерно и деньгами и оружием западными союзниками, в особенности, Англией.

В мае месяце 1919 года Темир-Хан-Шура была занята белыми войсками после упорных боев на территории Ингушетии и Чечни. (19)

Вслед за ликвидацией, таким образом, Северо - кавказской Республики, во имя восстановления «Единой и неделимой России», управление страной было отдано в руки нескольких так называемых «правителей» из числа преданных царизму генералов из северокавказцев. В сущности, эти «правители» были подставными лицами, с которыми командование Добровольческой армии совершенно не считалось. Действительное управление было поручено русским офицерам. Таким образом, на Северном Кавказе установился режим жестоких репрессий и преследований, штрафов, контрибуций и грабежа. Ясное дело, что при таких обстоятельствах на Северном Кавказе начали в скором времени вспыхивать восстания и разгорелась настоящая война. Последняя приняла чрезвычайно ожесточенный характер, в особенности, в Дагестане, где, она, будучи руководима г. н. Комитетом Обороны, продолжалась в течение восьми месяцев.

Поход Деникина с третьей частью своих сил на Северный Кавказ, в самый разгар, гражданской войны в самой России, стал не только главной причиной разгрома красными войсками Белой армии и полного торжества большевиков на всем пространстве огромной Российской империи, но и косвенной причиной варварского убийства Кремлем свободолюбивых и героических чечено-ингушей и балкаро-карачаевцев.

Поведение тогдашних политиков Англии, представлявшей на всем Северном Кавказе союзные державы, по отношению к северокавказцам в период их борьбы с Добровольческой армией, нельзя назвать иначе как нелояльным. Английский представитель при названной армии полковник Раулинсон, призывал в сентябре 1919 года ингушей, сражавшихся в то время с белыми войсками, а также чеченцев и дагестанцев, прекратить борьбу за свою независимость и подчиниться генералу Деникину. «В противном случае, - говорилось в воззвании - союзники вас будут считать своими врагами. Обращение это распространялось широко по всему Северному Кавказу и даже сбрасывалось с аэропланов в ряды сражающихся ингушей.

В заключение, следует отметить, что весной 1920 г., в момент разгрома Добровольческой армии красными войсками, генерал Деникин обратился, через своего представителя на Северном Кавказе, генерала Эрдели, к северокавказцам с призывом бороться [вместе] с белыми против большевизма и заявил, что он признает отныне независимость Северного Кавказа, вплоть до созыва Общероссийского Учредительного Собрания. Впрочем, независимость кавказским народам обещана была во время гражданской войны и Лениным, и Сталиным.

Однако, впоследствии, над некоторыми из них, в наказание за их привязанность к свободе, за их высокое почтение к человеческому достоинству, за их преданность заветам отцов и дедов и за их готовность защищать с оружием в руках каждую пядь родной земли, был совершен варварский геноцид - народоубийство.

«Свободный Кавказ»

Орган Кавказской национально - демократической мысли.

№ 5 (20), Май, 1953.

Мюнхен, Германия.

(с) Ираклий Якобашвили. Ре - Публикация.

⁶¹ Тапа (Абдул Меджид) Арцуевич (Орцуевич) Чермоев (3 (15) марта 1882, Грозный, Терская область, Российская империя — 1936, Париж, по другим данным: 28 августа 1937, Лозанна) — один из политических деятелей на Северном Кавказе в 1917—1919 годах, нефтепромышленник.

Ражден Арсенидзе

Беседы с Леопольдом Хеймсоном

«Я много учился и много был занят. Я учился все время и занимался, и боролся. (...) Все-таки я кончил университет по Первому разряду.

Это было у нас решено: те студенты, которые участвовали в Движении, мы приняли решение, чтобы нас не называли неучами или людьми, которые бунтуют потому, что они не хотят заниматься наукой - мы решили сдавать все экзамены по Первому разряду.

Я так и кончил по Первому разряду, по всем предметам у меня было «Пять». Высший балл».

Ражден Арсенидзе.⁶²

Первое интервью с господином АРСЕНИДЗЕ по поводу история Грузинской социал - демократии. 21 июля 1961 г.

Сегодня мы будем обсуждать некоторые из конференций Грузинской социал - демократии, в которых, в некоторых из них, Вы сами участвовали.

Первая С. - Д. конференция в Грузии произошла в 1903 году, в марте месяце. Это было еще до Второго Общепартийного Съезда. Эта конференция была подготовкой ко 2-ому Общепартийному Съезду.

На этой конференции нужно отметить три главные вещи: во-первых, тогда произошел первый спор между участниками этого собрания насчет устройства партийных организаций, на основе выборного начала или на основе назначения; Большевизма и меньшевизма тогда еще не было наяву и для участников фракционный вопрос не мог стоять, ибо разрыв произошел только на Общепартийном съезде. Некоторый разногласия уже намечались, потому что у нас внутри были элементы и по-большевистски настроенные и, очевидно, и по-меньшевистски настроенные. Просто был предварительный, так сказать, обмен мнений по некоторым вопросам, возбужденным Лениным. Ленин стоял, как известно, на почве назначения партийных организаций. Но и меньшевики тоже в Советском Союзе - в России стояли почти на той же точке зрения, боялись выборов, как бы не проникли провокаторы. Они в принципе были за выборное начало, но в интересах конспирации составляли комитеты по назначению и кооптации. Таким образом, случалось, что в городе, где, скажем, был большевистский Комитет и многие из них были арестованы и остался один меньшевик, он кооптировал других меньшевиков и создавал меньшевистский Комитет. И наоборот, если оставался один большевик, то он собирал большевиков и создавал (2) большевистский Комитет.

Можно сказать, что комитеты менялись совершенно по случайным признакам. В Грузии все время, с самого начала, организации велись на выборных началах и поэтому этот способ -то есть выборы был характерным для Грузии. Но будущие большевики - этот Цхакаия Миха, Бочоидзе и другие - уже тогда защищали способ создания комитетов посредством назначения, подчиняясь общему положению, которое предложил Ленин в то время.

Но на нашей конференции большинство, во главе с Рамишвили и другими, настаивало на том, что мы имели свои выборные организации и выборы, что выборное начало должно быть сохранено, и провели это. На той же конференции редактором еженедельного журнала «Квали» был избран Ираклий Церетели.

Второй вопрос - об этом вопросе я не буду говорить, потому что Вам известно, что выборное начало у нас господствовало с самого начала и никогда оно не было отменено. Первая попытка была сделана в некоторых Грузинских организациях, но назначенчество в организациях не прошло...

⁶² Стр. 172.

Минуточку, я бы хотел Вас остановить на следующем вопросе. Я знаю, что после Второго Съезда партии...

Нет, это было до Второго Съезда!

Да, я понимаю. Была конференция Кавказского Союза, где этот вопрос тоже был обсужден. Та конференция, которую Вы сейчас обсуждаете, была конференция чего? Грузинского объединения, или?..

Грузинско-Закавказской организаций. Это была конференция Закавказских организаций. Делегаты были из Тбилиси, из Батума, из Баку и других городов - это больших городов; но были и из Гурии и из некоторых других, сельских районов; были и из Кутаиса, и из других городов (3). Вообще в Закавказских организациях большинство с. д. организаций состояло из грузин; ж эта грузинская часть, по крайней мере, составляла четыре пятых всех этих конференций, поэтому можно сказать - грузинская организация, - но в то время она называлась «Закавказской организацией».

Тут также участвовали и армяне?

Армяне участвовали, те, которые были организованные; мусульмане тоже участвовали, Азербайджанские.

Теперь второй вопрос; Ту позицию, которую можно называть Ленинской позицией, по которой не нужно выбирать, а нужно назначать людей в комитеты, эту позицию на той конференции защищали те, которые...

Те, которые впоследствии оказались большевиками!

Я понимаю, но в то время это было до Второго Съезда, это значило «Искровцы». Они себя считали ...

Совсем не так. Эту «Искру» все считали своим идейным органом. Но мы, грузинские социал-демократы (огромное большинство), в этом вопросе о выборах не соглашались с «искровцами». В «Искре» в этом вопросе разногласий не было. Русские товарищи, - и большевики и меньшевики - считали выборы в партийные органы невозможным. Но кавказские организации стояли на точке зрения выборов всегда, и всегда проводили это на практике - от начала и до конца. Даже в Баку, где большинство было русских рабочих, мы также проводили выборное начало. Там в это время работал Девдариани, и он тоже проводил это выборное начало, даже референдум проводил для того, чтобы выбирать комитет.

Во главе, так сказать, этой, «Ленинской» точки зрения у нас стояли Цхакая, Джугашвили (Сталин) - оба потом стали большевиками. Но это ...

Джугашвили? И кто еще?

Цхакая, Джугашвили, потом Аршак Зурабов, впоследствии депутат (4) 2-й Государственной Думы. Но Закавказские организации не отступали от выборного принципа. Следовательно, организационный принцип о выборах остался в силе. Так что выборные начала были сохранены целиком. Это очень важно, потому что было это еще до Второго Съезда.

Вот теперь второй вопрос, который стоял тогда на конференции. Это был вопрос о создании Областного Комитета. До создания Областного Комитета, на этой конференции мы принимали еще проект партийной программы - это было предназначено для Второго Всероссийского Съезда. У нас, в Закавказье, на этой конференции была принята программа, в которой проводилась точка зрения федеративного устройства России. Эту программу я сам переводил на грузинский язык, и потому помню, что она была федеративная. Мы получили несколько программ: проект программы С.-Д., проект программы других организаций, проект программы журнала «Жизнь» (тогда журнал «Жизнь» выходил заграницей); но мы приняли федеративный принцип, потому что считали, что некоторые окраины, некоторые народности должны иметь свое политическое лицо в будущем устройстве России.

Простите, еще вопрос! Тот федеративный принцип, который приняли за политическое устройство России, также поддерживался по отношению организации партии?

Нет. Для организации партии тогда еще не ставился этот вопрос. Не могу сказать, чтобы мы об этом думали. Наоборот, это был момент, когда мы еще не входили, но хотели войти в состав Российской Социал - демократической Рабочей партии, которая была в процессе созидания, и создать одну общую партию. Конечно, в этом было противоречие, но можно сказать, что как только закавказские организации из разных городов объединились, все сообща объявили себя частью Российской Социал - демокра(5) тической Рабочей партии. Этим и объясняется, что на Съезде, на Втором Партийном Съезде, когда федерация не была принята, наши делегаты не ушли с съезда. Наши делегаты отстаивали две вещи: они отстаивали Областное Самоуправление и они отстаивали вопрос о самоопределении нации.

Эти два пункта отстаивали и этим удовлетворились и поэтому со Второго Партийного Съезда не ушли, а остались; подчинились решениям этого Съезда, желая остаться все-таки в общей организации Российской Социал- демократии. А бундовская, еврейская организация вышла из-за непринятия федеративного принципа партийного устройства. Наша организация по вопросу о строе России ставила только главный вопрос: о строительстве Федеративного Государства. Это не было принято, но это не послужило поводом к расколу, настолько у нас было сильно желание для свержения самодержавия и деспотического политического режима, быть едиными, быть вместе, чтобы организация могла более сильно работать и действовать.

Как революционеры, мы говорили: «Внутренние раздоры нам надо считать далеко неподходящими для этой цели». И, кроме того, Вы знаете, я Вам говорил о том, что грузины если не сторонились постановления национального вопроса, то и не торопились, ввиду опасности с юга, которую всегда чувствовал наш народ. Вот этим и объясняете и то, что наши на эти вопросы об отделении в

выделении, автономии и так далее особенного внимания не обращали. Об этом будем говорить, когда вопрос пойдет о национальном вопросе.

Кроме этого, к этой конференции мы создали Областной Комитет. Это было объединение всех Закавказских организаций. Туда, - то есть в Областной Комитет Закавказских организаций, вошли - вот кого я помню - Цхакая, Зурабов, Банвориан (армянин из Персия) и некоторые другие, я всех не помню. Я был кооптирован в (6) Областной Комитет как секретарь, потому что все эти люди вообще в литературном отношении были очень слабы. Цхакая и другие члены Областного Комитета не были литераторами. Писать мог Зурабов, но только по-русски. Мне приходилось все переводить. И я писал и по-русски, и по-грузински, и потому меня и ваяли как переводчика и как секретаря, и я все время состоял секретарем - до раскола партии на большевиков и меньшевиков.

Вот значит, эти три вопроса были основные на этой конференции. На остальных вопросах я останавливаться, но буду.

До сих пор Вы отметили только два вопроса на конференции, которые Вы обсудили. Организационным вопросом, который разбирался, выборное начало и проект партийной программы федеративной - вот эти три вопроса, очень важные. И потом создание Областной организации, которая впоследствии всегда собирала свои конференции. Ну по поводу организационного вопроса, кроме этого выборного начала, чем он еще отличался?

Видите ли, он больше ничем не отличался, потому что партийные газеты-то только что создавались, то есть центральные органы. Партии социал- демократической, как целой, еще не было. Первый Съезд Российской СДРП был в 1893 году - в каком месяце, не помню, и он носил неорганизованный характер, и не имел тогда никакого влияния на дальнейшую жизнь партии. А Второй Съезд - он, действительно, был основателем партии; На этом съезде - же произошли разногласия и разделение на две фракции - большевиков и меньшевиков.

Эти разногласия вначале мало отразились на Закавказских организациях. К этому спору большевиков и меньшевиков мы относились с большим недоверием, и ни того, ни другого мы не принимали. Потом, благодаря тому, что на нашей, то есть Кавказской конференции не было никакого деления на (7) фракции, мы выбрали в Областной Комитет всех старых партийных товарищей: из старых рабочих и из интеллигентов; из них большинство были первые основатели социал - демократической партии у нас. Некоторых вы знаете, вероятно, - Зурабова, Цхакая, Цулукидзе, Бочоришвили и другие, я сейчас всех не припомню.

Вот создался, значит, Закавказский Областной Комитет.

В 903-904 году мы работали дружно. Только в конце 904 года мы получили о Втором Съезде ее документы и материалы, из которых выяснилось, что большевики и меньшевики - это были два направления в партии политического характера. Наш Областной Комитет оказался большевистским. И вот с этого времени, в особенности с начала 905 года, пошла борьба между местными комитетами (которые стали меньшевистскими), и Областным Комитетом (который оказался большевистским).

Батум на некоторое время был большевистским; В Баку - тоже преобладали большевики; а Тбилиси и маленькие города, как Гори, Хашури, Кутаиси и другие города - почти целиком стали меньшевистскими, потому что рабочие массы везде требовали выборного начала; и они признавали только демократические выборные органы, они, рабочие, говорили вообще, что большевики не рабочая партия, и что они, рабочие, должны быть хозяевами в своей партии. И они нам, меньшевикам, оказывали содействие, ибо мы были верны демократическому принципу. Другого настроения у них не было, настолько сильно у них было сопротивление назначенчеству. И это соответствовало нашей, грузинской практике.

У нас организации создавались из рабочих, они выбирали рабочий состав руководящих органов, а интеллигентов приглашали как пропагандистов. И они становились членами комитета по приглашению, то есть по кооптации. Местные организации, так называемые «Ячейки» (из 10 членов), выбирали районные комитеты. Районные комитеты выбирали Городской Комитет, а Городской Комитет приглашал пропагандистов, - одного или двух, - в свой состав...

Минуточку. Вы мне отметили, что только в 904 году Вы получили те материалы, которые Вам дали объяснения характера разногласия между большевиками и меньшевиками? Какие это были материалы?

Это были: брошюра Ленина «Что делать» и «Шаг вперед, два назад», потом, брошюра Мартова «О наших расхождениях» - не помню, как она точно называлась. Вот, собственно говоря, это было все. Но главное - это была вот эта брошюра, «Что делать».

А как себе представляли сущность разногласия между большевиками и меньшевиками в то время?

Основное представление было такое: то, что написано в этой книге «Что делать», это сущность большевизма. Там сказано, там есть такая фраза - я помню это, - что «Якобинец, связанный с рабочим классом, это и есть настоящий социал - демократ». Следовательно, социал - демократами объявлялись те интеллигенты, которые создали эту идеологию и которые потом связывались с рабочим классом и вносили в их среду идеи социализма.

Вот это и раздражало рабочих. Они говорили наоборот, что, «Рабочий класс - это основа партии и должны ее представлять мы, рабочие, а не эти интеллигенты».

Я помню, что и как было в Батуме в 904 году, куда я бежал из Тифлиса. Рабочие достали, принесли эту брошюру Ленина, «Что делать». Поучили эту брошюру они совершенно случайно - на одном из пароходов привели литературу нелегальную товарищи, которые приехали из Европы. Они боялись взять их из парохода с собою и оставили эту брошюру там, на пароходе. По нашему указанию группа рабочих, обслуживающая пароход, вошла на пароход и взяла эту брошюру вместе с остальной

литературой. И вот в этой брошюре мы и нашли все, (9) что нужно было для того, чтобы разобраться в этих вопросах.

Когда рабочие прочитали все это, они пришли ко мне и говорят: «*Мы это все читали и обсуждали на заводе и решили, что нам с Лениным не по пути. Он хочет создать партию из профессиональных революционеров, которые потом объявят рабочим лозунги и дадут направление партийной работе. А мы думали обратное. Он [Ленин] думает, что интеллигенты должны представлять руководящую головку [партии], а мы там только почва, основа, с которой они должны иметь связь я эту основу обрабатывать! Мы против этого, это такая крайность, с которой мы бороться будем и должны, и не соглашаемся с этим; Мы желаем иметь свою рабочую Соц. - Дем. Партию*».

Вот так и создалась меньшевистская организация в Батуме - точнее, из большевистской она стала меньшевистской, и это стало примером, образцом для других [Кавказских] организаций. Таким образом Батумская организация отошла, потом Тбилисская и ряд других отошли от Областного Комитета.

Областной Комитет оказался совершенно изолированным. И они, то есть большевики создали, конечно, свои Комитеты, но рабочие партийные массы за ними не пошли. Появились по два комитета - большевиков и меньшевиков.

К концу 904 года и к началу 905 года произошел полный разрыв между большевиками и меньшевиками. Надо заметить, что в это время Жордания, наш главный руководитель, находился за границей. Еще в 902 году уехал он туда, и он приехал в 905 году, после 9 января, когда произошли известные выступления в Петербурге. И вот он приехал в Грузию, когда была созвана Вторая Партконференция, 905 го года. К этому времени идейный разрыв с большевиками был произведен почти полный, почти, но еще не везде разошлись с ними организационно. Я помню очень хорошо, во время одного спора в Батуме один большевик предложил в качестве, так сказать, арбитра (10) Карла Чхеидзе. Я согласился, и мы с ним поговорили. А его ответ был: «*Если рабочие хотят иметь свою партию, что можно иметь против этого? Мы всегда мечтали о том, чтобы рабочие сумели взять свое дело в свои руки, то есть стать хозяевами своей партии*».

Какие аргументы предъявили грузинские большевики против такого положения?

Они говорили и точно повторяли аргументации Ленина.

Где? Вы сейчас рассуждаете о Второй конференции?

Сейчас перейдем ко Второй конференции. Я Вам даю общую картину, большевики были стопроцентные ленинисты и дословно повторяли аргументы Ленина везде, во всех дискуссиях.

Я понимаю. Но вот в 905 году, в каком это месяце было, что приехал Жордания и устроили конференцию? Это было до большевистского Лондонского Съезда? Это в марте было? Лондонский съезд это сеть Третий Большевиетский Съезд. Это кажется было после ...

Эта конференция была до или после?

Да, конференция была, я думаю, - до съезда. Потому что вопрос об этом съезде на ней обсуждался. До это было... в 905 году, приблизительно в апреле месяце. Я на этой конференции не присутствовал. Эта конференция была в Тифлисе, а я жил в Батуме. Там и скрывался, и работал.

Это была конференция Закавказских меньшевиков тогда не было печатного органа, а большевики имели свою газету - «*Пролетарская борьба*». На этой конференции Жордания (11) сделал доклад, меньшевистская платформа была принята, и мы создали другую Центральную организацию: «*Бюро Закавказских организаций*», и начали издавать потом газету «*Социал-демократ*». Вот это вое, значит, было в начале 1905 года.

С этого времени организации большевиков и меньшевиков совершенно разошлись друг с другом.

Я помню также, что Жордания, уже после конференции, приехал к нам в Батум, устроил большое собрание рабочих организаций. Я его встретил накануне вечера, побеседовал с ним, и то, что он говорил, все им сказанное мне показалось совершенно правильным. Когда он стал говорить свои идеи, что, вот, так надо организоваться, что нужно организовать ячейки и группы в социал - демократической партии и так далее этот план мне понравился. Он говорил о работе в Европейской социал - демократической партии.

Мы тогда были нелегальной партией, но в это время в Батуме, в сущности говоря, мы работали довольно открыто. Партия была настолько сильна и имела такое влияние в городе, что даже губернатор считался с ней. Были случаи, что губернатор рекомендовал своим просителям по некоторым делам обращаться к Соц. - Дем. Комитету Батума, настолько влияние Комитета было сильным среди общества, особенно в Батуме.

Об этом говорят и другие факты. Тогда у нас был такой случай - у нас, тогда и большевики еще были с нами в одной организации (это было в 904 или в начале 905 года). Наших рабочих очень стеснял один урядник, по фамилии Гуриели, княжеского рода... Он бил их просто кнутом. И вот рабочие, старые соц. демократы, пришли ко мне и сказали, что они хотят и должны рассчитаться с этим господином.

Я им ответил, что если он нападет на Вас - то вы должны и имеете право защищаться, а если не нападет, то нельзя убивать. Они в ответ сказали: «*Урядника Гуриели три -четыре стражника сопровождают постоянно. Они направляют на нас ружья, и он бьет (12) кнутом. Ну, что мы можем тогда сделать? Ничего не можем. А что делать? Мы хотим ему отомстить за наше оскорбление. А вы можете нас исключить из партии из-за этого*».

Я сказал: - «*Я из-за этого вас из партии исключить не могу...*». Через два дня его подстрелили на улице.

И вот что произошло? В городе все фабрики, лавки закрылись, все фаэтоны ушли домой, улицы стали пустынными. Чтобы достать гроб для умершего, пришлось разломить магазин гробов полицейской

силой и взять гроб. А потом, когда хоронили, то ни одной души не присутствовало на процессии, кроме стражников и администрации. Все это произвело такое впечатление в городе, какого мы даже не ожидали. Я и сам этого не ожидал, и Комитет не ожидал. Оказалось, что его все боялись и ненавидели, и лавочники тоже боялись, потому что он обедал и не платил, брал в лавках товары и не платил. А если осмеливались просить уплаты, тот хлестал их кнутом. Поэтому ненавидели эти мелкие торговцы его. И вот потому они забастовали. Весь город был убежден, что убийство совершено по указу Соц. - Дем. Комитета. И после этого всего, конечно, влияние Комитета возросло еще больше.

Организация насчитывала больше тысячи членов, была массовая. И потому неудивительно, что, когда приехал - тогда в нам Жордания и устроил собрание, вся организация пошла за нами. И только несколько человек - 6 или 7 - оказались большевиками: 2-3 интеллигента и двое-трое из рабочих профессионалов, которые работали в качестве профессиональных работников, но не на заводе, а в распоряжении Комитета. Только эти лица оказались на стороне большевистской группировки - всего шесть-семь человек.

Отсюда понятно, какое могло быть влияние большевиков на Второй конференции. Я на этой конференции не присутствовал, так что больше о ней я рассказать ничего не могу.

Третья конференция была более интересной. (13) Тогда, хоть и расходились по многим вопросам мы и большевики, но в 906 году, после раскольнического Третьего Съезда большевиков (тот был в 1905 году), был Стокгольмский Съезд, называемый «Объединительным». На Стокгольмском Съезде произошло объединение, и все должны были выбирать руководящие органы, и меньшевики и большевики все сошлись на этом. Но еще до съезда, в конце 905 года, наши рабочие в Тбилиси захотели сами объединиться, не спрашивая руководителей. А в России было так, что в одних местах объединялись, в других местах ждали до нового съезда, Объединительного.

Когда это движение для стихийного объединения произошло?

Произошло у нас это совершенно стихийно. Рабочие стали объединяться, и это они легко устраивали, собирались вместе и сообща выбирали руководящие органы.

Когда началось это стихийное движение для объединения?

Это было уже в конце 905 года, после декабрьских революционных выступлений.

До Октябрьского восстания или после Октябрьского восстания?

После, после Октябрьского восстания.

Тогда, после Октябрьского восстания мы вместе с большевиками устраивали митинги и совместно выступали. И все эти выступления привели к тому, что рабочие решили объединиться. В 906 году, Вы знаете, в Государственную Думу выбирали... мы об этом, я думаю, будем отдельно говорить. Я сейчас буду говорить только о конференции.

Конференцию мы созвали только после разгона Первой Государственной Думы, перед выборами Второй Думы. Конференцию хотели созвать в Тбилиси, но там полиция напала на след и чуть не арестовала всех. Поэтому мы переехали все в Баку. Это была Бакинская конференция. На ней я присутствовал лично и потому (14) могу более подробно рассказать. В 906 году это было, приблизительно. Все-таки это бы осенью, после разгона Первой Думы.

При Первой Думе не было конференции!

Да, при Первой Думе у нас не было конференции. Только для Второй Думы была конференция. Вот эта конференция собралась в Баку. Там было 42 делегата. Из них большевиков было шесть человек. Тридцать шесть было меньшевиков.

На этой конференции произошел один, очень интересный, случай. Мы тогда, конечно, защищали участие в выборах и выставили лозунг - «*Через Государственную Думу к Учредительному Собранию!*» Это был лозунг политический. А Ленин тогда пропагандировал вооруженное восстание, назначенное на конец августа. Это чисто механическое ... Среди одной части меньшевиков, тоже было повстанческое настроение. Это имело место у нас, потому что в Грузии всегда бывало такое боевое настроение, более или менее.

И произошло следующее: На конференции на этой почве среди меньшевиков произошли некоторые разногласия. Многие полагали, что сейчас, несмотря на то, что шли Столыпинские репрессии в стране, и даже именно поэтому, считали, что возможны все-таки восстания и со стороны революционного народа.

Вы отметили, что по поводу этого вопроса, существует или нет революционная ситуация, на этой конференции были разногласия среди меньшевиков. Какие же это были грузинские меньшевики?

Вот я сейчас и расскажу. Большевики настаивали на организации вооруженного восстания - это по-Ленински!

Одна часть меньшевиков - во главе одного течения стояли Рамишвили и Джапаридзе, впоследствии депутат 2-ой Государственной Думы, - настаивала на том, что «*сейчас возможен опять подъем революционной волны, и значит и восстания, и мы должны быть к этому (15) готовы*». И даже печатали в нелегальном журнале статьи о том, как устраивать уличные баррикады и так далее.

Другая часть, - которую поддерживал также, и я и все почти другие руководители, например Девдариани и Жордания тоже, - настаивали на другом. Мы говорили, что сейчас, ввиду того, что имеется другой выход у народа, для нажима на правительство помимо восстания, в виду Второй Государственной Думы, - именно избирательная кампания, которая приведет к большому массовому движению, к созданию массовых организаций и даст больше весу политический требованиям, а повстанческого, революционного, подъема сейчас не будет в смысле вооруженных выступлений. И не будет таких

выступлений, раз людей есть другой выход. Для революционной энергии выход - это - выборы в Государственную Думу, и мы выставляем лозунг - «*Через Государственную Думу к Учредительному Собранию!*». Использовать избирательную борьбу для революционном пропаганды и для революционных выборов, чтобы эта Дума впоследствии могла (там приводили примеры) как во Франции Генеральные Штаты стали революционным органом.

И вот, меньшевики разделились на две части: восемнадцать за одно положение, - восемнадцать за второе положение.

Сколько раз ни голосовали, никаких изменений не произошло. Все твердо стояли на своем. Характерно еще и другое: из этих 18-ти, которые поддерживали лозунг «*Через Государственную Думу к Учредительному собранию*» - были большинство тбилисских рабочих и батумских рабочих, а за эти «*повстанческие*» лозунги стояли больше товарищи некоторых сельских областей грузинских организаций, как Гурия, чем городские рабочие. Да это и понятно, потому что в городах репрессии более сильные, так как полиция и администрация давили более сильно, чем это могли делать в деревнях. Вот поэтому в городах настроение было такое: «*Найти выход к политической работе, к политической борьбе в (16) других формах, чем вооруженное выступление, которое для них сейчас было невозможно*».

И вот несколько раз голосовали и все восемнадцать и восемнадцать, и ни одной резолюции нельзя было принять.

На этой самой конференции присутствовал и Сталин. И вдруг, когда мы еще раз, в четвертый раз, проголосовали, все большевики подали за нас... И Сталин в наиболее мягкой форме сказал: «*Через Думу - к Учредительному Собранию*».

Нас это поразило: люди, которые стояли на крайнем левом фланге - на повстанческой, - подали за нас, требующих политически - революционной, не повстанческой работы.

Очевидно, у них было желание расстроить наши ряды. Но благодаря тому, в конце концов пришлось нашу резолюцию принять, решили, что принято.

Против этого уже возражать было нельзя. Но мы решили, также, что все-таки большевиков надо изолировать, а поэтому пошли сговариваться между собой. Наши представители, то есть оба течения меньшевиков, собрались отдельно и внесением некоторых поправок удовлетворили обе части. Мы внесли в резолюцию, что возможны и революционные выступления, но главная задача момента должна быть все-таки: идти в избирательную кампанию, а потом вести политическую борьбу, уже парламентскую.

Вот мы эту резолюцию и приняли тогда, в исправленном виде. И эту исправленную резолюцию нам надо было осуществить в жизни - Я помню, Пармен Чичинадзе (из Кутаиси) был самым главным сторонником этого объединяющего начала, которое поддерживали и другие кутаисские делегаты. Вот таким образом все-таки меньшевики объединились вместе и пришли к общему выводу.

Но вот произошла другое. Когда мы вернулись в Тбилиси после этого, нужно было выработать декларацию для выборов - избирательную декларацию программного характера. При выборах в Областной Комитет туда попали одни мы - меньшевики, ибо большевики (17) отказались от участия в этом органа. Их было всего шесть человек, могли иметь лишь одно место, и они не захотели вступить, предпочли бойкотировать «*Областной Комитет*».

После выборов мы приехали в Тбилиси. Нужно было написать избирательную декларацию. Обычно все партийные документы, то есть прокламации и резолюции и так далее, писали я и Рамишвили. Вдвоем же исправляли и так далее.

На этот раз Рамишвили отказался сотрудничать со мною: «*Я никакого участия не приму в выработке декларации, потому что Вы приняли такую резолюцию, которую я не разделяю!*» И пришлось писать мне и Жордания.

Мы собрались для выработки резолюции на квартире товарища Ладо Дарчиашвили (У него Жордания на квартире проживал). Мы с ним [с Жордания] разработали декларацию, и он увез ее в Россию, в Центральный Комитет.

Центральный Комитет нашу платформу принял для Всероссийской Социал- демократической Рабочей Партии, как избирательную платформу, с небольшими изменениями. Так что наша платформа стала общей платформой обще- избирательной борьбы для всей Российской Социал - демократической Рабочей Партии. И на этой почве у нас выборы были проведены и, как известно, мы провели своих депутатов во 2-ю Государственную Думу.

Но характерно, что и у нас эта борьба выразилась в острой форме; Джапаридзе не хотел принимать участия в выработке новой платформы, чисто избирательной. Но все-таки, как известно, эта платформа произвела впечатление. Вот эта Вторая конференция этим отличалась. Большевики и мы там разошлись окончательно. Отделились большевики и стали издавать свою отдельную газету. Мы издавали свою газету, ежедневную газету, а также издавали небольшие листки, прокламации. Это было как правило, Вы знаете!

Когда опять произошел раскол в Грузинской Социал - демократии?

Первый был в конце 904 года - в начале 905 года. (18) Да, второй раз большевики ушли сами.

Да, это было еще до начала Второй Государственной Думы?

До начала Второй Государственной Думы! Тем более, что они видели, что мы не могли выставить большевиков кандидатами и проводить в депутаты. Некоторые из них все же принимали участие в выборах и в избирательной кампании. Но в то же время все большевики выделились в отдельную группу и начали издавать свою газету, а потом совсем отошли от нас. И так ушли просто, спокойно и без особых, так сказать, формальных заявлений и стали работать отдельно. Тем более, что в Тбилиском Комитете большевики тоже не могли провести своих кандидатов, и Комитет целиком оказался в руках меньшевиков. А известно, раз Сталин оказался вне руководящего органа, он должен был создать свою

организацию. Он не мог делать иначе: И вот он собрал ой свою группу отдельно, выбрали они свой Комитет и начали работать.

Делали ли они усилия представить своих собственных кандидатов?

Да, они предлагали нам своих кандидатов, но мы, конечно, не приняли, потому что, тогда уже и мы не хотели с ними иметь дело.

А после того, как Вы отказались, они больше ничего не сделали, никаких попыток для участия в выборах?

В первых выборах в Первую Государственную Думу, куда мы провели Жордания, они [большевики] - в принимали участие.

Как?

Некоторые вели свою пропаганду, но принимали участие в общих выборах.

Поддерживали они Ваших кандидатов или нет? (19)

Да, тогда поддерживали, несмотря на то, что мы их кандидатов не выставляли. Но когда шел вопрос о выборе наших, то есть социал - демократических представителей против представителей буржуазных партий, они, конечно, поддерживали нас; некоторые из них были даже выборщиками. Мы выборщиками провели некоторых из них. И потому они принимали участие и выступали, и говорили, и голосовали вместе с нами. Так что в этом отношении они и мы разрыва еще не признавали. Был разрыв организационный, работали отдельно, но до известной степени поддерживали общую дисциплину. Особенно перед лицом других, буржуазных партий, очевидно, не хотели компрометировать себя. Но тогда ведь выбирали по всей России - и большевики и меньшевики вместе! И они одни, грузинские большевики не могли сделать для себя иной вывод. Я думаю, что эти две причины послужили тому, что они вместе с нами участвовали в выборах. Я помню, например, большевик Шаумян был выборщиком и на выборах депутатов произносил речи, и вместе со всеми другими голосовал за нашего кандидата. А во вторую Государственную Думу в Тбилиси выбрали Зурабова. Об этих Жордания и Зурабове, если есть какие-нибудь вопросы о них, я Вам дам разъяснения. Следующая конференция была в начале войны, но меня на этой конференции не было.

Уже после начала войны?

Война началась в 914 году, в августе, а 3-я конференция была вскоре после этого. Она интересна тем, что на ней было принято в первый раз, непосредственно после начале войны, такое решение, которое я хочу передать. Постановление конференции говорило, что в результате этой (20) войны произойдут социальные катаклизмы, политическая революция и освобождение поработенных народов. Вот такую, так сказать, перспективу представляли в результате этой войны. Это было в начале войны, и эта перспектива в значительной степени оправдалась, и потому я очень ценю эту часть постановления Конференции, на которой, к сожалению, не участвовал лично, а потому подробно рассказать о ней я ничего не могу.

Вы не знаете, какие споры были на той конференции по поводу отношений к войне?

По поведу отношений к войне - нет, не знаю! Я знаю потом какие были отношения. Но на этой конференции - было ли это высказано или нет - я не знаю. Жордания тогда не было в России, он был за границей, он приехал после. И потому, я думаю, что тогда никаких разногласий не было выявлено. Жордания был сторонником Плеханова, то есть оборонцем. И из-за этого его даже во время войны не пустили в редакцию партийной газеты, которая выходила легально, как ежедневная газета. А через год, когда его допустили к сотрудничеству в центральном органе (раньше он не участвовал совершенно), он стал писать фельетоны... Разрешили ему писать, конечно, и свои взгляды, о запрещении не могло быть и речи.

Партия имела уже определенную позицию: «Война без аннексий и контрибуции должна кончиться», и это будет ударом по войне вообще. Мы были против войны. Большевики же войну хотели превратить в гражданскую войну. А Жордания и некоторые другие стояли за оборону. «Оборонцами» и назывались они в отличии от «Интернационалистов», которые выдвигали лозунг прекращения войны без аннексий и контрибуций. И я попал из России в Сибирь, как сторонник прекращения войны. За это арестовывали и ссылали (21) в Сибирь. Вот все, что я могу сказать по поводу этой конференции.

Я сегодня хотел еще поговорить о конференции, которая произошла впоследствии, но материала еще не имею под рукой. Может быть, потом я еще Вам расскажу, как были и работали наши нелегальные организаций.

Во время войны была еще Вторая конференция, в 915 году. Я был тогда в Сибири - в Иркутске, и там получил сообщение, что на этой конференции был поставлен национальный вопрос. Утверждалось, что в результате войны резко встанет вопрос национального освобождения. Поэтому в 915 году они уже стояли за то, чтобы быть осторожней и быть очень внимательным к этим событиям, потому что может для нас стать вопрос о сохранении жизни своего народа, а может получиться полное освобождение нации, и так далее и так далее.

В отношении войны мы высказывались так, что гражданское население в этом принимать участие не должно, война ведется государством, войсками... Это постановление было вынесено потому, что мы были на границе и нам предлагали, когда турки наступали на Грузию и когда Кавказское правительство и администрация хотела выехать, нам предложили взять правительственную власть вместе, в свой руки, вооружить население и оказать противодействие туркам. Мы оказали, что ни в каком случае этого сделать не можем. Население в военных делах участвовать не может, и предложили участвовать,

чтобы не было погромов со стороны турок. И мы решительно отказались. Но большое наступление турок было все-таки приостановлено. Я эти сведения получил в Сибири.

Писали, что настроение было тяжелое. Передавали нам власть, предложили нашему товарищу Жордания взять на себя управление страной. «*Пожалуйста! получайте власть, руководите ... а мы уходим*». Так было несколько дней. В создавшейся для этой цели Комиссии была борьба. Но вскоре русские войска, и особенно грузинские части, которые были на фронте, и (22) грузинские офицеры вели самую отчаянную борьбу, чтобы не пропустить турецкие войска. Это удалось, и этот вопрос об образовании правительства во время войны отпал. На первой августовской конференции, я забыл сказать, было решено...

Эта Августовская конференция, когда она была?

Эта Августовская конференция была в начале войны 914 г., тогда было решено следующее: Наши молодые товарищи, которые просили совета - идти им по мобилизации на войну или нет? Мы решительно отвечали: «*Мы за то, что вы должны пойти*». И это, несмотря на то, что мы были вообще против войны. Но призывным в деревнях оставаться нельзя было, им пришлось бы идти в горы или в леса, стать как бы беглецами, а это могло вызвать большие репрессий. Поэтому, мы решительно объявили новобранцам и мобилизованным, что нужно идти на призыв, все должны собраться и на войну идти, чтобы народ не пострадал из-за вас. Но мы предложили, что их задачей будет не воевать, а защищать свою жизнь и своих товарищей, и друзей спасать от несчастных случаев, чтобы в это военное время меньше было жертв ...

Кроме того, уходящим на войну мобилизованным мы говорили, чтобы они старались присматриваться, что будет на войне, и как вообще живут в чужих странах. Характерно, что тогда мы получали корреспонденции от наших товарищей, потому что газета наша выходила под цензурой и она не часто закрывалась. Когда некоторые наши товарищи попали в Австрию, они в первую очередь пошли Парламент осматривать. И надо сказать, с радостью смотрели на Парламент, парламентское учреждение и описали все это помещение, как оно устроено. И они дали нам полную сводку, я помню, это характерно для них - писали, что вот мы сегодня - солдаты - пришли и осмотрели весь этот Парламент, вот так устроен, такой порядок и так далее

Вот все, что я могу (23) Вам сказать, я соберу вам еще сведения послевоенные.

Это конец нашего первого разговора.

*

Это первая часть воспоминаний господина Раждена Арсенидзе. 25 июля 1961 г.

Мы начнем с разговора о Вашем политическом и социальном положении в юности. Начнем, как говорят в Библии, с Начала; Значит, где родились, чем занимался Ваш отец и так далее.

Значит, о моменте рождения? Родился я первого октября 1880 года в крестьянской семье. Отец мой был псаломщик, церковный служащий, причетник называется. Мой отец в школе не учился и не знал русского языка. Он изучил церковную грамоту в Гелатском монастыре. Мой отец был крепостной, церковный крестьянин. Воспитание ему дали церковное - в монастыре Гелати, куда он был взят монахами, как крепостной, в качестве мальчика, слуги. Там его научили церковной грамоте, и он стал псаломщиком. Я его первый сын от второй жены.

Первые годы, которые я, как все дети, провел в деревне, - интереса особого не представляет. Как раз, когда мне шел седьмой год, у нас в деревне открылась школа - церковная школа. И открыл ее муж нашей родственницы⁶³. Меня послали в школу. Я там провел два года. И потом этот наш преподаватель настоял, чтобы меня отправили в город, в Духовное училище. Отец мой согласился, и меня отправили в Кутаис, в духовное училище.

Сколько Вам было лет тогда?

Семь лет. Духовное училище было в Кутаисе. Я кончил Духовное (24) училище только благодаря тому, что вскоре я получал казенную стипендию. Хорошо учился, на казенный счет воспитывался я в Духовном училище, потом в Семинарии там же, в Кутаисе. Когда я кончил духовное училище в Кутаисе же открыли семинарию, и я поступил в Духовную Семинарию и кончил эту семинарию тоже по первому разряду.

Сколько лет Вы учились?

Духовное училище я кончил, когда мне было пятнадцать лет. А через шесть лет, когда я кончил семинарию, мне шел двадцать первый год. Шесть лет нужно было учиться. Из семинарии меня, как одного из перворазрядников, то есть кончивших по первому разряду, хотели отправить на казенный счет в Духовную Академию. Но я решил не ехать туда и поехал в университет. Это характерно, потому что к этому времени, когда еще я был в Духовной Семинарии, в нашей общественной жизни появились марксисты.

Вот в 1895 году я окончил Духовное училище и в 895 году эта «Месаме Даси» («Третья группа») уже работала у нас, и наряду с нелегальной шла и легальная работа, издавалась газета, мы все читали ее с усердием.

Это когда, приблизительно, Вы кончили Семинарию?

⁶³ Это был Яков Бешкендзе, сын священника, женатый по первому браку на моей двоюродной сестре. Р.А.

Это в 1895 году я кончил Духовное училище и поступил в Семинарию в том же году. С четвертого класса стал ходить в городскую библиотеку. Конечно, свободно было у нас ходить в библиотеку. Мы, все семинаристы, читали много, целая группа организовалась в Семинарии, которая читала светские книги и исключительно занималась самообразованием. Потом читали грузинский журнал [издаваемый организацией] «Месаме Даси», журнал этот назывался «Квали», которым руководил сначала Георгий Церетели⁶⁴, а потом Ной Жордания⁶⁵. И все мы увлекались этим еженедельником, так что мы (25) читали его все, целая группа.

Это было все в Кутаисе?

Да, в Кутаисе. Со мной тогда были: Герасим Махарадзе, бывший потом депутатом; Ной Рамишвили - его Вы знаете. Остальные не интересны. Через год мы уже вели занятия с приехавшими новыми учащимися. И вот в Семинарии, некоторые из нас втянулись, занимались политическим вопросом и самообразованием: читали очень много из русских писателей, как, например, Добролюбова, Чернышевского, Писарева и других.

Где Вы их доставали?

Это в библиотеке читали... их труды имелись в Городской библиотеке. А если не было, то мы заказывали эти книги в [книжном] магазине и покупали сами. И даже одна из этих книг у меня была конфискована монахом, который был ритором в Семинарии.

Я бы хотел немножко вернуться назад. Во-первых, Ваш отец был, как Вы объяснили, крепостной. После освобождения, значит...

Он получил свободу.

Он был более или менее состоятельным крестьянином?

Нет. Не состоятельный. Имел мало земли, вообще отец был очень беден, настолько беден, что, кроме меня он ни одного сына воспитать не мог. Я воспитался только потому, что получил вскоре казенное пособие. И помню, что из-за меня родители продали виноградник. У матери моей был виноградник отдельно, так как у нее не было братьев, а были только сестры, и они разделили между собой отцовское имение, так что моей матери досталась своя часть имения. Она продала ее и платила в первые годы, когда я поступил в школу, а (26) после я получил казенное пособие к воспитывался уже без помощи родителей. Иначе я не мог бы получить никакого образования.

Понятно. Теперь, ваш отец очень хотел, чтобы Вы получили образование?

Он очень хотел, когда я был в Духовном училище.

Он хотел, чтобы Вы стали священником?

Да, он хотел, чтобы я стал священником. И вообще, так сказать, пошел по Духовному ведомству. И ему было очень неприятно, что я пошел в университет.

Я понимаю. Хорошо. Но пока остановимся на Духовной Семинарии. Какое у него было политическое настроение, у Вашего отца?

Он был монархист и верующий человек.

И мать тоже, конечно?

Да, просто, как все крестьянки.

Так, хорошо. Теперь постарайтесь вспомнить...

Мать была неграмотна. Отец был немного грамотный, старший брат был неграмотный - у меня был и старший брат (от первой жены моего отца) он был неграмотный; и младшие мои братья тоже остались неграмотными. Одного, самого младшего, воспитывал уже я. Он сейчас живет в Грузии. Я его воспитывал много лет. Я уже кончил к тому времени Семинарию и занимался литературной работой, когда он дошел до школьного возраста. Я взял его к себе в Кутаиси и там сначала я его учил сам грамоте, пока можно было, а потом отправил его в школу и присылал ему деньги из своих средств. Отец не мог этого делать, он настолько был беден, что он других никак не мог воспитывать, дать образование. Мое воспитание было, можно указать, просто случайное.

Теперь, если бы Вы постарались вспомнить Ваше первые (27) оппозиционные, такие еще не определенные, но оппозиционные настроения? Когда они начались?

В Семинарии.

В Семинарии? Это было тогда, приблизительно, когда?

С 898 и 900 гг. Впервые за последние годы в Семинарии создалось у меня оппозиционное настроение.

Сколько лет Вам было тогда?

Мне было 18 лет или 19 лет. Вернее, мне было ровно 19 лет,

Я хочу уточнить. Вы родились в 1880 году?

В 1880 году, да.

⁶⁴ Отец Ираклия Церетели. Р.А.

⁶⁵ Впоследствии президент Грузинской Демократической Республики /1918-1921 гг./ Р.А.

Так. Хорошо. Как у Вас выражалось это настроенье и в каких условиях? Вы могли бы что-нибудь рассказать по этому поводу?

Я Вам, кажется, рассказывал, что как только к поступил в Семинарию, у нас в Кутаисе произошел случай... Настроение у нас было почему-то оппозиционное, в духовных училищах такое настроение всегда было...

В Кутаисе?

И раньше.

Даже в доме?

Жордания тоже был в Духовном училище. Он тоже был оппозиционно настроен, и Сталин тоже из Духовного училища. И почему-то Семинария рождала тогда оппозиционеров. Потом эта вся церковная жизнь, церковная бурса⁶⁶ - бурсу интернатом называют сейчас, которая учащимся не нравится, - там всегда во главе стояли не священники и не светские люди, а монахи, и они принуждали даже больных молиться с утра до вечера, стоять на коленях и так далее. Я помню, например, такой случай: я стою в церкви, стояли мы рядом, как солдаты, в ряд: по (27) восемь человек в ряду, так один за другим. Я, как был маленький ростом, то меня впереди ставили - я всегда был во втором ряду. И вот я стою так, а колено согнулось, а с другой стороны половину церкви занимала, вообще, другая публика, гражданская публика там, девушки там, барышни, знакомые там... И вот вдруг я получаю удар по ноге. Оказывается, инспектор подошел тихо и спокойно, увидел, что у меня колено согнуто, он ударил палкой - Должны были стоять, как солдаты! И какое же впечатление это на меня могло произвести? это же посрамление перед обществом. Так нас держали, как солдат. И это нас очень беспокоило. И можете себе представить, когда меня ударили, это все услышали, стали смеяться... И вот такие маленькие вещи очень характерны. Обращение с нами было такое же и в школе, но особенно мы, но выносили этой штурмовски механической дисциплина оказывалась невыносимой. Таково первое впечатление, потому что я был к этому времени еще очень верующий, и эта вера пропала в молодости же из - за такого грубого обращения с нами. Такое обращение создало у нас настроение чисто оппозиционное.

Эти люди, наши руководители, совершенно не понимали нашей психологии; Они были большей частью русские, и, к сожалению, они не знали грузинского языка, не знали грузинских обычаев, а такое оскорбление наносили нам, которое мы чрезвычайно остро ощущали, и они этого не понимали. Так как я учился хорошо, то мне часто приходилось давать объяснения и за себя, и за других перед ректором нашим, он тоже был монах. Так что в моем распоряжении были сведения не только о моей жизни, но и о жизни других. Я за них ходатайствовал. Полагалось так, что кто хорошо учится, его ходатайство могут принять; его ходатайство может что-нибудь принести. Часто приходилось за других ходатайствовать, например, чтобы им простили что-нибудь или назначили куда-нибудь и так далее. (28) Я ректору объяснял, что у нас это не принято, не принято по нашим обычаям... Ректор удивлялся: «Почему это? Для чего Вы говорите мне такие вещи?»

Он этого не понимал совершенно!

И я уходил, но в моей душе накапливалось чувство недовольства: что, как же это так, он образованный человек, архимандрит, и ничего не понимает, а, наоборот, требует такой дисциплины, которая ни Богу, ни людям не нужна?

Теперь следующий вопрос. Когда из-за этого порядка в школе вы с товарищами начинали обобщать свое недовольство по поведению порядка вообще, вне школы?

У нас создались две группы.

Где? Когда?

Да там же, в Семинарии. Георгий Цинцадзе, Махарадзе Герасим и много других, целая группа и мы эти вопросы обсудили между собой. В это время в Кутаисе уже появились первые марксисты, вот, например, Михаил Цхакая был, между прочим, в Кутаисе. Потом был там Квицаридзе, который мне давал литературу, у него был новый книжный магазин, его брат был в духовном училище, учителем по грузинскому языку и тоже давал книги читать.

И еще характерно одно: В Духовном училище наши преподаватели - двое или трое были бывшие народники, - и они мне давали народнические книги на грузинском языке, всем, которые хотели читать и интересовались книгами. Иногда давали и читали их даже в школе. Я читал хорошо, и меня учитель грузинского языка заставлял читать. Я читал для всей школы. Уже вместо урока мы иногда читали произведения грузинских писателей-народников. Я ходил к братьям Квицаридзе, и они рассказывали мне как живут в других странах, и преподаватель латинского (29) языка, Чимакадзе также рассказывал о русской жизни, о Римской республике, о республиканских порядках, указывал, что, вот, как хорошо это было у них...

В Риме?

Да, когда была там республика. А когда появились диктаторы, тогда вышло очень плохо для народа. Так, косвенным образом они давали нам некоторые указания на то, что хорошо и что плохо. Это в духовном училище уже. Но я тогда многого не понимал. Квицаридзе и Чимакадзе были учителя грузинского языка и латинского языка, с одной стороны, знакомили с грузинской литературы, а, с другой стороны рассказывали вот такие республиканские вещи на уроках. Я тогда еще не понимал в чем дело, но эти знания и факты оставались в голове. Но как мировоззрение они еще не были организованы. Это стало организоваться только в Семинарии, где собралась семинаристы со всех концов Грузии. И в других

⁶⁶ Это общежитие при семинарии называлось «Бурса». Р.А.

училищах, оказалось, было то же самое. Один из нас собирались в отеле «Гурия», и у них тоже такое же настроение было. И вот, стали мы собираться вместе и обсуждать эти вопросы... что это не годится, что это хорошо, а другое не хорошо. Мы читали также либеральную литературу, другой у нас не было. Читали русскую литературу, читали и грузинскую литературу. Изучали грузинскую историю, все, чего нам не давали в школе.

Значит это было в духовной Академии?

В Духовной Семинарии, не в Академии. В Академии я не был. У нас было два учебных заведения: Духовная школа и духовная Семинария, надо было окончить их, а потом уже можно было поступать в Академию. Духовная школа была шестилетняя. Семинария тоже шестилетняя. (30)

И в какой году Вы начали учиться?

В Духовной Семинарии я начал учиться, когда мне было пятнадцать лет, и окончил ее, когда мне шел уже двадцать первый год. Я помню, что я должен был идти в солдаты, но вместо этого я поехал в университет, и оттуда прислал бумагу, что я в университете, и мне дали отсрочку по военной службе. Пятнадцати лет я окончил Духовное училище.

Это, значит, в 895 году?

В 895 году... да.

Вы окончили Духовное училище в Кутаиси, да? И начали учиться в Духовной Семинарии?

Да, перешел в Духовную Семинарию в Кутаисе же, там была Семинария.

И в Семинарии оставались сколько лет?

Шесть лет.

Это значит что до 1901 года?

Да, весной 901 года я окончил. Осенью должен был пойти в солдаты, вместо этого я поехал в университет.

Теперь те первые учителя-народники, которых Вы мне отметили и которые дали Вам литературу, чтобы прочесть по-грузински, да? Это было уже в Духовной Семинарии?

Нет, это было еще в Духовное училище. Эти два преподавателя - один Чимакадзе, он учил нас латинскому языку, но вместо латинского языка (латинский мы прошли из Юлия Цезаря... всего две страницы за целый год! А все остальное только занимались разными рассказами).

Что они Вам давал прочесть? Какую народную литературу? (31)

Грузинскую народную литературу - это были народные рассказы, сказки, народные рассказы из крестьянской жизни и все, что было под рукой у них. Больше литературы не было на грузинском языке - у народников; но они давали нам эти книжки, я помню там некоторые о жизни бедных крестьян, потом, как обирают крестьянский народ и так далее - вот это нам давали. А потом давали нам указания, какие книги нам надо читать на русском языке.

Да? А какие это книги?

О, они давали всегда книги шестидесятников, потому что это были Народники.

Понятно. Точнее какие книги? ...

Именно, читали «Критические статьи» Добролюбова, Чернышевского, Белинского, некоторых других.

Михайловского?

Да, да, читали, это просто.

Хорошо. Тогда, в этом Духовном училище, значит, до 895 года у Вас уже имелся маленький кружок?

Нет, в духовном училище кружка не было. Я ходил к этому преподавателю, Квицаридзе, и он мне передавал книги. Кружки образовались только в Семинарии.

Ну, какие впечатления Вам дали прочитанные Вами книги? Вы читали русских писателей еще в Духовном училище?

Да, конечно, читал.

И Вы передавали эти книги Вашим товарищам или нет?

Конечно, мы читали сообща. И читали сообща, и обменивались мнениями.

Ну, какие мнения Вы высказывали? (32)

Это трудно сказать. Определенного такого ничего сказать не могу, но было просто оппозиционное высказывание, что светская жизнь лучше, чем духовная. Вот все то впечатление, которое я могу формулировать к тому времени.

Хорошо. Что светская жизнь лучше, чем духовная!

Да. А что это есть духовная жизнь? Духовная секта. Особенно тяжелое впечатление давало описание русской бурсы. У нас не было бурсы в Кутаисе. Но это было что-то ужасно. Как люди там жили, как их мучали!..

Кроме того, вы чувствовали, что что-то творится непорядочное в общественной жизни? Скажем, положение крестьянства. Вы уже чувствовали это и знали?

Мы уже сами знали это очень хорошо! о тяжелой жизни крестьян мы все знали очень хорошо. Это было общеизвестно, что наши крестьяне очень страдают...

И что это неправильно?

Да, неправильно, но вполне соответствует нашему положению... Все были бедные, ничего не имел ни один из нас.

Теперь, чтобы вернуться назад. У Вашего отца какое было мнение? Он тоже чувствовал, что общественный порядок в этом отношении неправильный?

Мой отец был в этом отношении очень, как Вам сказать, общественным человеком. Он всегда защищал интересы села, интересы всех крестьян. И его всегда выставляли, когда нужно было защитить интересы народа. У нас тогда были огромные споры с Казной. Там все церковные земли перешли в Казну и крестьян причислили к казенным крестьянам. И у нас был спор о земле все время с Казной.

Я кончил Семинарию, (33) даже после, уже в 905 году, все еще спор не был окончен между казной и крестьянами. При церковном владении, наши церковные крестьяне владели своей собственностью, имели купчую, но домашнюю; Монахи или монастырь продали такую-то землю, такое-то количество там, ну, масла или хлеба и других продуктов, или просто за известную сумму денег. Но когда казна получила церковные земли, она этих купчих не признавала, а по Российскому образцу считала, что все крестьянские земли принадлежат казне, и те земли, которые принадлежали крестьянам, - казна оспорила. Так что в нашей деревне все земли были объявлены казенными - эти большие леса и горы, крестьяне их считали своими. При переписи все земли, бывшие церковных крестьян были оспорены Казной и записались как спорные между крестьянами и казной. И этот спор продолжался еще до 905 года и даже дольше.

Ну, какие Вы выводы сделали?

Я занимался этим делом в деревне, как грамотный человек; я читал им все эти купчие, другие бумаги, был в курсе всего, все представляли мне свои документы, я помогал им, как мог. И я никогда не брал ни одной копейки у крестьян, но они меня приглашали обедать. Я обедал - нельзя было отказаться. Но, вообще, я не помню ни одного случая - я столько переводил, читал, переписывал, писал - и не помню, чтобы хоть одну копейку я взял с них. Этого отец мне запрещал.

Да, но Ваш отец не чувствовал, что в этом деле государство виновато?

Не знаю. Трудно сказать это. Он, конечно, чувствовал это, но политически оппозиционного настроения из этого у него не замечалось. Но у него была такая любовь к крестьянам, к соседям, что он всегда говорил, что «нужно делать все необходимое для крестьян и что их нельзя (34) обижать». И это от него передалось и мне. Это я получал от него наставления, что крестьянам нужно помочь: и написать им, и все сделать; что ты один грамотный и, значит, нужно другим прочесть и объяснить все, но никогда от них ничего за это не требовать и не брать. И крестьянам говорил, чтобы ничего не давали.

Теперь мы вернемся ...

... Отсюда Вы поймете, какое у него было отношение ко всем своим соседям. Это были соседи около нас - или однофамильцы, или односельчане, я каждый день в деревне был занят этими делами. Занимался рукописями и хорошо потому научился русскому языку и хорошо научился читать старые рукописи. Да я и сам писал там разные купчие, на продажу земли, или если обменивались участками земли.

Я помню - Формально писалось так: что «Я Вам продал такую-то землю, и эту землю у Вас никто оспаривать не может, кроме казны или это представляет мою собственность, но оспорена казной. Вот, кроме казны, никто не может оспорить, а если оспорит, то отвечаю я».

Продавец писал так. Вот такого содержания была купчая, так составлялась.

Вернемся теперь к Духовному училищу. Вы мне уже отметили, что из прочитанных Вами книг вы вынесли чувство и сознание, что светская жизнь лучше жизни монахов, то есть лучше жизни монастырской. И кроме того, было чувство, что вообще политический порядок неправильный?

Монахов еще не было в Духовном училище, это были в Семинарии монахи. В Духовном училище были тоже все светские люди, они руководили нами. Они все были духовного звания - из Духовных училищ, так что настроение у них было такое же. Но в Духовном училище я был еще молодой и ничего этого хорошо не понимал, мне было тогда меньше 15-ти лет... (35) Было ощущение, что не все ладно, но не было сознания всего того, что происходит: мировоззрения не было никакого. Я еще товарищам говорил: «Раз в Кутаиси они построили семинарию, я поеду в семинарию учиться, а не в светской школе».

Хорошо. Тогда, в 895 году Вы вступили в Духовную семинарию в Кутаиси, и с Вами также вступали, - Вы мне отметили, - Махарадзе, Рамишвили и другие.

Да, да, я назвал нескольких, с которыми вступал...

Ну теперь, если Вы можете вспомнить, какой был, если можно так сказать, второй шаг в Вашем политическом понимании. Это значит, когда это стало Вам более ясно, в какой атмосфере, при каком чтении, при каких разговорах?

Я хочу сейчас вспомнить фамилию этого учителя... Да, это Квицаридзе Полиевкт, он был преподаватель - народник. Я у него прочел почти всю грузинскую народную литературу, повести, рассказы, потом журналы восьмидесятых годов, которые у него были, он мне все это давал читать, я брал у него. И создавалось впечатление, что это все наша, крестьянская линия. А брат этого Квицаридзе, Исидор, он имел книжный магазин, и он мне давал такие книги читать, когда нужно было. И то же самое в Семинарии, когда я был в Семинарии, он давал книг сколько угодно. На покупку у меня не всегда было денег, и он просто давал нам читать. За лавкой-было маленькое помещение у него, так мы иногда сидели там по вечерам и читали его книги.

Это еще было в Духовном училище?

Нет. В Семинарии уже. В Духовном училище я получал у его брата и моего преподавателя книги, ходил к нему на квартиру и получал от него книги и читал. Он нам больше ничего не говорил, не объяснял, просто давал (36) нам книги, если интересуемся, говорил: пожалуйста, читай! И был рад, что приходили к нему, что он дает нам книги и дает возможность эту литературу прочесть, познакомиться с ней. А другой брат его, этого Полиевкта, Квицаридзе Исидор - он уже давал нам книги умело, сам подбирал, а то, если мы просили, то давал нам читать книги тая те у себя, в задней комнате своего магазина, заходили туда и читали.

Какие журналы семидесятых годов?

Вот он и давал нам все эти либеральные журналы после шестидесятых годов и русской литературы, вот те, которые я уже называл - и Белинского, и Чернышевского он нам давал, и журнал «Современник» ...

«Современник»?

Да, читали. А потом некоторые мы сами покупали, если имели деньги, выписывали, если мы хотели купить, то покупали у него, через него. Он мог выписать эти книги свободно, ибо это были легальные книги. А запрещены они были только для нас, семинаристов. Но не были запрещены для общества.

Но Вы теперь можете более точно все рассказать?

Да, я могу точно сказать: нас заставляли читать духовную литературу. Я был очень религиозный человек, и я прочел почти всю духовную литературу. Я помню, что одного автора, Кудрявцева, этого историка - академика - богослова, я прочел девять томов.

Да. Теперь, из этой народнической литературы?

Впечатление было слабое, - всей литературы, публицистической и художественной литературы, было очень мало, но от нее только создавалось желание достать русскую литературу и читать.

Ну, теперь Вы вступили в Духовную семинарию! (37)

В Духовную семинарию, да. Вот в Духовной семинарии мы читали и русские и грузинские книги.

Какие?

Все. Почти всю грузинскую литературу. И историческую литературу изучали, потому что преподаватели - Мелитон Чоговадзе, тоже грузин, давал нам. Он там нас учил церковно - грузинскому языку; и вместе с церковно - грузинским языком изучали современную грузинскую грамматику, он нам читал отдельные отрывки из произведений XVI - XVII веков, и даже XII века, прочел нам несколько исторических книг, мы с ними познакомились в Семинарии в первые годы с грузинской историей. Он нам преподавал грузинский язык, грузинскую грамматику, церковную грамматику и вместе с тем всю грузинскую литературу, которая тогда была известна, и которая тогда была напечатана.

Хорошо.

Я, значит, читал произведения 12-го столетия и читал всех писателей, потом писателей XVI-го века, XVII и XVIII го века, и Законы царя Вахтанга, и законы церковные XII -го века, и даже летопись грузинскую. Потому что была напечатана эта «Летопись», и мы читали.

Из этого чтения по грузинской истории Вы и Ваши товарищи получили какое-нибудь чувство национальности?

Да, получили, потому что мы стали образовывать кружки по изучению грузинской истории, по изучению грузинской литературы. А потом не знали, что делать дальше. Это было в первых классах Семинарии, в 1, 2, 3 классе. И только впоследствии в старших классах - вот уже в 4-м классе уже начали обращаться и к русской литературе, и по мере возможности создавать кружки политического характера, точнее (38) Политически - общественного характера, хотя в этом еще мало разбирались. Мы получали и марксистскую литературу, и первую книгу, которую мы читали, это была книга Плеханова «Монистический взгляд на историю». Мы читали не эту одну книгу, а читали все, что попадалось в руки. Читали, разбирали, потом спорили вместе члены кружка.

Книга Плеханова произвела на нас такое сильное впечатление, что Михайловского, которого он остроумно высмеивал, мы не считали за серьезного писателя. Но впоследствии, когда я прочел Михайловского, подумал, что это глубоко мыслящий человек; а тогда, под впечатлением Плеханова, мне просто казалось, что Михайловский, и читать его не стоит, настолько сильное впечатление произвела книга Плеханова на нас. И зачем его разбирать?! - думалось мне.

Теперь вернемся немножко назад, когда Вы были в этих первых трех классах Семинарии, когда Вы читали всю эту грузинскую литературу. Какие чувства Вы приобрели по поводу национального вопроса?

Я думал, что надо закрыть Дарьяльское ущелье и не пускать русских к нам.

Что это?

Дарьяльское ущелье, которое отделяет нас от России. Это единственный проход в горах Кавказа. Нужно закрыть это ущелье и не пускать русских. Лучше всего!

Не пускать русских? когда Вы об этом говорили?

Когда мы об этом говорили? Это была, скорее, мечта. Больше всего это была мечта; Но это ощущение я очень хорошо помню, в моей душе было настроение, что, вот, я пойду и встану на этой границе, закрою чем-нибудь проход... Там монастырь... Можно поступить в (39) монастырь в никогда больше не пускать из России людей сюда. Как это было бы хорошо, если бы можно было так сделать! Вот это первое впечатление просто было патриотическое чувство, сильное, и первое Сознание, что мы другой парод, и наш народ имеет культуру.

... Которая не была признана русскими?

Да, которую мы изучали тайком от наших русских руководителей. И те, кто давал нам книги читать и учиться предупреждали нас, чтобы другим эти книги не показывать. Так что мы читали и изучали грузинскую литературу, некоторые книги официально в школе, и между тем у себя читали другие книги неофициально и прятали ...

Прятали?

Да. И когда мы сидели дома, то грузинские церковные книги лежали на столе, да и все церковные русские книги тоже лежали на столе, а нелегальные книги, то есть запрещенные семинаристам, прятали: я отдавал их моей хозяйке, и хозяйка уносила, а потом отдавала обратно.

Значит, это исторические книги?

И исторические книги и вообще грузинские книги, В Семинарии говорили вам, что нам это нечего читать. Один из наших преподавателей даже не знал и путал грузинские имена, вместо Баграта, всем известного, он говорил - Панкрат, и так дальше. Иногда старались даже переделать наши имена и фамилии на русский лад... Вот были такие мелочи, а крупных фактов, таких, чтобы с нами плохо обращались, не было.

И у Вас в это время, может быть, имелось чувство, вы разговаривали об этом, что нужно восстановить свое государство?

Да, было. Но не сильное. Я не могу сказать, чтобы это чувство было очень сильное, потому что, когда мы вошли в этот кружок, то (40) широкая грузинская общественность еще не очень интересовалась этим вопросом. А если кто и занимался, мы их не знали.

Этим вопросом мало интересовались?

Да, мало интересовалась. Но до «кругов» еще это чувство возникало, об этом говорили, но было так, как мечта! Больше занимались социальным вопросом, чем национальным все-таки.

До четвертого класса?

Все время больше занимались социальным вопросом. Вопрос вообще бедности и богатства, вопрос крестьянства и вопрос, так сказать, чисто культурной жизни нас занимал больше, чем вопрос национального освобождения.

Ну хорошо. Я хочу определить время, понимаете? Мы сейчас разговариваем по поводу первых четырех классов?

Да. В это время.

Вы говорите, что еще до четвертого класса Вы занимались такими вопросами, как богатство и бедность. Ну что еще?

И что это богатство должно быть разделено всем поровну. И надо это очень просто сделать - взять, да и разделить все это богатство на всех! Вот и будет у всех достаточно. Я помню, в эти годы я читал проповедь Иоанна Златоуста.

Это кто?

Он был патриархом в Константинополе в четвертом столетии. Нам, как духовным, его проповеди были известны, мы их читали. И вот там было написано - до сих пор помню, он в Константинополе тогда проповедовал следующее: «Коли бы взять все богатство, которое тут имеется, в этом городе, и распределить между всеми жителями, (41) то не было бы ни одного бедного». И вот за это его тогда сослали, то есть его, Иоанна Златоуста - сослали на остров Родос. Но мы это читали. Это давали нам, как церковную литературу, и мы читали,

А Иоанн Златоуст был составителем православной церковной службы. Так что наша православная Церковная служба идет от Иоанна Златоуста. Он у нас считался очень большой личностью. Вот это я читал у него, поэтому я и помню, ибо у меня было такое настроение.

Теперь эти Ваши чувства - настроения - об уравнении богатства... имело ли также такое же влияние на Вас и чтение русской, народной литературы?

Да, конечно, и народники и русские «шестидесятники» тоже. Они приблизительно ту же самую пропаганду вели... Чернышевский - социалист - тоже влияние на нас имел большое.

Какие впечатления Вы получали от чтения русских народников?

Были они очень хорошие люди, очень прогрессивные и хотели всем добра. Хотели всем добра и вообще хотели, чтобы было больше справедливости на свете.

Какие книги русские, народнической литературы Вы читали? Это в первые три года вашего учения в Семинарии?

Я читал Добролюбова - в этих статьях очень много общественно го элемента. Из Чернышевского мы читали его роман «Что делать». Это произвело на нас огромное впечатление. Потом мы узнали, что его сослали. Читали его критические статьи - «Эстетическое отношение искусства к действительности». Мы читали это потому, что в классе разбирали русскую литературу, и мы лучше понимали литературу, когда знакомились с этими критическими статьями. (42)

Что еще читали? Михайловского читали? Нет?

Михайловского я читал позднее.

Лаврова читали?

Лаврова я не читал лично. Некоторые читали, рассказывали, передавали друг другу. Так что это мы знали скорее...

По рассказам?

У нас, то есть членов кружка, было так: если попадала книги в руки, прочитывали и другим передавали, сообщали его содержание, как могли.

Теперь, Вы рассказали мне, что эти книги Вы получали от книгопродавца? Эту литературу, да?

Да, из книжного магазина Квицаридзе. Или же выписывали книги через него мы сами.

Так, хорошо. Теперь Вы мне сейчас сказали, что «Что делать» Чернышевского произвело на Вас большое впечатление. Вы можете мне об этом более подробней рассказать?

Сейчас это мне трудно. Сейчас я абсолютно не могу ничего вспомнить и рассказать.

Ну, кто и что Вам там импонировало? Какие картины, какие лица?

Трудно сказать сейчас. Видите ли, вообще тогдашнее ощущение было более общее. В этом романе вообще проводится та мысль, что так нужно быть справедливым, и нужно быть, разумеется добрым. Вот это - «Быть добрым, быть справедливым и быть с простым народом» - вот это главное. И вот это впечатление оставалось у нас.

Стала у Вас концепция, что вы, молодые, должны служить народу?

Да, что мы, молодые, должны служить народу; Это я знал и от отца, что нужно в деревне всем служить и, так сказать, безвозмездно. Это я знал и по этой литературе - это все соответствовало одно (43) другому. И потому оно не произвело на нас особого впечатления, а подтверждало то, что у нас итак было в семье. Все это подтверждало, что мы поступали правильно.

Я никогда не говорил моему отцу, когда у меня поколебалась Вера. Когда приезжал в деревню, я всегда ходил в церковь, ставил там свечки и так далее, чтобы и вообще, чтобы своим родителям никакой обиды от меня не доставалось.

Когда у Вас появились сомнения в Вере? Когда Вы стали колебаться в этом?

Это было уже в четвертом классе Семинарии.

При каких условиях? Как это случилось?

В семинарии, вот в этих кружках, которые составились, когда читали этих писателей насчет Веры; и сравнивали их с нашими преподавателями - русскими в особенности, сравнивали с нашими руководителями. Ведь в Семинарии все были они духовные лица - монахи. Сравнивая с их жизнью, мы считали, что эти люди - наши руководители, никуда не годные. Один из монахов всегда ходил к бабам, и мы знали это. А другие просто нас часто ругали такими словами, которые совершенно не соответствовали нашему человеческому достоинству, к тому же мы чувствовали себя уже старшими в Семинарии. И вот на этой почве у нас мало-помалу явились сомнения и это отбивало нас от церковной службы, которую нас заставляли посещать, от этой церковной церемонии, которая не имела никакого смысла. Все это механическое отношение к церковной жизни мало-помалу отнимало у нас веру.

Когда я перешел в пятый класс, я уже знал всю духовную литературу, какую имели в библиотеке, это было мне еще интересно. Я изучил все богословие. В это время сомнений мне захотелось действительно понять и узнать правду. Нас учили философии, я знал (44) пять доказательств Бытия Божия, одно из них принадлежит Канту. Богословие говорит, что доказать бытие Божие невозможно и что все доказательства, выставленные философами или богословами (христианскими, религиозными учеными) несостоятельны. В Бога можно только верить. В Семинарии нас обучали философии. Но обучали по религиозным учебникам, так что у нас было, значит, 5 доказательств Бытия Божия, и изучали мы эти все пять доказательств. Но так как нас обучали также в это время логике, то мы знали, что такое...

Томас, наверное, Томас Аквинский?

В Семинарии - да, и Томаса мы изучали, у него есть схоластические доказательства Бытия Божия; но особенно мы интересовались Кантом, у него доказательство Бытия Божия от морали.

Да, да...

Но когда мы прошли психологию и логику, то знали...

**

Это продолжение первой части воспоминаний господина Арсенидзе.

И сейчас мы обсуждаем, как он перестал верить в Бога.

Когда мы изучали психологию и логику, мы знали все труды и все их доказательства Бытия Божия. У профессора Кудрявцева есть специальная статья по этому поводу. И вот в этой статье перечислены все эти пять доказательств, и делается заключение, что существование Бога можно только гипотетически предположить, но никак не доказать, а он все-таки философски хотел доказать в конце концов, это зависит от веры, но не от разны, вот я прихожу в мой кружок, я и говорю: «Вы знаете, господи, существование Бога - это гипотеза. (45) Это же не действительно доказанное бытие и не действительность, а только гипотеза и больше ничего». Вот они все сказали: - ну, посмотрим, если Вы говорите это, вот мы сначала прочтем..., и мы стали читать все эти доказательства бытия. Мы сошлись все на том, что Бог «Может быть», «Должно быть», существует, «Вероятно существует», но доказать этого никак нельзя. Ведь так заключает и сам профессор-богослов, что «Доказать Бытие Божие невозможно».

Ну, раз нельзя, а мы ведь люди, и тогда рассуждали с точки зрения нашего разума, то вот, пришли к заключению, что это гипотеза, и что это не совсем так, как нам тут священники дают.

Вот сомнение и началось с этого.

Это было в четвертом классе?

Да, это было в четвертом классе тогда, когда ик изучали психологию, логику и все другое; И это было в конце года, когда мы все это прошли.

Как реагировали Ваши товарищи?

Да они говорили, что: «Да, Вы правы». Потом это пошло так. И мы стали обсуждать и между собой и решили, что действительного такого доказательства быть не может и, значит, уже есть сомнение в том - существует Бог или нет. Может, и есть, а, может, и нет.

Так как же теперь быть?

Это вопрос веры и только. Но смотря на этих людей, которые верили в Бога, мы решили, что эти люди вовсе не показывают своей жизнью, что они действительно верят в Бога, а если верят в Бога и требуют таких постов, поклонов, как наши преподаватели, наши руководители, - а сами делают дурные поступки, - то это уже не Бог добра. Их хорошие действия (если бы они были у них), могли бы укрепить нашу Веру, а на самом деле их действия были такие, что наоборот, поколебали нашу Веру. А когда эти колебания прошли, уже в пятом и в шестом (46) классах - там шесть классов было - я уже перестал читать богословскую литературу. И на одной из экзаменов получил даже упрек за это. Видно, преподаватели за нами следили, кто раньше брал эту церковную литературу из библиотеки, а потом перестал брать. Там были книги и против Дарвина, которого опровергали. Мы прочли Дарвина, обсудили и нашли, что он был прав в своих выводах.

Где Вы получили Дарвина?

Как и все книги, Дарвина я мог получить в книжном магазине Квицаридзе, а в семинарии в библиотеке было только опровержение Дарвина с точки зрения христианства. Но так как тогда уже революционные брожения были, бунтарское настроение создавалось, нашли, что Дарвин куда лучше доказывает свою теорию, чем его христианские противники. Ну так вот, эти книги мы тоже прочли, и мы нашли, что с научной точки зрения нет никаких оснований вообще утверждать существование Бога и правдивость тех воззрений, которые даются о создании мира в продолжение шести дней, о создании сразу всех видов царства растительного и животного. И после этого мы стали читать книги об эволюции Мира, особенно эволюции человечества, особенно Лэтурно⁶⁷. Лэтурно мы нашли, что были первобытные люди, не умеющие читать, считать до пяти, что есть люди, не имеющие никакого представления о Боге, имеющие маленького божка -идола в кармане, и, если случалось с ними что-нибудь нехорошее, били его, этого божка.

И вот все это привело к том заключению, вера человеку нужна по разным побуждениям, и вот, как раз в это время появилась статья в грузинском журнале «Квали», который мы читали, о том, что человек создал Бога; Эта статья принадлежала писателю (47) Гомартели. Этот Гомартели, врач по профессии, был один из грузинских сотрудников этого журнала «Квали».

И его, за эту статью арестовали, и он, этот Гомартели, целый год просидел в тюрьме.

Но мы, когда прочли, что «Человек создал Бога», и все это сравнили со всеми остальными сведениями, которые мы собирали из всех попавших в наши руки книг, то пришли к заключению, что у человека есть желание верить во что-нибудь, и он создал себе Бога, как-то существо, которому нужно верить.

⁶⁷ Шарль Лэтурно (фр. Charles Létourneau; родился 23 сентября 1831 года, Оре, Франция — умер 23 февраля 1902 года, Париж, Франция) — французский этнограф-социолог, антрополог, автор многочисленных трудов по истории развития общественных учреждений и человеческой культуры вообще. Изд.

Видите, таким образом наше новое воззрение на мир расширилось мало-помалу.

Теперь последний вопрос...

... Но, видите ли, вместе с этим мы считали, что все-таки все люди должны поступать морально.

Вот тогда мы стали искать основы морали помимо религии. Нам понравилась больше всего основа морали Канта: «*Не делай с другими то, чего не хочешь, чтобы делали с тобой*». Вот это человеческая идея и очень правильная. А церковная литература опровергала это все: «*Нужно жить и поступать так, как Бог велит*», как учит Церковь.

Вот видите, изучение всего этого, всех этих - и философских и других наук - привело нас к отрицанию или гипотезе о Боге. Мы резко повернулись от Веры, не стали соблюдать Постов и так далее. Это было просто увлечение молодежи, это имеет значение только психологическое.

Теперь, что касается социализма до четвертого класса...

Ничего я не знал!

Даже слова?

Ничего не знал. Я слышал, что есть социалисты, и больше ничего.

И не знали, что они, и кто они?

Нет. Ничего. Правда, мы читали грузинский журнал «*Квали*», (48) там ничего не было. Журнал «*Квали*» был легальным органом, а о социализме легально нельзя было писать. В журнале этом все же передавались кратко разные учения - учения об утопистах и других, обо всем этом печатались маленькие статьи. Учение Маркса тоже приводили, но цензура, очевидно, искажала все это, так что трудно было что-либо понять. Слыхали о Социализме, но представления правильного, можно определенно сказать, - не имели.

Теперь, когда и в каких условиях Вы впервые узнали, стали интересоваться, что это такое - «Социалисты», чем они занимаются, и так далее, Вы можете рассказать что-нибудь об этом?

Это уже было в конце пятого класса и потом в шестом классе семинарии, и в особенности в шестом классе я совершенно перестал читать богословские книги. И за это получил на экзамене даже замечание ректора! «*Вы читали раньше, а потом перестали. Хотя бы прочли*».

Когда нас экзаменовали, мы должны были ответить, что читали, а я не мог вспомнить даже названия богословских книг.

Вы можете мне сейчас рассказать ваши самые первые знакомства с социализмом? Как вы узнали? Где? И что Вы услышали?

Во-первых, мы знали, что у нас в Кутаисе живут некоторые социалисты, у них были длинные волосы.

Что, кто это за социалисты?

Я знаю только, что есть социалисты и что они из-за этого сидели в тюрьме. Некоторые мои товарищи ходили к ним лично. Я не ходил к ним, не пошел.

Это уже было в пятом классе?

Уже в пятом и в шестом классе. не ходил к ним, потому что я жил далеко. Мои товарищи жили в городе, а я на горе, около города. Они ходили. (49)

Кто ходил?

Вот этот Рамишвили ходил, и другие ходили некоторые...

И что они потом там рассказывали?

Не очень много, и мы, молодые решили, что после Семинарии поедem в Университет. Мы можем там свободно учиться всему и получить образование и вообще быть...

Человеком!

Да, да. И вообще выработать свое мировоззрение. Меня отправили в Академию на казенный счет. Но я не поехал, конечно. После этого ректор семинарии не разговаривал мной, рассердился. А так как у отца не было средств, я сам собрал средства - для этого я работал, собрал определенную сумму и сам поехал в университет. Отца не тревожил, не беспокоил ничем.

Но уже в семинарии Вы прочли Белтова, правда? Вы сказали мне, что прочли в семинарии Белтова - Плеханова? Так?

Да, прочел .. уже в семинарии читали. Кроме того, издавали журнал на грузинском языке. Читал я также Спенсера. Было сокращенное издание его трудов, под редакцией Макиевича, на русском языке - читал я его от начала до конца. И все передавал, все рассказывал другим товарищам, все его революционные теории, теории о том, как образовывался Мир, царство Природы и человеческое общество. Когда мы поехали в университет, я уже думал, что, может быть, социализм очень хорошая вещь, но я его еще хорошо не знаю. А вот Рамишвили уже считал себя социалистом и говорил: «*Я - социалист*», знаете-ли! «*Я, - значит, - самый передовой человек*». И только в университете наш кружок принял название «*социалистического кружка*». (50)

Расскажите мне, пожалуйста, как это у вас, в Духовной семинарии создавался этот кружок?

Просто! Близкие товарищи друг с другом разговаривали, оказались единомышленниками, и стали собираться вместе.

Где и как?

Мы жили на частных квартирах. Ну вот, и собрались то у меня или у другого товарища, у третьего, когда как попадалось!

Читали вместе?

Читали вместе, а также рассказывали друг другу, если отдельно что читали. Потом вот нам от этих социалистов принесли список книг, которые нужно прочесть.

Еще в Духовной семинарии?

Да, это еще в Духовной семинарии.

Кто Вам дал этот список?

Вот этот Цхакая. Да, от него нам принесли.

Это учитель был?

Нет, нет, не учитель. Это был социалист, отсидевший в тюрьме, Миха Цхакая... он потом стал большевиком.

А как он с Вами связывался?

Нет, он не связывался со мной. Я с ним виделся только раз на улице, но больше не встречался с ним.

А кому он приносил книги?

И вот один из наших товарищей, который жил в городе около его квартиры, познакомился с ним и от него получил этот список нужных книг и принес нам. Но в этом списке были и те книги, которые мы читали и по которым мы занимались. Он сказал, что нужно сначала прочитать (51) Добролюбова, потом надо читать Чернышевского, потом нужно прочесть Плеханова и потом других, чтобы все лучше понять. А мы, как доставали какую - нибудь книгу, так и читали. Но все же старались, чтобы, расположить чтение в таком порядке, как нам указывали, чтобы лучше связать идеи и мысли.

Кто еще был в этом списке, кроме Чернышевского, Добролюбова и Плеханова?

Это были самые главные, самые крупные личности, а остальные там были - из писателей - народников, уже из памяти вышло. Читали повести, рассказы писателей - народников русских, из крестьянской жизни, о крестьянской бедноте. И читали историю русской бурсы, то есть этого интерната - в семинарии, в России имелся такой интернат. Читали литературное описание семинарской жизни. Собственно говоря, вместе с учебными занятиями у нас много времени не оставалось.

Вы мне сказали, что чтение Белтова, то есть Плеханова, «Монистический взгляд на историю» на Вас произвело большее впечатление?

Да, очень большое впечатление! Своей логичностью!

Почему?

Своей логичностью. Она построена на такой строгой логике. И показано, как одно положение вытекает из другого, так что логически это было очень сильно и связно. И мы решили, что все это действительно правильно, все доказано с определенной точностью.

И на этом Вы строили базу?

Да, на этой базе мы стали сторонниками его учения, знали, что это есть учение об историческом материализме.

И тогда Вы после этого чтения, Вы почувствовали и считали себя уже социалистом? (52)

Ну, когда мы поняли хорошо и когда это было, я сказать не могу, потому что...

Я понимаю. Но после этого чтения Вы себя лично считали марксистом?

Нет еще. Не считал - еще очень долгое время. Пока мы еще не все обсудили между собой, хотя говорили очень много. Я сказал Вам, что первый назвал себя социалистом Ной Рамишвили. Уже потом, позднее, когда я был в университете, я назвал себя социалистом. И когда я вернулся из университета, я тоже завел свой кружок с товарищами, и я их уже учил социализму...

Когда это было у Рамишвили, который ...

Мы вместе были, мы все вместе проходили. Нас исключили через год из университета, но потом я вернулся обратно.

Это был тот Рамишвили, который первый имел связь с социалистами в городе Кутаиси, первый, раньше всех?

Да, он раньше связался с ними. Я жил далеко, а он жил близко, так что я туда не ходил, я жил в другом конце города. Мы встречались все больше в школе или он приходил иногда к на Гору, «Архирейскую Гору» - так называлась гора.

Хорошо. Сейчас на этом остановимся.

Наша следующая тема, если Вы мне разрешите, будет состоять из разговора по поводу этих социалистов, которые в то время существовали в городе Кутаисе.

Кто они были? Что Вы знали о них?

Вообще, что они представляли собой? (53)

**

Хорошо. Мы остановились на том вопросе, кто были эти социалисты в городе?

Миха Цхакая. Он приехал к нам из Новороссийска. Он был там уже, в России, социалистом, работал в социалистической группе, так называемой «Южная группа Социал - демократов». Тогда партии не было, а эта организация называлась «Южная группа Социал - демократов». Он там был арестован, сидел в тюрьме, и после этого его выслали на родину. Он приехал в Кутаиси и там проживал. Это был один социал - демократ, который объединил всю нашу молодежь. Я не бывал у него, но остальные приходили к нему, я знал, что приносили все эти книги, сведения, и данные от него. И список литературы, которую нужно было нам прочесть, чтобы получить общее образование и подготовиться к социализму, воспринять социалистическую идею.

Чем он занимался?

Ничем!

Как он жил?

Видите ли, это трудно сказать. (51) не могу знать, чем он жил и как. Я не знаю, на какой службе он был. Вероятно, его содержали родственники или родные...

Теперь последний вопрос. Когда он сам вступил в Новороссийске в эту группу «Южных социал - демократов» он был там студентом? В университете учился?

Этого я не знаю. По правде сказать, я не спрашивал. Я не знаю. Знаю, что он работал там. Он был уже пожилой, так что, вероятно, годы его были более чем студенческие. Но он вообще входил в эту революционную работу. Может быть, он был один из профессиональных (54) социалистов, тогда он получал содержание от организации. Возможно, что, когда он был в Кутаиси, он получал поддержку от своих друзей, это очень возможно, потому что тогда такие вещи происходили. Так что, чтобы он занимал какую - нибудь службу, этого не было.

Вторым социал - демократом это был, вот я назвал Вам уже нашего книгопродавца, у которого был свой книжный магазин, это Квицаридзе.

Напишите мне его фамилию. Это Исидор Квицаридзе. Так?

Да. Исидор Квицаридзе был социалистом, Его старший брат - которого звали Полиевкт - был у нас преподавателем грузинского языка, который мне давал читать Народнические книги. Через него я потом (они жили в одном доме) познакомился с Исидором и ходил к нему в книжный магазин. Он уже был социал - демократом.

Вы не знаете, как он стал социал - демократом?

Как он стал - я не знаю. Вероятно, в связи с этим Цхакая и другими, потому что он уже тогда исповедовал социал - демократическое учение и был связан с Тифлисской легальной «Третьей группой» -, так называлась «Месаме Даси», был связан с Ноем Жордания и другими социалистами. Был связан с ними, потому что нам всегда передавал сведения от них, и я передавал сведения другим, и так дальше. Поэтому я и заключаю, что он был вместе с ними. Кроме того, кажется, чуть ли у него дома собиралась та группа. У него был собственный дом на Горе, около города, и туда легко было приходить, и никто этого не мог заметить, потому что люди вообще приезжали к нему, как к знакомому. Так что вероятнее всего, что у него и собиралась эта маленькая группа. О социал - демократах он нам ничего не говорил, потому что это все держалось у него в секрете - в тайне. Он сам был социал - (55) демократом. И открыл он книжный магазин только именно для того, чтобы иметь связи с народом, с учениками, с учащимися, чтобы среди них свою идею проводить, а большой особенно прибыли от магазина он не получал. Он был бездетный, имел жену и больше никого. Был у него собственный дом, и вообще он не так нуждался, но богатым он никогда не стал. Знаю, что книжная торговля особой прибыли ему не приносила. Так вот это было некоторая общественная работа, возложенная на него, вероятнее всего, поэтому он и занимался этим делом. Вот эти двое, которые тогда были мне знакомы в Кутаиси.

С другими я знаком не был совершенно. Был еще один, но видите ли, он ходил всегда отдельно, никого не принимал, я даже его фамилию забыл, это был тоже пожилой человек, тоже был социал - демократ, мы знали это, видели его иногда на бульваре, когда мы гуляли. Но он вообще не общался ни с кем. И потому о нем у нас никаких воспоминаний не сохранилось.

Теперь что касается марксистской литературы, которую Вы прочли до университета. Вы мне до сих пор назвали только название, это «Монистический взгляд на историю». Еще что-нибудь другое Вы прочли или нет?

Я читал даже нелегальные брошюры, которые получал тогда.

Какие?

Ну, нелегальные брошюры, не помню...

Получали ли «Освобождение Труда»?

Это получали, это издание, я там у него читал «*Наши разногласия*» Плеханова.

«Наши разногласия»? (56)

Да, «Наши разногласия» - я видел у него.

«Социализм и политическая борьба»?

«Социализм и политическая борьба» тоже. Вот эти брошюры. Он нам их передавал. Он нам тоже передавал литературу социалистов - революционеров. Там были сельские рассказы, отношение к крестьянству и так далее. Так что эту литературу, которую он имел у себя, давал нам читать, а потом забирал, так что мы знакомились со всеми вещами. Но он сам с нами не вел политической беседы, этот социалист Цхакая; Да и я, собственно, относился к этому так просто, знакомился из любопытства с тем, что попадалось в руки, а искать - не искал этой групповой работы. А они, со своей стороны, никогда не приглашали в свой кружок и не создавали других кружков, чтобы не попадаться, потому что полиция по - видимому, очень энергично следила за ним и могли заметить. И он не хотел себя скомпрометировать, чтобы не потерять связи с людьми. Это вероятнее всего, потому что чем-нибудь другим это объяснить нельзя.

Знали ли Вы в то время, - наверное, нет, - что были разногласия среди социал - демократов по поводу, скажем, экономической борьбы? Скажем, пошли ли по тому же следу Плеханова?

Об этом нам почти ничего не было известно. Я познакомился с этим уже после 901 года, когда я вступил в Партию. Но у нас, в Грузии, по видимому, этих разногласий не было, потому что у нас всегда велась политическая работа - и легальная и нелегальная, которая сочеталась вместе, и специальной, экономической борьбы, как направления, не было. Таких экономистов я не знал у нас никого, не знаю, кто мог бы считаться таковым. Этого у нас как будто (57) совершенно не существовало. Все занимались и политической и экономической в одно и то же время, а также легальной и нелегально.

Теперь скажите следующее: он Вам давал тогда прочесть и литературу социалистов - революционеров и литературу марксистов?

Да, да.

Когда вы прочли эту литературу, Вы и Ваши товарищи, Махарадзе и Рамшвили, - вы себя считали на стороне марксистов в этих дебатах?

Видите ли, они стояли на стороне социал - демократов.

И Вы также? Да, или еще нет?

Еще нет, я просто знакомился со всей этой работой. Но определившись я себя не считал. Я тогда изучал Спенсера. Я всего Спенсера проштудировал - от начала до конца, в сокращенном издании. И даже издавал журнал на грузинском языке, где я проводил взгляды Спенсера.

Что Вас особенно интересовало в произведениях Спенсера?

Спенсера? Именно революционный характер исторического развития, но оно было органическое развитие, и вот это меня приводило в некоторое смущение. У меня были иногда споры - разговоры с моими товарищами насчет этого. У Спенсера так определено все, что - как природа развивается органически, так и общество развивается по органическим законам. Вот этот закон совсем другой, чем взгляды Плеханова и других. Вот это есть отличие. Вот об этом мы говорили между собой. Они мало знали Спенсера, а я мало знал ...

Маркса, да?

Об этом большого спора у нас не было, но разговоры все-таки были. (58)

А самые произведения Маркса? Вы читали что-нибудь? «Манифест», наверное?

«Манифест» читал. Не так легко было понять. А потом читали «Труд и капитал».

«Капитал», что ли?

Нет, «Труд и капитал». Это маленькая брошюра, около тридцати- сорока страниц. Его по - грузински издал в Батуме Николоз Чхеидзе и один товарищ - фамилию другого не могу вспомнить - которые перевели издали эту брошюру и прислали нам.

Так. Какие аспекты Маркса были там, которые Вы подчеркивали?

Вот в этом «Труд и капитал» есть одна характерная вещь. Я запомнил все это. Он давал очень большую оценку рабочему законодательству и пишет так, что когда в Англии ввели законодательным путем в первый раз десятичасовой рабочий день, то это, - по взгляду Маркса, - было переломом в экономической науке и что с этого момента начинается политическая экономия рабочего класса, то есть его влияние на все экономическое развитие через государство. Это идет против теории, что каждый должен заниматься своими эгоистическими целями и задачами, и что, мол, справедливость, само по себе устроится - вот это все там разобрано. Это теория, как я потом узнал, есть теория Адама Смита, и она говорит, что если люди будут и эгоистически настроены, все равно мир устроится в полной порядке, а если эгоист будет заботиться только о себе, то этого достаточно. А у него выходило, что когда государство само стало заниматься вопросом труда и ограничило рабочие часы, ввело норму - это уже есть влияние общества на узаконение в отношении труда. Следовательно, принцип экономии рабочего класса начинает

торжествовать. Вот это меня поразило, потому что мы всегда (59) думали о восьмичасовом рабочем дне. Так складывали: восемь часов работа, восемь часов сна, восемь часов отдыха. А вдруг выходит, что когда десятичасовой рабочий день ввели и это уже огромное дело. И потому это запомнилось мне. Другие книги я тоже читал. Потом мы находили вот эти брошюры о Французской революции, брошюра Маркса...

Да, да. По поводу Наполеона III? Или?

Наполеона III, да. О перевороте. Русский переворот и еще другие, сейчас я не помню названия.

По поводу религиозных войн, да?

Да. О Французской коммуне - вот эти брошюры. Эти брошюры нам тогда попали в руки. Мы все это прочли. Но я должен сказать, что я прочел все, но ничего особенного не нашел, кроме Коммуны. Там были сведения о классовых отношениях, европейском обществе, о котором я ничего не знал. Коммуна на меня произвела особенное впечатление, потому что это была уже коммуна и было рабочее хозяйство, рабочее общество - общество труда, в котором равенство всех людей было провозглашено. Вот это произвело на меня большое впечатление, для меня, по крайней мере, оно было особенно...

Влиятельным?

Да, влиятельным. Остальные читал тоже. Ну, что я прочел там: во Франции были такие-то классы, такие-то погибали, такие восстанавливались. Это следовало знать, как французскую историю. Но от Коммуны впечатление было более сильное!

А какую литературу Вы читали социалистов-революционеров?

Это была нелегальная брошюра из жизни крестьян - это были повести и рассказы, написанные нелегально. Значит, там было, что (60) социалисты-революционеры ведут революционную борьбу, интеллигенты вели работу; крестьяне там бунтовали - и вообще все такое..

Хорошо. Теперь мы хотели бы остановиться немножко на «баграм», как это говорят по-английски, это значит на происхождении Ваших двух товарищей, которые потом играли очень большую роль в партии.

Вот я Вам говорил, я с ними и решил поехать в университет. Они были из крестьян, духовного звания, но из крестьян Гурийских. Они приехали оба из Гурии, я мы работали вместо. Махарадзе то же самое. Оба они на простых людей. Махарадзе впоследствии был депутатом 2-ой Государственной Думы. Но умер он. Он был во Второй Государственной Думе, и он умер в тюрьме. А Рамишвили жил со мной, мы вместо учились, а потом работали все время вместе. И за границу эмигрировали вместо после 1921 года, когда Грузия была захвачена советскими войсками.

И родители их были из бедных крестьян?

Оба из бедных крестьян. Иначе они бы в Семинарию не попали тогда. И они и получали казенное пособие и этим жили.

Не нужно было родительских денег?

Да, нам платили в месяц по двенадцати рублей. Нам хватало на все... тогда. Мы от этого всегда откладывали некоторую сумму на то, чтобы книги покупать. А жили на восемь рублей на всем готовом.

Какое было имя и отчество Рамишвили?

Ной Виссарионович.

Ной Виссарионович. А Махардзе?

Вот сейчас не помню я.

Герасима Махардзе? (61)

Да, Герасим Махардзе. Другие товарищи были, но не были впоследствии большими общественными деятелями. Я помню еще Георгия Цинцадзе, Он впоследствии никакой роли в партии не играл. Но был с самого начала социал демократом. Любил еще философские рассуждения. Всегда говорил: «Я читал Гегеля».

Я говорил ему: «Я не читал, я не знаю...».

Гегель, конечно, интересовал нас, ведь мы всю философию проходили в Семинарии кратко, но об этом нам сообщали для того, чтобы их опровергать. «Ну, а я читал логику Гегеля второй раз», - говорил Георгий Цинцадзе -, но для меня это было все равно. У него книга лежала на столе....

Раньше Вы мне рассказывали, как Вы с Рамишвили - это было приблизительно в 1901 году - и Махардзе решили вступить в университет. Расскажите мне, пожалуйста, как все это было и когда и как Вы сообщали об этом Вашей семье?

Об этом я ничего не сообщал своим родителям. Я просто сказал, что хочу продолжать образование. Между прочим, мы все трое были посланы из Семинарии в Духовную академию. Мы учились первыми учениками, и нас хотели отправить в Духовную академию на казенный счет, но мы не хотели этого. Я этого отцу не говорил. А просто сказал, что я еду в университет и должен быть медиком, буду хорошим доктором, и это будет лучше для меня, чем оставаться здесь и быть простым священником. Ну он понял, что медик все-таки лучше. И больше ничего не говорил. А я у него никаких денег не требовал, и он этому и не сопротивлялся. Сопротивления не встречал, так как отец хотел, чтобы я получил хорошее образование. Хотя все крестьяне ему говорили, что если твой сын много учиться будет, пропадет для тебя. И отец мне (62) рассказывал, что крестьяне ему так говорили; все соседи так говорили

- «Сын Ваш много учился, уже столько лет Сын в школе достаточно с него! А то, - говорят, - уйдет совсем. Если слишком много будет знать, так на нас и внимания не будет обращать»!

Рамишвили также поступил?

Вероятно, точно также. Мы поехали одновременно в университет.

Куда?

Куда? Куда могли - в Юрьев - Дорпат, это в Эстонии. Нас, семинаристов, принимали или в Казанский университет, или в Юрьевский. В другие университеты нам не позволяли, да и там мы должны были еще держать экзамен. Так что мы приехали туда, экзамены сдали заново, так сказать, получили аттестат зрелости и поступили в университет.

Так! Это было в 1901 году?

Да, в 1901 году, а августе месяце мы приехали, сдали экзамены и приняли нас в университет. Он поступил с самого начала на юридический, я поступил на медицинский, но потом переменял. Нас обоих исключили через год за участие в студенческих волнениях, и мы вернулись. Он не вернулся больше в университет, а я вернулся.

Ну расскажите по поводу г. Юрьева. Все трое из Вас тогда вступили в университет в г. Юрьев, это значит также Махарадзе? Да?

Махарадзе тоже, и мы уже в то время были определенными социалистами. Я уже вместе с ним тогда, и в университете мы все уже были в социалистической группе, вместе с русскими, еврейскими и другими группами. Нас в Юрьеве было легальное «Общество русских студентов», (63) так называемое. Это старинное Общество было чисто национальное общество еще с восьмидесятых годов. Оно было основано на особых условиях. Дело в том, что в этом университете учились немцы, это был старый немецкий университет, и у немецких студентов были корпорации. И в противоположность им составили русскую корпорацию еще в восьмидесятых годах. И когда мы приехали туда, там было общество русских студентов, и оно было полно марксистами, и только марксистов принимали членами. А остальных, то есть не марксистов, принимали гостями. Там было двойное состояние: члены и гости. Члены были марксисты, и марксистов принимали сразу в члены. Через год я уже был там председателем. А Рамишвили, ведь он приехал только в первый раз, а когда него тогда исключили, то он, приехав в Грузию, некоторое время вел революционную работу, а потом уехал за границу, в Германию, в Лейпциг. А я вернулся в университет. Я через восемь лет вернулся обратно в университет - это было в 1908 году, чтобы закончить. Окончил я университет перед началом войны.

Вы в первый раз там оставались один год только или два года?

Один год. Нас в конце года исключили, за университетские беспорядки. В 900 году беспорядки были в Москве, между прочим арестовали нашего Ираклия Церетели. Вы это знаете; И его сослали в Сибирь. А мы бастовали за то, чтобы их вернули обратно. Их вернули, а нас арестовали и выслали на родину.

Мы, грузины, тогда тоже участвовали в общестуденческом движении, и нас исключили. Меня исключили на полтора года, других там кого на два года, кого на полтора, кого совсем без права обратного поступления и так далее. Мне трудно было вернуться по материальным соображениям. Поэтому я занимался работой революционной. И только вот в 1908 году я почувствовал, что мне нужно получить больше образования, чтобы (64) продолжать нашу революционную работу. Поэтому решил поехать в университет.

Так. Ну в этом году в Дерпте, что в этот первый год в Юрьеве, в университете Вы делали?

Там мы читали исключительно много. Там же мы были членами общества русских студентов. Там была огромная библиотека: были книги еще восьмидесятых годов. Собрано книг было огромное количество, и мы читали сколько угодно. Там наше общество имело такие права, каких в России не имело ни одно общество. К нам полиция войти не могла. Мы устраивали вечера, и полиция не могла присутствовать, потому что это Общество было на правах немецких корпораций. И библиотеку нашу никто трогать не мог. Я помню, как однажды полиция пришла на нашу вечеринку, где мы танцевали, играли и вместе с тем пропаганду вели среди наших гостей. Мы попросили полицию немедленно уйти. Они не захотели, так мы немедленно пожаловались полицмейстеру, чтобы убрали полицию немедленно. Он знал наши нравы и приказал полиции удалиться. И далее, когда узнали, что это было марксистское общество, хотели наше общество закрыть, но Министр тоже не имел такого права. Нужно было, оказывается, постановление всего правительства, то есть издать закон, чтобы закрыть наше общество, и потому нас оставили в покое.

Были в этом году в университете такие люди, которые потом стали, кроме Вас, видные русские марксисты? Видные русские социалисты?

Да. Я знаю, я помню Десницкого, он был там. Он был большевиком и видным революционером. Бинасик, меньшевик, потом он тоже стал (65) видным С.-Д. Это он был председателем нашего Общества русских студентов до меня. И целый ряд других людей, которые потом рассеялись по всей стране - об их жизни знаю мало, только о Бинасике знаю, что он попал после восстания в 917 в Сибирь и вел там борьбу, а впоследствии я не получал от него никаких сведений.

Так, Вы в Юрьеве уже знали о возникновении «Искры», получили ли Вы первые номера «Искры»?

Да, получали и читали. И вообще всю революционную литературу получали и читали.

Хорошо. Скажите, какое впечатление сделала на Вас «Искра»?

Должен сказать откровенно: мы просто верили, что «Искра» - это последнее слово революционной теории и практики и принимали ее, как свою...

Как Библию?

Да, критического отношения к ней почти не было в то время.

Вы также себя считали такими же?

... потому что тогда все с.д. деятели были все вместе. Деления на большевиков и меньшевиков еще не было тогда. И не было ленинизма. Это была единая «Искра», заменившая даже экономистов и других, и мы воспринимали, как новое политическое учение. Это было для нас, если хотите, как Евангелие, принимали его, как должное.

Она Вам очень импонировала?

Да, очень.

Что особенно?

Все! От начала и до конца: я вопросы революционной борьбы, и вопросы крестьянские, и вопросы рабочего движения - все, что там (66) мы читали. И считали, что это действительно есть последнее слово революционной мысли, и потому все воспринимали, как молодые, от всего сердца.

И вы шли стопроцентно на стороне централистов и так далее? Да?

Да. В то время это были самые лучшие социалисты, которые имели огромное влияние. И среди студентов мы распространяли - наши взгляды. Мы вообще там тоже возглавляли студенческое революционное движение. И когда происходили какие-нибудь события, волнующие студентов, то все студенты, со всех факультетов, приходили в это «Общество Русских Студентов» получать инструкции, как поступать и что делать - они просто все были лояльны с нами и у нас решали все вопросы, так что фактически это наше марксистское общество стояло во главе всего революционного движения. Но мы, конечно, не рекламировали себя, не распространяли среди публики, что мы руководители, но это все знали с приходили сами, без нашего созыва. Приходили, спрашивали - как нам поступать? Вот такие студенческие беспорядки начинаются в других местах - как нам быть? И мы этот вопрос решали и поступали потом соответственно тому, как у нас принималось решение. И наше общество трудно было закрыть ввиду его специального статута. И потому мы не боялись того, что приходили к нам за советами.

И Вы также, конечно, приняли концепцию, что Вы социал - демократы и что главная Ваша задача руководить.

Руководить всем, общим движением...

Да... против самодержавия!

Да, против самодержавия! И вообще всем революционным движением. Там были тогда и эсеры, были уже и кадеты, среди (67) студентов. Но все были под нашим влиянием, и когда образовывали комитет для руководства студенческим движением, то его возглавляли социал- демократы. Туда входили и кадеты и эсеры, и они принимали участие, но руководили, собственно говоря, и господствовали социал - демократы, и на собраниях тоже председательствовали социал - демократы, и вообще мы руководили всем этим движением. А этому комитету помогали землячества, то есть секции всех наций поддерживали нас, и революционное движение шло единодушно. Но нашего руководства никто не оспаривал тогда. Наше руководство никем не оспаривалось. Я не помню, чтобы кто-нибудь выступал против того, чтобы социал - демократы стояли во главе- Это принималось, как нечто обыкновенное и должное!

И естественное!

Да, естественное совершенно.

Но в конце этого года, когда на базе тех студенческих беспорядков, в которых Вы участвовали, Вы были исключены, да?

Да. И я, и Рамишвили, и другие, много других было исключено. И всех выслали на родину.

И Вы и Рамишвили. Я понимаю. И Вы и Рамишвили вернулись домой, Махарадзе поехал в Германию?

Нет, и Махарадзе поехал домой. Но Рамишвили впоследствии поехал в Германию. Не тогда! Ной Рамишвили впоследствии поехал, уже после 905 года он поехал в Германию, потому что в Грузии попал на нелегальное положение.

Тогда все так, все были социалисты, так?

Он, Рамишвили, провел полтора или два года в Германии и потом вернулся. А я все это время еще оставался в Грузии, а потом он уехал в университет. (68)

Хорошо. Тогда все трое из Вас были высланы и вернулись домой. Куда?

В Грузию. Они вернулись в Батум. А я сначала некоторое время жил в Кутаиси, а потом поехал в Тифлис.

Вы переехали в Тбилиси в котором году?

- В 1902 году, осенью я уже приехал в Тбилиси, потому что там издавалась газета и я пошел в редакцию. Я прямо пошел в редакцию и получил работу в редакции, сначала занимался там корректурой, потом хроникой, потом стал писать статьи, потом даже стал редактором.

Это была какая газета?

Это был журнал «Квали». Потом, когда к нам прислали редактором этого нашего друга Ираклия Церетели, я уже до этого целый год сидел в редакции и некоторое время всю редакцию я вел.

Расскажите, какое состояние Вы нашли, когда Вы вернулись домой? В каком состоянии была социал - демократическая организация в Грузии? Расскажите это. Значит, летом...

В Грузии она тогда формировалась - социал - демократическая организация. В этом формировании мы уже принимали самое активное участие - и в Кутаиси, и в Тбилиси, и в Батуме. В Батуме...

*

Вот это вторая лента воспоминаний г. Арсенидзе.

Мы теперь начинаем обсуждать, как формировалась Грузинская социал - демократия, особенно в те годы, когда он принимал активное участие. Это значит осенью 1902 года. Я думаю, что, когда мы остановились, Вы рассказывали о том, как Вы приехали в Кутаиси я очень скоро были приглашены в Тбилиси. Ну начнем с приезда Вашего в Кутаиси. (69)

Когда я приехал в Кутаиси, там уже были организована небольшие группы рабочих, но рабочих в то время было мало в Кутаиси. Самая главная забота была среди крестьянства. И там был уже Имеретинский Сельский Комитет. Не Кутаисский комитет, а Имеретинский ...

Что это означает?

Имеретинский, это - целая область, часть Кутаисской губернии, в которую входили Гурия, Мингрелия и Имеретия, вот эти три старые провинции.

А как они организовывались?

Вот сейчас скажу. Работа была еще начата в Гурии среди крестьян, потом в Мингрелии, а потом и в Имеретии. Главный работник по сельской организации был тогда Ной Хомерики, - Хунхуз - был его псевдоним. Он потом был расстрелян большевиками в 1924 году. Арестован он был до восстания, но все же расстреляли его, когда вспыхнуло восстание в 1924 году, августовское восстание! Он был самым главным пропагандистом. В комитете руководил доктор Чичинадзе Пармен...

Пармен Чичинадзе.

... а по-грузински это слово произносится несколько иначе. Был еще - надо упомянуть - это один из двадцати комиссаров, которого казнили потом в Баку - Алеша Джапаридзе⁶⁸.

Вы говорите, что они уже работали среди крестьян?

Да, они оба уже работали среди крестьян и среди рабочих, Я к крестьянам тогда еще не ходил, в Кутаиси я имел кружки среди приказчиков. Я работал с ними, там были хорошие парни. Я помню, проводил (70) там майский праздник с ними в 1904 году за городом- Провели большие собрания там, разговаривали, и вообще работа шла, спорилась в это время. Но потом произошло следующее: когда я был в Кутаиси, Хомерики работал раньше меня, среди крестьян, а Рамишвили еще оставался там, в Батуме, и работал, Чхиквишвили оставался там; значит, все-таки там работа шла. Но потом случилось так, что арестовали нелегальную типографию в Батуме. Рамишвили и Чхиквишвили не могли дальше оставаться и уехали в Тбилиси. Тогда товарищи предложили мне поехать в Батум. Я говорил уже, что раньше я провел в Тбилиси два года и в начале 904 года вернулся в Кутаис или, точнее, был выслан туда из Тбилиси в административном порядке, в ожидании решения моего дела в министерстве.

В конце 1902 года?

Нет, в конце 1902 года я поехал в Тбилиси и поступил прямо в газету «Квали».

Хорошо. Я бы хотел остановиться на одном пункте до того, как Вы вступили в «Квали». Вы мне рассказывали, что Хомерики и его товарищи успели организовать крестьянство?

Они организовывали из Батума. Вы, вероятно, знаете историю забастовки Сталина, которую он устроил в 1902 г., в начале 902 года, где были расстреляны целый ряд людей, и потом он бежал оттуда, его арестовали и выслали, и вот после этого туда в 902 году приехали и работали Рамишвили и другие. Годовщину первого рабочего восстания в Батуми праздновали уже эти наши Рамишвили и другие, приехавшие туда еще в 902 году. (71)

Я хочу остановиться на минуточку в Кутаиси, Вы мне рассказывали, что Хомерики работал среди крестьян?

Это было в начале 904. года, а не 902 года. Это было в 904 году.

А в 1901 и 1902 гг. они еще не успели организовать крестьянство?

⁶⁸ Его надо отличить от Арчила Джапаридзе, который был депутатом 2-ой Государственной Думы вместе с Ираклием Церетели. Р. А.

Это они сделали из Батума. Хомерики тоже был в Батуме.

И все работали в Батуме?

Да, другие работали, но не я. Я же говорил, что был в Кутаиси одно время, в 902 году. Потом переехал в Тбилиси и поступил в газету и нелегальную работу тоже вел, кружки рабочих вел.

А скажите, когда Вы впервые тогда попали обратно в Кутаиси, что там представляли собой социал - демократы? Ничего? Это в 1904 году?

Там уже был кутаисский комитет и среди рабочих уже работали, особенно среди приказчиков, ибо в Кутаисе приказчиков было больше, чем рабочих; имелись небольшие кружки; мы выработали там толковую группу рабочих. Там легально работали Киладзе и др. Потом доктор Чичинадзе работал, уже нелегально, и некоторые другие; еще была маленькая пропагандистская группа.

А скажите, какое было тогда настроение у рабочих?

Всегда было очень хорошее, всегда. Я не знаю всеобщего настроения, этого я не помню у них. Вообще всегда они бодро вели себя и чувствовала, что мы можем все вынести и можем все сделать, что нам необходимо, так что революционная работа все время шла в гору: увеличивалось число новых сотрудников и рабочих и так далее. Наши идеи распространялись быстро и легко.

Легко воспринималось это?

Легко воспринималось, очень легко и свободно рабочими. Не было (72) выдвиг со стороны рабочих. Но было, так оказать, у нас боязни в их лояльности.

А какие темы были подчеркнуты в вашей пропаганде?

Пропаганда была главная - это положение рабочего класса и необходимость свержения капиталистического строя, сначала царского режима, а потом капитализма. Сначала свержение царского режима - а потом капитализма - вот эта обще основная тема. Но все же мы настаивали и первую очередь на свержении самодержавного строя, я это воспринималось с большой охотой. Во-первых, пока маленькая нация была поработана и чувствовала подавление, как нация, а потом, как рабочие, они были угнетаемы, но у них не было так сказать боязливого положения вообще. Я не помню такого положения, когда бы рабочие говорили, что вот мы боимся того-то и того-то. Когда их приглашали на собрания в городе или за городом, они приходили с большой охотой к устраивали даже на своих квартирах, сами устраивали, - не мы их собирали, а они сами собирались и нас, пропагандистов, приглашали уже сами. И так как они сами собирались, то они чувствовали себя очень бодро, как самостоятельные люди, и это очень действовало на них, и потому что они в некоторой степени были сами активными участниками этого движения, а не только служители. И организации устраивали они сами, рабочие, всегда.

Ну хорошо. А этот вопрос экономической, против политической борьбы, конечно, не стоял?

Нет, у нас это шло одинаково. У нас это... я не помню, по крайней мере, ни в 902 году, ни после, чтобы вопрос экономической и политической борьбы отделялись друг от друга или были в разрыве. В пропаганде мы говорили и о том, и о другом. Если не мы, так сами рабочие говорили об этом. И кроме того, они всегда нас просили (73) не только об этом говорить им, но дать им и общие понятия о жизни, об обществе и вообще о всякого рода социологических вопросах и общественных вопросах - это занимало их чрезвычайно. И они охотно принимали участие в тех легальных организациях, общественных, которые были на местах: воскресные школы, вечерние курсы и так далее.

Они хотели всюду участвовать сами, и сами хотели вместе с интеллигентами быть во главе этих обществ, руководить ими в том смысле и в том направлении, которые им было выгодно и нужно. Это было одинаково заметно и в Кутаисе и в Тбилиси тоже. Так что эта работа - и легальная и нелегальная - применялась нами параллельно, надо было и то, и другое. И потому, видите ли, они, рабочие, многое проводили сами активно, в смысле организационном, если не в смысле идейном. Тоже, когда устраивали и библиотеки, народные театры, вечерние курсы для рабочих, то наряду с интеллигентами наши рабочие тоже принимали активное участие. Они участвовали в спектаклях, как актеры, собирали деньги, необходимые для поддержки этих учреждений. Одним словом, участвовали в общественной жизни страны. Все должны знать, что и мы, интеллигенты, всегда находим с ними что-то общее; и в этом отношении они тоже вели себя с нами так бодро и свободно.

Вы с ними имели некоторые чтения?

Нет, чтения мы не имели, чтения особенно не вели. Этим делом занимались дамы.

Но лекции читали?

Лекции читали легально. А массовую пропаганду за городом проводили и для этой цели, там собирались нелегально. А в городе были кружки для таких рабочих передовых, которые давали нам всякие вопросы, которые их интересовали - И мы давали им ответы. А вопросы (74) самые главные были - социально-политического характера.

Какие темы их особенно интересовали?

Общественная жизнь, общественное устройство, какие перспективы общественного дальнейшего развития и правильно ли то, что мы боремся, и будет ли это иметь победный конец? И мы рассказывали всегда, как общество развивалось с первобытной эпохи, какова была рабская эпоха, и как она заменилась феодальным строем, и как это все потом сменилось буржуазным строем, и как буржуазный строй должен смениться еще новым. И эта историческая точка зрения убеждала их в том, что если все менялось, то

будет меняться и в дальнейшем. Так что все это они очень хорошо хотели изучить. И мы им передавали эти все сведения, и кто больше и лучше мог передавать, тех считали, что эти самые лучшие пропагандисты для них. Они хотели вообще быть более или менее интеллигентными людьми, чтобы среди общества они также могли свободно говорить о всех вещах, особенно, что касается общественной и социально-политической жизни.

Интересовались ли историей самой Грузии?

Конечно, они интересовались!

А о жизни на Западе?

Больше интересовались. Что и как там все происходит. Как там построена демократическая система и жизнь. И я помню, как Чхеидзе, Николай Семенович, перевел книгу «*Политический строй Англии*», и там все эти свободы казались для нас как откровение. Рабочие читали эту книгу, брали нарасхват и читали... и обсуждали, что вот, значит, такой строй должен быть и у нас, в смысле демократического строя, буржуазного строя, и они брали образец Западной Европы, как полезный (75) и необходимый. А о социализме известно было, что его и там, на Западе, пропагандировали. Поэтому верили, что раз были изменения в прошлом, то будут изменения и в будущем, все должно привести к этому новому строю.

А скажите, когда Вы им преподавали, если можно так выразиться, историю, скажем, такие темы, как Французская революция?

Да, очень интересовались. Мы даже перевели несколько брошюр о Французской революции. Их можно было легально издавать, Рабочих интересовало не только это, Их интересовали и общеобразовательные предметы, так что мы там в эти годы стали издавать популярную литературу о происхождении общества, потом о происхождении земли, вообще органического мира и животного мира. Мы переводили краткие положения дарвинизма, и эти маленькие брошюры имели огромный успех. Одним словом, рабочие могли легко понять их и читали. И у нас было свое легальное издательство популярных книг, и мы распространяли их в большом количестве. Эти общеобразовательные книги их интересовали в высшей степени, и их они читали. Потом они задавали нам вопросы - вот там в книге то и то сказано, и мы не все поняли, вот дайте нам разъяснение, и мы давали им объяснения того, что не было понятно во всех этих брошюрах. В этом отношении много было издано брошюр таких, около пятнадцати - двадцати разных названий, и потом они рассылались нашим организациям и распространялись.

А в этом году Вы не можете вспомнить никакого конфликта по какому-нибудь вопросу?

Конфликтов я не помню.

Никаких?

Нет, не было. Не было таких конфликтных вопросов. Я вам (76) сказал уже, что конфликт возник на Третьем съезде, это было в 1903 году. До тех пор была подготовительная эпоха и у нас: Мы ходили к рабочим, обращались, говорили, праздновали Первое Мая везде, каждый год, и в 902 году и в 903 году...

До какой степени в это время они и Вы интересовались аграрным вопросом?

Аграрным вопросом уже интересовали с 901 года. В 902 году уже началось сильное аграрное движение в Гурии, и оно перебросилось и распространилось и в Кутаисском уезде.

А что об этом Вы думали и говорили особенного?

Мы думали, что мы должно в это дело обязательно вмешаться, не считаясь ни с какой доктриной, и стать во главе этого движения немедленно. Начали это пропагандисты, а тогда мы думали только об одном, что так как у нас в деревнях очень много остатков феодального строя - есть еще различные налоги на крестьян, различные поборы? И, главное, огромная плата за наем земли, и чтобы произвести ату выплату, крестьяне должны были работать несколько дней в неделю на собственника или должны быки чуть ли не половину доходов отдавать владельцу, - то в первую очередь вот все эти вопросы и должны быть выдвинуты перед крестьянами, то есть вопрос о бедности занижал нас в первую очередь. И, понимаете ли, это не трудно объяснить и догадаться, что это занимало и крестьян, и потому они относились с большим интересом и вниманием к нашей пропаганде по этим вопросам.

Я бы хотел выяснить следующее: как Вы составили аграрную программу в эти годы? (77)

Аграрную программу составили, когда мы получили аграрную программу Ленина.

Об отрезках?

Да, об отрезках и о крестьянской бедноте. Но мы решили, что нам это далеко не подходит. Тут другую брошюрку написал Ной Хомерики в Батуме для крестьян. Он писал так: что наше положение такое тяжелое, нас все обирают - и дворяне, и священники, и правительство, мы платим огромные налоги, их нужно снять, с нас взимаются сельские поборы в пользу священников, в пользу церкви, для устройства дорог, и лично выводят крестьян на дорожные работы. А дворяне не платят и на общественную работу не входят, так что и работать, и платить должны только одни крестьяне и одни рабочие, а другие сословия не принимают в этом участия. Вот все эти вопросы мы и разбирали перед крестьянами.

Вначале мы напирали больше на это, даже больше, чем на коренную земельную реформу, то есть на передачу крестьянам всей земли. У нас ленинских отрезков не было. И потому мы считали, что об отрезках говорить нечего. Мы и не знаем, где эти отрезки и у кого они. И, следовательно, говорили, что землю надо получить всю крестьянам, но пока, по крайней мере, арендную плату нужно сократить до

минимума, и все эти налоги, которые являются остатками феодального строя, - все это должно быть упразднено, и аренда земли должна быть переведена на денежную плату. Это самое лучшее, потому что заплатишь определенное количество рублей, и дело кончено. А если аренда оплачивалась с урожая, то есть собственник брал половину, треть или четверть урожая, смотря по плодородности участка земли, то бывали такие случаи, что когда нужно было платить натурой, то во время сбора урожая должен был приехать сам собственник или его управляющий, чтобы разделить урожай (78) в поле. А если он не приезжал своевременно, то нужно было ждать, пока управляющий или патрон земли придет, посмотрит, сколько там собрано, потом разделит на столько - то частей и т. д.: Иногда приводилось ждать по несколько дней, пока доедет до вас очередь, вы должны были этого одного господина ждать. Иногда шел дождь, все это могло погибнуть, но крестьяне-арендаторы не имели права разделить сами и взять свою часть. Они должны были ждать. И весь или часть урожая могла пропасть. Вот мы против этого восставали, что все эти старые порядки нужно уничтожить а чтобы аренда была денежная. А крестьянин сам будет располагать урожаем.

А в наработке этой аграрной программы Вы постарались с кем -нибудь посоветоваться или прочесть что-нибудь в литературе?

Мы читали, например, Маслова - его «Аграрный вопрос». Потом читали «Аграрный вопрос» Карла Каутского. Вышла в это время книга Каутского «Аграрный вопрос» на русском языке, в переводе и мы читали. Но все это не подходило к нашим условиям, - не все подходило! Много подходило, а многое не ходило. То, что подходило, брали, то есть то, что требовали и наши крестьяне. Так что программу мы, скорее брали у крестьян. У них были свои нужды - вот они жаловались на это, жаловались на то и так далее., и говорили, что это нужно уничтожить. И мы их поддерживали!

И у Вас в этом деле не стоял главным вопросом, как это согласовать все с марксизмом?

Видите ли, у интеллигентов стоял этот вопрос тоже, что нужно ли пойти к крестьянам, опрашивать их и помогать им! Но это скоро смылось, потому что сама работа нас втянула, и мы скоро поняли, что от этого никак нельзя отгородиться, что это дело нужно взять в свои руки, что никакие другие партии с этим не справятся. (79)

И уже это было в 1902 году?

И уже в 1902 году это когда движение началось. Это движение было начато в Гурии, а потом, в 903 году и в 904 году перебралось на все другие уезды. Движение было почти стихийное. Так что в этом отношении эта стихия нас взяла, и мы эту стихию приняли. Прежде чем мы решили вопрос о том, нужно ли вам ходить, мы уже ходили. Потому что к крестьянам наши рабочие, не порвавшие связи с деревней, приезжали часто и потом возвращались со сведениями, что вот так и так у нас начинается брожение - как нам быть? Так, я помню, однажды рабочие Мингрельцы пришли крестьяне, работающие в порту - они нагружали и разгружали пароходы, приходящие в Батум.

Пришли ко мне, говорят: «*Вот мы сейчас уезжаем в деревню, у нас сейчас в деревне движения большого нет, напишите нам прокламацию, но такую скромную, чтобы мы могли передать всем крестьянам, и чтобы они не испугались и о других пишите меньше, а больше пишите о нуждах крестьян*».

Я написал такую маленькую, легкую прокламацию, отпечатал, передал им, они очень обрадовались. «*Это, - говорят, - мы понесем тем крестьянам, которые еще с движением не знакомы. Мы прочтем им, они обрадуются и не испугаются*». И через несколько времени приезжает Сталин в Батум, видит эту прокламацию - показали ему. Он возмутился и прибежал ко мне...

Это было в каком году?

Это было в начале 904 года... Он прибежал ко мне и говорит: «*Как же Вы такую прокламацию написали?*»

Я говорю: «*Написал, потому что рабочие так просили, вот я так я написал. Д могу и более сильную прокламацию написать*».

Он возмутился: «*Как же Вы, такой-сякой, Вы должны были их учить, а Вы что, у них учитесь? Или их учите?*»

Я говорю, что я учусь у них и учу тоже. «*Это от меня не зависит!*»

Это (80) был первый разговор у меня со Сталиным, и о тех пор он меня не выносил. Потому что сразу оказалось, что мы совершенно различного понимания о нашей работе. Это было в начале 901 года.

Вот таким образом городское рабочее движение связалось с крестьянским, и мы никак их оторвать друг от друга не хотели. Интеллигенция спорила о целесообразности работы в деревне. В Кутаиси были споры об этом - я помню.

В Батуме тоже были споры в нашем Комитете. Но многие настаивали и говорили, что от этого отказаться никак нельзя. И были у нас даже такие пропагандисты, которые говорили, что рабочие нынче меньше слушают а крестьяне понимают лучше и больше слушают! Были и такие, которые говорили «*просто хочу в деревню итти работать, а здесь с рабочими не буду*». Были в такие, которые говорили, что мы предпочитаем итти к крестьянам. Там огромную массу соберем... вечером, ночью соберутся сотни, тысячи, и мы пропаганду ведём. Они все радуются, аплодируют. Это все оставляет и на нас хорошее впечатление!

В Кутаиси во втором году б ими также споры по этому вопросу, аграрному?

Были, но небольшие, не очень большие. Думали, что это не соответствует марксизму, и то, и другое... Но таи как это движение было на глазах, то и те, которые, так сказать, были против, говорили, что попробуем. Особого спора настойчивого, вплоть до догматизма, не было. Попробуем! Отчего же нет? Это же наши братья - крестьяне! Ведь в конце - концов, мы все вышли из крестьянской среды... Я, автор

этих строк, тоже сам же из крестьян! И целый ряд других товарищей тоже были из крестьян. Так что, в конце-концов решили - попробуем, посмотрим: если народ поймет нас, то это еще лучше. (81) Так что у нас крестьянское движение было связано с рабочим движением раньше, чем Ленин об этом подумал. И раньше, чем было выставлено т.н. «большевистское рабоче-крестьянское правительство». У нас это практически наладилось, мы то есть крестьянам, мм мяло пропагандировали о социализме и больше пропагандировали о земельном вопросе, об их бедности, что необходимо аграрный вопрос разрешить и что, в конце - концов, крестьяне должны получить всю землю, чтобы свободно обрабатывать и стать самостоятельными хозяевами и чтобы расти более или менее сносную человеческую жизнь. Вот. И это им импонировало. Так что фактически мы среди крестьян были просто демократическими пропагандистами - в большинстве случаев.

Если вспоминали о социализме, так это было для красного словца! Может быть, крестьяне и слушали и понимали, но мало себе представляли - что это такое? Но вот о социализации земли мы не говорили. О том, что вот землю надо социализировать или вообще сделать общественной собственностью - об этом мы не заикались. Наши крестьяне этого никогда не принимали. И, между прочим, все наши другие грузинские партии, как эсэры и федералисты-социалисты, которые приняли программу социализации земли, были холодно встречены крестьянами: Соц.-Революционеры и Соц. - Федералисты хотели ввести у нас общинное землевладение. А у нас общины уже давно исчезли. Все крестьяне были собственниками и считали себя собственниками и впоследствии стали собственниками.

Я читал исследования недавно - это недавно вышедшая книга, в этом году. Там ясно сказано, что в Западной Грузии после крестьянской реформы почти всю землю - тысячи десятин или гектаров земли - крестьяне сами выкупили, не дожидаясь казенной помощи, то есть ссуды со стороны казны. Они решили, что земля должна быть их собственностью и, поскольку было возможно, они закупили у дворян. Забегая вперед, я должен сказать, что в Западной (82) Грузии, когда мы, в 1918 году объявили конфискацию дворянских земель, то оказалось, что почти вся земля была уже закуплена крестьянами заранее. Вот насколько у них это стремление к собственной земле было сильно. Это все имеет прямо отношение к крестьянскому вопросу в Грузии и это дает ключ к тому, почему у нас это развивалось именно в этой форме и почему именно мы, Соц. - Демократы, оказались во главе этого движения.

У нас в программе тоже стояла муниципализация земли. но если не пройдет, то Социал - Демократическая программа предусматривала передачу земли крестьянам в собственность.

Нас этот пункт и спас.

Мы этим пунктом и воспользовались!

Мы считали, что этот пункт имеет как раз большой успех среди крестьян, и мы ничего лучшего практически крестьянам предложить не могли.

А если вернемся опять к первым годам крестьянского движения, мы должны сказать, что предлагать социализацию было бессмысленно. Ведь нужно было жить, не правда ли? А мы думали, что, вот, сократить налоги, сократить арендную плату за землю и вообще сделать так, чтобы дешевле все обходилось, - это самое подходящее дело. Поэтому мы организовали кооперацию - это для общих закупок.

Для закупок, - но не для общей обработки земли!

Этого [общей обработки земли] никто⁶⁹ не хотел.

Землю обрабатывал каждый отдельно, тем более, что у нас не только пшеницу или другие зерновые культуры сеяли, но и виноградники разводили, сады разводили. И вот это все трудно поддается коллективной обработке. Каждый для себя, для своей семьи, - то, что ему нужно и что ему полезно, то и делал. И когда удовлетворяли семью, то остатки, то есть излишки, продавали; продавали вообще продукты своего производства. Наш крестьянин сначала удовлетворяет свои нужды; вообще нужно и вино, и хлеб и вино, и фрукты и все, да и гости приходят - нужно их угостить. Вот так все и было. (83) Крестьянин самостоятельный хозяин, будет своих друзей принимать в праздники. И вообще не будет ходить к соседу за хлебом, итти за вином. Это считалось позором!

Как же собственного вина не иметь?

Или как он будет без вина угощать?

А если ему приходилось просить у соседа, то это брал тайком, чтобы никто не видел, что у соседа взял. Потому-то все стремились иметь свое все!

Вот эта была тенденция собственника.

И мы это поддерживали, Соц. - демократы.

Никакие другие партии [эти тенденции собственничества не поддерживали]!

И потому крестьяне признали нашу партию своей, и считали, что это самая лучшая [партия] для них.

Вот в этом кроется тайна нашего успеха в деревне, а не в том, что мы первые пришли к ним, помогала им.

Мы дали им то, что их больше всего интересовало. И программа наша это нам позволяла, и это нас сделало популярным среди крестьянства.

Вы были еще в Кутаиси во время аграрных беспорядков? Это в 1902 году? Я бы хотел немного поговорить по поводу этих беспорядков. Я читал одну книгу и думаю, что это была книга Аркомедда. Он объясняет эти беспорядки и дает особое значение тому, что рабочие Батума были высланы в деревню это так?

Да и это имело значение. Еще в начале 902 года нефтеочистительные заводы Ротшильда и Манташева вследствие забастовок были администрацией высланы в свои деревни.

Вы сами работали в деревне в то время?

⁶⁹ Здесь и ниже, - если нет особого замечания издателя, - все слова подчеркнуты в самом тексте оригинала. Изд.

Нет, я работал после. Я тогда не работал, но следил за этой работой. Я ездил один или два раза в деревню и только.

Что Вы узнали от товарищей по поводу этих беспорядков и по поводу характера этих беспорядков?

В чем эти беспорядки состояли? Они состояли в том, что (84) крестьяне бойкотировала помещиков. У землевладельцев отобрали всю прислугу и требовали, чтобы им дали землю на благоприятных условиях. Иначе они не хотели брать и обрабатывать ее. Это была общая крестьянская забастовка! Забастовка эта интересное явление само по себе. Все вообще деревни, весь уезд - в один голос все крестьяне заявили, что они, если их требования не будут приняты, на землях помещиков не будут работать. А если кто-нибудь из дворян или других сословий обращались к правительству или составляли доносы на руководителей крестьян, то против гаках принимала репрессивные меры, были случаи даже убийства. Потом Комитет объявил целый список лиц, которые ходят к правительству, и, значит, они - доносчики. Потом оказалось, что списки были неправильные и не все, названные в нем лица, были шпионами, и потому эти списки впоследствии уничтожили, и эти списки больше не печатались никогда, потому что они оказались не совсем правильными. Но многие, попавшие в списки оказались провокаторами.

Как это движение было организовано? Когда крестьяне все забастовали, то это ясно, что здесь имеется организация?

Конечно, здесь организация была, но очень простая. Окончательно этот вопрос мы формулировали и закрепили на Съезде в 906 году. А тогда мы практически это устраивали так: в деревне некоторые рабочие, которые приезжали туда, составляли партийную ячейку.

Это уже было в 902 году?

Да, 902 год, крестьян же организовывали так: по десяткам и сотням, значит, из десяти выбирали одного представителя, потом десять десятских выбирали сотника. Сотник выбирал деревенского представителя. И, конечно, туда попадали всегда люди более активные, могущее (85) руководить всем этим движением. И вот таким образом все деревни были организована. А когда уже были охвачены цепи организаций все районы, они выбирали комитет - уездный комитет. Иногда, особенно вначале, комитеты для деревни создавались в городах, например, в Батуме для Гурии. Для Мингрелии и Имеретии - в Кутаиси. И когда Комитет посылал пропагандиста, то он сообщал представителям деревни, это сообщалось потом комсом и десятским и через их всем крестьянам. И так распространялось по всей деревне. А чтобы издавать прокламации деньги на бумагу и издательство давали крестьяне. Они платили некоторую сумму - по 10-20 копеек в месяц. Платило большинство крестьян, но, конечно, не все, а те, которые были более активными. Они вносили свою лепту. И эта сумка служила для этих изданий. А потом Комитет выпускал отчет, что, вот, получил столько-то от такого села, по номерам... вот такое-то село, номер такой-то, внесло столько. Если в селах были ячейки, то они тоже имели свои номера: 1, 2, 3, 4 - и так далее. И в отчете бывала указана сумма, - кто сколько внес, и потом, какая общая сумма составила и на что эта сумма была израсходована. Так давали отчеты, так что каждый знал, сколько денег поступало и как израсходована сумма на общее дело. Отчет был всегда обязательным. И потому создавалось огромное доверие к Комитету, все знали, что деньги их не пропадают, что все их взносы пошли исключительно на них, а не на что-нибудь другое!

А какая общая организация в деревне уже существовала?

Была общая организация и называлась демократической организацией, но не социалистической!

Да, я понимаю, но она уже существовала и в провинции, и в (86) Кутаиси, и в Гурии уже в конце 1902 года?

Да, да, в конце 902 года уже существовали в некоторых мартах, и в 903 году еще больше было этих организаций. А в 904 году уже были сочты по всей Грузии.

И они организовались еще до аграрных беспорядков?

Аграрные беспорядки произошли в первую очередь в 901 году, в 902 году - это были тогда забастовки, а в начале 902 года, когда из Батума выслали рабочих, это они постарались устроить организации, а брожение было уже раньше, оно возникло в самой деревне. Наш первый агитатор в деревне, Григорий (Гриша) Уратадзе. Он первый раз попал к крестьянам, и от него потребовали, чтобы он помог им, чтобы поговорил с ними. Он с ними поговорил и чтобы не было выдачи от кого-либо, заставил их дать клятву, что они друг другу не изменят, а кто изменит, тот да будет проклят и наказан. В первое время так и делали и все, принимавшие участие в движении, давали клятву.

Где это там было и когда это было?

Это было в Гурии, в конце 902 года. Это в первое время, как началось движение, они и давали друг другу клятву - никому не изменять, никого не предавать и вообще держаться друг за друга, как заговорщики.

Так.

И они сдержали эту клятву, И если кто-нибудь в этом дала изменял, то считали того изменником и расправлялись с ним. Вот потому было трудно всякое предательство. И когда вот в 903-904 году приехали туда представители центральной администрации и требовали выдачи зачинщиков и (87) руководителей, пропагандисты уехали в другие районы. А крестьяне только и говорили: мы ничего не

знаем и кого мы будем задавать? Ми ничего не знаем я ничем не можем помочь администрации. Таким образом, ни одного человека они не выдали.

Теперь скажите, рабочие получали некоторые указания от Батумского комитета?

Да, всегда получали, всегда получали.

Нет, но в 902 году по поводу этих организаций в деревне?

Вот там как раз это Хомерики, а иногда и Рамишвили, из Батума давали инструкции. Из интеллигентов, после Уратадзе, они продолжали и руководили этим движением, и Хомерики писал много по крестьянскому вопросу. Я это знаю по материалам, которые я у них видел и которые они и в деревню посылали. Так что они руководили из Батума. Там создалось два комитета: Сначала в Батумском комитете было отделение для работы в деревне, но потом выделился самостоятельный Комитет для Гурии. То же самое еще и в других местах. Сначала было отделение для Имеретинского района и потом создали Имеретинский комитет, как я говорил выше.

И это было у них, крестьяне сами первые начали общую забастовку?

Да, сами крестьяне начали забастовку.

У самих крестьян было это?

Да, у самих крестьян. Они хотели и сделали сами. Идею кто им дал - я не знаю. Или пропагандисты им рассказали об этом, или они сами дошли до этого. Но мы узнали о том, что в деревне уже не хотят больше терпеть существующее тяжелое положение. И они спрашивают: а что вы скажете на это? Ну, мы говорили, что это правильно, что они (88) вправе требовать улучшения своей судьбы, и поддерживали их и выпускали листок, подкрепляя и подтверждая их требования. А раз Комитет был с ними, это имело огромную силу для них. Что касается забастовки, не мы его указывали, чтобы они сами это делали и устраивали забастовки, а мы подтверждали и укрепляли их решение. Нужно знать, кто наши крестьяне довольно толковые вообще очень активные люди, и понятно, поэтому, что это движение разрослось в деревне. Наши рабочие были сами связаны с крестьянами, с деревней, и когда их из Батума вследствие забастовки, как я говорил уже, отправили в деревню, то крестьяне легко последовали их примеру и тоже устроили забастовку. Они сами сознавали, что их положение очень тяжелое и что лучше что-нибудь предпринять, что без борьбы ничего нельзя будет добиться.

В каком отношении тогда можно сказать, что если эти рабочие были высланы, все-таки они могли руководить этим движением?

Именно в том смысле, что они сами были тоже полу крестьянами и знали крестьянские нужды.

Я понимаю.

В такое время они были более толковые. Я Вам рассказал, как они бастовали в городе, как делали они там все сообща, как они все устроили сами. И крестьяне решили, что и им можно тоже бастовать. Конечно, рабочие содействовали не только своими рассказами, но и давали идею, что можно бастовать. Против чего? - Вот против крупных собственников земли. И они поступили с ними по образцу забастовки. Но так как в деревне забастовку нельзя было провести бее особой твердой руки, то были случаи, когда в деревне создали небольшую группу террористов, и если кто изменит общему делу, с ним расправлялись как с изменником, наказывали смертью. Единство. скреплялось клятвой, поэтому крестьяне давали друг другу клятву. И клятва (89)укрепляла их уверенность в общей борьбе. Мы и в деревнях были против террора, но против этого крестьянского террора мы ничего не могли сделать. Мы только их умеряли, говорили, что этого не нужно делать, что нужно быть осторожным, потому что убьешь человека, а потом не оживишь, и так далее.

Но это они делали с единогласия?

Да. Но выделенные террористы, понятно, не могли сказать, что мы этого не сделаем, если они даже не были совсем согласны с решением. Никак нельзя было этого сказать, большей частью люди, которые совершали террор, потом убежали в лес, и я познакомился с некоторыми из них, и они оказались самыми лучшими, более толковыми и способными среди крестьян. Я помню, поехав в город, они? Многие из них оказывались прекрасными, честными людьми, даже нельзя было подумать, что они были террористами. Многие из них признавались мне, что если бы не деревня поручила, они никогда в человека не стали бы стрелять. «Убивать - ведь это ужасно» - говорили они. «Но тут я не мог отказать всей деревне, раз мне поручили, как хорошему стрелку, так я должен был выполнить. Я мог убить без промаха и, кроме него, не задеть других. Вот потому они мне это поручили. Теперь в городе буду работать и честно жить, не проливая крови больше!»

Хорошо. Теперь мы будем разговаривать по поводу периода «Квали», когда Вы начинали в нем участвовать. Мой первый вопрос следующий: когда, как и почему Вы были приглашены в Тбилиси?

В Тбилиси? Да я сам поехал. Из Кутаиси я поехал в Тбилиси просто потому, что в Кутаиси не было никакой по душе для меня работы, хотел заниматься литературной работой.

И как Вы попали в «Квали»? (90)

Просто пришел в редакцию. Представился редактору.

Они Вас не пригласили?

Да, сначала я их послал несколько корреспонденций из Кутаиси. Одну из них напечатали, а две не напечатали. Но я сказал, что, вот, я приехал к вам, эта корреспонденция принадлежит мне, это я

писал. Если находите, что я умею писать, возьмите меня, я буду работать у вас. Там, в редакции, тогда многие были арестованы. Сидел там, в редакции, не Жордания, а Елиава, адвокат, но не важный писатель. Он мне сказал: *«Пожалуйста, если согласны, будьте у нас корректором, а потом в составлении хроники можете участвовать, и за это мы Вам будем платить»*. Я сказал - *«Хорошо»*. Получал я 25 рублей в месяц. Заработок хороший, и я жил этим.

Это было, когда?

В конце 902 года. Я приехал приблизительно, кажется, в конце ноября или в начале декабря. И сразу же пошел в редакцию и сказал, что, вот, я могу работать. И я уже Вам прислал корреспонденцию, и Вы знаете, *«что я пером владею, и в это вы можете еще убедиться. Я, бывший студент, исключенный из университета за участие в студенческом волнении. Я могу работать»*. Они меня и приняли.

Так, хорошо. Теперь скажите мне, пожалуйста, в чем тогда состояла работа в редакции «Квали», какая была она, как газета, какое было у нее настроение и какое было ее прошлое до этого момента?

До этого момента? Газета эта была особенная.

Вы говорите о Церетели?

Да, это он, Георгий Церетели, издавал еженедельник «Квали». Уже с 1893 года начал сотрудничать в нем Жордания. В 1897 г. «Квали» перешел в руки группы социал - демократов. Но когда я приехал в Тбилиси, (91) Жордания был уже арестован, сидел в тюрьме. Потом его выслали в Елизаветполь, и редактором выписанный из Женевы Топуридзе, который и стал во главе «Квали», после Елиавы, который только временно редактировал еженедельник «Квали», И так, приехал из Женевы Топуридзе, Он слабо писал по-грузински. Но заменить его было некем.

Жордания был выслан, и взялся за газету Топуридзе. Топуридзе писал по-русски, а я стал переводить. Потом составлял хронику. Но потом мало-помалу наловчился. Увидели, что я хорошо могу писать. Написал я некоторые вещи, фельетончики маленькие.

Потом, в один день, я написал хронику, - «Переворот в Сербии», где царя убили. Для хроники я собирал материалы за всю неделю и для воскресного номера нашего журнала подводил итоги, старался все факты расположить в порядке и давать по ним некоторые свои разъяснения, чтобы рабочим от начала до конца было все понятно. И вот, на другой день вижу - пропустили мою статью как передовую статью. А я составлял ее для хроники.

Мне сказали, что это очень хорошая статья и потому ее пропустили передовицей. Рабочие меня поздравили тогда: *«Ваша хроника сделалась передовицей. Я, конечно, ничего против не имел. И вот потом мне сказали: «Значит, Вы можете писать статьи. Вы, очевидно, умеете, давайте и пишите побольше»*;

Я и стал писать. Это было еще до приезда Топуридзе. Он был выписан в качестве редактора из-за границы. Человек он был толковый, начитанный, понимающий марксист, но он не умел хорошо писать по-грузински. Он писал по-русски, а я переводил. Кроме того в эти лее годы писал - тоже по русски - Зурабов Аршак - впоследствии депутат во Вторую Государственную Думу от Тбилиси. (92)

Во Вторую Государственную Думу?

Да, да. Вот он писал по-русски и давал мне переводить. И вот случилось так, что, собственно, литературное крещение мне было дано Ноем Жордания, Это вышло таким образом: Зурабов писал все очень длинно и распространено. Так я однажды решил сжато и короче передать его статью. Я написал все довольно сжато, но получалось все же довольно солидная статья, по-грузински. Но он заметил, что его рукопись была больше по объему, чем грузинским текст. Грузинского языка он не знал. И вот в это время Жордания приехал из ссылки в Тбилиси и зашел в редакцию проведать. Зурабов пожаловался ему; *«Вот он перевел мою статью, и, вероятно, сократил. Вот прочтите, правильно ли все он перевел»*. Жордания прочитал, вызвал меня и сказал при мне - я это хорош запомнил: *«Его перевод гораздо лучше, чем Ваша статья. Написано короче, но дано все существенное, и потому все более логично и стройно выходит. И выходит более красиво»*. И он мне сказал: *«Пишите всегда так и переводите так»*.

С тех пор меня перестали беспокоить за переводы. Ну, конечно, я не стремился к должностям, все время считался хроникером и получал жалованье хроникера, но писал статьи, фельетоны писал и все... Ну а потом нам прислали редактором в 1903 году, после первой конференции, Ираклия Церетели. И при нем почти всю редакцию я вел. Передовицы, писал Ираклий, а все остальное писал и руководил всеми отделами я. Ираклий приходил только в пятницу или в субботу утром, потому что он вел в то время нелегальную работу в Тбилисском Комитете, приходил, пересматривал все - правильно ли составлено и так далее,.. Давал разрешение, и пускали в печать. Так что я фактически работал и, собственно говоря, практически выполнял всю редакционную работу.

И Вы делали эту работу в ноябре 902 года и до? (93)

Да, и в 903 году, вплоть до 904 года, когда закрыли газету и меня арестовали. Но через несколько месяцев выпустили, и я приехал в Кутаиси. Тогда в Кутаиси уже было сильное крестьянское движение. Я собирался идти в деревню, но из Батума работники Рамишвили и Чхиквишвили должны были бежать, и мне предложили поехать в Батум. Я и поехал.

Это вторая сторона ленты воспоминаний господина Арсенидзе.

Мы сейчас будем обсуждать следующий вопрос. В эти годы - значит, в 1901 году, 1902 году и 1903 году, до Второго Съезда, что знает г. Арсенидзе по поводу создания связей между

грузинскими социал- демократическими организациями и русскими. С какими именно организациями? Через какие лица были связи? И какие были отношения?

В это время в России не было единой организованной социал- демократической рабочей партии. Различные группы были. Была так называемая «Южная группа»; была «Группа рабочих»; была «Одесская группа» и так далее, а у нас связей особенных с ними не было. Но иногда приезжали к нам из России товарищи. У нас в это время в организации участвовали одинаково и грузины, и русские, и армяне, и азербайджане.

В эти первые годы, как и потом, рабочее движение не было чисто грузинским, а было, скорее, кавказским или интернациональным, так как у нас рабочие были и русские, и армяне, и грузины. Мы их всех организовывали одинаково и составляли для них кружки. Для русских, конечно, отдельно, потому что на русском языке. Для грузин - на грузинском языке; для армян - на армянском языке. Но работа вся шла сообща, и Комитет, руководящий, был один для всех, куда входили и русские, и грузины, и армяне. Но все-таки можно сказать, что это движение было в первую очередь грузинским, потому что самое большое влияние в социал - демократическом движении имело среди (94) грузинских рабочих и среди грузинских крестьян. Поэтому и в комитетах, в большинстве своем, грузины были во главе, потому что большинство, почти три четверти, всех объединений рабочих б или грузины. Так что и революционные массы и пропагандисты составляли в большинстве из грузин.

У нас армян искали одного, двух, трех - для того, чтобы не потерять связи с армянскими рабочими. Точно также для азербайджанцев - искали мусульманина со свечей в руках! А русских приезжало много из России. Я помню одного, Постоловского, который приехал из Петербурга и у нас прожил несколько лет. В 903 году мы с ним составляли прокламацию, которую отпечатали большевики в 1957 году в числе своих прокламаций. И вот один пример. Мы издали прокламацию, которая начиналась так: «Мы бьем тревогу...»- Это по поводу забастовки в 903 году, когда забастовочная волна прошла по всей России. В движении закавказских рабочих русские революционеры принимали участие. И, кроме того, из основателей этого революционного движения вообще тоже были русские, например, Лузин. Я его не встречал, но знаю, что когда создавались в Грузии первые рабочие кружки - он работал вместе с грузинами тогда. Так что в этом отношении работа шла более классовая, чем национальная.

Но если не получилось одинаково сильное движение среди рабочих всех национальностей, так это не потому, что мы этого не добивались, а потому что только в среде грузинских рабочих мы имели огромные успехи, тогда как среди рабочих других национальностей преобладали совершенно другие влияния, и социалистическое движение прокладывало путь среди них с большим трудом. Среди армян уже Дашнаки⁷⁰ господствовали в это время, и они направляли свою работу на Турецкую Армению и вообще мало занимались русским вопросом, а, скорее, считались русофилами, и наибольшее влияние среди армянских (95) рабочих и среди крестьян и вообще всей массы имели они, а армянская социал - демократическая группа была очень маленькая, небольшая группа, несколько человек пропагандистов. Мы в Батуме взяли пропагандистом одного рабочего, немного развитого, потому что никого другого не было, послали его в школу, и поучился и пропагандировал среди армянских рабочих, но не имел большого успеха. И вообще за все это время еще среди армян, среди мусульман и, русских не было размаха С. Д. движения. Русских рабочих было сравнительно много в Грузии, но все они были очень правые по взглядам и подчинялись даже хулиганским организациям патриотическим, чем социалистическим. Чем это объясняется, я не могу сейчас сказать. Объяснить не могу, но факт! Факт, что очень небольшое количество из них приходило к нам, попадало в наши кружки, а большинство из них были совершенно против всякого движения, а стояли за царя, значит против России, и так далее!..

Что Вы знаете об этих годах, когда Вы были в Кутаиси и потом стали работать в газете «Квали» - по поводу связей с русскими организациями, с организациями в России?

Мало было связи. Коли откуда приезжал кто-нибудь это были большие чаще, случайно - это были высланные или же бежавшие оттуда от репрессий, они приезжали и принимались у нас с радостью. Но других связей, организованных связей, постоянных, крепких связей, насколько помню - не имели.

А корреспонденция была? Скажем, существовала корреспонденция о ком-нибудь?

Нет, нет, ни корреспондентов и никаких других постоянных связей не было. Я, по крайней мере, не знал ни одного случая, (96) чтобы посылали мы корреспонденцию в Россию или чтобы оттуда нам присылали. Если мы посылали что-нибудь, так это посылали в «Искру», центральный орган, выходящий за границей.

Как это было сделано?

В «Искру» посылали.

Это я знаю, потому что были там опубликованы корреспонденции с Кавказа.

Да, мы посылали им о всем нашем движении, обо всем!

Как Вы это делали?

Ну это было легко. В Батуме бросали прямо на заграничном пароходе в почтовый ящик при посредстве нагружавших его наших организованных рабочих.

Но как Вы себя чувствовали по отношению к ним, то есть русским?

Ну, мы чувствовали себя как бы членами одной семьи. Но твердой связи пока у нас не было. И потом первая наша конференция тоже была такая, Закавказская, а не грузинская, А в Закавказской - там и армяне, и грузины и русские и так далее

⁷⁰ Армянская партия «Дашнакцютюн». Р. А.

Да, я Вас понимаю. Но Вы чувствовали, что «Искра» имела общепринятую концепцию, что она есть руководящий центр?

Да, это был руководящий центр для всей России, для всех народов. И мы признавали членов редакции «Искры», как наших руководителей!

Да. А существеннее всего, что они посылали своих агентов в разные места.

Да, да... посылали, и к нам приезжали оттуда их представители.

Вот, расскажите по этому поводу!

Приезжали оттуда, я фамилий всех не знаю. Был один зять (97) Морозова, женатый на одной из его дочерей.

Был ли он русский или грузин?

Русский!

Вы с ним беседовали?

Беседовал с ним, разговаривал. Мы взяли его в Комитет, приняли бесспорно. Это было в Батуме.

Бесспорно! А какие они Вам иногда давали инструкции?

К нам приезжал Каменев (Розенберг), Вы знаете его, вероятно. Он из Тифлиса, но приехал из-за границы со своей женой: он был женат на сестре Троцкого. Но он уже приехал к нам в 904 году или в начале 905 года...

Каменев приехал?!

Да, Каменев. Он уже был большевиком и приехал он для того, чтобы нас распропагандировать против Жордании, который был тогда за границей и считался меньшевиком. Пока не было этого деления на большевиков и меньшевиков, на нас очень мало обращали внимания. Только случайные приезжали к нам. Бежавшие из России приезжали к нам скрываться и работали у нас. И мы считали их своими друзьями, принимали их в Комитет. Они работали очень хорошо, писали прокламации, а мы переводили, распространяли, а их посылали на работу среди русских рабочих, чтобы как-нибудь их привлечь на нашу сторону, потому что антисоциалистическое, правое направление нам очень мешало, особенно когда дело шло о забастовке и экономической борьбе и так далее.

Когда агенции концентрировались?

Видите ли, тогда агенции не было, тогда Центрального Комитета России еще не было.

Я не знаю, но ... И поэтому они нам ничего не присылали. А вот я Вам расскажу еще: Приехал один больной в Батум - это было в 904 году - Больной из «Южной рабочей группы», и он жил у Николая Чхеидзе в больнице - где этот последний работал. Я пришел к нему и беседовал с ним о многих вопросах, случайно. И он мне заявляет - «Вы говорите как настоящий меньшевик». Я говорю «Я не знаю, но меньшевистски я говорю или нет, во я так понимаю наше учение. А вот в Ленинской теории кое - что мне не нравится, это верно, но я еще с ней хорошо не знаком!»

Когда Вы впервые прочли «Что делать»?

В 1901 году.

Только в 901 году?

Да, только в 901 году. Но до тех пор я еще не читал большевистской другой литературы, вот когда я имел беседу с ним, - Помню, больной человек был, представьте себе, он тогда мне сказал: «Я тоже меньшевик». И он разъяснил мне, что такое меньшевизм. Я говорю - не знаю, я еще не знаю в чем состоят разногласия, но вот мои убеждения таковы, и все. Был такой случай, - один приезжий из России утверждал, что вот рабочие должны заниматься классовою борьбой, а это значит, что должны заниматься исключительно политической борьбой, а я ему заметил: «Ничего подобного! в «Коммунистическом манифесте» ясно написано, что всякая экономическая борьба рабочих есть классовая борьба. И эта борьба вместе с тем политическая, ибо нельзя их отделить друг от друга». А он мне сказал: «Но это не так. Вы говорите как настоящий меньшевик!»

Но все это были случайные разговоры.

Вообще же неприятностей или конфликтов у нас ни с русскими и ни с какими другими группировками в то время не было. (99)

С Бундом были ли какие-нибудь связи?

С Бундом в то время не имели связи. У нас Бундовских организаций не было, так как у нас еврейских рабочих почти не было. Потому мы никакой связи с ними не имели - Знали только, что они ушли со 2-го съезда - А раньше мы знали, что эта организация «Бунд» существует. Но связи, по крайней мере я не помню, чтобы мы с ними имели. А если и были, то мне об этом не было известно.

Ну теперь расскажите, пожалуйста, еще подробнее, как была составлена, организована эта первая конференция Закавказского Союза?

Видите ли, эта конференция была создана по инициативе Батумской и Тбилисской организаций - этих двух. Они были инициаторами, они решили, что нам нужно предварительно собраться, прежде чем поехать на Всероссийский съезд.

Да, хорошо. Теперь, как Вы впервые узнали по поводу того, что будет Съезд, и так далее?

Получили все-таки извещение. Видите ли, к этому времени был создан в России «*Организационный Комитет*», и он посылал всюду своих агентов. И так как они имели знакомства со старыми нашими некоторыми товарищами, то приехали и к ним. Вот в Тбилиси они знали Цхакая и приехали к нему. Потом Сталин вернулся из ссылки. Он тоже имел с русскими личные связи. Так мы связывались с Россией и получали сведения- «*Организационный Комитет*» мог получить связи через грузин- С. - демократов, проживающих в Москве и Петербурге (ныне Ленинград). Может быть, были и непосредственные связи, но в видах конспирации я не опрашивал, и мне не сообщали этого. «*Организационный Комитет*» сообщил нам, что созывается съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии- Но был ли (100) кто - нибудь из Грузии в этом «*Организационном Комитете*», я не знаю, потому что Джордания был за границей а остальные все наши товарищи, которых я знал, работали у нас, а в России никого не было из моих знакомых. Потому я не могу сказать точно. Может быть и был кто-нибудь в О. К., ведь в больших городах были некоторые грузины С.Д. - вот Лежава, Енукидзе - были такие там. Но я не знаю был ли кто - либо из грузин в О.К., мы не расспрашивали о таких вещах.

Да. Теперь о том, что Вам нужно выбрать делегата.

Да, нам нужно было выбрать делегата. Нам, то есть Кавказским организациям, надо было выбрать двух делегатов.

Поэтому нужно было собраться?

Да, нужно было собраться всем а выбрать двух человек. Нам почему-то определили двух делегатов только! И должны были двух послать.

Хорошо. Тогда, по инициативе этих двух организаций Тифлиса в Батума, Вы собрались для выбора делегатов?

Мы послали людей в Баку, в Эривань и в Александрополь, в Кутаиси, в другие города. И отовсюду собрались представители, было их около пятнадцати организаций.

И где вы собрались?

В Тбилиси собрались.

И это было приблизительно когда?

Это было приблизительно в апреле 1903 года.

Так. Мы уже немножко говорили об этой конференции. Вы мне отметили, что впервые стал там организационный вопрос.

Да, стал вопрос об организации Закавказского Областного Комитета. И, кроме того, выборы делегатов на Съезд - Мы выработали (101) программу свою. Разные программы получили мы из-за границы. Были разные программы, «*Искровская*» программа и программа некоторых журналов, например, журнала «*Жизнь*», и так дальше.

Я бы хотел еще немножко остановиться на этих вопросах, которые мы обсудили. Вот этот вопрос, выборного начала против назначения людей на ответственных местах. Во-первых, кто поддерживал концепцию назначения, значит, кооптирования?

Кооптирование у нас всегда признавалось на практике, но основная часть была выборной - так хотели рабочие. И никак нельзя было заставить их делать иначе. С самого начала, как только организовывались группы, первые ячейки, то они были основаны на таких демократических началах. Они выбирали своего представителя, выбирали организатора, тот, который собирал собрание и должен иметь связь с пропагандистами, приводить их на собрания и уводить, и так дальше. Потом, когда создался целый ряд групп в разных районах, то они по - новому сорганизовались между собой через своих представителей, которые должны были распределять пропагандистов между районами, решать вопросы партийной жизни. Вообще всю организационную работу у нас вели сами рабочие; И они стремились всегда, чтобы самим Выбирать в качестве организаторов. Тогда об этом не было даже никаких разногласий и споров - просто они выбирали и составляли свои, организации, а пропагандистов приглашали - и в Городской Комитет, и в Районный Комитет, и на пропаганду тоже. И на собрания свои они приглашали нас. Не мы, пропагандисты, созывали собрания, они, рабочие, созывали собрание, для этого имелся выбранный ими, рабочими организаторов. Ведь наши рабочие уже имели некоторую школу общественной деятельности, как, напр., по устройству (102) вечерних школ, народных спектаклей так далее. Здесь они получили некоторый опыт, развитие. И эти передовые, более или менее, интеллигентные рабочие стали во главе движения. И потому они руководили всем, почти всем! И так сказать чистым интеллигентам не приходилось заниматься совершенно организационными вопросами. И потому у нас создалась рабочая организация на почве их самодеятельности.

Но кто-нибудь на этой конференции пришел с предложением кооптировать?

Да, пришли с предложением те, которые ставили...

Кто?

Это Цхакая и Махарадзе. Они оба стояли за назначение в организации.

Почему? Как они это себе объясняли?

А объясняли это так, что это указано в «*Искре*».

Это «искровцы» были?

Мы тоже «искровцы» были. Но в этом вопросе не сходились с ними, не могли согласиться!

Но, кроме того, что это говорила «Искра», они ...

«Искра» объясняла это тем, что проводить выборы - это не конспиративно, - это во первых; И, во-вторых, если Вы читали эту брошюру Аркомеда, там записано в одном месте, что сами рабочие не могут хорошо разбираться во многих вопросах и что ими нужно руководить. Поэтому мы должны их организовывать сверху. Эти слова принадлежат Сталину.

Это не сказано там!

Это не сказано? Сталин не назван? Но я это утверждаю, что это сказано именно Сталиным! Там же указано, что автор этих слов скоро приехал в Батум, или «его отправили в Батум». А это был он, никто (103) другой не ехал тогда в Батум, кроме него.

Это был Сталин. Да, я хочу объяснить ...

Да, это был Сталин! И он был такого мнения: «Что может знать рабочий? Его надо учить!» А рабочие наши говорили совсем иначе. Они говорили: «Мы, конечно, должны учиться, но учиться тому, что мы хотим». Все рабочие за это стояли. И, кроме того, сторонники назначения организации сверху аргументировали не только тем, что, вообще, мы должны обучать рабочих и обучаем их, а тем, что конспирация требует этого, иначе организации могут провалиться. Рабочие говорили: «Мы всегда выбираем таких верных людей, от которых никакой провокации не ждем. Мы выбрали до сих пор, и никто нас не выдавал, и в дальнейшем этого не будет. За это мы ручаемся». И действительно, всегда представляли тех опытных и сознательных рабочих и тех интеллигентных рабочих, которые уже давно знали друг друга. И потому трудно было, чтобы среди них попал провокатор, И, кроме того, среди грузин редко попадался провокатор, почти не было. Это в 917 году мы узнали, когда были опубликованы списки провокаторов из архива Жандармерии, что среди грузин также оказались провокаторы, но только один или два - один рабочий и один интеллигент, я помню этих двух и больше никого. Да и они были простыми осведомителями, а действительных провокаторов совершенно не было. Поэтому вообще никаких выдач у нас не было. Проваливались организации, конечно, иногда, но это было, скорее, по внешнему наблюдению, чем по внутренней выдаче. Если и бывали какие выдачи, то мы устраивали подробные расследования, и мы таким людям не прощали, таких людей ждала неизбежная смерть! Я думаю, что это одна из причин того, что люди боялись, что они могут потерять жизнь, а если несколько копеек им заплатят жандармы, то это их не вознаградит..., овчинка не (104) стоит выделки. Провокаторы тогда скорее бывали от русских или от других. Но от грузин очень редко. У нас до сих пор имеется *обычай* мщения. Если кто выдал кого - нибудь, значит и его родственники, и близкие, и знакомые, и товарищи выданного на дадут покоя - укокошат!

Вы говорите, что Махарадзе поддерживал эту позицию? Это был тот Ваш товарищ Махарадзе, который стал меньшевиком?

Нет, нет. Это другой, это Филипп Махарадзе, большевик. Моего товарища Герасима Махарадзе не было на этом Съезде.

Они оба родственники или нет?

Однофамильцы!

Однофамильцы только? Так, хорошо... Теперь, они получила довольно значительную поддержку на Съезде?

Нет. Они на Съезде этого не провели. В организации нигде особой поддержки не получили. В организации до Съезда они ставили этот вопрос, так сказать, чтобы потом через этот Съезд провести эту программу - «Искровскую» программу организации. Но среди, рабочих совершенно нигде не нашли поддержки.

Но на конференции?

На конференции *тоже* не получили большинства. Большинство не получили, а сколько голосов собрали - я не знаю. Об этом не писали, не составляли полных протоколов.

Вы участвовали в этой конференции?

Нет, я не был. Был там Рамишвили - он вечером мне рассказывал все.

И Цертели?

Да. Кроме того, были и из Кутаиси, и из Тбилисского Комитета. А я в это время сидел в редакции к работал там, не мог отлучиться, (105) как раз в то время никого, кроме меня, не было в редакции, кто бы мог заменить. И были только два сотрудника и я.

Это второй вопрос, который стал перед Вами, Вы сказали мне уже. Это был вопрос федеральной организации, то есть создания областных организаций? Да? Федеральная организация против областной, так?

Нет. Мы проектировали федеральную организацию государства.

Государства?

Да, государства. Я знаю это, потому что проект на русском языке был написан и я переводил сам.

Какие споры были по этому вопросу?

Да, были обсуждения. Вообще в этих обсуждениях я тоже участвовал-, и участвовали все у нас. Но это широко не было распространено.

Ну какие аргументы были?

Тогда, понимаете, эта программа не была перенесена во все организации. А только знали верхушка. Эти разговоры дальше не шли. А руководящие слои большинством приняли Федеративную Республику России. Говорили, что, вот, есть окраины и разные народы, и из них строить одно единое, огромное центральное государства нельзя, поэтому необходимо, чтобы на месте были более или менее такие организации, которые решали бы местные дела согласно особенностям края и что Федерация устраивает нас всех в этом отношении.

А были ли такие, которые сопротивлялись этой концепции?

Были те, которые твердо стояли за «Искру» и «искровцев», и их программе следовали во всем.

Кто они такие?

Вот этого я не помню сейчас. Кто и кто, потому что это (106) обсуждали просто так, по товарищески! Противопоставляли разные мнения. Голосовали за один пункт, потом - за второй пункт. За третий... После принятия подчинялись все тому, что пришли сообща. Фракционность не имело места.

Но какие аргументы они представляли?

Ну представляли, например, такие, что для свержения самодержавия должны быть все вместе. И опасались, как бы федерация не отделилась друг от друга, как бы не вышло так, что мы сами ослабили наше революционное движение. Вот такие аргументы, чисто революционно - политического характера. К кроме того, ссылались на авторитет «Искры», что, вот «Искра» пишет так, следовательно, это лучше.

Все эти вопросы, которые стояли, это были вопросы к организации партии, да? Значит, по областному принципу?

Нет. Для всей партии этот вопрос у нас не стоял, нет. Но мы считали, и мы практически думали только о том, чтобы создать у нас, в Закавказье, областную организацию. а создадут ли другие районы или нет, об этом не думали. Это мы считали их делом. И как принципа устройства партии мы этого федерализма не выставляли. И потому, когда на Втором Съезде все местные областные организации были распущены, то наши делегаты за это не голосовали, но и не протестовали. А когда они вернулись, мы не распустили а оставили наши областные организации. Все считали, что нам это необходимо. И никто из Центрального Комитета Российского не возражал, не требовал распустить Областной Комитет Закавказья. А другие организации, как «Южная группа», «Группа Северных рабочих» и другие организации были распущены и не возобновлялись более. В России действовал один Центральный Комитет. А мы решили, что нам, на Кавказе, необходимо все - таки иметь областное объединение. Центральный Комитет выпускал (107) литературу только на русском языке, а, значит, нам нужно было иметь свой Областной Центр, который бы издавал литературу на местных языках и руководил движением среди этих народов. Ну и создали Областной Комитет. Фактически это нам было необходимо, и мы оставили нашу областную организацию. Об этом даже спора не было. Никаких споров! Ни с какой стороны. Ни с Центра Всероссийского, ни от своих централистов! Может быть, это вышло так еще и потому, что товарищи, централистически настроенные, как раз сидели в Областном Комитете и едва ли хотели отказаться от своих мест. Так все и осталось по-старому.

Это был Областной Комитет для Грузии? Да?

Нет. Это был для всего Закавказья. Но, как Вы видите, движение более сильное было в Грузии, и в этих организациях почти везде были грузины. В руководящих органах мы имели всегда одного армянина, одного мусульманина и так далее., а остальные все были грузины. Меня взяли в качестве секретаря в Областной Комитета. Они все оказались, так сказать, не очень литературными, и меня кооптировали сразу же секретарем. Я писал, переводил. Говорили они по-русски, некоторые из них писали по-русски, я переводил, иногда сам составлял. И научился составлять эти прокламации, резолюции и так далее, ибо приходилось мне самому писать. И меня скоро приняли членом, кооптировали меня, как законного члена в областной организации. Никто не протестовал!

Теперь, кроме этих двух вопросов - значит, этот вопрос выборный - выборы и начала федеративного принципа для государства. Были и другие вопросы, которые были спорными, на этой первой конференции?

Нет, других спорных вопросов не было. Эта конференция продлилась только два дня или три дня и другие вопросы не обсуждались. Все, что происходило на конференции, (108) сообщали в местную нашу газету «Квали», которая была нашим партийным органом. И потом все сведения из конференции прислали нам в редакцию, да, вспоминаю еще одно: мы издавали нелегальную газету «Борьба». Она издавалась в 901 году. Кеңховели Ладо издавал «Борьбу» в Баку. Он же получал «Искру» литографированную, и он перепечатывал там. Об этих вещах я Вам не говорил. Вот если уже о газетах идет дело, так первая нелегальная газета была у нас «Борьба», издавал ее Кеңховели Ладо - в Баку. Вышло четыре номера. Вскоре его арестовали, привезли в Тбилиси, в Метехи (замок) его застрелил караульный солдат, ибо он из окна пропагандировал солдат. Оказался среди них какой- то хулиган, когда он стал пропагандировать - взял ружье и застрелил его - прострелил голову, убил наповал. А, может, это было подстроено властями, которые считали его очень опасным революционером.

Потом мы решили вместо «Борьбы» издавать газету «Пролетарская борьба» - на трех языках: на русском, на грузинском, на армянском - на всех языках; имели людей, которые переводили нам. Писали в большинстве на грузинском языке; писали также на русском и на армянском и потом переводили на другие языки. Тоже издали несколько номеров до раскола. А после раскола...

А этот новый орган тогда был создан во время первой конференции?
Нет, до этой конференции.

И понимаю. Но она была восстановлена в этой форме, «Пролетарская борьба», на этой конференции было решено?

Кажется, не на этой конференции. Точно не помню, не могу сказать. Кажется, что было на этой конференции или, может потом решил этот Областной Комитет наш. Но мы уже стали издавать не «Борьбу», а «Пролетарскую борьбу». (109)

Ну какое было обсуждение на конференций этого вопроса? Не было спорных вопросов?
Не знаю, не помню.

И вообще говоря, это все, что было обсуждено? Или еще что-нибудь было?

Да, это все, что было обсуждено. Если бы были другие вопросы, они бы мне сказали, потому что для подробного доклада обо всем Рамишвили приходил немедленно в редакцию и говорил: вот то-то и то-то и то-то решили. Ему поручено было осведомлять редактора, и он сообщал мне все вопросы и все, потому что редакцию нужно было осведомлять полностью.

И дальше на конференции было решение, что Церетели станет редактором газеты, да? А последний вопрос, который я Вам поставлю: как были выбраны эти два делегата, которые были посланы на конференцию?

Да, два делегата были выбраны - один из Тифлиса, а другой из Батума.

Как они были выбраны?

Формально выбрали сами организации, хотя кандидаты намечены были ранее конференцией. Это такая история была: Выбрали там двух - Топуридзе Диомида и Зурабов Аршака (это имя). И вот вышла такая история. Когда тбилиским товарищам предложили Топуридзе кандидатом, Зурабов заявил, чтобы его тоже послали, иначе могут быть неприятности, потому что ни одного армянина не будет на съезде, и так далее. Тогда они написали в Батум, чтобы Батум выбрал его в качестве второго депутата. Батумцы согласились на это и выбрали его. (110)

Тогда официально как было?

Официально был он от Батума.

А Топуридзе был из Тбилиси?

Да, из Тбилиси. Это были наиболее крупные организации, и они только имели право послать своего депутата. Баку мог послать от себя, но кого они послали - я не помню.

Что Вы можете мне рассказать по поводу прошлого Топуридзе?

О Топуридзе ничего особенного на могу сказать.

Он работал в «Квали»?

Он был заграницей. И я познакомился с ним, когда он приехал в редакцию «Квали». Его выписали. Написали ему, чтобы он приехал, потому что у нас в редакции после ареста и освобождения Жордания - которому мы устроили бегство за границу - никого в редакции не оказалось из старых С. - Д. Можно сказать, что я один там остался, а тогда я еще был молодой и меня не считали тогда еще таким квалифицированным, и я на этом не настаивал, конечно. И к нам сначала попал редактором Филипп Гогичаишвили, но к этому времени он уже не был марксистом, а был последователь Блюхера - экономиста немецкого, и он его идеи проводил в газету нашу. Когда товарищи нашли, что он не марксистски пишет, решили, что его нужно устранить, и кого-нибудь из марксистов пригласить. Нашли, что единственный человек, который сидит за границей, - это Топуридзе, и решили, что он вместе с сестрой должен приехать к нам и работать.

Он был грузин?

Грузин. Его выписали из Женевы. Он приехал и стал говорить, что по-русски он может писать, а по-грузински не так умеет писать. Он мог говорить по-грузински, но писать хорошо не мог. Пробовал он (111) писать по-грузински, но вышло неудачно. По-русски он писал лучше. Ну я ему и сказал; пишите по-русски, а я буду переводить.

Кто он был по происхождению?

По происхождению он был из дворян, из Мингрелии. Вот все, что я знаю о нем. Я больше был знаком с его сестрой, она у нас была пропагандисткой и занималась большой пропагандой и очень хорошо работала. Оба были социал - демократы, марксисты и работали все время.

Он был студентом уже в Женеве или что? До этого?

Нет, он не был студентом. Он был уже женат, у него была очень богатая жена из Саратова или какого-то другого района - Зигфрид по девичьей фамилии.

Русская?

Русская, да, точнее обрусевшая немка. Кажется, известная фамилия, имеющая там огромное имя. Родители ее были очень состоятельные. Топуридзе через них был состоятельным человеком. Он и приехал с семьей к нам, жил широко, мог жить свободно, и от редакции ничего не получал. Доволен

был тем, что работал в редакции, и даже свою прислугу нам дал для разноски газет. И от всякой технической работы меня освободил и передал это все своему служащему.

А что Вы мне можете рассказать по поводу Зурабова?

Тоже мало знаю о нем. Знаю, что он работал у нас.

Он был армянин?

Да. армянин. Не полагалось спрашивать, допрашивать. Если бы я спросил, то мне сказали бы: «Чего Вы добиваетесь? Биографии? Для чего?» Поэтому биографии людей я никогда не допытывался. Он был армянин к был интеллигентный человек. Довольно хорошо писал по-русски, и состоял в Областном Комитете, я там и познакомился с ним и потом (112) работал с ним. Вот и все.

Он тоже работал в газете?

Работал в газете, писал. Я не знаю историю его, никто не рассказывал этого. Писал статьи он, и я его статьи переводил. Вот и все, что я знаю о нем. А потом, он человек был толковый, понятливый, и когда Жордания, который был от Тбилиси депутатом в 1-ую Государственную Думу и после был лишен права быть выбранным. А мы нашли, что нужно во Вторую Думу выбрать кого-нибудь из армян, потому что масса жителей в Тбилиси - это армяне, если бы опять грузина выставили, это могло среди армянского населения вызвать недовольство. Поэтому мы и решили Зурабова выставить, то есть выставить его кандидатуру по Тбилиси. И это действовало на население, и даже в армянских районах мы получили большинство, и армяне С. - Д. бойко пропагандировали среди армянского населения, что социал - демократы пройдут, нет сомнений, говорили они, а вот С.-Д. выставляют все - таки нашего, армянина, и значит это для нас хорошо, значит это удовлетворение национальной чести, что вот в городе Тбилиси выставлен кандидат - армянин. И он в таких районах получил большинство, что просто можно было удивляться, даже в буржуазном, почти исключительно армянском районе получил большинство.

Теперь по поводу тех выборов, .. Как они, ну, скажем, когда организация в Тбилиси решила послать Топуридзе на Второй Съезд. Как были эти выборы представлены? Были ли конкуренты?

Нет, нет, нет! Выбрали фактически их на съезде, так сказать, это на Съезде постановили этих двух выбрать и сообщили об этом организациям. Тбилисская организация согласилась с этим к выбрала Топуридзе. Приняли во внимание и то, что у него были средства для поездки, (113) и что никто и ничто ему и мешало поехать.

Да, да. Но кто его выбрал, в конце - концов?

Его наметили на этом Съезде.

Так. Но кто его выбрал?

Формально его выбирал Тбилисский Комитет.

Но в действительности кто, кто выбрал?

Вся организация.

Вся организация. Как состоялись выборы?

Вот этого я точно не могу сказать.

Была встреча в организации или что?

Все знали, рабочие знали, потому что наши газеты расходились среди рабочих почти исключительно, и вот знали все...

Кто ставил его кандидатуру?

Кандидатуру конференция выставила. Потом Комитет, Тбилисский Комитет выбрал.

А конференция что делала?

Конференция наметила этих двух людей, попросила батумцев, чтобы они Зурабова выбрали от себя. Они и голосовали за него в Батуме, а Топуридзе голосовали в Тбилиси.

Хорошо, теперь я хочу перейти обратно к конференции. Когда их кандидатуры ставили, было ли обсуждение других кандидатур?

Едва ли.

Не считалось это так важно?

Видите ли, может быть и важно. Но тогда не ставили в таком виде вопрос. Это уже заранее, вероятно, сговорились.

Кто сговорился?

Члены конференции. Главное, что у него были большие средства. Он легко мог поехать за границу. Других не могли послать на свои средства. (114) Тогда это очень трудно было. Ему легче было ехать, потому что у него были связи... и так дальше. Вот такие вопросы в этом отношении играли существенную роль. А Жордания и другие наши,- так сказать, крупные лидеры были за границей, а Миха Цхакая никуда не хотел ехать. Значит, из этого старого поколения почти некого было выбирать, а молодых еще не думали посылать на съезды. Мы были молодыми и не претендовали на это. Хотя, может быть, некоторые были к не хуже других из старшего поколения, но все-таки не претендовали, потому что

думали, что это наше старшее поколение более опытное и из их рядов должны поехать на Съезд, Конкурировать и создавать трения не стоит! И потому других кандидатур не выдвигали. Наоборот, я говорю, в Батуме Рамишвили и Хомерики (они были в Батуме), они выбрали Зурабова, провели через все организации и все, как полагалось.

Ну последний вопрос. Вы мне рассказывали, что на этой конференции тоже было решено послать Ираклия Церетели в редакцию? Как они его выбрали?

Они его выбрали главным редактором. Поручили ему редактировать «Квали», который объявили партийным органом, и предложили ему руководить этим органом. Он на этом собрании выступал, разговаривал...

Вы знаете, почему я немножко сомневаюсь по этому вопросу? Я хочу суммировать то, что я сказал.

Хорошо, но пока два слова: Немедленно после окончания Грузинской конференции, так сказать - Закавказской конференции, когда была выбрана областная организация - Областной Комитет, пришел ко мне в редакцию Ной Рамишвили прямо с конференции и рассказал всю историю этой конференции, а также то, что с сегодняшнего дня Ираклий Церетели будет редактором «Квали». И уже следующий номер мы издали под редакцией Церетели. (115)

Что в это время вы уже знали по поводу Церетели, кроме того, что отец его был редактором?

Мы знали только то, что он был студентом, был исключен из университета, он был в Сибири и он вернулся из Сибири к нам, и был он председателем Тбилисского Комитета уже в это время. Кроме того, его слушали на Втором Съезде и знали и чувствовали, что он человек способный. Я этим объясняю его назначение редактором, потому что других писательских работ у него не было. Нашли, что он способен вести политическую линию и выбрали его чуть ли не по предложению Рамишвили. Так мне передавал он сим. «Я, - говорит, - нашел, что он самый подходящий будет для нас, и вот потому выставил его кандидатуру».

Он стал редактором уже до Второго Съезда?

Да, до Второго Всероссийского съезда.

Хорошо. На этом пункте, я думаю, мы сегодня остановимся. На следующий раз мы начнем обсуждение двух тем: во-первых, это были первые встречи с Церетели. Так вот, какие у Вас были первые впечатления при встречах? Какое знакомство и работа с ним? И второй вопрос будет: когда эти блестящие делегаты приехали обратно со Второго Съезда? и что они Вам рассказывали? Хорошо?

По поводу впечатлений о Церетели у меня написана небольшая статья уже для газеты грузинской - все мои впечатлений о Церетели. Встреча в Тбилиси, когда я с ним познакомился; потом в Сибири я встретился с ним. Все это у меня написано. Я могу только это все перевести на русский язык. Небольшая статья. Пятнадцать всего печатных страниц. Все воспоминания мои о Церетели.

Прекрасно! И тот час, который касается Ваше! встречи с ним в Тбилиси и начало Вашей работы с ним тоже есть? (116)

Это тоже описано у меня. все мои впечатления. Характер его работы и все, все...

Хорошо, мы об этом будем потом разговаривать.

Да, будем. Я же его и рекомендовал в качестве депутата, другие не так знали, как я. Я с ним познакомился в редакции, и я уже чувствовал к сказал товарищам, что он будет лидером! У меня это все написано, и я Вам все это передам, и это все не будет лишено интереса! У меня все это лежит, еще не напечатано, но уже набрано. В сентябрьском номере нашего грузинского журнала выйдет. Сейчас годовщина, в этом году смерти его.

Это конец второй ленты интервью о воспоминаниях господина Арсенидзе.

На этом мы сегодня остановимся.

Машинопись, чернило.
ЦИАГ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 19. Л.л. 1- 116.

Третья лента интервью о воспоминаниях господина Арсенидзе.

26 июля 1961 г.

Это первая сторона третьей ленты. Мы начинаем сегодня наш разговор с описания общей забастовки в Грузии в июле 903 года, которая перебросилась (!) с большой забастовки в Баку. Что Вы помните об этих забастовках ?

Вот в чем дело: Забастовочная волна началась, собственно говоря, не в Баку, а началась в России, кажется в Питере. Но она началась там раньше. Приблизительно через четыре месяца эта волна забастовок дошла до Баку, а из Баку перебросилась потом в Тифлис и в Батуми.

Что это значит - дошла? Как дошла эта волна до Баку?

Видите ли, была забастовка в России - в Петербурге и в Москве.

И на Юге?

Видите - ли, при тогдашних сообщениях это не так быстро сообщалось. Но мы все -таки получали сведения, мы имели их. Я помню это: забастовка началась, собственно, в Златоусте. Там были расстреляны рабочие. Вот из - за этого и пошла вся эта история, забастовочная волна. И при забастовках уже выставлялись не только экономические, но и политические требования, поэтому это были экономически - политические забастовки по самому существу. Я не знаю - почему, но у меня уже тогда создалось впечатление, что движение, начавшееся на севере России, докатывалось до нас только через несколько месяцев. У нас только через несколько месяцев возникали соответственные забастовки, но проводились (2) с такой силой, как в России. Из Баку забастовка перебросилась к нам, в Тифлис. Я был тогда в Тифлисе. И там были, между прочим, я назову двух лиц, которые для Вас будут очень интересны. Это был Аллилуев. Он был рабочий, работал в мастерских и состоял в нашем Тифлисском Комитете - это известный ...

Известный большевик!

Это отец второй жены Сталина. Его дочь была второй женой Сталина. Вот Аллилуев был у нас, в Тифлисе. Еще был у нас выписанный из Петербурга Посталовский, - если я точно помню фамилию - да, Посталовский! Забастовка приняла очень острые формы в Тбилиси, и были столкновения с отрядами казаков. Я помню, как раз в это время Посталовский написал прокламацию, которая начиналась так: *«Товарищи! Мы бьем тревогу! Это сильное движение может вырасти в целую революционную борьбу и потому будьте готовы!»*. Вот так начиналось. Я переводил, потому что он написал по - русски, а я был переводчиком.

Писал это Посталовский?

Да, писал Посталовский, это, при мне. На армянском и других языках мы переводили, но издавали на трех языках, на русском, грузинском и армянском. Забастовки были очень сильные, настолько сильные, что остановился почти весь город - закрылись все лавки, мелкие ремесленники тоже присоединились к этой забастовке. Город замер окончательно на несколько дней.

Какие общие требования были выставлены? (3)

Требования, я точно сейчас Вам не могу изложить. Но требования были экономического характера. И политические требования были. Это уже была забастовка, так сказать, *«политико - экономическая»*. Точно я всех моментов не могу сказать ... у нас в Тифлисе бастовали главным образом железнодорожные мастерские. Это был главный центр рабочий. Другие фабрики и заводы были небольшие, маленькие. Они потом предъявляли хозяевам требования, но это не имело большого значения. А главная забастовка была в железнодорожных мастерских. Вся железная дорога встала, приостановилось всякое движение, и только разъезжали делегатские поезда, так что рабочие делегаты ездили в Баку, туда и обратно, и носили сведения туда и обратно. Вообще все остальное было без движения. Это была первая забастовка у нас всеобщего характера, и потому произвела огромное впечатление на всех.

Как Вы успели, сумели организовать участие ремесленников?

У нас даже в кружках были ремесленники. И как только забастовка была объявлена, эти кружки проявили инициативу а потом это все пошло уже все так, стихийно. Рабочие уже имели тогда небольшие группы, по три - четыре рабочих, были организованы в маленьких мастерских. Поэтому, они все ментально забастовали, поддались этому общему влиянию. Потому что раз бастовала железная дорога, так уже бастовали все. У нас это вышло все как - то само собой. Это не по требованию особых усилий - ни от Комитета, ни от других. Мы даже не выпускали особых прокламаций. Просто призывали к железнодорожной забастовке, призывали всех к общей забастовке ... и все прошло весь город остановился. Весь город! Так что вся жизнь в городе замерла. (4) И казаки разъезжали по городу, и даже нам трудно было собраться, я помню меня побили на улице казаки ... просто встретили - я шел к себе домой и ничего не делал. *«Чего вы лезете на улицу!»* закричали они и ударили меня по башке.

А что я мог один сделать? Против казаков!

Почему они меня толкнули - я тоже не знаю. Просто они под вечер встретили меня на улице около моего же дома. Я побежал к себе домой и все. Это все, что я мог сделать. Не мог же я им сопротивляться и дать себя арестовать, потому что, я нелегально жил почти. Я принимал в этом деле участие. А может быть они имели какой - нибудь признак, чтобы заподозрить меня! Я не знаю. Может быть, потому что в эти дни, когда была всеобщая забастовка и нужно было собирать все сведения - как, где, в каком районе бастуют? - туда отправились - я и недавно приехавшая из заграницы сестра Диомида Топуридзе. Так шли под ручку, - как будто пара гуляет, - и мы пошли в рабочие кварталы, до конца города, в общем объехали весь город, собрали все сведения, - где и как идет забастовка; где стоят твердо, где колышатся, к каково рабочие настроения.

Мы встречали рабочих на улице, разговаривали с ними, беседовали ... И так принесли все сведения. Может быть это было замечено, я не знаю. Но полицейский удар я получил совершенно случайно. Так что вот, поэтому я знаю всё. Весь город бастовал. Дома мы обходили всюду вдвоем. Это была Нина Топуридзе (потом она вышла замуж за Мелитона Русия. Она похоронена здесь, в Левиле. Она умерла здесь, за границей). В это время она с братом недавно приехала в Тбилиси. В это время она с братом недавно приехала в Тбилиси. Ее никто не знал в Тбилиси и потому мне пришлось с ней гулять для разведки.

В западной части этого города, там, недалеко от вокзала - были столкновения между казаками и рабочими. В некотором доме, где жили рабочие, казаки стреляли, но жертв не было. Столк(5)новения были, но жертв не было. Казаки стреляли по домам. У нас в комитете состоял членом один русский, из старых рабочих, у которого было бунтарское настроение, и который революцию представлял почти исключительно в виде кровавого столкновения с правительством. Фамилию его я не помню. Он всегда усиленно настаивал на том, чтобы мы вооружили рабочих и повели их против казаков, с факелами в руках. По его мнению казачьи лошади должны были испугаться факелов и повернуть обратно, назад. И рабочие могут их таким образом прогнать. Мы решили, что такую авантюру устраивать не будем, а они решили. Ну, что делать, Ну мы пойдем. Вот почему и особенно выступали против этого. Это так оценили как излишнее, не нужное. Местные товарищи например Исидор Рамишвили, в Батуме тоже не одобрял этого акта. Все считали, что это совершенно излишнее кровопролитие, бессмысленная потеря самых лучших наших товарищей. Мы точно также отвергли это в Тбилиси, указывая часто, что вот дало отрицательный результаты. Это не одобряется никем.

Это произвело плохое впечатление и на наших товарищей. А какое впечатление могло произвести на общество? Совершенно отрицательное! Противоположное тому, что предполагалось. Потому что идти на убой, это, знаете - просто безумие.

Какое было в то время характер участия Аллилуева и какое [было] его место в партии?

Он был в нашем комитете. Он работал в железнодорожной мастерской и был в составе нашего комитета, в качестве представителя русских революционеров, потому что он приехал из России. Мы знали его, как революционера и в Комитет взяли, потому что он нам нужен был как один русский в комитете. (7)

Он себя считал искровцем тогда?

Он себя считал тогда революционером и всё. Искровцев и не - искровцев мы тогда не разделяли. Советы, которые Аллилуев нам давал, нам совершенно не подходили, и которые мы выполнить не могли. Ну, конечно, мы его не упрекали, но тогда для нас еще не было ясно сознания того, что его [Аллилуева] линия одна, а наша совершенно другая. Но практически мы ставили своей задачей создание революционного настроения, но создавать его не путем крови, не путем самопожертвования целого ряда лучших товарищей. Мы оберегали людей, дорожили ими.

В результате этих событий - социал - демократическая организация в Тбилиси и в Грузии вообще усилилась, умножилась.

От этого наше влияние не уменьшилось. Наоборот усилилось, потому что мы оберегли нашу организацию от всяких, как сказать, эксцессов, и, вместе с тем сумел устроить широкую забастовку. Протест рабочих был проявлен вполне откровенно движение охватило почти всех трудящихся и все население видело, что у нас борьба поставлена разумно: рабочие бастуют, но не поддаются на провокацию. И поэтому само население, особенно либеральное почувствовало нам и помогало, оно давало средства скрывало, когда нам надо было скрываться, бывало, что мы скрывались у людей очень близко стоящих в Правительству, но в большинстве случаев, среди представителей Дворянства... Я помню, когда мы сидели в тюрьмах, они помогали и нам. Сколько раз я бывал у них, когда надо было получить от полиции аттестацию о благонадежность, и они всегда оказывали содействие. Так что общество грузинское нам очень сочувствовало, и мы находили у них у них опору, даже у тех кругов, которые вообще не причастны вовсе революции и к револю(8)ционным заговорам. Но все - таки, понимаете, наших пропагандистов, наших людей, принимали у себя на квартирах, скрывали их.

По каким причинам скрывали?

Это уже было в 903 году, уже в эти годы ...

Да, по каким причинам они поддерживали Вас так ?

Они нас поддерживали потому, что все - таки они были сами представители поработенной нации. Ведь им тоже приказывали, им тоже давали приказы поступать по велению Российского Дворянства и княжества. Они этого не хотели. Они вовсе не хотели выступать против грузинского населения, против всего своего народа, даже простого народа, потому что у нас между простым народом и, скажем, мелким дворянством, большой разницы - большого расстояния не было. Они общались между собой, любили друг друга, и часто она были между собой даже в родственных связях, - там крестила детей, то, другое, третье. Так что в этом отношении такого сословного разрыва, морального, между дворянскими элементами, особенно мелкими дворянами и представителями крестьянства не было. И это осталось даже у довольно крупных собственников земли. Некоторые из них даже гордились тем, что они передали крестьянам почти всю свою землю. Некоторая часть земли даже давали даром, а другие давали на очень выгодных условиях, и нам они говорили так: «Что же, зачем будем наших крестьян стеснять, это же наши братья! Мы все к одному народу принадлежим, и потому мы должны иначе относиться к нашим крестьянам, чем можно относиться к другим народам!»

Крестьянство участвовало в этом движении летом в 902 г.?

Это надо было бы мне вспомнить ... Что забастовка была почти по всей железной дороге, и вообще во всех этих железнодорож(9)ных мастерских и вся железнодорожная линия была приостановлена - это - факт! Но крестьяне - что они могли сделать в этом деле. Против кого, и как они могли бы бастовать? Они то, вероятно, все относились с большим сочувствием к городским рабочим и с большим интересом наблюдали за их борьбой. Но, в какой форме они это могли выразить свое участие, против кого они стали бы бастовать? Когда бастовал город, они просто радовались, что есть там революционное движение и больше ничего! И непосредственно участия принимать не могли.

Теперь мы решили пока остановиться и не обсуждать сегодня Вашу работу с Церетели в редакции «Квали» и Ваши первые встречи с ним и так далее. Это мы будем отдельно, но в протоколах Я хочу сказать секретарю, что та лента, которая будет написана по этому поводу - чтобы включить ее в том месте, сейчас.

А теперь мы переходим к другому вопросу - это возвращение делегатов - грузинских делегатов из Лондонского Съезда летом 1903 года: когда они возвратились, что они сказали по поводу Съезда? Как они представили свои отчеты? Что они говорили? И какая была реакция?

Во первых их положение на Съезде оказалось ...

Как мы отметили, были два делегата? Да?

Да. Два делегата. Когда они приехали обратно, они давали нам подробный отчет о Съезде, как он происходил, что он делал кроме конспиративных вещей ...

Понятно! Эти два делегата были кто?

Да, были только два - Диомид Топуридзе и Аршак Зурабов. Но на съезде присутствовал тогда Жордания. Ной Жордания был за границей и его пригласили, он присутствовал на съезде, но с совещательным (10) голосом. И нам сообщил также о том, как он выступал, как сам защищал Пункты. Программы, и особенно об областном самоуправлении и самоопределений наций. В протоколах съезда значится под фамилией «Костров» ...

Да, я читал его там.

Да, Костров этот выступал там, Вы можете найти там то, что он говорил, это все имеется в протоколе на русском языке, и Вы можете это все свободно прочесть. Но что они принесли нам и как они поступали на съезде, вот об этом я Вам расскажу. Мы получили доклады делегатов, и мы получили письмо от Жордания. Жордания упрекал их в том, что они способствовали победе большевистского течения на этом Съезде, что они в организационном вопросе все-таки голосовали с большевиками а не с меньшевиками, потому что большевики тогда требовали, как и все остальные на том съезде, что каждый член партии должен чем-нибудь помогать партии и платить свои членские взносы и состоять в какой-либо организации. Это как раз нам соответствовало, у нас это так не было. Все члены были в организации, все они платили членские взносы. Я вам рассказывал, как мы отчеты давали по этому поводу и так далее. Так что у нас в партии и организации совпадали. А российские меньшевики требовали, чтоб если отдельные лица ни в партии, ни в организации не состоят, но сочувствую и принимаю программу партии, то их считают партийными (10) и дают им право принимать участие в выборах на съезде А это нашим не подходило. И они не предусмотрели опасность той линии, которую занимал Ленин и подала голос за него. Большевики двумя голосами стояли как большинство. Мы считали, что эти два голоса были грузинские: если бы они голосовали с мень(11)шевиками, то большинство не было бы на стороне Ленина. Вот он [Жордания] упрекал их [Топуридзе и Зурабова] в этом. А эти оправдывались, что «мы защищали то, что у нас имеется здесь, мы ничего другого не сделали».

Это письмо я помню, потому что оно попало мне в руки и я его читал, это письмо Ноя Жордания. Оно пришло в редакцию, я сидел в редакции, оно пришло и я прочел и им его представил. Оно сохранялось в архивах но имеется ли сейчас, - я не могу сказать сейчас.

Да, скажите, какие аргументы он тогда поставил?

Аргументами он поставил, что вот - здесь уже наметился большевизм и меньшевизм. Что большевистское течение - это не социалистическое течение и не марксистское; и что единственно марксистское - это то, которое было защищено меньшевиками, то есть оставшимися в меньшинстве Мартовым и Даном, и он излагал подробно то, что сейчас имеется, но излагал только по организационным вопросам. Он писал, что большевистский организационный вопрос представляет собой опасный централизм, и догматизм и господство сверху, господство Центрального Комитета над всеми организациями, чего не должно быть! А должно быть наоборот - Центральный Комитет должен подчиняться и исполнять волю местных организаций а не самому ставить сверху эти организации [путем их назначения - а не выборов] и так далее. Они же приняли принцип, что ставит и устраивает все местные организации по все городам и так далее. И вот, про устройства организаций сверху и выступал Жордания. Ведь у нас это так и практиковалось всегда, но они [Топуридзе и Зурабов], почему - то они все - таки голосовали за них [то есть за Ленинский, большевистский вариант устройства Центрального Комитета], и вот этим наши делегаты погубили все. Они, наши делегаты [Топуридзе и Зурабов] были очень огорчены тем, что Жордания прислал такое письмо и их обвинял. Но мы обсудили этот вопрос, и я должен сказать, что мы в этом отношении, (12) так сказать, никаких упреков им не делали. Ну, ошиблись, так Бог с ними; но мы еще не знали всего, так как достаточно фактов у нас не было, и по правилам дисциплины, мы даже хотели подчиниться этим решениям Второго Съезда. Но наш рабочие решительно воспротивились отменить какие - бы то ни было выборные начала. И потому мы этот вопрос составили по старому.

Скажите, где эти отчеты по поводу Второго Съезда? Была составлена конференция, или что?

Нет, после этого съезда я конференцию не помню. У нас было просто совещание, собрание рабочих в Тбилиси и представителей районов и Комитета и делали общий доклад. Конференция по этому поводу я не помню, чтобы мы составили новую конференцию по поводу возвращения со Съезда - этого не было, да и не имело смысла, потому что они возвратились и приняли уже резолюции, а резолюции там были довольно хорошие, так что их все резолюции мы приняли - кроме этого организационного вопроса, в котором ни большевики, ни меньшевики - по нашему - не были правы, одни предлагали назначить

Комитет а другие предлагали составлять комитеты, но все - таки не по выборам а так, чтобы расплывчатые организации создавать; а мы были против этого. Мы имели широкую организацию среди рабочих, и они все были распределены по разным ячейкам, и, следовательно, нам нечего было менять свои порядки.

Более подробно мы узнали о разногласиях весной 905 года, но уже в 904 году мы получили книги, некоторые брошюры и большевистского, и меньшевистского направления, их читали наши рабо(13)чие, немедленно стали они против Ленина, особенно передовые рабочие, которые хорошо разбирались спорных вопросах. И они уже сами стали пропагандировать об этом на заводах и фабриках. А когда приехал Жордания (весной 905 года) и принес все сведения из за границы, то все пошли за ним - и Тбилисский комитет, и Батумский комитет - до этого мы не считали себя ни большевиками, ни меньшевиками, но в общем думали войти за партийным решением. Об разногласиях все пошли за ним. Вот тогда и состоялась эта конференция с Н. Жордания, в 905 году. Я не был на этой конференции в Тбилиси; конференция была уже одних меньшевиков, потому что большевики уже были отдельно и уходили от нас.

Я знаю - это уже гораздо дальше! Я сейчас хочу остановиться и спросить следующее: До Вашего ареста в марте 904 года ...

В январе 905 года.

В январе 905 года, когда Вы работали с Церетели в редакции «Квали» - до этого момента были ли какие - нибудь конфликты между большевиками и меньшевиками?

Не было.

Что он сам [Ираклий Церетели] чувствовал по этому поводу?

Ираклий Церетели и еще один товарищ его по университету, Нанеишвили - они работали оба в Комитете. Этот был большевик впоследствии, а другой [Ираклий Церетели] стал меньшевиком. И они работали совершенно там совместно, оба были члены одного и того - же Комитета.

Церетели и кто еще?

Нанеишвили. Мы его называли «Рыжий». (14) Имени его я сейчас не помню.

Его зовут Нанеишвили? Они оба работали в Комитете?

Да, Нанеишвили. Они оба работали одинаково, оба работали в Комитете вместе, и всю работу вели. А разделение произошло уже после нашего ареста, уже после нашего выхода из тюрьмы узнал, что Ираклий Церетели выехал за границу и остался там, он оказался меньшевиком, а я там остался, я ...

А Нанеишвили оказался большевиком?

Нанеишвили стал большевиком и против нас выступал. И потому пришлось его снять с Комитета.

Да, но это было когда?

Это уже было в 905 году.

Хорошо. Ну расскажите, что произошло в январе 904 года. В январе 904 года Вас арестовали.

Да, 6 -го января приблизительно.

Как то было?

Просто пришли на квартиру и арестовали. Нашли у меня к сожалению ... я тогда переводил программу Второго Съезда. Выработанную программу. ... и вот у меня нашли рукопись перевода и оригинал. Так как я пишу очень не разборчиво, то я дал одному товарищу переписать, который тоже жил у меня на квартире. Нас всех и арестовали. И чтобы его высвободить, меня освободить нельзя - так, когда мне предъявили эти документы, то я сказал, что это я писал и переводил. Это нашли у меня, были спрятаны, но нашли. Потом казалось, что выдала нас хозяйка. Я жил у одной госпожи, у которой муж, оказывается, работал разведчиком в либеральной среде и в пользу власти. Я его фамилию не помню, но очевидно, они нашли эти документы у меня и выдали. Обыкновенно, уходя я прятал все эти буагт. И как раз в (15) этот день, когда пришла полиция, эти документы были у меня в комнате, так что я обвинить их в этом не могу, что они меня выдали. Может быть они и видели, но все - таки документа нашли ведь у меня, и я против ничего не мог сказать.

Когда Вы были арестованы в январе 904 года, что потом с Вами произошло? Куда Вас послали? Сколько времени вы сидели? в тюрьме?

Сидел я в Метехи, приблизительно месяца три. Под Пасху я уже был на свободе. До Пасхи меня и моих соучастников рано освободили и выпустили потому, что наше дело было ясное. Тогда не было суда. А послали дело в Департамент полиции в Петербург, а нас выпустили под надзор полиции и отправили нас на родину. Я должен был ехать в Кутаис. Вот и всё. А из Кутаиса я удрал, когда узнал, что некоторых моих товарищей из Тифлиса уже выслали в Закаспийский край и что меня ждет та же участь. Я тогда перешел на нелегальное положение и поехал в Батум.

Тогда сколько времени Вы оставались в Кутаиси?

Не помню сколько, но не очень долго. Несколько месяцев провел там.

В Батум Вы приехали когда?

В Батум я приехал осенью. Даже раньше, в конце лета. Я помню, что я два раза посылал пропагандиста по деревням, а третий раз я поехал сам. Но в Батуме уже не вернулся, (16) потому что узнал, что в Батуме плохи мои дела, что меня там могут немедленно арестовать. Полиция даже наведлась у меня.

Помню, мы получили известие, что Рамишвили везут из Ростова обратно в Батум, где его будут судить вместе с другими товарищами по батумскому делу, по делу провалившейся батумской тайной типографии. Везли его два жандарма. И когда поезд, в котором его везли, доехал до товарной станции, которая почти на версту отдалена от пассажирской станции, он соскочил с поезда и побежал между стоящими вагонами. Ожидавшие его товарищи гнавших за ним жандармов задержали, а его увезли на конспиративную квартиру. Он тогда уже был вполне определившимся меньшевиком. Я поговорил с ним о партийных разногласиях и вскоре его отправили в Тбилиси.

Ну в каком состоянии Вы нашли социал - демократическую организацию в Батуме, когда Вы приехали?

В тяжелом состоянии!

Расскажите об этом.

Там раньше работали некоторые товарищи, хотя и не меньшевики и не большевики, но у которых все - таки, по - видимому настроение было большевистское! Там работал Ной Рамишвили. Впоследствии он был меньшевиком, но поим впечатлениями натура была у него большевистская. Почему он стал потом меньшевиком - я удивлялся. Но он стал. Но в это время он проводил чисто большевистскую политику. И когда я приехал в Батум, я нашел, что все эти передовые рабочие, которых мы знали там, были поставлены вне партии, потому что они критиковали выпущенные им прокламации и говорили, что им это не подходит, что это не то, что нужно.

В чем именно они не сходились? (17)

Подробно я не помню, во всяком случае серьезных идейных разногласий не было. Вопрос шел, по - моему, о праве критики. Члены комитета, особенно из интеллигентов считали, что критика может привести к упадку престижа и влияния комитета. Поэтому стали принимать меры против критики комитета вообще. На этой почве произошло столкновение. В Комитете господствовали интеллигенты и получилось впечатление, что рабочие выступают против интеллигенции. По крайней мере в этом «грехе» обвиняли некоторых недовольных рабочих и их даже нашли нужным исключить из организации. Но рабочие, члены партии, выступили против исключения. На этой почве произошел раскол. Когда я приехал в Батум, ряд передовых рабочих были отстранены от организации. И Первое, что мне пришлось сделать, - это заняться их восстановлением в организации. Чтобы успешно провести свой план, я нашел нужным вызвать члена областного комитета из Тбилиси. Прислали товарища Александра Цулукидзе. (18)

Вы его вызвали?

Я его вызвал, или почему я вызвал кого - нибудь из центра. Я написал в Центр, чтобы прислали кого - нибудь и вопрос разобрали, потому что я хочу этих рабочих принять обратно в организацию. Приехал Цулукидзе. Я его мало знал до тех пор, и оказался он очень хороший и толковый. Я знал его только как сотрудника в журнале «Квали». Писал он хорошие статьи, так что мы знали друг друга, только как сотрудника. Он сам жил вблизи от Кутаиси, был чахоточный. Его прислали туда в Батум. Он приехал. Поговорили мы с этими рабочими. Я ему сказал, что этих рабочих надо обратно принять в партию, потому что я вижу, что они самые толковые, наиболее способные, и притом более образованные; я имею сведения о них от Чхеидзе, который знал их как участников вечерних школ, где преподавал вместе с другими и Николай Чхеидзе. Рабочие, которые воспитывались в вечерних школах были более развиты, чем остальные. Если их отстранять, так кого же оставить? Поэтому я и настаивал на их принятии. Мы и приняли их обратно в организации. Они удовлетворили, успокоились и принялись за работу, и это усилило и обновило рабочую Батумскую организацию. Батумская организация была в это время довольно солидная. Членские взносы они собирали - чуть ли не по несколько сот рублей каждый месяц! - чем можно было содержать организацию, и оставалась еще довольно крупная сумма в запасе. Так что, и в смысле денежном были совершенно обеспечены и не имели никакой нужды собирать с либерально публики, как это делали все. На отчисления от заработка членов поддерживали все организации. Я даже помню, (20)⁷¹ что я дал несколько сот рублей Центральному Комитету, когда их Председатель приехал туда в 904 году.

Кроме Рамишвили, какие были наивиднейшие руководители движения в Батуме в то время?

Рамишвили, Хомерики Ной и Вениамин Чхиквишвили. Они все потом работали в Тбилиси. После Батума, где им нельзя было оставаться, все приехали в Тбилиси, и я приехал в Батум. Обменялись местами.

Так. Теперь скажите об этих конфликтах, которые Вы отметили, между Рамишвили и рабочими в то время.

Видите ли, Ной Рамишвили в то время еще был настроения большевистского.

⁷¹ Страница 19 состояла из рукописи вставки предложения о бегстве Рамишвили, предназначенной для включения в текст страницы 18., что и было нами сделано. Изд.

Да, да. Но Вы употребили это слово - «Большевик», - так, вот я хотел бы знать, когда эти конфликты возникали по поводу авторитета Комитета и так далее, уже определились в то время такие конфликты, как между большевиками ...

Видите ли, тогда еще ничего определенного не было. Но комитет сам, подчинялись общему решению Съезда, работал по - большевистски и хотел поставить всю работу по большевистски в Батумском Комитете. Я очень хорошо помню, что когда этот Рамишвили арестовали в Тбилиси, выслали в Ростов. И он из Ростова мне написал, что единственно правильная - это меньшевистская партия. Он там в Ростове познакомился обстоятельно с обеими течениями и отсюда написал нам в Батум, что вот здесь я познакомился с большевистскими и меньшевистскими течениями и нахожу, что меньшевистское течение наиболее правильно.

Когда послал он Вам это письмо?

«Здесь не хватает» [текста] ⁷²

А Вы, когда приехали в Батум, уже Вы тогда считали себя меньшевиком?

Нет, еще не считал. Я уже говорил Вам, что я там, в этом же году я встречался с выходцами из России. Встречался с одним членом «Южного рабочего Комитета», и когда с ним побеседовал, он сказал мне: «Вы настоящий меньшевик». Я ответил ему, что я еще ничего о «меньшевиках» не знаю. Только в конце этого 904 года мы получили брошюры и издания обеих направлений, и уже тогда понял, что меньшевизм является наиболее правильным и принял его. Тогда вот и получили письмо от Рамишвили, что он тоже стал на меньшевистскую точку зрения. А Чхиквишвили, Хомерики и другие - уже после приезда Жордании. Когда Ной Жордания мы ними поговорил в Тбилиси и познакомил с течениями в партии, они тоже на меньшевистскую точку зрения.

Теперь расскажите что -нибудь по поводу тех, которые летом и осенью 904 стали большевиками.

Трудно рассказать что -нибудь о них.

Во первых - кто в это время самоопределился?

Видите ли, люди эти очень невидимы. Мало видны были вообще и впоследствии. Один армянин был, пропагандист, а другой (22) был из Батума. Два человека, собственно говоря: Этого одного армянина - его фамилию я не помню сейчас, а другой был ...

А из грузинов (!) никто не стал большевиком в Батуме?

Из грузинов? Как - же! Был один, брат первой жены нашего Чхеидзе Николая, - Григорий Согорашвили.

Во всяком случае, только очень маленькая кучка людей стала большевистской.

Видите ли, Согорашвили стал тогда большевиком. Но в последствии он тоже перешел к меньшевикам. Это уже через несколько лет. А в это время он стал большевиком, а из - за этого я и он, значит, разошлись. Когда началась это борьба, я уверенно стал на точку зрения меньшевиком, а он защищал тогда большевистскую точку зрения. И чтобы разобрать спор между нами, два интеллигента сидели в Комитете. Мне не вспомнить его фамилии, прямо это безобразие! Я все фамилии забыл! Одним словом, целые годы жили вместе! И как же нам с этим разобратся? Тогда он предложил ...

Этот большевик предложил? Где?

Да, этот большевик, Согорашвили мне предложил пригласить Николая, Карло Чхеидзе - его зятя, для разбора наших разногласий. Я говорю, что я согласен. А Карл Чхеидзе пришел к нам на собрание Комитета и Согорашвили говорит ему, что вот такое дело ... так и так! Вот рабочие хотят. Чтобы они выбирали Комитет. А мы предлагаем, чтобы мы сами составляли Комитет и учили этих рабочих.

Это кто - «Мы»?

Большевики! Он сообщил со своей стороны свою точку зрения, а я сообщил (23) со своей стороны - мою. Мы оба сделали доклады. Карл Чхеидзе развел руками и говорит, что «если рабочие хотят свою партию взять в свои руки - этому надо радоваться, господа! Я этого ждал всю свою жизнь, я об этом только и мечтал! Если это верно, господа, это есть наше спасение: это же прочная основа для устройства социал - демократической партии, ничто и никто нас больше не поколеблет! Мы уже на крепкой основе стоим!»

Согорашвили был разочарован. Эти слова Чхеидзе решили судьбу этой организации, потому что все передовые рабочие были знакомы с Чхеидзе, и когда это стало известным рабочим, и они все пошли единогласно за меньшевиками. Так что там оказались с большевиками двое или трое функционера рабочих и два интеллигента - один армянин и один грузин.

Это был Карло Чхеидзе?

Это и есть Николай Семенович Чхеидзе, а звали его в Батуме «Карло», потому что он был марксист, последователь Карла Маркса. Мы его звали часто «Карло Чхеидзе», так и осталось за ним это имя.

⁷² На груз. яз. Запись в подлиннике. Изд.

Было ли это впервые, что он сам, Чхеидзе узнал...

О наших разногласиях? Нет. Но мы его пригласили в качестве арбитра, как хорошего марксиста и знатока дела. Решили - «*пусть он скажет, кто прав*». Он нелегально не работал в то время, а работал легально, служил в больницу городской.

В Батуме?

Да, в Батуме. Мы ходили к нему, совещались с ним очень часто и он был в курсе наших дел. Но в организацию он не вступал. Ни он, ни Исидор Рамишвили, который был преподавателем в Батуме.

Это вторая сторона третьей ленты воспоминаний господина Арсенидзе. Мы только - что стали обсуждать следующий (24) вопрос: Вы отметили, что некоторые из Ваших видных социал - демократов в Батуме, включая Николая Чхеидзе, и кто еще ее прямо участвовали в движении?

Да, да, это те, которые раньше учили рабочих в вечерней школе, и все их знали там, как марксистов. И поэтому за ними полиция следила очень строго. И [именно поэтому] мы их не могли взять на нелегальную работу, в кружки, в рабочую среду, потому что их бы моментально арестовали. А один был преподаватель, и на учеников пользовался большим влиянием и очень много помогал организации. К нему мы приходили в школу. А другой, Николай Семенович Чхеидзе - он был заведующий больнице. Когда к нам приезжал кто -нибудь из России или из других стран, мы направляли их в эту больницу - это легко было. В больницу приходили всякие люди, так что для него нетрудно было и неопасно их приютить. Мы совещались там [в больнице] со всеми приезжими.

Кто был еще в таком положении?

Исидор Рамишвили. Он был там преподавателем, в Государственной школе. Он преподавал не в казенной школе, а в грузинской школе, устроенной частным «*Обществом распространения грамотности среди грузин*». В этой школе он был преподавателем в Батуме, исключительно на грузинском языке преподавали там все, это была частная школа.

Был ли он родственник Ноя Рамишвили?

Да, близкий родственник, из одного и того - же села, чуть ли не дядюшка его.

Теперь скажите: такие люди, как скажем Чхеидзе, эти моменты, как видно из Вашего рассказа, что он себя еще не определили?

Кто? Чхеидзе? Он очень определенный был, очень! (25) Но видите ли, об был в Батуме и работал там. Он был там гласным, прошел ...

Нет, нет. Я говорю по поводу большевиков и меньшевиков.

Вот первый раз мы встретились по этому вопросу, как я Вам и рассказывал, и тогда мы высказались - и сошлись во всем.

Когда? Но он уже до того ...

Мы нелегальную литературу читали, ее мы в больнице [Николая Чхеидзе] получали под видом больничных лекарств. Он [Николай Чхеидзе] сам читал и потом на передавал всё. Но мы не обсуждали с ним этих вопросов, не обсуждали.

Но он уже сам становился ...

Он знал всё. Вот поэтому мы и совещались с ним! Тогда, собственно говоря, он высказывался откровенно по этому вопросу. А в другие времена, мы с ним обсуждали другие вопросы насчет рабочего движения, вообще о Марксизме и так дальше. Но этих вопросов о большевизме мы еще не ставили, потому что мы сами не были осведомлены в этих вопросах.

Но он уже был осведомлен?

Он также был осведомлен, как и мы. Он получал литературу, читал, а от него мы ее получали и также читали, так что определить почти все одновременно. Мы с ним не разговаривали об этих вопросах, кроме этого случая, когда мы уже устраивали дискуссию, когда мы пришли к вопросу о расколе.

Тогда, если я могу суммировать, после того, как Вы мне рассказывали по этому вопросу - это то, что осенью и зимой этого 904 года, когда Вы получали эту литературу, и особенно, впервые прочли Ленина «Что делать», - Вы себя сами определили как меньшевики по одному важному принципу - это принцип выборов? (26)

Да, принцип выборов, и другой принцип еще - что рабочие должны составлять свою рабочую партию; и интеллигенты должны связаться с рабочим классом. Видите ли, у Ленина есть положение, что «*Настоящий социал - демократ - это бланкист, связанный с рабочим классом*». То положение, которое возмужало рабочих, а они говорили наоборот и некоторые даже стояли за то, партия должна составляться из рабочих, а интеллигенты должны быть только приглашаемы для осведомления и обучения, потому что они больше читают, много знают, значит, должны им сказать то, что во всех этих книгах они читали.

Вот так ставили вопрос совершенно обратно. Вот поэтому первое впечатление у рабочих об этой брошюре Ленина было отрицательное.

Вы помните, сейчас, какую меньшевистскую литературу Вы получали в тот момент?
Не помню, но помню названия...

Вы получили брошюру Мартова «Осадное положение в партии»?
Получили. Читали это «Осадное положение в партии». И потом мы получили еще одну брошюру

...

Троцкого ?

Нет, автор не был обозначен, «Социал - демократия и Рабочий класс», вроде вот такое название. В них излагались меньшевистские взгляды.

Вы получали номера «Искры» в то время?

«Искру» мы стали получать, но наши точки разделились, потому что раньше «Искру» с начала 902 года перепечатывали в Баку, сюда поступали связанные наборы - гранки - и перепечатывали их в (27) Баку и оттуда рассылали по всей России, оттуда присылали и к нам тоже. Так что «Искру» нам было легко получить, только с опозданием, потому что пока клише получались, да клише набранной газеты здесь отпечатывают, проходило не мало времени. «Искра» печаталась и за границей, и в Баку.

Так, кто в Баку занимался этим делом?

В Баку занимался этим сначала, я говорю уже, этот редактор грузинской «Борьбы» - Ладос Кецохели. А после него печатали еще в Баку Красин и Энукидзе. Энукидзе написал всю эту историю впоследствии, но Сталин заставил его все это переделать.

Да, да, но теперь ...

Энукидзе писал по - грузински, я читал это в грузинских его мемуарах, а потом Сталин заставил его это переменить, заставил написать, что всем руководил он, Сталин. На самом деле ничего подобного не имело место! В эти годы Сталин был в Батуме и никак не мог в Баку руководить [изданием «Искры»].

Я сейчас не помню, Сталин был в Батуме в 904 году?

Был. Как раз после того, как я приехал туда прямо из ссылки. Приехав в Батум он пришел в Комитет сначала. Я уже рассказывал про одну прокламацию, которую он не одобрил, потому что она была в мягких формах написана по просьбе мингрельских береговых рабочих, которые хотели распространить их в своих деревнях еще мало охваченных движением где у нас тогда еще не было никаких связей ...

Да, это по поводу аграрной реформы?

Да, вот он тогда спорил со мной и ушел. И он решил (28) значит, что с этим комитетом ничего нельзя сделать. И устроил собрание с теми рабочими, с которыми он работал в 902 году. Это были наши передовые рабочие, которых мы только что примирили с партией. Он пошел на одно большое собрание с ними постарался провести их против Комитета, конечно немедленно поговорил с ними, но его замысел провалился. Устраивал и устанавливал с ними, что вот мы тут будем работать много лучше и так далее, как тогда революционеры. Эти рабочие устроили ему хороший ужин и сказали, что ему лучше не оставаться в Батуме, что его взглядов они не разделяют и ему лучше уходить оттуда. Они ему откровенно сказали: «Мы Вас очень любим, потому что Вы очень много работали с нами, очень много помогли нам в смысле развития. Но Ваша сегодняшняя полтика, как таковая, нам не нравится». И он принужден был оставить их и уехал обратно в Тбилиси. А потом сами эти опбочие пришли ко мне и все это рассказали. Говорят, «Он от вас пришел к нам, мы его очень хорошо угостили». Нас было за ужином было чуть ли не 20-25 человек. Банкет целый устроили. И мирно и спокойно предложили ему уехать из Батума, потому что в Батуме никакой почвы для его работы не будет, что мы его поддерживать не будем.

Какое сопротивление во взглядах у них было [тогда со Сталиным] ?

Он уже был настоящий большевик, этот Сталин.

А на каких пунктах он настаивал?

Не знаю. На каких пунктах - не знаю. Не знаю, что он излагал и защищал позиции Ленина - от начала до конца. Рабочие мне передали: «То, что писал Ленин, он повторял все это нам». - А Вам известно, а вы знаете наше отношение к позиции Ленина ? Мы это и сказали ему. Подобных разговоров не имел, потому что я уже знал все эти вещи, так что (29) распространять их было совершенно излишне. Но они пришли ко мне, чтобы заявить, что вот было так и так и что они устроили так, что Сталин больше сюда не приедет. И действительно, он больше не приезжал в Батум.

Это было тогда по организационному вопросу?

Может быть и организационный вопрос, и идейный вопрос, потому что тогда уже среди рабочих известно было, что спор идет об избирательном начале и о тактике. Тактика меньшевистская уже была принята, против Ленинской тактики и вооруженного восстания и подготовки и нему, к этому восстанию. Рабочие находили, что хотят повторить то, что было в 902 году. Нет, - говорят - мы это повторять не будем. И вот именно из - за этого, что в 902 году устроили в шествии эту бойню рабочих и 14 человек погибло., что многие были арестованы и сосланы и так далее.

Мы сказали, что такой политики не одобряем. Нам это не нужно, нам это не требуется для пропаганды. Для чего мы эту кровь проливали? Это была Ваша вина ! И в таком же духе писали об этих событиях 902 года и некоторые из этих рабочих в своих воспоминаниях в 35 году.

Да, точно в таком же духе. Как мне передавали тогда. Я могу эти воспоминания, когда я приду домой, Вам дать для перевода на русский язык, и Вы увидите, что они. рядовые рабочие, сопротивлялись этому пугчу, который устроили Сталин в 902 году, но их усилия остались тщетными.

Да. А скажите, какие, кроме организационного вопроса, и какая концепция была в это время? Значит, до 9-го января по поводу тактики социал - демократии, особенно - что это значит - меньшевистская тактика?

Трудно сказать. До этого времени - было ли определенное (30) что -нибудь? Трудно сказать! Собственно говоря, меньшевистскую идею тогда в полной форме привез Ной Жордания когда он приехал, уже в 905 году. И потому, до этого мы просто чувствовали себя, то вот - мы читали Манифест Маркса, читали там того - другого, мы так и рассказывали в рабочих кружках. Но большевики тогда делили экономическую борьбу и политическую борьбу. Экономическую борьбу они признавали профессиональной борьбой рабочих и второстепенной, значит. А политическую борьбу признавали настоящей классовой борьбой. На этой [нрзб] в 902 году у меня были столкновения с одним из представителей Центрального Комитета, который приехал к нам в Батум. Я ему денег дал и хорошо угостил, и все. А потом, когда он стал заявлять. что «у Вас, оказывается тут смешались разные вещи, и политическая и экономическая борьба и это классовая борьба, это чисто политическая борьба». Мы возразили, - «Что вы говорите господин (фамилии его я не знал, он был кажется, под псевдонимом или как - я не спрашивал фамилии его), я ему говорю, - как же так, в коммунистическом Манифесте ясно написано, что всякая экономическая борьба рабочих, - это есть классовая борьба. Как же это не классовая? И почему только политическая борьба является классовой? Это не связанные между собой совершенно!» И меня поддержал один из этих приезжих больных и говорит: «Товарищ, вы рассуждаете как настоящий меньшевик!» Но я еще тогда не был меньшевиком. Во всяком случае определившимся меньшевиком я себя еще не считал!

Вы помните его фамилию? Кто это был?

Не помню фамилий, ни того, ни другого.

Хорошо. Теперь Вы мне рассказали, что в это время очень (31) усилилось аграрное движение. И что Вы в этот момент, когда Вы работали в Батуме, всегда участвовали в этом деле?

Всегда участвовал!

Расскажите по поводу этого аграрного движения 904 года, и что Вы сделали в этом движении?

В 904 году, собственно говоря, мы руководили только гурийскими рабочими и касьянским (!), а в Кутаисской губернии и уезда руководил Батумский Комитет. А Гурийский - Озургетский уезд руководил Батумский комитет. К этому времени в Батуме - в Гурии произошли большие аресты и вообще в партии и весь состав Комитет были арестованы. Так что мы в Батумском комитете организовали Комиссию по работе в деревнях для Гурийского района, пока там будет создан Гурийский Комитет окончательно. Я руководил этими пропагандистами и посылал их туда, давал им указания что и как делать, как программу нашу приспособлять к крестьянскому движению. Однажды даже сам поехал туда, - меня переодели в крестьянскую одежду и я поехал. В это время в Гурии уже устраивали огромные митинги. Присутствовали несколько сот, иногда несколько тысяч человек, почти целые общества собирались со всех концов [края]. Мы устраивали собрания ночью, а к утру расходились, и полиция почти не выходила.

В деревне?

В деревне - да. Полиция почти не вмешивалась.

О чем Вы разговаривали на митингах?

Мы развивали всю нашу программу - минимум.

Что это значит?

Программа - минимум социал - демократической партии ... это значит, что нужно свергнуть самодержавие, установить демократию. (32) У нас тогда политическая работа шла вобще. А экономическая борьба была почти завершена в том смысле, что землю они не получили, но арендную плату довели до одной - четвертой, до одной - восьмой годового дохода с земли. Я сказал крестьянам, что лучше аренду перевести на денежные расчеты, которые вообще удобнее, чтобы не было никаких споров, не было никаких разногласий при разделе сбора с земли. И крестьяне с этим согласились Так что мы просто устраивали политические митинги, совершенно такие - же, как в городах, и были у нас очень хорошие пропагандисты, например один, по фамилии Чихладзе, был очень хороший, действительно оратор очень большой, не хуже даже Ираклия Церетели, как оратор... Ну в смысле знаний нет - он был из рабочих и учился раньше в сельскохозяйственной школе в Кутаиси, и то он не кончил, - он был исключен. Но он вел пропаганду среди крестьян отлично. Он работал на заводе, я снял это с этой работы на заводе и отправил в деревню, - сказал, «поезжайте и посмотрите. Вы не можете с рабочими говорить» (ведь рабочие были развиты не меньше, чем он). И, собственно говоря, делал так, что он там уже не мог стать выше этих рабочих. А когда он приехал в деревню, он, как блестящий оратор, получал огромные аплодисменты.

Вернувшись оттуда он говорил мне: «Я больше в городе работать не буду, меня отправляйте исключительно в деревню».

Я говорю - «Хорошо. Понятно, мы Вам дадим жалование».

У него была жена и дети - мы его семью обеспечивали всем. У него была квартира и все имелось, но он говорил - Я поеду туда! Он ездил туда, объехал весь уезд, и в Гурии его полюбили без конца. И он был сердитый, между прочим - если его кто-нибудь не слушал хорошо, он кричал на них: «Для чего Вы пришли? Не разговаривать! Должны слушать!» (33) и вот, когда приходили из Гурии наши организаторы и спрашивали [то есть требовали] оратора, то всегда просили: «Пустите того сердитого! Он никогда на нас кричит, но мы его все любим! Он говорил великолепно и говорит прекрасно, говорит очень красиво». Так что пришлось его отпускать для Гурийского уезда.

Но для агитации в деревне перед Вами стоял этот вопрос - отсутствие настоящей аграрной программы?

Видите ли, аграрной программы, в сущности у нас не было. У нас была муниципализация, то есть передача дворянских земель в муниципалитеты. Ну да, программа была еще вот эти «отрезки». Да, так об этом мы им говорили: мы вели борьбу за смягчение условий и уменьшение условий [нрзб] и уменьшение арендной платы. Это было самое главное. Но, вместе с тем пропагандировали о том, что в конце концов вся земля должна перейти к крестьянам - трудящимся! «Земля - Трудящимся», вот лозунг был такой. «Вся земля должна принадлежать в конце концов тем, кто ее обрабатывает».

А кто взялся за определение таких лозунгов?

Комитет.

Ваш комитет?

Наш комитет.

По этому поводу у Вас были разговоры, споры?

В 904 году не было споров. Споры были когда мы начали работу в 902 году в Батуме: спорили о том, можно ли подымать крестьян на революционную борьбу или нет? Это было в 902 году, но об этом я вам сказал уже. Этот спор тогда легко разрешился в пользу крестьян, потому что они сами старались вступить в борьбу за землю и аренду. А в 904 году движение пошло по всем уездам, так что крестьянское движение разлилось по всей Грузии. (34)

А что касается программы? Это было уже определено?

Мы же приспособились к тому, - что требовали крестьяне. Но они уже хотели знать и [нашу] политическую программу. Потому что они видели, что нужно изменить и политический строй. И всё, чтобы разрешать все вопросы. Мы им рассказывали об этом. Уже было можно [нрзб] программы - Суд должен быть на родном языке, иначе, когда Вы приходите, то все там переводят и Бог знает, что там переводят, - иногда очень плохо, потом переводят то, что судья говорит... и вы ничего не понимаете, получается ерунда полная. Значит, нужно, чтобы вообще все суды велись бы на грузинском, и чтобы вообще все в администрации судов говорили по - грузински, чтобы легко было - бы с ними общаться. Почему здесь должен сидеть чиновник, ни слова не понимающий по - грузински? Какое может быть общение с ним?

Вот все эти конкретные вопросы мы ставили потом программой это было отмечено, что надо суд на родном языке и так дальше. Это в программе было. Так мы постепенно разъясняли. Мы не выходили из пределов программы. Мы частную собственность не отвергали, поскольку было признано программой, что в случае, если муниципализация не пройдет, то нужно все эти земли передать в собственность крестьянам. Так мы и решили, что для этих крестьян нужно увеличение своего маленького участка за счет тех, кто владел большими участками, но не может обрабатывать их сами. У нас на душу населения не приходилось даже одного гектара пахотной земли. Пятьдесят восемь сотых, пятьдесят сотых, даже полгектара в некоторых районах, - но выше гектара не было нигде! Это такой клочок земли, никак не может удовлетворить крестьян. Жили большею частью на арендованных землях. Шестьдесят четыре процента крестьяне (35) не имели инвентаря, или не имели рабочей скотины, быков лил буйволов, или лошадей, чтобы обрабатывать - пахать землю, они должны были арендовать землю у других. Вот видите, все это была беднота. Это были почти полупролетарии. Я Вам говорил вчера, что наши крестьяне были полупролетарии.

Теперь, если бы Вы могли мне описывать в деталях, как было в то время, это значит до революции 905 года, до 9 -го января, как было организовано социал - демократическая организация в Гурии? И в деревне, и в городе.

В городе было очень просто: рабочие ячейки, районы. Город разделялся на несколько районов - в больших городах. В Тбилиси и Батуме тоже. В некоторых городках и местечках не нужно было делить на районы ... Каждая ячейка выбирала своего представителя. Эти представители выбирали комитет. В некоторых городах, напр. в Тбилиси - ячейки выбирали районный Комитет, районы выбирали потом обще - Городской Комитет. А интеллигентов, я сказал уже, приглашали, кооптировали интеллигентов - пропагандистов. Одного или двух кооптировали в комитет. А остальные составляли группу пропагандистов. Те, которые сидели в Комитете, должны были руководить или по решению Комитета, давать определенные указания посылать их по разным районам, ячейкам и так далее.

Минуточку, остановимся еще немножко в городе: в ячейках - тут участвовали интеллигенты?

Могли участвовать. Мы были в од(36)ной ячейке тоже. Я лично состоял в ячейке в Тбилиси, но не всегда: это не было обязательно для пропагандиста, потому что они жили в городе большей частью, а рабочие кварталы были вокруг города. Если мы, пропагандисты жили близко, входили в какую - нибудь ячейку. Но те, которые не жили в городе, они ни в какую ячейку не входили. И один пропагандист отдельной ячейки не составлял, и они даже не выбирали своих представителей и не посылали в Комитет от имени пропагандистов. Это была пропагандистская группа, организованная комитетом. Так что группа пропагандистов считалась просто, так сказать, подсобной организацией Комитету. А в комитет брали интеллигентов по кооптации, одного или двух, которые потом должны были всей этой группой руководить и давать ей определенные указания, рассылать их по районам.

Ячейки тогда выбирали состав районных организаций?

Да, да, выбирали районный Комитет.

Районный Комитет выбирал?

Районный Комитет выбирал своих представителей, которые составляли Комитет Общегородской.

Ну тогда скажите, Вы помните эти конфликты между Рамшвили и этих передовых рабочих? Как в организационной форме могло это случиться?

Видите ли, легко могло это случиться. Тогда в 902 году (и в третьем году), когда еще меньшевистские организации не были оформлены. В Батуме они, все - таки Комитет имел огромную силу и влияние. И так как они настаивали на своем, то это произвело тяжелое впечатление на всех рабочих. Они объявили (37) их вне организации от имени Комитета, не иначе! В Комитете тоже были некоторые рабочие, но очевидно, они их тоже.

Но это же значит, что город свой Комитет тогда просто так разложил?

Этот Комитет тогда был по настроению меньшевистский!

Это я понимаю. Но я хочу выяснить организационном отношении - это значит, что Городской Партийный комитет разложил эти ячейки, или что?

Нет, не могло этого быть. Но, вероятнее всего, что по ячейкам этого вопроса не разбирали, потому что они сами были по - большевистски настроены. А Комитет постановил, - ну и баста! И потому там было такое недовольство среди всех рабочих. Некоторые даже отошли от организации и больше не хотели возвращаться.

А, скажите, когда, скажем, были аресты, Когда люди были арестованы? Вообще, ну, скажем, в Городском Комитете, или в Районном Комитете? Тогда люди не были кооптированы?

Дело было вот так: Если из Района выбывали люди, то вместо них выбирались другие. Но Городские комитеты могли кооптировать! Потому что Комитеты проводили кооптации, иногда случалось, что если арестовали некоторых, то, пока произведут выборы и так дальше, так уже кооптируют кого - нибудь. Или же кооптировали много людей, больше, чем были выборы. Так что кооптировать иногда могли быть большинство, и когда очутиться...

Из - за этого получились иногда трудности?

Да, кроме того, все - таки интеллигентные люди имели больше влияния в Комитетах, чем другие, несмотря на свое количество. Ведь почти всю работу всегда вели они. И влияние. Поэтому было большое. И те рабочие, которые были выбирали с ними, попадали в Комитет, и легко поддавались их общему влиянию; (38) Это по - человечески легко понять. И, собственно дело было в том, что их исключил Комитет. Комитет постановил их исключение! А они рассердились и ушли, и повели свою пропаганду среди рабочих и создали огромное движение среди рабочих. Но бунта не было еще, но вместо этого, они перенесли вопрос в Областной Комитет. Вот я и поехал туда, и вызвал из Областного Комитета представителя сразу-же, чтобы уладить эту неурядицу. Потому что нашел, что эти рабочие ни в чем не виновны. То, что критика и критики - это правда - мне показали все эти двенадцать прокламаций, которые они раскритиковали. Им же было сказано, что двенадцать прокламаций - есть все, и вот только эти двенадцать прокламаций и ничего другого рабочим не надо говорить. Оппозиционные рабочие возражали, что прокламации не обо всем говорят и много недостатков в них! Следовательно, они должны говорить кое - что и другое. Вот, на этой почве у них это все и произошло! И они раскритиковали все эти прокламации, что вот того -то и того-то в них не хватает.

Хорошо, Теперь перейдем ... Да, еще вопрос: в то время, значит, до января 905 года, Вы можете мне ответить, кто был, и какие были члены Городского Комитета в Батуми?

Потом в этом году типография провалилась. И Комитет был бы арестован, если бы они не уехали оттуда. Так что они все переехали в Тбилиси.

А, скажем, в январе 905 года?

Они были в Тбилиси. (39)

А кто был в Батуме?

В Батуме был я уже ...

А кто еще?

Вот этот, из большевиков, его фамилия Согорашвили. Он был брат первой жены Чхеидзе. У него был небольшой дом, небольшое имение было в Батуме. Жил он у себя и занимался все время революционной работой. Он был человек очень хороший! Но когда в партии произошло разделение, он стал на сторону большевиков.

Почему?

А Бог его знает! Ему это понравилось больше - большевистское течение. Вот одно характерное явление: из пропагандистов две трети стали большевики и их пришлось устранять. В других местах было то - же самое. Я их лишил содержания и они выехали из Батума. Потому что мы узнали, что они становятся большевиками. Среди пропагандистов было больше большевиков, а среди рабочих их почти не было. Их было меньше по количеству, чем у пропагандистов.

Эти пропагандисты были, конечно, в большинстве своем интеллигенты?

Все были интеллигенты! А которые были из рабочих - пропагандисты, то они все стали меньшевиками.

А как бы Вы объяснили настроения этих пропагандистов? Вы, наверное этот вопрос обсуждали и раньше?

Они были того же мнения, как и Сталин, в этой брошюре (40) «Аркомеди⁷³». Именно, что они обучают их; Они должны их учить, а не обязаны слушаться. Как в школе ученики должны слушаться своих преподавателей. Но такое отношение, перенесенное из школы в программу рабочего движения давало совершенно обратные результаты. Пропагандисты, в огромном большинстве стояли на этой точке зрения. Не только у нас, но и в других городах.

Скажите, эти пропагандисты по профессии - что они делали?

Занимались пропагандой и больше ничем. И получали [за пропаганду] содержание от организации.

А кто они были по происхождению? По образованию?

Интеллигенты! Рода - из дворян, и из крестьян - всякого рода, это было безразлично.

Но они были люди с образованием?

Да, это были люди, окончившие среднюю или высшую школу. Были с университетским образованием, многие были исключенные из разных университетов, или из гимназий, или из семинарий, из - за беспорядков.

Вы можете мне рассказать о ком - нибудь из этих пропагандистов, которого Вы хорошо знали?

Лучше всех я знаю Сталина. Он тоже был из семинарии, из четвертого класса исключенный, как раз по поводу беспорядков. Самый яркий представитель выходит это он. А других видных не было таких, большевиков. Большинство этих пропагандистов были не такие крупные, чтобы можно было особенно выделить, кроме, пожалуй одного - двух. Вот о Джапаридзе я Вам вчера рассказывал, это в Баку - в Кутаиси, это Прокопий Джапаридзе. Он тоже стал большевиком. И в Кутаиси, значит, (41) тоже большинство стало большевиками. И в Батуме, и в Чиатурах, я помню.

Этот Джапаридзе, кто он был по происхождению?

Это - один из 26 комиссаров, расстрелянных в Баку, об этом Вы слышали.

Да, но я не знаю его прошлое.

Прошлое его? Он был в Кутаиси и работал там, я знал его хорошо.

Ну, расскажите о нем. Кто он, какое у него образование и так далее.

Был кутаисский, небольшой, средний, интеллигент, работал. Я его встретил и познакомился с ним в Кутаиси.

Какое было его семейное положение?

Джапаридзе был из дворян. Джанапаридзе - все дворяне. Некогда они были князья, но потом дворяне большинство из них. Дворянского происхождения, кончил среднюю школу. В высшей школе он не был, не имел высшего образования.

«Средняя школа» - это значит - что?

«Средняя школа» - это гимназия или реальное училище. Я с ним ознакомился в Кутаиси, он был женат, имел детей, работал тоже, и жена была революционерка тоже, и они работали вместе, руководил он крестьянским движением по кутаисскому уезду (!) А когда был замечен властью и оставаться [в Кутаиси] оставалось невозможным, он поехал в Баку. Там он уже руководил большевистской секцией, и во время революции уже был во главе Совета Рабочих Депутатов как Председатель. Я его тоже встретил там случайно. Мы с ним были в очень хороших отношениях. Но мы никогда людей не спрашивали о их биографиях, это не было принято, признавалось нехорошим тоном, не конспиративным. (42)

Да, я понимаю.

⁷³ С. Т. Аркомед (Георгия Артемьевич Караджян).

По определенным конспиративным соображениям мы об этом не спрашивали. И потому можно очень мало сказать о биографии, если они впоследствии не были собраны. Вот некоторые впоследствии собраны материалы о своих знакомых. .

А Энукидзе, скажем, кто он был по происхождению?

Энукидзе все время был в Петербурге. От там занимался бухгалтерией. Бухгалтерия была его профессия, и он там работал. Я летом встречал его несколько раз в Петербурге. В Грузии он работал мало сравнительно. И потом был секретарем у Ленина, а потом Сталин его расстрелял.

Да, я знаю это!

Вы знаете это! Вот все, что я знаю про него. Я знаю, что он был из Западной Грузии.

А скажите, этот Джапаридзе, который стал большевиком, от был родственник Арчила Джапаридзе?

Нет.

Следующий вопрос, который я бы хотел Вам поставить, это - как была организована в деревне, особенно в Гурии, где существовало сильное аграрное движение, - как было организована социал-демократическая организация? Это значит до января 1905 года?

Прежде всего я должен отметить, что работа в деревнях велась в первую очередь при помощи тер рабочих, которые были высланы из городов за активное участие в забастовках, главным образом из Батума. Значит первую связь для деревень служили они. И вокруг них организовывались ячейки, небольшие группы людей, которые помогали нашим пропагандистам вести определенную работу в деревне - собирать, организовывать собрания, приглашать во время пропагандистов и так дальше. Это было начало. Это было еще в 902 году, а также оно продолжалось впоследствии. Движение это началось в Гурии. Но оно потом распространилось на другие уезды, это уже в 903 году и в 904 году. И везде начиналось именно так, почти одинаковым способом.

Я хочу Вам поставить следующий вопрос: Это я читал в литературе, что рабочие, когда они были высланы из Тифлиса уже в 900 году, и на Баку в 901 году, они уже организовали деревни. Я бы хотел узнать во - первых: когда эти рабочие были высланы? Взяли ли они с собой уже инструкции, партийной организации города, чтобы организовать эти ячейки?

Никаких инструкций обыкновенно они не брали, потому что в это время, когда их выслали, мы еще не знали будет ли в деревне такая почва, которую они могли бы использовать. Но когда оказалось, что такая почва имеется, они сами эту первую инициативу взяли на себя и сообщили нам в городе, что начинается движение Следовательно надо было им оказывать большое содействие. И, может быть, в некоторых местах, некоторым Комитетам давались такие указания. - Пощупайте почву! Это было возможно. Но все решения Комитетов - я не помню. Что было постановлено определенно - отправить ли их туда ? устроить там так-то и так-то. Так что предварительного плана для деревни едва ли составляли, едва ли существовал таковой. У меня, по крайней мере, таких сведений нет. И поскольку я участвовал в этом деле, я тоже не давал таких предварительных указаний. Но потом, мало по- малу, крестьянское движение, не сразу, но поставлено всю деревню. Сначала устраивались (44) кружки, куда входили более молодые крестьяне или же такие, которые прошли уже сельскую школу, научили грамоту,. Потом через их посредство организовывали всю деревню: и настоящие организации уже создавались после того, когда движение охватывало целую деревню, и даже почти целые уезды. Вот тогда мы приступили к более солидной организации деревни.

Партийные организации были очень маленькие; состояли они из этих высланных городских рабочих и некоторых местных жителей, которые к нам присоединились. Это бывали небольшие группировки. Но вокруг этой группировки организовалось все движение. Тогда оно переставало быть просто стихийным, так сказать самопроизводным (?) движением. И для этого мы создали определенную организацию вокруг социал - демократической группы: Это были простые крестьянские организации, и ни какой партийной программы не имели. А просто были созданы для того, чтобы это народное движение вошло в какую -нибудь колею. Крестьянские массы были организованы так: десять семейства создавали ячейку и выбирали сами себе десятого (!) конечно выбирали между ними более интеллигентного, более понимающего, заслуживающего большого уважения. Потом десять таких десятских выбирали из своей среды сотского (!), так сказать начальника первой сотни. Потом шла организация сотских по уездам, или же по сельским обществам, которые обыкновенно включали несколько деревень. Сельское общество включало три - четыре - пять деревень вместе. Это называлось сельским обществом. Это было административное деление тогдашнего времени. Таким образом, значит, организовались сельские общины. А из сельских (45) общин потом организовался весь уезд, таким же манером выбирался Уездный Комитет. Этот Уездный Комитет, в одних местах он был чисто крестьянским, в других в него входили и социал - демократы, и не социал - демократы. В некоторых они были чисто демократическими. Но на это мы мало обращали внимание, так как эти организации являлись не партийными, а просто демократическими организациями, целью которых было это движение ввести в определенное русло и дать ему более организованный характер, как народному движению, а не оставлять его на волю стихийным, так как на почве стихии могли возникнуть большие недоразумения. И поэтому, когда из города, - например из Батума или из Кутаиси - передавались сведения в Кутаисско - Имеретинский Комитет, или в Уездный Комитет давал какие -нибудь указания, - то он через этих светских, десятских представителей организованных обществ передавал все сведения по всей организации, по всем ячейкам, и все сведения доходили ко всем, - до последнего! - членам организации. Так что о всех распоряжениях Комитета знало уже все общество. На местах, конечно,

иногда обсуждали сами, иногда решали сами, иногда даже созывались конференции. В некоторых местах даже были постоянно совещания, обсуждавшие все эти вопросы.

Нет, но у меня вот встает вопрос - Вы сэрне отметили, что эти деревенские организации так и не считались партийными, а только демократическими. Теперь, наверно, это значило, что партия не считала себя ответственной, как и (46) деревенские организации не считали себя ответственными перед партией?

Да, демократические организации не считали себя ответственными перед партией. Но, видите ли, руководили ими фактически партийные организации.

Но я имею в виду то, что партийные организации не считали себя ответственным перед этими демократическими деревенскими организациями?

Формально конечно, нет, но фактически ...

В таких случаях я могу себе представить, что могли быть конфликты?

Не было конфликтов! Могли быть, но не было конфликтов! Потому что у нашей партии не было никакого конкурента. Если бы мы имели конкурентов если - бы другие партии также организовывали массы, то могли бы быть еще конфликты. Но все эти организации были исключительно под влиянием социал - демократии и наши партийные работники были - главным образом - первыми руководителями и инициаторами всего этого движения, несли полное руководство этого движения, и кроме того, все эти же партийные тоже обязательно входили в этих демократических организаций, они находились внутри и фактически они были этой организацией.

Были, как личности?

Да, как личности просто, потому что если жители деревни видели, что такой сознательный человек есть среди них, то и выбирали его десятным или сотским. Особенно вновьсозданные группы попадали под влияние этих наиболее сознательных элементов, наиболее активных, каковыми были члены нашей организации.

Это третья лента из воспоминаний Господина Арсенидзе. Сегодня 26 -го июля 1961 г. Это первая сторона третьей ленты.

Машинопись, чернило.
ЦИАГ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 21, Л.л. 1- 46.

**Четвертое интервью с Господином Арсенидзе.
(Вторая сторона этого интервью).**

Тот вопрос, который я Вам поставил, был такой: если эта концепция, эти методы, которые Вы употребляли для бойкота существующим судьям я административным формам, играли роль как концепция Революционного Самоуправления, которые были описаны [Павлом Борисовичем] Аксельродом другими меньшевиками, особенно в органе «Искра», то почему вы мне ответили, что - нет, и что эта концепция к Вам приходила стихийно! Я хотел добавить следующий вопрос: в то время получали ли Вы эти номера «Искры» - меньшевистской «Искры» в 905 году?

Что?

Коли Вы получили эти номера газеты «Искры» и читали ли Вы их в это время, или нет?

Не помню. Видите ли, если мы получали номера, то читали. После ли получили или раньше я этого никак не могу вспомнить. «Искру» - мы получали и читали, и это одно другому не мешало!

Меньшевистскую «Искру» Вы получали?

Меньшевистскую - да, получали. Но в сущности говоря, мы шли все-таки своим практическим путем. Практическим путем! Читали все эти «искровские» номера на собраниях интеллигенции больше всего - и среди пропагандистов, а поступали так, как тогда требовала наша жизнь. Я должен еще добавить к тому, что я сказал Вам относительно этих Народных Судов, именно, что они принимали иногда некоторые другие формы. Некоторые пропагандисты решили в некоторых местах, что все эти суды должны производиться всем народом вместе, что это более (2) демократично. И вот был целый ряд таких народных собраний, где обсуждали вопросы о мелких ворюшках или ворах, укравших какую-то курицу, и так дальше. И шли очень курьезные разговоры по этому поводу. На одном из таких собраний я присутствовал. Разбиралось самое грязное дело. Кто-то похитил девушку из Гурии и отдал ее в город, вы понимаете, в дом терпимости. А в последствии - это было в 905 году, когда свобода пришла, отец нашел свою дочь и привел ее домой. Дочь указала, кто ее продал, кто ее похитил. Оказалось, это был сын священника. Собралось почти все село, огромное помещение полно людьми, и обсуждался этот вопрос. Я случайно - слушал, пришел в ужас. Уже, видите ли, эта дама кричала, орало истерическим голосом, потому что у нее уже не было никакой морали, не владела собой, потому что она уже совершенно была пропавшей, как говорят, «пропащая»

И тогда решили и предложили, чтобы в организации таких дел больше не разбирали. Что вообще Народные Суды не должны вести и не должны заниматься такими делами. Вы можете сделать другой Народный Суд может постановить иногда что-нибудь - ну, общество может, например, вывести порицание или что-нибудь такое, что могло бы исправить виновного и заставить его воздержаться от тех или других преступлений. Но не устраивать такого суда - это же был позорный суд, собственно говоря, позорное собрание, когда люди вместе обсуждали, эта баба кричала, ее отец кричал. И этот господин, растлитель, тоже был там и тоже начал говорить всякие дикие вещи, что просто уму непостижимо, даже передать нельзя.

Вот так. Потом понемногу все это было поправлено. Я не говорю, что исправилось как следует, что все пошло гладко. Нет! Шли там некоторые неправильности все время, но в конце (3) концов установились более или менее нормальные отношения. Именно при спорах обе стороны избирали своих, так сказать, медиаторов, а медиаторы выбрали председателя. Если же они не смогли договориться выбирать своего председателя, то комитет назначал председателя. Только и все. Вмешательство партии было только в этой Гели они сами не могли согласиться на какого-нибудь председателя, то обращались и партийной организации, и она назначала таковым более знающего подобные дела и знакомого с пародиями обычаями. Конечно, с их согласия. Вот так все было! В остальном отношении партия в эти дела уже не вмешивалась. Оставили целиком самому народу разбирать все эти свои вопросы - по своим привычкам, своим взглядам, своему пониманию. И это производило кучнее впечатление, и крестьянам легче было понять все, что происходило!

А скажите, как разложилась существующая администрация в самом Батуме? И что произошло в Батуме?

Это произошло тоже помимо партии. Я был в Батуме тогда - это уже в 904 году, в начале 905 года.

Как это произошло?

Все мы работали так свободно. Все подчинялись нам. Эта вся мелкая буржуазия, особенно крупных фабрик и заводов там не было. Или эти мелкие лавочники, торговцы и ремесленники, а потом рабочие, которые были связаны с заводом. Нефтеналивные заводы были там. Они готовили ящики для нефти и посылали за границу. Так эти вот рабочие имели огромное влияние. Собственно говоря, объясняется тем, что весь город жил именно этими фабриками и этой нефтью, и потому там влияние их было большое. (4)

Да, я понимаю. Но почему? Что там произошло?

Произошло очень многое: Во-первых, я Вам не рассказывал об убийстве этого Гуриели, Начальника отряда стражников? Он был начальником стражи в Батуме. И он бил рабочих;

А, да, да- это Вы рассказывали!

Да, рассказывал! Вег тогда-то и проявилось, что наш комитет имеет огромное влияние во всем городе. Это было одно. А впоследствии это подтвердил губернатор. По некоторым вопросам люди обращались к губернатору, а он им: «Я никакой власти не имею, идите в Комитет!» Так люди и пришли к нам, от губернатора! И почти легально. Я был нелегальный человек, не жил почти легально, но был арестован. За весь этот год и 905 год я арестован не был. Впоследствии меня часто арестовывали, до этого тоже. Но, за это время, когда, в сущности говоря, решение Комитета имело значение закона уже по целому городу, нас никто не трогал.

Было ли организовано в Батуме Революционное самоуправление?

Нет! Не было организовано! Но фактически управлял Комитет. После моего отъезда из Батума в 905 году в конце было организовано самоуправление В конце организовали там наши - Николай Семенович Чхеидзе уже участвовал в этом движении, и когда пришла реакция, ему пришлось тоже бежать.

Вы уехали когда? В каком году?

В конце 905 года я выехал оттуда;

После Октябрьского? (5)

Да, после Октябрьского манифеста.

Куда?

В Тифлис. Для издания газеты. Я был секретарем газеты избран. Меня выбрали и предложили приехать в Тбилиси, я поехал, конечно. Так что в декабре мы уже издавали газету «Схиви». Жордания тогда уже был там.

Это мы будем обсуждать после!

Так что мы работали уже там. А в Батуме действительно организовалось самоуправление. Но этим самоуправлением уже руководил наш Н.С. Чхеидзе. Он и раньше был гласным в Городском самоуправлении, был большой знаток городских дел. Его там очень многие знали и уважали, и называли его Карло, как марксиста, и все - таки мы не поддерживали это Самоуправление. Хотя партия об этом не спорила, но считала, что не нужно было вступать в Самоуправление. Население само попросило Карло, и он пошел. И потом товарищи чуть ли его не хотели судить из-за этого!

**Скажите, скажем, в других городах, как в Тбилиси, и в других городах существовали
Революционные Самоуправление до Октябрьской реформы.**

Ни до, ни после. В Тбилиси я сам участвовал в большом забастовочном комитете уже в ноябре декабре месяцах. И пока наша организация была, администрация сама отстранилась, не мы, как организаторы целого города, не выступала все-таки: мы вели всеобщую забастовку. Помните, после 19 го декабря была эта забастовка: ее вели всеми силами, распоряжались железными дорогами и т.п.

Да, об, этом мы будем потом говорить.

Да, об этом мы подробно давали всякие сведения. Но чтобы весь город управлялся нами этого не было. В Самоуправление тоже мы фактически, так сказать, не участвовали. Мы делали все, что могли, но (б) чтобы весь город управлялся нами этого не было. Самоуправление тоже мы вели фактически: то, что мы говорили, это проходило и исполнялось. Мы приходили в самоуправление, обсуждали там разные вопросы и тал далее. Но выполняло решение само Самоуправление города.

**Тогда это было также и в условиях деревни деревенское явление? Это больше всего до
Октября?**

Да, больше всего это было и в деревнях, потому что там администрации мало и войск нет. А в Тбилиси стояла администрация и Губмилиция. Но влияние наше было очень сильное. Ведь тогда там не было наместник еще. Там стояла вся Кавказская армия. Я Вам расскажу по поводу мусульманско - армянского столкновения.

Это было когда?

Это было в конце 905 года.

В конце?

Да, да.

Тогда, скажите, еще один вопрос по поводу периода до Октябрьского манифеста. Я читал где то, что летом 905 года произошел в деревне раздел земель, конфискация земли у помещиков. Так это было?

Да, во многих местах это произошло. Но это не везде, а во многих местах.

Вы можете мне описать это движение?

Не могу. У меня нет точных сведений. Я мало обращал тогда на это внимания. Это был уже бурный год.

Я понимаю. Но, скажем, тогда Вы работали в деревне, в Гурии, в эти месяцы?

Нет. Я не обращал на это особенного внимания. Мы сами, комитет и организация, не стремились к тому, чтобы они стали захватным путем брать все эти земли, думая, что это может привести к каким (7) - нибудь неприятностям, но в некоторых местах такие политики были...

И даже в Гурии?

И в Гурии, и я других местах! Были везде, но мы мало обращали внимания на это, потому кто это не входило в наш план. И так как мы не приняли в нем основного участия и не стали руководить всем этим делом, то оно более или менее широко не распространилось, не стало всеобщим.

Эти явления произошли совсем стихийно?

По крайней мере поскольку я помню. Я был в Батуме до конца 905 года. Я не помню, чтобы в нашем Комитете эти вопросы ставились, обсуждались и решались: нужно ли захватить земли или нет.

А по аграрному вопросу Вы что - нибудь сделали?

Ничего особенного. Тогда уже был Гурийский сельский комитет, и вопросы решал там. В Кутаиси был Кутаисский комитет, и он решал сам. Ну и те, и другие не стремились к тому, чтобы захватить всю землю.

И даже по поводу аренды ничего не делали? Или что-то делали по поведу аренды?

По поводу аренды крестьяне шли очень свободно к дворянам и решали, как им было удобно. Как крестьяне решали сами, так и брали землю в аренду. Так что у них не было особенного интересно захватить землю насильно. У наших крестьян были немного иные представления. Далее впоследствии, когда им раздавали земля в 1917 году, они нам говорили - нам лучше купить, чем получить даром! И они даже потребовали, чтобы им дали купчую. И мы принуждены были дать. Да, это было уже в 917 году, уже после революции! Настолько у них сильно убеждение: если я платил, значит, это уже мое! Если я получил купчую законно, значит, это более прочно, чем захваченная земля. Я сегодня захватил, а завтра у меня (8) могут другие перехватить! Так что у этих людей было свое понимание даже при получении этой земли. И они от нас требовали даже в 917 году брать с них некоторую сумму, по крайней мере все расходы по передаче в шли, по ими же выраженному желанию, они оплачивали, и за это получали купчую на те участки, которые мы передавали. А мы принуждены были поэтому расширить нотариальные права и передавать от нотариуса за утверждение в Суде вопрос о разделе земли, передачу в покупку ее и так далее. И давала им купчую. И они считали, что при купчей они уже хозяева! Так вот они хотели крепко за собой землю закрепить. А поэтому я думаю, что эти захваты особенно не привлекали людей, тем более, что они почти ничего платили, или платили гроши, за аренду. Они могли почти ничего не платить и во многих случаях не платили!

Аренды?

Да, и даже совсем не платили аренды. Я это очень хорошо помню. Особенно в Восточной Грузии многие крестьяне за эти годы совсем не платили, ничего. И вот впоследствии, когда настала реакция, дворяне стали требовать, чтобы они за прошлые годы заплатили. Пришли к нам крестьяне и говорят: ну мы все что слопали, слопали, за эти годы мы больше ничего не дадим. Так что мы принуждены были поговорить с крестьянами селений, устраивали собрания и так далее, чтобы избежать столкновения с полицией. Больше было захвата и менее сознательных уголках, чем у более революционно настроенных.

Так. А в самом Батуме, в городе, скажем, эта забастовка, которая была после 9-го января, сколько времени она продолжалась? Это была общая забастовка?

Да. Это была общая забастовка! Я не помню, сколько она продолжалась. Может быть неделю, может, насколько дней, но недолго. (9)

Какие были тогда настроения у рабочих?

Мы устраивали митинги, разговаривали, рассказывали, что произошло в Петербурге, какие были их требования. А казаки и солдаты стояли обыкновенно в стороне, не принимали никакого участия, не нападали на эти митинги, и мы даже старались не сталкиваться с ними, хотя в некоторых местах стычки бывали. А мы жертв избегали, потому и не хотели раздражать этих солдат. Они стояли спокойно.

Вы тогда выставили какие -нибудь требований.

Требований особых не выставляли, требования эти были - просто «Долой Самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика» и прочее. В экономическом отношении плата рабочих в Батуме была такая высокая, что одна выдерживали фабрики и заводы; некоторые закрывались, так что мы предлагали вообще не выставлять таких требований, чтобы заводы не закрылись совсем. Заводы не могли выдержать. Так, например, нефтяные заводы не выдерживали; также и другие заводы во могли выдержать. Так что в этом отношении выставлять экономические требования было совершенно бессмысленно. Мы наоборот, удерживали рабочих от этих выступлений, потому что они получали почти двойную плату, чем раньше и невыносимо было для фабрик, но некоторые фабрики даже были перевезены оттуда в Каир, в Египет. Совершение другие отношения создавались, чем обычно.

Я где-то также читал, что, во всяком случае, во многих местах Грузии в эти месяцы, летом 905 года, была организована какая-то Народная милиция или что-то такое? Кем это было сделано?

Да, Народная милиция была организована нашей организацией - большевиками и меньшевиками - партийной организацией. Мы выбрали (10) специальных людей, которым организовывали отряды, называли Их «Красная Гвардия».

И какую роль они играли?

Они должны были охранять народ от возможных нападений со стороны полиции и администрации. А в некоторых местах происходили даже большие столкновения, например, в Гурии были столкновения с казаками.

Чхиквишвили, о котором я Вам рассказывал, руководил ими, хотя вначале он был против составления этих отрядов. Но когда стали составлять, он тоже подчинился общему решению и стал во главе этого движения и этих отрядов. Он был человек сам боевой, хороший, способный. И он руководил этим движением. Они устроили нападение на казаков и и многих из них убили. Я был тогда в Батуме. По указанию власти из Батума должны были выехать в Гурию, но я не помню, в какой день. Мы там знали, что они идут в Гурию и могут произвести там нападение на население. Мы решили воспрепятствовать этому и послали заранее группу рабочих, которые прервали железнодорожное движение, взорвали один мост динамитом, и когда войска, уже посаженные на поезд, пришли к этому мосту и увидели, что линия взорвана, они испугались и подумали, что, значит, будет на них нападение или что - либо в этом роде, и вернулись обратно. позже решили ехать морским путем. Есть там небольшая бухта, около Гурии, но случилось так, что на Черном море была буря, и они не могли добраться до берега; пароход один не мог близко подойти к берегу. Пароход стал довольно далеко, и войска отправили на берег в мелких шлюпках. И одна из шлюпок перевернулась и чуть не погибли находящие в ней солдаты. И солдаты решили не повторять опыта и все вернулись в Батум. Так что администрации не удалось отправить туда войска для подкрепления. А находящие на месте казаки (11) разъехались в разные места, и эти столкновения прекратились.

А в деревнях какую роль играла эта «Красная Гвардия»?

Красная Гвардия только в деревнях и была, а в городах этих отрядов не было. Они были все в Гурия, в Имеретии, в Восточной Грузии... в некоторых местах, и большевики тоже руководили некоторыми из этих отрядов; но в большинстве случаев руководили меньшевики, или совместно, потому что в это время еще не была полного между нами разрыва. Или даже произошли в первый раз объединение общих позиций. По воле рабочих, организации сливалась к концу 905 года, но в 906 году опять разошлись, пошли в разные стороны.

Ну, это потом еще будем разбирать!

Поэтому эти организации, вооруженные, были почти везде, во многих местах была эта «Красная Гвардия».

И они взяли на себя полицейские должности?

Нет, нет.

Ну, а как милиция, скажем? Чтобы порядок наблюдать?

Нет, это была Красная Гвардия. Они были вооруженные люди, захватили оружие у стражников, у полиции и у администрации. А где были арсеналы, они тоже захватывали.

И что они делали?

Ну, снабжали базу и держали оружие, соблюдали порядок. Но мы всегда думали, что на нас могут нападение произвести, и вообще мы думали, что будет нападение со стороны правительства.

Но [нападений] не было?

Не было, до наступления реакции.

Хорошо. Последний вопрос по поводу того периода, до Октябрьского манифеста, до того времени, когда Вы приехали в Тифлис. В эти (12) месяцы - летом и осенью 905 года, какие формы приняло это примирение между большевистским и меньшевистским течениями?

Так как их, большевиков, было очень мало, то они вошли в организацию, и больше ничего. Некоторые из них были хорошие работники. Вот Орджоникидзе - он был во главе одного из этих отрядов в Восточной Имеретии, а в других местах были другие. Мы тогда уже этого не разбирали. Можно было составить всегда наиболее способных, раз они объединились все вместе, все равно кого назначать.

Это было требование самого народа?

Нет, нет! Но это было требование низов. Сами партийные рабочие и крестьяне заявили, что они желают объединиться и работать вместе. В Тбилиси тоже они устроили совещание. Там, в Нахаловке, собралась группа меньшевиков и большевиков рабочих и заявили, что мы будем все вместе работать; что мы будем делать отдельно? Предложим Комитету, чтобы те объединились сразу же!

А это произошло уже до октября?

Еще до октябрьской, и во время октябрьской, к после октябрьской. Это уже за все время шла - это течение среди рабочих. В одних местах раньше, в других позже. Это не было все в один день - в одно время.

Да, понятно. Теперь скажите, какое было отношение к этому примирению и восстановлению организационного единства разных руководителей с меньшевистской стороны и с большевистской стороны?

Противодействовать никак не могли! Все одинаково подчинились этому общему течению. Выбрали совместный Комитет. Выбирали в Тбилиси Комитет в 906 году, и там попали на двенадцать человек два большевика, а остальные меньшевики.

Ну, а, скажем, Сталин сопротивлялся? Нет? (13)

Сталин не проявлял своей инициативы. Он был человек хитрый. Он не сталкивался там, где чувствовал, что его небольшая группа все - таки его не поддержит, он в этом отношении был достаточно умен, и поэтому он тоже пошел на объединение. Его выбрали тоже. Я помню, что он был в 906 году в нашем Комитете.

Где был?

В Тбилиси.

Ну еще в Гурии, вы говорили?

В Гурии это раньше было. В Гурии - об этом я не спорю. Тогда они были отдельно, и мы были отдельно. А это в конце... Тогда они пришли к тому, что народ их не поддерживает, и они остались в меньшинстве, они рады были присоединиться, чтобы, по крайней мере, их голос был слышен, чтобы они могли выступать, для них это было выгодно.

Да, я хочу более или менее точно узнать. Если до Вашего отъезда из Батума произошло это соединение в Гурии, скажем, со Сталиным так далее., потому что он тогда работал там?

Сталина не было. Сталин тогда находился где - то в дороге, или в Баку. В конце 905 года Сталина в Тбилиси не было.

А в Баку?

В Гурии он был раньше. После Гурии он поехал в Восточную Имеретию, в Чиатуры, а оттуда в Тбилиси, а из Тбилиси - в Баку. И он из Баку потом не возвращался обратно. В 906 году он приехал уже после, когда уже все эти восстания прошли, все это движение прошло, и настала реакция. Он тогда приехал только в Тбилиси. Так что за все это время, - с конца 905 года, его в Тбилиси не было. Он был в Баку - уже как большевик. (14)

Но вот то, что я хотел узнать, это то, что когда Вы уехали из Батума, то до Вашего отъезда уже произошло в Батуме объединение большевистских и меньшевистских организаций? Значит, до Октябрьской манифестации?

Даже не ставили такого вопроса! Там было несколько человек большевиков и никакой организации у них не было, даже своего комитета не имели, ничего не было у них.

А большевики участвовали уже в организации? В то время?

Может быть. Но их было очень мало. Там было несколько человек, и куда девались, я решительно Вам не могу сказать. Так что никаких переговоров об объединении и о согласовании с ними в эти дни у нас не происходило.

Не происходило?

Ну, может быть после моего отъезда это произошло, так же стихийно, как и во всех местах...

Хорошо.

... но их было так мало, что они должны были войти в ячейку. Мы предлагали им так: если Вы хотите, то войдите в любую ячейку или создавайте ячейку. Вступайте в первоначальную организацию и оттуда можете попасть во всякую высшую организацию - вот и всё. А в 904- 905 гг. к нам приехали из России. Приезжал один рабочий. Его сначала приняли в Комитет, а он оказался большевиком, и его попросили уехать! Вот был такой случай.

Ну, 17 октября 905 года был создан Октябрьский Манифест. Как Вы узнали об этом в Батуме, Расскажите. (15)

Да. Мы его получили. Матросы привезли из Новороссийска. Была у нас забастовка. Во всей стране было приостановлено всякое движение

И была забастовка в Батуме также?

Да. И в Батуме также была забастовка. И никаких сообщений мы ниоткуда не получали. Гляжу - манифест получился. У нас был митинг в это время в Городском Самоуправлении, принесли мне этот манифест, его матросы привезли из Новороссийска. Значит, что-то такое произошло! Прочел Манифест. Он мне не понравился. И я выступил против, говоря, что это недостаточно нам для полной свободы.

Но расскажите до этого, как произошло в Батуме участие в этой всеобщей русской, российской забастовка до 17 октября?

Комитет объявил забастовку. Мы выпустили прокламацию. И произошла забастовка.

И Вы получили на это инструкции? От кого?

Не от кого. Какие нужны были инструкции? Это было само собой ясно!

Да. Не как Вы узнали? Как узнали, скажем, что происходит всеобщая забастовка в Петербурге?

Ну, была забастовка в Баку, сообщили в Тбилиси. В Тбилиси была забастовка. Сообщили нам, что забастовка идет. И наши рабочие взволновались и сказала, будем бастовать и мы, надо поддержать всеобщую забастовку.

Когда начиналась забастовка? Это Вы не помните?

Нет, я начала не помню. Мы не в тот же день, как в Тбилиси, а позднее - вот это, можно сказать. Иногда сообщали письменно людьми связи - были наши организаторы связи, которые пользовались железной дорогой. Иногда путешествовали поезда с депутатами, так вот какой - нибудь из них и привез сообщение. Так что сообщения давались, (16) поступали более или менее регулярно.

Понятно.

Так бывало, что кондуктора их привозили! Машинисты руководились нашими людьми также.

Да. Как точны были известия? Скажем, Вы узнали, что 17 октября начало забастовки. Что в Петербурге организован Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов. Вы об этом знали?

Совет Рабочих Депутатов уже после 917 года?

Нет, в 905 году. Вы что-нибудь узнали об этом?

Не помню. Я знаю только, что в Батуме не организовывался Совет Рабочих Депутатов. Нет.

А забастовка была всеобщая?

Забастовка была всеобщая. А так как всем руководил Комитет, в сущности говоря, даже не было Комитета, за все стоял я... абсолютно не было Рабочего комитета, не создавали Совета Рабочих Депутатов.

А кто возглавлял забастовку? Только Комитет?

Комитет!

Социал - демократический?

В это время Комитет распоряжался, как хозяин города. Но, в общем, управление мы в свои руки не брали. Но с членами Городского Самоуправления мы совещались и предлагали - вот то-то надо сделать, это. Они говорили: дайте нам возможность это все отнести губернатору, чтобы он нам подтвердил. Губернатор сказал: «Подтверждаю»! И они стали проводить, а мы не стали вмешиваться, потому что это были требования. В Самоуправлении либеральные люди были очень хорошие. Они подчинялись нашему решению. Что же нам было беспокоить их?

А поэтому, значит, Вы... (17)

Мы не захватывали Городского Самоуправления, мы предлагали им самим руководить этим движением. И вообще, вот, мы представили требование вот такие-то и такие губернатору: или они хотят

проводить их, или же мы судом проводить это самостоятельно, или, пожалуйста, проводите вы сами. Они сказали: «Мы пойдем к губернатору и сообщим ему об этом» Мы сказали: «Пожалуйста, делаете, что хотите; делайте лучше Вы, чем передать им (то есть революционерам) в руки». И потому они это все выполняли так, что ввели более свободный порядок, установили в городе свое господство в свое хозяйничанье, так что губернаторская администрация в это не вмешивалась, и войска и полиции не вмешивались. Вот это и все, а таким образом владели городом мы и сами организовали все.

А, скажем, для этой забастовки в Батуме, этой всеобщей забастовки был ли организован особый стачечный Комитет, или нет?

Нет, не был организован стачечным комитет, я не помню этого. Не требовалось этого. Тогда не меньше было рабочих, чем раньше, чем год тому назад. Там многие заводы закрылись и, особенно нефтеналивные. Мы даже их удерживали от всяких забастовок, не то, что поощряли, и поэтому, видите ли, это забастовке была стихийная, просто так! Просто сама по себе.

Ставили требования во время забастовок?

Нет, нет. Была эта забастовка чисто политическая, шла пропаганда политическая, были митинги, пропаганда и все!

Значит, Учредительное собрание?

Да, Учредительное Собрание и все, как полагается. Это была забастовка солидарности. Солидарны со всеми рабочими, что мы тоже поддегиваем петербургских рабочих, протестуем против расстрела, и (18) то и другое, к так дальше. Вот это был чисто политическая забастовка и митинги. И этим все ограничилось. В некоторых местах чуть ли не произошли столкновение с солдатами, с казаками, но мы стали этого избегать, чтобы не было кровопролития. Вот и все.

Ну, тогда, семнадцатого, Вы получили известие манифеста, как Вы рассказывали мне.

На второй день или на третий день, я не помню, мы получили это известие, после издания манифеста, потому что привезли его матросы.

И вы чувствовали, что это такое?

Да, у нас уже митинги происходили в Городском Самоуправлении. Мы это разрешение взяли через наших гласных, чтобы нам не собираться в городе, а собираться во дворе при Городском Самоуправлении, а главное..

Толпа! А главное - толпа!

Да, а главное толпа! А руководитель наш, почтенным Николай Семенович Чхеидзе, один армянин Варганов - Вартаниан! И еще кто-то. Приезжал еще из Персии социалист-революционер... тогда выступая на собраниях - вот и все. Тогда митинги шли каждый день!

И Вы шли против?

Что?

Вы не хотели продолжать забастовку после этого?

Нет. Забастовка эта не имела значения. Наша забастовка не имела отношения и этому манифесту. Нам просто манифест показался недостаточным, и я раскритиковал - и все. Но политическая забастовка долге продолжалась. Видите ли, вопрос уже решался не в Батуме. Вот в том-то в дело! Мм же чувствовали это внутренне, что вопрос решается не нами, а мы только поддержка. Мы поддерживали это общее движение, протестовал (19) против всех этих преступлений и заявляли свое требование - и все. Большого мы сделать не могли и потому не стремились к дальнейшему, потому что это была бы утопия. Нам не приходило в голову создавать особые комитеты.

Да. А расскажите, как в то время вы были приглашены в Тифлис? Как это произошло?

Прислали с этого нашего Закавказского Бюро. Они решили издать газету. А так как я работал раньше в газетах, то, естественно, нашли, что я должен участвовать в этой газете. И Жордания пошел, конечно, тоже. Он, как старый журналист, его посадили на место главного редактора, а меня пригласили в качестве секретаря.

И какое название газеты было?

«Эртоба»⁷⁴. А вообще крестьяне называли наше движение - «Движение Эртоба».

Как? Напишите по-русски.

Эртоба - от слова «Один».

Э - р - т - о - б - а - так?

Это значит «Единство». Так называли крестьяне наше движение. Они не называли это классовом борьбой, а объединением крестьян, объединением трудящихся. И потому это движение «Эртоба», то есть это так - это разрозненные элементы в этой борьбе объединились между собой, и это

⁷⁴ Арсенидзе ошибается. Позднейший редактор красным чернилом исправляет эту ошибку, приписывает красными чернилами вместо «Эртоба» название «Схиви» и пишет комментарий «Эртоба» начала выходить только после революции 1917 года», однако, позднее и эта надпись перечеркнута. На самом деле Закавказское Бюро начала издавать газету под названием «Схиви» (то есть «Луч»). Газета под названием «Эртоба» начала выходить с 5 марта 1917 года. Изд.

составляло огромную силу. Я Вам не рассказывал такую песенку? Это для нас было стихотворение одного из наших грузинских поэтов

*«Эта вот Эртоба для вас это престол,
а для врагов погибель и смерть,
Мы разрушим все вражеские козни,
а сами будем петь (20) Дела Дела-о»⁷⁵.*

«Дела Дела -о» - это уже пародия песни.

И Вы приехали в Тифлис приблизительно когда?

Я приехал уже во время забастовки в Тбилиси уже. Я знаю, что и приехал уже после октября, в начале, и первых числах ноября или в середине ноября.

На этом, я думаю, что мы сегодня утром остановимся- Хорошо?

Да, на этой можно сегодня...

Остановиться, да? Мы пришли к тому моменту, когда Вы приехали в Тифлис и начали работу в газете «Схиви». Какой там был характер действия и построения в социал - демократической организации после Октябрьского манифеста?

Видите ли, после Октябрьского манифеста, понятно, что и газета и все занимались уже не цензурой, нецензурная была газета значит, а это был революционный взрыв. И в газете мы давали лозунги и воззвания и все! Газета сразу получила широчайшее распространение по всей Грузии. Это понятно само собой. Тем более, что руководил сам наш глава партии - тогда он не был еще главой правительства, и в этом отношении нельзя ничего нового сказать. Газета была просто определенной социал - демократической - революционной, во всех отношениях уже свободной. Но настроение среди рабочих было очень приподнятое.

Повышенное?

Повышенное, поднятое сильно настроение. Почти каждую субботу, каждое воскресенье устраивали огромные митинги, устраивались по всем заводам, Выступал в одно время Сталин, а потом почему - то уехал, не знаю почему - в Баку... Он выступал там, тоже имел успех. Ему аплодировали, аплодисменты получал большие, но в организационном отношении (21) все - таки рабочие оставались тем, чем они были, то есть привязаны к меньшевистской партии. И вот вероятно, это и заставило его уйти оттуда скорее, чем что - нибудь другое.

Теперь следующий вопрос. Вы, конечно, не были довольны манифестом?

Манифестом конечно, не были довольны, но использовать этот момент мы все-таки хотели. Мы хотели усилить нашу дальнейшую борьбу.

Вы ожидали в эти моменты...

Нет, не ожидали, но стремились в эти моменты получить возможно больше. Мне трудно сейчас его объяснить, но в обществе настроение было разнообразное- Наряду с революционными элементами стали организовываться тогда и хулиганы, и они даже демонстрировали в Тбилиси. А мы охраняли порядок, революционные завоевания.

Это вторая сторона четвертой ленты воспоминаний господина Арсенидзе.

Я только что ему ставил следующий вопрос: какие лица в рамках меньшевистского представительства забастовочного комитета стояли на этих крайних - революционных актах, и какие большевистские лица стояли за них, в какие стояли против в рамках двух партий?

Я сейчас не могу назвать, но я скажу Вам одно. В этом отношении часть большевиков была -за, а часть - против. Особенно лица, которые были в Исполнительном комитете и должны были выполнять решения Забастовочного комитета. А в Забастовочный комитет мы собрали сведения со всего города и были знакомы со всеми настроениями публики и не только рабочей публики, но и просто городских жителей, и потому мы, большинство самого Комитета, стояли за более уступчивую программу, потому что уже поражение было в России, значит и нам невозможно было восстановить движение в полной силе. А Исполнительный (22) комитет, который председательствовал Ной Жордания и Исидор Рамишвили, стоял за усиление движения. Был там из большевиков один - назывался Кора, поддерживал их. Он как раз был убит в одном из этих столкновений, в его фамилия я не помню. Он тоже был в Исполнительном комитете. А Миха Цхакая (большевик) и другие были у нас в Комитете и стояли против продолжения забастовки. Они стояли против этих резких революционных выступлений. Хотя его уже после того, как из Москвы сведения получились, что поражение было налицо...

Да, я хочу суммировать ленту.

... Революционными актами руководил Мгеладзе, и он тоже стоял за революционные акты.

⁷⁵ Стихотворене классика грузинской литературы, Акакия Церетели (1840 - 1915). «ერთობა ჩვენთვის ტახტია, / მტრებისთვის - სახრზობელიო!.. / მტრებს «ვაი-დედა» ვაძახით / და ჩვენ ვთქვით: «დელა-დელაო!»

Кто?

Мгеладзе, Влас Мгеладзе. Вот и все. Других всех не помню.

Да, хорошо. Но я также хочу добавить то, что Вы мне оказали раньше... то, что Жордания, Ной Рамишвили также...

В этом отношении был Исидор Рамишвили. Это был Исидор Рамишвили... стояли за эти....

За эти революционные акты...

За эти революционные акты, так как вообще они были люди, которые в некоторой степени поддались чувствам момента!

Да. А как Вы мне только что отметили, и среди большевиков был, во всяком случае, конфликт в этом отношении, я Вы мне отметили, что Кора был за продолжение.
Кора, да. Он был за, и он был заядлый, и он был членом Исполнительного комитета тоже....

Кто был против? (23)

Был Цхакая. Он был из большевиков, и он был против.

Он был забастовщиком?

Он был в Забастовочном комитете. Самые крупные из большевиков были эти двое! один русский, Кора, в один грузин, Цхакая. Остальных я тоже немного помню, были там рабочие....

Но большинство, в конце - концов было против?

Но большинство было против, да - и газета была получена о поражении в Москва. Идеи о том, что мы отсюда можем повернуть колесо и поднять опять революцию и идти на Москву - это нас не устраивало. А они, крайние, об этом думали. Они даже совершал против нашего решения террористические акты! Исполнительный комитет бросил бомбу в казаков на Солдатском базаре, в центре города. Там были огромные большие помещения, где была типография, в которой когда-то мы печатали свою газету, это было посредине Солдатского базара, казаки сожгли все это помещение и убили всех жителей, этого дома и его собственника и с ними типографа Хеладзе. Он был патрон типографии, и его тоже убили. И это произвело огромное отрицательное впечатление на весь город. Это не произвело положительного впечатления - а наоборот. Ясно, что акт был актом не тактичным.

Это уже произошло в январе 906 года?

Это уже было в начале января. А может быть, до начала января. Я не могу определить точно день и час, но у нас борьба продолжалась с конца декабря до первых чисел января, пока не ликвидировалось это. В результате этого революционного акта, то есть этой бомбы, брошенной в казармы, в казаков, казаки просто расстреляли массу людей кругом, как попало. Это произвело удручающее впечатление на население. И (24) помню, к нам пришли рабочие и говорят, что их хозяева не хотят больше пускать домой. Говорят, что вы революционеры и из-за вас наши дома тоже могут казаки разнести. Положение у обывателей стало против таких выступлений. И это подействовало на рабочих. Я сам лично, если запаздывал приходиться домой вечером, хозяйка дома на хотела меня пускать. *«Куда Вы ходите ночью, что вы делаете?»* Она не знала, что я этим делом занимался. Я никогда не говорил ей ничего, сохраняя полную тайну. И вдруг меня спрашивают: *«А куда вы ходили? приходите раньше, вовремя, иначе я закрою дверь и Вас не пущу.»* Так что настроение у обывателя создалось совершенно противоположное тому, которое им предполагали.

Результат был тот, что мы сказали: *«Господа, вы помните, какое настроение создалось этим положением, этим последним актом? Судить друг - друга мы не должны, мы не имеем никакого права и возможностей, но это должно быть прекращено»*. Мы после этого решили возможно скорее ликвидировать всю эту забастовку. И действительно, через несколько дней объявили, что забастовка кончается, и все так кончилось. Но эти же люди, вот этот Исполнительный комитет опять повел против нас в одном отношении: Видите ли, тогда мы им указали, чтобы они отдали приказ на всю Западную Грузию, от Тифлиса до Батума, чтобы уже все сопротивление было снято, и они послали этого Мгеладза, который должен был, по крайней мере, приостановить сопротивление, потому что там еще сопротивлялись и предлагали продолжать борьбу. И это привело к тому, что целый ряд маленьких городов по линии железной дороги были разрушены и сожжены властями. Это еще более усилило недовольство против нас. Но нашу линию знали рабочие и все население, настолько это было ясно, очевидно, - особенно все тбилисские рабочие - все это знали. И знаете, что произошло? (25) Я Вам рассказу результат всего этого. Когда эта волна улеглась, мы сняли забастовку январскую - декабрьскую забастовку, успокоились, и нам пришлось уже перед выборами в Первую Государственную Думу идти среди рабочих устраивать партийные собрания. И вот был такой случай: выдвигается на рабочем собрании кандидатом в председатель Ной Жордания и Цабадзе - старый рабочий; Выбирается рабочий и отвергается Жордания. И он был поражен этим. Он не думал, что так будет! Как же это другого выбрали? Ведь он не оратор и ничего из себя не представляет - просто так, - старый рабочий. Один из первых пионеров. Мы выставили его против Жордания, и он прошел. А Жордания получил меньшинство. Рабочие сказали и объяснили это тем, что он, Жордания, поступил против общего нашего решения - он сделал эти ошибки, мы этих ошибок не прощаем. Вот это был ответ на эти ошибки. Вы понимаете - насколько рабочие чувствовали себя хозяевами и чувствовали, что всем их решениям надо подчиняться! И на меня это оставило большое впечатление и потому оно запомнилось. А потом уже Жордания нигде свою кандидатуру в председатели не выставили, боясь, что опять провалится!

Но, в конце - концов, он прошел в депутаты!

Ну, в конце - концов, конечно, прошел. Рабочие с ним примирились. Но такой урок был дан. Но люди вовсе не думали исключать его или судить и прогнать, потому что все-таки люди эти нужны. Они в Тбилиси ошиблись и значит нужно показать, чтобы в дальнейшем это не могло повториться. Поэтому, когда были выборы в Государственную Думу, - а у нас были выборы позднее, чем в России, - уже это было летом, к этому времени у всех настроение успокоилось, и когда выставили кандидатуру Жордания, все - таки его провели. Вот это характерно для грузинского рабочего движения. (26)

Нет, я думаю, что выборы должны были быть в марте или апреле, потому что...

Нет, у нас были позднее. В России выборы провели раньше. Дума уже была собрана. Тогда у нас происходили выборы позднее. Позднее происходили у нас. И в Государственной Думе фракция была уже создана социал - демократическая, из рабочих. Когда приехал туда Жордания, потом он возглавил эту фракцию, уже потом! Потому что наши делегаты приехали позднее - Дума уже была открыта и все, когда производили выборы. И потому, видите ли, это положение не знаешь, как и обдумать! С одной стороны, ему выказали недоверие в том, что он не подчинился этой общей воле, а, с другой стороны, когда пришли эти общие выборы и организация вела пропаганду и агитацию о том, что лучшего человека надо достать, чтобы больше влияния имел, то остановились на его кандидатуре. И действительно мы оказались правы - он получил, собрал в Тбилиси 51% всех голосов, против всех партий не-социал демократических (Особенно сильны были армянские в др.), - против всех - к грузинских и армянских, и так он собрал 51%. И когда некоторые лица предлагали Наместнику выборы отменить, то он заявил - за него подали 51% - если он и отменит, его выберут опять, а большинство будет еще больше. Потому и не стали никаких препятствий ставить, и так и оставили!

Я хочу Вам поставить вопрос по поводу выборов в Первую Государственную Думу. Как Вы знаете, в русских кругах было: во-первых, большевики были против участия и меньшевики.

Да, и меньшевики тоже бойкотировали. Ну они хотели участвовать в избирательной кампании, но не выбирать! Мы нашли это не логичным.

Я бы хотел узнать по поводу этого Ваши настроения, Ваши (27) обсуждения. Были ли у Вас колебания против этого повода или нет?

Большевики и у нас против Думы тоже бойкот проводил. А мы решили, что если мы выставим своих кандидатов (а у нас большое влияние - и мы имели это в виду), - то потом скажут, что неизвестно почему мы никого не посылает, и выйдет абсурд! В России наши не надеялись на получение большинства и даже солидного меньшинства не могли собрать. А у нас мы могли собрать большинство! Так что положение наше было совершенно иное. И потому вопрос больше у нас не возникал, что мы не должны выбирать. Мы говорили, что раз вы ведете выборы, мы выставим своего кандидата и несомненно тогда пройдем. И в самой Государственной Думе, мы будем вести определенную политическую пропаганду. Эта Думская трибуна даст больше возможностей для борьбы, чем здесь борьба пропагандистов; это сильнее наших пропагандистов. Так что это все само по себе было ясно! И решили, что нужно дойти логически до конца. Мы решили дружно, что на половине логики не стоит останавливаться, и мы решили идти до конца. И не было среди меньшевиков другого отношения, больших разногласий у нас не было. Все единогласно думали, что раз идти на борьбу, то нужно иметь расчет на победу. Иначе нет никакого смысла идти на борьбу! И мы решили - тем более, что у нас выборы проходили позднее! И, видите ли, обстоятельство сложились так, что мы могли этот вопрос свободно решить. В России выборы были особенные. Сначала население выбирало выборщиков, а выборщики выбирали депутата. Но по закону эти выборщики обязаны были в некоторых местах выбрать одного рабочего, одного или двух крестьян, то есть из крестьянских делегатов, а остальных могли выбирать, кого хотели. И, таким образом, в нескольких районах, когда рабочим предлагали выставить кандидата из своей среды, они решали, что лучше все-таки выбрать социал демократа. И когда их было три-четыре или (28) пять рабочих делегатов из рабочей курии, то на них все отказывались, кроме одного, так они сами решали между собой - что вот такой даст согласие - а остальные - откажутся выставить свою кандидатуру, и вот эта буржуазная реакционная масса избирателей - выборщиков принуждена была голосовать за этого одного рабочего социал демократа и в рабочих куриях таким образом, прошли социал демократы. И в Петербурге прошли, Алексинский, кажется, прошел.

Это было во Второй Государственной Думе?

Нет - это был другой! Какой-то рабочий прошел, прошел большевик; тоже один в Ростовском районе, Донецком бассейне, и вот так там несколько человек собралось, и они уже образовали фракцию, уже была фракция там, когда у нас производили выборы и мы решили, что если там имеется социал демократическая фракция - почему бы не послать людей, которые способны возглавить и дать некоторую более решительную форму всем их выступлениям? И потом они по всей Грузии производили выборы и провели везде или почти везде - кроме одного, своих депутатов.

Кроме одного?

Кроме одного - Один был социалист - федералист, это, кажется, Баратов - Бараташвили, а остальные были социал демократы - Исидор Рамишвили - одного Сергея Джапаридзе провели - адвоката, одного Церетели провели, бывшего священника и Гомартели - врача.

Это было во Второй Государственной Думе?

Нет, нет! Не во Второй, а в Первой - Церетели не, Ираклий- а был другой - бывший священник. Да. А потом прошел еще Канделаки во Второй, но не этот, министр, а рабочий один: Он там прошел по жребию (29) Вот так! Так что в Первую Государственную Думу мы послали уже.

И Рамишвили прошел?

Исидор Рамишвили прошел. Вот этот, значит, бывший священник Церетели прошел - Симон он назывался.

Священник? И он был социал - демократ?

Бывший священник. Он был расстрига. Был социалистом и снял с себя сан священника. Вот. Потом третий прошел - адвокат Сергей Джапаридзе из Кутаиса.

Это не был Арчил Джапаридзе?

Нет, нет! Этот Арчил был во Второй Думе, первый это был кутаисский. Он был просто адвокатом. Вот эти трое. Потом по Батуму прошли наши, потом по Кутаису тоже прошли наши, кроме одного все прошли социал демократы. И они же возглавили эту социал - демократическую фракцию в Государственной Думе. Нет, пока я Вам скажу, Вы ничего не знаете и не будете спрашивать! Как мы проводили избирательную кампанию и как мы вообще действовала? Мы были легальной партией. Собрать собрание мы не могли. А если другие партии, либеральные, собирали, мы на их собрание не приходили. Но помимо этого, мы организовали всех наших сотрудников, а пропагандистов и других, целый ряд групп рабочих, и мы обходили всех избирателей, обходили по улицам просто по домам и спрашивали - за кого Вы хотите подавать? Не хотите ли Вы подавать за социал-демократов? Так мы пробирались со двора на двор. Из одного двора в другой. И так обходила почти весь город. В деревнях этого не приходилось делать, деревенская публика была изолирована. Мы просто там назначали выборщиков, предлагали им того, другого, и они выбирали в деревне. Потом из мелкого дворянства тоже самое, они были не богаче крестьян. Так что и мелкие (30) крестьяне и дворяне голосовали вместе с крупными. Мы организовали этих мелких дворян, чтобы они давали выборщиков, а крупные дворяне участвовали лично в выборах депутата. Но выборщиков было гораздо больше, чем крупных - их было мало, несколько человек, а они десять-пятнадцать человек все-таки выбирали! На тридцать десятин могли одного делегата выбрать мелкие, такими они мелкими были, тридцать десятин каждой из них не имел, а имели три-четыре. Но уже пользовался собственностью! Так что мы среди них повели работу, и они дали нам возможность провести наших депутатов. Видите! Эта характерная черта, и потому я хотел Вам отметить. В других условиях этого могло и не быть!

Так, теперь у меня имеется по поводу этих выборов еще два вопроса. Первый вопрос следующий. Я где-то читал, что в конце концов большевики во главе с Филитом Махарадзе поддерживали меньшевистские кандидатуры в выборах в Первую Государственную Думу. Они просто бойкотировали, а что делали лично - я не знаю.

Но официально не выступали?

Официально не выступали.

Не выступали?

Нет, при Второй Думе уже выступали, не выступали при Первой Думе, не выступали.

И никакой помощи...

Нет. У них не было такой публики, которая нам дала бы большую опору, потому что рабочие выбирали отдельно; крестьяне выбирали отдельно. И среди дворян мы эту работу провели, как я Вам сказал. Так что выборщиков набирали мы. И мы имели на это больше оснований. Грузинские большевики нам не препятствовали, это тоже нужно сказать. Не противодействовали, (31) не выступали против никогда. Но в избирательной кампании они не участвовали, они бойкотировали избирательную кампанию.

Так. До конца?

До конца. В Первую Государственную Думу все бойкотировали, не принимали никакого участия в Первую Думу. Во Вторую Думу принимали участие.

Да, я понимаю.

Они поддерживали Ленинский принцип, что не нужно принимать участия я выборах, а, наоборот, готовиться к вооруженному восстанию. Подготовить все.

Второй вопрос следующий: Это я прочел в воспоминаниях Жордани, что социал - демократами было решено создать блок всех так называемых демократических партий, против правых в избирательной кампании. Во-первых, было ли это так? Что это значило? Все ли демократические партии? И если это было так, почему это было нужно? Видите ли, для чего это было нужно? Это было так?

Было, было. Как раз мы ходили на это собрание и устраивали соглашение с нашими федералистами.

И с кем еще?

Больше никого не было. И с некоторыми беспартийными людьми, больше не было, других не было!

Что это значило тогда конкретно?

Потом мы провели одного социалиста - федералиста, одного из всех этих кандидатов провели, но мы против этого не восставали, потому что это Исполнительный комитет решил так, в мы об этом особо не думали. Я даже на другой день узнал, после того, что произошло, что они уже соглашение между собой заключили; потому что эти (32) маленькие партии не имели большого значения, а мы не хотели тут повести эту внутреннюю политическую борьбу. А направить всю борьбу против самых правых элементов, особенно русских правых элементов, которые хулиганствовали и занимали уже чисто реакционной, русско-реакционной работой. И нам было бы интересно против них направить всю работу. Это единственный мотив, которым руководились ... И кроме того эти партии сами тоже просили, сами они приходили и просили согласиться как-нибудь, и мы тоже думали так...

Это значит представитель социалистов - федералистов?

Да, социал-федералистов. Других партий не было и они сами просили - соединимся, это лучше все-таки, и сообща проведем, это гораздо лучше будет. И наконец мы решились и согласились. Мы ничего против этого не имели, тем более это они больше одного депутата из шести не требовали для себя. Это можно было им дать!

Были такие, кто бы возражал, против этого?

Нет, нет, даже не было обсуждения этого вопроса. Я вам говорил, что я на другой день узнал об этом, после того, как они соглашение устроили.

Кто это соглашение устроил?

Устроил Жордания. Был вместе с ними и Рамишвили, и другие.

Это значит Областной Комитет?

Наши из Областного Комитета пошли ... их пригласили федералисты. Пока я об этом узнал, уже совершилось и между собой решили, а на другой день мы делали уже вместо и то-то, и то-то. Они прислали какое-то сообщение, что хотим поговорить с вами сообща, устроить как-нибудь это. Ну вот, мы пришли с ними и решили, что они больших требований, но выставляют и не стоит их раздражать. Пускай они будут (33) вместе с нами, это будет все-таки больше силы. А большой силы у них нет. Ну, одного депутата дадим, и к тому этот Бараташвили был очень хороший оратор и очень хороший человек сам по себе. Так что мы выигрывали. Это сошло так благополучно. А видите ли, эти все споры, принципиальные споры, особенно эти догматические, это вели и у нас. А этот практический подход давал нам определенную выгоду. Ну, а там спорить будем, а практическая работа пойдет само - собой. Не стоит бороться... Ничего подобного не требует принцип. Я, по крайней мере, не помню у нас возражений. Может быть, некоторые были недовольны, но так как ни один на них, не крупных руководителей, даже не выступал против, то и те, которые были недовольны, ничего не говорили, так что об этом ничего неизвестно. Может быть, они что-нибудь могли одни провести? Может быть! Но никаких споров особых, которые были бы заметны и могли бы быть отмечены, - я не помню.

Теперь бы я хотел немножко вернуться назад. Во-первых, по поводу дня свободы, о котором вы там судили: это, значит, эти месяцы между Октябрьским манифестом и началом января, когда забастовка была проведена. Во-первых, Вы мне рассказывали прежде этого, что в эти дни было организовано в городах революционное самоуправление...

Это уже было выступление правых. Вы об этом хотите сказать?

Нет, что в дни свободы, после манифеста было организовано в городах революционное самоуправление в некоторых формах. Было ли это так? Это значит в октябрьских и ноябрьских ...

Нет, нет. Тогда мы городских самоуправлений не захватывали.

Не захватывали?

Нет, не захватывали! Я говорю, в Батуме они согласились работать так, как мы хотим, я мы их оставили. Я помню, я еще был в Батуме ... (34)

Нет, а в Тбилиси?

После октября. Я остался еще в Батуме некоторое время, пока переехал в Тбилиси. Мы там устраивали, там были митинги, мы торговались с этими гласными...

А в Тифлисе?

... и они согласились работать так, что они сами организуют в городе спокойствие, потому что мы не знали тогда, найдется ли у нас такое количество сил, чтобы уделять Городскому самоуправлению. Представьте себе, тут нужна интеллигентная сила, а эти простые рабочие - они не пригодятся еще, чтобы управлять всем этим городским хозяйством. Взять все в свои руки и потом провалиться - это хуже. А мы решили, что пока пускай они под нашим руководством управляют так, как мы хотим приблизительно. Если хоть определенный компромисс был бы с ними и они его выполняли, это было бы достаточно. А мы потом посмотрим, как быть, скажем свое слово когда будут выборы, тогда будем выставлять своих кандидатов. Вы понимаете, вдруг революция свалилась на голову, и где у нас было такое количество сил? Многие были в Сибири. Многие были в ссылке. Пока они вернутся и так дальше. Нельзя же было брать просто дело, если оно попадает к вам в руки! Мы этого не хотели. Так что у нас в Батуме не было никакого желания захватить Городское самоуправление. Наоборот, было желание, чтобы они все-таки работали лучше и соблюдали порядок в городе, чтобы они взяли это в свои руки. И они это сделали.

А в Тифлисе?

То же самое. Я помню, кажется чуть ли не Хатисов был тогда городским головой - городским головой столицы. Он тоже самое...

В конце концов, ведь только ограничивали себе! (35)

Ограничивали себя только потому, что предпочитали работа не организации революционного движения и общественного мнения.

И Красной Гвардии в некоторой степени, да?

Да, до некоторой степени. Но захватить город и Городское самоуправление мы не хотели!

Так, хорошо. Теперь я бы хотел узнать следующее. Как начиналась эта декабрьская забастовка? Как это произошло? Вы узнали об аресте советских рабочих депутатов?

Мы узнали о забастовке в России. Сначала забастовка декабрьская, - забастовали и мы! Как только сведения пришли, тогда по железной дороге была организована с железнодорожниками связь, которая распространилась на всей России. Они передавали сведения через железнодорожников, которые все эти сведения привозили по железной дороге и передали нам все эти данные, все, что происходило там. Это был железнодорожный Комитет, и он был самым главным забастовочным Комитетом.

Было что?

Комитет по железной дороге, Железнодорожный комитет. Я тоже участвовал. В Тбилиси я тоже участвовал в этом Комитете. Даже внедорожная секция у нас была самая сильная, самая большая, потому что это почти единственная крупная организация рабочего центра - железнодорожные мастерские. Так что, в сущности говоря, когда забастовку объявили, то циркуляры об этом были распространены всюду по всей железной дороге в тот же день! Бастовали мы все вместе! За какие-нибудь четыре часа было известно о забастовке по всей России и, у нас на Кавказе всюду также сразу она была проведена. Но мы продолжали [забастовку] и после поражения Московского восстания. (36)

Но Вы знаете действительно, что после разгона Совета Рабочих Депутатов в Петербурге, в Петербурге не произошла общая забастовка?

Да, мы знали и об этом. И что в Москве прошла общая забастовка, а в Петербурге - нет. Эта мы тоже узнали!

Когда вы начали забастовку, что вы уже знали об этом? Это я хочу знать!

Мы этого не знали еще, но сразу узнали, что забастовке началась в России ... по всем железным дорогам ...

Машинопись, чернило.
ЦИАГ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 21. Л.л. 1- 36.

Лента № 5, интервью с господином Арсенидзе.

... И в России, и вообще, по всем железным дорогам. И дошла весть до нас, и мы забастовали все. На других маленьких фабриках тоже объявили забастовку. Повсюду была полная забастовка всех рабочих. И Батум, и у нас в Батуме всюду прошла забастовка полная. А потом мы узнали, что Петербург не сумел после разгона там... после развала там не сумели в Петербурге наладить. Боролась Москва. Там тоже был крупный центр. Я говорю, что даже после поражения Москвы мы еще хотели продолжать борьбу. Поэтому-то и понятно, что Петербург на нас воздействовать не мог.

Как? А какие были лозунги забастовки?

Самые революционные лозунги. Никаких особенных!

Что значит, конкретно?

Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!

И точка?

И все! Никаких других требований! Никаких экономических требований мы не выставляли. Это была чисто политическая забастовка.

Скажите, в этой забастовке, значит, в декабре, эта «Черная сотня», если она так называется, она уже действовала? (37)

Уже начинала проявлять себя, но не во время забастовки! До забастовки она проявляли себя в Тбилиси, по крайней мере до 22-ге октября, манифестировала уже в Тбилиси! Но потом их разогнали. А потом еще волна поднималась!

Скажите, а какое было настроение в нерабочих кругах? По отношению к забастовке в декабре в Тбилиси?

По крайней мере, - положительное сначала, я Вам рассказывал. А потом, после этих эксцессов, посла этого разгрома Солдатского базара, она упала.

А в начале была положительное?

В начале было положительное. Все бастовали и все шло!

Даже все обыватели?

Все, все обыватели! Весь город был закрыт!

Весь город? И интеллигенция поддерживала?

И интеллигенция поддерживала. И особенно эти все мелкие мастерские - они были закрыты, лавочки были закрыты, магазины были закрыты, потому что все приказчики ушли. Город замер совершенно. Помню, мы сами решили, - что оставить [то есть где не бастовать]. Больницы к хлебопекарни! Чтобы хлеб был, и он был, что нужно для больных. Вот и все! Это решали. И решил Забастовочный комитет.

И было полное единение?

Что вот такие - то учреждения могут быть открыты. Все остальные закрываются. И все остальное было закрыто! Правда, некоторые выражали против этого, но мы были против этого возражения: хлеб нужно было давать населению и больных надо наблюдать - нужно лекарство выдавать ж все прочее. Фармацевтам тоже не разрешили бастовать! Они должны (38) были работать. Все остальное остановилось. И объяснение было так, что вот фармацевты должны оставаться и также все эти буланжеры. Но все другие организации должны бастовать.

Скажите, когда начались правительственные репрессии? Полицейские и так далее? И какую форму они употребляли?

Первая форма была - это самая резкая форма была!

Что было?

Это разгром Солдатского базара, и после этого начались репрессии.

Какие? Арестовывали?

Уже по улицам появились казачья отряды, и они по улицам били людей, колотили, избивали людей, где находились пять-шесть человек вместе - били и потом врываются в рабочие кварталы. Мы боялись... я сказал уж Вам, что мы ставили сторожевые посты, чтобы они в случае появления солдат или казаков дали сообщения населению об этом. Но казаки подлезли к ним тайком, а некоторых из них убили. Вот как было. Но все-таки на рабочий квартал напасть побоялись. Вот это все было в те дни. И эти две волны - революционная и реакционная, - сталкивались между собой, а потом в начале 906 года военная сила взяла верх.

Хорошо. Мы уже разговаривали по поводу выборов Первой Государственной Думы в как, после некоторых колебаний, в конце - концов были выбраны Жордания и другие. И они были посланы в Петербург. Вы знаете, какую линию они там вела. Вы тоже знаете это!

Да, мы оба знаем. И в конце - концов был разгон Первой Государственной Думы, если я не ошибаюсь, в июле 906 года... И выборочный манифест был.

И после этого манифеста - какая была реакция, особенно (39) в отношениях между большевиками и меньшевиками в Грузии?

Это так само по себе на большевиков мало подействовало. Но тот факт, что все-таки Первая Государственная Дума оказалась в таком положении, это имело только одно значение: большевики отказались от своего бойкота для Второй Государственной Думы. Я Вам рассказывал, как у нас и даже среди меньшевиков и большевиков были разногласия как раз перед выборами во Вторую Государственную Думу? Вот разница в этом получилась.

Это нам нужно обсудить, я думаю.

Да. Видите ли, это и есть тот результат, который получался после разгона Думы и выборгского воззвания. Хотя оно не имело никакого отклика в населении - на что это Выборгское воззвание?

Вы имеете в виду эту четвертую конференцию Закавказского Союза?

Нет, это было до этой конференции.

До осени 906 года?

Да, до осени 906 года.

Ну расскажите, какие разногласия были? Эта очень интересно!

Я Вам рассказывал об этом, кажется, записали!

Ну, и что дальше?

После, значит, разгона Первой Государственной Думы наши депутаты все вернулись к нам обратно. А потом их на три месяца посадили всех в тюрьму. Некоторых потом его выпустили. Жордания скрывался долго, почти год, но потом нашли, снова арестовали и отдельно судили, тоже на три месяца - не это не так интересно! А до того времени Жордания уже работал у нас в организации, уже когда приехал отсюда. Но настроение создалось не такое, как ожидали. На разгон Первой Государственной Думы, (40) я помню, я писал сам, к сожалению народ отвечать не мог. А Жордания говорил: «Как же, вы

нас выбрали депутатами, а нас разогнали, и вы не хотите отвечать!» Я говорю, что у нас нет силы. Настроение уже было упавшее.

Что хотел Жордания?

После этого во главе государства стал Столыпин. И он повел отчаянную реакцию, то есть отчаянный террор. Это значило, что начался правительственный террор против населения. И это подействовало на население, подействовало удручающим образом! Что не мы устраиваем террор против правительства, а правительство против населения. Ввели виселицы, расстреливали людей, вешали и так дальше.

Это так произошло и в Грузии?

Да! И так было вообще по всей России. Понимаете, народ все так думал, что подвергаться этим репрессиям не стоит. Нужно немного успокоиться. И потому у нас шли раздоры об этом в среде меньшевиков и среди большевиков. У большевиков была своя старая идея вооруженного восстания: на нас нападают, значит, мы тоже должны нападать и устроить вооруженное восстание. И среди меньшевиков тоже два течения образовалось, одни стояли за перенесение центра тяжести на следующие выборы, а другие стояли на том, что можно еще революционную волну поднять и усилить выступление, если не восстание, то... И это отразилось на нашей Бакинской конференции в 906 году.

Но до Бакинской конференции? Это четвертая, да?

Я не знаю. Числа я не знаю. По числу так я не помню. Но, во всяком случае, до этого.

Расскажите мне, пожалуйста, какие меньшевики чувствовали, что теперь надо возобновить революционную борьбу. Значит без применения острых форм. (41)

Большинство из них исходило из сельских организаций, большинство Грузинской организации; большинство некоторых провинциальных организаций, часть Кутаисских организаций. А Батумские и Тифлисские были против большинства. Городские организации и в Батуме и в Тбилиси, а Батумские в особенности, и в Тбилиси тоже большинство были против, и даже настолько были против, что всех сторонников этой острой боевой линии они не провели в делегаты на съезд в Тбилиси.

На конференцию?

Да, на Бакинской конференции 906 года крайние получили мандаты из Гурии и других сельских областей.

Это были какие лица! Назовите этих лиц, пожалуйста.

Я помню, например, Ноя Рамишвили. Он не был выбран в Тбилиси, а его избрали в Гурии.

Потому что он стоял за эту твердую линию?

Да, он стоял за эту точку зрения! И целый ряд других. А во время выборов ему предоставили пройти. Это было как раз на этих выборах. Но мы его все-таки делегатом выставили от Тбилиси.

Он стоял за эту точку зрения?

Ну, он стоял, я скажу, наоборот... на нашей точке зрения, потому что мы с ним потом составили весь манифест и работали вместе. Он умел приспособляться. Он же одно время колебался и был с ними. Но, видите ли, когда большинство населения настаивало на том, что раз у нас есть выход, то нужно идти к избирательным урнам и эти урны использовать, то он и решил, что это подходящее дело. Также подходящее, а не то, что он стоял за это! Провели эту линию мы и бакинцы! Эти тбилисские делегаты - бакинские и батумские были за избирательную кампанию. Значит, Батум, Баку и Тбилиси были одинакового мнения. И потому (42) Жордания тоже перешел на эту сторону, он сотрудничал с нами по крайней мере, работал вместе с нами, тогда как другие нас бойкотировали. Вот Арчил Джапаридзе и Ной Рамишвили бойкотировали нас и не хотели даже принимать участия в выработке всей этой избирательной программы и других вещей - Они считали, что они более революционная часть партии, и у них революционная тактика.

Церетели уже вернулся?

Нет, Церетели не было. Церетели был тогда болен. Еще он нигде не выступал тогда.

И не участвовал?

Он приехал из - за границы, его привезла его тетя, Като Николадзе из Германии. Он был болен. Она держала его у себя на квартире и никого туда не пускала и его не выпускала. И когда мы выбирали, он не читал газеты, ему было это запрещено. Видите, настолько он был уставший. Так что Церетели в избирательной кампании не принимал участия. Поэтому мы точки зрения его не знали и не спрашивали, нечего было и спрашивать.

А против этой точки зрения стояли Вы?

Я стоял за выборы. Стояли бакинские товарищи - Сеит Девдариани, - его помню я - и еще русские рабочие были - я не помню всех по фамилиям.

А некие главные фигуры стояли?

Я не помню всех, вот Батумские делегаты стояли все за выборы. Но я не помню всех, не помню, забыл имя делегатов. Помню одного пропагандиста, Рафаел Чихладзе. Он был очень хороший оратор, блестящий пропагандист, но политическим руководителем его трудно было бы назвать!

А Вы мне отметили, что большинство из деревенских организаций, особенно в Гурии?
Они все-таки выбрали крайних, и их делегаты стояли за крайнюю тактику. (43)

Как Вы объясняете эту разницу между городом и деревней?

Трудно, трудно сказать. Видите ли, я думаю, что в выступлениях больше экспрессионизма у крестьян, чем у рабочих. Рабочие уже не раз серьезно все обсуждали все это. Они говорили: «Мы сидим здесь в городе, эта огромная сила правительственного аппарата на нас наваливается». А в деревнях этой силы не было! Они вместо могли подняться и администрацию устранить, это было легко. Там один пристав, несколько стражников - их можно в один час обезоружить и отставить, и деревня остается без всякой администрации. А в городе уже стоит и армия, и администрация, и полиция - и со всеми не справиться! Видите, сила-то сидела в городе, а не в деревне. Правительственная сила! И потому это они ощущали в городе больше, чем в деревне. И каждый мог приносить свои настроения. И они говорили - «Мы это можем сделать». А нам в городе, оказывалось, это делать нельзя, и потому мы отказывались от выступлений.

А где стоял Николай Чхеидзе в этом конфликте?

За нами - с нами.

За участие?

Да, за участие, хотя он на конференции не участвовал. В Тбилиси и так знали его взгляды.

А были конфликты по этому поводу в рамках большевиков? Или все были за бойкот?

Большевики все...

За что?

Первый раз были за бойкот. А второй раз были за восстание. Все они единогласно - их небольшая группа была. Когда они был и в Баку, они не имели большего влияния. А потом, может, и получили (44) насколько больше, но тогда они не умели. Мало было их.

А какие их были главные фигуры?

Цхакая и этот наш Сталин.

Сталин и ?..

Сталин и Цхакая. Цулукидзе уже умер в 905 году, так что его похоронили раньше а Филипп Махарадзе, он тоже не принимал участия. Он был теоретиком, но в революционном движении мало принимал участия, потому что его слишком знали в полулегально работал. Его в каждый момент могли арестовать, и, кроме всего, он был большой трус. И не мог он рисковать этим.

А Орджоникидзе?

Орджоникидзе не было тогда у нас в Грузии. Он был тогда, кажется, где - то там в Сухумской области, а в Тифлисе он не приезжал и в этих выборах не принимал участия. А в 905 году у него были отряды в Имеретии - небольшие отряды были у него. Но потом они рассеялись.

Когда эти конфликты в конце - концов обнаружались, на этой конференции в Баку, да? И это произошло осенью 906 года?

Да, приблизительно так, осенью, должно быть!

Вы участвовали в этой конференции?

Я участвовал там, да. На этой конференции.

Расскажите по поводу этого.

Я уже рассказывал Вам один раз.

Да, но более подробно расскажите.

Мы так обсуждали вопрос о Гурии - о Гурийских организациях сельских. Окончательные их формы. Это был первый вопрос, Григорий Уратадзе был докладчиком. И мы обсудили и нашли, что этот доклад нужно утвердить. Он вам подробно рассказал, как это в деревне (45) устраивают. Как крестьяне хотят все входить в партию и так дальше. Мы решили, что всех крестьян в партию нельзя пускать, потому что партийные организации должны остаться партийными и небольшими организациями, а для них составить демократическую организации и руководить аграрным движением. Так что эти планы были подтверждены окончательно вот на этой конференции. А потом обсуждали этот вопрос о нашем политическом положении. Это был самый основной вопрос. Мы там долго не были.

Два дня конференция продолжалась, потом мы уехали, а потому этот вопрос мы как видите, разрешили - мы разделились на две части, как я Вам сказал, поровну.

Как меньшевики - сколько?

Нас было по восемнадцати за более мирную и по восемнадцати за более революционную тактику. А большевики захотели голосовать за нас, более мирных. Но мы тогда решили, что мы с большевиками по этому поводу говорить не будем, а лучше сговориться с теми, с меньшевиками другой фракции. И мы сговорились и с некоторыми поправками приняли общую резолюцию.

Какие поправки?

Поправки такие, что, вот, может быть, возможны будут революционные выступления и их можно будет использовать, если такое настроение создается. Но главную силу направить на выборы и так далее. И все, в конце концов, должны были согласиться на такой компромисс. Для того, чтобы голосовать сообща, все меньшевики голосовали заодно, а большевики остались со своей революцией о восстании и так дальше.

Вы думаете, что впервые Вас поддерживал Сталин для того, чтобы восстановить раскол? (46)

Нет, нет! Для того, чтобы, вероятно, нес разделить... они, большевики, считали, что мы наибольшие оппортунисты и, значит таких меньшевиков можно было легко обвинять в оппортунизме. Видите, что кто менее революционно выступал, тех он и поддержали, тогда как он сам занимал самую крайнюю позицию.

Машинопись, чернило.
ЦИАГ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 21. Л.л. 36- 46.

* * *

***Это наше шестое интервью с г. Арсенидзе.
Число сегодня - 28 июля 1961 года.***

Мы вчера остановились на время выборов для Второй Государственной Думы. До этого я хотел бы выяснить один вопрос по поводу этой Бакинской конференции. Один вопрос необходимо выяснить. Это следующий вопрос: Вы мне отметили вчера, что во время этой конференции Сталин и его друзья занимали бойкотическую позицию в отношении выборов и вообще поддерживали концепцию вооруженного восстания. Что меня немножко удивляет в этом деле, это то, что в этот момент Ленин уже поддерживал идею участия в выборах. По этому пункту не были ли дебаты в большевистской фракции? Или Вы не ставили ли аргументы к ним? Что, в конце - концов, сам Ленин поддерживает идею выборов и так далее?

Видите ли, дело в том, что, может быть... трудно мне сейчас -объяснить, почему они держали такую позицию. Но позицию держали именно такую! Опять хотели бойкотировать выборы, когда русские - советские - хотели принимать участие. Но объясняется, может быть, это тем, что у нас уже было - я Вам рассказывал! - внутри [саших большевиков, русских и грузин] было некоторое разногласие, они хотели быть еще левее. Вот это, возможно, единственное положение, чем можно это объяснить. Другого объяснения нет. Или, может (47) быть, я забыл, я не знаю! Может быть! Или я забыл, но вспоминается мне так, что их положение в это время, по этому вопросу было отрицательное и вообще относились отрицательно к выборам. Видите ли, я сейчас вспоминаю ... может быть, что они требовали, чтобы к новым выборам применяли именно те аргумент, которые тогда проводил Ленин, то есть что первые выборы были неправильные, и они все их бойкотировали, что теперь немного изменилось положение и в выборах можно принимать участие, но оставить в силе все остальные лозунги восстания и все другое. Я думаю, что вот такая была их позиция.

Может быть, в самой России, как вы знаете, как ...

Видите ли, когда Ленин писал во время Второй Думы, что нужно принимать участие, он приводил свои аргументы...

Чтобы разоблачить Думу изнутри?

... что бойкот Первой Думы был правильный. Но сейчас немного изменялось положение. Остается все то, что было в силе при выборах в Первую Думу, то есть то, что нужно устраивать революционные выступления, готовиться и вооруженному восстанию. И несмотря на это, можно принять и участие в этих выборах,- потому что и так далее. Вот видите, вот такая была позиция, которую мы понимали, как отрицание выборов, потому что дилемма была - или восстание или выборы. Конечно, наши большевики, - грузинские - получили некоторые сведения, но, вероятно, целиком и подробно не были осведомлены. Этим и объясняется их неопределенная позиция.

Ну теперь я бы хотел вернуться к тем меньшевикам, которые занимали крайнюю позицию на этой конференции - как Ной Рамшвили, скажем. Они стояли за полный бойкот?

Нет, нет! Они стояли за выборы, но предполагали, что сейчас (48) все - таки, по их мнению, собственно вопрос должен стоять не о выборах, и вопрос момента - мы обсуждали текущий момент. А для рассмотрения текущего момента безотносительно к выборам самим по себе большевики считали, что нужно готовиться и восстанию и так дальше, и все, что полагается. Весной выборная кампания тоже будет, но это, между прочим. Рамшвили и этот, депутат впоследствии, Арчил Джапаридзе - два главаря и некоторые другие, считали - половина меньшевиков считали, - что все - таки, ввиду Столыпинского террора, который в это время свирепствовал, возможно усиление народного движения, возможно, что народ опять поднимется и будет вести против правительственного террора свои активные действия. А мы полагали, что этот террор собственно напугал публику. И потому сейчас главное внимание должно быть перенесено на выборы, и это должно стать центром вашей деятельности.

Их оценку революционного подъема мы отрицали. И потому, когда, в конце концов, приняли резолюцию, я помню, что один из представителей наших, из Кутаиса, доктор [Пармен] Чичинадзе, заявил, что резолюцию, которую мы приняли, это же не к моменту, она к выборам больше относится, чем к моменту, потому, говорит, мы назовем, может быть, просто резолюцией. Изменить, - говорит, - нужно заглавие. Но вместо изменения заглавия я могу Вам сказать, мы внесли некоторый корректив для примирения с другой меньшевистской фракцией, и тогда мы внесли поправки в эту резолюцию, настолько, что эта революция уже оказалась не столько оценкой момента, сколько оценкой выборов. Но и политический момент был внесен.

А выборы были внесены, как главный момент для данного времени. Вот в этом заключалась разница. Против выборов большевики не выступали уже тогда, не говорили, что выборов не надо, а вот в этом политическом вопросе, значит, они ставили свою резолюцию, что, ввиду такого положения в стране, восстание и будет как раз наиболее соответствовать(49) моменту. Большевики добились кой-чего, но не целиком. Но во всяком случае того, что возможен подъем революционного движения.

А третья линия была, что сейчас подъема революционного движения не может быть ввиду этих репрессий и что, наоборот, самый лучший выход - это все силы направить на эту чисто политическую работу, которую представляет собой избирательная кампания. Она может расширить наши горизонты, может увеличить число наших сторонников и единомышленников, и вообще будем иметь больше влияния на народ и так далее. Вот какое положение вещей было.

Во время этой конференции была ли критика грузинских депутатов в Первой Государственной Думе?

Была! Со стороны большевиков была очень резкая критика. Чуть ли не называли их просто «болтунами» и так далее. Так что было все это. Но это писалось уже раньше легально, в газетах. Большевики ставили ...

А в рядах меньшевиков по отношению к поведению Жордания и других?

Нет, это... по отношению к этим депутатам... с депутатами, - как бы сказать, - мы были вполне солидарны, потому что, во-первых, это был первый опыт, а, во-вторых, это была фракция, состоявшая из передовых рабочих, которые все прошли по рабочей курии в России, и они уже так сильно и прямо ...

Но по поводу вопроса коллаборации с кадетами?

Видите, этот вопрос все меньшевики тоже поддерживали, что в данный момент нам следует их поддерживать. Не коллаборация, а поддержать, и кадетскую партию, поскольку она находится в оппозиции к правительству. Вот стоял вопрос так! (50)

И даже налевые меньшевики также думали?

Меньшевики все, меньшевики все! Все [так думали]!

И Джапаридзе? И Рамшвили?

Все, все, меньшевики, - в этом отношении разницы не было. Вот, в смысле, так сказать, тактики по отношению к другим партиям - у нас разногласий не было. Мы считались не только с демократическими и крестьянскими партиями, но с буржуазной партией либералов, полагали, что нужно, так сказать, поддерживать их постольку, поскольку они выступают против правительства в данном вопросе оппозиции, что нам эта оппозиция тоже полезна для нашего общего дела. Тогда большевики считали их уже заранее изменниками и предателями в 914 году и что их всех нужно вместе свергать.

Вы что -нибудь помните по поводу выборной кампании для Второй Государственной Думы? Вы участвовали тогда?

Да, а участвовал тогда. Вероятно, надо опросить главных организаторов этой избирательных кампаний, они Вам больше расскажут, чем я. Я принимал участие, выступал во многих местах. Видите ли, тогда я только что вышел из тюрьмы. Это тоже нужно иметь в виду, что при Первой Государственной Думе я сидел, меня в редакции газеты арестовали, и я сидел все время.

Вы когда были арестованы?

Перед выборами в Первую Государственную Думу. Так что был только в переговорах. Ни в Первой не участвовал, совершенно не участвовал. Получал сведения только в тюрьме, где я сидел. Тогда всю редакцию арестовали нас, а Жордания спасся случайно. Его не оказалось в этот момент в редакции. А в выборах во Вторую Государственную Думу я принимал участие, но я только что тогда вышел из тюрьмы и (51) немножко, все-таки, был осторожней, чем другие. И, кроме того, я сразу же поступил в газету, когда вышел, так я сразу в газете стал работать и газетную кампанию я вел.

Так, хорошо. Во-первых, Вы играли какую-нибудь роль в выборах Ираклия Церетели, как кандидата в Думу?

Да, в выборы, собственно, я его и выставил!

Вы об этом рассказываете в своей статье?

Да, об этом я подробно говорю. Видите ли, дело было так: Когда Центральное Бюро Закавказских организаций, - а я был членом этого Бюро, - выбирало кандидатов по Тифлисской и Кутаисской губерниям: трех надо было по Тифлисской, трех по Кутаисской, одного по городу Тбилиси. По городу Тбилиси был назначен Аршак Зурабов, а мы не возражали против этого. Первый был грузин и нужно было армянина, там же было больше, около половины, если же больше, армяне были в Тифлисе тогда.

Мы выставили его кандидатуру. Потом выставляли другие кандидатуры. Всех я сейчас не могу вспомнить. Да и неважно! Так как у Вас, наверное, имелись все депутатские списки?

Да!

Мы предполагали, что самым лучшим представителем - руководителем будет Джапаридзе Арчил. Он человек был начитанный, способный, но совершенно не был оратором. У него ораторской способности не было; даже в кружках, когда он ходил, больше занимался вопросами и ответами, чем вся пропаганда и агитацию. Агитацию вести совершенно не мог, не был оратор! И вот я предложил по Кутаисской губернии одним из депутатов выставить Церетели. Я его знал больше, чем другие, и они удивились, когда, между прочим, я заявил: - Вы знаете, в лице его, Церетели, будем иметь настоящего лидера. Я настолько был уверен в (52) твердости и силе его характера и способностей! И еще он после этого был в Германии, дополнил свое образование, и я считал, что он будет способным. Я не думал, что ему было запрещено даже читать, и это меня удивило. Я не думал, что он такой больной, иначе я не решился бы тогда его выставить. Но выставил. Все-таки думал, что он за границей был, приехал, отдохнул, и все-таки он человек наиболее способный среди всех этих молодых людей, которых я знал. И меня послали поговорить с ним.

Като Николадзе пригласила меня обедать у них. Это она воспитывала Ираклия Церетели; мать Ираклия умерла рано, так что она его воспитывала и считала его за своего сына и ухаживала, как за своим сыном. Ну, она пригласила меня обедать. А когда она узнала, что я принес это известие об его кандидатуре в Государственную Думу, то она чуть ли не с ума сошла. И хотела выгнать меня, кричала - «Уходи отсюда!», но потом она успокоилась, говорит; - «Ничего не поделаешь уже этими людьми». Ну после обеда я уже там долго не оставался и ушел. Все-таки она начинала присматривать за нами, о чем я с ним разговаривал. Я и нашел лучше не оставаться больше. Пришел я с этим известием в Тбилиси и рассказывал Джигладзе Сильвестру, что вот так-то было, чуть не побили и так дальше, а он пересказал Жордания, а Жордания, вероятно, послал тоже письмо, что нужно, чтобы Ираклий согласился.

А скажите, Ломтатидзе, где он находился?

Ломтатидзе? Тогда его выставили из Гурии, Гурийской организации, Махарадзе тоже. Жордания тоже был из Гурии.

Расскажите мне немножко по поводу прошлого этих двух лиц? Ломтатидзе и Махарадзе.
Я Ломтатидзе знаю меньше. Он был писателем. Вот все, что я знал о нем. (53)

И по происхождению кто он?

Писал повести и рассказы и был хороший писатель.

А по происхождению кто он был?

Гурийский крестьянин. А Махарадзе был мой товарищ, школьный товарищ. Вместе кончили Духовную семинарию ...

Это Вы мне рассказывали. Какие лозунги были подчеркнутыми? Нет, сначала я хочу спросить у Вас следующее: В эти выборы для Второй Государственной Думы, этот союз с социалистами - федералистами - были они поддерживаемы?

Нет, мы тогда уже выбирали одни, насколько я помню.

Я где-то читал, что большевики хотели иметь и получить от вас, ну скажем, одного или двух кандидатов?

Да, хотели они получить, но мы их кандидатов не приняли. Они были очень недовольны этим.

И что, они даже оперировали?

Да, всякие операции были с их стороны. Мы просто говорили, что их такое меньшинство, которому мы не можем дать депутата, и, кроме того, это не принесет никакой пользы для избирательной кампании. Что больше имеет значения выборы наших, то есть меньшевистских, депутатов, чем провести из большевиков хотя бы одного лидера. В Тбилиси поэтому они и не настаивали особенно. Буду Мдивани они выставляли, потом Шаумяна хотели выставить, но вопрос о Сталине не поднимался, я, по крайней мере, не помню. Об этих помню, а о нем не помню. К тому я думаю, вероятно, у них тоже этот вопрос не поднимался. В избирательной кампании большевики принимали участие и даже когда у нас были споры с другими партиями, защищали общую линию, не выступали против нас. Некоторых из них мы провели в качестве избирателей, (54) некоторые в качестве избирателей прошли, но кандидатами в депутаты все-таки назначили своих.

Но они Вас тогда поддерживали во время выборов?

Во время выборов они выступали со своими аргументациями тоже, нельзя было лишить их права, и они выступали со своими аргументациями.

Но поддерживали социал - демократов?

Но поддерживали социал- демократов и кандидатуру тоже.

[Отсутствует часть текста]

Рамшвили, значит, произносил речь, в которой он апеллировал к Плеханову, чтобы он приехал для помощи, обеспечил меньшевизм от оппортунистических тактических взглядов? Или чтобы были устранены разногласия?

Результат - масса корреспонденции было напечатано в грузинских газетах, не нигде не отмечалось это. Съезд тоже не получал подобных корреспонденций! Но некоторые делегаты это отмечали, очевидно, это было между лидерами, а дальше оно не шло.

А по поводу такого слова, как «Ликвидаторство»?

Это слово - ликвидаторство - было потом, после уже. Кажется, это на Втором Съезде. Потому что в Грузии меньшевики единственно имело влияние. Большевики же в России хотели опять совершенно упразднить нелегальную организацию и перейти на легальную работу и организацию. Нелегальную организацию совершенно снять и перейти к легальной работе профсоюзов и некоторых других легальных общественных организаций. А у нас в Грузии мы работали и в профсоюзах и в легальных организациях и имели вместе с тем нелегальные организации. Так что мы не могли нелегальные организации уничтожить, и потому решили, что наши русские товарищи в своем ликвидаторстве ошибаются, так как нелегальные организации все-таки нужны! Эти организации были слабы. (55) Профессиональные союзы разрешились в это время, но это были слабые, незначительные стороны движения, а мы никак не могли ограничить ими нашу работу. В этом отношении взгляды русских ликвидаторов мы не поддерживали. У нас этого течения не было.

Этот вопрос обсуждали?

Нет. Не обсуждали этого вопроса... Это было во втором году и это я Вам уже сказал, что это легко разрешилось в пользу крестьян, потому что они сами стали выступать, а в 904 году об этом разговора не было. Наоборот, это уже пошло по всем уездам, и не только там, а и по другим местам. Крестьянское движение разлилось почти по всей Грузии.

И после этого как был разгон Второй Государственной Думы и социал - демократическая фракция была арестована, какая была реакция внутри Грузинской социал - демократии? И что они думали? Какие дебаты по поводу того, что нужно делать, и так далее после Столыпинского закона 1907 года?

Их дебаты я не помню по этому поводу. Никаких дебатов я не помню по этому поводу. Не помню, потому что там были и меньшевики, и большевики, и все работали в Государственной Думе. Эту работу мы брали, распространяли по мере возможности. Потом уже мы издавали свою газету, значит, мы переехали в Баку и Грузию. И еще не было Грузинской социал - демократии, и мы все были членами Российской Социал демократической Рабочей Партии и отличалась только там, что более широко работали и нелегально, нелегальные начинания.

Расскажите мне немножко по поводу этой нелегальной конференции в Тифлисе после разгона Второй Думы. Что было там на обсуждении? Какие вопросы разбирались? (56)

Мы обсуждали политическое положение. Я был представлен на этой конференции, но решительно не могу ничего вспомнить.

Ну, скажем, некоторые моменты, может быть, помните?

Я помню только некоторые инциденты, которые у нас происходили,

Расскажите о них.

Расскажу инцидент, это так интересно! Мы уже входили, говорили о роспуске Думы и о том, что наши депутаты арестованы, и о том, что нужно против этого выступать, так дальше не может продолжаться. Но так как больше мы не могли легально работать и больших собраний устраивать, выступать нельзя было, демонстраций и манифестаций мы не решались устраивать - это невозможно было. Мы собирались только по некоторым случаям. Вот, видите ли, было дело так. У нас там в редакции арестовали бывшего депутата Джугели, и он в тюрьме скончался. Мы потребовали его тело выдать для похорон. Хоронили его, была огромная толпа, хотя мы сначала думали, что никто не пойдет, а хоронили его, так пол города шло за ним, устроили грандиозные похороны.

Вот теперь последний вопрос. По поводу участия или неучастия в выборах в эту Государственную Думу существовало ли бойкотическое настроение в рамках некоторых большевиков?

Для которой Государственной Думы? Для Второй?

Нет, для Третьей Думы. Это значит в этот момент.

Не помню, чтобы такое настроение существовало. Не помню.

Все были согласны, что нужно участвовать?

Да, что нужно выбирать. Но против выборов они уже не выступали, зная, что это уже не имеет никакого смысла.

И также было между большевиками? Все согласны были? (57)

Между большевиков у нас, по крайней мере, разногласии не было. Потом, с 907 года Сталина уже не было в Грузии, оя еще собрал там большинство, но мы их исключили из организации, и он уехал в Баку, и Ленина избрал потому что они...

Еще один последний вопрос! были ли обсуждены на этой конференции в Тифлисе вопросы эксцессов?

Вопрос эксцессов был очень, очень серьезно обсужден. Мы решили, что нужно распустить все эти вооруженные силы, вооруженные организации... Я особенно на этом настаивал и очень много боролся, и мы это решили, что никаких больше вооруженных организаций. Вначале, а помню, ходили по всем этим организациям и требовал об их роспуске. Я ездил вместе с Власа Мгеладзе, да, ездил вместе с ним в Карталинию, там была еще группа, которая там еще вела нелегальную жизнь, но занимались уже больше рубкой лес, чтобы кормиться. Мы предложили им всем вернуться обратно в город, а потом отправиться на Северный Кавказ, а некоторых хотели перевести в Турцию; но не удалось, и потом их оставили... Ликвидировали это в 906 и 907 гг. Ликвидировали всякие, так сказать, остатки красноармейцев, остатки военных группировок.

Партизанские отряды?

И бежавших в леса товарищей и так дальше, я привел к тому, чтобы спокойствие было в стране. Они мешали очень и всей организационной работе своими выступлениями, далеко не соответствующими нашим общим интересам.

И по поводу этих захватов, наступления на банки и так далее?

Да, да! . .

Машинопись, чернило.
ЦИАГ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 21. Л.л. 46- 58.

(58) Это вторая сторона би- го интервью с г. Арсенидзе.

Я бы хотел добавить что-нибудь на ленту... о том, о чем мы разговаривали вчера.

Да, мы что - то не закончили вчера!

Да, речь шла в Сталине. Вы мне рассказывали, как Грузинские организации передали все это дело, включая его участие в экспроприациях, Лондонскому Съезду?

Не Съезду, а Центральному Комитету большевиков, Центральному Комитету Партии.

Центральному Комитету партии, который до Лондонского Съезда, конечно, имел в большинстве меньшевиков?

Да.

Но это было приблизительно во время... Вы мне сказали... нескольких ...

Это расследование долго продолжалось - до конца 907 или 908 года.

Нет, минуточку! Лондонский Съезд был в 907 году.

Да, да. Верно! Верно!

Приблизительно в мае месяце. До этого его досье была послана Центральному Комитету.

Нет, не до этого! После было послано!

После Съезда?

Да, после Съезда, потому что после Съезда 907 года... видите ли, в 907 году они совершили - это было в конце мая, после... это было позднее. Может, даже после вернувшихся оттуда... Я просто не помню! (59) Это в мае, должно быть, было. А потом расследование это происходило, целый месяц оно тянулось. И потом мы послали. Я знаю, что, когда мы послали, Центральный Комитет уже был.

Большевистский?

Да, большевистский!

Это правда, это правда. Но я знаю, как и Вы знаете, что это дело экспроприации было также уже осуждено⁷⁶ оттуда.

В наших организациях было осуждено, да!

Да. И также на Лондонском Съезде было осуждено!

Нет, нет. Едва ли, едва ли!

Экспроприации, да, да.

Вообще вопрос об экспроприации, но не этот вопрос! Экспроприация... Я не помню, по крайней мере. В протоколах едва ли это было!

Вы имеете в виду - это дело Эриванской площади!

Да, да это дело Эриванской площади! Едва ли это дело обсуждалось на Съезде.

⁷⁶ В тексте написано «Обсуждено», что явная ошибка. Изд.

Но, во всяком случае, после Съезда, после этого исследования Грузинской организацией, Сталин был исключен из Грузинской организации? -

Да, да, из Грузинской организацией Сталин был исключен!

Это было приблизительно в 906 году?

Нет, нет... в 907 году, может быть, в 907 или в начале 908 года, потому что расследование продолжалось довольно долго. Целую кипу, целый том создали бумаг и документов. Опрашивали многих рабочих, где они собирались? Когда они это решили? Как это решили? Кто принимал участие? Вот! А некоторые из этих участников этого собрания дали нам очень точные сведения, и это все было (60) собрано и переслано в Женеву. А в Женеве дело это пропало. Ничего не сделали! Но Сталин, как-то он все-таки знал нашу силу определенную, что бы ни случилось, его не примут в организацию, и он уехал из Грузии, и он остановился в Баку.

Еще помню, что тогда Ленин искал его - где он и как? Ему сказали: «Для чего Вы его ищете? Его же исключили давно из партии. Он вообще-то...» Ленин сказал: «Вот он мне именно потому-то и нужен, он будет верным еще больше». И он приблизил Сталина к себе после этого.

Это характерно, потому что Уратадзе как раз был одним из тех, который сообщил Ленину об этом. Сталин тогда находился в загоне, это значит, что мы его исключили.

Уратадзе спрашивал Ленина: «Чего вы его ищете?» Ленин говорит: «Именно поэтому он мне и нужен!» Оказалось что Ленин сам тоже получил эти деньги, эриванские ...

И скажите, эти материалы...

... эриванские деньги получил Ленин тоже. Литвинов их разменивал в Берлине и не мог разменять!

Да, да, это я знаю!

Это у Вас, вероятно, есть все эти сведения?

Это было в Швейцарии. Он это постарался сделать!

Не знаю, где. Может быть, в Швейцарии этот Литвинов...

Он был арестован. Это было в 910 году!

Да, уже позднее, потому что там были сторублевые билеты, которые, оказывается, были нумерованы, и эти номера (а мелкие деньги они все растратили), а эти крупные не могли разменять!

Скажите, эти материалы, которые Вы собрали по поводу Сталина, была статья или что-нибудь по этому делу напечатано в литературе?

Ничего не было! К сожалению, ничего не было! Никакие сведения по поводу этого не печатались. (61)

В газетах тогда нельзя же было об этом печатать?

Да. Эти документы были все пересланы в Центральный Комитет, а оттуда пропали... по крайней мере, мы нигде их не видели, нигде следов нет.

Вы теперь вспоминаете то, что вы обнаружили в этих документах?

Мы обнаружили, что было собрание у большевиков, в группе большевиков в Тбилиси, и они постановили - решили совершить эту экспроприацию. Да! И потом - кто были участники, там были все перечислены. Кажется, Филипп Махарадзе, он тогда участник, как один из двух лидеров в этом собрании. Но он в экспроприации, конечно, не участвовал. Мы его знали в этом отношении. Но Сталин лично тоже не участвовал, но ждал их на вокзале.

После того, как они деньги похитили?

Да, как они это сделали, а потом определенные суммы... Был еще один Давыдов, тоже из грузин, который эти деньги привозил в Баку, и его там тоже мы хотели арестовать, но он удрал, успел убежать. Потому что мы уже знали, что он повез часть денег в Баку. Вот было так, настолько мы были осведомлены об этой истории. Но полиции мы передать не могли, этого не полагалось вообще, не входило в наше понимание морали и чести. Если сами могли бы, так мы бы задержали.

И что вы бы сделали с ним?

Отобрали бы деньги, а потом ... не знаю... и деньги отобрали бы и судили бы и, может быть, даже возвратили бы деньги. Но я не знаю. Во всяком случае, мы преследовали всякие эти экспроприации. Не только такие происходили, но происходили и другие - целый ряд экспроприаций, там напали на почту около Тбилиси и в других местах; в некоторых местах и на банки нападали, в одном месте даже Сталин (62) участвовал, кажется, для подготовки такого дела. Мы старались все это предупредить или же просто мы заявляли им, что если мы узнаем об этом, то мы вас арестуем сами. Этим мы хотели, по крайней мере, сократить или лишить их возможности дальше продолжать эту грабительскую работу, чисто разбойничью, потому что это не соответствовало никаким интересам - ни организации нашей, ни нашей работе, ни вообще, нашей морали. Ввиду общественного влияния партии, которая чуть ли не обладала всем населением, понимаете, руководила всем населенном фактически, мм не могли заниматься такими вещами. Поэтому это было для нас неприемлемо.

И у населения не было на это положительного отзыва, наоборот, Население очень возмущалось этими экспроприациями. Во-первых, это мешало и частным капиталистам - они тоже боялись; во-вторых,

это расстраивало общественную жизнь. Полиция во многих местах устраивала облавы, то и другое; ну, одним словом, были большие неприятности. А для чего это? И вообще морально не оправдывало наше население, не оправдывало подобные поступки. Вот потому мы и старались идти против и могли, в случае чего, принять свои меры... своего характера. Я Вам говорил, что в Кутаиси, где большевики собирались произвести экспроприацию, мы сами выгнали этого Камо, заставили его уйти. Это был факт.

Енукидзе участвовал в этих делах?

Нет. Енукидзе был тогда, кажется, в Петербурге. И, вообще, я его знал, он был наиболее скромный из всех большевиков и наиболее приемлемый, так, добрый. И к меньшевикам он относился тоже очень хорошо и из-за этого и пострадал. Вообще он ко всем партийным людям относился мягко и добродушно - от этого он и пострадал.

А Орджоникидзе?

Орджоникидзе? Нет! Орджоникидзе был такой же строгий, такой же, как и Сталин. (63)

Он участвовал?

Не знаю, вероятно, нет. Потому что он находился в это время совсем в другом конце, в Абхазии. Он работал там. А в Тбилиси в других местах и его не видел и не встречал. Он работал в тех районах. И потом и его мало знал в то время.

Ну теперь перейдем к выборам. К выборам в Третью Думу.

Я уже Вам говорил насчет выборов. Мы принимали меры, так как собрания не могли устраивать, а участвовали в чужих собраниях - у либералов; а потом устраивали просто обход. Трудно! А вот, кстати, Инна Ивановна, жена Ноя. Жордания, она лично участвовала в выборах этих, и, кажется, чуть ли по ее эта инициатива была обходить все дворы и дома и всюду сообщать о наших кандидатах и даже разносить наши бюллетени и передавать листки и вообще даже выборные, эти ...

А Чхеидзе? и знаю, он прошел в Тбилиси?

Да, Чхеидзе прошел в Тбилиси в Третью Государственную Думу. Во Вторую - не знаю.

И Гегечкори в Кутаиси?

Гегечкори в Кутаиси прошел. Да. Гегечкори был молодой еще, тогда ему было 23-25 лет приблизительно. Мы его там еще знали мало. Но его кандидатура была выставлена Уратадзе. Он его знал и сказал, что он будет подходящий - молодой, способный, оратор хороший и так дальше. И его провели. и его даже до этого не знал совершенно, этого Гегечкори. А он сразу попал в Государственную Думу депутатом!

Кто он был по происхождению, этот Гегечкори?

Он дворянин мингрельский.

Дворянин, мелкий?

Дворянин, да, мелкий дворянин. Я был у него дома. - небольшой деревянный двухэтажный домишко, небольшое именьеце вообще. (64)

Где он учился?

Он учился в Зугдидском уезде. Вот и все!

Это значит что? В какой школе?

Это в Западной Грузии, Кутаисской губернии: Мингрелия, Имеретия и Гурия - вот эти три области или, так сказать, уезды.

Но он учился в духовной школе или нет?

Нет, нет! Он учился в сельской школе.

А потом в университете?

Да, Кончил.

Где? Какой?

Юрист он.

Где он окончил?

Не знаю где, не могу сказать! Вот его жену спрашивайте. Она знает наверное, я не знаю, какой он университет окончил. Я не спрашивал.

Так. В воспоминаниях Жордания рассказывает, как по поводу выборов в Тифлисе ... Вы участвовали в этих выборах в Тифлисе?

В первых выборах я не участвовал, когда Жордания и выбирали.

Нет, в выборах во Вторую Думу?

Во Вторую Думу - да, участвовал!

Нет не во Второй, а в Третей Думе?

Во Второй Думе и участвовал. И в Третей участвовал, а в Четвертой и уже был в Кутаисе - там и участвовал.

Так. Ну, в Третей Государственной Думе - тут рассказывает Жордания, что эти выборы были довольно трудные в Тифлисе. И что армяне поддерживали, немножко поддерживали кандидатуру Чхеидзе?

Да, они поддержали Чхеидзе. (65)

Вы помните некоторые детали этих выборов?

Детали и не помню. Видите ли, трудна это.

Что они его предпочитали?

Видите ли, это было, потому что там был Луарсаб Андроников выставлен и Чхеидзе. Андроников был националист, адвокат, приехавший из Москвы был. Так вот приехал и баллотировался. Так вот, баллотировались эти двое. Армяне поддержали скорее социал - демократа, которые все-таки вели нормальную национальную политику, и вместе вражды между народами были за Союз и добрые отношения развивали. И потому армяне тоже нашли, что лучше поддержать его, чем другого грузина, который может, в конце - концов, свое положение использует против них. Ведь видите, у них было просто свое национальное соображение, и, значит, национальная позиция нашей партии как раз послужила тому, что они голосовали все за Чхеидзе.

Наша интернациональная политики вообще импонировала всем народам Закавказья, потому что, видите ли, всегда шла там упорная оборона между мусульманами и армянами. Мы всегда их удерживали, умеряли, успокаивали. Мы участвовали даже в одном из столкновений. Мы даже принуждены были просить Правительстве, чтобы они передали солдат в наше распоряжение - социал - демократов грузин, для того, чтобы успокоить Тбилиси, и чтобы не было произведено столкновения. И они передали их в наше распоряжение и сам был на одной баррикаде и успокаивал армян и мусульман, чтобы они стояли друг за друга, что вот мы, грузины, здесь все стоим и не стреляем. И те, и другие успокоились! А там одного нашего товарища убили случайно в этой перестрелке в Тбилиси. Мы его потом торжественно хоронили и все прочее. Жертва таи была с нашей стороны - с грузинской - грузина одного убили, а потом уже остерегались. И это помогло все-таки в этом отношении потом. (66)

Вот, видите, какую мы позицию занимали на Кавказе. И это очень важно для национальных отношений. Они были примирительными всех этих народов и наций по мере возможности, и мы были между ними посредниками объединенная и, вообще, выразителем всех наших общих интересов!

Чхенкели тоже был выбран в Государственную Думу?

Чхенкели был выбран по Батумской области, по Батумскому и Сухумскому округам. О нем я не рассказывал! С ним была там история при выборах. Да, его выбрали по Батуму, в Батуме. А в Батуме дело было так. Он был выслан из Батума в административном порядке и приехал, так сказать, тайком. А в выборах его провели в качестве выборщика, это само собой не мешало одно другому, он был проведен в Сухумском округе. Жена у него из этой области. Значит, у него было там, кто нужно, чтобы иметь ценз. И его там провели. И вот, когда происходили выборы, то пришла полиция и его арестовали, когда он вышел в избирательную комнату. Пришла полиция, взяла его и отправила в участок и сказали, что губернатор постановил в 24 часа выслать его оттуда. Понятно, это было по закону! Но когда этот факт стал известен избирателям, то армяне, которые там тоже были и имели определенное количество голосов, решили и заявили, что они будут теперь голосовать за Чхенкели, как протест против этого правительственного акта. И его выбрали. И вечером, вместо того, чтобы отправить его в ссылку обратно, вне пределов Кавказа, губернатор принужден был дать ему деньги и средства для того, чтобы отправить выборного депутата, в Петербург! Он, все-таки Чхенкели был такой солидный. Он немедленно пошел к губернатору и заявил: «Я, - говорит, - уже депутат и будьте любезны»... и так далее. Губернатор нахально говорил, что он поступает согласно законам. Но в дальнейшем все-таки должен был его принять. (67) Чхенкели заявил: «Я должен заботиться об интересах всего населения; надеюсь, что в этом отношении Вы окажете мне всякую поддержку. и Вам тоже дам всякую поддержку!» Он так дипломатично тогда в них обошелся. Это и вспомнил, потому что это была так оригинально.

Кто он был по происхождению? Этот Чхенкели?

Кажется, дворянин, тоже маленький, мелкий тоже!

Где он учился?

Не знаю! Я знаю, что он что - то окончил. Я его знаю, когда он поехал за границу. Некоторое время он мне оттуда присылал статьи и письма. Писал он о национальном вопросе, целый том - огромный том. Он присылал нам в газеты печатать, так что отдельным изданием это все вышло. Это я знаю все. и с ним познакомился в этой области. А потом, когда он приехал, конечно, мы уже стали близкими знакомыми.

Это было когда, что он был за границей?

Это все было в 909 году, и печатал все его статьи и материалы в газетах.

Ну теперь следующий вопрос: когда Вы уехали из Тифлиса в Кутаис? Приблизительно? Это было связано с чем?

Нет, нет, в 908 - 909 году и выехал в университет.

Обратно в Дерпт?

Обратно в Дерпт. Потому что, знаете что? Я был в университете в 901 - 902 гг. и потом меня исключили. А в университете и тогда успел получить рассрочку по случаю военной службы. И отсрочка была на семь лет. Полагалась моя отсрочка семь лет, звучит для окончания университета. Давался еще привилегированный год лишний. Ну, вот и это все прошел. и был в Тбилиси. И вдруг в один день приходит полиция и заявляет, что *«Мы вас должны арестовать, у вас срок прошел, вы - дезертир!»* (68)

А, да, да, я понимаю.

Это прошел срок, чтобы мне явиться на военную службу. и поехал в Кутаиси. Мне нужно было явиться там. и явился сам, пришел к председателю - представителю дворян Давиду Нижарадзе⁷⁷ Да, и забыл фамилию, и потом вспомню и скажу. Одним словом, пришел и председателю дворянства, Нижарадзе и заявил ему, что, *«вот, такое мое дело, и хочу уехать в университет обратно, я был исключен, вот такое положение вещей, и завтра приду к Вам на очередное заседание, как хотите, устраивайте: хотите меня заберите в солдаты или разрешите мне поехать в университет»*. Это было летом, когда сессии у них бывали просто для таких мелких белее дел. *«Хорошо, приходите!»*.

Я пришел. Пришел он и я говорю, что, вот так мое дело - официально уже. Говорят уже: *«Раздевайтесь и к доктору. Осмотреть! Обмерять»*.

Ну, доктор написал мне отсрочку во один вед - узкая грудь! Значит, на несколько сантиметров узкая. Хорошо! и уехал в университет, чтобы исполнить свое слово. Приехал и университет. И оттуда уже прислал бумагу, что и в университете, и начал уже просить новую, дополнительную отсрочку. Но так как это интересно, то этот инцидент надо рассказать до конца: Но пока и кончил университет, и попал еще раз в ссылку. Все же мне дали отсрочку еще на два или на три года. Семь лет отсрочки основной уже прошло. Дали дополнительно еще три года.

И три года тоже прошли. И таким образом, когда и был на последнем курсе в университете уже всякие льготы прошли. и уже должен был вернуться в Кутаиси. и приехал к Нижарадзе, председателю дворянства (69) и говорю, что, вот, так мое дело. Опять летом прихожу к Нижарадзе, вашему предводителю дворянстве. Кутаисского. Он же и председатель комиссии, которая принимает на военную службу, как предводитель дворянства. Я прихожу к нему на квартиру. Он был человек огромный, высокого роста, выше меня! и не мал, не очень уж был низкий, но он, понимаете, такого высокого роста, чуть ли не в сажень. и так смотрю на него снизу вверх. А он смотрит всегда так - взрослый такой, толстяк огромный! Очень представительный мужчина, красивый! Я ему говорю, как дело мое сейчас. Все сроки прошли. И сказал, что *«в четверг приду на исследование- Как хотите делайте!»* - говорю. - *«Хотите меня забрать или можете мне дать еще один год или полтора, чтобы окончить университет?»*. *«Приходите!»* - говорит. Он был сам необразованный, но так любил студентов и учащихся, что всякую помощь оказывал им и содействовал. Он очень жалел, что сам не получил образования. Он говорил: *«Если бы у меня было образование, и мог бы стать Бог знает чем!»* Но вот отсутствие всякого образования, о трудом говорил по-русски. Но по - грузински говорил хорошо. Ну, прихожу и в этот четверг. Когда меня вызвали, он встал и ушел. У меня обмерло сердце! Думаю, что там произойдет? Ну, опять меня осмотрели - то, другое, третье! Сейчас же доктор заявил! *«Ратник ополчения второго разряда»*, - таким образом, не подлежит никакой военной службе. Так и не попал на военную службу, ни в какую. И ни во время войны ни после войны. Ратник ополчения второго разряда вызывается на охрану порядка, если иностранные войска входят а какую - нибудь страну. Только в том случае. Вот мне дали - ратник ополчения второго разряда. И таким образом от всякой службы освобожден. Никогда никакой военной службы не нес. Вот так он меня и спас.

Так. Тогда Вы остались в университете. Сколько лет Вы тогда пробыли там? (70)

Четыре года, и кончил юридический факультет!

Значит, приблизительно с 906 года ...

В 912 году, перед войной, Мировой войной, и уже окончил университет, второй раз.

А это было в Дерпте? Что Вы окончили там?

Там в Дерпте, там же и окончил университет.

Что и как там было?

Там меня даже не хотели принять. Когда и приехал туда, там уже все эти права семинаристов были уничтожены уже. Так что мне пришлось написать прошение Ректору, по фамилии Пассек, Тот говорит мне: *«Что за прошение Вы принесли? Мы Вас принять не можем»*.

«Что я могу сделать?» - я ему говорю.

«Напишите, что вы хотите снова, обратно поступить в университет. Вы уже были однажды здесь, и Вас могут принять только, как бывшего здесь студента!»

Так он сам мне подсказал и посоветовал. Это он тот самый профессор Пассек - его фамилия, которого мы однажды выгнали из аудитории. Мы тогда обструкцию устраивали, забастовку устраивали, так и выгонял его, и когда я приехал второй раз к нему, он меня спрашивает: *«А Вы сейчас опять будете бунтовать?»* и говорю: *«Нет, и не собираюсь, у меня твердое решение кончить университет!»* и приехал уже после пяти - шести лет революционной борьбы. Действительно почувствовал я, что мне нужно высшее образование для того, чтобы в этом движении поддержать свой престиж. И вообще это движение само по себе не давало возможности умственного развития. А умственная дисциплина - это создается университетским образованием, Действительно, выковывается это желание логически мыслить и логически строить мышление!

⁷⁷ Я теперь вспоминаю его фамилию. Р.А.

Вы много там были заняты? (71)

Я много учился и много был занят. Я учился все время и занимался. и боролся. .. и арестован был и тоже сидел несколько лет. Фактически и провел в университете шестнадцать месяцев. Остальное время был под арестом. Там тоже были бунты, там тоже были беспорядки. Меня арестовывали, высылали на родину, а потом и приехал обратно. Но не исключали. Я не подвергался исключению. А то иногда сам предупреждал полицию, чтобы меня не заставляли убежать, но все-таки и кончил университет по первому разряду. Это было у нас решено: те студенты, которые участвовали в движении, мы приняли решение, чтобы нас не называли неучами или людьми, которые бунтуют потому, что они не хотят заниматься наукой; мы решили сдавать все экзамены по первому разряду. Я так и кончил по первому разряду, по всем предметам у меня было пять. Высший балл.

Скажите, если бы Вы можете немножко больше описывать политическое настроение в рамках студенчества университета в эти годы?

Почти каждый год мы проводили забастовки! Почти каждый год.

По каким причинам?

Я Вам рассказал это в начале - это в 907 году.

В 908 году.

Нет, в эти годы. Тогда начиналось движение, например, где-нибудь в Петербурге. Забастовал Петербургский университет. Следовательно, через несколько недель бастует и наш университет. Мы выставляем требования, всегда тогда уже мы выставляли чисто политическое требование.

Чисто политические?

Да, политические требования. Это, собственно, студенческие движения в этом отношении предшествовали рабочему движению и даже возглавляло его. Мы собирались, выносили решения и говорили, что нам (72) надо свободу образования прежде всего, свободу преподавания, так как это тоже было в некоторые рамки введено. А мы требовали, чтобы профессорам была дана полная свобода преподавания в чтобы нам была дана полная свобода, в к этому прибавляли свободу не только для нас, но и для всего государства, всех жителей, всего населения. Так вот эта политическая борьба была связана с борьбой экономической свободы - и все! Это было основное. А так для бунта поводы были всяческие! И профессора нас тоже в значительной степени поддерживали! Иногда бывало, что мы могли ходить к профессору - ректору - к требовать от него, чтобы он нам предоставил большой зал университета для наших собраний. Он говорил, что не может предоставить, но что двери будут открыты, таким образом двери были открыты в огромный зал, где помечалось почти всё студенчество - это шесть тысяч могло поместиться в большом зале, где устраивали собрания.

Скажите, социал - демократическая организация в университете была сильна?

Была очень сильна и очень влиятельная, я же говорю, в Юрьеве у нас было так называемое «Общество Русских Студентов», легальное общество старинное, основанное еще в восьмидесятые годы - в 82 или 83 году приблизительно. Оно пользовалось правами немецких «Ферейнов», немецких студенческих обществ. А немецкие все - корпорация немецкие - были с большими правами. Но у них была своя форма! Хотя и у нас тоже была форма определенная дана, но мы ее не носили, потому что это «Общество Русских студентов» было захвачено марксистами. Это было самое крупное общество студенчества и студентов, потому что мы имели членами студентов марксистов, а остальных принимали как гостей. Это было, значит, два разряда участников, и несколько сот человек всегда (73) были нашими членами. Мы устраивали вечерники, мы устраивали собрания. Мы могли устраивать там все, что угодно, и полиция не имела права входить в наше помещение. Мы заняли целый этаж одного дома, целый верхний этаж в несколько комнат, была у нас огромная библиотека...

Да, это Вы мне рассказывали!

Вы помните?

Да. Но вот и бы хотел знать, как и что было в эти годы?

Да, и всякое движение возглавлялось нашим Обществом.

Теперь, что касается конфликтов между большевиками и меньшевиками. Какое было настроение студентов в эти годы?

Настроение студентов такое: часть большевиков были у нас, и мы работали вместе. И большевики, и меньшевики вместе в студенческой среде работали вместе. В нашем обществе была целая группа большевиков. Они и в правление входили - лучшие из них и в правлении участвовали, и на это мы никогда внимания не обращали. Иногда спорили между собой, так, теоретически, но борьбы особой, раскольнической борьбы там не вели, несмотря на то, что партийные разногласия были. А мы там делали доклады партийные - всегда устраивали. и им сообщал, как происходили дела на Кавказе, и что происходило. А они со своей стороны тоже докладывали то, что у них происходит в стране. И мы всегда обменивались мнениями.

Между русскими студентами в то время в эти годы преобладало ли большевистское настроение? Нет?

Нет! И знаю самых лучших, наиболее способные и опытные из них были меньшевиками!

Некоторые руководители этого целого нашего Общества тоже были меньшевиками. Но были и большевики. Они участвовали и были хорошими людьми, и мы к ним относились очень добродушно. (74)

Вы помните одного или двух из этих большевиков, которые потом стали известными?
Десницкого помню, потом стал известным большевиком.

Почему он был большевиком в эти годы?
Бог его знает!

Ну чем или как он отличался?
Разделял большевистскую точку зрения Левина. Вот в все! Большинство членов ни программы, ни точки зрения Ленина не разделяли. Вообще споров больших в этом отношении не было и не вели. Находили, что среди студентов это бы не имело отношения, так как мы вели общую работу.

Ну в 912 году приблизительно, Вы вернулись домой?
Кажется, да, приблизительно, да!

Так, в 912 или в 913 году? Да?
Нет, скорее в начале 913 года.

Какие изменения Вы нашли в жизни социал - демократической? Вы вернулись куда? В Тифлис?
В Грузию, конечно! Сначала в Кутаис, а потом в Тифлис.

Впервые Вы вернулись куда?
В Кутаис, а потом в Тифлис. Я же там должен был остаться адвокатам. Так и хотел послужить в Кутаиси как раз. Нет, изменений в партийной жизни я не нашел, потому что ведь каждое лето и приезжал в Грузию, и каждое лето и сидел в редакции. В редакции работал все лето.

В этой легальной прессе?
Да, в нашей легальной... в нашем легальном органе! А когда и (75) должен был уезжать, и присылал статью в легальный орган и корреспонденции всегда, так что мое участие никогда не прерывалось от этой партийной общественной работы...

Я хотел бы спросить у Вас следующее...
... Вот еще, последние годы газета была перенесена из Тифлиса в Кутаис.

Какое было название этой газеты?
О, сколько их, названий, было! Разве можно запомнить их всех!

Ну, скажем, одну припомните?
Ну, одно было «Гантиади» - эта значит «Рассвет». Потом - «Рижражи» - это «Заря». Было «Утро» - «Дила», а потом выпустили «Наше утро». И целый ряд названий, ну - «Наша мысль» была, потом «Общественная мысль» и так далее. Менялись, но похожи были друг на друга.

Кто еще активно участвовал в газете в эти годы?
В эти годы участвовали в газете все наши грузинские ...

В редакции?
В редакции работал Ной Рамишвили, Ной Хомерики работал, Чавчанидзе работал в этих редакциях ...

Кто был Чавчанидзе?
Чавчанидзе был тоже один из студентов. Он умер здесь, за границей.

Теперь скажите, если Вы продолжали следовать за партийной жизнью, могли бы Вы мне сказать, были ли реакции - и какие - по поводу этих двух конференций в 912 году, которые произошли - большевистская в Праге, а потом меньшевистская в Риге Вене? (76)
Да, мы доклады устраивали у себя, приезжали. Меньшевики были против некоторых положений этих программ и дали резолюции, не возражали - и все... Тогда мы, в сущности говоря, у нас почти уже не было большевиков, к этому времени Сталин уже не был на Кавказе, а другие там были старики, которые не принимали участия в этой нелегальной борьбе, не особенно могли принимать участия. А и тоже приезжал и всегда устраивалось какое-нибудь собрание за городом и давал полные доклады молодым и старым рабочим, чтобы они были в курсе дела. И все! В информационном сообщении всегда все было!

У Вас были делегаты на Венской конференции грузинской?
На Венской?

Да, в 912 году летом. Нет?
На Венской? Да, да, были, были!

Да? Кто был?
Уратадзе был один. Я помню его. А другие были из Тбилиси тоже. Их было несколько человек тоже на конференции.

Да. А какой он вам дал отчет? Помните?

То, что было на съезде. Он принес нам все дела.

Ну, скажем, об этих спорных вопросах, как ликвидаторство и так далее - что Вы знаете по этому поводу?

О ликвидаторства мы получили сведения, но мы ликвидаторством не занимались. У нас по этому поводу были разногласия внутри, вот какого характера: Наш Ной Николаевич Жордания писал, - кажется, он не был тогда сам в Грузии, - лично нам писал письмо, что эти меньшевики и большевики - это два брата, и один дополняет другого. Эти лучше более в тактическом отношении, а в организационном - лучше большевики. (77) И нужно это соединить и так дальше. А мы написали ему, что мы со своей стороны и вообще народ грузинский, мы думаем совершенно иначе! Что ни организационный вопрос большевиков никуда не годится, ни это ликвидаторство. Нам всем нужно иметь свои организации и свою программу и вести политическую и легальную и нелегальную борьбу. Мы этого снимать не можем. У нас нет никаких оснований отказать от старой нашей практики, как мы занимались, и легально и нелегально работаем одновременно, и организационный план большевиков нам не нравится, несмотря на то, что они очень энергично хотели иметь конспиративные организации. Мы особых конспиративных организаций не имели, имели выборные органы и так далее. Хотя они были более в сокращенном виде, целый ряд рабочих, конечно, понемногу отходили от работы, многим было трудно, которые были уже замечены полицией, но все-таки организованная работа не прерывалась, и партийная работа не прерывалась. И потому и к ликвидаторству и к большевистским организационным планам мы относились одинаково отрицательно! И думали, что наша практика все - же лучше и надо это продолжать, несмотря на точку зрения Ноя Жордания. Когда такие вот экспрессионистические идеи предлагались, мы никогда [их] не принимали. И население, наше рабочее население стояло очень твердо на уже выработанных позициях. И новшеств таких не легко воспринимали!

Так. А были ли еще кто, кроме Жордания, в рядах грузинских меньшевиков, которые были более или менее примиренно настроены к позиции Жордания?

Да. Были больше из большевиков. Это и Вам назову, это Джугтели - он был впоследствии председатель нашей гвардии, он был тогда большевиком, но таким, «мягким» большевиком. Он участвовал тоже в нашей (78) газете. Он писал по этому вопросу, - что нужно принять позицию Жордания и так дальше. Вся эта организация неправильна, ликвидаторство должно быть устранено, а организацию большевиков принять надо. Мы эту статью напечатали, но ...

Это было когда?

Вот в эти годы! Это он тогда был еще большевиком. Он не был еще тогда гвардейцем. Гвардию мы основали потом. Все это уже после революции, так что... А тогда мы дали ему это место, чтобы так соединиться, и он стал он тогда нашим другом, меньшевиком! Потому что у нас у всех было такое революционное настроение, и он этим вполне удовлетворялся. Вот так. Так что у большевиков мы эту силу отняли - если так можно выразиться.

Скажите, после 912 года, после 913 года Вы отметили в Грузии оживление общественного настроения, прения, движения?

Трудно сказать!

Это последних двух лет до войны?

Едва ли. Все-таки такого оживления, такого особого настроения не видел, не замечалось. Потому что, видите ли, наш Кавказ в эти годы... мы принуждены были выехать из Тбилиси, так как были донесения и репрессии... и газету перенесли в Кутаиси. Это указывало на то, что мы принуждены были убежать. Но там все-таки вели ту же работу, ту же борьбу тоже. Но там цензура была меньше, менее организована в Кутаиси, поэтому и перешли мы туда. Там вообще не было газеты, и потому эта газетная цензура не была организована. И вот переехали мы все туда от строгой цензуры. А там, в Кутаиси, цензурой занимался чиновник особых поручений губернатора! Малоопытный!

А что касается рабочих волнений? Были рабочие волнения? (79)

Я не помню! и не помню, чтобы были тем рабочие волнения. Если правду сказать, мы не вызывали этих волнений и и думал, что их и не было. Война началась, у нас было очень все скромно. Когда нужно было всем солдатам идти на войну - идти или нет? - мы решили, что они должны пойти, чтобы не вызвать репрессии.

Это Вы мне уже сказали.

Да. Значит, настроение было у нас очень спокойное, мирное, хотя от войны ожидали очень больших результатов...

Об этом мы будем потом говорить.

Кроме того, и после этого, в эти годы и ни одного года и не провел в Кутаиси, как меня арестовали и выслали. Сначала выслали за пределы Кавказа. И уехал оттуда в Петербург. Сначала и выбрал Астрахань. Из Астрахани и ушел. Когда началась война, и уехал...

Вы были где, когда началась война?

Я был в Астрахани, в ссылке. Мне написали с Кавказа - приезжайте во фракцию в Государственную Думу, я приехал к Николаю Чхеидзе и помогал там во фракции в революционной

работе в эти годы, разбирал с ними политические вопросы. Он, Чхеидзе, хорошо разбирался, и был там, как посторонний помогиший со стороны Кавказа. Русские меньшевики выставляли только те требования, которые нам не нравились, и хотели, так сказать, произвести определенное впечатление и влияние на фракцию, так вот меня и послали, чтобы этого не было. Вот видите, чтобы помочь фракции.

Когда Вы начали эту работу?

Я начал эту работу, вероятно, уже в 914 году. и там пробыл целый год... больше.

Это до войны еще? (80)

Нет, во время войны уже! Во время войны и был уже там, и в 915 году, когда закрыли Государственную Думу, меня арестовали и сослали в Сибирь. Оттуда и поехал в Сибирь в там в Иркутске, видите ли, нашел Ираклия.

Когда Вы были арестованы и уехала из Грузии, предположительно? В конце 913 года?

Да, в конце 913 года. Это когда была объявлена война, и был уже в Астрахани. Через некоторое время и выехал оттуда. Кажется, это было осенью, во всяком случае это была осень довольно холодная, и и выехал в Петербург к нашим депутатам. Оттуда - я, значит, работал там целый год, - и поехал в Финляндию и там жил, и поехал обратно в Питер. А потом там же арестовали меня.

А в 915 году спасались все время?

Да, в 915 году, но в конце уже арестовали.

Значит, у Вас тогда не осталось конкретных воспоминаний, скажем, о забастовке в Баку? Летом 914 года?

Нет, нет. Значит, все эти забастовки, которые потом имели место, были уже без моего участия. В Баку могли быть забастовки. Баку всегда был таким бушующим городом, и в этом отношении там бакинские рабочие проявляли гораздо больше силы в больше влияния. И даже у них были легальные конференции и легальные совещания с промышленниками..., еще раньше, это Вам, конечно, все известно. Это очень интересные вещи сами по себе. Все-таки считались с бакинскими рабочими, потому что у них была основа - нефтяная промышленность! Тогда это была не шутка!

Тогда последний вопрос, который бы и хотел обсудить сегодня, но и надеюсь, что это будет немножко подробно. Это вопрос о реакции (81) разных элементов Грузинской социал - демократии, разных лиц к началу войны, и какие позиции они занимали? и Вам окажу то, что и уже знаю: и знаю, конечно, какую позицию занимал Жордания - что он был оборонец и его поддерживал Уратадзе. Я бы хотел особенно выложить позиции Чхеидзе, так как Вы были с ним в Государственной Думе.

Расскажите мне!

Можно оказать так, но лапидарное слово. Официальное его выступление Вы знаете, а его так - задушевные слова: «Если в этой войне Россия не будет разбита, у нас не будет революции!» И он поэтому, собственно говоря, в душе искренно желал, чтобы Россия была разбита!

Поражена?

Говорит: «У нас эта такая огромная, вообще, огромная такая государственная машина, машина - если она не разложится в результате поражения, мы не можем ...»

Машинопись, чернило.

ЦИАГ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 21. Л.л. 58 - 81.

Это седьмая лента седьмого интервью с г. Арсенидзе.

Как только что разговаривали по поводу позиции Чхеидзе, и о том, что он действительно внутренне хотел поражения, чтобы уничтожить эту громадную машину - государственную машину. Когда Вы приехали в Петербург, чтобы работать в Думской фракции, из Астрахани, это было приблизительно еще в 914 году, и тогда, если и точно вспоминаю, эти разногласия по поводу войны еще шли внутри социал - демократической фракции?

Шли, да! Там были большевики и были меньшевики, да! И был целый ряд разных оценок и целый ряд обсуждения, особенно когда, если не ошибаюсь, Вандервельде, западный социалист, апеллировал к социал - демократической фракции.

Что Вы можете мне (82) рассказать по поводу настроения разных элементов во фракции, особенно грузин, по этому вопросу? Как были обсуждения и так далее?

Вы думаете и, очевидно, рассчитываете на то, когда западные социалисты приехали туда и приехал, между прочим, Вандервельде ... Так вот, русские стояли на очень оборонческой точке зрения, и когда он, в частности говорил, когда они его принимали, и все высказывали свои взгляды и говорили, что «Мы Вас будем поддерживать во всех отношениях, и то, другое, третье и вообще...» Тут выступил и и совершенно нелегально, сначала даже не хотели мне дать слова, и говорю, что и уполномочен от Закавказских организаций и должен его приветствовать! Я его приветствовал и сказал, что у нас в Грузии то-то и то-то, и что от этих разногласий... Они нам жаловались на свои разногласия с большевиками и с меньшевиками и все эти споры... и ему сказал, что у нас на Кавказе этих разногласий нет. Мы имеем все

исключительно одну общую политику меньшевиков. Социал - демократия Кавказская, - потому что это была Кавказская - занимает вот такую-то и такую-то позицию, и изложил все это. Они были очень недовольны, потоку что в России у них был разрыв, а у нас было уже - знаете! И мы сказали, что мы благодаря этому имеем огромное влияние на население, и вот, знаете, результат - все наши депутаты везде председательствуют и тут руководят всем этим движением. Так что они были очень научены этим!

Скажите, а по поводу войны?

А по поводу войны и тоже высказал так, что мы же не могли быть за поражение России фактически, особенно в Грузии. Мы боялись нашествия со стороны турок, так что в этом отношении у нас была двойственная душа, как говорится: с одной стороны готовы были приветствовать поражение Русской армии для того, чтобы внутри завладеть государством, (83) но захват Кавказа иностранными войсками нам казался совершенно недопустимым. Мы радовались, когда на Турцию наступали, а если отступали они из Австрии, то об этом мы особенно не беспокоились. Видите, эту двойственность можно объяснить тем, что никто не хочет свой собственный домик разрушить. и не могу ничем другим объяснить это. Двойственность была и осталась так.

Многие из вас относились очень резко к Жордания, и его тактике?

Да, у нас внутри относились очень резко к Жордания, Мы все стояли за окончание войны без аннексии и контрибуции, то есть чтобы война не принесла никаких результатов и оказалась бы бессмысленной. Вот такая наша позиция была.

А Жордания?

А Жордания говорил - «Нужно победить!» Победить союзные государства, как они назывались: Немецко- Австрийский Союз, и чтобы Россия могла развиваться экономически, иначе развитие будет слабое - значит, революция запоздает, и так далее, и так далее. Рассуждали, что экономическое развитие может привести к усилению революционного движения. А господство немцев может только ослабить движение, уменьшить возможности России развиваться самостоятельно, разрасти свою собственную экономическую жизнь. Мы начнем сами хозяйничать, а не давать только сырые материалы! Вот такая их аргументация была.

Я хочу Вам прочесть, что по этому поводу говорит Жордания, потому что он говорит более или менее следующее: Когда он приехал в Грузию в 914 году и было это собрание Областного и Тифлисского Комитета, и он говорит, что он сам стоял за поражение и Германии и России. Но, во всяком случае, он также говорит, что его товарищи на (84) этом собрании очень твердо стояла за победу Германии, а он особенно отмечает в этом отношении Ноя Рамшвили и Хомерики, как двух из тех, которые стояли на позиции победы Германии. Хомерики и они это объяснила тем, что Германия более прогрессивная, чем Франция, а так далее, и так далее.

В этой картине какие поправки, Вы думаете, надо внести?

Видите - ли, так как и не участвовал на этих собраниях - меня там не было.

Но что касается настроения грузинских социал демократов?

Ну, настроение... вот когда и приехал уже в Грузии во время войны ... и не помню уже в Кутаиси они издавали газету...

Это было в 915 году? Нет, Вы были уже в 915 году в Сибири!

Нет, в 15 году я еще не был. Это в конце 915 года и был в Сибири. А во время войны и не был в Грузии. Совершенно правильно, я не был в Грузии. Так что всю эту войну я провел в Петербурге или там, в Финляндии. Там и получал газеты и читал, а газеты были подцензурные и много было вычеркнуто и так дальше...

Но что касается настроения социал - демократической фракции?

Вот поэтому мне трудно все вспомнить. Во фракции у них настроение такое: официально они следили, и мы должны были следить за той линией, которая была высказана в декларации. Эта линия опровергалась. Среди большевиков был один, Нагин, который руководил, потом Малиновский, знаете?

Ну да. Но он больше не был там.

Он был самый резкий из всех этих.

Но что касается грузинских депутатов? Грузинские депутаты в Думе? (85)

Они действовали в таком духе, как дана была инструкция, все это говорила их декларация. И официальна от этой линии не отступали. Но все - таки появлялось, что очень часто критиковали и обвиняли правительство в том, что оно неправильно и не очень хорошо действует и что причина поражения - сама государственная система, неспособность, неумение властей, и так дальше. Вот критиковали все довольно широко.

Ну, скажем, такие люди, как Гегечкори и ...

Гегечкори, кажется, тогда уже не был депутатом. Чхенкели бил депутатом, а Гегечкори не прошел в Четвертую Государственную Думу.

Ну, скажем... а...

А Чхенкели... я помню, тоже однажды его чуть не лишили слова в Государственной Думе. Его силой стащили с трибуны. Он резко критиковал. Отсюда понятно, что наши все-таки критику проводили отчаянную вели и критику правительства и военных властей тоже.

Да, но вот что и хочу знать: если человек, как, скажем, Чхенкели, имел то же самое внутреннее чувство, как Чхеидзе, значит, что в конце концов ...

Я не говорю по этому вопросу. Трудно сказать. Но Чхенкели был большим патриотом Грузии. У него это национальное чувство преобладало во всех его выступлениях и во всех его действиях. Тая что, вероятнее всего, предположить, что он не был такого же мнения, что он скорее хотел, чтобы Грузия не попала как-нибудь в власть Турецкой армии. Вообще не была бы разорена. Это чувство в нем, должно быть, преобладало, но высказывания по этому вопросу я не помню. И имеются еще косвенные предположения, что он был в очень хороших отношениях с тогдашними министрами к со всеми другими (86) правительственными лицами. Когда меня высылали уже в Сибирь, я попросил его, чтобы меня отпустили на свой счет уехать туда. Он позвонил товарищу министра и говорит ему это. А тот говорит: «А он там не будет еще бунтовать, в Сибири?» А он отвечает, что, вот, он стоит здесь и говорит, что дает слово мне, что не будет. Это был Белецкий, товарищ министра внутренних дел.

Какое было Ваше собственное настроение по поводу этого?

Я сейчас забыл. Вот эта точка зрения, что нужно завоевать Германию, что было бы самым лучшим исходом для нас. Но если этого не будет, то лучше все - таки поражение Россия - мне казалось так!

Чтобы стала революция?

Да, чтобы можно было эту государственную машину вообще растрясать, Это было и мое настроение тоже, и когда в 915 году создавались так называемые Городские и Земские Самоуправления - их объединение - это мы принимали, как очень большой революционный шаг и революционные акты, потому что общество уже забрало все в свои руки. И Львов, который был председателем Комитета Союза рабочих...

Земского Союза?

... уже тогда в Петербурге считали его председателем будущего правительства, И это было общественное мнение. Они сами не хотели, конечно, поражения, они сами помогли государству, но сами же обнаружили полную непригодность правительственного аппарата. Едино действовали Городские и Сельские Самоуправления, и они оказывались наиболее, так сказать, не только опытными, но наиболее влиятельными не только в военной, но и в общественной среде, И оттесняли совершенно правительственные аппараты и правительственные учреждения и в смысле помощи войны и самым войскам Российским. Так что они, в сущности говоря, стали на первом плане. (87)

Скажите, Вы обменивались мнениями с русскими социал демократами?

Нет, не обменивались, может быть, было раз, уже и не помню.

Ну, скажем, как Потресов?

Видите ли, так в определенных линиях такой определенной борьбы не было, во время войны нелегальные партии так легко не могли широко развертывать свою революционную борьбу и революционную работу, так что в этом отношении, если встречались отдельные лица, и помню у меня были большие споры (это уже было намного позднее) - с Мартовым. Они не приехали тогда в Россию через это. Нет, нет, не приезжали. Это было позднее. Это, знаете, другое время. Но мы с ним в Петербурге вели очень большие разговоры, но не помню, когда.

Это, должно быть, в 917 году?

Может быть, это было позднее. Вероятно, было позднее, потому что газета, издавалась уже партийная, значит, это было позднее. Ну, а в остальных отношениях я мало с ним был в контакте.

Ну, а, скажем, с Потресовым?

Видите ли, я мало встречался с ним, и, если имел разговор, только по поводу фракции, фракционной нашей работы, и участвовал во всех заседаниях социал - демократической фракции в Государственной Думе, при обсуждении всех этих вопросов.

Вы мне сделали следующее замечание несколько минут тому назад, что Ваша роль в некоторых отношениях была спасти социал - демократическую фракцию от давления русских меньшевиков?

Да, потому что их позиция не нравилась. Они всегда предлагали им и всегда хотели сами писать речи им - составлять, понимаете ли? Как сказать? Видите ли, это трудно определить! (88)

Кто были эти русские меньшевики вообще? Кто были эти люди? Кто были оборонцы? Или кто? Это были русские оборонцы?

Оборонцы большей частью!

Эта группа по самозащите?

Да! Оборонцы были, и она защищали эту позицию и общую.

И не потеряли лица?

Нет еще! Я много не помню, потому что и больше сидел вместе с Чхеидзе и во фракция тоже всегда присутствовал, потому что ...

А что они хотели с вами делать? Какую линию проводили? Переменить свои позиции по поводу войны или что?

Они были большими оборонцами! Вот все, что можно сказать! И кроме того, там была ссоры по другим вопросам. Еще чуть ли не в эти годы они хотели, видите ли, вместо партийной организация вести легальную работу даже во время войны.

Да, был, наверное этот спор?

Да, спор о легальных организациях, о легализациях, о ведении исключительно легальной работы. Вот этот вопрос, собственно говоря, был главным.

И в этом Вы сочувствовали, что нужно продолжать работу нелегальных организаций?

Да, да.

Скажите, был ли спор по поводу этого вопроса в рабочих секциях Военно - промышленных комитетов? Вы еще были в Петербурге, когда этот вопрос обсуждался?

Когда этот вопрос обсуждали, я в этом не участвовал! Я не помню, чтобы я в этом обсуждении участвовал! Не помню!

Может быть, мы теперь бы могли закончить следующим вопросом: (89) Почему Вы были арестованы и все, что связано с Вашим арестом? Почему и за что? Расскажите.

Почему арестовали? Потому что я имел сношение с центром, с Думской фракцией. И когда в 915 году закрыли Думу, пришли ко мне и арестовали.

По какому поводу?

Обвинили... и не знаю, какие обвинения приписали мне тогда. Посадили в тюрьму, продержали долго и не представили никаких обвинений, потом предъявили, что я занимаюсь революционной работой. А я сразу же догадался - должно быть, распустили Думу. Потому что иначе меня бы не тронули, пока я ходил там, в этой группе. И действительно оказалось, что Думу распустили; А меня просто в административном порядке выслали.

А Вас прямо выслали куда? В Сибирь? В Иркутск?

Дальше, дальше, в Братск⁷⁹, это еще за 200 километров от Иркутска дальше. Но я получил разрешение некоторое время проживать в Иркутске

Это было в 916 году? Или?

Это было в конце 915 года и в начале 916 года. Когда я тогда уже приехал в Сибирь, и представил губернатору эту просьбу - прошение. На прошении было написано, что «*против оставления в Иркутске никто ничего не имеет. Белецкий*». Он мне подписал на моем прошении. С этим прошением и приехал туда и пошел к губернатору. Он сначала меня принимать не хотел, в потом, когда я ему представил это прошение, он прочел, где в заглавии написано, что «*против оставления в Иркутске(90) ничего не имею. Белецкий*». Он мне сказал «*Пожалуйста, оставайтесь здесь, только смотрите, не занимайтесь никакой партийной работой.*»

Это конечно, было здесь, где Вы встретились с Ираклием?

Да, я встретился с Ираклием и разговаривал с ним. Потом я стал с ним заниматься революционной работой. Меня предупредили, что меня арестуют, если я не выеду. Я тогда решил выехать в Братск. Нашел там работу. Там завод был Николаевский, восстанавливали завод. Встретился с директором и сказал ему, что возьмите меня в качества секретаря с небольшим заработком и я поеду. Ну, я взял разрешение у властей. Они с удовольствием разрешили мне туда уехать. Администрация Иркутская рада что освободились от меня и меня предупредили, что меня уже видели, заметили, следили, что я работал среди рабочих Иркутска, и сказали, что я буду арестован, если я это буду продолжать. Губернатор очевидно не хотел раздражать Белецкого и меня предупредил.

А Вы участвовала в этой иркутской газете?

Нет, я не участвовал. Газету эсеры издавали, я, кроме того, и по-русски не так хорошо могу свободно писать, я не участвовал.

Но, во всяком случае, в 916 году Вы часто виделись с Церетели?

Очень часто. Я в 916 году уже выехал туда. Но скоро пришлось выехать в Братск! А я вернулся оттуда только потому, что меня там тоже исключили из завода. Так постановило начальство - и там тоже устроил рабочую организацию, рабочий клуб устроил, кино устроил для рабочих, и деньги забирал у дирекции. Видите ли, там было помещение для служащих отдельно, для рабочих отдельно. Я взял помещение получше, которое было для служащих, и передал рабочим. Они собрались там и устроили Синема. И, кроме того, однажды в отсутствии директора (91) пришли с требованием ко мне. Я им сказал: - «*Почему вы ко мне приходите?* - Директора не было в это время и говорю, что - *я вам ничего не могу сделать. Если у вас есть сила, так, пожалуйста, обратитесь к директору, когда он придет*». А жандарм, который это слышал, пошел и донес. И мне сообщили, что, вот, видел жандарм, что вы опять

⁷⁸ «Когда закрыли Думу? Вероятно отпустили на каникулы?» (приписано на груз. яз.) Изд.

⁷⁹ Это село Братск, или «Братское», было основано Декабристами. Р.А.

занимаетесь устройством забастовок. И как раз меня перед февральской революцией, за несколько дней, исключили с завода. Дали мне деньги на обратный путь в Иркутск. Я поехал в Иркутск, так что я 28 февраля уже был в Иркутске. Даже раньше на несколько дней приехал. И по дороге узнал и о роспуске Государственной Думы и ругался еще с некоторыми знакомыми, что если сейчас не сумеют они вообще настаивать на своем, то совершенно все пропало! Но они действительно настояли, они не хотели расходиться. Организовали они какой - то Комитет в Государственной Думе, и когда я приехал, уже пошло ...

А скажите, в конце 915 года, когда Вы на несколько месяцев остались в Иркутске, Вы имели возможность обсудить политические вопросы с Церетели? ...

Нет! Тогда не имел. После - да. Но до революции никаких, никаких обсуждений, нет! Я ведь скоро выехал из Иркутска, потому что и нашел там место работы очень скоро.

И поэтому Вы не были совсем с ним?

Мало, очень мало. Когда они выпускали журнал, я уже не был там. Я месяц или два пребыл в Иркутске и выехал оттуда.

И у Вас нет совсем воспоминаний о его политическом настроении в то время?

Нет, совсем нет! Я его видел только несколько раз. Он приезжал туда на вечеринки. Они устраивались у Иосифа Ивановича Цинкевича. Встречал несколько раз. А потом я уже выехал. При первом же (92) удобном случае и решил удрать.

И в Братске не было никаких видных социал - демократов в то время?

Нет, там никого не было. Там были рабочие ссыльные со всех концов. Мы их собирали со всех концов, потому что рабочие были нужны - завод только устраивался и некоторые из них пришли, устраивали особые собрания. Потом и я пришел. Они не знали, кто я, там и я не кричал, кто я такой! И однажды я пошел к ним и случайно увидел, что они что-то такое там хотят организовать, но никак не умеют... и я им говорю: господа, что вы делаете? Нужно сделать вот там-то и там-то. Они говорят: - «А Вы кто такой?» - Я: «Ничего, вы не бойтесь... я знаю все эти дела!» - и устроил их организацию, потом пошла работа. И устроил им и клуб и все такое! Они сами хотели просто театральные представления устраивать и никак не могли. Что поставить? И так далее. Артисты сидели все рядом в так рассказывали друг с другом. Я говорю: «Нельзя так всем сидеть, надо ходить, петь или что другое... Публика сидит, а не артисты! Вам нужно двигаться, ходить». Тут то, другое. Хоть никакой я не был и режиссер, но все-таки указал, что вот там и так надо, двигаться, действовать, это естественнее будет! Ну а потом пошла работа с ними. И оказалось, что очень многие из них ссыльные и они приехали на завод, потому что на завод их пускали, администрация не мешала, и огромное количество этих людей собралось. И так мы сидели там до революции,

И на этом мы остановимся до Мюнхена. А в Мюнхене мы опять начнем сначала - Революция 917 года. Если Вы принесете все эти документы, бумаги, я просмотрю их и тогда я вспомню что-нибудь. А то я думаю сейчас о другом и ...

Да, да! (93)

Машинопись, чернило.
ЦИАГ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 21. Л.л. 81 - 92.

***Это восьмое интервью с г. Арсенидзе.
10 сентября 1961 года.***

Мы разговариваем сегодня в Мюнхене.

Мы остановились на нашем последнем разговоре, когда уже должна была начаться Февральская революция, это когда Вы были около Иркутска, в этом предприятии. Мой первый вопрос, это: Как Вы узнали известие о Февральской революции? И как Вы связались с Вашими друзьями - товарищами? И какие разговоры были по этому поводу? Какие намерения? Какое политическое настроение было у них, и конечно у Церетели?

Это как раз в день этой революции я выехал из Братска в Иркутск. По дороге узнал, что произошел какой-то переворот в Петербурге и что Государь распустил Государственную Думу. И мы не знали больше ничего. Когда я приехал в Иркутск, там уже там тоже были слухи такие, как и я услышал. Но, видите ли, никто точного сведения не давал, потому что там был генерал - губернатор Князев... Он - генерал - губернатор всей Восточной Сибири. И он, очевидно, это скрывал несколько дней. Мы узнали о революции только по случайному указу. Получился по железной дороге приказ, подписанный Бубликовым. Тогда меня спросили: «Это же не старый министр, это кто-то новый? Кто этот Бубликов?».. А Бубликов был депутат демократической группы, я его знал. И им сказал, что это значит, что там произошла революция, потому что если в Министерстве сидит Бубликов, значит власть перешла в руки народа и в руки Государственной Думы. Вот интересно что! Мы хотели сразу же вызвать Церетели. А он в это время проживал в селе Усолье, дачное место, и так как он больной, он жил там все время.

Мы ему позвонили по телефону, сказали, что «Приезжайте, вот так-то, - революция произошла».

Он этому верить не хотел, сказал: «Вы меня хотите перетащить к вам в Иркутск просто для каких - то целей. (94) Я не приеду, и не могу, я отдыхаю спокойно». Тогда мы просили Махарадзе,

бывшего депутате, который вместе с ним был раньше депутатом, объяснить ему, сказать ему все, в чем дело. И вот он ему рассказал все и подтвердил, что получены такие-то сведения, и потому заключили, что революция произошла и нужно Вам приехать сюда. Тогда он решил, что бее него ничего не хотели начинать!

Видите ли, в чем дело: вся эмиграция, которая была там из-за границы - много было эсеров, эсдеков, а большевиков в меньшевиков всяких там! - вся эта публика обыкновенно собиралась в одной семье, чтобы поговорить между собой, поболтать, потому что все были ссыльные... Это была семья Ринкевича. Ну там собирались всегда у него на квартире. Он был хороший и состоятельный человек, бывший ссыльный тоже и принимал всех этих ссыльных и не стеснялся. Ну вот, собрались и ждем Церетели.

Когда он приехал, мм предъявили ультиматум генерал-губернатору, сказали, что «*Вы скрываете телеграммы, которые получаете. Почему до сих пор не опубликовали?*». Но он, очевидно, уже получил сведения об отставке царя, и тогда уже решил, что нечего уже скрывать больше. Он скрывал до тех пор, пока не узнал, что царь отрекся от власти. Ну, сразу же власть перешла в руки эмигрантов! Эти эмигранты образовали сразу Революционным Комитет во главе с Церетели, конечно, - он был председателем, и первое, что мы сделали, это нужно, значит, снять старую администрацию и поставить новую. Это было сделано. Сам Князев был арестован лично Ираклием Церетели; его, конечно, не взял в тюрьму, а сказал, что «*Вы остаетесь под домашним арестом, а потом я Вас через несколько дней отправлю в Петербург, пусть там правительство с Вами, как хочет, расправляется, мы здесь Вам не судьи!*». И вот так его и отправили туда. Остальное - там сняли жандармерию, полицию... это все, - и поставили новых. (95)

Вы были уже связаны с Петербургом?

Нет! пока еще нет, конечно, ее были еще связаны, потому что, если бы мы связались, нам сразу бы дали знать, но как будто это никому не пришло в голову по видимому, туда отправить телеграмму, в Петербург. Очевидно, так. Но мы решили так и образовали Комитет и стали распоряжаться.

Машинопись, чернило.
ЦИАГ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 21. Л..л. 93 - 95.

**

(Лента № 6, с г. Арсенидзе).

Характерно, что армия в этот час пришла сама, особенно саперная часть, окружила то здание, в котором мы находились. Мы сначала даже испугались, когда увидели их, но они сказали: «*Мы пришли для вашей охраны, там есть хулиганствующие части в войсках, и чтобы они не явились сюда и не разгромили вас!*» Часть войска таким образом перешла на нашу сторону. Я не помню руководителя этой части войска, он был очень интересный, кажется, его фамилия была Филиппов, кажется. Но первое положение такое было там. Видите - ли все-таки сообщение о революции как будто там получилось по телеграфу, и мы не знали еще: нужно ли выдвигать все лозунги, все политические лозунги? Даже наш Комитет склонялся к тому, что мы пока не будем говорить даже о республике, мы не знаем еще, какое там настроение в Петербурге, и потому здесь сразу развивать это все не следует, так как может потом вызвать какие-либо осложнения. Нет, - говорили мы, - пока будем воздерживаться! И все -таки первое слово сказал об этом сам тот генерал из армии. Когда было у нас большое собрание и митинг и все выступали, говорили о свободе, о необходимости того, другого и так дальше, о необходимости соблюдать порядок, установить новую власть и так далее, то он, генерал, первый сказал, что нужно установить непременно республику, у нас должен быть республиканский строй. Это слово первый (96) произнес этот сам генерал от армии. Настроение вообще было более скромнее, чем можно было ожидать. Революционеры, которые должны были сами кричать о крайних лозунгах, в этот момент проявили большую сдержанность и большую осторожность, чтобы отсюда не мешать тому, что будет происходить в Петрограде. Это должно было завершено там и лучше получить оттуда все распоряжения, чем нам давать отсюда сейчас, и так далее.

Какие социал - демократические фигуры были в Иркутске к этому моменту?

Я всех по фамилии сейчас не помню, правду скажу, не помню я.

А какие грузины были?

Грузины были только Чхиквишвили. И одного помню, - он бывший каторжник, и он тоже работал там в Иркутске, и уже каторжный срок свой прошел и работал. А остальные были из других национальностей. И один рабочий грузин еще, тоже очень хороший был, вот и все. Эти три человека там были из грузин вместе со мной. И Ираклий - с ним будет четыре грузина.

Значит, образовался Комитет. Настроение было мирное, спокойное, как бы сказать, более уравновешенное, без особых острых проявлений. Тогда население сразу стало сочувствовать революции. Ну это понятно! Но мы недолго оставались там. Получилась телеграмма, что все эмигранты, все ссыльные могут возвращаться домой, полная амнистия, и все едут за казенный счет. Вот тогда и решили мы все отправиться. Главная часть - Комитет, этот Революционный Комитет, и некоторые эмигранты решили поехать прямо оттуда в Петербург. Так и поехали.

Я хочу указать на одно настроение тогда: все эти люди были старые революционеры, опытные, политические деятели, и там был, между прочим, Гоц, из эсеров, я помню его, петом Вишневский или Вишнявский (97) - не помню точно, он был меньшевик, тоже из опытных. Был Романов еще, тоже

опытный был. Вот там несколько было, и фамилий я не могу всех вспомнить. И вспомнил бы если бы продумал! Сейчас не могу вспомнить. И все они отпраздновали. Значит, сели на поезд и отпраздновали в Петроград.

По дороге шли разговоры. И вот был разговор такого рода, что мы везем туда сейчас настоящего лидера революции [Ираклия Церетели], что это он должен стать там во главе революционного движения. Это было общее мнение всех без различия партий, направлений и так далее, что Ираклий Церетели должен стать во главе. А он меня спрашивает: там же сейчас Чхеидзе председательствует в Совете рабочих депутатов? Я ему сказал по-грузински, что «Вы такого председателя не найдете! И потому, - сказал я, - его оставим там председателем, как руководителя». Он оказал по-грузински: «Что Вы говорите?» Я ответил: «Но такого председателя, как Чхеидзе, Вы не найдете. И он будет вполне солидарен во всем с Вами, и потому этот вопрос решим сейчас». Это по дороге такой разговор шел.

Он имел какие-либо оговорки по поводу Чхеидзе?

Нет, он его еще не знал хорошо. Видите ли, он же был в Сибири все время, а Чхеидзе работал у нас, он уже был в Государственной Думе. Вот они тем и отличились, что в одной Думе был Чхеидзе, и в другой был Церетели. Церетели был раньше, Чхеидзе был после в Государственной Думе. Он что-то слышал о нем, но что он представляет из себя, какой он руководитель - он этого знать не мог. Это я ему сказал, что это чудный, незаменимый председатель, и потому этот вопрос, - я говорю, - ставить не надо, Вы сами увидите. И когда приехали в Петербург, действительно так и получилось: на первом заседании он нас приветствовал всех, и потом, когда прошло это собрание Ираклий мне (98) и говорит: «*Действительно такого председателя мы не найдем! Это самое лучшее для меня. Я избавлен от этой технической работы и могу лучше руководить, как политический деятель сейчас*». И они познакомились между собой, подружились и вместе руководили уже всем этим движением де большевистского переворота.

Какие в тот момент, когда Вы были в Иркутске, были издания?

До этого момента я еще Вам не рассказывал, кажется. В Иркутске сборник революционный. В нем была статья Церетели, в которой вскрывался целый ряд вопросов нашего движения, и он подписывал это - «Квирилели»⁸⁰, это старый его псевдоним, которым он пользовался еще в «Квали», еще в своей молодости. И этот журнал был издан на средства Гоца, у него было много средств, и он это издал на свои средства. Мы послали этот журнал за границу нашим друзьям - революционерам. И вот получается оттуда в первую очередь вот такой запрос: «*Кто этот Квирилели? Эта статья нам всем понравилась и показалась чрезвычайно интересной. Говорят, и мы хотели бы знать, что это писал Церетели! Верно это или нет?*» Так что с первого же раза эта статья была оценена очень хорошо нашими лидерами, которые тогда сидели в Женеве. И потому это подтвердило общее настроение вот этих людей, и потому получилось то, что они все думали, что он будет лидером этого революционного движения. Потом мы все уехали в Петербург, и я вместе с ним. Я долго не расставался там с ними. Потом я решил, что нужно ехать в Грузию.

Да, я знаю. Я хочу теперь вернуться немножко назад. В эти первые дни, когда Вы еще не собирались уезжать и не в поезде уже, какие были у вас намерения у всех? Что ожидали? Какие были разговоры по поводу будущего революции? (99)

Общее намерение было такое: раз вспыхнула революция, царского режима нет, то возможна очень большая анархия: особенно это говорили русские. И вот, наша цель и задача будет в том, чтобы удержать эту революцию от анархии и вести ее по определенному руслу. В этом будет состоять наша задача.

По какому руслу?

В духе интересов демократии и свободы! Но избегать анархии - это же русская черта. Как только получается свобода, так все разбивается, разбивается анархической толпой. И чтобы этого не произошло, то есть разгрома, погромов чтобы не было, просто расхищения, потому что...

Кто особенно ожидал этого?

Да особенно ждали этого русские.

Какие?

Русские, наши социал - демократы и эсэры, да и все! В этом отношении нужно сказать, разницы не было. В этот момент я даже не отличил бы их одного от другого! И эсэры и эсдеки - все говорили, что это единственная ваша задача будет сейчас - как-нибудь избавить революцию от анархии, чтобы она, понимаете, не попала в другую крайность. Иначе все пропадет. Что теперь не нужно поощрять революцию, а надо, наоборот ...

Задерживать?

Дать ей русло такое, которое было в интересах и народа и самого переворота, то есть установить новый революционный порядок! Вот это единственная задача, которую они себе оставили.

Будем говорить немножко более конкретно. По поводу вопроса власти и отношения к власти? И какое это было отношение? (100)

⁸⁰ От имени реки Квирилы, протекающей в Сачхерском районе (Верхняя Имеретия, Восточная Грузия), в родовом имени князей Церетели. Изд.

В это время этого там еще не обсуждала! А относительно власти еще ничего не говорили, потому что, видите ли, власть была другая, из буржуазии, и нужно было приехать и узнать. Заранее этого не могли решить в Комитете. Может быть, и обсуждали, но я не был, и не состоял тогда там и не могу сказать. Может быть, в Комитете и обсуждали эти вопросы, но едва ли они тогда думали, а там, кто станет во главе правительства. Они думали больше о том, что Советы рабочих депутатов и солдатских депутатов являются главней революционной силой и что вот только от них помощи надо ждать. Эта сила и должна быть самой главной опорой революционного движения, кто бы ни был в правительстве! И, вероятнее всего, предполагали, что в правительстве будут элементы либеральные, буржуазные - больше, чем социалистические. Не считали еще нужным, чтобы власть перешло в руки социалистов, об этом разговора еще не было. И говорили даже, что пока не надо даже упоминать слово «*Республика*», следовательно, избегали всех крайностей. Тем более избегали того положения, чтобы социалисты захватили сразу власть в свои руки и стали бы распоряжаться. Думали, все-таки, что эта революция буржуазная - это было так, характерная буржуазная революция, свободная, которая должна была дать больше простор экономическому развитию страны, а потом уже будем говорить о том, что будет в дальнейшем. Вопрос о социализме стоял как отдаленная перспектива, но не как ближайшая задача. Это факт! Это было общее настроение тогда.

Обсуждали вопросы участия, возможности участия в правительстве?

Нет, не обсуждали! Может быть обсуждал Комитет, может быть, но то, что они выносили на общее собрание, - этих вопросов не ставили тогда. Они просто считали, что там определенное правительство (101) и, по - видимому, коалиционное, и это само по себе коалиционное правительство им нравилось, и что с этим правительством можно будет сотрудничать. Но что Революционный Совет в руках Советов рабочих депутатов - в этом никто не сомневался! И потому они думали, что наша первая задача именно занять руководящую роль в Совете рабочих депутатов. Вот потому и предполагалось, что Ираклий займет место Чхеидзе или место Керенского, председателя, или кого-нибудь другого. О правительстве даже они не думали! Думали - «*нужно руководить теми силами, которые являются основными для революционного движения, и если ими овладеть, то тогда правительству будет легко установить порядок*». Вот общая идея была такова.

Теперь и знаю, что в эти годы, особенно в годы войны, Церетели был очень связан с Гоцем в Иркутске. Были ли у Вас разговоры по поводу отношения к эсэрами в особенности?

Я сказал бы, это так, по-бутафорски: эсэры тоже считали Ираклия своим лидером.

Что?

Считали его своим лидером так - же, как и социал демократы. И часто говорили, что он лидер всех - и социал- демократов и эсэров. Это мое мнение, может, было влияние Гоца такое было. Впечатление было такое, что все его считали человеком, которому можно доверять. Он имел общее доверие вообще всех этих партий.

Я это знаю! Не обсуждали, скажем, вы это в поезде, в Иркутске в эти дни - проблему отношений между разными революционными партиями? В особенности эсэров, большевиков и так далее?

Нет. Когда мы были в Иркутске и когда ехали, этих обсуждений на было. До приезда в Петербург этого не было. Видите ли, это был (102) такой момент, когда было у всех единодушие, удивительная черта! Их нельзя было отличить друг от друга! И эсэры и всякие там. Тем более, что они все сходились в этой личности - личности Церетели. Вот это была, так сказать, всех объединявшая черта! И потому мы его в шутку называли «*Лидером эсэров из цеха РСДРП*».

Обсуждали ли вопрос продолжения войны? Что нужно сделать по поводу вопроса о войне?

Нет. Но обсуждали. Это опять-таки обсуждения были после, когда мы приехали в Петербург, После Петербурга, после выяснения всех положений, хотя там говорили о том, что нужно покончить с войной - это был единственный лозунг, о котором там говорили, - что или революция убьет войну, или война убьет революцию! Значит, нужно с этим вопросом как-нибудь справиться! Но как? И какими мерами? Эти эмигранты раньше не имели практической работы в этом отношении. Формулу эту давали! Этот вопрос ставили так: «*Или революция, или война! Они вместе не могут существовать, Руководить и войной и революцией будет трудно. Значит, одна другую должна из них докончить!*» Революция возникла в процессе этой войны и расстройств страны, и потому эта революция должна как-то освободиться от матери, которая ее родила. Вот было такое положение вещей. Единственное, что я помню на митингах, которые там устраивали в Иркутске, и до дороге во всех этих вагонах только и разговора было об этом, только также вопросы и ставились! Ставились таким образом, чтобы их разрешали, когда приедут в Петербург. Потому что эти вопросы требуют конкретного разрешения, а не принципиального. Многие говорили, что нужно прекратить войну, высказывали такие мнения, но это было просто мнение. Споры по этому вопросу особых не было в дороге, тем более было пробуждение общее, свободы, возбуждение общее, (103) что нами достигнуты результаты всей этой многолетней борьбы. Свобода получена, дана для всей страны! И, следовательно, нужно теперь только охранять эту Свободу, спасти ее. Идея была совершенно другая - спасти то, что получено, что дано - полная свобода! Нужно ее спасти а не искать каких-то крайностей, И опасность была - война. Это было видно.

Я не помню сейчас, но мне кажется, что Дан также был в этой поезде, да?

Нет, не был, кажется. Он был в другом месте! Его там не было.

Он был в Ташкенте. Я это знаю.

Да, он был в Ташкенте, да.

Он не приехал в Иркутск?

Нет. Он раньше приезжал в Иркутск, я его видел несколько раз. Но в этот момент не приезжал.

Какие воспоминания у Вас остались по поводу этого путешествия из Иркутска? Как население в разных местах вас встречало?

Да, это было удивительнее дело! На каждой станции узнавал народ, встречал. И приходиломь выходить и говорить речь. Почти на каждой большой станции всегда останавливались; Приходилось выходить и мне, а то и другим ... Это было путешествие такое, как бы путешествует какой - нибудь царь! И встречали этих людей просто, как новых руководителей и вождей, потому что по всей линии уже было известие, и все думали и понимали, что это те люди из Сибири, которые страдали. Может быть, даже многие знали революционеров... И мы знали, что почти на каждой станции требовали при остановке выйти и рассказать им все, сказать им слова и показаться. И мы выступали, все выходили на платформу, иногда все целиком на платформу, а те из окон (104) говорили..., Речи тогда шли, знаете, как ручей!

Были большие толпы народа?

Да, на больших станциях большие! Много людей! На маленьких меньше, по сто-двести человек, а то и тысячи. Встречали на каждой станции.

Ну, Вы приехали в Петербург. Какое положение Вы там нашли?

Трудно сказать! Было одно положение, когда я был в Петрограде, большевики уже входили в рабочую среду и устраивали рабочие дружины. Я лично отправился в Комитет меньшевистский. В Петербургский Комитет. Тут я сам увидел, что они занимались не этим вопросом, а какими - то организационными вопросами. Я им поставил вопрос: «Господа, чего Вы ждете? Теперь нужно, чтобы весь рабочий класс был организован вокруг Вас! И нужно не только организация, но нужно иметь и вооруженные группы. Вы должны их иметь - охранять порядок, не как полиция, а как администрация». Я не получил у них удовлетворительного ответа. И это была основная причина, что я уехал из Петрограда, и заметил, что Комитет этот, русский, но не хотел почти ничего делать в этом отношении. Они думали о том, как бы устроить еще ячейки. Я говорил, что вопрос не об ячейках сейчас, а о развертывании всего революционного движения. Вот видите ли, нам нужно будет, может быть, в одно и то же время и обороняться, и нужно будет охранять порядок. Нужно самые передовик рабочих всех вооружить. Дать им всем определенную идею защиты тех свобод, которые завоеваны, иначе это все захватят другие элементы. А тогда уже шли разговоры о том, что большевики могут захватить все позиции. Мы там уже узнали; когда приехали, увидели, что большевики стоят в оппозиции ко всему революционному движению. Особенно после приезда Ленина. Но и до этого они стояли в оппозиции. Несмотря на (105) то, что там руководил Сталин, он не особенно резко проявлял свою оппозицию. Он сразу пошел к своим людям в рабочих кварталах, на фабриках, и заводах, чтобы захватить этих людей, дать им указания, что это произошло все от имени большевиков! А в среде рабочих, понятное дело, такая широкая пропаганда не была проведена раньше, чтобы можно было им разбираться во всем происходящем. А кто к ним первый пришел и сказал, тот и мог бы дать большое впечатление. В этом отношении, я думаю, Сталин там сыграл огромную роль! Поэтому и организацию большевистскую он сразу же устроил. К этому он был очень способен! Вот, видите, какое положение было. Когда я посмотрел на Комитет меньшевистский, то у меня просто создалось тяжелое впечатление. Подумал, что эти люди могут очень мало что сделать. Они этих широких задач революции не могут понять и не смогут взять в свои руки. Потому что одни разговоры в революционный момент не дают ничего. Вместе со мной в Комитете был еще Хомерики наш, он то же самое впечатление получил. Он тоже бросил их, и мы вместе поехали в Грузию. Единственное, что у меня осталось, может быть, это в других местах и в других районах все - таки кое-как работали меньшевики, но эта основная линия, которая ими велась, это было желание некоторым образом воспользоваться революцией для пополнения своих рядов, что совершенно, по моему, было недостаточно. В массе рабочих много была эсэров особенно, они еще проявляли себя, но как они работали, я не знаю, у них и не был.

А Вы были еще в Петрограде в моменты кризиса с Милюковым? Это еще в то время, когда был кризис по поводу Дарданелл, демонстрации тогда были. Это была в апреле уже! (106)

Нет, нет, я очень скоро уехал оттуда. Я виделся только с Чхеидзе, потом еще с одним хорошим знакомым, был у него, потом решили, что нам лучше ехать в Грузию, чем оставаться здесь. Здесь для нас нет особенной работы. Совет рабочих депутатов был хорошо оснащен людьми, и там были все - и меньшевики и эсэры, и господствовали и руководителями были. А эта работа, которую я себе предполагал что устроюсь как-нибудь с меньшевиками - не удалась, и вот я и Хомерики решили уехать оттуда. Мы очень скоро уехали, кажется, через неделю уже приехав оттуда. Так что приезд Ленина произошел уже после нас, после нашего отъезда.

В течение этой недели или десяти дней, или двух недель Вы участвовали в обсуждении этих вопросов, какое отношение к Временному Правительству?

Нет, я не участвовал.

Но у вас были разговоры с Церетели в эти дни?

Ну я слышал конечно, как они начинали эти вопросы обсуждать. Нужно ли обороняться? Но и думал, что этот вопрос стоял. Но этот вопрос еще не был разрешен. Это осуждали. Но решения еще не было окончательного дано, и не знали, тем более, что вопрос этот ставило вражде всего правительство, а потом уже в Совете рабочих депутатов. И правительство, как Вы помните, уже оборонялось само, и Совет

тоже считал, что защищать родину надо, необходимо. Но какими мерами - вот этот вопрос стоял еще не разрешенный. Когда я выехал, этот вопроо еще не был окончательно разрешен и линии еще не были точно определены. Тем более, что эта линия определилась после приезда Ленина, который привез свои тезисы. Это уже после. Когда Ленин уже выступал в Совете рабочих депутатов, меня там не было уже. Я его не слышал. (107)

Ну Вы вернулись домой, тогда в Тбилиси? Какое положение Вы нашли там?

В Тбилиси? В Тбилиси увидел такое - тоже удивительную вещь! Комиссаром был один русский, по фамилии не помню, кажется, Попов, и Жордания - два⁸¹. Два комиссара руководили всем городом! Они поздно получили сообщение по телеграфу о революции. Вы, вероятно, знаете, Они решили и Наместника нашего провожали с большой почестью; оттуда отправили в Россию. И все это потому, что думали, здесь, в сущности говоря, ничего не решается - не Тбилиси решает вопросы, а вопросы все решаются в Москве и в Петербурге. Это столица, и там решаются вопросы, а не здесь! Отсюда можно только поддержать их и здесь поддерживать порядок. Порядок у нас был более образцовый, чем во всей России, никаких эксцессов не было, никаких выступлений не было, никаких убийств, ни захватов земель и так далее., ничего этого не происходило. Все ждали и думали, что сейчас правительство даст определенное распоряжение и будем поступать так, как это будет предложено нашими руководителями. Кроме того, мы тогда старались эту идею разнести по всей стране и по всем уголкам и особенно по тем уголкам, в которых раньше даже простого революционного движения не было; и эти места нужно было оповестить и дать им сознание о новом положении вещей, а не те уроки той части грузинской общественности, которую они пропагандировали и вели. Характерно, что у нас эта революция произошла так, что никаких кровопролитий не было и никаких захватов не было, и никакой анархии не было. Приняли как достойное! Приняли, получили свободу - значит ее нужно держать в своих руках и не выпускать и поступать с ним честно.

Как была организована революционная власть? (108)

Революционной власти у нас не было еще. Это уже после создалось Правительство Закавказского Комиссариата, это создалось. «Закавказский Комиссариат» хотя я в нем и работал, но имел очень мало влияния. Больше влияния имели рабочие в солдатские депутаты Совет солдатских и рабочих депутатов. Они распоряжались по всем уездам во всех местах. Потом еще одно, что со мной был несчастный случай, и уже целое лето, с апреля до осени, никакого участия не принимал в движении и уже вернулся после выздоровления только в сентябре или октябре - точно не помню, не раньше. Поэтому и даже не состоял в Совете рабочих депутатов, даже не был, хоть и выступал очень часто но занимался я, когда приехал из Петербурга в Тифлис, только в редакции. Мы устроили первым наш легальный Съезд Социал - демократический, на котором я еще не присутствовал.

Это было в каком году?

В том же 917 году.

Да, но в каком месяце?

Месяцев и точно не могу сказать.

Но его было до Вашего аксидана?

Нет, после аксидана. Когда я вернулся уже из лечебницы.

Вы имеете в виду съезд партии в Петербурге?

Нет, когда я вернулся из Петрограда, и ведь скоро попал под автомобиль и целое лето провел в больнице, а потом на даче.

Какой съезд Вы имеете в виду, это общий?

Нет, мы устраивали Грузинский Съезд, Конференцию Грузинскую устраивали два раза. Одно у нас собранно было в Городской Думе, а другое на Михайловском проспекте в Большом зале.

Это было в сентябре-октябре? (109)

Да, приблизительно, Да.

И эксидент у Вас случился когда? В мае приблизительно?

Нет, это случилось в апреле месяце.

Хорошо. Я хочу поставить Вам следующий вопрос: До Вашего аксидана, до апреля - какое настроение существовало у Ваших товарищей по поводу политической линии, которую меньшевики в Петрограде проводили?

Вот, видите ли, мы был недовольны меньшевиками. У нас было недовольство меньшевиками, которые сидели в Петрограде. Но у нас, у себя мы были полными хозяевами, никто нам не противоречил. Сразу выяснилось, что почти все население, если не все, то огромное большинство стояло за социал - демократов.

Ну какие воспоминания у Вас остались по поводу этого недовольства? Какие причины недовольства? Что было сказано на эту тему и так далее?

Да, недовольства было много, мы видели. Я Вам скажу сейчас одну характерную черту. Что, вот, говори, что в Петрограде был кризис относительно правительства, то у нас решили, что нужно, чтобы и

⁸¹ Арсенидзе не называет третьего комиссара – Александра Ивановича Хатисова. Изд.

там власть перешла в руки социалистов. Мы, очевидно, судили по нашему положению, потому что у вас другого выхода не было. Вы должны были стать во главе и выполнять все государственные функции. Это приходилось социал - демократам. Так что и в смысле военном, и в смысле пропаганды и агитации, и устройства - все было в наших руках. Думая, что в наших руках везде очень хороший порядок, может быть, там тоже будет так? И потому, я помню, что Жордания послал телеграмму от имени Совета рабочих депутатов - он председателем был этого Совета, - что нужно установить социалистическое правительство. (110)

Это уже было в апреле?

Да. Это было все в апреле, с самого начала. Дали эту телеграмму, на которую ответа не было, мы не получила, потому что там еще собиралась коалиционное правительство устраивать. Эта линия, значит, наша, не совпала с ними.

И все были более или менее согласны, что это нужно делать?

Вы знаете же, что во время войны Жордания был оборонцем, а мы были против, все остальные, а в этот момент это повернулось, и все мы стали уже оборонцами. Подумаешь! У нас свободное государство и что его нужно защищать! И мы не можем отдать себя в руки врагов и получить свободу, так то сказать! Свободу нужно защищать и на фронте и дома. Но полагали, что нужно как - нибудь положить конец войне, вот эта идея у нас у всех была общая. Конец войне нужно положить тем или иным способом. И эти вопросы мы ставили перед центральной властью. Мы же не могли сами? У нас была еще другая забота! Это турецкий фронт, оттуда бежали солдаты... И вот началась история совершенно другого рода. Уже в первые дни революции сначала оттуда приезжали делегаты, образовали Совет рабочих и солдатских депутатов.

Когда я вернулся после моей болезни, уже стоял вопрос о том, как спастись от турок. Так что этот фронт нас занимал больше и сильнее, чем положение в Центральном правительстве, потому что думали, что там есть люди. Там есть люди, которые эти вопросы разрешат. И отсюда давать инструкции не имело никакого смысла. Но у нас было настроение такое: когда имеешь свободное государство, его нужно защищать - вот положение! Жордания судил, он же был оборонец с самого начала, а теперь говорит: «*И вы стали оборонцами*», и он шутя говорит: «*Вот, никто не был со мной оборонцем, а теперь пришли все на мою точку зрения, потому что другого выхода сейчас нет*». Говорят: «*единственное, (111) что нужно, это покончить с войной и не дать врагу раздавить нашу свободу. Тем более, что отошли немецкие войска*». На немецкие войска мы не рассчитывали, что они дадут нам свободу и оставят ее нам. Вот такое настроения можно определить тогда в грузинском положении, так сказать, в Тбилиси, и положение вообще в Грузии.

Теперь, было ли недовольство и разговоры до Вашего эксидента, до того, как Вы поехали в Боржом? По поводу разрешения аграрного вопроса?

Нет, Все думали, что нужно скоро разрешить. И наши комиссары фактически это делали. Мы же послали комиссаров по всем городам. Этот вопрос стал остро только в одном Горийском уезде. Там крестьянство еще не было хорошо подготовлено, а в Западной Грузии это они сами решили, что эта вся земля перейдет к ним и можно подождать! Чего нам устраивать тут бунт и ломаться в открытие двери? А в Карталинии (Картли) было наоборот: там происходили крестьянские бунты-беспорядки. Они, например, решили, что эти лесные пространства им не дадут, а оставят казне, и потому вырубали лес. Потом вырубали виноградники этих князей, потому что думали, что, вот, если виноградники вырубят, то земля им останется! Мы принуждены были с этим бороться, разъяснять этим людям, что это все не так, принуждены были отобрать землю у этих хозяев, чтобы крестьяне не разгромили все. И это удалось в значительной степени.

По крайней мере, после первых же таких поджогов и разгромов, - это прекратилось. Но первые месяцы это было. Не было везде, но было в Карталинии, только в Карталинии, особенно в той части, к которой примыкала Осетия, вот в этих районах шли разгромы, и даже там перебили две - три семьи дворян, с детьми. И убили, между прочим, одну семью, которая была вся социал - демократическая, но они были князья. Вот (112) единственный уголок, в которой это получилось и куда мы должны были направить все наши главные силы, чтобы это приостановить и навести порядок. Этот порядок был введен тем, что вот там комиссары, когда получали приказ из Закавказского Комитета, что нужно пока поудержаться, чтобы крестьяне не захватывали землю и так дальше, ничего этого не выполняли. Никакими силами нельзя было удержать крестьян, потом сам комиссар объявил крестьянам: всю землю, которую вы обрабатываете, пожалуйста, обрабатывайте и можете ни копейки не платить налогов. Вот тогда крестьяне успокоились. Так как они были почти все арендаторы - там было огромное число арендаторов, и там был единственный уголок, где были самые большие фонды земли и крупные и мелкие землевладельцы. Местные крестьяне просто говорили: «*Ну, что съели мы - и старое и новое, и недоимок мы платить не будем!*» Вот только этим удалось их успокоить, что мы подтвердили им, что, пожалуйста, не платите. Этим удалось их только успокоить. И это комиссар Кирилл Нинидзе сделал по своей инициативе. Потом Закавказский Комитет с ним спорил об этом. Помню, я пришел в Закавказский Комитет и уговаривал, - «*Господа, надо уступить*». Чхенкели тогда стоял во главе Комиссариата, Я пришел к нему и говорил по этому делу.

Машинопись, чернило.
ЦИАГ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 21. Л.л. 92 - 112.

Это вторая сторона восьмого интервью с господином Арсенидзе.

Мы сейчас обсуждаем отношение к аграрному вопросу.

Мы остановились, когда этот вопрос о деятельности комиссара был обсужден в Закавказском Комитете.

Да, Закавказский Комитет был организован вместо Наместничества. Но особой роли в революционном движении и в революционной работе не (113) играл, особенно в первое время, это считалась только форма, связанная с Россией, и больше ничего. Но они все-таки давали - получали указы от центральной власти и здесь издавали соответствующие указания тоже. Между прочим, тогда получились сведения оттуда, из Петербурга, что пока земельный вопрос не разрешен, чтобы все было в порядке и чтобы не было никаких беспорядков. Вот я Вам говорил, что во всех местах порядок был, исключая Горийский уезд. А там комиссаром был как раз мой хороший товарищ, мой друг - Нинидзе.

Это был Закавказский Комиссариат?⁸²

Закавказский Комиссариат, с самого начала. Он получил приказание также в Горийском уезде собирать налоги с земли пока по-старому, до получения закона о разрешении аграрного вопроса, который разрабатывается там, в Петрограде. Но он, Нинидзе, на месте увидел, что это просто возмущает крестьян, и решил, что им нужно объяснить: Вы обрабатываете землю без подати, и она находится в вашем распоряжении, пока вы получены другие приказы. А приказы Комиссариата он отбросил. За это его хотели отозвать. И вот, как раз в этот момент он приехал в Тбилиси из Гори и сообщил, что в уезде такое положение, что если не дать землю, то ничем нельзя успокоить народ. И мне пришлось пойти вместе с ним к Чхенкели.

Там объяснить, чтобы не делали этого. Инструкция ваша касается всей России. Но в этом уголке вы должны сделать исключение. Иначе мы беспорядков не избежим. И он согласился с нами. Нинидзе не снял. Потом он там все провел, как полагалось, успокоил этот район тем, что крестьяне стали фактически уже собственниками всей земли, которую они обрабатывали. Вот это их успокоило. И кроме того, он принимал даже такие меры: приходили к нему с жалобой и крестьяне, и дворяне, и землевладельцы, (114) так он в первую очередь принимал крестьян, а потом других. И это так нравилось этим крестьянам! В Кутаиси и в Западной Грузии на это никто бы не обратил внимания, а там на это обращали внимание - что, вот, он крестьянин, а его в первую очередь приняли, а потом уже позвали этих старых господ! И это крестьянам нравилось, говорили: *«Вот это наша власть значит, и ему можно верить!»*.

Видите, доверие можно было получить только такими мерами, и он это делал! Он единственный комиссар, который делал подобную вещь, в других местах я не слышал об этом, чтобы так делали. Со всеми обращались одинаково, тем более, что и Западной Грузии и дворяне и крестьяне одеваются одинаково, говорят одинаково и с одинаковым почетом друг к другу относятся, и их друг от друга так и не отличишь по виду, если не знаешь, кто они такие. А в Карталинии была разница, очень большая разница между крестьянами крупными землевладельцами.

А вообще говоря, кроме этой провинции, крестьяне продолжали платить аренду?

Нет, не платили аренду, ни за что не платили! В других местах беспорядков не было, но у меня нет сведений, потому что было все в порядке. Порядок был, значит мы не вмешивались в это дело.

Но какой порядок?

Не знаю. Вероятно, крестьяне брали сами землю, а дворяне против этого ничего не возражали. Потому что там положение было такое, что и дворяне мелкие, и земли маленькие, и почти все это было уже в руках крестьян, и эти крестьяне, многие из них, могли ждать и даже платить. Я знаю, что в некоторых местах добровольно платили, вот, например, в Лечхумском уезде, когда им даже мешали комиссары, то (115) крестьяне сами пришли и говорили: *«Как - же, ведь собственник земли с голоду умрет, это будет хуже, так нужно ему дать что-нибудь!»*. Вот это они чувствовали и сами приносили. Уже не хозяева просили, а крестьяне сами приносили: *«Вот это мы вам принесли - кушайте!»* Это, чтобы вы не голодали!» - Видите, какое настроение было в Западной Грузии!

А в Восточной было наоборот.

Но общее правило тогда, в конце - концов, было?

Да, общее правило. Но мы все - таки воздерживались.

И что, это было решено на месте, более или менее?

Да, решалось на месте, но решалось своеобразно в каждом уголке.

Да, я понимаю ...

И потому общее впечатление, общего хорошего ожидать нельзя было. Я могу сказать только одно: Когда мы хотели аграрную программу провести, то крестьяне и крестьянский съезд настаивали на том, чтобы дворянам оставили определенную часть земли, чтобы их не оставили совсем без земли, что всю землю мы взять не можем! Часть им оставить, сколько им нужно, чтобы они могли прожить. Так что эта идея была выдумана не меньшевиками и не правительством, а вышло из самой крестьянской среды, - что и мы получим, и они должны иметь тоже свою землю для того, чтобы они тоже могли работать, пусть они тоже работают, землю обрабатывают тоже как хотят, приучатся в конце - концов, но они тоже должны жить. Видите ли, не было той вражды, что нужно истребить их и снести с лица земли, - вот этого положения у нас не было, нем было, как было, например, в России. В России просто грабили, разрушали

⁸² «ОЗАКОМ (Особ. Зак. комисс.)» приписано красным чернилом, от руки. Изд.

огромные имения, а у нас этого не было - Кроме Карталинии, - нигде не трогала землевладельцев и даже охраняли, не разрушали, а (116) даже охраняли, чтобы ничего не испортилось. Я помню, в Гурии у этого Накашидзе были чайные плантации, он один разводил, и крестьяне решили, что это должно остаться в его руках все, больше или меньше нормы - это нас не касается, пускай все остается, потому что он хорошо разрабатывает, а заодно и мы научимся и будем сами также разрабатывать свою землю. Вот видите, так относились! Сознательно относились к этому вопросу почти во всей Западной Грузии, и потому там никаких недоразумений не было, чтобы разрешать его в Тбилиси. На месте справлялись с этим очень свободно и легко, не стесняя ни ту, ни другую сторону. Потому что крестьяне вовсе не хотели уничтожать, убивать и выгонять их отсюда. И никому в городе не приходилось убежать. А в Карталинии убежали! Была история с ними впоследствии, после независимости тоже была история. Они к немецким властям обратились за помощью. Войсками нам пришлось их успокоить. И тогда Ной Рамишвили арестовал целый десяток их, потому что они обратились к немецким войскам, чтобы те взыскали с крестьян. Это уже было после революции 917 года. Он сказал: *«У нас земельная реформа проходит, а вы иностранные, чужие войска втягиваете в наши внутренние дела. Мы этого не допустим»*. Охраняла Грузия свой суверенитет очень строго. Нигде в других местах такого положения не было. Настроение было такое. Я не могу сказать, я ездил один раз в Кубань за хлебом - Целая кампания поехала туда, там был некоторый порядок.

Это было когда?

До нашей независимости, весной 916 года. Мы поехали туда весной 918 года, я был вместе с ними. Мы были в Екатеринодаре и там забрали с собой огромное количество хлеба, купили, и масла купили, потом свиной жир и ветчину - набрали целые вагоны и отправились. Так вот там уже были в этот момент большие беспорядки. На одной станции (117) сидели большевики, и в другой станции сидели меньшевики. А с нами было несколько военных людей и несколько штатских. Я помню, когда мы уже возвращались отсюда, с Кубани, то мы должны были ехать через Баку. Но на этой линии, почти на каждой станции нас встречали то большевики, то меньшевики - не знали, что с ними и делить. И мы узнавали заранее на одной, на другой станции - кто там сидит? Коли там сидят большевики, тогда мы военных отправляли в сторону, а сами сидели на месте - штатские! И случилась такая курьезная вещь: Мы там достали какие-то ящики и уложили туда все продукты, а на ящиках, оказывается, написано «Водка»!

И вот один раз к нам приходит какой-то отряд и говорит: *«Вы вооружены?»*

- Я говорю *«Да, мы вооружены тоже»*.

- *«А как? Для чего вам оружие?»*

- Я говорю: *«Мы тоже революционеры и нам тоже нужно оружие!»*

Говорят: *«А почему вы везете водку? Кто вам разрешил эту водку везти? Это запрещено здесь!»*

- Я говорю: *«Там водки нет, а там просто ветчина!»*.

Говорит: *«Не может быть, там - же написано - водка»*.

«Пойдем!»

И вот взял этого комиссара, привел к этому вагону, посмотрели, а там мясо лежит.

Ну, выпустили нас. Но мы решили после этого повернуть на Владикавказ и отправиться уже на машинах в Грузию.

И там тоже случилась история. Вот мы выехали из Владикавказа. Во Владикавказе мы закупили там книги, вещи и еще кое-что, что там достали, все это забрали с собой на машину и поехали. И вдруг нас по дороге встречают разбойники. *«Стоп!»* Мы остановились. - *«Кто вы такие?»* - *«Грузины»*. *«Куда едете?»* - *«В Тбилиси!»*. *«Хорошо, так поезжайте!»*.

Не пропускали других. Это чеченцы, с грузинами они были в дружбе. *«Но, - говорят, - там сидят еще другие, они могут вас пострелять!»* И говорят: *«А чтобы они этого не сделали, разрешите сесть вместе с вами и отправиться вместе с вами, это будет им знак!»* И один из них, черкес, подсел (118) к нам и провез нас до нашей границы. Никто нас не остановил: *«Мы, - говорит - с грузинами в дружбе, и чтобы никто вас на трогал по дороге, я вас провожу»*. И вот так сам нас проводил. В некоторых местах он делал знаки руками, и нас никто не трогал.

Вот видите, такие настроения были и такие положения, такая перемена на каждом шагу, и с этим вопросом надо было справляться. Мы потому решили на Владикавказ ехать ближе, потому что мы не попадались опять то к большевикам, то к меньшевикам, то и другим, и эта перемена нас уже выводила из терпения. Вот настроение такое. В России была уже анархия! И когда мы приехали и привезли все, у нас был порядок, и никто ...

А скажите, в городах как? По тому, как Вы мне описываете, и вижу, что в деревнях, вообще говоря, не было значительных беспорядков и конфликтов? А в городах появлялись социальные конфликты? До лета 917 года?

Нет, до лета у нас не было беспорядков, у нас рабочие были организованы все. И видите ли, все требования рабочих были удовлетворены. Они были хозяевами. Они охраняли порядок. И когда им большевики предложили выселить буржуев и переселиться в их дома, они отказались. Сказали, *«Что мы там будем делать? Мы лучше устроим свои получше, свои домишки здесь, маленькие, и будем жить в Нахаловке (Они жили за городом) Чем занимать чужие квартиры, на что они нам нужны?»* Так что, несмотря на эту демагогию, что - переселитесь! - это им не удалось. Рабочие соблюдали порядок. И соблюдали государственность еще.

Я уже немного убегаю вперед, но об объявлении независимости я потом расскажу. Но все, что было после независимости - характерно, относится к этому вопросу, как они относились: Вот на станцию Тбилиси приехали войска, после отъезда немцев приехали английские войска. (119) Кажется, Журдан был - или как его фамилия, я не помню уже. Он обратились к рабочим: - *«Дайте нам сейчас машину и*

отправьте дальше». Рабочие сказали, что - мы этого дать вам не можем. Запросите наше правительство, и если оно вам разрешит - пожалуйста, иначе вы ничего не получите! «Как не получим? Мы уже приехали как оккупанты, новые хозяева, так что мы вам сейчас!...». Рабочие сказали: «Если вы будете стрелять, мы тоже будем стрелять. Мы вас не пустим даже в наше депо, - чтоб там стояли ваши машины. Мы вас туда не пустим, и ни один на вас туда не пойдет, будем стрелять». Ну, так они подумали, чтобы не стреляться с этими рабочими, лучше позвоним в управление министра иностранных дел. Тот дал приказ с своей стороны начальнику станции. Начальник станции объявил рабочим, что получил такой приказ, чтобы дать англичанам машины, - вывели и сказали: «Пожалуйста! Вот полный состав, можете ехать куда угодно».

Такого состава они не видели нигде во всей России. Но наши рабочие хранили, взяли на запасной путь и охраняли состав вагонов, а остальное, чтобы их не разграбили, не отправили ни в Россию... никуда. И у них оказались даже царские вагоны на месте. Все они охраняли, поставили стражу на запасной путь. А потом, когда все это потребовалось, - вывели и сказали: «Вот, пожалуйста. Для начальства вот эти вагоны, а для товаров я для солдат - вот эти. Получайте»

Удивились.

Видите - вот первое впечатление. Вот так наши рабочие относились к государственному добру и государственности сразу. Они охраняли и государство и государственное добро. Эта разгромить или захватить себе лишнюю там бархатную вещицу и присвоить себе - этого не было у нас, вообще не было! К вот потому я и говорю, что уже и до этого, уже в первые (120) дни революции, до объявления еще независимости тбилисские рабочие в Грузии сохраняли полный порядок. Правда, их положение было очень тяжелое. Я могу Вам привести пример, если хотите. Фактически получали на одну треть меньше жалование, чем раньше, если считать по покупательной силе. Исследование Константина Канделаки - он написал целую книгу - там ясно показано, что в это время рабочему столько платить не могли, сколько платили раньше, потому что не было средств, невозможно было. Они были недовольны, конечно, но никакого возмущения не было, потому что знали, потому что они были в курсе дела - что, мол, что имеют, они нам дают, а чего нет, проси сколько угодно - все равно ничего нет, откуда выудишь? И потому у нас этих беспорядков почти не было. Выступления рабочих против правительства или даже против хозяев в это время не происходило.

Хорошо. Вот следующий вопрос, который я хочу Вам поставить, это - после того, как Вы вернулись из Боржоми, это прошло приблизительно три - четыре месяца, летом, какие изменения в настроении Вы нашли? Какие были дискуссии теперь? Особенно в связи с этими двумя - было две партийных конференции - в сентябре и октябре. Или только одна?

На этих конференциях мы обсуждали только очередные вопросы революции. Только это обсуждали, и было почти полное единодушие. Только мы и большевики более или менее разошлись между собой.

Они не участвовали в этих конференциях?

Нет. В этих конференциях, конечно, не участвовали. Они уже отошли совершенно отдельно и составили отдельную группу. Вероятно, они, вероятнее всего, что они получили на этот счет уже с центра, вероятнее всего⁸³. (121)

И была, конечно, особая концепция?

Да, вероятнее всего получили, но они поделились и уже выставляли эти крайние лозунги. И среди наших из-за этого создалось другое настроение. Некоторые люди просто предлагали: мы делаем только демократическую работу, а не социалистическую, значит, давайте будем просто называться демократической партией? Вот это настроение я нашел, что некоторые люди - мои друзья - говорили, что такое? Мы называем себя социалистами, а социализма мы не делаем сейчас, а мы разрабатываем программу минимум, демократическую программу. Как же может называться? У нас нет никакой лучше демократической партии. Эти шли разговоры, которые особого влияния на работу не имели, и вообще как солидная группа даже не проявлялась. Это были отдельные разговоры скорее, чем ...

Какие лица вели эти разговоры?

Это вели разговоры середняки, не из лидеров. Вот некоторые люди просто это говорили. Видите ли, впечатление это от фактов происходит. У них, очевидно, появилось, что большевик несомненно должен немедленно перейти к социалистическим реформам и так дальше. А мы проводили только демократические реформы. Тогда они сказали: что же, пускай они называются социалистами, а мы будем называть себя демократами! Видите ли, это логика! Она была у единичных лиц, и никакого влияния ни в чем не производила. И наша компания решала так, что мы идем демократическим путем, потом придем к социалистическим воротам, это уже будет как бы второй этап, а сейчас мы совершаем первый этап! Чисто демократический! Вот это общее положение и утвердилось у нас.

Машинопись, чернило.
ЦИАГ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 21. Л.л. 112 - 121.

Это вторая сторона ленты.

⁸³ В Первой конференции, в мае (?) 1917 г. большевики еще были с нами. (Красными чернилами). Изд.

Если бы Вы смогли более точно и более детально мне рассказать, как эта конференция была созвана? Где она собиралась, и так далее, и так далее? (122)

Это очень трудно сейчас все вспомнить. Это все записано в книги и журналы. У нас сидели там корреспонденты, этих журналов у меня нет, а в Париже имеются. Может быть они еще обозначены, может и нет. У меня не полный комплект, но имеется почти все журналы эти. Трудно так сказать, но она прошла очень единодушно. Очень единодушно прошла наша резолюция. Даже я помню, что я должен был после болезни вернуться. Меня и Жордания выбрали без голосования. А остальных членов голосовали.

Какое название было вашей газеты?

«Эртоба».

«Эртоба»? Что это означает?

Единство.

Единство! Но мне заметили несколько минут тому назад, что одно изменение в настроении, которое Вы почувствовали, когда Вы приехали обратно: это было по поводу вопроса о войне? Расскажите об этом.

Да, я Вам уже сказал, что наша старая позиция и новая, которые нужно было провести среди рабочих, обыкновенно мы думали и сейчас можно то же самое говорить, - кончить войну без аннексии и контрибуции. А пока это кончишь - что делать? Оставить ли или это можно осуществить? И вот мы пришли и сказали рабочим, что мы теперь свободные люди, свободное государство и, значит, мы должны защищать свое. Иначе, если немцы придут, что они нам хорошего дадут? Это будет хуже. Это значит, что приходится защищаться и от внешних врагов. Революция должна защищать себя. Но что войну нужно кончить возможно скорее!

Мы им говорим: «Ведь это не зависит от нас! Это уже вопрос Центра». И каким бы образом они не разрешали, это их дело. Но мы, как окраина, (122) мы все думали, что чем раньше прекратится война, тем лучше! Потому что у нас там стоял огромный фронт турецкий, который нас очень беспокоил. Мы думали, - чем скоро это разрешится, тем лучше! Вот нас занимал вопрос совсем не в том духе, как в Петербурге, а занимал тот вопрос, как отражалось на вас на Кавказское положение, на положение в нашей партии. Вот эти вопросы нас особенно интересовали - как-нибудь ликвидировать войну эту. Это было бы для вас счастьем.

Да. Было ли обсуждено во время конференции и, вообще говоря, вопрос о том, что Центральное правительство в Петрограде делает все, что нужно для прекращения войны?

Об этом было обсуждение. Резолюцию я сейчас не помню.

Нет, не революцию надо. Какое было настроение? Какие были разговоры и так далее?

Трудно сказать сейчас, я не могу.

Было ли недовольстве по поводу этого?

Недовольство было.

По поводу политики, которую вели там?

Недовольство было. Критика была. Но такого оппозиционного настроения к правительству не было. Критика, так сказать, была доброжелательная, а не оппозиционная. Доброжелательная.

Но в каких направлениях?

Мы думали, например, что войну нужно скоро кончить, что центральная власть не может везде и всюду быть, а чтобы больше на местах эти вопросы обсуждались и решались, особенно у этих отдельных народов. Вот это нас интересовало. Что у нас совсем другое положение, и потом мы несколько иначе решаем. Да, мы любили еще одну штуку - вообще любили не ссориться и не спорить с ними, а проводить свои (123) решения самим и ставить их перед фактом. Так что мы стараемся.

Нам нужно то-то и то-то, и проводили на другой день. Значит, и организации проводили везде и по всей линии, не дожидаясь того Центра - одобрит или нет. В этом отношении мы поступали почти самостоятельно. И потому вопросы эти - тамошние - для нас стояли более теоретически, чем практически.

Но вопрос о войне вы не могли разрешить сами?

Да. Вопрос о войне, вот единственное, что нас беспокоило! Об этом мы думали, что вот нужно разрешить ... быстро. Нужно обороняться, поскорее кончить и провести линии, которые мы заняли. Нужно обороняться, потому что пускать эти войска в революционную Россию - эти иностранные войска - не нужно. Это погубель для революции. Но если война будет продолжаться, это будет большое несчастье, потому что мы чувствовала, что солдаты уже колеблются. В это время они приходили к нам, эти революционные офицеры и солдаты вое, а второй раз уже солдаты были против офицеров настроены - таковое создалось положение, и это нас беспокоило. Солдаты уже снимали офицеров. Они образовывали свои комитеты. Некоторые еще следили за этими комитетами, - бывали очень честные и хорошие люди, но потом, видите - ли, раз начальства можно не послушаться один раз, то вообще это станет правилом - не будут слушаться, если ему не интересно. И вот этот вопрос заставит нас поскорее пропагандировать, что подождите немного, солдаты, так как скоро закончим войну, это успокаивало солдат и устраивало нас.

Понятно. А возможность сепаратного мира?

Мы были против сепаратного мира. Все-таки не считали, что сепаратный мир необходим. Но думали, что, может быть, какой-нибудь другой выход будет найден. И конкретно это у нас не обсуждали, (124) потому что это не было в наших руках и в нашей власти. А то, что не в нашей власти, то об этом судили только в Центральном Комитете, и они посылали телеграмму. Центральный Комитет это разрешал, и посылал телеграммы и давал отзывы на те или иные вопросы. Но такой широкой массой во всем этом пропаганду не вели. Не вели этой пропаганды совершенно.

Они нам ничего не пересылали непосредственно для устройства нашей жизни.

А скажем, внутри Закавказского Комитета - Вы были член Закавказского Комитета партии?

Партии? Да, все время!

Все время в Областном Комитете?

Все время в Областном Комитете! Постоянно.

Ну вот, этот вопрос не был обсужден в Областном Комитете партии?

Нет.

Ни один раз?

Нет. Я, по крайней мере не помню. Не помню. И сейчас трудно сказать. Может быть, и обсуждали, а я не помню. Потому что то, что они все тогда записывали в книги, в газеты - все это можно просмотреть. Наизусть это очень трудно сейчас вспоминать, столько времени прошло с тех пор. Тем более тогда на это очень мало обращали внимания. Эти решения принимались. А на другой день у нас была совершенно иная забота.

Мы скорее занимались тем, чтобы все население держать в руках и иметь порядок везде, чем эти теоретические вопросы, которые имеют отношение к Петербургу. И там, оттуда - что еще получим! А если получали неправильное, по нашему мнению, постановление и декреты, мы не посылали им критику, (125) а проводили [в Грузии] то, что мы хотели.

Чего не хотели - не проводили.

Видите, фактически мы справлялись. Фактически мы это отменяли, но этими спорами не занимались, не желали.

Я бы хотел Вам задать следующий вопрос: Знаете, в воспоминаниях Жордания он замечает, что, когда он поехал в Петроград для участия в демократической конференции - это было в сентябре - я видел там Церетели и так далее, очевидно в его замечаниях, что он был очень недоволен политикой Временного Правительства вообще и политикой Церетели в особенности.

Так было, и я говорю - верно!

Ну, когда он приехал обратно, это недовольство не было выражено в дискуссиях?

Он передал нам все, что вот ему только это не нравится.

Что именно?

Точно не могу сказать всего, сейчас трудно сказать, это же разговор был очень давно. Всего трудно вспомнить. Только крайние вещи.

Но недовольство, во всяком случае, было?

Он же стоял за единое социалистическое ...

Однородное правительство?

Да, однородное правительство, а Церетели стоял за коалиционное правительство. Вот основная черта. И потому, видите ли, это, особенно этот вопрос мы прослушали, но чтобы из-за этого были у нас внутри споры - этого я не помню. Внутри по этому вопросу у нас споров не было.

А вы посылали телеграммы?

А телеграмму Жордания послал; он свое мнение сообщил, и все. И этим кончилось. Он ездил туда, так, действительно, революция так (126) (127) что мы его первым не ставить не могли. А за ним поставили этих двух и этим показали, что и те и другие, несмотря на разногласия, имеют для нас одинаковую цену. Вот эта черта единства все - таки тогда восторжествовала над всякими такими сектантскими выступлениями и группами.

Эти рабочие, которые не хотели снять их кандидатуры, кто они?

Они очень серьезные все, очень ценные рабочие все.

Тож партийные рабочие?

Партийные рабочие, да. И очень ценные и старые рабочие. Те, которые с первых еще дней социал демократического движения участвовали в этом движении. Это были старые рабочие, и потому там легче удалось сговориться с ними. Если бы это были не старые рабочие, то, может быть, было бы хуже. Но они понимали, что за эти двадцать лет немного было таких разногласий у нас, и они сводились потом опять к единству.

А они представили это предложение Областному Комитету?

Нет. Никому не представляли!

Просто Вам лично?

Нет. Это вот меня пригласили на собрание и даже не сказали, о чем собрание будет. Вот, говорят, у нас будут некоторые обсуждения кандидатов в депутаты...

Это был митинг чего? Партийного комитета? Или?...

Нет, это помимо партийного комитета и организации!

Это было что тогда?

Частное собрание! Совещание. Совершенно частного характера! Я потому Вам это рассказываю, что никто об этом не знает. Если бы рабочие не рассказывали, то этого никто не знал бы, так как это нигде не обозначено - ни в газетах, ни в журналах. Это не прошло, (128) потому что создать оппозицию и делать разброд среди грузинской социал демократии я не хотел. И так согласился со мной, что да, таи и следует, и потому мы решили: ну значит, первый будет Жордания, а потом они, Ираклий и Чхеидзе, потому что, несмотря на эти разногласия, они крупные люди. Если их исключим, то этим подорвем просто свою собственную силу и свое влияние. Вот это подействовало на рабочих и решили, что, может быть, так лучше будет и они подчинятся общей дисциплине. И действительно, эти люди подчинялись дисциплине. Они вели ту линию, которую мы им давали. Я говорил им, что они люди с дисциплиной, в конце - концов, несмотря на то, что они лидеры, они не могут требовать от нас более того, что они хотят, а делают то, что мы хотим. Вот такое было положение вещей. Поэтому эти разногласия маленькие, особенно которые возникали среди нас; они ликвидировались само собой, не создавая никаких фракционных последствий. Потому фракционных выступлений не было, а свобода мнений была. Все могли высказываться, как хотели и что хотели, а потом общее решение принималось и соблюдалось всеми. Ввиду такой дисциплины мы вовсе не старались во имя этого раздувать все эти разногласия. Вот эта идея у нас всегда господствовала. И в этом случае в этой небольшой группе - там было тогда пятнадцать - шестнадцать рабочих, не больше. Но все они были наши первые, лучшие рабочие. Они могли и пропаганду вести, они могли огромное влияние в рабочей среде. Коли они пошли с этой пропагандой, то, может быть, и расстроили бы ряды рабочих, но они этого не сделали.

Хорошо. Следующий вопрос, на котором я бы хотел остановиться, это - эволюция большевистской фракции в Грузии в 917 г. Какая произошла эволюция в смысле силы большевистской фракции? А также какая (129) эволюция произошла в отношениях с меньшевиками?

Сравнительно я мало помню фактов. Но я могу констатировать только одну вещь: отношение к большевикам с начала революции было, как говорится, добродушное, хорошее. Можно сказать, что они почти слились и работали совместно в одно время. Но очень скоро мы разошлись. Так что, когда я вернулся уже после моей болезни, большевики уже были отдельно.

А до Вашего отъезда?

До отъезда мы были вместе. Там не было крупных людей, Кавтарадзе один был. И они вошли в организацию, пришли и работали вместе. Начали так: революция как бы нас объединила, но это не продолжалось долго. Все-таки они выступали так глупо и тогда. А когда я вернулся, они уже были совершенно самостоятельны. Не принимали уже больше участия ни в каких наших переговорах и разговорах, а вели свою особую, специальную политику. Но, видите ли, настолько незначительная была группа, что они имели большие связи в разных провинциях. А в Тбилиси тоже имели небольшую группу среди рабочих а также небольшую группу интеллигентов - и все. Представляли очень незначительную силу. Почти что на собрании Совета рабочих депутатов, - думаю, что там было несколько сот человек, - их собиралось едва ли десяток! Десяток-два - не больше! Вот такое было соотношение. И при таких условиях, кроме своих выступлений, чисто принципиальных, они ничего не могли сделать.

Они значительно усилились через неделю или дальше?

Нет, не усилились! Оказался один интересный случай: во время революции раскрыли, кто, где, что и какие у них были сношения с бывшей охраной, и не сказало почти ник одного провокатора из меньшевиков, а из большевиков оказались некоторые видные члены. И это тоже (130) произвело своего рода впечатление, но большого - нет. Вообще же у всего народа не было большой склонности к большевизму, и в это время они тоже ничего не могли сделать. К ним относились равнодушно/ А если они особенно спорили, им отвечали и больше ничего. Я не помню таких острых столкновений.

Как Вы объясняете полную неуспешность, даже в эти месяцы войны, дезорганизованности и так далее?

Да. Вот среди солдат и среди войска там более господствовали эсеры, меньшевики и мало было большевиков - тоже среди войска. Это была большая русская армия, но и там большое влияние имели эсеры. И в этом отношении большевики были слабы. Но впоследствии они получали некоторое влияние на фронте и во фронтовых организациях - это уже было после развала армии. Это в декабре-январе 1917-18 гг. Армия уже возвращалась обратно, бросала фронт. И тогда большевики имели влияние исключительно только среди войска. Среди грузинского населения они никакого влияния не имели. Вот такое было общее положение.

А имели ли они влияние среди грузинских солдат?

Нет, хотя были солдаты грузинские, которые устраивали дебоши у нас, но большевиками они не были, а просто дебошировали, как солдаты. Вы понимаете? Больше этого, если бы они были

большевиками, то они организовали бы моментально какую-нибудь группу, и так далее...Этого не было! Но грузинские солдаты хулиганили так же, как и русские. Вы тоже понимаете. Часть, по крайней мере. Вот вели себя так - таким же грабительским, способом приходили к населению с оружием в руках, и иногда некоторые из них кричали, что «Разорим, разорим!» так далее: «Будем разорять сейчас этих помещиков, буржуев» и так дальше.

Но народ на это не обращал внимания, и они потом вообще усмирились. (131) И как только они вошли в жизнь, то это все прекратилось. Так я даже не помню, чтобы в последние дни нам приходилось усмирять этих бушующих солдат. Но чтобы они организовались, создали организацию - этого у нас не было. Потому что даже просто большевики рассеялись по деревням и растворились в массы. Скорее можно так предположить, потому что иначе они должны бы встречаться жизни (!), какие-нибудь группы должны бы были там и создаваться, но этого не было. Но если были где-нибудь какие-нибудь беспорядки, то эти солдаты, эти люди всегда выдвигались, это верно. Тогда они выставляли головы и говорили, что вот, как следует, и за оружие хватались. Но это все проходило. Тогда построение все же было иное. Видите ли, если говорить о настроении среди солдат, то можно было сказать, что настроение было большевистское! Но даже несмотря на это, обращение к ним наших пропагандистов и так далее, это не имело никакого значения и никакого последствия, потому что они растворились в эти же месяцы. Это не стало, как течение или сильное брожение или движение среди народа. А так были выступления в Кутаиси солдат даже. Тогда были выступления в Лечхуми и еще в некоторых отдаленных уголках. Тогда к народу приходили с пропагандой и наши, главный образом, приходили гвардейцы. Гвардейцы приходили и успокаивали.

Какие, кто были гвардейцы?

Рабочие гвардейцы. Это рабочая гвардия была в Тифлисе. Они приходили в селах, где возникали беспорядки, и давали указания, увольняли виновных. И это успокаивало, а потом проводили пропаганду и создавали свою организацию немедленно тут же. И таким образом большевизм так исчез, что этого мы даже не заметили и вообще этого движения. Этим объясняется, что на выборах они не получили даже минимальное количество голосов. (132)

Машинопись, чернило.

ЦИАГ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 21. Л.л. 121 - 132.

Это девятое интервью с г. Арсенидзе.

10 сентября 1961 г. И мы еще разговариваем в Мюнхене.⁸⁴

Мы отметили в конце этой ленты тот факт, что большевики не имели большого успеха, что было подтверждено в выборах в [Грузинское] Учредительное Собрание, где они не смогли выбрать даже одного депутата.

Да, и для одного депутата они не могли набрать достаточного количества голосов. Это было само собой понятно! Большевизм был среди солдат, когда они возвращались с фронта. Тогда грузинских полков отдельно не было. Грузинские полки были созданы нашими патриотами, но их тоже пришлось распустить в первую очередь! А войска мы создали впоследствии Грузинское. Но с фронта все безусловно возвращались с большевистскими настроениями и производили только выступления. Они производили во мних местах, но это было большей частью грабительское участие - занимались грабежом. Население было против. И вследствие того, что все население было против, они, эти погромщики, но были организованы, и даже большевики, которые умели организовывать людей, не смогли стать во главе этого движения и объединить их, потому что не могли себя выставить сторонниками этих выступлений и деяний, которые совершали солдаты. Очевидно, это подействовало! А идейно их установить, как идейных большевиков, большевистские пропагандисты, повидимому, не сумели. И потому такие выступления организованных фронтовых солдат не были приняты, как политические выступления. А как выступления, так сказать, чисто бунтовщиков или хулиганские, как у нас всегда говорили. Это имело место, но они были ликвидированы, и все рассеялось и прошло. Как движение - от него никаких следов не осталось. Вот поэтому большевики у нас вообще не имели почвы. А почему не имели, не знаю я, не могу достаточно объяснить. Но, по видимому, (133) большевизм - это чисто русское явление. Да, в основной это русские явление. Это у них история была такова всегда. Они всегда жили крайностями, или крайне правыми, или крайне левыми, и от покорности переходили к бунту. А у нас всегда соблюдался порядок большей частью. Это народ, который сознавал ту или иную ответственность за все общество, за порядок. И я думаю, что именно этим и объясняется, что меньшевистский взгляд, так сказать, на демократический строй, на демократическую свободу людей, на уважение чужой личности - имел огромное значение. Уважение к чужой личности у нас очень развито. И потому, я думаю, большевистские эти лозунги: «бейте этих людей - это буржуи, это помещики и так далее - бейте их», вот эти лозунги не имели у нас никогда успеха. Зачем бить? Видите ли, экономически - я понимаю - делать определенный переворот и устроить новые общественные порядки. Но это не значит, что нужно перебить всех. И не трогали никого, если это не провокатор или не был, так сказать, изменник! А из-за того, что он был буржуй или помещик - никого не трогали. Разбирали их дела только в том отношении, что если он является преступником перед народом своими действиями, то против таких иногда принимали даже террористические меры, но против остальных - нет. Все общество чувствовало, что их никто не тронет! И обществе это знало и знает, и народ поступал таким образом. Кроме того, еще объясняется это, вероятно, тем, что у нас разделение общественных слоев было тоже своеобразное. Между ними вообще не было большой разницы, чем где бы то ни было. И крестьяне и дворяне, они общались между собой в практической жизни, так что в конце -

⁸⁴ «Большевики в выборах участия не принимали» (Приписано красными чернилами, на груз. яз.) Изд.

концов переплетались - это все одинаковые люди. И понимаете, сознавали они, что может быть хорошим человеком и дворянин, так же, как и крестьянин. Так что это расслоение социальное не переходило во вражеское настроение. (134)

Я понимаю. Но как это объяснить?

О, это наш национальный характер. Это трудно, надо рассказать всю нашу историю. Объясняется это тем, что у нас крестьяне также принимали участие во всей общественной и государственной жизни и до революции, и до России - во всей нашей истории. Принимали участие так же, как и дворяне. У нас, в конце - концов, войска набирались из крестьян. И они назывались министериями, «*Мсахури*» - по - грузински. По обычаю, мсахури, это один из крестьянских детей, который всегда должен был иметь вооружение в случае призыва должен был являться в первую очередь, как вооруженная сила, а дворяне были руководителями. И это положение уже само по себе доказывает, что раз один из крестьянских сыновей обязан являться на военную службу - это всю семью делало участником всех наших войн, всех наших походов, и так далее. Я этим объясняю, что и крестьяне у нас были больше развиты, потому что им приходилось думать обо всех этих вопросах общественной и государственной жизни, а не только о себе и для себя, но только работать на земле, Я этим объясняю, только историческими явлениями, что приходилось во всем защищаться. И крестьянам не было запрещено носить оружие. Следовательно, создалось такое положение! Даже историки писали, что в Западной Грузии по внешнему виду, если Вы не знаете лично, не отличите крестьян и дворян друг от друга. Они даже одевались одинаково, и кланялись одинаково, и поступки у всех были одинаковые, жесты были одинаковые - настолько это было общее, - только один был дворянин, другой крестьянин. А иначе Вы бы их не отличили друг от друга. Это передают уже историки семнадцатого века, это описывает в географии Вахушти - царевич Вахушти, что «*Дворянина Западной Грузии не отличишь от крестьянина, не отличишь друг от друга*» (135). В общем эта историческая судьба объединяла всех. Я думаю, это! Потому что других мотивов нет.

Вы мне заметили, что крестьяне участвовали в государственных учреждениях. Кроме, так в армии, в каких еще?

Нет, в других не знаю я, чтобы участвовали. Нет, не участвовали - крестьяне всегда так и были крестьянами! Но участие в войсках, а тогда войны были постоянные почти. Нападения были все время. То это имело уже особое значение для них. А кроме этого, еще дворяне и князья всех своих детей воспитывали среди крестьян. Крестьяне всегда были кормильцами. И их вместе воспитывали с крестьянскими детьми и это давало им право быть близкими. Все эти явления общественной жизни сложились, я думаю, исторически. И вот эти явления сделали их все- таки более умственно развитыми и приближающим к интеллектуальному развитию самих дворян. Они друг друга понимали!

Ну, скажем, так? те грузинские большевики, которые существовали, - ну, как Сталин, Махарадзе Филипп, Орджоникидзе, Енукидзе и так далее, - из какой среды этого очень тесно сплоченного народа эти элементы появились?

Это трудно объяснять, почему это.

Трудно определить?

Видите ли, можно только объяснить, почему эта группа была без влияния и была малочисленна. Но что они были крестьяне или мелкие дворяне - это между прочим! Кроме Сосо Джугашвили (Сталин) - это все дворянчики - мелкие дворяне. Настроение у этой интеллигенция было, очевидно, большевистское, как бывает у всякого народа. Нельзя сказать, что это тоже исключительно русское явление. Видите ли, у всех народов эта тенденция проявляется. Но вот, смотря по культуре, (136) она проявляется и более широко или более узко. У нас поэтому оказался очень узкий слой большевиков, незначительный. А у других народов может оказаться гораздо широкий слой. И больше всего их было в Советской России!

Да, я понимаю. Но больше всего концентрировался по линии?..

И у нас тоже больше всего большевизм имел влияние в самых глухих уголках, чем в более развитых и культурных уголках. Вот это интересно, если хотите! Они больше влияния имели там, где - нибудь в захолустье, даже во время революции, чем...

Это в Восточном Грузии?

И в Восточной и в Западной то же самое. В горных областях они некоторое влияние получали сразу со своими громкими лозунгами, но это скоро проходило, потому что вся эта культурная Грузия более или менее, вовлеченная уже давным - давно в это революционное движение, брала верх. Видите ли, и потому и эти движения, которые всегда бывали или в Лечхуми или в Сванетии, или в Мингрелии в некоторых уголках, самых захолустных уголках. Там бывали такие выступления, во главе которых стояли большевики. Но это скоро рассеялось, потому что когда мы приходили к этим крестьянам, то мы давали разъяснения, и у крестьян скоро рассеивалось само собой это умственное настроение. Потому что среди крестьян - нужно знать еще одно - есть желание быть единым. И когда большинство стоит на одной стороне, то все идет туда. Видите, эта черта у крестьян, безусловно, имелась и у нас. У них не напрасно наше движение называлось «*Эртоба*», то есть «*Единство*», и это название дали движению крестьяне. Это значит, что мы все «*одни*». И они этим отличались от других. без единства - ничего нельзя сделать крестьянину. Поскольку они, крестьяне, экономически (137) раздроблены, им эта идея единства казалась абсолютно необходимой. И психологически это понятно. Ведь крестьяне не всегда могут действовать сообща. Рабочие еще могут и группами и одиночками быть и интеллигентные имеются между ними, среди крестьян тоже бывали интеллигентные личности. Но это было в развитых районах. А в остальных все - таки руководили, главари, почтенные старые люди. По старому обычаю, более почтенный крестьянин,

старик, а такие люди были уже более благомысленными, они не так увлекаются, как молодежь! И вот все это психологическое и социальное отношение приводило к тому, что это люди сливались в конце - концов и равнялись с наиболее развитыми районами. И таким образом получилось единство почти по всей Грузии. Психологически иначе я объяснить не могу, потому что обмануть и повести на какую-нибудь авантюру горные племена очень легко. Они немного привыкли к разбойничьим ухваткам, других же нельзя. Но все это было урегулировано самими крестьянским движением.

Ну теперь я хотел бы переключить наш разговор к национальному вопросу. И, может быть, также вернемся немножко назад. Я помню, что когда я читал воспоминания Жордания, то там очень ясно замечается, что когда он был молодым, у него было национальное настроение, он приехал обратно домой и хотел говорить, но ничего не получилось, никто его не слушал.

Да, совершенно верно! Совершенно правильное замечание у Жордания. У нас национальный вопрос определялся отношением к Турции. Постановка национального вопроса всегда имела единственное направление - это избавиться от всякого подчинения туркам. Этого турецкого урока наш народ не забыл. Нет ничего хуже того, что турки и персы совершали у нас! И потому настроение было всегда таковым: что от (138) этих соседей нужно избавиться. И если *этого* избавления нет, то нечего думать даже о своей специальной государственной жизни. Это настроение было общее. И это положение создало у нас прорусское настроение, потому что Россия единственный сосед, который мог нас спасти от Турции и Персии (Ирана). Ради этого России очень многое прощали. Сейчас интеллигенты очень много говорят о том, что у нас были восстания в девятнадцатом столетии, были сильные выступления и против русских, насмехались над ними. Да, все это было. Не все же у всех: настроение было, что нам с Россией все - же лучше, чем нашествие турок. То, что мы избавлены от нашествия турок, это уже покрывало все те недостатки и виновников и всех других, и вообще все те безобразия, непонимания, которые у нас создавались с русскими. Вот преобладало это настроение. Оно стало проходить только тогда, когда народ почувствовал, что с этой стороны уже опасности не будет. Даже объявление о нашей независимости отражает это настроение: В акте независимости так и написано, что русские ушли, оставили нас, мы должны организовать и спасти себя, то есть спасти от турок. Даже независимость была объявлена под этим лозунгом. Иначе она не была бы так принята, как она была принята народом. Этот аспект всегда нужно иметь в виду, когда вопрос касается грузинского народа. И сейчас, в сей момент, вот сейчас, когда мы ведем борьбу с русским владычеством, если сказать нашему народу, что место русских могут занять турки, или они грядут как освободители, наш народ на это не пойдет.

Мы об этом говорили здесь с американцами. Вот я скажу, у нас в редакции, когда приходил в редакцию член Американского Комитета Куни Хелм, наши молодые люди сказали ему, что: *«Если даже вы, американцы, с вашими войсками, с вашими вождями приведете с собой турецкое войско, мы будем стрелять в вас»*. (139)

Видите ли, мы не можем их [Турок] принять. Мы не хотим их. Мы не можем сказать нашему народу, что мы ждем какого-нибудь освобождения или помощи со стороны турецкого войска. Они не могут быть никем, кроме как завоевателями. И худшим завоевателем, чем русские. И потому мы тогда предпочтем русских! И сейчас это настроение имеется.

Следовательно, наш вопрос независимости стоит в такой плоскости, что эта независимость будет гарантирована с Юга, то есть мы будем иметь гарантии не от этих южан [то есть Турков], а вообще будем иметь гарантию, что южане [то есть Турки] не могут на нас наступать. Вот!

Теперь я хотел бы Вам поставить следующий вопрос: После 905 года замечаете ли в рядах грузинских социал - демократов больший интерес к проблемам национальной автономии Грузии?

Да, было. Видите ли, эта проблема - если теперь нужно сказать об этом, как у нас в революционном движении это развивалось.

Я Вам могу дать следующие документы: С самого начала, когда еще создавалась программа на втором Съезде Российской социалдемократии, это наши настаивали и внесли пункт об Областном Самоуправлении и самоопределении народов.

Это был Костров, Жордания?

Да. Это программа 903 года. Потому что это право народа! И тогда вот, когда у нас выступали федералисты, другие группы, они поступили, по-моему, нетактично - выставили сначала такое положение, что главное - нужно завоевать автономию, а потом мы уже сами сделаем свою внутреннюю реформу, уже по своей воле, как мы это хотим. Этого наш народ не принял. Такое положение вещей нам казалось неприемлемым.

Мы отвечали на это так: *«Если грузинские народ захочет независимости, мы не можем лишить их этого права и фиксировать наше (140) учреждение, хотя бы на автономию или на федерацию, потому что и федерация, и автономия зависят не только от нас, но и от партнеров»*. Нужно сильными для этого быть!

Над этим мы думаем, но после того, как проведем преобразование всей русской жизни. Вот тогда мы посмотрим. Это зависит уже от того, какие права мы должна иметь. И потому мы настаивали: Мы - Грузия имеем право на независимость, на свободу, на самоопределение! Но этот вопрос мы поставим тогда, когда он будет нужен нам. И в то же время примем во внимание, какое положение будет в данный момент.

Мы не выставили этой программы с самого начала, чтобы народ не подумал, что мы можем пустить к нам турок.

Видите ли, из-за турок мы делали эту уступку, не выставили национального вопроса. И вторых, не выставили этого вопроса конкретно из - за того, чтобы движение, которое было

общероссийским, скорее привело бы к перевороту и к обновлению всей российской жизни, - без этого мы не могли обновить нашу грузинскую жизнь.

Вот эти два мотива заставляли вас не выдвигать, так сказать, практически конкретные формы нашего национального вопроса. Но иметь это право всегда оставляли за собой. Мы объяснили народу, что если это потребуются, то мы сделаем и то, и другое, и третье, - но сейчас мы этого вопроса не ставим, потому что пока нужно покончить в русском самодержавии и ввести новый, лучший порядок! При этом порядке мы посмотрим - будет нам выгодно - мы объявим независимость; не будет выгодно - войдем в состав России. Так что мы не считали неизбежным, - так сказать, - оставить нашим лозунгом - *«Нужно отделиться»*.

«Отделиться!» - это не было основным лозунгом. Это для нас, - так сказать, - не было революционным лозунгом, это был вопрос о том, можем ли мы избавиться от южного соседа или нет. Видите - совсем конкретно, это психологическое настроение учитывали мы среди народа. Поэтому, даже когда мы (141) объявили независимость, очень многие нас спрашивали: *«А кто вас будет защищать, если турки будут наступать?»*, настолько сильно было у нашего народа это настроение, - даже после объявления независимости! Ведь объявление независимости значительно, - если не исключительно, - было направлено против турок, они все-таки нас спрашивали: *«А кто же вас защитит?»*

Когда немцы, немецкие войска в мае заняли границу грузинскую и не пустили турок, этот факт нашему народу до сих пор памятен и любовь к немцам у нас не изжита. Любого немца, который появится в Грузии, будут на руках носить и сейчас, и сейчас, в настоящее время, вот сорок лет с тех пор прошло, а их все любят. Я видел здесь, в Мюнхене, немцев, которые говорили, что в грузинской деревне их встретили прямо как родных братьев. Им оказали огромную почесть, потому что немцы нас тогда спасли от нашествия турецких войск. Их [турок немцы] не пустили в Тифлис. Это имело огромное значение! Видите, насколько в народе это психологически живет турецкая опасность. И если бы мы выставили такие требования, - пусть национальные, - вероятно, мы очутились бы в таком положении, в каком очутились наши националисты.

Теоретически что было сделано в этом отношении? Теоретически мы разрабатывали грузинский вопрос. Писал об этом Акакий Чхенкели. Он был националист большой, и все-таки за это мы с ним не ссорились и даже не упрекали никогда. Жордания тоже имел национальные тенденции и стремления, но писал об этом вопросе и разрабатывали его теоретически, в журналах и в газетах.

Этот вопрос не был выставлен, как практический лозунг для немедленного осуществления, еще когда мы вели борьбу с царизмом. Значит, это подготавливалось на тот момент, когда царизма уже не будет, и мы откладывали вопрос до того момента. (142)

Это какую книгу писал Чхенкели?

Чхенкели написал большую книгу о национальном вопросе австрийских социал - демократов. Помните, я Вам разбирал? Этот Бауер, этот Реннер...,

Это в 912 году?

Да, разбирали с ним. Я печатал его фельетоны все лето.

Это было в 912 году, или?..

Это было в 908 году или 909 году, до войны... До Первой Мировой войны. А в это же время потом вышла книга Каутского по национальному вопросу. И Жордания писал по этому вопросу целый ряд фельетонов тоже. Как надо ставить национальный вопрос, да как это разобрать...

Это все имело журнальное значение. Оно в практику не вошло, не вошло во атаки в лозунг наших пропагандистов. Мы народу не говорили, что вот нам нужно отделиться, потому что сразу же подумали бы: а кто от турок нас спасет? И все же этот вопрос они нам задавали. Мы сами не старались выдвигать. Но зато мы выставляли другое, что - *«Нам нужно все иметь на грузинском языке; Администрация должна понимать по-грузински; Дети наши должны учиться и по-грузински; Чтобы вообще в школах изучали грузинским язык»*. Это все воспринималось, как самое нужное. Вся сущность, все содержание национального вопроса и автономии им пропагандировали так, конкретно, что вот это нужно иметь по-грузински, что вот то-то нужно по-грузински и так далее., чтобы администрация была своя, чтобы народ их понимал, чтобы они нас понимали. Для чего нам нужны непременно русские судьи, с которыми через переводчика мы должны говорить, когда нужно говорить непосредственно, - это было бы легче и лучше, и Суд бы был более справедливый и правильный. Так что практически мы черпали все содержание, что требуется для народа. Но не говорили о возглавлении в государственном смысле, то есть (143) об отделении. Вот вопрос о сепарации у нас мог быть поставлен только в той плоскости, что опасности уже с юга нет.

А этот Чхеидзе по поводу федерального строя в Думе?

Я не помню этого. На помню.

Теперь, в течение 917 года по этому поводу было какое-нибудь развитие?

Да, у нас в нашей партии - я говорил уже - эти наши две крупные личности были национально настроены. Была также целая группа, группа автономистов, у нас тоже появилась она к 907 году.

Кто они были?

Их возглавлял Дарчиашвили, потом был один, Сакварелидзе, Павел, Гомартели - врач, и некоторая группа была вокруг них. Но они были в социал - демократической партии, и они пропагандировали автономию, ибо это были свободные времена. Ну мы их терпели. Мы их не выгоняли, не спорили, не ссорились, особенно с ними, терпели. Ну мы тоже иногда говорили, что если нужна будет автономия, то можно это принять, мы не отказываемся от этого. Но мы это, как лозунг, не выставляла. А

когда они выставили это, как лозунг, то попали в такое положение, как и наши федералисты и другие националисты.

Видите ли, народ этого не хотел. У народа этого настроения не было. В народе еще было чувство о том, что уйдут русские - Россия уйдет, значит Турция войдет! А этого никто не хочет, до сих пор это настроение в той или иной степени сохранилось. У нас, значит, национальной вопрос стоит не так принципиально, чтобы непременно быть независимыми, а чтобы быть свободными от нападения с юга. Тогда - мы свободны! Тогда мы можем иметь свое государство. Сейчас это настроение имеется более всего широкое, потому что сейчас имеется Лига Наций⁸⁵, сейчас есть (144) маленькие народы, которые организовались, и на них нападать уже нельзя. Что большим государствам не следует уже нападать даже на маленькую, скажем, вот на государства в Африке, и так дальше. И, следовательно, настроение сейчас создается совершенно другое, что мы можем сами руководить собой и быть свободными, и никто на нас нападать не будет, нужно только получить свободу. Видите ли, сейчас настроение совершенно иное, ввиду того международного положения, которое имеется у нас налицо. Без этого у нас и сейчас бы не имел большого значения вопрос о независимости, не имел бы такого острого характера, но имеет ввиду этого, что сейчас маленьким народам можно жить, потому что нападать на них никто не может, ибо весь мир против этого. Значит, получить нужно свободу, а потом уже никто на вас нападать не смеет, потому что это запрещено Лигой Наций. Из-за этого добивались и добились вхождения в эту Лигу Нации малые государства. К сожалению, Лига Наций боялась тогда столкновения с Россией, она боялась, что Россия вдруг нападет на Грузию, и она сама защитить ее не сумеет. И потому нам отказали в приеме в Лигу Наций. Сейчас такого вопроса уже не стоит. Сейчас никто не скажет, что *«мы не можем вас защитить, потому что на вас опять нападет Россия»*. Вот этим положение сегодня совершенно изменилось, и насколько это обещано нашему народу и дано, дано все эти сведения, народ сейчас настроен уже в пользу все становления своей государственности. Именно потому, что мы знаем уже, что Турция не представляет никакой силы в там хозяйничает Америка, а не Турция, фактически. И мы говорим американцам, что *«два народа христианские, и которые имеются у нас - армяне и грузины, их нужно оберегать. Иначе это позором сядет на голову всех, всякого большого народа, если они (145) попадут под власть мусульманских кругов, менее развитых и менее культурных, чем эти народы»*. Вот видите, вот такое положение сейчас у нас. Вот начинаем с такой плоскости...

Теперь, даже в рамках вопроса организации партии грузины всегда в годы до революции поддерживала идею централизованной партии? На правда ли?

Поддерживали, пока, до свержения самодержавия. Поддерживали, и входили туда,.. Хотя исторически сначала наша партия организовалась, как грузинская, потом как Кавказская Федерация, и потом только вошла в состав Российской с. д. партии. В это время мы думали, что нам не помешает тот факт, что нет у них федеративного устройства, что раз мы входим в состав СДП, то мы можем влиять на них, у нас есть крупные люди, и наши люди всегда были в Центральном Комитете - один или два, а это уже имело огромное значение. Так что на СД партию мы воздействовали так же, как и на все общереволюционное движение. Вот это нас, собственно говоря, удерживало от сепаратных выступлений, и потому у нас стремление к тому, чтобы создать отдельную группу и отделиться от русской социал демократии - это тенденция именно потому не было, ибо практически это не нужно было. Оно не давало никакого преимущества. Наоборот, видите ли, во всем этом... Вот я же сидел в газете, работал и писал, нам видно было все это. Когда приходили к нам читатели и спрашивали: а что происходит в России? Мы-то тут волнуемся, боремся, а там как? - Я давал полную информацию о том, что происходит во всей России. Газета расходилась именно из-за этой информации. Если там, в России нет движения, то мы, грузины, одни ничего не могли сделать. Следовательно, это сознание у наших читателей и было, у наших крестьян, что мы можем победить только (146) в том случае, если Россия сама хочет того же самого, то есть отвергнуть это правительство. И мы больше не писали о русском движении, о всех восстаниях и забастовках в России, чем о нас. И это особенно привлекало читателей, и оно давало им надежду на то, что их усилия не будут напрасными, что напрасно кровь не прольется, а получим что-нибудь в результате всего этого. Вот потому, значит, мы не отдалялись от всероссийского движения. Вместе бороться - это лучше для свержения царизма. Так будем вместе! И потому, несмотря на то, что был целый ряд предложений о том, чтобы создать отдельные организации, мы объединялись.

Сепаратистские стремления не имели никакого влияния в нашей среде. Может быть, и было такое веяние, но никакой организационной формы оно не получило, так оказать, в жизни Грузии.

Была маленькая группа этих автономистов уже в 917 г. уже во время свободной жизни организовалась эта группа, но и та не имела влияния большого. Видите, у нас вопрос стоял конкретно, не только для нас - теоретиков, но и для народа вопрос стоял конкретно, а вовсе не теоретически; Дело не в том, - должно ли вообще создать свою государственность, а в том, - полезно это нам сейчас или нет. Нужно ли нам этот лозунг выставить, или нет? Не повредит ли это общему делу? Лучше сначала свергнуть общего врага, а потом делить шкуру. Не раньше!

Вот, видите ли, какое было у нас настроение. И это настроение у нашего народа было широко развито психологически, исторически, и потому оно проявлялось во всем этом движении. Других мотивов нет, потому что грузины и русские друг от друга отличаются и по происхождению, и по культуре, и по всему, во всех отношениях. Так что в этом отношении не могло быть и речи, чтобы мы хотели обрнуться. Мы иногда много смеялись над теми, кто говорил много по - русски и говорили: *«Вы (147) русского проглотили и потому говорите по-русски? Говорите лучше по- грузински! Что же, не понимаете что- ли грузинского языка?»* Вот в отношении защиты своего языка, своей культуры, своих учреждений солидарность была полная. Но об отделении речи не было, потому что эта сила, Россия, нам нужна, как противодействие южному соседу.

⁸⁵ Следовало сказать «Организация Объединенных Наций» («ООН»), но не «Лига Наций». Изд.

Ну теперь перейдем к Октябрьскому перевороту. Какие у Вас воспоминания? Как Вы впервые узнали об этом?

О большевистском перевороте? Об этом я узнал в провинции. Я был тогда в Закатальском округе, когда получилось это известие. Я был в Закатальском округе на пропаганде, когда получил известие, что большевики в Моевже Петрограде произвели переворот. Не зная точных сведений, не имея их, я думал все-таки, что это в общем скоро проедет. Ну и большевики, оказывается, думали то же самое, но это я узнал потом. Но у меня сразу создалось определенное предположение об этом перевороте, что неужели они смогут удержаться там? Мы не рассчитывали на то, что впоследствии произошло. Не рассчитывали безусловно! Думали, что это временное явление. Но оказалось - видите - в этом отношении мы ошиблись. Нужно сознаться сейчас! Но одно явление все-таки правильно: все-таки наши относились к этому перевороту отрицательно. Сейчас большевики пишут много о том, что как будто Грузия приняла этот переворот с большим восторгом. Никаких восторгов, никаких приветствий! Никаких! Кроме, может быть, тех, которые большевики сами отдельно посылали, сами от себя, но среди грузин этого настроения не было.

Наоборот, это и привело к тому, что теперь, значит, нам трудно уже итти нога в ногу с Россией. Появление большевиков сразу создало такое настроение, что Север нам изменил и с севером у нас остается очень мало возможностей дальше иметь хорошие отношения, тем более, (148) что разразилась там гражданская война, которая нас окончательно расстраивала. Мы принуждены были опереться на свою силу, на собственную силу Закавказья. Вот мы потому и организовали сначала Закавказскую независимость, чтобы защищать все Закавказье. А потом, когда это не удалось, мы постановили создать свое государство и защищать опять - таки от Юга. Видите ли, что все это настроение шло именно по этой линии.

Машинопись, чернило.
ЦИАГ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 21. Л. л. 132 - 148.

Лента № 7. Интервью с Господином Арсенидзе.

А право мы имели. Вот я Вам дам некоторые сведения, как мы объявили независимость, что также описано в газетах. Во-первых, расстроился Южный фронт, солдаты ушли. Хотели грабить и Тифлис. Ну что же мы могли сделать? Мы организовали целую группу. А вот большевики имели среди этих солдат огромное влияние. Они руководили ими, водили на Тифлис: «*Пойдем и разгромим этот город буржуев!*» - говорили они солдатам. Но мы выставили против них гвардейцев. Солдат, возвращавшихся с фронта, перевозили через Навтлуги, минуя Тифлис, то есть на ближайшую станцию, дальше Тбилиси.

Мы говорили солдатам: «*если туда, на Тифлис пойдете, то в вас будут броневики стрелять!* (У нас было несколько броневиков). *Вот броневики стоят и будут вас расстреливать! Если хотите ехать дальше, мы вас довезем до вашей родины*». Эти солдаты слушались нас больше, чем большевиков, ибо им было легче и лучше идти к себе на родину, чем ломать голову с нашими людьми! Вот поэтому пропаганда большевиков в этом отношении не имела уже силы. Мы просто давали им другой лозунг - «*Езжайте домой, а мы вас проводим*». И наш батальон, эти наши броневики, сопровождали эшелоны, где сидели солдаты на (149) вагонах, на товарных вагонах - иногда тридцать четыре поезда тянулись одни за другим. Провожали их до Баку и поворачивали [пустые поезда] обратно. Наши броневики тоже возвращались обратно к нам. Вот мы их провожали, чтобы их по дороге никто не беспокоил, потому что все солдаты с фронта шли без офицеров, а это была толпа, это уже было не войско. Ни на что они не были способны, поэтому мы их всех сопровождали, и этим мы спасли их от разгромов по дороге со стороны вооруженных толп народа. Эта ликвидация Южного фронта легла на нашу голову. И даже солдатам и офицерам и всем выдавали, так сказать, на русские банки или на другие Банки получать ликвидационные, чтобы их тоже успокоить.

Мы огромные расходы понесли в материальном отношении: все наши банки выдавали им ликвидационные. Банки имели свои отделения в России, так что выдавали чеки на тот Банк. Помню, а приехал в Россию и узнал, что они все получили то, чего недополучили на фронте, и потому они были спокойны, иначе они могли возмутиться и возбуждать всех против нас, мы поэтому выдали им огромные суммы, удовлетворили всех, и таким образом, все это чиновничество, которое засело во время войны на этой фронте, за спиною фронта, потом всех этих офицеров - мы их ликвидировали всех, сначала выдавали им деньги, а потом, когда денег не хватало, мы им давали чеки на русские Банки и отправляли в Россию. Вот так мы поступали. Так мы спасались от них. Вместо того, чтобы вести кровавую борьбу, мы вели мирную борьбу - финансовую борьбу. Об этом подробно написано в книге Канделаки ка грузинском языке. Подробно, сколько мы истратили на это, издали эту книгу в этом году, недавно⁸⁶.

⁸⁶ Канделаки, Константин // Национальное хозяйство Грузии. Кн. 2. Париж, 1960.

Я хотел бы вернуться к Октябрьскому перевороту. Вы знаете, что (150) реакция в тот момент, первая реакция внутри меньшевиков в России, конечно, была особенно левых меньшевиков, чтобы было создано единое социалистическое правительство, и потом, когда переговоры ничего не дали по этому поводу, в конце - концов произошел переворот: большинство российских социал - демократов на стороне левых социал - демократов - интернационалистов.

У нас не было тогда их. У нас этого деления не было в Грузии. У нас настроение тоже было немного левое, как во всех революциях бывает. А когда мы первого делегата отправили от своего имени уже, от имени грузинских социал - демократов, Ираклия Церетели, мы думали все, что лучше войти во второй или в двух с половиной интернационал. Таковой сорганизовался тогда. А он, Ираклий Церетели нашел, что лучше иметь дело с настоящими, старыми интернационалами. И когда он принес нам это известие, все приняли, несмотря на некоторые возражения, приняли, потому что, видите ли, он не только это сделал, но и прислал от этого интернационала делегатов к нам. Приехал тогда Каутский и Вандервельде, и все лидеры социалистического движения приехали к нам. Вы видите, таким образом наша партия и наш народ очень легко согласились с тем, чтобы мы оказались в настоящем интернационале.

Я хочу немножко поговорить по поводу тех обсуждений - что нужно сделать после переворота? Те дискуссии, которые стояли? Когда вернулся Церетели из Петрограда? После переворота?

Не помню точно. Но после роспуска Думы Учредительного Собрания. Видите ли, наши делегаты - их, немного, несколько было человек, но никто не поехал, кроме Церетели. Он поехал туда. А Жордания не хотел.

Да, но когда он вернулся, после переворота?

После переворота... не могу сказать, в каком месяце. Но это (151) было, вероятно, в феврале или в марте.

Нет, нет! Но ... До, до!

Он вернулся сначала - до!

До Учредительного Собрания?

Да, до Учредительного Собрания. Он вернулся к нам и Чхеидзе, оба вернулись к нам, оба приехали.

Вот я рассказал, что история была с выборами. Мы их все-таки выбрали, но из них Церетели поехал в Думу Учредительное Собрание, произносил речь, а потом он тоже вернулся оттуда. После роспуска Думы Учред. Собрания ему оставаться там было нечего. И раньше они вернулись уже по указанию Ленина. Ленин сказал им: - «Вы здесь подвергаетесь опасности, уезжайте».

Да, но, какие были обсуждения, особенно, когда они вернулись? По поводу линии, которую теперь нужно проводить?

Мы выслушали обоих и получили отчет.

Что они рассказали?

Но этот отчет они сумели так поставить, так разумно передавали все, что там происходило, какие цели он, Церетели преследовал, что против них трудно было возражать серьезно. Я сейчас содержания не помню, выступал тогда и я, помню, что они хотели чуть ли не довести до того, чтобы устроить в Петрограде такую же коммуну, какая была во Франции. Что это было у них идеалом! Жордания возражал против этого, говоря, что если этот идеал хотели осуществить, то нужно было делать несколько иначе, чем они поступали. И вот, в этой плоскости шел спор. Наши товарищи в массе, этим были очень мало заинтересованы, потому что нас больше интересовало, что мы будем делать дальше здесь, немедленно. А в этом отношении мы все сошлись. Видите ли, в практических работах мы все немедленно сошлись. И потому этот спор, так (152) сказать, его мы выслушали и решили, что этим закроется эта страница.

И больше не было споров?

Больше этих споров не было уже.

Да. Но было бы очень интересно, если бы Вы могли вспомнить эти доклады всех.

О, это невозможно вспомнить! Это я встречал их, понимаете, в Душетском уезде, и там их встречали в первый раз, когда первый раз Церетели был, а потом вернулись они в Тбилиси и устроили первое собрание, так сказать, котрадиктуар - для обсуждения.

Споры шли между Жордания и Церетели?

Но так это и не продолжалось дальше.

Споры шли и между Жордания, с одной стороны, и Чхеидзе - с другой?

Да, это было. Первые столкновения были такие.

И по какому поводу?

Я же вот оказал, на этой почве только. Они дали свои отчеты, а эти возражали. Если они хотели чуть не создать коммуну, то нужно было поступать иначе.

А если они хотели - что именно?

Жордания ведь требовал, что нужно было создать социалистическое правительство единое и так дальше, а не коалицию. Вот это и было предметом спора. Но это же был вопрос для нас уже не практические, а вопрос почти переданной в историю, и потому дальнейшего движения этот спор не получил. Разве он отразился только вот на том избирательном собрании, в том кружке рабочих, который я расстроил⁸⁷. И больше это не имело никаких последствий. Видите ли, тем более, что у нас уважение к Церетели было очень сильное, очень сильное! (153) И то сказать, что когда он сидел во Второй Государственной Думе, он завоевал такой авторитет в Грузии, что про него создавались песни, о нем создавались легенды. Был у нас один поэт социал - демократ, у него было стихотворение «Орел», и при всяком выступлении у него требовали, кричали: «Скажи это стихотворение!» А когда он произносил, что Орел арестованный в клетке, ему кричали: - «Откроем клетку» - и огромные аплодисменты, все знали, что это стихотворение посвящено Ираклию Церетели.

Вот такое настроение было вообще в Грузии. И потому эти мелкие споры у нас не принимали такого характера, какой они принимали в России. Уважение к Церетели было огромное, его обожали просто! И при таких условиях мы, люди более практичные, нас интересует больше практика и это настроение народное, и потому у нас эти разногласия не привяли никакого общественного значения.

Машинопись, чернило.
ЦИАГ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 21. Л.л.148 - 153.

Это вторая сторона 9-го интервью с г. Арсенидзе.

Мы остановились на одном очень интересной пункте. Это был тот факт, когда Вы обсуждали проблему отношений между Жордания и Церетели вообще. Вы отметили, что у грузинского народа нет этой психологии к расколу и так далее. Вы можете об этом мне повторить, то, что вы мне сказали?

Я именно говорил, что когда они приехали к нам, многие их действия нам не нравились, может быть. Критика в этом отношении была. Но эта критика была выслушана всеми. Ну, одни согласились, другие не согласились, но это не имело большого значения. Но это не приняло фракционного характера и не создавали группировок - отдельно Церетели, отдельно Жордания, потому что, как я сказал уже, Ираклий Церетели тоже пользовался среди нашего народа огромным влиянием.

Об этом вы уже мне все рассказали! (154)

И считали его одним из лучших представителей грузинского народа, грузинской социал - демократии. И потому идея единства между ними была, может быть, навязана им социал - демократической массой, потому что эта масса ни за что не хотела разрушать единство партии из-за таких простых разногласий, которые могут касаться второстепенных вопросов, уже изжитых жизнью, которую мы не вернем... Что же! Мы же не будем искать в будущем еще коалиционного правительства. Это было обсуждение прошлого, но не перспектива будущего. Перспектива будущего была борьба с большевизмом и большевистским засилием, а потому всякое разъединение было бы для нас просто ослаблением. Это чувствовалось и ими, лидерами, и нами - всем населением. И главное, что была эта общая любовь к этим людям, Чхеидзе и Церетели, - они пользовались огромным влиянием. И потому мы решили, что все они должны быть вместе и никак не создавать никаких распрей. У них тоже, повидимому, не было настроения отделяться. У Ираклия вообще не было настроения создавать свою фракцию, у него не было этого настроения никогда. Он больше оратор для массы, для большой публики, чем для маленькой группы или даже для большой группы. И потому его психологическое настроение, его характер, их споры и настроение нашего народа привели к тому, что мы шли солидарно, несмотря на то, что у каждого были свои взгляды, - Партия все же была единая.

Мне было приятно очень Ваше замечание, что даже, что касается голоса для партии - голосовать за партию, то у народа было чувство, что нельзя разбрасываться!

Да, да, и голосовать за партию! Потому - то выборы так и проходили - голосовали за партию.

Но за одну партию, да? (155)

За одну партию. Да почти весь народ голосовал за партию - это объясняется двумя причинами: во-первых, что маленький народ всегда хочет быть единым, сплоченным. И во - вторых, социал - демократы были первые, кто принесли слово Свобода [в Грузию], - другие партии появились позднее нас.

Партия у нас организовалась сначала социал - демократическая, потом уже националисты организовались, через несколько лет после того, как движение народа уже было сильное. И кто первый принес нам это слово - Свобода - уже имел преимущество первенства, Я этим объясняю в значительное степени наше влияние: среди народа социал - демократы начали первые защиту народных интересов. И все - и крестьяне, и рабочие - чувствовали, что защищает их эта партия, что эта партия наиболее подходящая к ним, потому что первая пришла.

Кроме того, мы ведь сами не очень-то занимались теоретическими вопросами, а больше занимались практическими вопросами самого народа. В деревнях устраивали так, чтобы облегчить арендные условия; в городах устраивали так, чтобы создавались профессиональные союзы, улучшать рабочее движение. Так что каждый шаг нашего действия сопровождался некоторой экономической

⁸⁷ Арсенидзе путает первый приезд Каки (в октябре 1917 года, вместе Чхеидзе) со вторым, в марте 1918 года (вместе с семьей Войтинских). Собрание было в первый приезд и именно в тот приезд был спор о коалиционном правительстве (см. Выступление Церетели). Изд.

прибылью, некоторой экономической выгодой для всех этих масс. И народ уже знал, что с этой партией всегда выиграет, что-нибудь да получит, и жертвы, усилия не пропадут даром. Арестовали людей, сослали, но это ничего не значит! Это жертва. А все-таки народ получил кое - что.

Мы не говорили, так - как большевики говорят сейчас, что, - «*Вот, через двадцать лет будет вознаграждение, а пока нужно нести жертвы*». Мы говорили: «*Эта жертва немедленно должна принести некоторые выгоды!*».

И для этой выгоды шла борьба. И вот потому народ стал на нашу сторону. Мы, собственно говоря, вели и демократическую работу и социалистическую вместе. Вот потому эта народная масса объединилась вокруг нас.

Может (156) быть, больше трех четвертей массы о социализме не имели никакого представления, но то, что мы делали при фактическом участии самого народа, это удовлетворяло массу, это было непосредственно в ее интересах. И потому считали, что с этой партией можно идти.

И социализм их уже не пугал.

Мы сами писали в 905 году: «*Если бы мы выставили у нас чисто социалистическую программу, то крестьяне, вероятно, ушли бы от нас. Но мы этого не сделали, и потому крестьяне удержались. И это единство крестьян и рабочих сохранилось. И наша работа была именно в этом направлении, чтобы не раскалывать эти слои общества, а объединять их, и для этого шли на компромисс, если хотите, с социал - демократическими принципами, шли на компромиссы и роздали крестьянам землю в собственность*».

Мы не говорили крестьянам, что «*Нужно непременно объединиться и создавать сельскую коммуну!*».

Они этого не хотели.

Они хотели иметь землю в собственность!

Ну, так и быть, берите в собственность!

Вот этот метод приспособления к народным нуждам делал то, что социал - демократия оказалась во главе всего народного движения.

Мы занимались не только революционным вопросом, но и вопросами, скажем, школьными, вопросами образования, грамотности. Это уже чисто либеральная работа, но мы занимались и этим. Когда власти не хотели открывать в деревнях казенные школы, мы сами открывали церковные школы. Мы приглашали священника, чтобы открыть церковные школы, предлагали крестьянам устроить небольшой домишко для школ, приготовить парты, и все это они готовили, и дети учились. Это ничего, что они учились там и церковным молитвам, но учились и грамоте.

Едва ли другие социал демократы пошли бы на такой компромисс и стали бы устраивать церковные школы! А мы устраивали, потому что это давало грамотных людей. (157) А с грамотными легче работать, чем с неграмотными.

И вот и все!

Вот до такой практики мы доходили, и это влияло на людей, что мы не отказываемся ни от каких средств, которое идут на пользу народа. Хотя это не было согласовано с нашей доктриной и с нашим основным учением. Но, Вы понимаете, в результате получается все же более толковое население, более грамотное, более развитое, и оно само тогда поймет, что ему лучше, что ему хуже. Вот такое настроение, такая тактика, я думаю, и дал с широкое распространение нашего влияния в грузинском народе, а не с сама социалистическая доктрина.

На этом мы сегодня остановимся.

Машинопись, чернило.
ЦИАГ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 21. Л.л.153 - 157.

Ну, сегодня одиннадцатое число.

Мы остановились на том моменте, когда Церетели и Чхеидзе приехали обратно из Петрограда.

Теперь мы будем обсуждать, так сказать, во-первых, формирование Закавказского Съезда Комиссариата и так далее.

Вам известно заявление Брестского договора, который отдавал Турции ряд земель и областей Закавказья. На этой почве были острые столкновения у нас с Турцией. И нам приходилось самим вести с ними переговоры. Сначала эти переговоры вел, как известно, Закавказский Съезд Комиссариат, не отделившийся еще от России.

Это гражданский Комиссариат? Да?

И Комиссариат издавал законы, но Закавказье все же считалось частью России. И Закавказский Съезд Комиссариат, который образовался еще в феврале месяце 1918 года, был создан просто как местный орган, не как независимый, а как местный орган. Этот правительственный орган был создан на почве выборов в Учредительное Собрание: у какой партии сколько было голосов, столько пропорционально мест она получала⁸⁸ и в Сейме. (158) Вместо одного дали по три депутата. Но самый острый момент был,

⁸⁸ Костяк Закавказского Сейма состоял из 31 избранных от Закавказья во «Всероссийское Учредительное Собрание» депутатов (12 – Грузинские Соц-Дем, 10 – партия «Мусават» и 9 – партия «Дашнакцютюн»). Из за небольшого количества депутатов, и из за невозможности провести выборы – «Сейм» был дополнен влиятельными представителями трех закавказских стран (Грузии, Армении и Азербейджана) в утроенном количестве: Грузинским С-Д – 36 мест, «Мусавату» (Азербейджанцам) – 30 мест, Дашнакцютюну (Армения) – 27 мест; См. Ираклий

когда Сейму пришлось объявлять независимость. Я Вам скажу, что и до тех пор Жордания и Церетели были очень дружны между собой. В этот момент получилось так: к тот и другой были против того, чтобы мы это объявляли. Вся остальная фракция была - за!

Они попросили у нас право голосовать против независимости Закавказья вот по таким мотивам: Вообще все это происходит под турецким давлением - это объявление независимости Закавказья, и оно может принести нам какие-либо сюрпризы, и чтобы спасти честь и достоинство партии, просим разрешить им голосовать против. Это может пригодится в такой момент, если бы ... и так далее.

И Церетели и Жордания - оба просили!

Мы, то есть фракция соц. - демократов, это отвергли, отказали им в этом. Тогда они просили нас разрешить им воздержаться. Мы и в этом им отказали. Потребовали полного подчинения дисциплине.

Но во время голосования оказалось, что их - ни того, ни другого - нет в зале. Они воспользовались тем, что мы голосовали, и ушли в буфет пить чай. А этого мы не предусматривали, что они выйдут.

Итак они просто отсутствовали и потому голосование прошло без них.

Когда они вернулись после этого на собрание, мы им заявили, что, несмотря на то, что они отсутствовали, они обязаны подчиниться тому, что произошло.

- *«Да, совершенно верно»*.- ответила она. И еще больше: этот вопрос стоял тогда еще перед Советом рабочих и крестьянских депутатов, а Председатель Солдатских депутатов был Донской, эсэр⁸⁹. Он решительно был против отторжения Закавказья [от России] объявления независимости [Закавказья]- он же был русский. И нужно было на другой день возражать ему и выступать в защиту объявления независимости. Эту защиту мы поручили Ираклию Церетели. И он согласился в конце -концов и защищал великолепно. Он защищал под тем предлогом, что *«раз народ требует (159) это по тем или иным соображениям и каково бы ни было мое личное отношение и этому вопросу, ко времени и к форме этого требования, все таки мы должны его поддержать, мы не имеем права отказывать народу, когда он принимает те или иные решения, несогласные с нашими»*.

Вот на такой почве он, значит, к защищал весьма энергично объявление независимости Закавказья. И впоследствии он защищал то же самое и в Сейме. Так что в этом отношении соблюдал полную дисциплину.

Видите, как эти двое, то есть Жордания и Церетели, были вместе? Что же касается объявления независимости Грузки, то в этом, вопросе никаких разногласий не было: Ираклий Церетели выступал на Сейме, как последний оратор, от имени Грузинской соц. - демократической партии и доказывал, что Грузии необходимо объявить свою независимость, потому что Кавказ не выдерживает единства, и мы должны все-таки себя спасти так или иначе - спасти демократию, и спасти ее во всех уголках, где это возможно. Ну вот, таким образом, в объявлении грузинской независимости не было никаких разногласий - это само собой разумеется!

А второе, что я хочу Вам сказать и чего, вероятно в книгах нет, - что акт Независимости читал Жордания, потому что он была председателем Исполнительного комитета Национального Совета, от имени которого мы объявили независимость И когда заседание это, после объявления независимости, выбирало правительство, то он не захотел войти в правительство, а вошел и первым Председателем был Ной Рамишвили.

Через месяц нам захотелось его сменить - это была инициатива Ираклия Церетели. Он [Церетели] был председателем фракции, и он настаивал на том, чтобы Председателем Правительстве был лидер Партии.

Фракция защищала иной взгляд. Мы предполагали что, видите ли, если правительство проявит, так сказать, своеволие, то бы мы могли их, в случае чего и отозвать. В таком случае (160) нам удобнее иметь не Жордания во главе правительства, а других: тогда кандидатов на председательство было у нас несколько человек: и Гегечкори, и Чхенкели, и Девдариани - все они могли бы быть председателями. Так что фракция думала, что мы тогда это правительство будет иметь в своих руках и в случае чего можем даже сменить.

Ираклий Церетели настаивал на обратном: раз мы объявили Независимость, партия всю свою силу должна вложить в это дело, весь свой авторитет. Он приводил тогда пример Западной Европы как образец, как аргумент. Он настаивал на том, что Жордания должен стать во главе правительства - это значит, что во главе стоит вся партия! *«Если, - говорил он, - мы провалимся, то проваливается вся партия. Никаких разговоров не может быть!»*. Вот на этой почве, таким образом, он сначала убедил Жордания, чтобы он вошел в правительство.

Жордания же предпочитал сидеть в Совете Рабочих депутатов председателем и оттуда диктовать. Но Ираклий настаивал, что *«Нет, это не полагается, чтобы он диктовал оттуда. Нам все это будет хуже. Пускай вся партия, как таковая, берет на себя ответственность в лице своего лидера»*.

Таким образом, кажется, уже 21 июня, мы сменили в министерстве Рамишвили и посадили Ноя Жордания во главе правительства.

Я бы хотел немножко углубиться в этот вопрос.

Якобашвили. *Грузия между «Анархией» и «Демократией»* // «Пусть горит свеча», Сборник посвященный памяти Альберта Павловича Ненарокова. М. РОССПЭН. 2021. Стр. 204.

⁸⁹ Донской Дмитрий Дмитриевич (1881, Варшава — 22.09.1936, с. Парабель, Томской губ.). Из дворян, сын врача. В революционном движении с 1898. Эсер. Учился на медицинском факультете Киевского университета, исключен в 1900, отдан в солдаты. Окончил университет в Германии. В 1901 вновь принят в Киевский университет. В 1906 выслан в Нарымский край. С 1914 военный врач. В 1917 председатель краевого Совета Кавказской армии, член исполкома Тифлисского Совета, комиссар Кавказского фронта. На IV съезде ПСР избран в ЦК. В 1918 руководитель военной комиссии ЦК ПСР. С 1919 находился в советских тюрьмах. По процессу ПСР 1922 приговорен к расстрелу, замененному лишением свободы на 5 лет. Отбывал ссылку в Нарымском крае. Покончил жизнь самоубийством.

Что значат те предположения, которые имела фракция вообще и Жордания в особенности, чтобы он не стал председателем Совета министров? Это был вопрос ответственности? Что, партия не хотела отвечать?

Видите ли, это была борьба за то... Видите ли, мы еще не были опытными политическими государственными людьми! Так вот фракции - у нас была огромная фракция - фракции хотелось иметь возможность держать правительство в своих руках, чтобы правительство выполняло (161) действительно волю фракции, решения фракции. Если во главе стоит Жордания и если...

Тогда Вы должны конечно, подчиниться?

... тогда, понимаете, унижить его авторитет, это значит унижить и авторитет всей партии. А мы так хотели, чтоб своих людей оценить могли. И раз такие соображения родились, то долго шли об этом споры, несколько недель шли эти споры, именно потому что отношения фракции и правительства в такой форма многим казались наиболее подходящими. А Ираклий Церетели настаивал на обратном, как видите, и он провел свое. Сначала нужно было выбрать Жордания, но Жордания тоже был против, он не хотел войти в правительство. Он предполагал, что ему лучше сидеть в революционных организациях, где он был полным хозяином.

А у нас было еще и другое намерение: чтобы революционные организации не вмешивались сами в судьбу и жизнь нашего правительства, а, наоборот, поддерживали бы его. И так как Жордания был председателем и там и тут, то таким образом сливались две власти, получалось единство работы к единство политического действия обеих организаций - правительства и революционной организации...

Я бы хотел узнать следующее...

... Это было проведено исключительно по инициативе Ираклия Церетели.

Я бы хотел узнать следующее: играл ли в этом роль идеологический момент? Это значит, что в конце-концов этот буржуазный режим⁹⁰?

Нет, нет, это не играло роли. Потому что есть доказательство этому, что не играло! Когда Ной Жордания поступил в правительство, то он даже не сделал никакой декларации. Заявил, что эта перемена не имеет значения; декларация, сделанная раньше, остается в силе. Так что политического момента здесь не было. (162)

Я понимаю, но до этого? До этого момента, это значит до того, как они воздерживались это сделать? Это играло роль? Этот идеологический момент? Что мы должны это понять?

Нет, нет, этих вещей не было! Видите ли, фракция хотела иметь сильное влияние на правительство - вот и все! Только в этом отношении, только в этой плоскости была борьба, а не в плоскости каних-нибудь идейных разногласий. Впоследствии нам, фракции социал - демократической партии, пришлось тоже несколько раз приглашать Жордания во фракцию и разбирать все действия его министров и давать ему указания. Он энергично этого послушался. Мы расткритиковали некоторых министров, которые делали такие шаги, которые еще не были одобрены Парламентом, и говорили председателю, что *«Вы обязаны и должны подчиниться решению фракции»*. И это, по-моему, было правильно. В этом нам еще пришлось убедиться.

Знаете, у нас была армянско - грузинская несчастная война; Когда наши войска уже шли вперед, почти держали путь уже на Армению, то английские власти, или генерал английский приехал к нам и просил устроить перемирие, покончить с войной. Жордания на это согласился.

Мы тоже соглашались, потому что война эта была просто позорная между нами: никогда не было подобных столкновений между нами и армянами, это первое столкновение в истории. Мы считали это большим несчастьем и для грузинского и для армянского народа, и скорейшее прекращение войны для нас это было счастье. Жордания так и настаивал и дал слово, что в двенадцать часов ночи на 31 декабря война будет закончена. Не спрашивал никого - ни фракцию, никого, просто согласился. А другие наши национальные партии - наши националисты и все эти другие партии (не социал - демократические), были глубоко возмущены этим. Знаете, они уже хотели непременно довести победу до конца, наказать армян сильно, (163) и потому хотели как -нибудь несколько дней продолжать еще войну. Вот! и они пришли к нам во фракцию и просили: *«А вот мы этот вопрос поставим в Парламенте и выразим недоверие правительству по этому вопросу, и пока создастся новое правительство, война будет продолжаться. Потом пускай опять Ной Жордания будет выбран, это мы поддержим, но несколько дней выгадаем»*.

Мы решительно отказались.

Видите, если бы это было другое министерство, возможно, что это предложение прошло бы, но при Жордания этого уже не могло быть. Это означало бы, что мы ему дали сначала оплеуху, а потом, на другой день выбрали опять Председателем. Это было бы унижение, и совершенно не соответствовало бы никакому фактическому моменту или мотивам. И наша фракция решила: *«Раз Жордания сказал и назначил срок окончания войны, нужно всем поддержать нашего председателя!»* И действительно так и вышло: в 12 часов ночи на 1 января все приостановилось.

Вот, следовательно, наши споры привели к такому конфликту с другими партиями. Так что такие споры имели место все-таки в нашей, - еще не вполне установившейся - практике.

Это все-таки имело некоторое значение, это был вопрос чисто организационного отношения правительства и фракции и так дальше. Против распоряжения Жордания мы не могли пойти! Хотя войска тоже нам сообщили, что *«дайте нам еще двадцать четыре часа, и мы сделаем переход до армянской границы»*. Но все это было отвергнуто!

⁹⁰ Так в тексте. Изд.

Вот все, что я хотел сообщить в этой области истории столкновения, чего нет, вероятно, ни в каких книгах!

Вы закончили эту тему.

Я бы хотел перейти теперь к проблемам отношений между русскими меньшевиками и грузинскими меньшевиками после октябрьского переворота, особенно после того, как на декабрьском Съезде Российской Социал - демократической партии образовалось новое (164) большинство Мартова - Дана.

Что Вы можете мне рассказать по этому поводу?

Ничего не могу сказать. Очень мало помню, что тогда делалось в Советской России. Мы, большей частью, были заняты в этом отношении, по крайней мере, своими, - Закавказскими и Грузинскими - делами и потому того, что они делали, - я не знаю. Я знак только одно, что когда мы объявили независимость, об этом сведения принес им [Борис] Николаевский - его вы знаете. Это он известил всех русских меньшевиков, он нас поддерживал, и те с этим согласились. Они нашли, что народ имеет право на самоопределение, и заявили, что объявление независимости - это воля народа и больше ничего. Никаких споров мы с ними не имели, по крайней мере, нет сведений, чтобы с их стороны поступали какие - либо возражения против нашей независимости. Так что никаких споров не могло быть. Да и они, вероятно, так были заняты своими делами, что едва ли на это обратили много внимания. Я так думаю, но никаких фактов личных, так сказать, впечатлений о каких-нибудь сообщениях с их стороны мы не имели⁹¹.

Вот эсеры больше выступали против. Даже некоторые из эсеров приезжали и очень горячо и долго беседовали с нашими лидерами, особенно с Чхеидзе, о том, что почему вы объявили независимость, и так дальше. Но это, я думаю, были частные разговоры, за кулисами, но принципиально этот вопрос не ставили, потому что им отвечали, что раз нам необходимо защищаться от Турции, мы не можем иначе! И этот эсер на другой день с особой энергией защищали независимость Грузии перед народом на больших собраниях, что можно было подумать, что сам националист - с такой энергией говорил он, что это было необходимо, что ушла русская армия, а Грузия одна осталась, так она должна была сорганизоваться - и все тут . Должна защищаться, (165) врагов она всегда имела и в прошлом... И рассказывал всю нашу историю! Вот такое было положение вещей! Но отношение русских меньшевиков к этому вопросу я не помню, какие у них были взгляды. Со стороны эсеров, помню, Донской, эсер был против. И целый ряд других деятелем шушукались с ним, но от нас получили одинаковый ответ, что мы... и так далее.

Ну тогда я хотел бы перейти теперь к одному большому вопросу, на который Вы мне, я думаю, сможете ответить, так как Вы много знаете. Это касается отношения между Жордания и Церетели.

Понимаете, вот в чем трудность: В воспоминаниях Жордания, очевидно, что уже в 917 году отношения между двумя этими лицами были очень трудные, тяжелые отношения. Трудно сказать, до какой степени это описание отражается на последний год после этого, то есть как выражались их отношения на 917 год и последующие годы, просто Вы смогли бы мне рассказать, какие элементы играли роль на эти отношения, также и личные и идеологические?

Видите ли, когда мы были в Грузии, ни этих разногласий и никаких других разногласий не наблюдалось. Ну, может быть, были тогда разные оценки, но не было фракционных разделений, и, кроме того, вскоре, через несколько времени, Церетели и Чхеидзе были отправлены за границу - один для Интернационала, другой для возглавления нашей делегации [в Париж, в Версаль] по признанию нашей республики и так далее. Так что, не находясь на месте, никаких споров они вести не могли. Инструкции они получили от нас, эти инструкции они выполняли; даже присылали всегда сообщения и сведения, что они смогли сделать, и все такое. Так что споров не могло быть до тех пор, пока они вернулись. Как известно, Церетели даже не успел приехать обратно, когда уже наше положение оказалось...

Безнадежным? (166)

Чисто! А разногласия возникли, должно быть, уже в эмиграции. Это уже было после, в эмиграции, Это на почве того, нужно ли посылать туда, в Грузию, людей, чтобы устраивать там восстания, и так далее. Мы были против, - и я тоже был вместе с Церетели, - потому что думали, что мы маленький народ, и если даже единодушно восстанет весь народ, он не может освободиться от огромного колосса России. Восстания эти можно было устраивать в старину, когда были совершенно иные соотношения общественных сил, А теперь огромная Россия, которая уже обладала армией, уже была в процессе консолидации - ведь уже в 922 году окончилась гражданская война в России, победить грузинское восстание никоим образом на могло, ни в каком случае. Вот потому мы стояли против этого.

А другие, большинство, стояли - «За», и многие из них посылались на места в Грузию для организации выступлений. И споры об этом целые года продолжались. Не потом произошло, создалось такое положение вещей. Жордания, которого мы раскритиковали в нашем заграничном комитете, в Центральном Комитете, а он был председателем Правительства, - заявил, что он критику не хочет

⁹¹ Это не совсем так (точнее – совсем не так). Ражден Арсенидзе здесь вопрос Восстания (который обсуждался в в заграничном Бюро в 1923-24 годах), по не понятной для меня причине, невольно (?) объединяет со вторым, не менее важным вопросом, обсуждавшимся в 1926-28 годах, как «внутри» заграничного Бюро, так и «вне» его, хотя никак не уточняет этого второго вопроса ни здесь, ни где-либо еще, в этих интервью с Леопольдом Хеймсоном. Этого «второго», довольно серьезного, «тяжелого» вопроса, кстати, также по не понятной для меня причине, не упоминает в интервью вовсе и сам Л. Хеймсон. Изд.

принимать, а если будем его критиковать, то он больше не придет на собрание нашего Центрального Комитета⁹² и не будет нам давать никаких ответов.

Тогда мы, оппозиция, решили сами уйти. И вот мы, оппозиционеры, которые критиковали ЦК и Жордания, ушли. Сорганизовали отдельно группу, вели мы себя лояльно, потому что мы этот вопрос не выносили на международную арену, а старались решить его как внутренний вопрос. Были переговоры, очень хорошие, очень серьезные, очень долгие, и последние переговоры были между Церетели и Жордания, специально по посредничеству товарищей, приведших из другого города - не из Парижа⁹³. И они согласились во всем. Пришли к совершенно полному соглашению, и вот Ираклий приходит к нам на собрание оппозиции и (167) заявляет, что он и Жордания во всем согласились и устроились и великолепно поставили дело, и мне предлагают, чтобы я из села Левиль переехал в Париж для создания газеты.

Я сказал Церетели, что «я знаю положение вещей, мне известно более или менее и давай несколько дней подождем и, вероятно, вы получите совершенно иные впечатления».

И действительно, через несколько дней нам сообщили, будто из Грузии получена бумага, где Ною Жордания предписывали с Церетели не иметь дела.

Я не знаю, была ли такая бумага действительно получена или нет. Я не знаю. Но такого отношения Церетели не мог вынести⁹⁴. Слово дано - нужно выполнить. Вы его характер знаете. Это человек слова. И сам выполняет и от других этого требует. С тех пор они разошлись.

Это было в тридцатых годах?

Я не могу сказать, в котором году это было. Нет, это было до тридцатых годов. Это было после Восстания [1924 года], конечно, мы были очень раздражены тем, что устроили восстания. По этому поводу были очень серьезные споры, но это был факт уже совершившийся и об этом и нечего было говорить! А эти переговоры уже были после. Но Карло Чхеидзе уже не было в живых, это было после его смерти, значит в тридцатых годах приблизительно.⁹⁵

Я бы хотел сейчас перейти к проблеме отношений Грузинской Социал демократии вообще и разных лиц, в особенности проблеме восстановления единства Социалистического Интернационала и особенно попытки образования второй с половиной Интернационала в Берне.

Видите ли, я знаю только одно: когда Ираклия отправляли за границу, то настроение у нас было левое. Мы не очень хорошо были знакомы с положением всех этих интернационалов - второго, двух с половиной и третьего - не очень хорошо. Но вообще в это революционное (168) время было настроение левое. Так что по настроению мы склонялись и двум с половиной Интернационалу. И поручили Ираклию, что пусть он посмотрит, как там лучше, но наше желание - было бы лучше соединиться с двух с половиной, более, так сказать, крайним крылом Интернационала, но с коммунистическим нечего, конечно, было и говорить. Эти уже отвергали все. Ну он приехал сюда и нашел, что, наоборот, можно поступить во второй Интернационал, а не в двух с половиной. И он, вернувшись, сделал нам очень подробный доклад, который нас переубедил, что он поступил правильно.

Какие были у него причины к этому?

Видите ли, я этого всего не помню. Всех этих вещей я не помню. Трудно все это мне помнить. Очевидно, двух с половиной Интернационал был очень слаб и маленький, и, кроме того, качался между коммунистическим и этими, т.н. правыми (Вторым Интернационалом). А он, Церетели, был действительно решительно против коммунистов. Он это нам и писал. Вероятно, и его ответ был в таком же духе, что нам нельзя качаться и, хотя бы одной рукой, тянуться к коммунистам. Нам лучше уж стоять твердо и крепко на этой почве интернационалиста. В конце - концов, только на Второй Интернационал можно встать, так сказать, на Социалистический Интернационал, а на двух с половиной ни в коем случае нельзя встать, это не имеет никаких шансов.

А насчет вопроса об объединении - это уж он нам тогда ничего не писал, потому что этот вопрос встал потом. Эти споры о Втором и Третьем Интернационале происходили за границей в мало затрагивали нас. Я, по крайней мере, не могу сказать, что у нас эти вопросы также подробно обсуждались. Мы просто воспринимали то, что сообщали нам наши делегаты. Мы от них получали известные сведения. Когда у все нет других сведений от других лиц, скажем, (169) трудно возражать, потому у нас не создавалось этого настроения, у нас шло, так сказать, чтобы с ним не ссориться я не спорить из-за того. А он нас вовлек во Второй Интернационал. Потому что, видите ли, эти споры, которые происходили в Европе, не доходили до нас. Доходила через то же русло, которое было исполнителем наших же поручений, и обобщалось, что вот со таким и по таким-то соображениям мы решили остаться во Втором Интернационале. Это наиболее импонировало нам.

Нам издали судить было трудно, и потому мы доверяли этим людям и считали, что они сделают все в интересах нашего народа и нашей партии, Тем более, что нас тогда сразу приняли в Интернационал, понимаете, как отделившуюся партию - это не так легко делается. Если бы русские не поддержали нас, то, вероятно, произошли бы какие-нибудь недоразумения, Говорили, что представитель русских, Аксельрод,

⁹² Должно быть «на заседания Заграничного Бюро Партии» – ведь ЦК Партии было на территории Советской Грузии, в глубоком подполье.

⁹³ Речь идет об инициативе группы молодых грузинских рабочих – эмигрантов, членов молодежной организации Соц.-Дем. партии Грузии, работающих на автомобильном заводе «Peugeot-Citroën» в г. Оденкур, (фр. *Audincourt*. Область Бургундия – Франш-Конте, Провинция Ду. Ок. 360 км. до Парижа), проявленной в конце 1930 – нач. 1931 г.г., не решившей основной задачи, однако вызвавшей противостояние иного рода. См. Об этом исследование и протоколы и док-ты заседаний Зарубежной Организации Соц.-Дем. партии и «Коллегии» 1926- 32 г.г. (Подготовленная в ближайшее время к печати Ираклием Якобашвили).

⁹⁴ «Никакой такой бумаги никогда не было». Приписано красными чернилами, от руки, на русск. Яз.

⁹⁵ Так в тексте. Изд.

поддержал нашу кандидатуру и русская делегация поддержала, А другие не могли возражать. Вот видите ли! Таким образом Церетели устроил нам благоразумно, согласившись по этому вопросу сначала с русской партией, от которой мы отделились, и прекратив как бы то ни было всякие споры. А Интернационалу ничего не оставалось, как утвердить, Это нам очень понравилось. Это был очень хороший подход к делу и очень правильный для нас, потому что новое не хотели мы ссориться с русской социал - демократией, с русскими меньшевиками. И так как устроилось таким образом, мы были рады, видите ли, что так получилось, Так что никаких разногласий в этом вопросе и тем более в прессе или на больших собраниях - не помню, Это решение было принято, потому что оно дало нам непосредственные результаты. Мы очутились уже самостоятельной партией и очутились принятыми и признанным Интернационалом. Между тем, как некоторые партии других народов долго оставались еще не признанными и шли об них разговоры и Ираклию Церетели приходилось там справляться, как они живут, как они действуют - эти партии, и так дальше. Для маленьких народов, когда они выделяются в отдельную партию, очень трудно было тогда проникнуть даже в этот Интернационал. Там требовали все-таки определенной позиции, определенной твердости, определенного характера этого отделения и требовали, главное, чтобы не было споров с теми, от кого отделились!

Хорошо. Я бы хотел сейчас восстановить некоторые фактические данные. Во-первых, по поводу депутатов - грузинских депутатов в Государственной Думе. Начнем с Первой Государственной Думы.

В Первой Государственной Думе были: Гомартели - врач, литератор, участвовал, сотрудничал в журнале «Квали», писал литературно - критические статьи; впоследствии был в группе автономистов среди социал - демократической партии, принадлежал к группе автономистов. Вот его карьера.

Впоследствии, как Вы говорите, стал автономистом. Что Вы имеете в виду? Это то, что он стал автономистом в 907 году?

Да, да. В 907 году был автономистом.

Да, да. Кто он был по происхождению? Какой он был как человек?

Этого я не знаю. Второе там был Сергей Джапаридзе. О нем я знаю только одно, что он был адвокат по гражданской части, очень хороший адвокат, социал - демократ и был избран, потому что легальных людей должны были выбирать.

Кто он был по происхождению?

Больше я о нем ничего не знаю.

Ну и Исидор Рамишвили? (171)

Да, Исидор Рамишвили! Он - интересная фигура- Он бывший народник 80- х годов. Впоследствии примкнул к социал - демократам. Работал в качестве преподавателя, профессора в частной школе, открытой Обществом распространения грамотности в Грузии. Он создал там вечерние курсы, на которые приглашал рабочих и обучал их; и, собственно говоря, почти все передовые рабочие, наиболее развитые рабочие в Батуме, оказались его учениками, вышли из этой среды и стали настоящими руководителями социал - демократического рабочего движения в Батуме. Вот это можно о нем сказать. И впоследствии он продолжал эту работу, потом был сослан. При нас он работал, все время был депутатом, а при большевиках его сослали в Россию, он там и умер в ссылке.

Этот «Церетели С. М.», кто он?

Симон Церетели - это бывший священник; И о нем я ничего больше не знаю. Он бросил священнический сан, потому что был социал демократом и не захотел быть священником. Попал в депутаты. Особенно себя ничем не проявил, так что какого-либо большого участия в социал - демократическом движении после депутатства не принимал.

Кто он был по происхождению?

Раньше он был священником.

Я понимаю. Но семья его - кто были? По семейному происхождению?

Он был дворянин. Среди Церетели есть дворяне. Не все князья! Есть и дворяне и князья.

Ну перейдем теперь ко Второй Государственной Думе! Ну по поводу Арчила Джапаридзе, я думаю, что не особенно нужно. Он был ... Кто он был, Арчил Джапаридзе, по происхождению?

Он был сын рабочего.

Сын рабочего? В каком городе? (172)

В Тбилиси. Он получил образование за границей, он ездил за границу и там получил образование. Он был очень образованный человек, толковый, развитый. Участвовал в наших газетах, писал. Мы выбрали его потом депутатом, А после его арестовали. Как чахоточного, его оставили в тюрьме, где он и скончался. Его похоронили, отвезли на родину и похоронили с большим почетом. Он имел большое влияние в партии и даже думали, что он будет председателем фракции, настолько он был образован. Когда мы его отправляли, мы предполагали, что он будет председателем фракции в Государственной Думе. Но он был действительно одним из руководителей все же в этой Государственной Думе. Коли он не был председателем, а Церетели, то он был одним из тех, который наиболее импонировал, как член фракции. Все это о нем можно сказать!

Джугели?

Джугели - это был тоже из крестьян. С самого начала принимая участие в революционном движении. Был другом Кецховели, который устраивал нелегальные типографии. Эта типография была устроена после совещания с Джугели и Кецховели. Они были большими друзьями. И когда Кецховели был убит, брошюру о его биографии написал Джугели, и до сих пор большевики об этом молчат. Говорят, что написана брошюра, но кем - они этого не упоминают. А было написано Джугели, он лично был тогда в Тбилиси, он писал все эти вещи, он принес нам, мы читали совместно и печатали. Впоследствии он участвовал очень много в наших журналах и газетах как писатель. И потом его арестовали у нас в редакции, когда уже посла депутатства он скрывался. Арестовали, попал в тюрьму и получил тиф, и от тифа скончался. Мы его тоже торжественно и с большим почетом похоронили, хотя это было самое реакционное время - 908 или 909 гг. точно не помню. Самое реакционное время, но огромная толпа народа все-таки сопровождала его на (173) кладбище, и были произнесены речи. Я его знал лично, очень хорошо знал всю его семью - жену и детей.

Кто он был по своему происхождению? Джугели?

Джугели, Северян Джугели крестьянин из Имеретии.

И какое он имел образование?

Вот это ж не знаю. Но, во всяком случае, у него не было высшего образования. Университетского образования не было. Но он кончил, вероятно, среднюю школу, а потом занимался литературой.

Так. Теперь Зурабов.

Зурабов, это он был членом нашего Закавказского Комитета. И был потом депутатом от Тбилиси.

Машинопись, чернило.
ЦИАГ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 21. Л.л.157 - 173.

Это продолжение девятого интервью с г. Арсенидзе в Мюнхене. Число сегодня 11-го сентября 1961 г.

Мы еще продолжаем наши обсуждения грузинских депутатов в Государственные Думы. А сейчас во Вторую Государственную Думу. Да, в конце той ленты, которую мы только что закончили, Вы мне заметили, почему выбирали Зурабова депутатом во Вторую Государственную Думу, что нужно было армянина набрать!

Да, да. Об этом мы писали тогда. И я сам писал об этом, что мы выбираем сейчас Зурабова для того, чтобы была солидарность народов. Нам же нужна была солидарность всех Закавказских народов. И кроме того, он лично представлял собой довольно крупную фигуру социал - демократа. Он участвовал в наших изданиях, в газете «Квали» тоже участвовал. В основном писал по-русски, а я переводил. Так что, главным образом, он принимал близкое участие во всей нашей работе. И мы выставили его, считая, что нужно было выставить армянина, чтобы этот народ тоже почувствовал, что они, - так сказать, - не игнорируются (174) социал демократической партией, это был один из основных мотивов. Но были и его личные качества. Он оказался очень хорошим депутатом, хотя он немного уклонялся всегда налево - у него была тенденции уклоняться более влево, чем уклоняется грузинская социал демократия, но это нас не обескураживало, в этом отношении мы все-таки терпели это, считали, что это не большой грех. Впоследствии он дружил с Парвусом. Вот это помню - одно из его деятельности, был членом Областного Комитета Закавказских организаций и сотрудником. Вот и все.

Теперь Канделаки.

Канделаки - это был передовой рабочий из Батума.

Как он попал в Думу?

Вот я Вам скажу, как он попал в Думу. Мы выставили кандидатом там и одного врача, Доктора Шатилова, и при голосовании получилось равное количество голосов между правым и социалдемократом.

«Равное» - значит что?

Это по Батумской области и Сухумской области выбирали отдельно, и вот получилось равное количество голосов, чтобы второй раз голосовать - нужно было выставить других кандидатов. С нашей стороны выставили Константина Канделаки; с другой стороны кого-то другого, я не помню. И опять получилось равное количество голосов, соотношение не изменилось. Тогда бросили жребий, и жребий пал на Канделаки. Таким образом, он по жребию оказался депутатом. Он был один из передовых рабочих, один из первых основателем социал демократических групп, и в этом отношении чего-нибудь большого не представлял.

Он был рабочим в каком предприятии? (175)

В Батуме работал.

В нефтепромышленном предприятии?

Да, в нефтепромышленном - на заводе Ротшильда в Батуме.

Теперь Кацашвили.

Кациашвили был крестьянин. Из крестьянской среды, у нас же выбирался по куриям⁹⁶. Значит отдельно от крестьян, от рабочих, потом дворян и так дальше. Из крестьян были два-три человека, из Карталинии, Тбилисского уезде; а он был один из наиболее толковых крестьян. И мы решили хоть одного крестьянина послать в депутаты. И выбор пал на него, именно на него, потому что он был из этих крестьян наиболее толковый, наиболее способный, один из передовых крестьян. Он был старый, с давних пор участвовал в революционном движении, старый член социал - демократической партии, вот потому мы его выбрали. Русским языком он не особенно владел, так что в этом отношении выступать как оратор он не мог.

Какая вообще эти кандидаты выставлялись?

Кандидаты вообще выставлял ...

Областной Комитет?

Да, Областной Комитет, или же специальная конференция.

Ну, скажем, чтобы выбирать кандидатов Второй Государственной Думы?

То же самое. Это было конференцией поручено Центральному Комитету - Областному Комитету выбирать, по поручению конференции. На конференции эти вопросы не разбирались.

Теперь Ломтатидзе.

Ломтатидзе, это очень интересная фигура. Он был из Гурии (176) родом. получил образование в Кутаиси, в сельскохозяйственной школе. Выше этого он образования не получил. Был хорошим писателем, писал он хорошие повести и рассказы, для нас он имел очень большое значение. У нас по литературе было не очень много способных писателей-романистов. И у него были очень хорошие повести и рассказы - оригинальные. И в Государственной Думе он был очень остроумным тоже. Впоследствии он умер от чахотки, был больной. Умер и его торжественно похоронили. У меня есть одно воспоминание о нем, которое я хочу Вам сказать.

Он вел свои дневники, когда он был в Государственной Думе. И в этих дневниках были описаны некоторые вещи, что когда депутатов арестовывали, те между ними были разговоры о суде - выступать или нет самим депутатам. Одни говорили, что нужно выступать, другие были против. Он лично был против. А некоторые настаивали, что нужно выступать. И он как-то так отзывался, что, вот, наши лидеры захотели ораторствовать на суде и потому настаивали на своем. Эти изменники-большевики нашли этот дневник и отпечатали в журнале. И когда это попало в руки мне, я понес это к Церетели и говорю: «Вот как о Вас ведет речь ваш сотрудник Ломтатидзе - пишет вот такие вещи, он же наш человек!» «Знаете что, - он мне ответил, - он был очень хороший и толковый человек и давал иногда очень резкие и очень хорошие реплики в Государственной Думе. Так что он был один из наших любимцев. Что он пишет про меня, он написал или большевики приставили, записали - это для меня никакого значения не имеет».

Он был очень толковый и очень способный из всех наших депутатов, но он плохо говорил по-русски. Однажды он выступал и справа стали кричать - «Переведите!»

Здесь говорится, что он по происхождению был мещанин? Что это значит? (177)

Это значит, что он городской житель. Знаете, мещане, это больше ремесленники. Ремесленники и, значит, сыновья ремесленника... и больше ничего. Они так и назывались мещанами по-русски, а по-нашему те были «мокалаке», то есть горожане.

Тогда и отец его был ремесленником? Его семья была ремесленники? Чем они занимались?

Не знаю. Была у него семья - жена и дети. Его сына убили большевики. Это я знаю - вот и все.

Махарадзе Герасим?

Махарадзе Герасим - это семинарист. Мы кончили вместе Духовную семинарию. Он был из Гурии тоже. Такой был толковый, способный. Мы его послала делегатом. Когда мы заключили договор с советской Москвой, он был первый наш представитель в Москве в впоследствии.

Кто он был по происхождению? Также дворянин?

По происхождению Махарадзе - это тоже дворяне, мелкие дворяне. Но он Духовную школу кончил. Он, очевидно, был сын священника или дьякона. Мы семинарию кончили вместе. В университете он, кажется, не был. Я не помню что-то, потому что, когда я поехал в университет, я его в университете что-то не помню. Мы с Ноем Рамишвили были вместе в университете, а его я тогда не помню. Вероятно, что он остался без высшего образования. Что можно больше сказать об этом?

Ну перейдем я Третьей Государственной Думе. Что Вы можете мне сказать по поводу происхождения Гегечкори?

Гегечкори - дворянин. Мелкий дворянин из Мигрелии. Был студентом.

Где?

Видите ли, его даже мы не знали. Когда мы выдвигали его кандидатом, его нам рекомендовал Григорий Уратадзе; он сказал, что «Это молодой и способный, толковый и вообще хорошим оратор», и мы согласились с ним и провели в депутаты. Тогда и познакомились с ним и провели в депутаты. Он был в Кутаиси и был адвокатом, занимался тогда уже адвокатской деятельностью.

⁹⁶ Т.о. куриальные выборы были не только на терр. Абхазии? Изд.

Он был молодой. А потом его карьера Вам известна! Он был после того депутатом. В Четвертую Думу он не попал, потому что его постарались снять со списка. Вообще эта администрация. Так что его не удалось... не удалось во второй раз провести, а много хлопотали. Но впоследствии был одним из лидеров социал - демократической партии и, Вы знаете, участвовал до последнего времени.

Какое было его образование?

Он окончил университет. Он юрист и адвокат.

Где? Я понимаю.

Кажется, он Московский университет окончил.

Ну перейдем к Четвертой Государственной Думе. По поводу происхождения Чхенкели. Кто он был?

Чхенкели тоже из мелких дворян. Акакий Чхенкели! А остальное Вы знаете. Потом он был на съезде.

Откуда он сам?

Видите ли, он из Мингрелии!

Тоже из Мингрелии?

Да, скорее он мигрельский. Но кажется, эта часть, где он родился, находится в районе Абхазии. Вот все, что я знаю о нем.

Какое образование он получил?

Он тоже был юристом. Он ездил за границу и участвовал в наших журналах, писал особенно много по национальному вопросу, и этот вопрос его специально интересовал. У него имеются очень большие (179) работы, и книгу целую издал тоже по национальному вопросу. Я Вам рассказывал, что он националист по образцу австрийских социал - демократов. И вот он по национальному вопросу давал нам из Австрии сведения, высылал корреспонденции и писал целый ряд фельетонов. Мы его считали также, безусловно, своим националистом, но это не помешало нам выбрать его депутатом, и он оказался очень хорошим депутатом. А впоследствии он был послан нами за границу делегатом, это Вам известно.

Скобелев был выбран откуда?

Скобелев, кажется, был избран от духоборов или каких-то, как - то называются эти секты? Видите ли, это целый ряд русских, которые были переселены на Кавказ по религиозным мотивам, в том числе его родственники, очевидно, а он был социал - демократом, и его проводила русская секция, которая голосовала отдельно по Закавказью, - русские отдельно выбирали своего представителя. В Первую Государственную Думу попал какой - то черносотенец, а вот впоследствии, уже потом, мы провели его и среди русских тоже провели своего депутата. Он был человек интеллигентный, понимающий, это импонировало, и он прошел. Таким образом мы захватили и русскую секцию Закавказья и возглавили его социал - демократом. Ну и впоследствии он работал все время с нами, очень энергично работал и дружно. В Государственной Думе тоже работал хорошо, выступления его там были хорошие.

Он был выбран в Тбилиси или в русской курии?

Он был избран в русской курии. По русскому отделу. Русские отдельно выбирали в Закавказье одного депутата.

А, понятно, да.

Видите ли, русское население выбирало самостоятельно. И вот ни там сумели провести его, - каким чудом - я этого не могу сказать, (180) но мы все-таки провели. Особенно после черносотенца, который выставил свою кандидатуру во Вторую Думу, но мы не провели его. В Первую Думу прошел черносотенец, а во Вторую Думу мы своего провели. Очевидно, создалось уже настроение такое в среде русского населения, как и у остальных национальностей Закавказья. Я не знаю, но, может быть, под этим влиянием, иначе трудно объяснить. У нас особенной работы, так сказать, политической среди этих русских элементов не было.

Ну теперь, может быть, о некоторых представителях Грузинской партии на съездах партии я хотел бы Вас спросить. Что касается Объединительного Съезда - это значит Стокгольмский Съезд, девятьсот шестого года?

Не помню я, кто был там делегатом.

Что Вы знаете по поводу Пайчадзе? Он делегат Тифлисской организации.

Нет, не может быть! Такой фамилии я не помню. Гамбашидзе Давид - это да, этого Гамбашидзе я помню. Знаю его.

Кто он был? Гамбашидзе?

Гамбашидзе Давид, он был из Баку он работал в Баку. Он был одно время большевиком. Он был синдикалистом потом и впоследствии пришел к меньшевикам. Перешел. И работал в Баку среди рабочих и был один из хороших работников. Сын врача священника. Его отец брат, врач Гамбашидзе, был за границей умер там и похоронен в Лондоне. Впоследствии этот Гамбашидзе был у нас тоже представителем в Лондоне.

Вот все, что я знаю о нем. Тогда мы не спрашивали биографию своих товарищей. Это считалось признаком нескромности и так далее.

Понятно, да. Теперь Паркосадзе, тоже Таккарье - токарем он был.
Токарь. (181)

Да. Он был делегатом на Лондонском Съезде.
Паркосадзе... может быть. Он был простой рабочий.

Простой рабочий был? Да! Вот еще Лордкипанидзе?
Да, Его звать Григорий Спиридонович.

Да, да.
Да, Гриша. Это меньшевик, литератор. Он писал очень хорошо. Был делегатом на этом Съезде из Кутаисской губернии.

Кто он был по происхождению?
Лордкипанидзе - все дворяне! Он был из этих мелких дворян. Потом впоследствии был он депутатом - делегатом тогда, это я знаю. Работал у нас одно время военным министром. Впоследствии большевики его сослали в Россию, и он умер там, в ссылке.

Получил ли он какое образование?
Высшее образование. Он был с высшим образованием.

Тожe адвокат? Или кем был? Юрист?
Вот этого точно не могу сказать! Кажется, педагогом был. Что он окончил Харьковский университет - это я знаю.

Мгеладзе?
Власа? Он же «Трия» - это рабочий, наборщик. Бывший наборщик, который работал у нас, знаете, впоследствии чем был известен? Он был поэт, писал стихи, очень хорошие. Написал свои воспоминания - очень интересные. Был он огромного роста и занимался самими, так сказать, сложными и ответственными работами. Он руководил нелегальной типографией и мастерской бомб. Все устраивал, перевозил. Одна бомба ворвалась, и у него палец был поврежден. Это был действительно силач! Ездил за границу очень часто. Был знаком с Каутским, с Горьким, со всеми крупными социалистами. И все его любили. Он всем (182) рассказывал своим полурусским я языком и рассказывал им с таким темпераментом, что нельзя было не увлекаться! Умер он уже здесь, за границей. В последние годы он ездил обратно туда, в Грузию, нелегально. Вернулся оттуда я умер здесь, за границей.

Сакварелидзе? Он был делегатом на Объединенной Съезде. Тогда был большевиком а позднее, потом, перешел к меньшевикам.
Я не знаю такого Сакварелидзе. У нас было два Сакварелидзе, один большевик, другой тоже бывший большевик!

Это бывший большевик?
Это, вероятно, тот Сакварелидзе, Павел, который был с высшим образованием, литератор тоже, писал в журналах, был автономист. Один из автономистов и один из тех, который составлял наш Акт Независимости. Он участвовал в этом деле. Он был самым отчаянным сторонником объявления Независимости. И в Комиссию мы его выбирали и основной текст независимости был написан его рукой. Это нужно подчеркнуть для него, потому что нельзя отнимать достоинство, которое он имел.

Топуридзе?
Да, Топуридзе Диомид - он с высшим образованием. Знал русский язык лучше, чем грузинский, но это неважно! Но он был некоторое время директором нашей газеты «Квали», оттуда мы его послали делегатом на 2-й Съезд - его и Зурабова, двоих послали с Кавказа. Так что из этих двоих он был один. И впоследствии он тоже оставался в наших рядах все время. Был депутатом Учредительного Собрания. Был человек состоятельный - его жена была очень богатая, из Саратова, и в экономическом отношении он помогал другим, оказывал содействие всегда. Но социал - демократ он был решительный! И приехал он к нам из-за границы. Я с ним познакомился, когда он приехал из-за границы, чтобы (183) участвовать в издании этой газеты - журнала «Квали», и я некоторое время с ним сотрудничал: он писал по-русски, а я переводил. Потом я ему сказал, что он тоже должен научиться писать по-грузински. Он постарался и научился писать. Вскоре он научился сам писать на грузинском!

Он был дворянин? Кто он был по происхождению?
Они были дворянами из Мингрелии. Вся семья его почти вся была социал - демократическая, Сестра его тоже была социал демократка.

Турманидзе? Турманидзе - Бажанов?
Турманидзе! Я его мало помню. Эта фамилия была известна в Имеретии. Но я мало знаю о нем.

Чичинадзе?
Чичинадзе - это доктор из Кутаиса, Один из основателей Кутаисской организации и Имеретинского Комитета, Работал очень энергично, был очень хорошим человеком!

Что он делал?

Впоследствии он был военным министром у нас, после Гриши Лордкипанидзе, он был военным министром и остался в Грузии и умер в тюрьме.

Кто он был по происхождению?

Чичинадзе тоже дворянин из Кутаисского уезда. Чичинадзе - все дворяне.

Где он получил свое образование?

Образование он получил в России. Он был врачом, значит с высшим образованием. Его семья тоже была вся социал - демократическая, это самые бедные дворяне, которые ничем от крестьян не отличались. Я знаю это селение Годогани, откуда он происходил. Вы там можете (184) обойти все село и не заметите, кто крестьянин и кто дворянин - одинаковые у всех дома, одинаковые здания и у всех небольшие участки земли, так что все одинаково было. В Грузии было так, что дворяне хвастаться своим дворянством не могли, так как они мало отличались от крестьян.

Ну вот, на этом, я думаю, что мы можем остановиться.

Нет, я Вам дам еще, если Вы хотите, вот эту маленькую выписку... для большевиков. Вот тут я перевожу, эта книга написана Тенгизом Жгенти, большевиком, уже в 1927 году, уже при большевиках.

И называется «1905 год»?

Да, 905 год, «1905 год в Гурии».

И автор?

Автор Тенгиз Жгенти, он участник этого движения в Гурии. Он пишет о...

Это на странице 52-й?

Да, на странице 52-й написано следующее: *«Для разбора всех этих спорных вопросов, которые вызвали раскол на Лондонской Съезде, решена было устраивать дискуссии по всем уездам. Организацию этого дела взял на себя Петр Цинцадзе - это один на передовых рабочих, которого потом, в 905 году убили казаки... в Тбилиси. На диспуте присутствовал Сосо, то есть товарищ Сталин. Он только что вернулся из Сибири, его мало еще знали гурийские товарищи. А я с ним познакомился еще в губернской тюрьме, где вместе сидели в 903 году, перед ссылкой. Сталин разобрал все спорные вопросы, выставил все тезисы Ленина, обосновал самыми сильными аргументами и разоблачил всех: Мартова, Потресова, Аксельрода к всех вообще и их положение. Против него выступил Гриша - Григорий Лордкипанидзе, вот который был министром впоследствии. Точно также в спорах принял участие Федор (185) Каландадзе, который очищался одним из серьезных теоретиков среди большевиков. Спор в этот день не был закончен и перенесли на другой день. Другой день продолжалось это выступление в Чохатаури. На огромной площади собралась огромная масса народа и меньшевики привезли все свои силы. В диспутах участвовали уже Рафаил Чихладзе, из состава меньшевиков, Мегрелидзе и Миша Арсенидзе (то есть - я) Спор принял весьма острый характер. Присутствующие крестьяне были очень смущены тем, что происходит раскол между этими нашими руководителям и они хотели, что вообще лучше было бы, если бы все эти споры бросили соединились бы в одно целое. Такое желание высказывали. Однако диспут кончался к вечеру, во время голосования оказалось, что огромное большинство примкнуло к меньшевикам, а за Сталиным осталась небольшая группа, в том числе и я - автор этих строк. Потом мы перечислили этих людей тут же, которые остались за нами. Это мы создали довольно хорошую группу работников и перечислили этих работников поименно - около 15-ти или 20-ти человек. Все, что осталось у нас после обхода всех Гурийских организаций».*

Так пишет Жгенти, большевик. Вот такова тогда была сила большевиков у нас в это время, в 905 году, в самое революционное время, когда крайнее увлечение наиболее было возможно.

И с тех пор, конечно, вся Гурия была уже меньшевистской, и эти группы большевиков не имели никакого значения. Вот еще: когда они собрались отдельно, чтобы обсудить свое положение и что делать, то один из них ...

Это на 54 -й странице?

...то один из них, Германэ Мгалоблишвили, сострил - *«Неважно, что нас так мало - совсем незначительное число, но мы пригодимся - хватит на то, чтобы заполнить правительство, еще останется вне (186) правительство несколько человек!»* - Вся группа могла бы, так сказать, составить все кадры правительственные а еще останется, И уже спорили в это время е том, будут ли участвовать или нет в правительстве ее социал- демократы? Мы, меньшевики, были против участия; Они, большевики, - За. И вот они потому нам указывали, что, вот, у нас столько осталось людей, что и в правительстве хватит и вне правительства еще останется! Вот видите ли, вся сила, которую они получили в этом году, 905 году, в самом лучшем уголке, наиболее революционном, в Гурийском - в Озургетском уезде. Вот я Вам это только хотел сказать. Остальное не имеет значения. Национальный вопрос! Потом путешествие Крым - Гирея, помощника Наместника, в Гурии, и так дальше, в котором мы все принимали участие. Это не имеет особенного значения! Но вышеприведенное характерно, потому что написано самими большевиками! Это написано в 1927 году, значит эти воспоминания были написаны, когда Сталин еще не был таким лидером, которого боготворили, и о нем просто написано - «Сосо»!

Видите, как написано! Я дословно перевел.

Хорошо! Прекрасно!

На этом кончаем наш разговор с господином Арсенидзе.

Машинопись, чернило.
ЦИАГ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 21. Л...л. 173-186.

Добавочное интервью № 1 с господином Арсенидзе.

Я хотел сказать, что у меня имеются по поводу истории грузинской социал - демократии некоторые добавочные вопросы, появившиеся на базе того чтения и тех разговоров, которые были у меня до сих пор.

Первый вопрос следующий: конечно особенно из большевистской литературы, но также о некоторых работах, которые были напечатаны в Западной Европе. Я дам Вам, как пример, - работу английского историка Ланге. Отмечается, что в начале века внутри грузинской социал - демократии замечается конфликт между, так называемыми легалистами, и теми, которые особенно пропагандируют подпольную революционную работу. Это в самом начале века. И тут они разделяют или делают разделение между такими людьми, как, скажем, Жордания и Чхеидзе на одной стороне, которые не называют легалисты; и на другой стороне такие люди, как Сталин, как Кецохели и другие.

В большевистской литературе конечно, тут имеется прямая линия разбитых - Вы так их и понимаете, что из настоящих революционных подпольных людей будет развиваться большевизм и из других меньшевизм. Но, как Вы думаете, до какой степени, и какая разница между людьми, которые работали особенно в прессе, и в легальной прессе, которые...

... работали и в нелегальной прессе!

Да, работали и в нелегальной прессе - действительно замечалось это в то время? И то время я имею в виду, скажем, 1900 год, это самое начало века.

Что бы Вы смогли мне сказать по этому поводу? (3)

Да, Замечалось. Те, которые работали исключительно нелегально, думали, что это самая главная работа. Те, которые работали легально, тоже думали, что это очень большая, серьезная, ценная работа. Но эту публику я не знал в то время, потому что я еще не работал в газетах. Тогда я еще читал, брал себе домой и читал все наши легальные газеты. Да и молодежь, которая воспитывалась на марксизме читали всю легальную марксистскую литературу, и получали. воспитание на этой легальной литературе. Это была для нас школа. И потому я считаю, что эта легальная работа принесла нам огромную пользу. Она научила нас не только мыслить, так сказать, тайно, но мыслить легально и общественно, то есть мыслить перед обществом, разговаривать с обществом, разговаривать среди общества, среди людей, среди интеллигенции и выступать на арене, как общественные политические работники, а не просто, как нелегальные! Кроме того, эта работа легальная с своей стороны принесла ту пользу, что дала нам возможность свободно анализировать, полемизировать и восстать (?) на всю нелегальную работу, которую вели остальные партии, вся остальная общественность. И я думаю, что, если влияние грузинской социал - демократии широка, и, если оно впоследствии приняло такие размеры, это объясняется именно тем, что нелегальная работа была объединена с легальной работой. Легальная работа приносила столько новых идей, которые можно было добавлять нелегальной очень мало, что оставалось добавлять нелегальной работе, и потому это легче было провести по всему обществу, видите ли. Следовательно, эта объединение этих двух ветвей нашей работы принесло нам огромную пользу, и я думаю, что это лежит в ос(4)нове того положения, вещей, которое создано в Грузии...

Теперь, правильно ли, что в то же самое время...

Подождите, я еще закончу: Я говорю об этом потому, что я лично работал и легально, и нелегально одновременно в обоих секторах. Я нелегально работал, были у меня кружки, работал тайно, ходил в рабочие кружки, и в то же время работал в легальных газетах. Конечно, не все оценивали так, но большинство относилось к этому положительно. Были группы, которые к легальной работе относились отрицательно. Думали, что легальную работу вели т. н. легалисты (!) Это было отражение легализма российского. Там, в России легалисты нелегальную работу почти отвергали, и это отражалось на их позициях. А у нас такого исключения, такого разделения, противопоставления, легальный - нелегальный почти не было. И потому у нас создались совершенно иное отношение к этим вещам, чем в России.

Теперь, правильно ли, что такие люди, как Кецохели, Цулукидзе, Сталина еще не было, потому что он был еще слишком молод. Еще до 902 года его деятельность была почти неизвестна.

Да, он не был слишком молодым, но он был моложе меня во всяком случае.

Да, но он до 902 года ничего особенного не сделал? Но я имею в виду эти первые годы нашего столетия. Правда ли, что такие люди, как Кецохели и Цулукидзе в то время уже выражали пренебрежительное отношение к легальной работе и настроению, и к поведению таких людей, как Жордания и Чхеидзе особенно.

Я этого не замечал. Почему это? Я скажу Вам - я работал в легально, газете, и Цулукидзе был моим сотрудником, он работал вместе со мной в легальной газете и вместе с тем работал нелегально (5) до самой смерти, все время. Он не исключал легальную работу, Цулукидзе. Сталин работали легально, потому что он вообще пером хорошо и не владел, и все время не владел пером, так что может быть он написал несколько статей в 905 году, но они никому не нравились. Потом он издал отдельно свою газету, маленький листок небольшого формата. Никто его почти не читал, так что пришлось ему все бросить. Так что в смысле литературном Сталин у нас не имел особого успеха, особенно наряду с такими писателями и публицистами, как Жордания и другие. Это понятно! И он вообще тогда ничего особенного не представлял, он считал себя больше, чем он был; И его такой поступок считали больше вопросом самолюбия, чем вопросом его личных достоинств.

Что бы Вы смогли мне рассказать по поводу биографии Кецохели и биографии Цулукидзе?

По этому поводу я мало что могу рассказать. Кецохели убили еще в 903 году. Я его лично не встречал. Он был уже в Баку и работал, когда я приехал в Тбилиси. Он работал в Баку в нелегальной типографии, потом он был убит. Так что мало знаю. Он был убит в Тбилиси - это верно - в тюрьме и все были на похоронах, я тоже участвовал, и меня тоже избили во время похорон. Вот все, что я помню.

Кто он был по происхождению? Семейному и общественному?

Кецохели? Он был семинарист.

Семинарист? Он учился в той же самой семинарии, где учился Жордания и другие?

Да. В Тифлисской семинарии. Он был другом этого Джугели, (6) они были друзья. Этот Джугели как раз написал его биографию после его смерти, после убийства.

По происхождению он был дворянин? Или нет?

Этого я не могу сказать. Кажется, что сын священника, духовного звания, потому что был в семинарии.

Он был убит точно, когда? Это было в 903 году?

Да, в 903 году!

После второго съезда? Или до съезда? Он когда - то себя считал большевиком? Или просто

....

Трудно сказать, не помню, Съезд в каком месяце был. Но его убили в том же году, а после съезда или -до, я не помню, потому что я не знаю точно, когда был Съезд. Это было в одном и том же году.

Теперь по поводу Цулукидзе...

Цулукидзе был дворянин, а может быть и князь. Цулукидзе есть князья. Он был очень хороший человек, очень! Настоящий демократ, мы все его очень уважали, несмотря на то, что он был чахоточный. Он был очень добрый. А чахоточные добрыми очень редко бывают. Он был очень добрый. Был преданный человек, предан своей идее. Был большевиком. Несмотря на это, у нас было огромное уважение к нему, и он так к нам относился - с большим уважением. Я был на его похоронах и произносил горячие речи, как и все грузины и все остальные товарищи из Тбилиси, так что это были похороны общие - и для большевиков, и для меньшевиков, не было никакой разницы. Из Кутаиси, десять или пятнадцать верст мы его провожали пешком, несли его на руках до самого места его погребения, так что похороны были устроены грандиозно. Тогда уже отдельно были там (7) большевики и меньшевики, как фракции, но его особенно все почитали и в этом.

И в 905 году произошло это сближение большевиков и меньшевиков?

Да, в 905 году! Хотя там на похоронах и отдельно произносили речи, Сталин отдельно распинался там, и другие отдельно, но все - таки мы все провожали его вместе. И огромная толпа провожала из Кутаиси до Хони, его мы похоронили.

Он также был бывший семинарист, этот Цулукидзе?

Нет! он был из гимназий, он был дворянин.

Из гимназии?!

Из университета!

Из Университета?

Да, он был слушателем Университета.

В каком университете?

В Московском, насколько я помню, но точно не могу сказать.

Так. Вы работали вместе в газете «Квали»? До какого времени Вы там работали с ним?

Да, почти до смерти его.

Почти до его смерти?

Да, Он болел последнее время и мало работал.

Тут был тот факт, что Вы уже себя считали меньшевиком?

Да.

И он себя считал большевиком?

Да, большевиком. Но это нам не мешало работать вместе. При жизни он писал критические статьи, защищал свою точку зрения, статьи его пропускали, у них не было своей (8) газеты, и мы давали ему помещать статьи у нас. У нас были дружеские отношения, еще не было тогда у нас острых, фракционных отношений. И потому он сотрудничал у нас, в легальной газете, писал он также и против нас, а мы возражали, и все-таки всё это было в товарищеской форме, в одной и той же газете. Хотя в это же время у нас уже спор по разным районам происходил. Он ездил вместе с Хомерики и были у них огромные споры; вели большую дискуссию большевиков и меньшевиков. Но в газете ему давали место. Еще не было такого разрыва, чтобы мы друг друга перестали терпеть. Отношения все-таки товарищеские оставались в силе. Мы на его похоронах все присутствовали, все организации - и большевиков, и меньшевиков, одинаково провожали, до последнего.

В чем, Вы бы сказали - в чем состоял его большевизм? По каким причинам? По каким соображениям?

Не могу сказать, по каким соображениям, но он был настоящий большевик.

Что это значит?

Защищал во всем большевистские взгляды, также, как и все большевики. Если Вы хотите знать, спросите у любого большевика! Он был настоящий большевик, излагая большевистские взгляды также, как излагал Ленин. Был настоящий ленинист.

Может быть Вы также мне можете ответить по этому вопросу то, что я хотел бы узнать? Что было для него самое важное в большевистской доктрине, что его так держало?

Как и у всякого большевика, - Восстание! Вооруженное восстание. ниспровержение Самодержавия путем вооруженного восстания. Вот это общее, основное положение всегда об этом спорили! (9)

А что касалось ленинских концепций в организациях?

То же самое!

Также относились?

Хотя у нас большевики не стремились к тому, чтобы строить организацию сверху, как Ленин, потому что у нас выборы были возможны. Выборы допускали, выборов не боялись. В России еще боялись. Это в конце концов был вопрос (?) конспирации. А у нас не боялись, поэтому выбирали все. Так что выборное начало у нас было принято и об этом спору не было. Спорили только какой принцип принять Ленина, что нужно строить сверху организацию, потому что это заговорческая организация. Большевики строили по принципу Ленина - сверху, а наши не строили по принципу «сверху», а говорили, что если строить, то можно строить снизу, по выборам. Видите - вот так! У нас большевики в этом отношении отступали от российской практики, потому что у нас нельзя было сказать, что трудно устраивать выборы - вот потому! А Ленин настаивал на строительстве сверху потому, что у него была заговорческая точка зрения. У грузинских большевиков этой заговорческой точки зрения не было, потому что в Тифлисе нельзя устраивать заговор для Москвы.

Видите! Так что у них положение было несколько иное.

По этому поводу, по этой теме, у Вас значительных разногласий с такими как Махарадзе, не было?

Нет, были разногласия, так как мы спорили по поводу Ленина и его тезисов. Они их защищали, говорили, что в России нужно так строить, а не так. А мы утверждали, везде надо строить так, как мы устраиваем здесь, в Грузии. Мы умеем, так пускай и они сумеют! Пускай они постараются идти по этому пути. Вот видите; о чем спор был! (10) Они видели, что мы можем выбивать здесь, а мы им говорили, что нужно, чтобы и там выбирали! И что выборное начало необходимо принять (?) как принцип.

Понятно!

Вот видите! Это значит, чтобы принцип этот принять! А Ленин этого не хотел потому, что он был заговорщик. И думал устраивать восстания. А восстание можно устраивать только, имея заговорческий центр. Центр, который скрывается, и который никому не известен, но которому все повинуется, и так далее. А так как мы не устраивали восстания, то думали, что если будет восстание, то это будет в результате народного движения. Когда вообще начинается народное выступление - этого никак предусмотреть нельзя, это происходит не по приказу, а по определенному общественному движению, как неизбежная вещь. Мы ими только можем руководить, и должны, например, назначить примерный день и примерный час восстания.

Я думаю, что на этом вопросе мы закончим эту сторону ленты и продолжим интервью на другой ленте. (11)

Машинопись, чернило.
ЦИАГ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 23. Л.л.1- 10.

Продолжение 1-го добавочного интервью с господином Арсенидзе.

Вторая тема, которая в литературе не ясно описана и по поводу которой имеется противоречивые сведения, - это вопрос Экономизма. Вот какой вопрос у меня к Вам имеется: Если мы перейдем теперь, скажем, ко второму году - 1902 году. Особенно после этих демонстраций и особенно этой Первомайской демонстрации в Тифлисе - когда произошли эти аресты? Правда ли, что в те времена, после этих арестов у старых руководителей движения замечается в грузинской партии некоторые перемены в настроении и направлении в том, что для некоторого времени то руководство, которое проявляется теперь в движении, имеет больше, вернее подчеркивает больше нужды концентрации в политической борьбе, за исключением экономической? А в другой форме, конечно, можно в эти годы, я бы сказал от 903 года до 905 года, те же самые темы конфликта, которые замечаются и в самом русской движении в следующем виде: Во-первых, конфликт между интеллигенцией, той интеллигенцией, которая тогда стоит во главе движения и старых социал - демократических рабочих: Во-вторых, это вопрос значения экономической борьбы, а также легальной борьбы. Что Вы можете мне сказать по поводу этого вопроса?

Вы поняли мой вопрос?

Об этих вещах сведения можно было бы собрать более широко. Я только могу сказать свое личное мнение и личное впечатление. Это будет, все-таки личное впечатление, так как я не собирал сведений. Мне представляется так: мы об этих вопросах разговаривали, то есть о вопросах экономизма и политизма. О политической борьбе и (12) об экономической борьбе, но мы их не делили так резко, как это делили в России в тридцатых годах. У нас же, я не замечал, по крайней мере. Я вступил в работу с 901 года, может быть раньше и было что-нибудь подобное может быть. Но даже следов от этого, движения раннего я не замечал, хотя имел дело с разными рабочими, разговаривая с ними об этих вопросах. Мы обо всем этом говорили, какое влияние они имеют в России. Но никогда не говорили о влиянии и учении, которое имело место у нас, в Тифлисе. Видите - ли политическое и экономическое движение у нас никогда не отделяли друг от друга так резко, как отделяли их в России. Да и в России экономизм был в том смысле, что боялись говорить о политике с рабочими. Экономизм объясняли не тому что они сами хотели чисто экономическую работу нести, а потому что боялись говорить о политике, ибо [русские] рабочие иногда не хотели, чтобы говорили против царя и против политических законов. Тогда, как у нас в Грузии такой боязни не было. Царь - то был не свой! А поэтому легче было у нас говорить о политике и политических вопросах. И потому это разделение, если и было, то оно имело такое небольшое значение, что не давало себя знать. И экономическую и политическую работу можно было вести совершенно свободно. Я, по крайней мере не помню ни одного случая, когда бы кто-нибудь нам с 902 года уже помешал вести экономическую или политическую работу.

Правда ли, что во втором году произошло ... от 902 до 903 года внутри руководства В Грузии?

В Грузии. Какое-нибудь изменение в руководстве и, особенно в настроении?

Да, изменения произошли, потому что были аресты. Только арестами и объясняется это. По имеющимся сведениям, такой внутренней борьбы я не замечал. Я признаю, что это было на базе арестов. Но то, на базе этих арестов появились руководства в то время с каким -нибудь другим настроением, чем было раньше, я об этом ничего не знаю! Может быть! может быть! Но это не было так резко. Но я, по крайней мере...

Ничего не замечали?

Ничего не замечал! Если - бы было, настолько это было слабо, что это не бросалось в глаза. Я помню только одно, что бушевала одна личность - это был Сталин. Он восстал против всех своих учителей, которые ввели его в это движение. Но я на это мало обращал внимания, и другие тоже. Тем более, что ему пришлось из Тифлиса выехать в Батум, и потом я его не видел до 904 года, так что это забыли. Тогда мы не считали его большой личностью и думали, что это большого значения не имеет, и никакого впечатления это на нас не производило. Но теперь, когда он стал «великим», то каждый его шаг стали увеличивать и раздувать, как огромное событие исторического значения. Тогда это не считалось историческим событием. По крайней мере не оставляло на нас такого впечатления, как это оставляло впоследствии, когда писали его биография. Вот в этом вопросе - современников к его шагам и его действиям и отношение последующих поколений совершенно отличаются друг от друга!

Я дам Вам гипотезу, т. о. это значит - я вам дам картину и скажите, что Вам эта картина дает? Как Вы на нее реагируете? У меня впечатление, что в течение этого года ... Какого года?

Значит лето и зима 902 года, начало 903 года, в связи с (14) этими арестами, которые произошли в 902 году, в связи, может быть, с влиянием горцев и в связи с созданием Закавказского Комитета появилось руководство, которое себя считало ленинским. Я включаю таких людей, как Филипп Махарадзе, как Цхакаия и других?
Верно.

Люди, которые доминировали в Закавказском Комитете в то время. Теперь, это, я думаю факт? Да?

Да! Факт, я был секретарем.

Вы были Секретарем?

Да!

Хорошо.

Меня взяли они Секретарем.

Что Вы можете мне сказать по поводу создания этого Закавказского Комитета? И особенно, мы теперь говорим по истории. Это было до...

Правильно, да, правильно! Вы хорошие вещи напомнили сейчас. Это было создание сверху организаций, чисто по - большевистскому принципу. И они меня тоже так взяли к себе, в качестве Секретаря, я у них работал, я у них писал прокламации, переводил прокламации, так как у них не было почти ни одного достаточно грамотного человека, интеллигентного, и помню, в даже почти всех их помню, - там был Бавариан, там был этот ...

Это очень важное. И поэтому, если вы сможете рассказывать все подробно о каждом человеке, Что Вы вспоминаете по поводу их? По поводу всех действий и проч., и проч.
Так. Важно, чтобы я перечислял Вам их всех?

Да, да.

Там был Цхакаия... (15)

Расскажите по поводу Цхакаия. До этого пункта. Я знаю Цхакаия позже, но расскажите до этого, какой он был человек?

Он был старый революционер.

Кто он по происхождению?

По происхождению? Крестьянин, а может дворянин, кто его знает ...

Откуда он?

Из Семинарии.

Также из Семинарии?

Все семинаристы. Он был с длинными волосами.

После Семинарии, он нигде не получал образования?

Нет, никуда не ходил!

А по происхождению кто он был? Сын крестьянина или сын дворянина?

Должно быть крестьянина из Мингрелии, вероятно духовного звания, потому что из духовного училища.

Кто еще был?

Потом был Бочоидзе, из бывших рабочих. Наиболее толковый из них, между прочим, этот Бочоидзе (он служил в магазине, служащий магазина) между прочим толковый и способный, но без теоретического образования, и писать, конечно, не мог. Не был писателем, но разбирался очень хорошо во всех политических вопросах.

После этого он стал большевиком - и он остался большевиком?

Остался большевиком, да!

Кто еще был? Он был рабочий, этот Бочоидзе?

Из рабочих. Потому что он впоследствии уже не работал, был (16) в одном магазине служащим. Потом стал большевиком. Потом завел своих приятелей и занялся экспроприациями и так далее - история большая. Потом Бавориан - он был из Персии. Это армянин из Персии. Бавориан - он был меньшевиком, это в последствии стал большевиком. Еще кого я из них помню? Потом был один русский рабочий - фамилии не помню. Он приехал из России, большевик отчаянный. Отчаянный! И был еще Аллилуев, это, кажется, он родственник отец первой жены Сталина Аллилуевой⁹⁷.

Да, да!

Он тоже такой был отчаянный, тоже был большевик. Он непременно хотел взять бомбы и бросать в казаков, когда шли забастовка. «Возьмем - говорит - бомбы и бросим в них и перебьем казаков». А что, разве могли они всех перебить! Я все это помню.

Кто он был?

Рабочий в мастерских. Вот это и все, весь комитет.

Тифлисский?

Да! Это Тифлисский Областной Комитет.

И Вы стали Секретарем?

Да. Меня взяли. Я писал им прокламации, переводил им прокламации. Там еще Зурабов работал, армянин. Но он плохо писал и не был настоящим писателем, но все же писать он мог. Он писал обыкновенно, длинные прокламации, он пишет пять страниц, так я делал из них три страницы, и он косо смотрел на меня. Приехал к нам как раз Жордания из провинции, он был выслан из Тбилиси и жил в

⁹⁷ Сергей Яковлевич Аллилуев был отцом второй жены Сталина.

[нрзб]. Зурабов жалуется ему тайком от меня - «смотри - говорит, - что он делает со мной, я ему столько написал, пять листов, а он дает мне три страницы». Прочел он [Жордания] и сказал - «о, он настоящий писатель, он лучше написал, оставь его в покое». И когда я пришел, он повторил мне это и говорит ему ска(17) зал, чтобы он дал тебе свободу, ты будешь переводить, как ты переводил до сих пор.

Можете Вы мне рассказать, как этот Комитет был создан?

Комитет создавался тогда по - большевистский. Отбирали по кооптации.

Я понимаю, но при каких условиях?

Кооптировали!

Я понимаю. Но все, что Вы можете вспомнить, как это происходило?

Каждый конкретный случай я не помню, но, видите ли, создавался Комитет сначала, в 903 году они создали на Съезде комитет первый. А впоследствии, если кто -нибудь выбывал, его заменяли кооптацией, то есть кооптировали вместо него других членов. И все. Я тоже был кооптирован, так как я на съезде не был, и выбран не был, но так как у них не было умеющего писать документы (?) то взяли Секретарем: И в сущности говоря, на мою голову легла вся работа!

Знаете ли Вы, как была организована эта первая конференция Закавказских Организаций? Где этот Комитет был организован?

Я не помню. Я не был на этой конференции. Я работал тогда в газетах все время. Знаю, что Ираклий Церетели присутствовал на этой конференции, знаю, что на ней Арчил Джапаридзе присутствовал, знаю, что Ис[идор] Рамишвили присутствовал, знаю, что Рамишвили Ной присутствовал - он из Батума приехал тогда.

И эти люди выбирала?

Вот, они и выбрали этот комитет, они создали его тогда. Но впоследствии была у нас кооптация Комитет пополнился новыми членами по кооптации.

Теперь я продолжаю свою картину: у меня также имеются вне(18) чатления, что после создания этого Областного Комитета были некоторые усилия перестроить городские организации. И что в течение перестройки этих городских организаций произошли конфликты? Что Вы можете мне сказать по этому поводу?

Ничего не могу сказать! Что были - это я знаю. На конференции я не был и знаю только со стороны, так как я все время сидел и работал в газетах. И это отнимало у меня все время. Я знаю только одно, что у этого Центра была централистическая тенденция, то есть создать организации сверху и назначать Комитеты. У наших рабочих была обратная тенденция - выбирать свои Комитеты и иметь контроль над своими комитетам. В конце концов взяло верх - это течение.

В 905 году?

Да, с годами да... шла бОльшая свобода, больше возможностей уже было.

Я понимаю, да. Но опять перемены произошли наоборот, произошли только в 905 году?

Да, точно я не могу передать, потому что это происходило, но борьба шла не очень острая, потому что мы все были знакомы между собой, все друг друга знали, все друг с другом договаривались - - это имеет огромное значение, и поэтому борьба не принимала острого характера, но недовольства были. Более подробно расскажет Вам об этом Эрадзе.

Он не рассказывал мне!

Он был одним из тех, который протестовал против этих назначенцев и назначенчества. Это я знаю! Среди рабочих передовых были как раз эти элементы. Я не вмешивался в эти вопросы, но я знаю (19) что у них создавалось анти интеллигентское настроение не потому что интеллигенты не могли бы быть выбраны, они были всегда назначаемы и привлекаемы к работе, а рабочие были избираемы всегда. А потому что они чувствовали, что они выбраны, значит они и хозяйева! А интеллигенты были назначаемы, они и говорили - «раз мы назначаем - значит они как гости, а мы хозяйева!»

Видите - какое настроение создавалось?

Да!

Но я все-таки не чувствовал, чтобы между интеллигенцией и рабочими были очень такие острые отношения. Хотя наиболее крайнюю позицию занимали - Эрадзе среди рабочих, а среди интеллигентов - некоторые из большевиков тоже считали так, что «Мы, интеллигенты понимаем, а рабочие не понимают, мы их учим, и они должны нас слушаться!» Видите ли, Идея - слушания! А слушание и непонимание - у них была уже тогда! Об этом даже писали и печатали в тогдашних брошюрах, чтобы рабочие нас не слушали. Это нарком писал в брошюре. Эта брошюра была у меня, но я сейчас не могу найти. На русской языке эта брошюра и там наш сано эти вещи, и очень интересно это.

Теперь, неправда ли, что в течение этих конфликтов, которые появились между некоторыми передовыми рабочими и этим новым центром. Во всяком случае, были моменты, когда рабочих обвиняли в экономизме.

Может быть! Может быть! Но я не слышал, чтобы наших рабочих обвиняли в экономизме.

Правда, это были единичные небольшие группы, которые не оставили после себя почти никаких следов но это не приняло общего характера и потому не стало, так сказать, осью движения. Это не стало! Я, по крайней мере, никогда не был задет этим движением, поэтому не могу сказать, что это было общее.

Так. Теперь я перескакиваю немножко вперед. Это значит, если можно так выразится, третья фаза. Значит, когда те условия, при которых партия - большинство взяло меньшевистское направление. Правда, что большинство из этого Закавказского Комитета поддержало Ленина?

Да!

После Второго Съезда поддерживал Ленина?

Да!

И большевики?

Да, большинства!

Что я хочу? Конечно, они также, ясно, что они очень подробно не знали характера этого конфликта. Я бы хотел узнать, до обратного приезда Жордания из заграницы в 905 году, какие конфликты замечались до его приезда по поводу этого вопроса большевизма и меньшевизма? Конфликты были, но они не были оформлены.

Что Вы можете мне рассказать по этому поводу?

Видите ли, я могу один анекдотический факт рассказать: Вот приехал из Центрального Комитета Глебов - из Центрального Комитета в Батуме, - я был тогда в Батуми. Вот рассказывает разные вещи - так, так и так. Я ему возражаю - *«Что Вы нам рассказываете? Нам нужна политическая борьба» - это, знаете, отражение* Я говорю: *«Да, всякая экономическая борьба, есть борьба политическая».*

Он говорит - Смотрит на меня так.

Я говорю - *Чему Вы удивляете(21) тесь, это я знаю из «Коммунистического манифеста»!*

«Вы совершенно правы - всякая экономическая борьба рабочих это - политическая борьба, как же иначе»?

Вот видите ли - так они делили, а у нас не делили. Меня это удивило. Вот видите, какие у них отношения! У нас той борьбы экономизма и политизма, которая была в России так резко совершенно не существовала. И мы просто сказали, как обыкновенно говорится, - раз рабочие ведут экономическую борьбу за увеличение своей заработной платы, значит за большее участие в национальных продуктах - это тоже политическая борьба! А что же?

Вот такие инциденты бывали, факт! И после вот этих разговоров, там был один больной, приехал к нам в Батуме лечиться, он сказал про меня, что я настоящий меньшевик! *«Ничего подобного, я тогда еще не был меньшевиком, ничего не знаю»* - ответил я. Я не знал еще и ни большевиков, ни меньшевиков еще не встречал, и с точки зрения. - Литературы к нам еще не поступало, ничего не знал. Это просто были разговоры.

Значит настроение у нас было уже определенно создано, на основании тех фактов и движений, которое у нас намечалось. Создавалось впечатление на основании фактов, имеющихся на месте, а вовсе не на основании тех споров, которые они вели в России. Так как мы сидели на краю, далеко от Центра, то к нам все доходило поздно.

А как произошло это выяснение позиций большевиков?

О, это уже когда приехали из заграницы в 905 году.

Жордания!

Это из Женевы привезли они эти споры, эти недоразумения, всякие вещи стали рассказывать, доклады и контр доклады.

Кто приехал, кроме Жордания?

Каменев, Жордания, жена Каменева, она была меньшевичка, а он большевик, так они спорили вместе. (22)

Они приехали куда? В Баку?

В Баку. Потом приехали еще в Грузию. Потом приезжая какой - то, фамилию я забыл сейчас, приезжал один русский еще, он был больной, он тоже был меньшевик. Потом приезжал один рабочий - это уже было в конце 904 в начале 905 г.г. уже приезжали все и давали нам сведения, и даже привозили нам газеты, а до того у нас [газет] не было. Но, когда мы прочтем, прямо никого не запомнить...когда они привезли ленинское - *«Шаг вперед, два назад»* все стали меньшевиками. Эту брошюру большевики дали прямо рабочим. Наши рабочие прочли, прочли другим и разъяснили - *«это нигде не годится! Эта роль не для нас, это значит хозяйева над нами»*. Вот и пошло. Комитета даже и не спрашивали, прочитали и заметили: *«Мы, говорят, - читали там то брошюру принесли к нам в Комитете и сказали - мы читали такую- то брошюру «Шаг вперед, два назад», это писал Ленин, мы больше с Лениным ничего общего не имеем. Он, - говорят, - хотя нам указывает и приказывает сверху, а мы не хотим! Мы - говорят - сами хотим решить свое дело, как мы решаем здесь»*. Вот как они решали всегда свои дела!

Что Вы можете мне рассказывать по поводу этой речи и контр-речи, значит, по поводу этой кампании 905 года. Когда Ленин...

Это когда он приехал в эшелоне, а видите ли, в сущности говоря, пока еще не приехал Жордания - приехал Каменев и нам предложил лишить Жордания жалованья. Мы ему посылали деньги за границу. Тбилисский Комитет решил его больше не посылать. Так он предложил нам в Батуме тоже не посылать. Не мы сказали, что если Тбилиси не пошлет, мы пошлем, и сказали (?) (23) тому, что *«у нас деньги есть. Значит сорок рублей будет получать от нас»*.

Он удивился: «Как же так?»

«Да вот то, что мы человека послали за границу, как же оставим его там голодать, мы должны послать деньги, и это Вас не касается. Это не касается его взглядов, у нас деньги есть, и это Вас не касается! Он говорит: Да как же так?»

«Да очень просто! Мы человека отправили за границу и будем оставлять его там голодать и умирать с голоду! Да, как же это возможно сделать, каким образом?». «Мы сейчас напишем Тбилисскому Комитету, чтобы они этого не сделали!» И-вее, и поступили по человечески. Он удивился нашему решению; «А как же, я говорю, что он другого взгляда, как социал - демократ, мы его будем морить с голоду?»

Вы можете сейчас вспомнить, если это до приезда Каменева было, до гапоновской демонстрации или после?

Думаю, что это...Каменев был у нас раньше! До гапоновской демонстрации. После Гапона уже все приехали. А тогда с Каменевым у нас был маленький кружок, и еще комитет один собирался, в ка[нрзб] у нас было двое или трое рабочих и с понедельника они там и сидели.

Это в Батуме?

В Батуме да! А один из них впоследствии стал большевиком, и другой, и я стали меньшевиками, а тогда мы еще ничего не знали. А насчет вопроса о Жордании мы решили единогласно. Так что мы в этом деле были ни большевики, ни меньшевики, а просто по-человечески так сделали.

Это был Каменев, который Вам привез «Шаг вперед, и два назад»? (24)

Да, он привез! Но это прибыло на пароходе, на котором он сам не привез. Он приехал сам на пароходе, и мы тащили оттуда, он же не мог перенести! У нас были там свои люди - береговые рабочие, так что это все нелегально сами принесли и перевезли все. Целую литературу!

А как он сам? Как сам Каменев постарался объяснить Вам?

Он постарался это сделать - сказал, что -он, Ной Жордания стал меньшевиком, изменником, значит, и так дальше, что ему больше помогать не следует.

Тогда это был первый шаг в Вашем личном опыте этот приезд Каменева и разговоры с ним...

Он был в Тифлисе, Каменев, так что он приехал туда, это ничего не значит! Но что он приехал в Батум и сразу стал нам говорить о таких вещах! Очевидно у него была заграничная практика и он не знал наших нравов и обычаев грузинских. Меня это удивило, что он нам предлагает сразу же не посылать денег, потому что он несколько иного мнения там. И в Комитете не нашлось ни одного голоса, который бы сказал: «А он заранее заручился решением вчера, пришел и заручился решением Тбилисской Комитета, который решил больше не посылать ему денег!» А мы сказали: «Если не хочешь дать, то мы пошлем все! У нас деньги есть».

Какой был следующий инцидент в этой истории?

С кем? с большевиками?

Значит в этом определении! Первый шаг - это приезд Каменева и целая история, которая произошла. И что произошло прямо после этого?

Нет! следующий был уже приезд Жордания. Я думаю так, приблизительно(25)зительно, потому что мелкие факты до сих пор вообще не проявлялись. Появился член ЦК Глебов. Я Вам говорил, что он мне стал говорить, что «Вы говорите, как меньшевик», а он сам не был им. Но это было просто так, случайное явление. А настоящее, так сказать, появление у нас меньшевизма, - совершилось тогда, когда приехал к нам Жордания. Он нам прочел несколько докладов, мы его хорошо прослушали, сказали, что мы еще раз Вас прослушаем - два раза. А потом я помню хорошо, я пошел к нему вечером, целый вечер провели вместе у Чхеладзе (!) дома, поговорили, потолковали и нашел я, что все правильно. На другой день я прихожу в Комитет и говорю: «Господа я вчера говорил с Жордания, мы сошлись совершенно, совершенно согласны между собой. И он совершенно прав. То, что он говорит, - это и есть настоящий социал - демократически взгляд, наиболее правильный».

Что именно он сказал?

Как казалось ему, так он и сказал!

Да, я понимаю. Но Вы можете описать общие черты его взглядов?

Общие черты были такие: он нам описал германскую социал - демократию. Он описал, как германская социал - демократия ведет свою работу и вела в своих рядах, когда они были еще не легальны и вели нелегальную работу. Когда они хотели массовую работу вести и в какой форме они это вели. Вот этому нужно подражать! Я сказал, что это очень хорошо! Германская социал-демократия может служить образцом для нас, и мы могли бы делать то же самое, чем мы хуже?

И что еще? немножко подробней, прошу Вас. Что он сказал - по поводу германской социал - демократии? (26)

Сказал о том, что когда они были нелегальные, то вели массовую работу. Они пользовались для этого разными журналами Союза, пользовались кооперативами, пользовались разными легальными обществами, и создавали целые кружки, воспитывая целые поколения из этих молодых рабочих, передовых рабочих. И в конце концов это разрослось к они получили легализацию и огромную партию сразу. Вот это нам понравилось, мы в таком же положении находились, и нас массы окружали и думали,

что, если мы создадим так, то у нас при легализации будет: огромная партия. Так что мы нашли что это как раз подходящее к нашим условиям.

И в чем он определил позицию большевиков?

Он это видел очень резко! Ленин хотел все строить сверху, то есть сам Ленин и старый Центральный Комитет. Центральный комитет будет ставить новые комитеты. Местные комитеты будут руководить местным движением. Эту необходимость может быть, объясняли тем, что нелегальное существование не разрешает другую форму. А на самом деле, он объяснил нам, исходит это от другой причины: Ленин хочет там господствовать и руководить - сверху - вниз.

Этот принцип является наиболее опасным, а не то, что в нелегальных условиях иногда приходится создавать комитеты, так сказать конструировать.

Если Вам не удастся выбирать, можете создавать комитеты и так, не считаясь с мнением и с настроением рабочей среды и старайтесь, главным образом, создавать из самых рабочих. А у нас так это и делалось. У нас практика уже была. В районах уже выбирали свои комитеты из рабочих. Районы выбирали Городской Комитет - не в центральный. А Городской Комитет приглашал интеллигентов членов Комитета и пропагандистов. Вот, простая была схема.

А в России было (27) иначе: Приходил какой-нибудь интеллигент, создавал Комитет. Потом он назначал местные Районные комитеты, и потом товарищи пропагандисты вели пропаганду! Они сами находили квартиры, собирали рабочих извели между ними пропаганду.

А у нас наоборот - никогда я ни одного кружка не собирал, никогда! Рабочие сами собирались и меня приглашали. Так что я был у них гостем. Я приходил заранее спрашивал, на какую тему они хотят, чтобы говорили, организатор сообщал - я не знал что они хотят об этом вопросе, я подготовлялся заранее, потом приходил и читал им по этому вопросу доклад. Они потом задавали вопросы, я им отвечал. Если они были довольны, то приглашали меня второй раз. Если были не довольны, уже не приглашали. Вот, когда они кем были не довольны, то и не приглашали больше! А кем были довольны, то приглашали.

Таким образом создавался кружок лиц, которыми рабочие были довольны, и которые уже систематически ходили в их кружки и работали с ними. Вот так было! Так что фактически больше, чем на половину хозяйничали уже сами рабочие. Это нам нравилось, потому что нас избавляли от лишней работы, от лишней беготни. А для них это было замечательно - сами были хозяевами, и по крайней мере - ощущение у них было, что они хозяева в своем деле. Вот, и это сохранилось у них навсегда. Это Вы могли заметить сами...

Да, да!

... что они чувствовали себя хозяевами своей партии. Вот это ощущение было, так как с самого начала было поставлено так и оно никогда почти не прекращалось, за исключением некоторого времени, когда наши большевики, вот я не говорил это, после 902 года, тоже захотели создавать комитеты сверху.

Еще вопрос: в тот момент, когда Жордания появился на сцене (28) я думаю, что это было, если я не ошибаюсь, в марте месяце 905 года, в марте или в апреле - что-нибудь такое - в рамках спора был вопрос также, кроме организационного вопроса. Стал ли вопрос о тактике революции? Уже в тот момент?

Да. Уже, уже. Вопросы организации и тактики.

Так, хорошо.

Да и вопросы тактики. Вопросы восстания, стояли вопросы.

Уже в тот момент?

Да, да. Потому что Ленин назвал его восстание, в этом отношении на выборы иногда...

Что Жордания сказал по этому поводу?

Об этом у нас была теория - о том, что восстание назначать нельзя, его определять нельзя. Восстание приходит. Вот, фраза была: «Восстание наступает!»! Но не «назначается», не по приказу! Само приходит!

Вот это.

А потому нужно быть готовыми. Но наше дело создавать организации, чтобы можно было бы руководить и взять в руки это в движение, когда оно наступит. Готовиться к этому. Вот эта была формулировка. А до этого много кричали, особенно некоторые большевики из старых опять - Что это значит? стихии подчиняться - и так дальше. Помните это? Споры были в таком роде... мы хотим руководить.... Вот мы и говорили - руководить стихией нельзя, а наоборот к стихии нужно приспособляться и тогда Вы можете ее направить в желаемом направлении, не то, что приказать стихии подчиняться и так дальше.

Помните это? Споры были в таком роде... мы хотели руководить ... вот мы и говорили - руководить стихией нельзя, наоборот, к стихии нужно приспособляться и тогда Вы можете ее направлять в желаемое русло, а не то, что приказать стихии - подчиняться Вашей воле.

В этих двух речах, которые он произносил у Вас в Батуме когда он приехал, и также в Вашем личном разговоре с ним, с Жордания?

Да все эти вопросы были обсуждены! (29)

Обсуждали?

Да, все, все... И вопросы восстания, и вопросы движения, и вопросы тактики, и даже вопросы политики. Эти вопросы широко обсуждались нами тогда. Все вопросы. У нас все вопросы

организационные стояли в порядке дня, потому, что выборные начала у нас проходили и без того. Об этом спорить было трудно.

Рабочие сами выбирали, даже нас не спрашивая. Так что этот вопрос выборного начала у нас проходил свободно. Нам нужно было только обсуждать другие вопросы - - вопросы восстания, вопросы революционного движения, вопросы руководства движения и так далее. Особенно вопросы политического руководства - у нас это широкое было движение - и крестьянское и рабочее движение, это происходило уже почти с 902 и 903 гг. ~~это движение разрешеое~~, распространилось почти по всей стране. И нужно было руководить и деревней, и городом. Всё - вся страна была охвачена движением и руководить всем этим было так трудно, и так много, это требовало сил и влияния.

Еще вопрос по этому пункту: до приезда Жордания были ли уже споры по поводу этого вопроса о восстании в организациях?

Конечно! Конечно были. Споры у нас были с самого начала. Приезд Жордания, собственно обгоняется тем, что после Гапона можно было приехать, после гапоновского движения можно было приехать. И он, в сущности говоря, только продолжал эту борьбу, и дал этому, так сказать, широкую основу. Я помню первый его доклад. Он даже не касался наших вопросов а рассказывал о том, как в Германии, в восьмидесятых годах эти вопросы обсуждались и как они их разрешали. Просто историческую справку дал отсюда и (30) делал заключения. А неужели нам не нужно подражать им? Вот все. Подумайте - «*Не стоит ли нам тоже!*»!.. Вот видите он был очень осторожен в этом отношении. Он приехал и нужно было сделать доклад, так он сделал доклад и дал новые исторические факты и другие вопросы. А потом, конечно, он решил это. Когда знакомился на месте... он уже стал отказываться.

До какой степени был в тот момент также важным вопрос возможности коалиция с либеральными элементами общества против самодержавия?

О коалиции вки почти опрос мало обсуждали. Нужно в этом сознаться. Больше занимались этим верхушки, чем самые массы. Массовое было движение и почта никого не оставалось вне нас. Если оставались некоторые, то могли дать нам очень мало. Может быть потому, что это маленькие народы - они не любят делиться на отдельные части. Чтобы друг друга не ослаблять - а может быть по другим причинам, но почти все движений стало под социал - демократическим знаменем.

Это объясняется двумя причинами еще: во-первых тем, что мы первые пришли к народу, и первые их вывели на это движение, на этот их путь; во-вторых, за нами шла вся сельская интеллигенция, так как когда мы пришли, они уже были все на нашей стороне. Знаю, что они еще не знали социал - демократические принципы, но были все на нашей стороне, не, знали, а сочувствовали нам, и потому в деревнях интеллигентные силы уже были на нашей стороне, работали на нашу пользу. Это делало движение всеобщим. Делало движение, так сказать, доступным для всех. Кроме того, крестьяне не любят делиться на части и фракции. Они любят быть вместе, Это среди рабочих еще можно было делиться, но среди крестьян это реже Бывает. Крестьяне должны (31) итти все гуртом. Если идет на движение, то идут все.

Теперь, это будет моим последним вопрос сегодня; Вы убедились, лично убедились! И кажется также и Ваши товарищи в Батумском Комитете убедились в правильности позиции Жордания. Более или менее, это не взяло много времени. После этого как произошла кампания между тех, которые сочувствовали большевикам, какие они сами были и меньшевиками, на другой стороне, как господствующие в партии в это время?!

Было то, что нам, меньшевикам, для этого особых усилия не приходилось делать - массы были с нами... с самого начала.

Вам нужно было передать о чем идет речь! Правда? передать массам!

Видите ли, все это движение шло не в одних комитетах, а шло довольно широко. У нас были организации довольно широко поставлены. В Батуме у нас было, можно тысяча человек, тысяча двести человек, даже организованных и эти все с членскими взносами, это уже много! Да там так тысяч пять - шесть рабочих и полторы тысячи организованных. Так что, когда мы только проводили вопрос в организаций - об этом на другой день знали уже все рабочие, ибо каждый рабочий считал своим долгом поставить в известность своего товарища. Следовательно, это движение принимало почти всеобщий характер. Вот этим и объясняется то, что у нас фракционная борьба, хотя иногда и принимала острую форму, но с самого начала большевики почти никогда не получали никакой серьезной поддержки среди рабочих, чтобы противодействовать и долго сопротивляться, ни в городе, ни в деревне. (32)

Хорош. Возьмем положение в Батуме. Если я Вас точно понял - весь комитет, без исключения, правда или нет? или только большинство комитета? Вот, если хотите, я расскажу о комитете все?

Да!

Когда приехал Жордания, весь комитет стал на его сторону. Но потом все - таки между нами произошли разногласия. Часть Комитета стала большевистской - несколько человек.

Кто такие?

Согорашвили, потом два пропагандиста, несколько человек стали тоже на их сторону, - не помню фамилий сейчас всех, - стали большевиками, но большинство комитета, особенно все рабочие остали[сь]. Один из рабочих - был русский - он тоже стал большевиком. Почти все которые были организаторами, тоже большевиками стали. И за ними еще ушли человек шесть или семь, так что их было человек десять - пятнадцать. Вся остальная масса была меньшевистской.

Но в эти первые моменты?

Это в первый же момент, в самый не первый момент организации, так сказать, подпали под влияние большевизма и меньшевизма идейного. Вот разделение произошло так: несколько так, - десятка два оказались большевиками, остальная масса вся пошла за нами.

Я понимаю. Вот что я хотел узнать точно: если эти споры тогда были приведены на более широкие собрания, где - же ораторы, поддерживающие обе позиции, высказывались?

Видите ли в чем дело: споры, прежде чем мы провели их через пропагандистов, были уже проведены самими рабочими между собой. У нас передовые (33) рабочие, которые ознакомились в этих передовых кружках с разногласия в партии, устраивали на заводах собрания, довольно свободные, между прочим. По окончании работ, тут же, на заводе, им же у ворот завода собирали всех рабочих и рассказывали им потом и о насущных вопросах политики, а рабочие готовы были слушать всех и таким образом создавалась массовая организация.

Но приглашали ли они на собрания представителей обеих партий?

Никого не приглашали! Только те, которые бывали на заводе. Там бывали и большевики и меньшевики, местные. Даже и нас - интеллигентов - наших пропагандистов не приглашали. Сами рабочие местные после работы собирались на заводе, тут же вели небольшую пропаганду, потом расходились по - домам. Так что, в сущности говоря, огромную работу провели в этом отношении сами передовые рабочие, и это движению массовый характер. Никакие интеллигенты этого сделать не могли.

Это конец первого добавочного интервью с г. Арсенидзе.

***Машинопись, чернило.
ЦИАГ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 23. Л.л. 11 -33***

Второе добавочное интервью с Господином Арсенидзе.

Сегодня я бы хотел начать наш разговор о революции 905 года с Вашей деятельностью, с Вашим мнением по поводу некоторых замечаний о революции 905 года, которые имеются в книге Ланге по современной истории Грузии, которая только что напечатана. Первый вопрос, который я хотел бы выяснить это- какая была реакция внутри грузинской социал - демократии и особенно внутри меньшевистской партии грузинской социал - демократии? Когда была издана августовская 905 года, так называемая, Булыгинская конституция, это значит этот проект СовеЩательной Думы.
Да, да. булыгинской Думы⁹⁸!

То, что меня интересует, это - было ли намерение участвовать в выборах этой Думы, или нет?

В это время я, кажется, сидел в тюрьме. То, что доходило до нас, до тюрьмы, - отношение было вполне отрицательное у всех. Просто отрицали. Это была СовеЩательная Дума, и никакого сочувствия не встречала ни у нас в тюрьме, а тем более у революционеров вне тюрьмы. Вот «Голос», который доходил до нас, до тюрьмы. Вот что я могу сказать по этому поводу. Это продолжалось недолго, потому что вскоре это было отменено, и был выпущен манифест.

Теперь следующий и этот тоже фактический пункта после того, как был издан в октябре Октябрьский манифест - тут в этой книге сказано, что Жордания, Рамшвили и другие руководители грузинских меньшевиков чувствовали, что теперь произошла существенная перемена, что больше нет Самодержавия, что Россия (35) теперь стала конституционной монархией и что рабочие теперь должны были перестать употреблять терроризм и вообще должны приспособляться к мирному участию, сочувствию и так далее в Конституционной Монархии. И, говорится [в книге], что наоборот, грузинские большевики, под руководством Сталина и других заявляли, что конечно рабочий класс должен продолжать свою борьбу для низвержения монархии и создания Учредительного Собрания. Вот ясная картина.

Немного утрировано, по моему, это сообщение. Большевики действительно стояли на такой точке зрения, что это ничего не значит, что нужно продолжать борьбу и готовиться опять к восстанию - у них без восстания революция не имела никакого смысла. У меньшевиков настроение было более сложное: Среди них намечались различные течения, различные мысли. Одни думали, что сейчас могут быть созданы многие легальные возможности и их нужно будет использовать и можно будет

⁹⁸ Булыгинская дума — проект Государственной думы Российской империи, созыв которой предусматривался законом от 19 августа 1905 года. Проект подготовил министр внутренних дел Александр Булыгин (отсюда и название думы). Дума должна была минимизировать революционные достижения, полученные в результате революции 1905—1907 годов в России. Согласно законопроекту, от выборов в Булыгинскую думу полностью устранялись рабочие и бедное крестьянство (на основании имущественного ценза), не допускались к участию в выборах также женщины, военнослужащие и учащаяся (студенческая) молодежь. Для крестьян устанавливались 4-х ступенчатые, для дворян и буржуазии — 2-ступенчатые выборы. Роль Думы сводилась фактически до статуса законосовещательного органа при царском правительстве. Проект Булыгинской думы вызвал общественное возмущение в обществе, особенно остро его критиковали социал-демократы. Октябрьская всеобщая политическая стачка 1905 года сорвала выборы и созыв Булыгинской думы.

использовать. Другие думали и подходили к вопросу с другой стороны: то, что дано нам, этого недостаточно, нужно продолжать борьбу для его улучшения и углубления. Были и такие, которые думали наполовину по - большевистский, что все-таки придется вести старые революционные методы на борьбу! Все эти настроения были среди меньшевиков.

Потом они оформились все в одну общую линию, все эти течения оформились в одну общую линию, так как все-таки произошли серьезные перемены, и к этим переменам надо приспособляться и приспособить свою тактику и политику, смотря по обстоятельствам, вот эта тактика, даже эластичность тактики всегда характеризовала меньшевиков. В этом отношении была принята определенная тактика эластичности. Она проявилась и на Бакинской конференции, (36) потом на резолюцию бакинской конференции и так далее. Это было уже впоследствии, в 1906 году. Но все равно это отражалось на это.

Теперь. Кто после издания Октябрьского манифеста стоял на самой революционной, на самой резкой позиции между меньшевиками? Какие лица?

Между меньшевиками - Рамишвили и Джапаридзе.

Ной Рамишвили и Арчил Джапаридзе?

Да.

Это было также в это время?

Да, это уже намечалось в этому времени. Таких резких фракционных выступлений среди меньшевиков в этой отношении не было. Намечались, как тенденция, внутри. Как вообще в Ваших группах и организациях намечаются некоторые течения мысли, вот так намечалось и у нас, ибо среди не было зурвалис (!) - внутренняя секция, которая была бы оформлена более или менее.

Если мы будем определять настроения Арчила Джапаридзе и Ноя Рамишвили в то время - значит в октябре - ноябре - декабре 1905 года - в чем эта позиция действительно отличалась от позиции большевиков?

Формулировать это очень трудно. Думаю, что это был больше вопрос настроения и вопрос кембеламент (?) ⁹⁹, если хотите, или можно сказать, оценки события вместе с тем. Видите, они думали, что эту революционную борьбу нужно все же усилить, нужно еще раз продолжать, что пока еще недостаточно дано то, чтобы мы могли перейти на другую тактику, на другую политику. Между тем, как другие, и между прочим и Ной Жордания вместе стояли на том и я (37) тоже стоял на том, что сейчас настало время стать на совершенно другую точку зрения, или нужно сопоставлять какие условия и обстоятельства в данное время. Это политика наша привела нас к тому что мы главное внимание скоро перенесли на избирательную кампанию, чем на чисто политическую, так сказать, чисто революционную, кампанию борьбы против, чисто агитационную кампанию. Сама государственная политическая кампания стала для нас более центральной фигурой, центральным пунктом нашей работы, чем политическая агитационная работа. Тогда и наметилось одно течение еще среди меньшевиков в России, что мы будем принимать участие в агитации, а в выборах не будем принимать, но у нас этого не было. Видите, это имеет корни именно в этих отношениях, эта перемена, иначе они не имели бы логики.

Я понимаю. Но я хочу постараться, это, конечно, очень трудно, - точно определить настроение и в какой момент. Мы сейчас разговариваем по поводу периода до репрессии московского восстания, значит, до января 1906 года. В этом периоде сами русские меньшевики также, как большевики не думают во время Петербургского Совета Рабочих Депутатов и так далее, что революция закончена. Можно ли сказать, что такие люди, как Рамишвили и как Джапаридзе отличались от большевиков в том, что они себе не представляли революционный процесс в той же самой форме, в том, что они не думали, - так мы разговаривали вчера, - что революцию возможно так технически организовать и так далее, и что это - более массовый процесс и так далее. Это они чувствовали?

Это они чувствовали. В этом отношении у нас разницы не было.

Поэтому это была разница между ними и... (38).

... между ними и большевиками разница была именно в этом основном подходе. Все они оценивали этот процесс несколько оптимистически, чем другие. Вот в этом вся их разница - между меньшевиками более оптимистическая и менее оптимистическая оценка происходящее событий.

Теперь еще вопрос. До какой степени они разделяли в то время точку зрения, скажем, Троцкого, Парвуса к даже в то время Мартынова по поводу перманентной [революции]?

Едва ли они имели об их представление, в то время. О них сведения к нам доходили, о них писали в журналах и газетах. Но у нас, в наших журналах и газетах подобные мысли не высказывались, так что у нас, в грузинской революционной газете и так дальше, мы выпускали газеты, но подобных идей, которые высказывали Троцкий и так дальше - о перманентной революции - не было! Об этом у нас не писалось. В нашей литературе этого течения троцкистского не было.

Я бы хотел узнать следующее: в то время до Вас, газета «Начало» доходила? Или нет?

Доходила, да.

С каким периодом? Вернее сколько времени проходило, чтобы газета из Петербурга дошла до Вас?

Это брало несколько дней.

⁹⁹ Возможно «embelement» - Украшение, декор.

Это значит сколько? Неделя?

Ну иногда шесть дней, пять дней.

И все они читали эту газету?

Читали, да... рассуждали.

Тогда возможно, что те концепции, идеи, которые там были (39) представлены...

Да, доходило к нам это, но поздно. Видите ли, у нас не столько обращали внимание на то, что писалось в русских газетах и московских, потому что они приходили к нам через неделю. А до того времени мы должны были дать ответы уже на все эти вопросы. Так что поневоле вопросы вырабатывались на месте, вырабатывались применительно к местным условиям, ко непременно и к условиям центральной власти. И потому у нас никогда не было ответа на то, что должна делать Москва, и что должен был делать Центр. А был ответ на то, что мы должны были делать здесь, на окраине. Как поступить, чтобы поддержать! Видите, вот наша позиция уже иная - поддержать то, что происходит в Центре! Отсюда разница в тактике, разница подхода к самому вопросу, разница в разрешении того же самого политического вопроса совершенная разница! Мы помогаем, а не решаем, потому что наше решение не могло быть, но бывало иногда, что мы принимали решение и посылали по телеграфу, чтобы сообщать, но об этом каждый раз не сообщалось. Если и сообщалось решение, то не знаешь... основание дашь и все это изложишь от начала до конца, что Вы там приняли и так дальше. Если примут, то Вам сообщать через неделю. Вот видите ли, так что положение наше, как находящегося на окраине, было таково, что мы на месте поддерживаем всю революционную энергию, держали все наготове, как говорится, и охраняли эту революцию с сильной тратой или понапрасну, чтобы быть готовым ко всяким случайностям. Вот задача ставилась совершенно иначе. Может быть они не были и формулированы так теоретически практически мы так и ставили вопрос.

Да, понятно. Теперь еще вопрос; Я думаю, что я знаю ответ (40) но я хочу знать точно Ваше мнение. После того, как Совет Рабочих депутатов был организован в Петербурге и, как Вы знаете, такие Советы были организованы также и в некоторых других городах, было ли предложение организовать такой Совет в Тифлисе, или вообще в Грузии?

Не помню, Может быть, вероятно был! Вероятно было предложение, может быть!

Но этого не было сделано?

Решались вопросы по местным условиям.

У Вас имеется мнение - почему не было?

Не знаю, может быть потому, что организации, которые были уже, выполняли все функции, управляли мы городом. Город был наш, Городское Самоуправление было в наших руках. Мы управляли городом. Все должны были создавать - организацию за организацией. Видите ли, когда нет нужды, организация не возникает! А у нас люди были более практичны в этом отношении. Нам не нужно было общероссийскую теорию создавать, а нужно нам практическую, все то, что нам необходимо сейчас, для того, чтобы поддержать революцию, чтобы держать народ в революционном настроении. А это можно было делать теми организациями, которые у нас были.

В какой форме тогда в это время, когда Вы действительно до конца декабря более или менее контролировали город, в какой форме Вы влияли на Городское Самоуправление?

Это трудно, я не могу ничего сказать! Но мы настолько влияли, что все наши указания выполнялись гласными, пока мы не из[ме]нили, пока мы не произвели новых выборов. Во-первых это были [лю] (41) ди, которых мы знали все, во вторых это была либеральная публика, в третьих они были убеждены, что наше влияние настолько широко, что мы их можем в один момент снять; если мы их не снимали, то это было потому, что они знали, что они находятся под контролем и все время работали, значит нужно так. Тут революционность была продиктована самой необходимостью действительностью, они не могли иначе поступить. И кроме того мы к ним послали людей и Жордания и Рамишвили и некоторых там людей, который вместе сотрудничали с ними по всем вопросам и совместно с ними решали эти вопросы. И когда они уже выносили решение, то значит, что наши шли согласны. Вы понимаете? Следовательно так все шло, чтобы конфликтов не было, не создавали бы потом споров между собой. Ни конфликтов, ни споров! Это самое лучшее. Это было самое лучшее для нас. И для них это было самое лучшее, потому что они боялись, что, если будет конфликт, то их стерут, снимут. А для них это было просто скандально, потому что начали бы производить выборы - то, другое; тоже касается революции, скажем человека либерального, который мог бы во всем нам подчиняться, для чего было его снимать?

Теперь мы уже обсудили точку зрения самых крайних внутри меньшевиков, такие, как Рамишвили и Джапаридзе. Что ожидают, какие перспективы имеют более умеренный элемент, как, скажем Вы и Жордания, по поводу будущего, по поводу тех перспектив, которые открываются в то время? Это значит до того, как революция была действительно подавлена. Это значит, что Вы предвидели? И какое поведение Вы думали более уместный в то время?

Я опять должен Вам заметить одно и то же. Все эти вопро(42)сы решались не у нас, а решались там. И потому у нас было одно стремление - помогать и поддерживать, и укреплять Центр! Вот. А какие у нас могли быть перспективы? Может быть в отдельных делах? Были совещания, мы обсуждали вопрос о том, - как укрепить наше положение в революции, посылали телеграммы, сообщения давали Центру и так дальше.

Но что Вы ожидали?

Мы ожидали, но что? Я не знаю, что мы могли получить. Мы может ожидали, что кое - что из того, что мы требуем, пройдет, а кое-что не пройдет! Но что пройдет, и что нет - мы не знали, потому что у нас не было истории, то есть не было прошлого, не на что нам было опираться! Все это было практика новая, это были новые факты, которые не имели никаких, так сказать, прецедентов!

Да, но во всяком случае у Вас были ожидания?

Да, во всяком случае, мы ждали, что... Вот у нас была такая практика - мы ждали и то, и другое. Какое может быть - и хорошее и плохое. Когда мы рассчитывали и обсуждали все эти вопросы - то не стоило было рассчитывать так, потому что может все кончиться плохо, а может кончиться все хорошо. Если кончится хорошо, - мы пойдем так и так! Если же кончится плохо - мы должны действовать так и так. Потому что вопрос решался не у нас, он решался в другом месте.

Это я прекрасно понимаю.

Да, и потому вот у нас решалось таким образом - ставился вопрос так и решался вопрос в таком духе: «*Это может кончиться хорошо, но может кончиться плохо!*» Мы были готовы и к тому и к другому.

[Нумерация страниц с № 43 переходит на № 73.]

(73) ...Шагайя и некоторые в этом вопросе как раз этот Шагайя был и оказался на левом фланге. Он никак не хотел ни с кем, ни к с чем примириться. В этом вопросе, в этот момент он занял самую крайнюю позицию, потому что он был в Москве и находился там в это время...

В это время, значит в 907 году?

В 908 году он уже находился в Москве. Он был делегирован туда. Может быть по тому, а может быть и по другим причинам, но он был уже с большевиками совсем. Но те, которые работали и сидели у нас в Грузии, они были примиренчески настроены, и, даже, многие из них сотрудничали с нами.

Какие лица, например?

С меньшевиками сотрудничали, например, Контарадзе могу вспомнить, Джугели тоже был большевиком, тогда сотрудничал с нам. Этот Немейшуге тоже сотрудничал с нами и некоторые другие, я всех мелких не помню. А среди рабочих сотрудничали почти все. Среди рабочих сотрудничество было более полное. В 906 и 907 г.г. Раскол произошел мало - по малу впоследствии. По мере того, как раскол происходил в России, у нас тоже выделялись эти группы, а особенно, когда к нам, у нас, когда развился комитет, тоже уже в 907 году был объединенный даже в 906-907 г, г., а потом, когда большевики ушли из Комитета, то мало - по малу еще и у рабочих тоже произошло такое отделение. Уже в 908 году сходились мало - помалу, так, медленным порядком.

Теперь, что касается этих двух течений внутри меньшевизма, которые Вы отметили, значит, во-первых, настоящие ликвидаторы? Каких лиц Вы считали настоящими ликвидаторами? (74)

Было несколько рабочих, вот вроде этого нашего Эрадзе, которые хотели тогда и готовы были партийные организации снять и работать в профессиональных и других легальных организациях, и этим ограничить нашу работу. Но большого влияния не имели, потому что эта легальная работа уже была запрещена и Правительством преследуема, как нелегальная. Так что, собственно говоря, как говорят, Правительство помогло.

Кто еще был кроме Эрадзе?

Я всех не помню сейчас! Из интеллигентов почти никого не было, почти никого.

А из рабочих?

Это скорее было рабочее течение у нас. Так и называлась она, - «Рабочая группа».

Называлась - «рабочая группа»?

«Рабочая группа», которая вела - руководила, так сказать, вот этим течением.

Как она была организована, эта рабочая группа?

Я не могу сказать. Не трудно, была группа, мы же не мешали, не ссорились, не спорили, думали, что, если она мягкая, то это легче и лучше. И вот это мягкое отношение, в конце концов, привело к тому, что она взялась везде лезть. Видите! Так что ввиду того, что это не представляло большой опасности, большой полемики и огромного шума из этого не поднимали, а так вели, конечно кампанию вели, спорили, когда встречались в организации, в клубах и так дальше. Но такой кампании, что их надо вон, но были и такие у нас, были такие настроения, что их нужно выгнать из партии и всех удалить и так далее. Мы говорили, (75) что чего же удалять? Они хотят в партию, а Вы их будете удалять? Будете, еще помогать - не стоит! Так их попросим замолчать! Наоборот поставить так, чтобы они хотят, не хотят - а поговорим потом об этом. Как это дело устроится и немного выяснится положение вещей не среди рабочих, среди рабочих партийной массы.

Наверное такие, как Радион Рамшвили?

Видите ли он тогда был, или у него бывали? Этот человек, я не знаю как его охарактеризовать в данное время, но бывали моменты, когда он проявлял самый большой оппортунизм, бывали моменты, когда он был самый непримиримый.

А в тот момент он был?

Трудно это мне сейчас все вспомнить!

Еще один вопрос...

... Не могу вспомнить. Личное его отношение не могу вспомнить потому что особого внимания не обращает, потому что не было такого резкого деления, и эти споры все были, как споры в одной родной стране, которые могли сегодня пойти в одном направлении, завтра иметь совершенно другой аспект.

Последний вопрос по поводу этой группы. Когда эта группа приблизительно создавалась? И когда эта группа перестала существовать?

Ничего не могу сказать - не помню. Не помню я сейчас, потому что я не следил за этой группой, и трудно...

Приблизительно? Начало создания Вы думаете более или менее в 906 или 907 г.г. было это группы?

Я думаю в 907 г. скорее всего, и кончилось ее существование(76)вание через два года, может быть, через три, я не знаю. Это приблизительно.

А теперь во всероссийских масштабах - значит в русской партии, или в русской части партии? Какие лица идентифицировали с этого течения?

Я многих не встречал, так что ничего нельзя сказать!

Лидеров Вы знаете всех?

Да знаю, но я хочу знать, что Вы думаете?

Я знаю то же самое, что и Вы.

Нет, Вы понимаете, что я ставлю этот вопрос, не как в шутку, а потому что... да.

Насчет ликвидаторства у меня были очень острые споры еще в Петрограде, я помню с Мартовым, с Даном и с другими. Но после долгого спора мы почти сошлись, что организация все же нужна...

Это было когда?

... и они с этим согласились. Я помню целую ночь сидели на квартире у этого товарища Гого¹⁰⁰, одного грузина, целую ночь спорили!

Это было когда?

Года я не помню, это было в 907 или 908 году. Спорили об этом очень долго. Обсуждали детально все эти вопросы, очень подробно. В конце - концов пришли к тому заключению, что все -таки надо организацию иметь. И, представьте себе, на другой день Мартов написал огромный фельетон, - который писала ночью; всегда все свои статьи он писал ночью, - и на другой день я вижу в газете все, что мы вчера обсуждали и спорили было изложено в таком виде что ни от одного слова отказаться нельзя; Он уже тогда суммировал все наши споры, и дал такую общую характеристику, что я ему заявил на другой день, что «я совершенно согласен со всем тем, что Вы написали».

Не думаете ли Вы, что этот разговор был позже? Когда Вы уже работали с фракцией Четвертой думы?

Да, тогда было, с фракцией работал, совершенно верно.

Это было уже в 913 году?

Да, вероятно.

Вы работали во фракции, Вы помните?

Да, я работал во фракции. Но эти годы я не помню. Идейно были связаны между собой.

Я сам знаю, когда Мартов был там, и когда не был там! И о чем шел этот спор?

Это шел спор о необходимости существования организации и потом о необходимости, опять -таки, революционной легальной и нелегальной работы фракции.

И что говорили по этому поводу?

Сказали то, что нашли необходимым и то и другое, конечно. Вот видите, мы общее заключение сделали, что все сформированные организации должны быть использованы, а также все формы борьбы. И Мартов никак не мог отказаться, что нужно все формы использовать. Конечно ему хотелось больше легальной работы, чем нелегальной. Но это - больше или меньше нельзя измерять, а так нашли, что в принципе согласились они, что нужно и ту и другую работу вести по мере сил и возможностей. Следовательно это зависит уже от обстоятельств места и времени, как его применять, а к этому уже придаться нельзя было. В Петербурге они больше старались за легализацию, а мы больше старались, т. к. у нас в (78) Тбилиси больше старались удерживать и укреплять нелегальную организацию, потому что легальные Профессиональные Союзы у нас были, и они не требовали особого ухаживания,

¹⁰⁰ Возможно Гогоу? Изд.

А те, с которыми не смогли согласиться, ну те русские меньшевики, с которыми Вы не смогли согласиться? Были, наверное такие?

Не помню. Об этом я не могу сказать.

Потресов?

Не могу, не могу вспомнить. Это же целые годы надо вспомнить. Споришь и в одном году, и в другом году, и в третьем, все всегда встречались. Сейчас эти годы не расположишь в таком порядке, в каком там тогда были. Так что трудно сейчас восстановить и дать в хронологическом порядке все эти вещи. То, что я говорю, то это я помню, ну как разговор, имеющий место между ими и мной. Также даты не помню, а помню просто, как разговоры.

Мы обсудили прошлое, это значит то положение, которое уже создано в 906 и 907 г.г.. Что касается отношения других руководителей грузинской партии. Ну, как Жордания, Рамишвили, Чхенкели. Приведем следующее: уже на Лондонском съезде, кажется, Вы сами не участвовали на нем? Или - да?

Нет. Ни на одном Съезде я не бывал.

Но на базе некоторых воспоминаний получается впечатление, что уже на Лондонском Съезде, значит еще до разгона Второй Думы, у Жордания было довольно отрицательное отношение, или, во всяком случае, двойственное отношение.

К чему?

К русским меньшевикам.

К русским? Это возможно! И у нас было двойственное от(79)ношение к русским меньшевикам.

Уже в то время? Как Вы это отношение объясняете?

Объясняем так, что они,.. Мы вели другую политику вообще с самого начала фактически. А это только про Ленина и про ту практику, которую мы вели. Больше ничего. А этот Ленин нам не дает никакого особого начала, только заявление, а также утверждение того, что мы делали на Кавказе, Мы поступали несколько иначе и работали несколько иначе, чем русские меньшевики. И понятно, что они оправдывали свои действия, близкие меньшевикам русским. Они не имели никаких организаций, кричали и думали о легальной организации. Мы имели и легальные и нелегальные организации и ни от одного не отказывались. Видите ли - вот как! Вот такая практика, как же могли с их критиковать (!)¹⁰¹? От этих принципов они должны были отказаться. Они были бы сильнее по нашему мнению. Но они были сильнее, вернее они оказались сейчас. Если же сейчас их спросить, почему они были слабые? То имели совершенно другие причины - будь они гениями - они все - таки были бы слабые! В России не могло быть никакого другого движения более сильного, чем большевизм. Большевизм более соответствовал историческому характеру этого народа и движения этого народа, чем меньшевизм, вовлеченный в европейский характер движения. Это полеозерский (!)¹⁰² характер движения. У нас в Грузии, наоборот - все европейское признается наиболее ценным и наиболее приемлемым. Вот поэтому у нас, ввиду приезжающих к нам из Европы социал - демократов, такое принималось. Когда это же говорили в России то: «Что нам Европа, у нас своя страна, мы свое должны делать!»

Да, а свое то было полуазиатское! И потому меньшевизм (80) не мог иметь такой силы, такого влияния, какое она имела у нас в Грузии. Меньшевизм, собственно, - европеизация России, а до сих по не произошло этого. Вот видите! Как же мы могли европеизировать сразу рабочее движение? То же самое и старое идет и отражается на нашем движении также, как и на всех, других явлениях русской жизни.

Хорошо. Теперь, как Вы знаете, после разгона Второй Думы происходят два отражения на новое положение. На одной стороне - этот разгон безусловно стимулирует тенденции большевиков - авантюристические тенденции, значит экспроприации и концепции и так далее. На другой стороне, в частности, как реакция против этих эксцессов также стимулируется внутри русского меньшевизма - это ликвидаторское течение.

Да.

После Пятого Съезда на этой базе получается разложение русской партии. Как вы - грузинские меньшевики, что вы можете мне рассказывать по поводу отношения грузинских меньшевиков к попыткам восстановить партию? Что делать и так далее? и так далее.. в этих очень трудных условиях?

Очень трудно об этом вспомнить сейчас, потому что у нас это было желание и тенденция вообще восстановить эту партию, и мы все члены с центрального Комитета, которые тогда работали, как Жордания работал, Рамишвили и д., были они из Центрального Комитета, им поручали это дело. Результат этого, когда они получали отчет и полемик никаких, И потому это не оставило никакого следа в моей памяти. Ничего не получилось. Все эти попытки очевидно имели отрицание и не положили на нашу работу и (81) на нашу жизнь никакого особого отпечатка, и потому это и не дало никаких результатов. Можно сказать, что все наши попытки, которые имели, как ценности к восстановлению всех этих старых традиций социал - демократии и так дальше, остались совершенно не осуществленными. Впоследствии Жордания это объяснял и сам у нас писал в газетах, что действительная разница, которая получается и уже основывается на исторических данных, что трудно это все так скоро и быстро повернуть и поставить на новые рельсы, которые хотели их поставить.

¹⁰¹ Так в тексте. Изд.

¹⁰² Так в тексте. Изд.

Теперь - было бы очень интересно, если бы Вы смогли мне дать, не только ваше личное, но если бы было это более общая оценка в то время некоторых лиц внутри русского меньшевизма. Я Вам замечу фамилии. Хорошо? Это значит, что как вы относились и что Вы думали по поводу данных лиц, именно, как политическими лицами, конечно, и так далее?

Я начну с Плеханова, потому что Плеханов тогда, как Вы знаете, постарался примирить партию на базе этого партийного меньшевизма. Он был против ликвидаторства и так далее? Что Вы думали о нем тогда?

Кавказские товарищи были в этом отношении с Плехановым.

Они были с ним?

Да. Мы считали, что его попытка достойно того, чтобы его поддержать. Что из этого ничего не вышло, это вопрос другое. Но, наше мнение было таково, что надо поддержать! Что он защищает партию, партийность стоит на правой позиции - правильной позиции.

И что вообще Вы думали?

Вообще Плеханов у нас пользовался очень большим авторитетом в этом отношении, и как теоретик и, даже, как тактик, как политик. Пользовался очень большим влиянием и большим авторитетом (82) во всем Закавказье, среди наших рабочих и наших организаций.

Вы считали его политиком...

Мы считали не только его все прошлое, но мы считали, что даже его настоящее, не смотря на некоторые ошибки, которые мы же и отмечали, и - все считали, что он один, все -таки, наилучший тактик.

В чем Вы чувствовали, что он ошибался? Вы сказали, что несмотря на некоторые его ошибки...

Видите ли, я одно могу сказать - когда он захотел и вдруг заявил, что между большевиков и меньшевиков особой разницы нет и можно их примирить. И Жордания тоже пошел за ними. Но ска- залось, что это практически совершенно невозможно. Единственное, что было - это. Вот это я и помню.

А когда Жордания пошел за ними? Как это?

Да. Он пошел за ними, а мы не пошли за ними. Он написал нам, сообщил это, что нужно объединиться, потому что мы родные братья, и мы должны, все - таки, быть вместе. Мы сказали, что братья это - да! Но эти братья нас с ножом в руках обнимают!

Это очень интересно. Когда это случилось?

Не помню, когда это было, год я не могу вспомнить. Я помню только одно, что Жордания был за границей тогда и писал нам оттуда.

Из Италии наверное?

За границу он выехал в 906 году, я не знаю, в 907 - 908 гг. был за границей и он вернулся к нам уже позже.

Вы думаете, что это было до 909 года? (83)

Вероятно до 909 г. После 909 году уже было бы труднее такие вопросы так подробно писать и читать и обсуждать.

И эта статья была опубликована?

Да! Нет, нет! Эта статья, которая у нас получилась, мы читали, я сам читал. Читали все в Центральном Комитете. И там есть статья - письма Жордания вообще, об этом писали, каждый день печатали. Но в газете напечатали другие письма, тоже такого содержания, по более... которое было можно легально написать, а это было только нам сообщено. И газеты хранили там, но вероятно пропало там, в архиве то я держал его, когда я был там. Это было бы очень хорошее, найти бы это письмо!

А Жордания ему сочувствовал?

Да!

Когда это могло быть?!

Вы думаете, что не могла ли это быть после 909 года, потому что было бы трудно до этого посылать такое письмо? Не могу сказать. Видите ли, если бы я это все записывал...

Я понимаю.

Совершенно невозможно сейчас восстановить годы, потому что у меня механической памяти нет. Я только вспоминаю факты, вспоминаю события, но не вспоминаю дату.

Это письмо он Вам послал после личной встречи с Плехановым?

Бог его знает. Я не был за границей. За границей сидели они, вероятно он встречался с Плехановым.

Но это не было, скажем, после Пленума 909 года?

После Пленума, до Пленума - об этом он не писал. Писал, что главное, а подробностей не писал. Он же не сообщая, что - вот я (84) поговорил с Плехановым и потому Вам пишу. Он писал, что я такого же мнения, как и Плеханов и так дальше. Писал, как статью. Понимаете - вот так.

И как он объяснил свою позицию к этому? Что это означало конкретно? Вы понимаете - будут две фазы в отношении Плеханова к этому вопросу. Первая фаза - это было действительно восстановить объединение на базе - на одной стороне наступление и конденсации (!) ликвидаторства: на другой стороне также объединение в экспроприациях и так далее. Во второй фазе, когда он был уже разочарован по поводу этих попыток, он часто думал - пусть мы этих большевиков выгоним и этих тоже выгнать!
Да, да он говорил это, выгнать из партий.

И то, что я бы хотел узнать, если возможно это то, что если содержание этого письма Жордания оказало эту первую тенденцию, эту первую фразу?

Да. Это первая тенденция была, а вторую я, по крайней мере, не помню. Первую тенденцию я помню. А вторую не помню. Вот он это написал, что ликвидаторов нужно выбросить, что этих нужно выбросить, потому что у нас же внутри этих течений не было. И нам об этом нечего было писать. Видите, я объясняю этим, иначе он бы нам написал, если бы у нас замечалось так, тенденция ликвидировать партийные организации и так далее. Он нам наоборот писал положительно, что нужно сохранить организацию и партию и так далее, это все, как у нас была традиция и так далее, это поразительные люди - без критики! Следовательно мы это приняли просто, как сообщение своего мнения и просто, (85) а мы сказали, что и мы такого же мнения и Слава Богу! Значит общее биение у нас, и мы будем продолжать работу! Вот в таком духе.

Теперь Аксельрод. В эти годы какое было Ваше мнение?

Аксельрод пользовался большим влиянием у нас, особенно, как тактик. Его тактическое положение у нас считалось наиболее ценным, и наиболее приемлемым, это верно. В газетах он очень мало писал. А то, что он писал - то было очень хорошо и ценное влияние он имел большое, и оно было известно всем. [Аксельрод] был известен в рабочей среде не менее, как имя Плеханова, и Мартова, и Дана. Но это было общее, так сказать.

А скажем такие концепции, которые он представил? «Рабочий Съезд?»

Вот у него была одна концепция - рабочая партия... Но мы этого принципа не одобряли, считали, что для нас это не подходит, у нас партия и без того имеется, огромная, широкая - у нас все же полторы тысячи членов - было в партии, тысяча двести! Что - же он нам может еще предлагать - еще из рабочих партию создать! Это для России может подойти, но в принципе мы ничего против не имели, чтобы выбрали. Было такое собрание, и устроили партию, так мы в начале и устраивали. Мы просто из этих рабочих собраний создали эти организации - группы - ячейки и так далее, а из них партию. А если бы в России сделали тоже самое, то и было бы хорошо. Сделали бы, так можно было создать Съезды. Некоторые у нас эти идеи съездов защищали, но больше для нас, чем для них. Вот я и был один из сторонников этого Аксельрода и сторонник этого (86) Съезда. Вот нас была целая группа.

Это рабочая группа?

Да. Рабочая группа. Это более подходило для нас. У нас и без того Съезда были широкие. Всегда на конференции имели большое представительство организации рабочих. Правда у нас превалировали деревни - это могло их немного шокировать, потому что в деревенских организациях больше было членов, чем в городских. Но это не мешало иметь общую линию и, все - таки поддерживать ту, которая была принята социал - демократией.

Мартов?

Так что в этом отношении жаловаться они не могли, что крестьянское влияние, как будто менее - от линии поведения партии этого не могло быть. У нас, по крайней мере, такой жалобы не замечалось. Я, по крайней мере, не слыхал такой жалобы, потому что рабоче - крестьянское движение очень было подчинено рабочему движению - очень сильно и рабочему влиянию, особенно рабочие, уезжающие в деревню, их принимали, как своих спасителей. Крестьяне с ними обращались как с толковыми людьми, с передовыми, которые им должны сказать, так сказать руководство, и дать и указать им пути, как им поступить для того, чтобы у них было единство. И потому у нас это движение, Вы знаете как это называлось? У нас это революционное движение крестьяне называли «Единое единство». Это не классовую борьбу называли - единство - то есть единство рабочих и крестьян, единство всех трудящихся! На это напирала. Центр внимание было обращен на то, что это единство наше - трудящихся. И в единстве нашем - есть наша сила! В единении! А что там нужно бороться, они считали, что их не так (87) много.

Теперь Мартов.

Мартов. Да, Мартов пользовался влиянием также, потому что все знали, что Мартов один из лидеров меньшевиков. Красиво писал, очень хороший писатель, один из лучших публицистов. Читали его с восторгом. Прочтешь, и всегда находишь огромное удовольствие, все в нем согласное! Он писал так хорошо! Мартов пользовался большим влиянием в этом отношении, больше чем Дан. Дана считали более сухим, а он был настоящим публицистом.

А были ли некоторые оговорки по поводу него?

Нет, я не слыхал, по крайней мере, по поводу его выступлений. Вообще такому человеку, как Мартов, даже, если и были ошибки - прощались. У нас на это так смотрели «у кого нет ошибок»? У нас

не было секционного отношения к этим людям, мы не смотрели на это, что у них ошибка, чтобы на этом укубить - в этом месте. И вот потому, что если кто не согласен с чем-нибудь, ну, значит, я провожу свою собственную мысль и все, свою оригинальность, и все кончено! У меня тоже свои собственные мысли имелись, я рассуждал, как я хотел.

Конец ленты «Г» (по-русски)

Машинопись, чернило.
ЦИАГ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 23. л.л. 34-87

Продолжение и конец 3-го добавочного интервью с Гоподином Арсенидзе.

Так как эта часть интервью не была зарегистрирована (!), потому сейчас она мною будет суммирована. Продолжая наши обсуждения по поводу отношений грузинских меньшевиков с разными лицами русского меньшевизма, я поставил г. Арсенидзе вопрос, как относились [грузинские меньшевики] к Потресову.

Ответ его был, что не смотря на разногласия с Потресовым в это время, относились к нему довольно положительно. Он объяснял это тем, что он был одним из старых лидеров партии, поэтому по отношению к нему имелось довольно положительное отношение, и это положительное отношение также отражало общую тенденцию грузинских меньшевиков, то есть относится к вопросам разногласия с фракционности с точки зрения.

Г. Арсенидзе также заметил, что безусловно, между грузинами, особенно в рабочей среде, были некоторые, которые считали себя сторонниками Портесова в эти годы, то есть в 907-914 г.г., что это не была причина суждения их, так как в те времена вообще замечались разные оттенки.

Тогда же я поставил ему вопрос также об отношению к Троцкому. На это г. Арсенидзе ответил, что Троцкий не был очень известным в Грузии, что, конечно, не поддерживали его позицию о перманентной революции, что вообще у него чувствовался больше такой индивидуальный стиль, нежели серьезное политическое течение. Арсенидзе не думал, что между грузинскими меньшевиками были люди, которые себя считали в эти годы троцкистами. Получали тогда «Венскую Правду» Троцкого и читали ее. Конечно, они чувствовали, что Троцкий был блестящий полемист, (89) но впечатление было такое, что он не принадлежит ни одной из групп, а представляет собой такое отдельное лицо.

Это был конец нашего разговора на эту тему.

И тогда-же я только начал с г. Арсенидзе разговор по поводу Думской фракции и отношения грузинских меньшевиков к разным думским фракциям русских меньшевиков. По этому вопросу опыт г. Арсенидзе сосредотачивается на Четвертой Государственной Думе, где он действительно работал в связи с Думской фракцией в 1914 году, и пока он только отметил, что работа Думской фракции прошло коллегиально, что из депутатов очень немногие смогли импровизировать сами свои речи и так далее, или даже сочинить их, так как многие из них были простые рабочие. И только Чхеидзе, действительно имел такие способности. Он также помнит. Что отношения с депутатом Покровским были довольно близкие, и что по поводу его имелось положительное впечатление, и он также заметил, что одно из лиц социалдемократических в то время около думской фракции производили очень положительное впечатление - это был Розанов, и что у этого Розанова всегда имелись очень широкие сведения, что он кооперировал очень хорошо с фракцией, и что вообще с ним было очень легко работать, и что получилось от коллаборации с ним очень положительные результаты.

Вот это пока все, что мы обсудили по поводу Четвертой Государственной Думы. Но мы вернемся к этой теме в нашем будущем разговоре с г. Арсенидзе.

Это конец третьего добавочного интервью с г. Арсенидзе.

Машинопись, чернило.
ЦИАГ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 23. л.л. 88-90

*

Четвертое добавочное интервью с господином Арсенидзе.

Мы начнем наш разговор с описания деятельной Социал - демократической фракции в Четвертой Думе, с которой он сам был лично связан с осени 914 года, до самого разгона Думы в 905 году. В конце 915 года. Я бы хотел начать с одного точного вопроса: когда я просматривал наши прежние разговоры, у Вас имеется такое замечание, что Вы приехали в Петербург из ссылки, я думаю, из Астрахани?

Да, в ссылке.

Что Вы приехали в Петербург после того, как Вы получили какое-то письмо, или инструкцию из закавказского Комитета.

Да.

Чтобы приехать и этим заниматься?

Да, да.

И также у Вас там замечено, что у Закавказского Комитета было такое чувство, что что - то не гладко в деятельности этой фракции в ее отношении к русским меньшевикам. Вы можете мне об этом немножко подробней рассказать, - а именно о том, по какому поводу действительно шла речь?

Насколько я помню, мой отъезд из Астрахани произошел непосредственно по указанию из Тбилиси. Товарищи указали, даже дали инструкцию написали подробно положения вещей в Петербурге, как им представляется и просили оказать содействие. Значит содействие в сущности говоря, нужно было оказать нашим депутатам, (97) которые были руководителями всего этого движения, но все - таки встречали некоторое непонимание и противодействие со стороны русских товарищей, особенно русских меньшевиков, т. к. большевики не участвовали в этом, их не принимали. И насколько их очень скоро отделяли, то они уже стараются иметь свою фракцию отдельно. Так что я очень немного времени помню, когда эти фракции русские без большевиков и меньшевиков были вместе. Это был небольшой период времени, а потом опять разделились и дали Четвертую Думу. Положение состояло в следующем: тогда русские меньшевики очень настаивали на легальной работе - это одно; и второе - они как-то были настроены, - сейчас я мог бы сказать, оппортунистически, или, точнее говоря, реформистски. Так что настроены были реформистски, и что можно сейчас уже заниматься положительными реформами, требовать у них отдельных реформ и добиваться, потому что есть шансы, что мы добьемся кое-каких улучшений в этом отношении. И что всю работу нужно сосредоточить на этой линии, особенно этой фракции, которая является легальной. Так как у них легальная работа, то они и должны на этой легальной линии сосредоточить все свое внимание. Я помню, особенно настаивал на этом Дан, когда я приехал еще туда! Об этом, я помню, были длинные споры.

С Мартовым? Нет? Не Мартов?!

Я имена забываю. Да, да с Мартовым. Да, это было очень серьезно.

Это было до войны еще!?

Да, но даже и во время войны, но кажется, до войны, трудно, этого я не могу сказать. Он жил тогда в Финляндии и приезжал оттуда. Видите ли, в чем дело теперь - Я был там до войны, когда я приехал туда. До войны еще. Когда войну объявили я был уже в Петрограде! И после этого я уже долго оставался там.

Тогда Вы работали с фракцией также и до войны?

Я работал до войны, и во время войны. Значит в том году я и приехал туда. И насколько помнится кажется раньше еще, но года я точно не помню. Я работал там довольно долго еще и до войны. Объявление войны - это было при мне. И последняя работа и вся история пошла дальше. И вот, когда арестовали - распустили Государственную Думу, меня тоже арестовали и выслали.

Это я знаю. Да.

Видите ли, высылка эта была связана, все эти дела были связаны между собой.

Но у меня было впечатление, что Вы были в Астрахани, когда была объявлена война?

Раньше был, да, а я выехал из Астрахани туда, провел все эту работу. Я долго прожил еще в Петрограде, прежде чем там арестовали меня.

Я понимаю.

Ведь в Астрахань я был выслан давно, рано еще в 913 г., в начале 914 года.

Да, да. А до этого Вы не были в Петербурге?

До этого нет. До Астрахани нет.

И когда была объявлена война? Вы были уже в Петербурге?

Да, я был уже в Петербурге. Я рано выехал из Астрахани. Так что это было в этом же году, насколько помнится сейчас. (93)

Но, во всяком случае, Вы не вспоминаете, что когда Вы получили эти инструкции из приказа - речь шла о чем?

Да, я приехал туда, и я узнал положение вещей. Я был в Грузии, учился у Чхеидзе. Я все сведения брал у него.

Что он вам рассказывал?

Он передавал, что вот, положение такое: русские социалисты, которые окружали, а также и некоторые русские товарищи, которые еще находились вокруг, те настаивали, если сказать по-новому, на чистой реформистской работе. Между тем, как у наших настроение было более боевое. Да и у Чхеидзе - то же самое. Иногда он же выступал очень резко, и его упрекали там во фракции потом, говорили, что «*Вы так резко выступаете в Государственной Думе*». В Государственной Думе он выступал иногда очень резко, и два раза даже хотели его суду предать на Стокгольмском съезде - за республику стали высказываться, «*нам, значит, нужен республиканский строй*»¹⁰³, это уже было, значит, против царя. А царь был жив. Это были уже лозунги, чисто, по существу революционные! А мы говорили, что нужно охранять. Так что тут было положение - исходное положение, о чем я и говорил Вам, что эти легальные возможности нужно охранять и оберегать.

¹⁰³ Возможно – «республиканский строй»? Изд.

А у Карла Семеновича, нашего, Чхеидзе, было настроение, что это нужно использовать со всеми возможностями, которые только у них имеются. Вот в этой плоскости и шли все споры.

Конкретно говоря, - что это значило? Использовать все возможности?

Это значит, использовать все, что можно говорить, доходя до пределов, так сказать, то есть до того, чтобы Вас не предали суду. (94) И он действительно доходил до того, что его два раза хотели предать суду, но отказались потом, потому что нашли, что это будет еще больший скандал. А то хотели его уже предать суду, два раза был поднят вопрос Правительства о предании суду депутата Чхеидзе. Это означало следующее, что государственную трибуну нужно использовать не только для, так называемой законодательной работы, но и для революционной работы, для пропаганды наших людей, потому что мы, как левая группа, когда мы будем еще законодательную работу вести - это неизвестно, поэтому мы должны, значит, вести пропагандистскую работу также, как и тогда вели. Почти все социал - демократические фракции и партии в Западной Европе, тоже вели такую чисто оппозиционную работу. А тем более это требовалось и это необходимо было в России, где, как выражались, сначала нужно выжить из русской жизни самодержавие, а потом будем говорить о других вещах. Видите, значит пока это не изжито все из русской жизни, значит, мы, говорит, никакого прогресса и нигде ничего не получим. Никакого прогресса в нашей жизни, в политической деятельности и так далее ничто не стоит прочно! И потому он всегда настаивал на том, что вот остальное все же дано, а вот осталось только вырвать с корнем самодержавный строй. Это, как лозунг, как основной лозунг и мотив всех речей, всех выступлений - все был один.

Это было также настроение и других?

Это было настроение большинства, особенно кавказских депутатов - грузинских депутатов. А из русских были рабочие из рабочей группы, были более или менее мягкие люди, просто рабочие, толковые, передовые, иногда делали очень хорошие выступления, когда мы им (95) писали, помогали и т. д. Но, политическую линию давали вот эти советники. Когда там бывали наши меньшевики, то они вот давали советы в этом чистом русском духе. И это вызывало конфликты, вызывало раздражение. Так что, когда мне предложили выехать из Астрахани туда для того, чтобы помочь нашим депутатам проводить эту боевую линию закавказскую. И в этом духе я их поддерживал. Значит я присутствовал на всех собраниях во фракции: в частных собраниях, конечно, я не (!) был, и во всей этой политической борьбе поддерживал их.

Кто обычно участвовал в этих частных собраниях? Кроме самих депутатов?

Когда бывали там все, то и участвовали все лидеры меньшевиков, когда бывали в Петрограде, Участвовали все.

Какие из этих русских советников были? Кто именно?

Я их помню. Они участвовали все почти, я всех помню, но только когда и в какое время я не могу сказать. Были там: я помню там и Дана, и Мартова, и Рязанова, который очень часто на частных собраниях присутствовал, потому что давали массу сведений; он был у них советником, осведомителем, давал им материалы невероятные! Он вообще с широким образованием, но с небольшим политическим тактом. Но, когда ему нужны были материалы, так я приходил к нему, он давал мне целую кипу книг, которые были отмечены на страницах о разных данных, говорил - «прочтите там - то, это там - то» и так далее и вот депутаты наши прочитывали эти места. И у нас уже были готовы представления о том, о том вопросе, предстоящем к слушанию. И они на основании всех этих данных заготавливали свои речи. Публика удивлялась - откуда они (96) так широко все знают?

Какие из этих русских больше всего поддерживали эту линию? эту мягкую линию?

Все поддерживали!

Все?

Представьте себе! Поддерживали все! Вот в этом все и была беда, что почти все поддерживали одинаковую эту, более мягкую, линию. И охрана Государственной Думы, защитники - почти все. С большими или меньшими нюансами, но поддерживали все! Тоже вот Рязанов - он был наполовину большевик, и тоже поддерживал.

Вы уже работали во фракции, когда перед Думой стоял этот вопрос о законе свободе коалиции? Или нет?

Не помню были ли с самого начала, или нет, но при обсуждении этих вопросов я тоже присутствовал - о свободе коалиции. В этом была очень серьезная борьба. Видите ли, тут подход к этому вопросу, насколько он мне сейчас вспоминается, был таков: конечно это необходимо, и нужно всем, но, когда одни говорили, что к этому нужно было подходить так, что вот это дается, значит это можно использовать, и все пойдет в порядке. Это была чисто реформистская линия, русские особенно настаивали на этом. Тогда наши говорят, что если мол нам это дадут, то нужно использовать, а ведь это еще не известно, это все нужно привести в порядок, это еще нужно так сделать, чтобы это все стало всеобщим явлением. Я помню, когда мы обсуждали этот вопрос, то мы говорили, что когда это положение вещей будет не где нибудь там в одном - что там свободу дали нам в этих вопросах, (97) а что это вообще будет свобода! Вот, тогда, значит, мы обеспечены. А так это - сегодня могут дать, а завтра могут взять! У нас нет прочной основы, пока этот строй существует. То, что нам дается, это будет завтра только осуществляться и проводиться в жизнь. Каждый день нужно будет его защищать когтями. Это сколько времени надо будет держать так?! Вот в этой плоскости шла борьба. Следовательно этот строй все - таки, - пока он существует - не надежная основа для всяких реформ. Вот положение вещей. А они

считают, что можно все - таки это реформировать, и как можно, по существу дела, устроить все. Вот такое положение вещей, поскольку оно мне сейчас представляется.

Также речь шла, - Вы помните, - особенно с большевиками, по поводу каких преступлений можно арестовывать забастовщиков и наказывать их? Это вопрос о наказаниях забастовщикам?

Точно детали я сейчас не помню, но наше положение в общем, было такое, как это было в социал - демократических принципах, потому что все - таки, большой принципиальной точности придерживались, чем законодательных отдельных мероприятий, для нас, раз забастовка должна быть узаконена. Забастовку, - если совершили преступление уголовного характера, - нельзя наказывать и все. Вот этот принцип проводился. Но, конечно, принятию закона нельзя было мешать, но это все - таки была пропаганда, что нужно именно так - такая свобода бесчисленная свобода - голосов.

И эту линию поддерживали грузинские депутаты?

Поддерживало большинство грузинских депутатов! И некоторые из русских тоже, но из лидеров почти никто, - некоторые рабочие и других партий поддерживали. А в конце концов наши (98) проводили. Они все - таки были руководители и стояли во главе. И все они проводили свою линию. В конце концов наши проводили, вот в этом и шла борьба. В этой борьбе и нужно было оказать некоторое содействие, так сказать, нашим депутатам, чтобы эта линия проводилась в конце концов, как линия фракции вообще. И в большинстве случаев, в огромном большинстве, это проходило. В конце концов и выступать было надо нашим депутатам, защищать кавказским депутатам - это им тоже приходилось, так что в этом отношении руководство задал Кавказ, как - то так невольно, без какого то соглашения, тайным соглашением, так сказать, это признавали все.

Ну теперь волна была объявлена. Поговорим по поводу этого. Какие были реакции и оценки по поводу наступающей войны?

Формально мы выступали против войны. Мы против войны, да! Когда началась война, мы стояли за войну без всякой аннексии и контрибуции, т. о. если война окажется другой, то следовательно, она потеряла бы весь смысл. Единственно это и было. А так, если сказать по душам, когда я иногда сидел у Николая Чхеидзе, мы обсуждали и говорили - хорошо, если война не страх, некрасиво - ничего не выйдет! Но так констатировали один факт, к сожалению, так и вышло. Понимаешь у меня сила - но страх на всю Россию. Мы никогда ничего не добьемся. Но позицию эту мы должны защищать, потому что в конце - концов результаты эти дадут нам плюс. Когда война встряхнет всю жизнь, а мы будем, что нужно в войну - совершенно снять - это даст, потому что тогда не принесет огромные жертвы, а мы [оставлено место для 2-3 слов] то есть мы должны использовать из этой войны, и то, что она может нам дать, стряхнуть все это, и то, что (99) использовать даже то зло, которое принесла война, для того, чтобы вообще войны не было, и руководителей этой войны, и зачинщиков этой войны - вот в этом отношении, что зачинщиков этой войны¹⁰⁴.

Вы помните эту знаменитую фразу Чхеидзе? Она у Вас даже написана : «Если в этой войне Россия не будет разбита, у нас не будет революции!».

Правильно!

Где он это сказал?

Вот это я сейчас же и повторил: «Если не встряхнуть всю Россию, - ничего у нас не выйдет».

Что, это было на частных совещаниях?

Да, нет! Это было в частных разговорах. Это так, лицом к лицу, - между собой. Или, как говорится, - «за чашкой чая». Там вообще говорится то, что лежит на душе. Но, как линию политическую мы вели уже определенную, которая могла бы привести к таким результатам, чтобы война, что война уже идет сама собой, встряхивает всю Россию, но чтобы война принесла результаты. Вот мы потому и обсуждали. А как нам держаться для того, чтобы война принесла именно те результаты, которые мы хотим от нее. В конце концов от этого зла чего нибудь, да нужно добиваться. Вот ставили вопрос так, и тогда говорили и высказывались, что ничего другого, Россию - это огромная страна, там пропаганда, да агитация - этим не возьмешь, а война встряхнет все, может быть! Будут жертвы, но будут и результаты.

Теперь, что Вы можете мне рассказать по поводу составления заявления думской фракции социал - демократической, которая (100) была...

Почти ничего не могу сказать. Вероятно много было споров, а все было деление. Я не заметил потом, потому что, в конце концов, эти вопросы решаются самой фракцией, а во фракции решался кавказскими депутатами. Так что выработали всю эту линию они сами, предложили, проверили. Были трения, но провели, в конце концов.

Кто были против?

Трудно сказать! Трения были второстепенного характера. Разве запомнишь? Сейчас я не могу вспомнить.

А Вы помните что-нибудь по поводу настроения русских меньшевиков по отношению к этому вопросу?

Русских большевиков?

¹⁰⁴ Так в тексте. Изд.

Меньшевики.

Меньшевиком - не помню их настроения. Но сейчас представляется так, что у них было больше все - таки к защите своей страны, что их привело потом к оборонческим позициям. Они думали, что все же лучше страну свою защищать, чтобы иметь там больше симпатии - в своей стране. Эта тенденция была, и все.

У кого, в особенности?

Почти у всех, более или менее. Но выражалось это очень ярко только у лидеров, у руководителей.

Теперь еще один вопрос. Вы знаете, что еще до войны Чхеидзе стал масоном?

Масоном? Я знаю, но больше ничего не знаю об этом. Я знаю, что вошел в эту масонскую лигу, куда ходили почти все (101) депутаты, но больше ничего не знаю.

Он с Вами этот вопрос никогда не обсуждал?

Нет, об этом не полагалось говорить. Я знал, что он в этой организации, это он уже у нас был. Депутаты были, правые депутаты были многие в этой организации тоже, октябристы тоже в этом были.

По каким причинам он пошел туда?

Эта организация чисто конспиративная, и они имели, очевидно свои цели, это фронт, направленный против Правительства, но которого в праве проявить вне свободно не могли, значит франгиливали в этой области. Оно давало настроение нашим, что если Вы уберете это самодержавие, то мы особенно против Вас не будем выступать. Это означало то, что разлагается правительственный аппарат, если хотите так - социально. Потому что люди, поддерживающие правительство, политически тогда, до, входили в эти организации уже, и таким образом, давали повод этим организациям - революционным, что снимайте их смелее, мы не против! Когда появилась эта организация, Чхеидзе сказал - значит погубило самодержавие! На кого оно будет опираться больше? Значит уже нет почвы совершенно, Я вижу Пуришкевича! Оставался один Пуришкевич! Была полная изоляция самодержавной власти, и, даже той общественности, на которую оно думала опираться.

Это более или менее все, что Вы мне смогли рассказать по поводу отношения к войне, к Думской фракции?

Отношение было отрицательное русское - все отрицательно относились. Война против войны! Лозунг был выставлен.

Теперь, Вы помните, что приехали эти западные социал демок(102)раты...

Да. Приехали западные социал - демократы, они обсуждали все вопросы. Их очень дружно все провожали. А встречали всех тоже очень хорошо. Вандервельде приезжал и другие вместе с ним, встречали они их с большой помпой. И никто все-таки публично ничего не хотел сказать такого, чтобы не было неприятностей. И вдруг выступил Чхеидзе и сказал ему, что на Кавказе более настроены боевым порядком, так что рассказал, что у нас не тот строй, который у Вас там в Западной Европе, а настоящий самодержавный строй. Вы требуете, чтобы этих людей поддержать? - Ни в коем случае! Вот! Мы можем поддержать Ваше положение, Вашу страну, Ваше стремления, но не через руки этих... Это немного и Вандервельде тоже... он смущен был, а наши товарищи, так прямо не знали, что делать! Я говорю, что он им сказал правду этим людям! Что же мы им будем скрывать? Это наши партийные товарищи, приехали к нам узнать. И Чхеидзе говорил то, что мы думаем у нас на Кавказе. Пускай знают! А они приехали, чтобы получить помощь и содержание, что бы помогли и Вы тоже. Мы оборонцы все тоже и защищаем. Ну я просто сказал: «Господа, мы, оборонцы, не можем через их руки. Вот если этого у нас не будет, тогда мы будем оборонцы, тогда мы посмотрим». Я еще не знал, что мы им дадим. Вот, когда этого зла, которое сидит на голове, не будет, тогда и поговорим. Тогда руки у нас будут открыты. А до тех пор? приблизительно такого содержания мы говорили речь.

Теперь последний вопрос по поводу этого. В 1905 году, уже Вы знаете, были организованы такие организации, как Земский Союз, как Военно - промышленные комитеты. И стоял этот вопрос (103) особенно по поводу организации рабочих групп в Военно - промышленном комитете... - участвовать, или не участвовать? И по этому вопросу происходили споры. Что Вы можете мне рассказать по поводу этого? И по поводу отношений грузин к этому делу?

Ничего не могу сказать. В 915 году я попал в тюрьму и попал в Сибирь. И поехал в Сибирь оттуда.

Тогда, я думаю, мы прямо можем подойти к 907 году?

Думаю, да, потому что 917 год я встретил уже в Сибири. В 905 году как раз меня выслали, арестовали еще раньше, а выслали, когда распустили Государственную Думу.

Хорошо, будем говорить по поводу 1917 года. Я знаю, более или менее, что Вы впервые приехали в Петербург...

Что же это же легальная вещь, это Вы можете все читать во всех газетах!

Минуточку. И потом уже в апреле Вы приехали в Тифлис?

Да.

Я также знаю, что у Вас был автомобильный аксидан, незадолго после этого. И что летом Вы пребывали не в Тифлисе. А потом вернулись обратно. Тот вопрос, который я бы хотел постараться выяснить, как можно лучше, яснее и точнее - это вопрос раздора

между Чхеидзе и Церетели с одной стороны, - которые стояли в то время в Петербурге, - и грузинских социал - демократов меньшевиков, которые были во главе с Жордания, и которые остались в Грузии? Как Вы знаете, эти разногласия уже выражались, когда Вы приехали, я думаю, в Тифлис?

Да.

Что Вы можете мне рассказать по поводу этих моих воп(104)росов?

Видите ли, до революции я был в Сибири...

Это я знаю.

И оттуда мы вернулись вместе с Церетели. Вы это знаете.

Да.

Когда я приехал в Грузию, я говорил, что Церетели стоит во главе революционного движения всего в России. Но он и Жордания были не одинакового мнения. Он высказывался и стоял за коалицию с буржуазными партиями и так далее. Жордания же сразу же заявил, что он за «Фронт».

Однородного Правительства!

Однородного Правительства. Первый отвечал, может быть, общероссийским настроениям; второй - более отвечал только нашим. У нас, меньшевиков, не было больше, как социал - демократов и все Правительство состояло всегда из его сторонников, у нас других людей не было; мы брали федералистов и из других партий мы набирали людей по одному по два человека для того, чтобы была коалиция, так как вообще еще не хотели разрыва. Нечего было!

Вы были уже в Тифлисе, когда этот вопрос был обсужден в Совете Рабочих Депутатов? И была составлена эта резолюция, которая Жорданием была послана телеграммой..

Да, об единогласии - об однородном Правительстве! Да. Помню. У нас больших возражений против него и против этого не было, не намечалось, во всяком случае, почти единогласно прошло. Как бы то ни было, а все рабочие, солдатские депутаты, все организации революционные, партийные организации - все стояли (105) на том, что это можно провести. Смотрели скорее на действительную установку Центра, впечатления им ли оттуда, и я этим объясняю, что они так единодушно и сразу это решили.

Я объясняю - почему это? Я должен Вам разъяснить этот вопрос.

Видите ли, когда приехали к нам впоследствии оттуда Церетели и Чхеидзе после положения в Петрограде, то у нас возник вопрос -у некоторых товарищей - то есть такое положение вопроса, что эти люди, значит, были против нашей политика, которую мы вели здесь, значит по мере того их нужно выделить! Исходя из этого, вот они и решили, что мы Церетели и Чхеидзе от Жордания не отделяем. И когда мы выставляли депутатов, то оставили, Жордания, Церетели, Чхеидзе вместе - тройку. Тройка возглавляла наш список!

Для Учредительного собрания? И когда?

Да. Учредительное собрание это.... Вот этим население показало, что эти разногласия для нас не играют существенной роли. И потому - население не скажет - кто за, кто против...все были -За! Все были, - может быть не все, - согласны с Церетели во многих вопросах, но как депутата, его непременно хотели, хотели непременно его, потому что он-один из лучших ораторов, и превосходный политик и, кроме того, это даже не вопрос, этот вопрос конченный, а по всем вопросам он будет с нами. У нас не искали разногласий, чтобы на них настаивать, а искали то, чтобы объединять и вести общую работу на месте. И пришли к тому, что впоследствии эти интернационалисты и Жордания, и Церетели, и Чхеидзе и другие работали вместе и совершенно одинаково на месте и работали очень много. Благодаря такому настроению рабочих и настроению всего населения. (106) Поэтому я в Совете Рабочих Депутатов Исполнительного Комитета участия не принимал Первого созыва.

А что Вы можете мне рассказать по поводу этой Второй конференции?

О Второй конференции мне сейчас трудно вспомнить, это все записано в газетах, все имеется в газетах! Боже мой, я сейчас я почти ничего не могу вспомнить. Помню я такие вещи и, которые представляли исключение. Был там на второй конференции такой случай - ведь я же имел тогда газету, и меня раскритиковали, а раз раскритиковали, я и ушел, рассердился и ушел с конференции- там на какой-то митинг, когда поставили вопрос о выборах в Центральный Комитет, хотели меня некоторые товарищи, в которые критиковали - вычеркнули. А конференция настаивала на том, чтобы меня выбрали без голосования. А потом вышло так, что меня и Жордания выбрали без голосования. Видите, вот такое настроение было у нашей публики. Так что говорить о том, что это было от фракционной группы - это просто! Я был на собрании, там меня раскритиковали, я ушел, воспользовались, что меня не было и хотели просто вычеркнуть. Так вот публика рассердилась- делегаты и говорили, что нет мы его будем выбивать и кто-то выставил, что будем выбирать его без голосования. Кто-то другой предложил выбрать меня и Жордания. Ну, хорошо, согласились на этот компромисс - давайте обоим! Вот так нас и выбрали. Я прихожу и говорю: «Вы выбрали? Я же сам убежал от этого!» Совершенно неожиданно для них это было. Также неожиданно, как если бы среди бела дня посадить в гроб - вот так. Видите, настроение у наше - грузинской публики совершенно иное, чем вооб(108)ще, Вы можете себе представить, у других. Просто они подумали, - «зачем человека обидели, его сейчас здесь нет, ушел, и кто-то критическое резкое слово произнес, а отчего? Давайте на защиту!» И все. Вот я так понимаю это! Вот этот инцидент я помню. А в остальном что же? Потом, когда после этого, мы собрались, то оказалось, что я и Жордания совершенно согласны между собой, и совершенно лояльны и можем работать дружно, как и работали.

Мы выработывали декларацию для Второй Государственной Думы и все такое. Работали мы вместе - я и Жордания.

Декларацию? Для чего?

Декларацию в Государственную Думу для выборов, это же было в 906 году. Это второй раз когда было! А после этого тоже мы выбирали в Государственную Думу. Выборы были для Государственной Думы, нужно было декларацию написать. Мы написали декларацию - я составил текст, принес Жордания, а потом исправили вместе, предложили. Он поехал, взял с собой в Россию. Там тоже внесли и это стала общей декларацией для всей России всё!

Видите, так что вот на другое день вся публика была совершенно лояльна и легальна и совершенно свободна также. Я еще раз подчеркиваю то отношение, какое было у нас и которое больше было похоже на соотношение от определенной группы людей, которые между собой могут и соглашаться и не соглашаться, а все - таки могут оставаться друзьями и не создавать из-за этого фракционность и различные недоразумения.

Так, хорошо! Теперь последний вопрос. Вы помните, что в сентябре месяце приблизительно, приехал Церетели.

Да! (109)

Это было еще до большевистского переворота?

Да.

Но, после Демократической конференции, где он и Жордания произносили и поддерживали.
Да, разные точки зрения!

Разные точки зрения. Было собрание в Тифлисе в тот момент? Было организовано собрание?

Да¹⁰⁵.

На котором выступали и Жордания и Церетели.

Я знаю, что Жордания сказал, но я не знаю - что [именно] Церетели ему отвечал, потому что этого не было в газете¹⁰⁶, Жордания объяснил свою позицию, почему нужно однородное Правительство приблизительно в следующем виде... А что ответил Церетели - Вы не знаете?

Нет.

Ну, так я Вам несколько вещей скажу!

Хорошо!

Церетели отвечал, но мне показалось, что, с его стороны даже было много преувеличения, - что они поступали в Петрограде так, как поступала Парижская Коммуна. Что они подражали, именно, имея в виду работу Парижской Коммуны, и вот это было во главе, так сказать, всей их деятельности. А потом приводил там целый ряд речей. Вот это мне запомнилось, потому что это было ...

Положительно!

Некоторые парадоксы! Не правда ли? Ну, это было очень характерно. Вот потому я и запомнил.

Что он имел в виду? (110)

И он доказывал, что именно потому - и потом он рассказывая о том, что он имел в виду, почему он имел в виду Парижскую Коммуну. Имел ввиду установить эту свободу, порядок, революционную работу, все то, что сами хотели бы делать. Она тоже потом аграрный вопрос разрешала, откладывала долго, она откладывала это до захвата всей Франции! И Церетели говорил, что и мы тоже откладывали, чтобы в законном порядке, нормально проводить и так далее. И вот также - некоторые налоги проводили.

Он не убедил своими лозунгами?

Да, тогда мы говорили, что Церетели - Девочки всерьез!¹⁰⁷

Что это значит?!

А то, что он умеет иногда оправдывать такие вещи и такими ...

Искусственно!

... такими аргументами, что прямо разводишь руками! Не знаешь, как отвечать? Хотя я никогда не был против Церетели. Между прочим, мы с ним с самого начала были друзьями, и я его всегда поддерживал.

Даже по этому вопросу?

¹⁰⁵ Собрание в рабочем клубе в Надзаладеви (район Тбилиси).

¹⁰⁶ Арсенидзе ошибается. Через день после выступления Церетели, в газете грузинских соц. - дем-ов, в газете «Эртоба» (№ 165, Воскресенье, 8 октября 1917 г. на груз. яз.) были опубликована основная, концептуальная часть выступления Церетели, как и замечания, высказанные по ходу его доклада, высказанные Ной Жордания и Акакий Чхенкели. И за важности мнений, высказанных как Церетели, так и Жордания, мы решили включить эту статью в данное издание. См. страницы 000 -000 данного тома - «Доклад Каки Церетели».

¹⁰⁷ Так в тексте. Изд.

Да. И по тем вопросам, с которыми я не был согласен, я все же его поддерживал. Поддерживал его, как - товарища и поддерживал его, как друга. И вот, когда он приехал из России к нам, и мы выбрали депутатов, в этом - пока намечали, то были товарищи, которые поддерживали - вычеркнул его, но тогда все было против него. Я просто пошел к этим товарищам. Зашел к ним в отдельную комнату, где они сидели и говорю: «Господа, что Вы с ума сошли?» Серьезно вот так и сказал - «Что, Вы с ума сошли? (111) Такого человека можно устранить? Как Вам не стыдно? Как Вы можете поставить такой вопрос? И потом, что Вы будете говорить грузинскому народу? Это же срам всем!» Они все согласились и видят, что это все так!

Я хочу вернуться к этому разногласию. Самое убедительное из аргументов Жордания было то, что без массы невозможно проводить Демократическую политику.
Конечно!

И что также руководители демократии, даже если не хотят проводить демократическую линию - не могут стоять, как арбитры, между буржуазией на одной стороне и массами - на другой стороне. И, в конце концов, конечно, выйдет так, что если мы будем проводить такую политику, тогда массы будут поддерживать большевиков. Это я говорю, более или менее, точно? Да?
Да!

На эти существенные аргументы: как и что возражал Церетели?

Видите ли, кажется настолько не была понята речь, которой они обменялись тогда, когда Церетели приехал в Грузию. Она встретилась, и один сказал «Салвешин», другой то - же! Эта полемика потом даже не продолжалась дальше.

Я понимаю. Но что выйдет?

И поэтому она не серьезна. Вот Вы хорошо помните, а я совершенно не помню! Была произнесена речь, и Вы читали последствия. На нас она произвела определенное впечатление, она оставила впечатление слишком временное, потому что наша тенденция (112) тогда не в том была, чтобы разбираться кто из них прав, кто виноват? А чтобы единство соблюсти. Я же говорю, что наше стремление всегда было - это искание единства, искание общности.

Но это было еще до [октябрьского] переворота?

Да, конечно, до переворота было. До переворота он приезжал к нам, и это было тогда. И именно, если это началось с самого начала после переворота у них началось единение, а у нас эта тенденция было всегда! Даже того лидера, которого мы, вернее с которым мы не соглашались, мы, в общем, не хотели отвергать. Лидеры иногда ссорились между собой, мы их гладили, старались сгладить и вообще говорили с ними. Ну и что же, бывают разногласия, потом мы опять - завтра или послезавтра - должны вместе вести общую борьбу. Следовательно, на это нельзя обращать особенного внимания и делать центром нашего движения, или в центре ставить такой вопрос, если бы не это положение у нас, то этого массового движения у нас в Грузии не было бы. Массовое движение требует именно такое отношение к делу.

Ну теперь у меня остается по поводу 917 года только один сторонний вопрос, это есть аграрный вопрос. Я читал по этому вопросу, я даже опять прочел наши разговоры. Если я могу суммировать аграрное положение в Грузии в 917 году, то я бы сказал, что это аграрное положение было более или менее мирным, кроме одной области - это в Карталини, где действительно произошли эти бунты, беспорядки и так далее. Я хотел бы узнать, была ли разница? как и чем она выражалась в условиях аграрного вопроса на психологию крестьянства и так далее, например, между (113) крестьянами Карталини и других мест Грузии?

Думаю, что причина этих выступлений, вернее разницы в аграрных вопросах, то есть в аграрном движении объясняется двумя причинами. Во-первых тем, что во всей восточной Грузии - в Карталинии, а в Западной Грузии по существу аграрный вопрос был разрешен, то есть землю то они еще не захватили, но имели на условиях аренды, на условиях - на каких хотели, на очень льготных условиях. И потому они были спокойны. Это одно. И во - вторых, в Западной Грузии было больше народного движения, больше было подготовленных людей для того, чтобы когда общественное движение стало во главе, и люди из революционного движения стали во главе общественности, они могли вести порядок. Но в Карталинии, к сожалению, этого не было. Там больше неграмотные люди, менее развитые.

Машинопись, чернило.
ЦИАГ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 23. л.л. 90-113

Другая сторона ленты.

Продолжение и конец четвертого добавочного интервью с г. Арсенидзе.

Мы теперь заканчиваем наше обсуждение об аграрном положении в Грузии в 917 г. и особенно положение в Карталинии. Вы можете это описать?

Положение в Карталинии, именно, отличалось этими двумя особенностями: во -первых, там были крупные землевладельцы, и [во - вторых] были неграмотные крестьяне

Эти крупные землевладельцы были грузины?

Да, грузины. Кроме того, среди крестьян были много осетин, которые сами были землевладельцами, на своих землях. И та(114)ким образом они лишили земли грузинских крестьян, лишили возможности пользоваться землей. Думали они, может быть устроить какие-нибудь противоречия, но на самом деле эти осетины оказались наиболее бунтующими. продали их потом.

Они работали, как аграрные рабочие?

Они работали не как рабочие, а как арендаторы. И назывались они - или постоянными арендаторами, или вечными арендаторами, или просто были арендаторы бессрочные и так дальше. Они приехали из горных мест и получили хорошую землю, так и засели там. Но, когда пришла эта пора, то они оказались бунтующими больше всех. Может быть для того, чтобы показать, что они вместе с крестьянами, а не с дворянами, которые их привезли, Может быть. Но факт тот, что в это время, единственное время, где произошли убийства землевладельцев и разные беспорядки, и во всех этих убийствах всегда участвовали, в той или иной степени всегда участвовали эти осетинские переселенцы.

И большевики там действовали?

Большевики особенного влияния не имели. Большевики не могли иметь влияние. Тут было просто невежество этих людей. Простое невежество; я помню, когда они истребили одну семью, дворянскую семью, целиком которая была социал - демократической, Мачабели - истребили, целиком была социал демократическая. Когда мы это сказали... но они говорили: «У него же было много земли!» Ну вот - нашли, что много было земли, потому и истребили до последнего ребенка. Говорят, «чтобы ребята потом от нас земли не потребовали!»

Посмотрите, у них в mentalité, как у этих людей, (115) было, что ребята останутся, а потом они могут отобрать у нас обратно землю. И потому и ребят уничтожили. И это же была такая дикость! И возможно это только в таком месте, где действительно движение началось в эту эпоху и был это взрыв - бунт, какие взрывы бывали только в России, вот и у нас были такие в Карталинии. Во всех других местах у нас эти взрывы не могли быть, потому что были более или менее организованные группы социал - демократов или других партий, или просто демократические, так называемые организации, просто демократические, организованные передовые люди, толковые, которые руководили этим общественным стихийным процессом и захвата земли и всем этим движением и потому воды лились в нормальное русло, для чего убивать и проливать лишнюю кровь, когда можно получить без этого. Это стремление особенно замечалось во всех уголках, Кроме вот этого в Карталинии. Для чего, зачем, у нас убить человека со всеми его родственниками и близкими потом, значит, быть во вражде. Это еще сохранились старые обычаи - месть. Чтобы этого избежать - нужно вообще избежать крови, и вот так и делали. И потому принимали меры к тому, чтобы аграрное движение тоже проходило бы без кровопролития. Так у нас и проходило оно.

Как были организованы более прогрессивные районы?

В хороших руках, в хороших районах очень, очень просто были организованы. У каждой деревне десять семей составляли одну группу и имели одного представителя. Эти десятские выбирали сотских. Значит из десяти групп одного человека, которые возглавляли село, представители сел выбирали представителей обществ - сельское общество состоит из нескольких деревень. А представители этих обществ выбирали представителя целого уезда. Это были демок(116)ратические организации.

Но под контролем партии?

Просто организация почти всего населения. Можно сказать, что все население входило в организационные рамки. Каждый десятичный имел своего представителя, так называемого - соцкого и так далее И не знали кто выше. Конспирация соблюдалась.

А во время революции в 917 году?

До революции это все было так. Во время революции эта организации могла выйти наружу и сразу дать свои результаты, что вот мы руководили, значит, так и давайте работать теперь легально и ясно, откровенно и открыто! И эти люди стали во главе общественного движения, и они оказались наиболее активными в деревне и известными всем, как активные люди, как толковые люди, как способные люди и, естественно, попали в доверие и стали во главе всего крестьянского движения и организовали их и дали им другую форму. Везде, где это у далось, значит, никакого кровопролития, никаких убийств, никаких эксцессов на было. Единственно было только в некоторых уголках Карталинии, но не везде в Карталинии. Именно в этом уголке, это в Схинатском (?) района произошли все эти несчастные события. И что это было стихийно, это можно понять из того, что наиболее пострадала несчастная социалдемократическая семья дворян. Совершенно случайно, потому что они жили там.

Ну, а скажем, в более самых развитых районах, например в Гурии - эти демократические организации в 907 году - это были они, которые разрешали такие вопросы, как новые аренды земли? (117)

Да, Но это не в 917 году, а раньше было так. Это с 902 года уже завелся этот порядок, и эти организации уже работали и действовали почти все время. Даже во время реакции работали; меньше

работали во время реакции уже. Во время спокойного положения работали больше и лучше. Никогда не приглашали... А в 917 году они уже вышли наружу и было все исправно.

Это я все понимаю. Но это были те, которые судили и разрешили вопрос, скажем, какая аренда, на каком уровне?

Да, это разрешали крестьяне сами. Представьте себе, что партия, как таковая, в это не вмешивалась. И вообще мы думали, что партии в это дело вмешиваться не надо. Крестьяне сами этот вопрос должны решить. Конечно партийные люди сидели в этих организациях едва ли? Выступали сами крестьяне, ну не совсем крестьяне - выступал миссионер от партии и давал ему указания от партии, говорил, что вот дорогие соседи нам так и так надо - это лучше. Кого слушали, того и принимали, И одинаковы были там, одинаковыми правами пользовались - и партийные и непартийные.

Я понимаю, но мне еще очень конкретно не ясно : вот как- скажем, в 917 году в Гурии эти минимальные агенты были...

Это по местному были фиксированы, по местным условиям, смотря по качеству земли, по нуждам в земле, которые были на местах. Но она доходила до одной восьмой...

Урожай?

Да. А потом перешли на денежную систему, т. о. денежную плату определили. Это крестьяне захотели, это для них лучше, (118) чтобы не было спора при разделе. Видите ли, раздел происходил осенью, конечно. Иногда представитель этого землевладельца не приходил, нужно было его ждать целый день. А з это время каждый день стоит, как целый год. Вот потому крестьяне и жаловались на это. И решили, что расчет нужно перенести лучше на денежную плату. Так и сделали денежную оплату, и это было нормально.

Это было сделано в 917 году?

Уже да! В 917 году. Но мы далее старались до этого, но уже в 917 году стало это общим. Платить определенную сумму и этим определяется и кончается всякое отношение между арендаторами и землевладельцем. Это было легче и все проще. И положение ясное, и сборов никаких нет.

Но в этом деле эти демократические организации, особенно эти десяцкие, о которых Вы мне говорили, которые разрешили эти вопросы, то есть в 917 году в этом деле играли наиважнейшую роль демократические организации, эти десяцкие - да?

Да. Десяцкие, соцкие, которые были выбраны крестьянами.

Разрешали этот порядок работы?

Да, они разрешали. Да они собирались. Даже в уездном масштабе, или в масштабе районов, или же на месте решали, и никто им не мешал. В этом отношении, так сказать, установлено правил точных не было, но если разрешали на месте вместе со своим землевладельцев, то никто его больше не трогал. Видите, они могли сами сговориться просто. И в другом месте то же самое было. Но если, где были лучшие условия, так он говорил - вон там лучшие условия - такие -то и такие, и лучшие условия, потому что (119) там дают землю и это проходит очень быстро. И когда эти договора заключались с отдельными лицами, то лучший договор получал распространение сразу для всех, раз превалирует сила крестьян. Если превалировала сила дворян, то этот договор был худшим и ни для кого нежелательным, и наоборот выгодные для крестьян - становились общими - приемлемыми для всех. И потому особых споров не было. Да и дворяне бы ли в таком положение, что они, в сущности говоря, соглашались на все. Находили, что это все - таки приходит все к народу, а не уходит на сторону, никто другой не увозит это наше добро, а уносят - получают все наши же соседи. Значит и они очень довольные были, очень покладистые, потому что это было им моральное удовлетворение.

Ну вот. Это я думаю все, что я хотел сегодня обсудить. (120)

Это конец четвертого добавочного интервью с г. Арсенидзе.

*Машинопись, чернило.
ЦИАГ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 23. л.л. 113 -120.*

ИНТЕРВЬЮ № 5 - добавочное, с г. Арсенидзе.

Мы сегодня обсуждаем вопрос законности во время независимости Грузии и деятельность г. Арсенидзе, как министра Юстиции. Тут стоит, конечно, вопрос, какую законность нужно оформить в этих особых условиях. Я Вас слушаю г. Арсенидзе.

Тут нужно принять во внимание две вещи: во-первых, что вообще, - в революции, в революции эта законность, прежде всего, отменяется и начинается, так сказать, положение или работа без всяких законов. Просто по соображениям разума, благоразумия человеческого, как они могут понять. Также было и у нас. Еще до независимости революционное движение привело к тому, что старые законы отошли, новых не было. Правда они установили, что все эти законы остались, в силе, поскольку они не отменены, но это положение осталось на бумаге, ибо никто не хотел этих старых законов признавать, и

никто на основании этих старых законов ни судить, ни рядить -ничего не может! Следовательно приходилось заново устанавливать, как - тогда говорили, «*революционный порядок*», или, так сказать, революционную юриспруденцию.

Это была ведь трудная, потому что такой революционной юриспруденции не существует. Юриспруденция это - консервативная вещь. Она устанавливает определенный порядок и поддерживает этот порядок. Но, когда порядок меняется, и юриспруденция ломается. В сущности говоря революция состоит в том, что меняются все юридические нормы и начинают устанавливаться новые - вот в этом все и состоит, собственно говоря, юридический аспект революции. И говорить о том, что какой там был у нас по(121)рядок. Это нужно сказать - какой был у нас общественный порядок, или общественное настроение. В этом отношении нужно сказать, что у нас было гораздо лучше, чем во всех других районах. в других странах, да и вообще во всей России. У нашего народа, очевидно, сохранились некоторые ощущения необходимости определенного порядка. Все - таки некоторые нормы порядке они соблюдали. Считали, что, может быть, это было вызвано и другими причинами, не только, так сказать, психологическим настроением нашего населения, но и тем, что у них Правительство было близко, и они могли к нам обращаться. И бывали случаи, что они в каких-нибудь конфликтах, недоразумений непосредственно по телефону просто звонили в министерство, что то - то и то - то происходит, что нам делать? И как быть? Как в таких случаях Вы нам укажите? И всегда порядок наводился, так сказать, практически - помощь изо дня в день.

Не имея никаких законов, никто этих старых законов не признавал, но соблюдал, а новых не было. Но порядок соблюдался просто по человечески. Это, если сказать, точнее по культурности населения этого и пониманию государственной жизни и общественной жизни, в этом отношении я должен сказать, что наше население, наши рабочие выдержали экзамен. Держали они все в порядке. Стремилась, по крайней мере, чтобы и разрушать, не портить, не ломать, охраняли все, как государственное имущество сами. Рабочее депо охраняют еще с положением в депо, чтобы никто ничего не растаскивал, потому что не было уже никакого масла и пр. В мастерских тоже самое. Эта самая дисциплина в некоторой степени спасла имущественное положение государства. Общественное (122) добра не было у нас растаскано к расхищено, сохранилось.

Я Вам расскажу одну очень курьезную вещь: когда к нам приехали англичане американцы и так дальше из Баку, через Баку они приехали к нам, это было уже в восьмом или в девятом году. Они хотели пере- отправиться (!). Приехали в каких то своих разорванных, разодранных вагонах, все было оборвано. Все было загрязнено, и они жаловались: «Вот в каких вагонах мы живем!» Случайно мы позвонили на завод нашим рабочим - нет ли, не найдется ли для них каких подходящих вагонов? - Как же! найдется! Вывели они целый состав, целы состав!! в том же состоянии, как он был до революции. Состав, которым оказывается пользовалась царская семья и другие. Наши рабочие сохранили на запасном пути этот состав л никогда никого не пускали, чтобы не портили, потому что богато убрano. Вот видите, чтобы нкто не разобрал, чтобы не растащили. Подвели состав делегатам английским... они пришли в ужас, что видят целые вагоны первый раз, как же рабочие не разворовали их? Вот этот, значит, общественный инстинкт - сохранение общественного добра - спас это имущество. Это характерно для настроения. И потому нам легко было, даже не имея законов, иметь порядок; Вот юридическое положение было какво! Это, значит, в смысле общественном. Основа была правильная. Нам ничего не мешало, более или менее, нормально вести работу... в юридической области.

Были другие трудности. Вот, именно, среди наших депутатов, среди наших руководителей. Это революционное настроение создавало обратное течение, они все махнули рукой - эти законы надоели. Вот эти законы надоели, вы нам всегда навязывали какие-то правила. нормы... А нам завтра, что нужно, после завтра и так да(123)лее. И приходилось вести борьбу за законность и за пропаганду не с рабочими массами столько, сколько с некоторыми из тех же руководителей, из высших кругов, которые, так сказать, этим революционным духом заразились и хотели уже все вести революционным порядком. Между тем в революции нужен порядок. Вот, вся работа, так сказать, в Министерстве Юстиции шла в этом направлении. Первые годы я был просто депутатом, представителем фракции, руководил социал демократической фракцией - это была большая работа, но вел эту линию и тогда, требовал от них, чтобы это проводилось в жизнь. Но, когда меня пригласили на эту юридическую функцию, я Ною Жордания первый вопрос так и поставил - «я прихожу в Министерство для того, чтобы приводить и вести всё в норму, ввести все нормы и ввести некоторый порядок в общественной жизни. Этот порядок должен быть регулирован. И при регулировании должно быть выполняемо всеми. Если этого не будет, я ни одного дня не останусь».

Он сказал: «Я для этого и пригласил тебя! Это нужно ввести». Ну хорошо, тогда я дал согласие, что завтра приду.

Я, будучи приспособлен к фракции, подумал, что это более высшая ответственность, ну хорошо, так в Министерство и послали, пришел, взял портфель министра Юстиции и с тех пор не выпускал из рук. Но задача была двоякая: одно - это установить этот порядок, и в этом отношении приходилось особенно бороться с министерством внутренних дел и с некоторыми другими лицами, которые особенно не любили, чтобы их ограничивали законными нормами, - это понятно. Понятно администрация вообще любит сама решать вопросы и быть более свободно, чем (124) менее связана, тем она чувствует себя более независимой. Но особой борьбы не приходилось вести, потому, что все - таки мы сговаривались - были товарищи и друзья - школьники, школьные товарищи, и одной школы и друзья, мы вместе и были такие, как члены одной семьи, поэтому мы легко сговаривались в этой отношении. И, несмотря на то, что даже иногда бывали очень острые вопросы, мы разрешали очень много. Например, я настаивал, чтобы все эти тюрьмы и другие подобные учреждения перешли в Министерство Юстиции. Они находились у Министра внутренних Дел. Он сказал, что это допустимо, и должны перейти к нам. И я в первую очередь послал туда прокурора, чтобы они навели порядок, - кто там сидит, почему и для чего?

Министр Внутренних Дел в то время был Рамишвили? Очень ...

Да, Рамишвили... Да энергичнейший, очень настойчивый, да и активный! Но он был и справедливый, между прочим, несмотря на все это. Но когда, видите ли, нужны были некоторые служащие, которых я знал и на которых не мог надеяться, а он то на них опирался. А когда я смотрел со стороны, я видел, что они слишком злоупотребляют своей безответственной властью. В первую очередь что я сделал, это послал прокурора в тюрьму расследовать, кто там сидит и почему сидит? И оформлено ли все это, или нет? И что вы думаете? По крайней мере больше одной трети выяснилось, если не половина, оказались люди, которые совершенно не знали почему сидят? Сами они не знали, почему их посадили. Потом спрашивали, какие бумаги имеются, что их посадили в тюрьму? Никаких бумаг не имеется, Привели, посадили и забыли о них! За(125)были написать протокол и забыли написать, почему их арестовали? Были вот такие случаи. Потому что еще прокуратура не имела власти и силы над этими людьми. Министерство Внутренних Дел господствовало над этим все время, наводя порядок общественный, он стал хозяином страны. Вот мне и пришлось немедленно забрать все это в свои руки, и я послал прокурора. Даже посылал в некоторые районы, где были столкновения со служащими, которые отказывались давать прокурору сведения. Тогда я написал бумагу за своей подписью, что если еще когда кто-нибудь из чиновников или служащих заупрямится ведь моя подпись теперь имеется, Вы можете записать его фамилию и пришлите нам в Тифлис. Одного, двух прислали. И это произвело такое впечатление сразу, что все стали уже подчиняться. Я их тоже выпустил из тюрьмы, оставил недолго. Но то, что они были арестованными присланы сюда по приказу Министра Юстиции, и что ни полиция, ни войска - никто не мог помешать этому, произвело огромное впечатление. Что прокурор пришел один штатский, с двумя служащими, арестовал и прислал в министерство, который злоупотреблял своей властью. Это бывало, всегда это было: Административная власть всегда по своему разумению работает, ну вот, с этого, собственно, началась моя министерская работа.

Это было летом 919 года?

В 919 году! Да, началась. Пришлось вот установить этот порядок. Вводили и ввели! Мало по малу, одно за другим порядок устанавливался. Окончательным порядок еще не был установлен, когда ликвидировалось наше государство. Не могу сказать, что все было так, как я хотел бы. Но порядок уже был. Когда к нам приезжали гости из заграницы, то они нашли, что порядок имеется везде (126) и в городе, и в тюрьмах, и в организациях и везде. Мне пришлось выпустить массу людей из тюрьмы, потому что они сидели без всяких бумаг, так как их привели, посадили и забыли! Ну, такие случаи бывают, это возможно; так что я потом уже следил, чтобы наказать виновных, я это я заявляю, потому что иначе, в другое время, за такие действия администраторы, попавшиеся так и надругавшиеся над человеческой личностью попали бы сами под суд. Но в наше время это было невозможно.

Были случаи, когда некоторые из тех, которых я освободил, потом они писали, что как же это меня арестовали вот такие - то и такие, это значит, что их нужно за это наказать, это следует по закону. Я им написал, что Слава Богу, что я Вас сумел освободить и успокойтесь, и в настоящее время большего еще сделать нельзя. Следовательно нужно подождать, ввести везде больший порядок, и тогда мы и таких, за такие нарушения будем уже арестовывать, а пока, я говорил, это невозможно, что если мы начнем сейчас, то мы, может быть провалим все дело. Это были одни из тех, которые знали меня, и которых я знал, так что я мог им написать откровеннее и написал. Ну и они согласились - ну что же сидели.. и потом выпустили нас.. и Слава Богу.

Вот, значит, так вводился «порядок» Порядок вводился очень медленно, с большим трудом, но, все - таки, вводился порядок.

В этом отношении во всем мне помогал Ной Николаевич Жордания. Он, как Председатель, всегда стоял за то, чтобы был порядок. И когда нужно было что-нибудь такое делать, то он непосредственно приходил к нам просто на квартиру, беседовал с нами, разговаривал - вот так и так -то я хочу. И хочу иметь Ваше согласие заранее, чтобы не было потом никаких разногласий и поэтому это сделаем так. Соглашались, а (127) я уходил и целиком делал ту работу, не считаясь со всеми организациями, я обсуждал с ним все эти вопросы. И если бы все эти вопросы обсуждались со всем правительством и в наших комитетах, то, вероятно, прошли бы месяцы, пока мы их обсудили бы. А поэтому мы решали с самим Жордания, а потому - одна часть молчала из-за Жордания, а другая часть будет молчать потому что я здесь.. и кончено. Вот приходилось практически находить пути для введения разных идей, этих мыслей, не вызывая общего шума и больших сроков. И потому все проходило это более организованно и, может быть, с большей пользой, чем это же прошло бы с большим шумом и гамом. Вот такая была работа, которую мы вели и старались вести насколько это было возможно в тех условиях, в которых мы жили тогда. О Министерстве Юстиции уже можно закончить эту работу, а потом мы с Вами поговорим. У нас много работы еще.

Теперь а законодательстве, так это все более легко, У нас был парламентский строй, были комиссии, разбирались все эти вопросы. Правда у нас в смысле законодательства ничего не мешало, вели обыкновенную законодательную работу, также как вели во всех парламентах в Одессе - и Комиссии и вся эта работа была нормальна. Но по содержанию, вот об этом уже шли большие споры. Наш Ной Николаевич был большой законник тогда, и все защищал такие нормы, что нужно как-нибудь вообще ввести более спокойные формы и вообще, чтобы законодательство было такое, чтобы вводились бы такие же нормы, как и в Западной Европе, мирные и так дальше. А между тем от революционных некоторых установлений в законодательстве невозможно было отказаться. Об этом вот, единственно, о чем у нас (128) иногда шли споры - что; вот такие -то, и такие - то законы -это все революционного характера, что же Вы будете вводить в законодательство? Приходилось! Потому что время было революционное и законы то же отражали состояние общества, и общественное мнение и общественное настроение.

Вот все, что можно сказать о нашего законодательстве. Много говорить об этом не имеет смысла; особенностей никаких не было у нас в смысле законодательства, принималось все, обсуждали мы каждый

закон два раза в Парламенте, кроме Комиссий и так дальше - вообще два раза, Нужно после первого раза обдумать еще, потом вторым раз, и тогда принималась окончательная редакция. Окончательная редакция также принималась Парламентом с поправками, и законы выходили в окончательной форме из рук Парламента. В окончательной форме! После уже ни одной строчке не поправляли. Потом печаталось это и раздавалось. Правда, большинство законов приходилось писать мне с самого начала, потому что вообще у нас не все были писателями, и во-вторых так вышло почему -то, что все эти законодательные акты, если не все, то три четверти вышли из под моего пера, или, по крайней мере, с моим огромным участием. Даже когда я был министром, в этих работах мне приходилось участвовать, точно также, как и в выработке Конституции. Это все и вообще все юридические вопросы, юридические формулировки без моего участия почти никогда не проходили. Это я лично утверждаю. Потом я много работал в этом отношении Джапаридзе, да, да он принимал тоже огромное участие...

Джапаридзе Сергей?

Да. Да. Сергей Джапаридзе. Он был депутатом Первой Государственной (129) Думы.

Теперь я хотел бы поставить Вам несколько вопросов. Если Вы смогли бы рассматривать этот вопрос просто - отношение Министерства Юстиции и вопрос законности применения к разным областям жизни? Начнем с Министерства Внутренних Дел. Тут кажется, вопрос конечно о порядке? Потом, какое отношение к разным врагам республики? Здесь также стоит вопрос и о том, как относиться к тем, о которых Министерство Внутренних Дел ставит вопрос о неблагонадежности в смысле отрицательного, враждебного влияния на дела республики?

Также стоит вопрос о гражданской свободе; вопрос политических свобод - до какой степени в такие времена возможно эти вести, особенно по отношению к такой категории людей, как большевики, как денкинцы и так далее? Какие затруднения, какие вопросы стоят перед вами в этой области?? Вы поняли мои вопросы?

Да. Но не очень точно. Вы скажите мне еще раз кратко?

Я хочу сказать о том, какие у Вас были отношения с Министерством Внутренних Дел? Конфликты, если они возникали у Вас с Министерством Внутренних дел, наверное концентрировались на вопросе политических и гражданских свобод правами, особенно, наверное стоял конкретный вопрос, как относиться к врагам республики. Что Вы можете мне рассказать по этому поводу?

Да. Видите ли, как и везде Министерство внутренних Дел имело специальный орган для ведения борьбы с политическими врагами. Название у них иное было - «Политическая полиция» и занималась она, большею частью теми организациями и лицами, которые (130) политически вредили государству. Вот в этом отношении у нас были конфликты. С первого же дня возник первый конфликт; все тюрьмы находились в Министерстве Внутренних Дел. Я потребовал, чтобы это все перешло в министерство Юстиции. Я послал туда прокурора и нашел, что огромное число людей сидят и забыли им предъявить бумаги и обвинения в чем их обвиняют? Может быть случай - но они были виновны, их арестовали, или какие преступления были, или просто на улице, как нарушители порядка и на них указали - никто не составлял протоколов, а просто привели людей, некоторые, может быть, даже были малограмотные, которые защищали порядок. Привели их в тюрьму, посадили, а потом о многих и забыли. Забыли составить протокол, пришлось их выпустить. А тех, которых оставили на месте, у которых были бумаги, пришлось все проверять; но я прокурорам сказал, что вы, господа, не относитесь к ним так строго, там же написано - хорошо; да и баста! вы помогите им, запросить; всех? и помогите им оформить все, если есть действительно преступление, было совершено, ила вообще они поступали против закона, то вы помогите им оформить это дело. И на последующие организации я им выделил прокуратуру, дал несколько людей, чтобы они были в распоряжении всей этой администрации и помогли бы им в оформлении и составлении этих протоколов более законным порядком. Тут вопрос шел не о том, чтобы бороться с Министерством Внутренних Дел, а чтобы поставить это и ввести как-нибудь в законные нормы. Да и потому я представил к ним специального прокурора, который помогал им в этом отношении, потому что я тоже находил, что в такое время, как наше Правительственное время было переходное и законодательство не поспева(131)ет за событиями, и потому административная самодеятельность всегда может по иной степени проявляться, а потому нужно просто обсудить, насколько это соответствовало общественному порядку, и насколько эти действия не соответствовали, или вредили общественному порядку и по этим соображениям поступать.

Вот такая инструкция была дана нашим прокурорам словесно. Правда любому что письменное нельзя было давать, они стали бы потом критиковать нас и совершенно иначе тогда бы наша оппозиция к этому определилась, но была такая инструкция, что они в таком духе вели всю эту заботу, и была пересмотрена тогда вся тюрьма, и очень многие, все - таки были освобождены. Все - таки освобождены. Многие из них, когда их арестовали, может быть и совершили по тому времени, какое-то преступление, но время прошло и ничего не сделано было и забыли об этом.

Но я бы хотел иметь более конкретное представление представление. Скажем, когда стало нужным обессилить и поставить незаконными большевистские организации в Грузии, - Как это было сделано? На базе законодательства? Или каким иным путем?

Я не помню, чтобы кого-нибудь незаконно объявляли. Даже большевиков. Незаконно они объявлены у нас не были. Но, те, которые совершили преступление, мы их преследовали просто, как преступников. Разрешите, я Вам скажу историю, как я помню. Свобода для всех партий, даже и для большевиков. Там издавали газету даже свою. Но тех, которые принимали участие в восстаниях, и мы их

арестовывали и заключали их административно в тюрьмы. Так что, в общем, запрещения, как такового, никогда не было. (132)

Но, я знаю, что когда дипломатические отношения с Советской Россией были установлены, и эта большая миссия приехала в Тифлис и стала ликвидировать и установила везде своих агентов. Мне кажется, что в это время стало нужным закрывать большевистские газеты и закрывать большевистские организации?

Да, было. Бывали случаи - закрывали!

Хотел бы, тот вопрос, который стоит - он стоит в легальном виде по отношению к Министерству Юстиции, как это было установлено? И по отношению к Сейму? И по отношению к Министерству юстиции?

Видите, что касается этих арестов, здесь действительно были некоторые трения между нами и Министерством Внутренних дел. Но особых трений, особых столкновении не было.

Можно сказать, что в некоторых незаконных случаях Министерство Юстиции закрывало глаза. Можно это сказать? Потому что обстоятельства требовали тех людей, которые были готовы из-за всяких этих принимать участие в путче, нужно было их держать за ...

Я понимаю прекрасно. И поэтому Министерство Юстиции закрывало глаза в некоторых случаях, если даже это не было, так сказать, законно обусловлено как следует.

Да, понимаю. Но я хотел бы узнать - если в этом законе о политических свободах, который существовал вообще, когда нужно было закрывать эти большевистские организации в 920 году, это было постановлено всеми? И, что ли, был какой новый закон? (133)

Видите ли, Вы ставите вопрос так, как будто у нас уже было организованное государство или большие законы. Закон выпускали по тому случаю, когда было необходимо. Создавали «АдХок» иногда. создавался закон - АдХок, вот нужно было. А что касается свободы печати и слова, против этих ограничений у нас никаких законодательных актов я не помню.

Что значит - «АдХок»?

АдХок - случай! Вот произошел такой - то случай, - что делать? Если нет закона, то надо создать - написать новый закон. У нас же не было всех законов. А в старых законах - это искать что-нибудь подходящее, для этого надо найти. Значит..

Да. Я только хочу узнать следующее: когда это было сделано? в 920 году? Это было сделано по административному порядку, или на базе законодательства. Вот в этом конкретном случае?

По моему законов не было! Вот в этом случае. Законов не было еще издано и потому в административном плане Рамишвили знакрывал некоторые газеты и выбрасывал некоторых людей и мне приходилось об этом молчать, и не кричать, потому что - это был бы я единственный, если бы я стал кричать. Все общество было довольно тем, что этих людей, беспокоящих и, вообще, волнующих всю нашу жизнь, как-то увели и все привели в порядок.

Нужно сказать, что эти три года, которые мы испытали, это было не революционная законность это, так сказать, было - меланж¹⁰⁸.

Я хотел объяснить для ленты - это говорит г. Джапаридзе. (134)

Не настоящая законность! Этот Рамишвили, он был очень активный, между прочим; как активным человек, он наверное, никогда не спрашивал - разрешают ему, или нет арестовать Кавтарадзе, который принимал в ушедшем восстании. Он прямо арестовывал, знаете! А министр Юстиций закрывал на это глаза, потому что это было необходимо! А я просил это дело оформить, или же ... Так что у нас была полуреволюционная законность, так сказать, полулегальная. Вот видите ли, то, что я делал, я знаю. Это было но совсем смутное время, но это было Меланж, так сказать. И так - и так.

Теперь имеет слово господин Арсенидзе.

Вот я Вам говорю, что я имел ввиду, именно, ввести какую-нибудь норму во всю эту деятельность, которой занимался Рамишвили. Это приходилось делать с большим трудом. Я Вам уже говорил, что я даже специально прокурора представил к этим нашим административным органам для того, чтобы они ими руководили и оформляли дела с самого начала, чтобы этим всем делам предать некоторую форму - легальную. Но и это даже им не всегда удавалось! Потому что жизнь требовала иногда таких актов и такой деятельности, которых у нас вообще еще не шло в законодательном порядке оформлено, и не всегда нам удавалось издавать соответствующие законы. Как мы ни старались, а это трудно было сделать, пропустить. И поэтому Министерство Юстиции иногда соглашалось; Например, когда Рамишвили докладывали, что вот такого-то и такого-то арестовали, я ему говорю - что арестовывайте на две недели, а потом мы посмотрим, через две недели возьмем. Бывали (135) случаи, я Вам говорил уже, что арестовать может только на такой то срок. А потом, когда этот срок пройдет, тогда мы можем пересмотреть еще, и Правительство может еще продлевать на такой-то срок. Пользуясь этими. нашими правилами для того, чтобы общественное мнение не возмущалось против этих арестов. И все.

В политической области, кроме большевиков, какие группы, также еще вредили, которые представляли большую опасность для существующей республики? Какие эти группы были и что они представляли?

¹⁰⁸ Mélange (Фр.) – Путаница, хаос.

Нет, кто бы представлял для нас опасность - таких групп у нас больше не было. По крайней мере не ощущали никакой опасности с какой бы то ни было стороны - кроме большевиков. Не потому что они были большевиками у нас, но потому, что вся северная наша часть была захвачена целиком большевиками.

Я Вам скажу одну вещь. Партия национал - демократы очень ненавидела нас, очень ненавидела! После первого интуизма (!), после объявления войны они начали против нас борьбу в Парламенте, борьбу в прессе, но это было все легально. Единственный только был случай, когда они хотели устроить комплот¹⁰⁹ - с согласия Германского командования, которое временно было там, но они не достигли этого. Германское командование не пошло за ними. Но известная часть дворян, которые принадлежали к этому - к группе национал - демократов - были арестованы, потому что они хотели какой-то «Компло» устроить против социалистического Правительства. Они так сказали. Но были и такие национал, - демократы, которые всенародно объявляли нам большое спасибо. Я Вам могу привести один пример: был один (136) очень большой национал демократ Мачабелли, так называемый, и он взял слово в Парламенте по поводу совершенно другого вопроса - вопрос касался реквизиции «Лэ бэмэ Тбилисис» - Тифлиссские бани. Мы хотели их национализировать, и он, как социал - демократ, поднялся и, конечно, против нас выступил, - Что это покушение на частную собственность и так далее. Но - говорит, я объявляю Вам всенародно большое мое спасибо за те труды и за те старания, которыми Вы спасли нашу страну от того, когда русские войска двинулись с фронта. Это Вы только - говорит- могли избежать эту опасность, и я Вам всенародно приношу благодарность! Так что были такие хорошие патриоты, которые хотели нам блага, но были и такие, которые - революты, знаете? Они говорили, что эти совсем демократы, никогда они автономии даже не просили, а вот они приехали и стали хозяевами, а мы без дела - настоящие националисты. Вот эти «Ривалите»¹¹⁰ - их приводили к такой злости! И вот, один из них, даже вот пишет теперь этот Габашвили, Вы знаете - Габашвили это один такой, который был всегда злой, так сказать, злословный человек и он сейчас даже упоминает, что как Вышабелли¹¹¹ - этот их глава злился против офицеров, которые говорили, что «Мы против Правительства не пойдём». А этих офицеров - он говорит, как это он называет - офицеры называют их - «*Нашим правительством - этих социалистов*», и он злился, и он теперь это пишет в своем воспоминании. Так что эта злость и сейчас чувствуется. Они говорят, что эти социалисты, которые никогда не хотели национального вопроса ставить, а теперь стали во главе, а мы без дела (137) А они всячески старались и в прессе, этот Габашвили даже сидел, где-то в тюрьме дней пятнадцать, но особой опасности, так сказать, мы никогда от них не чувствовали. Мы чувствовали злость словами, злость вообще руганью и так далее, но опасности, как таковой да еще по сравнению с большевиками - нет, конечно это - Москва.

Теперь я хотел бы перевести наш разговор к экономическим вопросам. И вопроса законности в экономической области. В первую очередь это тот вопрос, который мы уже немножко обсуждали - это вопрос - национализации промышленности и торговли. Тут, я должен сказать, что у меня немножко неясная картина. С одной стороны мы объяснили, как справились с марганцевой промышленностью, что национализировали земли, где стоял марганец но не национализировали самих предприятий, и также знаю, что национализация, во всякой случае, частным порядком, произошла на базе ежедневных случаев, где нужно было реквизировать какое-нибудь предприятие, потому что предстояли некоторые трудности - в их отношениях с рабочими, или с другими. Я бы хотел узнать вообще, какие были Ваши затруднения, или Ваши вопросы, которые стояли перед Вами - эта проблема национализации?

У нас, в крайнем случае, эти вопросы зафиксированы в нашей конституции. Я вчера нашел эту конституцию.

*Но мы можем найти в конституции после
Но мы зафиксировали это!*

Г. Джапаридзе: Могу я два слова сказать? два слова!

Пожалуйста, господин Джапаридзе! (138)

Я Вам скажу ясно: у нас не было торгового класса, который имел капитал, Нужно, если Вы найдете специалиста, ему дать деньги; Правительство должно ему дать деньги - покупай для меня товар. Знаете, так было положение у нас. Были кое-какие имена, которые, вернее сказать, бывшие марганце промышленники и так далее, но они были пролетарии, как мы! Так, что сделало Правительство? Согласно конституции, согласно социалистических принципов - оно реквизирировало у Советов, но оно пригласило всех этих бывших марганцепромышленников и сказало им что - Вот это наше, но мы Вам даем это для того, чтобы Вы эксплуатировали. Известную часть Вы даете Государству, известную часть делите между собой. И это было так хорошо организовано - и волки были сыты, и овцы были целы! Не так ли все было?

Да!

¹⁰⁹ Complot (Фр.) - Заговор.

¹¹⁰ Rivalité (Фр.) – Соперничество.

¹¹¹ По всей вероятности Вешапели, Григол Георгиевич (1892 г. сел. Саирхе, Сачхерского р-на, Грузия – 10 июня 1926 г. Париж – в 1928 г. перезахоронен в Грузию), Грузинский политич. Деятель, журналист, член Учредительного Собрания Грузии, с 1921 г. в Эмиграции, сначала антибольшевик, с 1924 г. переходит в оппозицию эмигрантским властям Грузии, в 1924-1926 издаёт в Париже газ. «Новая Грузия» (про-советской ориентации), убит эмигрантом Автандилом Меребашвили.

И это было очень хорошо организовано! Но это был единственный случай - Марганец! Но других у нас, - я Вам признаюсь, - за эти три года никаких таких промышленности у нас не было вообще.

Теперь торговля с заграницей. Я два слова продолжу. Не было никаких, так сказать, купцов, которые бы пришли со своим капиталом. Единственный случай - это с Беридзе, который принес, это единственный случай! Тогда, так сказать, не было свободы в морях и так далее... И вот Правительство выдумала этот, как это называлось, этот Георгий Эрадзе заведывал!

А, это снабжение!

Вы знаете, я тоже был этом деле. Я был заведующим, рабочим столом, меня послали туда. Так что, то, что мы добывали, все товары эти, собственно говоря - мы покупали, и давали известную (139) часть, которая переходила в мои руки, чтобы я распределял между рабочим классом. Это был, так называемый, «Рабочий стол». И это было интересно, что тогда Браунтов приехал и познакомился с этим. Он, знаете, был очень восхищен этим начинанием, потому что это было что-то вроде социалистического, даже Сталин, когда узнал, что Министерство Снабжения, то он тоже, оказывается, сказал, что «*Это что - то новое, это что- то нужное!*» Все это было вызвано не тем, не нашими социалистическими принципами, а это было необходимостью - мы должны были капиталисту дать деньги, - пойдти и купи нам! И когда этих людей не было, то эту роль капиталистов сами исполняем, не так ли? И вот в этом отношении, так сказать, некоторые удачи были, некоторые неудачи.

Но у меня стоят очень точные вопросы. Я хочу Вам прочесть из этой книги Ланге одну часть, так как я уже знаю по поводу деятельности Министерства Снабжения и так далее. Он говорит тут, что гидроэлектрическая мощь, также шахты угля, марганцевая промышленность, порты и железные дороги - были национализированы, что из 70.000 рабочих, которые работали в грузинской промышленности в 920 году, статистические данные говорят, что больше, чем половина из этих работали для государства, были государственные служащие и еще работали для города и кооперативов, и что меньше двадцати процентов работало в частных предприятиях. Вот, что тут сказано! Какие исправления из легальных данных в этой книжке следует внести в данные Вами сведения?

Это статистика. Откуда я могу наизусть Вам сказать, что точно, и что не точно ... (140)

Но вот в чем дело? До какой степени можно сказать, что, скажем, угольная промышленность или марганцевая промышленность в 920 году были ли действительно национализированы? Что нужно понимать под этим словом?

Об этот, об его определении я сейчас наизусть не помню. Может ты помнишь? У нас на Чиатурского Марганца у нас было постановление, что, насколько я помню, национализируется земля, потом собственникам оставляется все те продукты, которые уже вывезли и уже имели накопления у себя и уже создается общая сочема (!) в которую они входили, как члены, внося туда эти свои накопления марганца, это уже вносили как членский свой взнос, и в соответствии с этим получали определенную плату. Государство, кажется, получало тридцать пять процентов из этого общего дохода и прибыли, остальные получали часть получателя, кажется, собственники, а часть чиновники. (141)

Собственно говоря ...

Конец ленты «Н» - буква англ. Лента 1.

Машинопись, чернило.
ЦИАГ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 23. л.л. 120 -140

***Продолжение интервью № 5 с г. Арсенидзе.
Участвует в обсуждении г. Цуладзе¹¹².***

Сейчас я постараюсь суммировать то, что я слушал в конце предыдущей ленты, в интервью № 5 с г. Арсенидзе и с участием г. Цуладзе, а именно; Еще до революции половина лесов и много земли принадлежало казне, и поэтому после Независимости, те земли, которые принадлежали казне, просто перешли в руки грузинского Правительства. Также нужно добавить, что до Независимости угольная промышленность в Грузии не была организована, почти не была организована и, при независимости, угольная промышленность, которая была создана, стала как государственное дело и Государство - Правительство само организовывало и вело эту работу.

Что касается национализации, то был закон, установленный для всех, по которому национализация должна была происходить с компенсацией для тех предприятий или за землю, которые должны были быть национализированы.

Еще один вопрос, - это касается аграрного вопроса. Я знаю, что когда было составлено первое законодательство об аграрном вопросе Хомерики, который тогда был Министром Сельского Хозяйства, он создал, так называемый «Национальный Фонд», фонд из тех земель, которые были из казны взяты, и от царской семьи, и также монастырские

¹¹² Василий (Васо) Цуладзе (12 окт. 1889, сел. Чанчати, Озургетский р-н – 13 мая 1969, Левиль-сюр –Орж, Франция), Соц.-Демократ (Меньшевик), Член Учредительного Собрания Грузии, после 1921 г. – эмигрант, член руководящего звена координации подпольных парт. организаций в Советской Грузии.

земли и так далее. Первое его соображение было - это постараться употребить этот Национальный Фонд для государственных целей, как например, для создания Совхозов и других подобных общин. Но потом ему надо было переменить свое мнение, так как со стороны крестьянства было давление разделить эти земли и передать им,- крестьянам, в пользование. Вот, что Вы могли бы мне рассказать по этому вопросу? Как это все происходило? (142)

Так и было. Крестьяне настаивали, чтобы землю давали им в собственность. Хотя у нас по закону, по партийной программе была муниципализация, и это даже никуда не выдвигали, и мы, я думаю, ты помнишь? - мы шесть месяцев это обсуждали во фракции, чтобы опять передать землю в частную собственность крестьянам, разделив ее между ними, чтобы нашу муниципализацию отменить! Мы отменили и дали.

Практически это было так с желание крестьян иметь эту часть земли, как свою собственность совпадало с интересами государства? в каком отношении?

В финансовом отношении. Например, я помню, Церетели, во фракции говорил: «Крестьяне желают эту часть земли иметь в свою собственность. Если известную сумму с них взять и укрепить этим за ними землю, казна обогатится этими деньгами с одной стороны, и с другой - все крестьяне будут довольны». Вот так был поставлен вопрос, как предложение! Это я помню. Так было.

Я не знаю, вообще успели ли это сделать, или нет?

Да, мы решение вынесли, но не довели все до конца.

Я не думаю, что это осуществили, т. к как я сам лично не был замешен в этих делах. Но это было точно теоретически, но в то время мы не могли успеть все провести в жизнь. Идея укрепить за крестьянами собственность и использовать эти суммы для обогащения казны, - это, так сказать, воплотилось в мысли наших товарищей во фракции. Сам Церетели доказывал это нам, что лучше удовлетворить крестьян в своих вождениях и этим обогатить немножко казну, потому что средства казны были далеко не достаточны. (143) Так что эта идея совпадала с интересами к государства и крестьян; Вот это я могу сказать!

Совершенно верно. Я хочу добавить, что крестьяне просто требовали, чтобы им землю продали к дани бы им купчую. Мы должны были снабдить всех мировых судей специальными правами для выдачи купчих. Крестьяне вносили определенную сумму, к тому же нужны были средства для межевания к других формальностей, отделения того клочка земли, который они хотели забрать, поэтому они платили гораздо больше, а все остальное поступало в казну. Но, они были рады, что раз платят деньги, то за это они получают купчую на свой клочок земли. По всем деревням нам не удалось все это провести до конца. Мы начали эту работу, но в этой время у уже наша республика была ликвидирована, и мы поэтому до конца эту кампанию не провели. Это делание было самих крестьян, так что мы в этом отношении уступили. Я помню, что во фракции еще несколько месяцев мы обсуждали и спорили об этом, что можно ли нам -социалистам давать землю в частную собственность. Но решили, что раз крестьяне сами этого хотят, - надо сделать. В законе, в нашей программе об этом написан маленький пунктик, что в случае, если муниципализация и социализация не пройдет, то можно раздать крестьянам землю в собственность. Мы этим замечанием в окончательном нашем решении и воспользовались - что крестьянам землю можно дать. У нас другого выхода не было, если крестьяне все хотят, то давайте и дадим, а за землю еще и получим в казну. Это все ясно было, и крестьяне все были очень довольны этим решением. Собственно говоря, такое постановление было вынесено на одном Крестьянском Съезде. Был у нас крестьянский съезд, и они (144) все единогласно настаивали на том, чтобы землю купить и разделить всю крестьянам и дать ее им в собственность с купчей крепостью!

Теперь, - до этого давления со стороны крестьян, что правительство собиралось делать с этим национальным фондом?

С национальным фондом? А, этот вопрос у нас не обсуждался! Национальный фонд создавался, и мы думали, что когда в дальнейшем нам придется переселять людей из более населенных [местностей] в другие местности, другие предполагали, что это может быть нужно будет для колонизации, третьи думали, что это будет запасный фонд для государства для государственных образцовых хозяйств и так дальше. Так что был целый ряд проектов. А так как нам фонда создать не удалось, то ни один из этих планов осуществлен не был.

Но, как я Вас понимаю, что было также мнение вначале, особенно со стороны Хомерики..

Да, Хомерики хотел это иметь, как фонд!

Да. И перевести в эту область, если я Вас точно понимаю, старый меньшевистский план муниципализации?

Нет, нет. У Хомерики было одно стремление - всю эту землю, как-нибудь передать в руки государства, то есть в его руки, а потом он ее сделает своей, к этому у него, так сказать, были твердые руки, и он очень хотел, чтобы вся эта земля - фонд, фактически это было бы государственный, и фактически эта земля была бы в его распоряжении, - как Министра Земледелия. Мы его отлично понимали, так как когда мы обсуждали этот вопрос в Комиссии, то мы обвиняли его в этом и говорили: «Что ты хочешь? всю зем(148)лю в свои руки забрать, а потом раздавать как захочешь - направо и налево?» А это нужно было, чтобы все проходило по закону, а по закону это трудно провести и потому мы этот вопрос до конца не разрешили.

А что он сам хотел сделать, кроме того, что иметь эти земли? в своих руках? У него, должно быть, была идея? Какая?

Да, у него была идея . Была идея.

Но какая идея?

Идея у него была, что вот на этой земле можно переселить людей из густо населенных областей. Значит наш фонд можно использовать для этих целей. И кроме того это приведет к целому ряду результатов: Во -первых переселенные из густо населенных местностей в другие области будут растворяться между собой и создастся общий уровень и провинциальные типы более или менее исчезнут...

Вас. Цуладзе: Разрешите мне добавить? - Были местности с армянским государством, Холдалакча, были там большие свободные места, а там Хомерики хотел, там были все наши, правда жили там армяне, но они были наши, грузинцы все. Но Хомерики хотел их «огрузинить» немножко и переселить на эти местности горских племен грузин, у которых не было земель. Он начал это дело. Начал маленькими группами переселять. Эта была идея государственная, большая, чтобы закрепить свободные места га грузинами. И вот, это была, так сказать, национально государственное стремление... Чтобы эту линию заgrabастали и закрепить за чисто грузинским населением с патриотическими чувствами ... (146)

Да, я понимаю. Это около границы?

Да. Около границы.

Да. Я понимаю. Ну, теперь я думаю, мне осталось только одно - я бы хотел, конечно, немножко узнать о том, что касается Ваших опытов в деле руководства фракции в Сейме, до того, как Вы стали Министром Юстиции? Можете Вы мне определить разные партии и группы в Сейме, кроме социал - демократов? Я знаю, что были националдемократы, были социалисты федералисты, социалисты революционеры. Вы можете мне рассказать это, или сказать что-нибудь по поводу разницы в между отношениях - социалистов федералистов и социалистов революционеров? Потому что я знаю, что в самом начале социалисты федералисты были под влиянием социалистов революционеров?

Да, были.

А как во время независимости?

У них была совершенно одинаковая программа.

Да. В чем они различались во время независимости?

Отличались тем, что социалисты федералисты были над всякими грузинскими патриотами - грузинскими националистами настоящими были они. А эсеры - это была часть Российской партии социалистов - революционеров. Это [не] чисто грузинская партия. Это часть общероссийской партии.

А кто голосовал? Какая была их база населения социалистов революционеров?

Очень слабая. Где -то в Мингрелии в одном месте они получили, потому что большинство из них было из Мингрелии сами, и они в каком -то уголку там получили несколько голосов и провели депутата. (147)

Их было мало?

И влияние у них было очень слабое. Было всего 15 депутатов из них 130 было наших, а остальные делились между ими - 7 - 8 - 6. 7 человек было, кажется эсеры были вместе. Что касается - ревалите - я Вам сказал... Это ревалите со стороны федералистов был, это было психологическое. Тогда говорили - люди были против национального вопроса, а они во всеми хозяевами, это было! Но в социальных вопросах между федералистами и нами не было. Но, эсеры старались быть немножко большевиками - знаете? немножко! Так что они говорили, что мы должны устроить более социалистические идеи и так далее. Они вели оппозицию, так сказать, чисто демагогическую. Но так, чтобы сказать, что это была программа, на которую можно собрать массы, атаковать правительство - этого не было. Федералисты можно сказать были наши хорошие компаньоны. Маленькое так сказать, ревалите было, что они были «Блэссе дан лэ кёйф», говорили, что мы были с самого начала, а теперь все это социализм, социал демократия. Этоо было, но это не выделялось в парламенте. Всегда голосовали за наши социальные вопросы.

Теперь - националдемократия - они считали себя, конечно, защитниками частной собственности?

Да, Это единственно чем они отличались - настроили себе буржуазную партию, то есть какой буржуазии у нас и не было. А потом защищали частную собственность.

Кто голосовал за них? Какие группы населения голосовали за националистов? (148)

Это дворянское сословие! Большею частью голосовали за них дворяне, помещики и землевладельцы, Часть и крестьян голосовало за них, это крупные крестьяне,.. И было влияние некоторых депутатов, создали большую группу среди крестьян. Вот потому и помню я, что они среди крестьян имели влияние, в своем округе, из которого сам происходил.

Потому что там были крупные крестьяне?

Нет, потому что они были из этого уголка, один из них простолудин и поэт, понимаете, все - таки известная личность. И группа соседних деревень шла за ним. Вот так было.

Последняя группа, по поводу которой я хотел бы узнать, что они представляли? Я думаю, что они были маленькой группой, эти «Алионисты»? что это были за люди?

А, это я Вам скажу! Вообще я даже написал это по-грузински «Алиони». Развитие начального вопроса в нашей партии с 905 - 918 гг. маленькие этюды, я сделал на грузинском языке, может быть Вам передадут?

Это будет очень интересно!

Вообще я Вам вкратце скажу развитие национального вопроса в двух словах. Лондонский съезд. Там был, так сказать, представлен проект, то есть не представлен, а наши делегаты должны были представить, но они не сделали этого, потому что Кавказский Союз требовал устройства Федеративной республики во всей России. Но они не смели там поставить, потому что они нашли опору, Жордания был тогда в эмиграции. На этом Съезде он присутствовал по приказу Плеханова и так далее. И они вместе (149) сговорились и провели самоопределение народу. Самоопределение народу это было неясная формула. Эту формулу - я это все записал Вам - сам Жордания разъяснил в брошюре в 904 году, когда он сказал, что самоопределение это - право нации выделения - это совершенное выделение. И Плеханов тоже самое говорил на Лондонском Съезде. Так у нас, знаете, в партии, как в таковой национального вопроса не существовало после этого Съезда мы говорили - у нас есть самоопределение народа. Когда будет революция, это мы тогда устроим. Теперь никакой автономии! Мы даже давали возможность говорить им, но в партии существовали - вот о Алионистах Вам скажу - но в партии существовали девлетные¹¹³ группы нашей партии, которые придерживались национальным вопросам. Значит так: в 907 году наш большое товарищ, очень большой Ладо Дарчиашвили редактировал нашу партийную газету. Он был, значит, главным редактором - это было в 907 году. Жордания поместил в этой газете фельетон «Грузинские народы и националисты» и он придерживался взгляду на основании самоопределения и так далее и вообще, что не было времени, так сказать выдвигать этот вопрос. И вот доказывал, что грузинский народ не пропитан национальными, так сказать - националистическими стремлениями и так далее, и вот он доказывал что было много восстаний и так далее и народ не принимал участия - значит восстание было чисто верхов, так сказать, И вот Ладо Дарчиашвили сделал примечание, что редакция не соглашается с вещью Жордания. Это у нас в партии вызвало большой переполох, конфликт раздулся. Также к нам приезжал в Батум Ра(150)мишвили, чтобы нас успокоить и так далее. Ладо Дарчиашвили покинул нас, и тогда он издал газету «Алиони».

Понимаете? Вот тогда и началось!

Значит он отделился, но не от партии, а от редакции и он здесь свой журнал выпустил. Но это не продолжалось долго, это было слишком теологическое, и он выехал за границу, я думаю, в 912 году, так как в 916 году он скончался.

Потом еще был случай, это маленькое восстание, так сказать, в Кутаиси издали газету - журнал «Фоми»(!) там - Гумаатесь (!) и так далее, видные наши интеллигенты, которые тоже защищали, так сказать, идею национальных интересов, Церетели тоже был националистом, но он удержался, так сказать, в партийной рамке и никогда не восставал.

Как мы пришли к первой войне? Первая война поставила перед нами национальный вопрос - практический. И вот оговаривали - о выделении Кавказа, так что даже было движение за границей тоже, так сказать, националистической линии с согласия с германцами и так далее,

Это Сенсадзе? (!) Нет? который был связан с Германией?

Нет, нет. Ни один социал - демократ не был в Германии, Это я хорошо помню, я тогда был в редакции. Кто-то из пленных поместил какой-то лозунг, или поместил статью, что вот там создалась группа и мобилизуют грузин ...

Грузинский легион?

Грузинский легион, но грузины не поддаются этому призыву. Это мы перепечатали в газету, статью Розенфельда. Так даже наш редактор Ладо Ахметели был вызван в Жандармское управление, чтобы с просить - Что это такое? И он объяснил, что мы, так сказать сепарации не придерживаемся. Вот наш Жордания, Плехановец и (151) так далее... что защиту ... что это согласие и так далее. И это, так сказать, грузинский народ вернее - для грузинского народа сделалось - алиби.. алиби перед государством. И Жандармское Управление послало и так дальше ... Но дело этим не кончилось, Этот вопрос национальный все делался теплее и вот, когда, мы были в тюрьме - еще мы были с Рамишвили, Цинцадзе и Хомерики - это было в 915 году, - распространяли слухи, что наш хороший товарищ Власа Мгеладзе¹¹⁴, который был за границей идет во главе - это была сплошная ерунда и не было никаких основ, и вот, Рамишвили заходит в камеру и говорит - «Знаешь, что Власа Мгеладзе оказывается идет во главе войск, знаете, - и говорит - от него все возможно!» Я ему шутя сказал, что - «Ты что, я говорю, если Грузия освободится - ты будешь министром! Чего ты?» Так я шутя ему сказал, И вот с этого дня мы начали договариваться о национальном вопросе в кавказском масштабе.

И вот насчет интеллигенций он сказал - было у нас все и «Алиони» первый и потом о другом «Алионе» я потом скажу, и товарищ приехал еще один из Швейцарии, Паулис Аванделидзе, тоже хороший, он тоже пропагандировал идею независимости и так далее в Батумской газете.¹¹⁵

Ну а как все о всекавказских масштабах?

Нет. Это ами (!) кавказский масштаб не ставили. Ами (!) говорили о грузинской независимости. Не о независимости ...

¹¹³ В тексте над этим словом стоит напечатанный вопросительный знак. Изд.

¹¹⁴ В тексте напечатано «Лас Абеладзе». Это безусловно ошибка. Изд.

¹¹⁵ Возможно Павел Сакварелидзе. Изд.

Об автономии говорили?

Да. О независимости никто тогда не смел говорить. А только так - мыслями. И вот, когда мы, после выпуска из тюрьмы первые собрания устроили в Ланчхете, с Жордания даже не говори(152)ли о национальном вопросе, даже, ни слова. Только в феврале, или в январе 917 года, до революции - немножко раньше. На этой-конференции мы поставили вопрос ребром, что «*Развиваются события, нужно быть готовыми ко всему*». И вот мы решили в известных случаях поддержать Кавказскую, так сказать, линию или России, какая будет, так сказать. Мы поручили Жордания написать статью. И он написал две статьи. Я помню, 17 - 18 февраля это вышло - до революции, но она была испорчена цезурой. Но это была, так сказать, первая линия - поручили Жордания поговорить с армянами и с турками - кавказцами насчет этого. И вот пришла революция. Когда революция пришла, нужно воплотить что-нибудь? Национальный вопрос ставится у нас есть только самоопределение народу, больше ничего нет. Вот тогда и создалась группа «*Алиони*» - Кали Калтарадзе, Пауль Аванделидзе и так далее и вообще, так сказать, они не были против нас, как таковых, но они издали газету для разъяснения и развития идей национального вопроса.

В рамках партии?!

В рамках партии. Да. Они были членами партии и так далее, но мы, так сказать, смотрели на них так. Они, значит, пропагандировали эту идею, а Жордания практически занимался переговорами с этим. Это было тотчас после революции - в апреле, так сказать,

С этим! Что это значит?

Когда он принес в Центральный Комитет свой проект, первый проект. Это был результат, так сказать переговоров с турками и так далее. Он нам представил такую идею, что Кавказ свободен. Но Баку, Тифлис и Батум являются вольными городами. Понимаете! И он, как раз собирался в тот же день выехать на праздничный отдых. И вот бы(153)ла такая сцена, интересную вещь, Вам скажу, значит была такая сцена - он, когда прочел это, я взял слово и говорю ему «*Что хотите сделайте с Баку к с Батумом, но если Тифлис будет вне Грузии, я эту Грузию не хочу!*». Положение шло такое, что все были с нами, но этот вопрос был такой деликатный, что никто не соглашался ошкараться¹¹⁶. (!)

Да, ясно нельзя было!

Тогда взял слово, после меня, к счастью это было, Сильва Джигладзе. Сильва Джигладзе - это душа нашей партии. И он говорит: «*Ной Николаевич, я тоже не представляю Грузию без Тифлиса*».

Это его заявление решило вопрос. Резидент, товарищ Резидент - товарищ по комитету с нами запротестовал (Резидент был армянин) И он говорил, что я вот говорил с Ноем Николаевичем и так далее, и я уже согласился, значит, [оставлено место для 1-2 слов. Изд.] и что это значит, что Вы сейчас не хотите этого. Произошел переполох. Резидент покинул заседание. Тогда произошла суматоха, понимаете, и Ной Жордания так взял свои бумаги и говорит - я не имею теперь времени, что хотите, то и постановите, уезжаю сегодня в Ланчхут отдыхать.

Когда он поехал, - это был апрель, - а в мае у нас был Первый свободный съезд партии. Когда и большевики были с нами, первое мая... и он привез совершенно другое, другую программу этот сводник (!) был значит, а теперь улечился и больше нет. Он был за унитарное государство с Россией - управление и так далее, но не отделение. И эту идею даже защищая на всеобщем Съезде Грузии в 917 году в ноябре, я кажется об этом тогда Вам писал. И он защищал идею, так сказать унии с Россией (154) но определенного, так сказать, этого не было.

Алионисты как произошли?

Я Вам сказал, Алионисты это были наши самые хорошо товарищи, пропитанные национальным чувством, они не удовлетворялись нашим журналом, который официально, так сказать, еще не поддерживал это, и они издали этот «*Алиони*». Вот эта группа и была. Они были очень, так сказать, лояльны, но развивали эту идею. Вот это все.

А потом? Что произошло?

Я вам кажется писал об этом, как пришло 26-ое мая и Жордания поехал в Батуми и убедился, что без этого нельзя, и они вместе с Церетели были защитниками (Церетели тоже) - упорными защитниками полной независимости Грузии. Даже федералисты - наши федералисты.

Да, да, в 918 году!

Даже федералисты не хотели так далеко идти. Федералисты же всегда, помнишь ты? Тогда они говорили - так вот сразу нельзя?

А при независимости Алионисты уже больше ничего собой не представляли?

Нет, они закрыли свою газету. Они приняли все. Может быть и существовали, но никаких особых, так сказать, противоречий не было. Они просто теоретически доживали ... вот то, что я помню.

Еще требуется одно выяснение: когда было обсуждено январем и февралем 917 года этот вопрос о Закавказье, и также, когда это было обсуждено после революции в апреле месяце, речь шла о независимости или о федеральном строе? В России!

Тогда в России не было разговора, это было выделение (155) Кавказа и устройство Кавказа федеративно - Кавказа!

¹¹⁶ В тексте над этим словом стоит вопросительный знак. Изд.

А отношение к России какое было?

Отношение к России - мы думали, что это была отделение.

Независимость?

Независимость Кавказа и федеральное устройство - мы так тогда думали. Но Жордания вообще не думал так еще в апреле; он говорил об унии с Россией, но это было, так сказать, на Грузинском Съезде, говорил он о Грузии и, собственно говоря, еще тогда не было большинство за это остальные и так далее и так далее так сказать, - деления России еще не было совершенно и об этом так ясно поставленного вопроса не было.

У меня еще об этом смутное представление. В апреле 917 года тут в Петрограде, значит, Церетели играет эту роль, Чхеидзе играет эту роль и так далее. В это ли время, именно теперь, представители независимость Закавказья.

Знаете, это было так не ясно. Понимаете - не ясно! Так что в голове Жордания это наверное из России - Кавказ с Россией! Но у нас были разногласия, так сказать, во-первых то, что я Вам говорил - о вольных городах.

Да, это я понимаю, это касается между отношений и национальности!

Да, да. И потом грузины - эти Алионисты и так далее думали совершенно обратное. Они говорили только о Грузии. Так что ясного представления, так сказать, очищенного от дыма, не было, не было ясного мнения, вопрос стоял не выясненным, потому что и положение было такое же!

Да. А только в ноябре уже? ... (156)

Агда, агда - я значит писал экстренно Вам прошлогодним - агда. Когда большевики пришли к власти, и не то, что мы, а все русские, которые находились на Кавказе, даже Пржевальский заходил ко мне один и говорит: «*Что думает партия? Надо выделиться!*». Конечно, он не думал совершенно выделить Кавказ от России, но он хотел спасти то, что было, и что можно спасти; И так как они были Начальником Турецкого фронта, он хотел временно укрепить эту позицию и, конечно, сохранять Кавказ. Пржевальский иначе по мог поступать! Тогда все были согласны на временное выделение от России. И русские даже сами - Ланской и так далее, больше такие лица. Сами они хотели выделения от большевиков, а не от России, так многие, по крайней мере.

Да, да. И в умах это было временное!

Да, спасение временное.

Иначе нельзя даже представить.

Хорошо.

Большое Вам спасибо.

Это конец пятого интервью с г. Арсенидзе и также с г. Цуладзе, который участвовал в нашем разговоре.

Машинопись, чернило.
ЦИАГ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 23. л.л. 141 -156.

Георгий Эрадзе¹¹⁷

Воспоминания о Революции 1917 года

Господин Эрадзе, Вы были не только свидетелем, но и участником всех тех событий, которые происходили на территории бывшей Российской Империи в течении 1917 и последующих годов. Я очень был бы Вам благодарен, если бы Вы рассказали о том, что Вы помните, о том, что вы видели вот в те времена.

С удовольствием я расскажу Вам, что запомнилось, потому что старость моя, - мне 83 года скоро, - я много пережил, что трудно все вспоминать, но я помню цель, которую вы преследуете. Выразить так можно, что большевики, которые писали и пишут историю, настолько они необъективны, что много - сознательно, или несознательно - они [ошибок] допустили, или сами сочинили, которое не соответствует действительности. А история ценна, когда она передает факты, действительность, а кто будет читать и изучать, то сам пусть сделает заключение.

Итак, я должен сказать Вам, что материал, которые Вы получите, я не могу сказать, что ценности не будет представлять, не будет иметь, и Ваша цель, того или другого размера (?) не будет достигнуто, но по моему глубокому убеждению, для того чтоб показать, насколько история .. сегодня большевиками грешит, логическим суждением некоторых событий лучше можно оспаривать все то, что они болтают, потому что логика будет обсуждать события ими самими признаны, я начну отсюда.

Сегодня спор, который разыгрался не только между грузин, но и большевиками, и между русскими и большевиками между почти половиной мира, который отстаивает совершенно другой принцип для ведения руководства народ жизнью, чем отстаивает большевики. Конкретно выражаясь, то, что они что сделали самое плохое, только ...это отрицание права народа управлять своей жизнью. И если так более гладко, борьба за это прошла в России легко, это явлен не было ... Это потому, что Грузия не оказалась по своему политическому воззрению на такой высоте, на так русский народ оказался. Я еще больше чего могу рассказать, но сейчас не хочу затрагивать тот вопрос, обвиняя руководителей февральской революции.

Почему, если большевики правы, когда они говорят, что они пришли с оружием в руках помочь грузинским рабочим и крестьянам, чтобы освободить их от ига меньшевиков. Что значит – «Освободить»? Если большевики, - что они пишут, всю историю, все народное движение приписывают себе, - если это правильно, значит они были хозяевами? Почему тогда они не указывают, что меньшевики, их господство народное, настоящее, уничтожили, прогнали [большевиков] тем или иным способом, потом им пришлось с оружием в руках вернуть обратно. Это ... можно сказать, что они не правы, когда говорят.

Дальше. когда после когда Ленин приехал из Европы, чтобы вести пропаганду за свои идеи, он обратился к тому классу как фундаменту, основе этого движения. Там он не встретил массу, какую встретили грузинские Социал - Демократы, приехавшие в Грузию в начале, когда движение начиналось. Это было еще до 900 года. Примером может служить то, что когда Жордания, глава, до того были тоже, я не ... националистов, они аюю гнали, .. но были и народники грузинские, они не нашли почву в грузинском народе. Грузинские крестьяне не поняло их. Может быть русские крестьяне еще могли усвоить, потому - что там нет обработки земли и условия для крест совершенно другие, чем в Грузии частная обработка была, они уже знали, что ему вот такой кусок от господина дана, и взято, и они обрабатывают на условиях, но чтобы у них было сообща это как называли у вас - Община, такого владения не было.

Конечно для русских крестьян легче было усвоить эту идею, но и то, как я знаю, и они мало ... и каким же образом они могли захватить, факт что не имело успеха. Только Социал - Демократия, которая пришла и она обратилась не к другим слоям, не к крестьянам, первым долгом она обратилась к городским рабочим, которые вышли из деревни, из крестьян и как они огорошанились как говорится «более развитые», они к ним обратились. И представляя для них это будет для них фундаментом .. Но одновременно мы не останавливали работу и среди крестьян. ... Полезно если Вы могли прочесть «Воспоминания» Ноя Жордания, где он пишет, что когда он вернулся из Варшавы с готовой программой, чтобы положить ее в основу своей деятельности, эту программу, имел он случай в своей деревне, когда крестьяне собираются там и сям, он пошел туда и рассказал им то, что он про Европу знал, и то, что он хотел применит здесь.

Когда кончил он свой рассказ, встал один крестьянин и говорит: «Знаете, голубчик, то что Вы рассказали, все хорошо, но один пункт вашего рассказа неприемлем и бесполезен. В чем же? В том, что Вы здесь требуете, чтоб мы были независимы, а Турки, вы знаете, что мы, как часто страдали от нашествия турок, и мы не могли на долгое время строить дома, боясь того, что через некоторое время турки придут и снесут все это. И Вы хотели, чтобы вернуть это, когда они напали на наших детей, увозили и т.д? Нет, нет».

«Я, - говорит Жордания- сейчас подумал, что думаю, что ...» Это мы знали до того, как он написал бы в своей биографии. От его же рассказов устных, когда он рассказывал. И еще дальше, чего он не рассказал: когда он вернулся в Тифлис, из деревни, с таким настроением, он окружающим своим, близким товарищам, интеллигентам рассказал, и доказывал, что надо палиатив, надо усвоить. Он думал,

¹¹⁷ Георгий Эрадзе (4 дек. 1882, с. Дирби, Карельского р-на. – 3 января 1971, Париж, Франция), Литератор, журналист, Соц.-Демократ (Меньшевик), член Учредительного Собрания Грузии, Министр Труда (1919-21 гг.) в правительстве Груз. Демократической Республики, с 1921 г. в эмиграции, заведующий архивом грузинской эмиграции.

что можно создать организацию в виде как в Польше было, или в России, или эти, имели бундовскую, что Соц. - Демократы, но, только в национальной шкуре.

Когда он рассказал рабочим, грузинам, они сказали: «Знаете, это все хорошо, но вы по теории все изучаете, это хорошо, но надо прежде всего проверить на практике, как это премлемо, можно ли это осуществить. Совсем другие условия были в Европе когда это складывалось, и в России и там. У нас же, каким образом возможно это устроить, когда у нас здесь работают армяне, татары, лезгины, осетины, русские, грузины? Так мы ведем экономическую борьбу, для экономической борьбы мы позволим нами иметь официальный, открытый синдикат, но у нас есть тайный...».

У нас есть что?

Тайны!

Тайны?

Тайны! неорганизованные (?) Организация заключается в том, что мы соединены, касса у нас, для забастовок, для всего участники записаны у нас, значит, мы уже организовались в синдикаты. Но, одновременно, вы видите (?) мы ведем политическую борьбу, все вместе. Если только значит, мы партию создадим в другой шкуре, в другой форме, то, надо раздробить и разделить и все эту работу. (?)

Я что хочу этим сказать? Я хочу сказать, что наши проповедники, как их можно назвать, Социал - демократы, они сами такими были по натуре, или же сами были вынуждены, я этого вопроса не разрешаю, я хочу только факт отметить, что они прислушивались к голосу и рабочих, и крестьян, если даже против их умозаключение, они принимали, чтобы на практике покажет то или другое. Его примером я немножко убегаю вперед и скажу, что еще в 905 году, в этом рабочем квартале имели рабочее собрание, и там докладывали по аграрному вопросу. Жордания был участником этого собрания, докладчиком. Говорили - у нас, если Вы знакомы с наше программой, у нас была муниципализация земель. Докладчик говорил, - все: Встал один литейщик, железнодорожник, и говорит: «Знаете, мы эту программу читаем в деревне, но все слушают, но ни один крестьянин, не может иначе переварить эту муниципализацию, как частную собственность земли. И, думаю, что нам придется, если только Бог даст и Самодержавие упадет, после революции, если будут реформы, то реформы должны быть непременно, чтобы крестьянин имел в собственность эту землю». Вот.

Когда собрание закончилось, мы уходили, Жордания говорит мне - «Георгий, иди сюда. Ради Бога, скажи мне, как фамилия этого рабочего».

Я сейчас не помню, но я ему сказал [фамилию этого человека], а он говорит, «Знаешь, самую умную вещь на этом собрании сказал этот крестьянин, это - он говорит - я записал и нам придется по этой дороге идти».

Вот, скажу Вам, что этого он не встречал в деле (?) не встречал. И потому, демократизм, который был еще до нашей свободы, осуществлен партией, а партия была не маленькой. Грузия маленькая, но члены нашей организации, если пропорционально взять, намного раз больше было, чем в России.

Если Большевики правы, что они , - я читал Берию, - Берию, кажется рассрелили, да ?

Да.

Вот его книгу «История Социал - Демократии»¹¹⁸, и не могу я сказать, чтобы не ... но что самое главное - это вранье. Если действительно Сталин был там, и большевики, и вся масса, эта, была большевистской, каким же образом можно объяснить то, что на конгрессах, то что я помню, (два конгресса, в 906 и в 907, это было в Стокгольме и в Лондоне, на обоих конгрессах я присутствовал), ни одного большевика - делегата из Грузии не было.

Я спрашиваю: каким же образом это могло быть? Понять это иначе нельзя как всякий, кто познакомится с (их) программой, скажет, что - «Врут».

Я больше вам скажу; не только страдали, большевики больше имели почву в России, чем меньшевики. Когда на конгрессе в Лондоне, выбирали делегатов, мы получили письмо от ЦК, от меньшевиков. Они сообщили нам: «Положение такое, что ни одного лидера меньшевиков не провели. Ни Плеханова, ни Аксельрода, ни Мартова», 7 человек было, я фамилии всех не помню.

Сейчас же мы решили: «Уступить им мандаты». Из Гурии 7 мандатов мы послали. Большевики действительно имели там, в России, действительно имели власть. На лондонской конференции ни одного большевика из Грузии не было.

Теперь. Я хорошо не помню, - Жордания пишет, что приехал Сталин, на конференцию, с подложным мандатом. Я его там не помню хорошо, но он наверно больше запомнил чем я, - подложный. Значит, если бы они действительно господствовал, если господствовал бы дух большевистский в Грузии, - среди рабочих и крестьян, - то они могли делегатов туда послать.

Не послали.

Дальше : Выборы в Государственную Думу.

Кто знаком со списком депутатов Государственных Дум, он может подтвердить, что ни одного большевика - грузина среди депутатов нет.

Чем это все объяснить?

Большевики скажут, что они бойкотировали [выборы]. Во первых это неправда, потому что один период был, когда бойкотировали¹¹⁹, другой раз¹²⁰ они не бойкотировали. Хорошо, - и если даже бойкотировали, - а Вы знаете, что мы бойкотировали учреждения Самодержавия, в деревнях мы не

¹¹⁸ Полное название: *Лаврентий Берия*. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. Доклад на Тифлисском паргактиве 21-22 июля 1935 г., Тб. 1935 г.

¹¹⁹ При выборах в Первую Гос. Думу. Изд.

¹²⁰ Выборы во вторую, третью и четвертую Думы. Изд.

признавали официальные Суды. Так вся крестьянство бойкотировало, и сами они, в деревнях учредили свои нелегальные Суды. Так вот - если влиянием пользуется партия, что это что значит? Это значит, что к ним масса примыкает и бойкот они не проведут. Они, большевики, если они вели пропаганду и бойкота не провели, - это значит, что масса их не признавала! Каким же образом это все в историю можно приписать к той партии, которая и бойкота не может [провести], и выбирать не может, делегатов не может посылать? Не рассказывая детально то, что происходило во время борьбы большевизма и меньшевизма в Грузии, когда именно они [большевики] не сумели привить этот дух большевистский грузинскому народу. Не могли привить, потому что неприемлемо было. В конце концов это не я должен объяснять - почему. Это дело историков, и это дело умных и ученых людей, которые из одной кости целую историю могут [воссоздать] будут, и массу документов, - которых уничтожают, - но все же осталось там, - найдут.

Только когда большевистский дух стал неприемлем для грузинских рабочих, для грузинских крестьян, для всего населения, то только потом они взялись за оружие.

Теперь: Я буду рассказывать то, как я оказался в Тифлисе в первый раз. Еще в 911 году я был арестован, держали меня в тюрьме, и по распоряжении Наместника я был выслан в Россию на 5 лет в Ростов. В Ростове я жил, соблазнили меня, русские рабочие, интересно что там были синдикаты. Это уже на основании 19 марта 906 года закон о проф. союзах и они легально существовали.

Нам, грузинам донесли, что большевики приходят на общих собраниях этих синдикатов и не позволяют им вести свои дела нормально, и этим самим мешают, закрывают они собрание. Рабочие, те, которые в синдикате были, жаловались нам, что они не находят возможным устроить собрание, [приходят] 10 человек большевиков на собрания из 300 - 400 - 500, иногда больше рабочих, и захватывают все в свои руки тем, что они скандал устраивают, и тут - же полиция, и так далее ...

Мы им сказали: *«Не бойтесь, мы придем на ваше собрание, сообщите нам, придем мы, несколько человек, вы нам покажите этих большевиков».*

Хорошо.

Мы получили разрешение явиться на собрание. Показали они нам - *«Вот большевик там, там, и там».* Знаете, большевики избрали такую стратегию; расставили там и там чтобы произвести впечатление своим скандалом. А мы взяли и каждому большевику рядом приставили нашего товарища, грузин был, арменин был из Грузии. У нас заранее было выработано, как только председатель откроет собрание и хочет предоставить слово докладчику, сейчас же они [большевики] поднимают скандал. А эти, наши, схватили их, вынесли во двор и выбросили. И один из наших встал и говорит: *«Как вы смеете, кто такие эти хулиганы, которые царские законы нарушают здесь?»* Сказал так, чтобы полицейский услышал. *«Много крови пролили рабочие, пока добились этого, а теперь эти хулиганы хотят мешать собранию?»*

«Браво!» - захолопали полицейские.

Как только, распространился слух, - а Ростов город маленький - как только стало известно, что кавказцы не позволяют большевикам чтобы мешать собранию, с того времени собрание стало легально, открыто, свободно...

И это было в каких годах, это маленькое прошествование?

Это должно быть, - в 911 году меня выслали в Ростов, - это было в 911 - 12 году. Я исправлю, если я ошибся в датах, потом.

Вот это пример.

Я там тоже образовали нелегальный кружок и начали работу, связывались с рабочими, и меня арестовали. Посадили в тюрьму. Я говорю жандарму: *«Я понимаю, когда меня наказали, что выслали из Грузии, так как я не был членом партии, но я примыкал к движению. За это наказали. Хорошо. Но за одно преступление два раза не наказывают».*

Мне жандарм, смеясь, говорит: *«Мы тоже придерживаемся закона, и Вас два раза тоже не будем наказывать. Вы дальше не распространяйтесь, и не спорьте с нами, спокойно сидите и не будете наказаны».*

Тогда я подумал - *«Знают они нас».* Нас было всего 6 человек, из 6 кто же мог оказаться провокатором, чтобы нас выдавать? Я ошибся, ошибся и узнал после революции, в Тифлисе, когда я списки этих провокаторов я прочел. В Ростове они тогда, в Охранке нашли, они печатали в газетах, и я читаю: Читаю ... забыл фамилию, русский рабочий ... который из Сибири вернулся, он был в ссылке за политическую деятельность, мы его приняли в нашу группу, имно потому, что такая репутация была, передового рабочего. Оказалось, что передовой рабочий и был провокатором.

Меня выслали оттуда, - по моему выбору. Был я Харьков. В Харькове я был там, когда начинается война (или может еще до войны,) хорошо я этого не помню; приезжает Государь. Полиция пришла и говорит: *«Политические все должны уехать отсюда, потому что приезжает Император. Хотите, мы вам даром предоставим поезд, езжайте куда хотите. А если не хотите, мы вас арестуем»* и так далее.

Мы все поехали на вокзал.

Я избрал Полтаву.

Поехал в Полтаву. В Полтаве не оказалось Генерал - Губернатора, он был в Петрограде.

Нам сказали, что *«обождем».*

Приехал Губернатор, позвал нас и сказал: *«В 24 часа убирайтесь отсюда, я политических не терплю. Выбирайте какой хотите [город]».*

Я выбрал Царицын и поехал в Царицын, зимой.

В кармане у меня 30 копеек.

Ночь.

Я думал, - *«встречу, знакомого».*

Никого не встретил.
Куда ехать на 30 копеек?
Решил заснуть в зале.
Длинные скамьи были, я залез и свой чемодан под голову заунул. Пальто у меня хорошее, «Ну, - думаю, - не спи, Георгий, как нибудь выдержи».
Через некоторое время кто то меня толкнул ногой. Открыл глаза, - вижу жандарм.
- «Ей, вылезай оттуда!»
Я вылез.
- «Кто такой? Покажи твой паспорт!».
Я показал паспорт.
Он посмотрел, туда - сюда, и говорит: - «Слушайте, вы замерзнете так...»
- «А что мне делать, у меня денег нет» - говорю.
- «Вот что я вам скажу - выйдите из парадного входа, и идите прямо - прямо, увидите деревянный мост на реке, это река Царицын. Перейдете мост, сразу - же будет ночлежка, заплатите 5 копеек за ночь и поспите там, а утром пристроитесь».

Вот так я там прожил до окончания моего срока.
В один день пристав зовет и говорит: «Поздравляю, куда хотите, туда и езжайте, но только преписание, что Вы не можете на Кавказе жить». Ну, я решил вернуться в Ростов, где я работал, с своему хозяину, потом вернусь в Тифлис, повидая своих родных, знакомых, товаришей, а потом вернусь опять, тайком.

Хозяин мне говорит (бывший соц - демократ, тоже, имел большое дело): «Знаете - говорит - Георгий, я же сам был когда - то, я знаю, что если ты вернешся на родину, тебя не отпустят...».
«Нет, нет - я говорю, - я непременно вернусь, потому что я боюсь, могут арестовать меня».
«Вот, увидишь», говорит.

Попрощался я, приехал. Приехал, значит, я должен жить нелегально? Сейчас - же я сообразил, что в Тифлисе меня легко найти, но если я в деревне живу? В Тифлисе надо прописаться, Тифлис ведь не контролирует деревню, а так как деревня была, одна, так близко от Тифлиса, на границе городской линии лежит эта деревня. Вот в эту деревню я и поехал, недалеко от Тифлиса, и там я живу. И ЦК нашей партии постарался найти мне работу. На заводе, на фабрике трудно, потому что официальные лица и так далее. могут узнать меня; они меня поместили в кооператив.

Был рабочий кооператив, очень большой, 3 или 4 отделения имел в Тифлисе, называлось «Возрождение». Вот меня туда и послали. Я там работал. Что я там делал - неважно.

В один день приходит один наборщик, - фамилию не помню - и говорит: «Георгий, сегодня вечером, в таком - то часу, на михайловской улице (так тогда называлось, теперь они переменили название этой улицы), - в таком - то номере, во дворе, будет собрание».

«Какое собрание?»

«Ах, ты знаешь, из Петрограда получили телеграмму».

«Какую телеграмму?»

Он сказал, что Чхеидзе просил Пагава¹²¹, чтобы передать, что Мтавробадзе умер.

Мы сейчас - же догадались, что это правительство. «Мтавроба» - это «Правительство». Прибавил он окончание - это фамилия. Но негрузин не поймет, а всякий грузин сейчас - же понял, что, раз умер Мтавробадзе, то мы догадались, в чем дело.

Конечно, он немного хотел скрыть это, но так заинтересованы были приказчики, заведующие, рабочие кооператива, в особенности около Железных дорог был, а железнодорожные рабочие вечером как клиенты туда, как только они заинтересовались, узнав, в чем дело, что такое, кто умер, как умер - уже распространилось, что правительства уже нет.

Вот как я узнал о падении монархии.

Я пошел, - чего уже мне бояться? Пошел я, тем более легко мог я найти, потому что там была одна мастерская, где человек 9 работало, иконостасная мастерская, немец имел, я работал там, и этот двор я хорошо знал, рядом было. Я вошел туда и нашел этот зал. Всех я не мог запомнить, один из этих участников этого собрания, здесь, у нас, наборщик, уже как 4 года как мы здесь набирает наши журналы, газеты, книги, революционные, такой - же как я, другие, вот он был там, Филип Махарадзе, запомнил еще Валико называли, Валериан Джугташвили.

Джегашвили?

Джугели! Похож на Джугташвили... Джугели его фамилия. Этот карталинец, а он, Джугели из кутаисской губернии, студент; и еще несколько рабочих, сейчас я не могу вспомнить фамилии, но я их всех знал.

Ну, ждали, ждали, на эстраде Филип Махарадзе, и еще какие - то сидели. Филип заявляет, что «Ждать нечего, придется открыть собрание».

Открыли собрание. Он сообщил нам более открыто, подробно, что там, в Петрограде, революция, правительство сбросили, революция началась и нам нужно организоваться. Надо нам организовать Совет рабочих депутатов. И выбрали мы Совет рабочих депутатов.

Я говорю: «Слово прошу, товарищ Филип».

«Георгий, что бы хотите?»

«Такое большое событие, здесь мы случайно собрались, все наши руководители должны быть здесь, на этом собрании: Главным образом Жордания, который является руководителем нашей

¹²¹ Георгий (Гогита) Авксентьевич Пагава (1895 – 1924) грузинский политик, Соц.-Демократ (меньшевик), член Учредительного собрания Грузии (1919—1921), Учился на юридическом фак-те Московского Университета, участвовал в антибольшевистском восстании в Грузии (1924 г.). Расстрелян большевиками.

партии и нашего движения. Без него это не мыслимо. Где он? Один говорит, что он в деревне, другой говорит, что он здесь. В таком случае, если в деревне - депешу дать, чтоб он приехал. А если он здесь, надо разыскать и сообщить и тогда назначить собрание. И обсудить тогда. В принципе никто не будет возражать, но как организовать, об этом поговорить тогда».

Собрание приняло. Я хотел ... предлагал, все собрание хотело меня избрать, пока он придет, но я не хотел этого сделать, потому что Филипп старый человек, долго он работал в партии, и потому что мы не хотели раздражать большевиков, и думали, что какнибудь примирения, заставить их держаться в рамках партийной работы то я думал, что надо уважать его, как старика, и сказал, что - нет, Филипп должен быть, как старый человек. Его посадить. Тем более, что я когда в деревне жил тогда, он узнал, и он тогда тоже прятался, нелегально, не знал, и узнал что я в деревне жил, он приехал туда и попросил, я его приютил. Я его приютил, он у меня недели две жил, в одной комнате мы жили, и когда он нашел лучшую квартиру, он переехал. Вот такое у нас было положение.

Еще один вопрос: Вы ожидали того, что произойдет революция? Вы уже чувствовали, что это должно было произойти, или же это пришло более - менее как что - то неожиданное?

Вот насчет этого я должен сказать: Те, которые жили в Тифлисе, они могли знать, как думали в тех или других слоях, но так как я не жил [в Тифлисе], я в России жил, то я, столько не мог набрать, но, если судить по старым воспоминаниям, то, что до того происходило у нас, то в Грузии ждали, непременно это будет.

Когда я был в Царицыне, то там я работал на заводе Максимова, и мы двое из техников, и третий, - мы все трое обедали вместе. И к одному из техников приехал брат - матрос. Как только он вошел (здоровый такой мужчина), познакомили меня, - «Кавказец».

«Как фамилия?»

«Эрадзе».

«Революционер?».

«Я Социал - демократ», говорю.

«Да, а я Социал - Революционер! Значит, открыто можно говорить, господа.

Я вам заявляю, скоро не будет нашего Николая».

Вот такое было.

Я был там. ... Грузия не могла свалить (эту власть), это русский народ должен, а мы должны помочь, чем только можем. Вот. Это настроение и до того существовало.

Неожиданностью было то, что никакого движения не было, а вот действительно так и произошло, что одна часть армии, стоящая в Петрограде забунтовала и кончено было все. И нас, за это националисты обвиняли, что «Мы свободу получили по почте»¹²².

По почте получили, но до того, пока эту почту создали, начиная с 900 года, до 17 го, все время боролись, Мы еще в 905 году, когда Николай Второй был принужден издать манифест, «Октябрьский Манифест», Вы помните, мы тайное собрание у нас было, потому что всеобщая забастовка по всей России, и в Баку, и в Батуме, и в Тифлисе, везде и всюду, и в некоторых местах и вооруженное сопротивление, и борьба, и кровь пролилась.

17 октября мы заседали в рабочем квартале, под председательством Ноя Жордания. Хотели выслушать батумского делегата, в каком положении там, и в Баку, протекает это революционное движение. Во время его доклада, врывается один, - мы все были удивлены, это был наш товарищ, старый товарищ, наборщик, потому что, не принято было у нас, чтобы войдя на собрание, на легальном собрании, у нас стоял там во дворе человек, и без его ведома никто не (входил?) а если он пропустил, то что - то произошло.

«Что вы здесь сидите, весь народ пришел в Нахаловку и призывают вас. Манифест издали!».

Мы, конечно, сейчас - же заволновались, нас было человек 12, или больше, и все вскочили с места и стремимся (?) в ...

Жордания встал и закричал: «Не смейте выходить, садитесь!».

Мы сели.

«Не понимаете, что это значит? Весь Тифлис пришел сюда!» - (И действительно, когда мы вышли, кого там не было, - мелкие лавочники, ремесленники, рабочие, чиновники, буржуи, за исключением реакционеров - все были там) - Пришли они для чего? До сих пор они признавали нас, когда мы издавали прокламации - Забастовать, протестовать против того или другого факта правительственного, - то все магазины были закрыты. Они признавали нас. А теперь они пришли сказать - во первых, засвидетельствовать, что «Мы с Вами». А потом указать, что дальше делать . Вот надо иметь программу и так входить и сказать им.

Я считаю простой бумажкой этот манифест, который он издал. Для этого должна быть гарантия, Пока эта гарантия не будет и на основании этой гарантии не будет осуществлено свобода, какого то министерства как вы знаете, то никакого значения это не имеет. В особенности теперь нам следует, чтоб мы были организованны, чтоб никакого скандала на улице чтоб не было, сейчас - же чтобы все были с этими, с перевязками социал - демократов партии, - красная лента. Как полицейские - они должны огородить, и всех призывать к порядку, чтоб никакого

¹²² Подразумевается замечание грузинского Нац. Демократа Спиридона Кедия, высказанное председателю правительства Ною Жордания на заседании Учредительного Собрания Грузии 31 декабря 1919 г. См. Об этом Ир. Якобашвили, Грузия между «Анархией» и «Демократией», 1917–1921). // «Пусть горит свеча»; Сборник статей и материалов, посвященный памяти доктора исторических наук, профессора А.П. Ненарокова, М. РОССПЕН, 2021. С. 197.

нарушения! Надо показать всему миру, что мы не только хотим революцию, но мы сумеем эту революцию сохранить!».

Вот так вышло.

И оказался там весь Тифлис - интернациональный. И отлично знали все, что руководителями здесь были грузинские рабочие. И именно потому, что мы были интернационалисты, и вся наша программа, которую мы начертили (сегодня я вижу, за что Европа борется), по социальному вопросу, по другим политическим вопросам почти все было нами... Мы не только писали, но это проводили и это необходимо было, иначе мы не могли существовать. Это была жизненно для нас.

А сейчас нельзя ли Вас попросить вернуться к 17-му году и к тому, что произошло в Тифлисе непосредственно после совещания, которое у вас было после того, что вы узнали, что правительство в Петрограде распалось ...

Это почему я рассказал? Потому что, значит, настроение какое было, что не только ожидание, что это непременно будет, но за это мы боролись!

Вот, произошло то, что я не получил известия о втором собрании (Совета Рабочих Депутатов). Я спрашиваю - «В чем дело»? Вот таким образом я обратил внимание, потому что позвали меня на собрание, где был Жордания, и другие, и на этом собрании уже поставили доклад, бостоятельный - что произошло в Петрограде, и потом - что необходимо нам организовать. Для этого необходимо организовать а единственная форма - этого Партия не может, это должно быть нейтральное, чтобы все могли там быть, - Совет рабочих депутатов. И так дальше обсудить, не выбирать здесь, потому что мы не уполномочены на это, а мы должны по всем заводам докладывать, сообщить и предложить и, что на определенный срок они на каждое количество депутатов выбрали они депутатов, и прислали. И когда они придут, и откроем собрание, это будет Совет Рабочих Депутатов. Так и случилось!

Везде и всюду, свободно конечно, всякий мог говорить; говорили, радостно, конечно, все это приняли, и избрали они, собрались они. Скажу, что не было большевика среди делегатов, ... был не могу, неправда. Но совершенно незаметное количество, совсем .. Еще потому, что настроение у рабочих было такое, что большевики, они не очень то вспоминали (?) старые споры, какие происходили между нами, так они были рады. Главное, интеллигенты, которые все же теоретически так были, знаете ли, головы у них были засорены этой теорией большевизма, что они ... но остальным, эти интеллигенты тоже не проявляли, потому что масса эта, видно, была меньшевистская. Вот вам еще доказательство.

Даже сегодня, я недавно читал в грузинском «Комунисте» историю возникновения Совета Рабочих депутатов, конечно, они все вверх дном перевернули и [все] приписывают большевикам, [а] история была такова. И еще дальше то, что мы же с самого же начала, когда началось движение, мы связали наше движение с движением российским. Это сознательно. Сознательно потому, что мы думали, что если в России будет революция, и восторжествует народ, то, будет осуществлены свободы, кот удовлетворях всех - и рабочих, и крестьян, и все население. Одним словом, мы были убеждены в том, что целиком политическая программа, все может быть осуществлено. В этом были убеждены. Тем более, что мы и раньше, и после, и все время о революции думали, что мы таким образом, вместе с русским народом, можем жить в новых условиях, и в новой свободе и с новыми перспективами. Но, одновременно, мы думали, что надо не только совершить революцию, но надо сохранить. А для сохранения так увлекло нас торжество революции, что мы, ... не думали.

В один прекрасный день Жордания созывает собрание Совета Рабочих депутатов, и гооврит: «Это хорошо, революцию ... а вы не видите, что разбойники у нас [ее] отнимают?».

А что произошло?

Мы не могли на короткое время организовать полицию. организовать порядок, а так - как старого этого не было, то все эти хулиганы подняли головы: нельзя было на улицу выходить, ни ночью, ни среди белого дня - грабили. Вот так, - говорит [Жордания], - Революция была выйгрена кровью, а сейчас разбойники у нас [ее] отнимают. Поэтому, нам надо иметь силу, чтобы защитить революцию. Вспомите как 905 году, у нас была «Красная Гвардия», из самых надежных рабочих, ... создадим опять такое».

Ну, много не говоря, мы это приняли, обсуждали, сколько человек и так далее. и через 3 - 4 дня уже у нас была «Гвардия». Когда «Гвардия» была, уже началась Военная Власть: Значит, преследовать разбойников. Арестовали мы 12 человек, среди них и грузины были, и молокане - русские; разбойники; Создали трибунал, революционный. Председателем Трибунала мы пригласили старого судью, - какого Суда, я не помню, но либерала, - честного человека, хорошо знающего все законы, и все правила ведения этого судебного дела. Мы его назначили Председателем - русский был, - и помощниками нескольких рабочих, интеллигентов. Поручено было им, по указанию этого судьи, справиться с этим. В 24 часа мы выяснили все и всех этих 12 разбойников расстреляли.

Больше воровства не было.

Таким образом, мы уже вошли вглубь, в защиту революции. А дальше, уже, всем известно, как мы организовали Национальный Совет, потом мы организовали Учредительное Собрание.

Надо, насчет Учредительного Собрания сказать, что, если большевики действительно были хозяевами положения в Грузии, то, там ни полиция им не мешала, и никто им не мешал; Когда армянская партия «*Дашнакцютюн*» решила провести депутатов, - «*пожалуйста, садитесь*», - провела своих делегатов; грузинские Национал - Демократы провели, ЭсЕры провели, «*Народная партия*» была, - они провели; федералисты были, Социалист - Федералисты, они провели. Что мешало большевикам, чтобы провести выборы и провести депутатов? Там их не было. Они не могли легально получить от народа мандат, чтобы управлять страной. Так они нелегально начали подкапывать под это новой Свободой.

И, в общем власть перешла им в руки, только из - за военной силы?

Да. Они добивались еще до этого им нужно было пройти много, они свое внимание обратили во первых они старались посредством этих солдат, которые с Кавказского фронта бежали, чтобы воспользоваться ими и завладеть Тифлисом, и прогнать эту временную власть, которую мы создали. Мы [тогда] еще не откололись от России. Им это не удалось.

У меня есть такой факт, что большевики старались, чтобы воспользоваться русской армией, чтобы захватить эту власть [в Грузии]. С этой целью они вели пропаганду среди возвращавшихся с кавказского фронта солдат, у меня ...когда недалеко от Тифлиса, проезжали ... и большевики агитировали не через Баку ехать в Россию, но через Батум, проездом через Тифлис. У них была определенная цель, остаться в Тифлисе, чтобы там остаться и прогнать нашу власть, и водрузить знамя большевиков.

Мы это знали и к этому подготовились. Конечно мы не могли оружием идти против их оружия, оружие им противопоставить. Мы не так были вооружены, чтобы сопротивляться, мы думали, что мы можем только морально разбить их. С этой целью мы направили одного рабочего крестьянина, который стоял во главе этого бронированного поезда, Гогвадзе¹²³ (жена его здесь), бывший солдат, член нашей партии, он был войн настоящий. Он своим отрядом и своими вооруженными силами поехал туда, и послал им делегатов, - спросить: «Чего вы добиваетесь, что вы хотите?».

Они говорят: «Пустите нас [в Россию] через Батум».

Гогвадзе заявляет: «Именем Совета Рабочих Депутатов мне не позволено пропустить вас, товарищи; не проливайте напрасно крови здесь: Революция дала нам возможность, чтобы воспользоваться плодами этой революции, у вас, в деревнях идет дележь земли, а вы здесь еще будете братскую войну устраивать? Не довольно вам, на фронте, 4 года боролесь?»

На них это повлияло.

Конечно, мы направили еще русских рабочих, которые вошли туда, они тоже вели агитацию, и это на них тоже повлияло, и масса начала кричать, что «на самом деле, чего нам здесь, идем домой, домой, домой...» .

На другой раз большевики захотели захватить Арсенал в Тифлисе. Один из них, Кузнецов¹²⁴, и другой еще, ... кажется однофамилец его, они вдвоем засели там и агитировали - там стоял полк, не помню какой, - и посредством этого полка, внутри они подговорили всех служащих, и хотели захватить Арсенал.

Это мы узнали. Сейчас - же мы послали гвардейцев, и среди участников был этот наборщик. Наши гвардейцы, рабочие, многие из них не так (хорошо) умели стрелять, но оружие, какое у них было - ими они и явились туда. А эти, более опытные, которые там (в Арсенале) работали, они засели и со второго этажа начали обстреливать наших. В 12 часов ночи, - я еще был там, - получили сводку по телефону, что очень трудно им, гвардейцам заставить их, чтобы они, засевшие, ушли, вышли и сдали Арсенал.

Решили мы опять, наравить туда Гогвадзе. В это время Гогвадзе, раненый (Он у нас лежал, во дворце Наместника, нога у него болела) все же поехал, на автомобиле, с несколькими нашими вооруженными товарищами, и как только он вошел, сейчас - же закричал им то - же самое: «Именем Совета Рабочих Депутатов приказываю стрельбу прекратить!»

И все прекратили.

«Никто вас не тронет, слезайте оттуда, и вы все свободны».

В это время идет полк, для поддержки засевших в Арсенале. Но они известие получили от наших, что «Совет Рабочих Депутатов выступает и уже Арсенал взят» - а в это время наши вооруженные силы все еще подступают туда. Этот полк поверил нашим и вернулся обратно. И таким образом, значит, спасли мы это положение.

Когда этот самый Цинцадзе приехал в Москву (или Петроград), где был тогда большевистский Центральный Комитет, и докладывал о событиях, - этот спрашивает, Ленин - «Ты мне расскажи насчет Арсенала: в чьих он в руках?»

Он начинает говорить, что «у нас такие организации, там восстание устроили, там ...».

«Нет, ты расскажи нам об этом Арсенале».

И когда он (Цинцадзе) был вынужден сказать, что «Арсенал тоже в руках меньшевиков».

Тогда Ленин сказал; «Садись, не стоит тебе говорить».

Мы этим самым спасли положение.

Узнали.

Сейчас я не могу вспомнить, как, в какой форме они узнали о перевороте большевиков (25 октября 1917 года), потому что я был в такой области, где работал, и так был там занят, до двух часов ночи, снабжал рабочих, служащих и армию, что только об этом думал, и не мог это все запомнить; Помню только, я могу сказать, что даже тогда, когда большевики захватили в свои руки, все - же у нас была надежда, что так или иначе это может вылиться в такую форму, что не придется нам отстать от России. Но когда уже такой оборот приняла там революция, что мы уже подумали, что у нас спасения нет - с одной стороны Турция наступает, у нас уже защиты нет, войск там нет и если есть, то против нас; тут Центр против нас, а кто будет защищать? Эти турки захватят нас и мы конечно, тогда вынуждены были сказать, что спасение наше может быть только тем, что мы только сами себя должны защищать. Когда мы сами себе будем принадлежать, тогда мы можем искать защитника - кто нам поможет.

Так и случилось. В это же самое время так быстро эти события происходили, одновременно мы испугались турок, с другой стороны от большевиков, и в это время мы связались с немцами, и немцы нас спасли, и спасли вовремя, потому что войск у нас не было, на границе, где уже турки наступали; Воспользовались тем, что были пленные немцы, надели на них шинели, дали им флажки, немецкие и

¹²³ Владимир (Володя) Гогвадзе,

¹²⁴ Личность не установлена. Изд.

взяли на всю линию этой границы, поставили и куда только эти турецкие войска подходили, они встречали немецкий флаг. И только этим остановили.

Вот таким образом мы дошли до того, что мы были уже сознательно [готовы] для спасения, чтобы отдельно существовать. А потом, все то, что произошло в России, тем более должны были отгородить от этой болезни, которая заразила весь русский народ, и сколько погибло чтобы ...

[Конец записи].

Реваз Габашвили¹²⁵

Воспоминания о Революции 1917 года

Господин Габашвили, Вы были свидетелем, даже участником всех исторических событий, которые происходили в России в 1917 году. Я был бы очень рад, если - бы Вы мне рассказали о них.

Но, если можно, сначала скажите где и когда Вы родились.

Я родился в Тифлисе 6 ноября 1882 года. 8 лет я поступил в так называемую Тифлисскую Дворянскую гимназию. Она называлась сначала «школа» а потом его переделали в Гимназию с класс программой. Окончил я ее в 1902 году, и прямо, уже с аттестатом зрелости поехал в Льеж, поступил там, был такой институт электротехники имени Монтефиоре. Он считался вторым после Парижа. Там я побыл до 1905 года. За это время туда приезжали все русские революционеры: Ленин, Тощкий, Плеханов, Дан, масса других. Все они вели пропаганду среди студентов, для будущей революции. Я был со всеми ими знаком, встречался, вел разговоры...

Были ли студенты из России?

Большинство были еврей, потом поляки, были русские. Были всего два грузина, я и еще один, Геладзе. Устраивали собрания у нас, частные вечеринки, но главное событие среди студентов были вот эти самые доклады революционеров.

А почему вы поехали обратно в Россию в 905 году?

В 905 году я не закончил учение. В Льеже, под влиянием этих революционных событий в самой России, - это было после убийств Плеве, когда все революционеры были убеждены, что вот - вот завтра революция должна произойти, - а я как националист, с детства мечтавший о независимой Грузии, вернулся, чтобы принять участие в освобождении Грузии...

А к тому времени ...

... Это была мечта!

А к тому времени у Вас сложилось определенное политическое ...

Да, да уже в 18 лет в Грузии я принимал участие в политических демонстрациях, я устраивал забастовки, потому что, вы должны определенно знать одну вещь: все революционные партии: большевики, меньшевики, Соц. - Революционеры, Дашнаки, социалисты - федералисты, они все работали согласованно, между собой, грызлись, но в революционной атмосфере все работали вместе, друг - другу помогали. Так что я никогда не был социалистом, не записался ни в одну партию (я был индивидуальный националист) я примкнул к федералистам, так как они были единственной партией, которая ставила национальный вопрос и требовали автономии. Других партии не было: Социал. - Демократы, они были «Единые и неделимые» и более русские, чем сами русские, Соц. - Революционеры тоже была имперской партией. Имперский вопрос их интересовал, а национального вопроса они не ставили.

А партия, к которой Вы как бы примкнули ...

Да, да я с ними работал в 1905 году. они требовали Федерации русских нац. Издавали в Париже журнал «Свободная Грузия», и оттуда посылали, мы там нелегально получали.

Хорошо, может Вы продолжите свой рассказ, что с Вами произошло после того, как Вы вернулись в Россию.

Разрешите мне одно Вам сказать: прежде чем я вернулся, - я не хотел возвращаться, не имея никаких связей, никакой работы - я обратился к Соц. - Революционерам, тамошним, «если можно, отправьте меня в какую - либо боевую организацию, чтобы я мог принять непосредственное участие в каком - либо акте».

Мне назначили свидание где - то в саду, с какими - то парочками, с каким - то господином, очень красивым, высоким господином, если я не ошибаюсь, с Савинковым¹²⁶, знаменитым Савинковым. Вот я с ним встретился, был у нас диалог. Я записал, маленький диалог.

Я говорю, - вот так и так,

Он мне говорит: «Вы должны поехать в Москву, убить какого - нибудь высокопоставленное лицо, например Сергея Александровича или, там, министра какого - то такого - то, а потом вы будете приняты сейчас же, если спасетесь, сейчас же будете приняты в Центральный Комитет, и тогда будете разъезжать по всей России, в Грузии, куда хотите, когда хотите».

¹²⁵ Реваз Александрович Габашвили (6 ноября 1882, Тифлис – 14 марта, 1969 г. Париж, Франция) грузинский политик, Нац.- Демократ. Княжеского рода, Инженер-электротехник, Окончил Льежский Инженерный институт Им. Монтефиори, Полиглот, владел многими европейскими и восточными языками, сын классика грузинской литературы Екатерины Габашвили. С 1921 г. - в эмиграции. Автор книги Воспоминаний и множество науч. И литерат. публикаций.

¹²⁶ Борис Викторович Савинков (19 [31] января 1879, Харьков – 7 мая 1925, Москва) – русский революционер, один из лидеров партии эсеров, руководитель Боевой организации партии эсеров, глава Союза защиты Родины и Свободы. Участник Белого движения, писатель (прозаик, поэт, публицист, мемуарист; литературный псевдоним – В. Ропшин). По офиц. версии покончил жизнь самоубийством в здании Лубянской тюрьмы в Москве.

Прямо, знаете, огорошил. ... никакого представления... Революционный комитет, это что - то святое, чистое, понимаете, и вдруг, оказывается, ... воровски, кого - то убить, и тогда попасть в Центральный Комитет, - прямо, как по голове.

Я разошелся с ним с первого же раза, и поехал сам, ни в какой боевой организации не был, но вот, как говорю, работал, значит, с этими, федералистами, не будучи сам федералистом.

Цуладзе там делает маленькую ошибку, он говорит, что ни одна партия не требовала, не шла дальше автономии. Это ошибка, поскольку наша партия, как только она появилась на свет, название было такое - «Грузинская Национальная Партия». Мы требовали восстановления «[Георгиевского] Трактата», положенного между двумя государствами: Грузией и Россией. Ираклий II, царь был и Екатепина II, в 1783 г. Мы требовали восстановления государственных дружеских отношений не нарушая государственного установления Грузии. Ни социалисты, никто, они этой разницы не понимали, к сожалению. Для них социальный вопрос был главным, а государственный, юридически национальный - второстепенный. А мы во главу угла ставили государственность - вот разница.

Вы вернулись в Тифлис ..

Сейчас же я вернулся в Тифлис, обратился в ЦК федералистов (а главный центр был в Париже), Деканозишвили был ..

Как, простите ?

Де - ка - но - зи - швили, и князь Джорджадзе. Вот два столпа, они отсюда руководили, пересылали литературу, оружие и так далее. и т.п. Один только интересный. эпизод: В 905 году, когда я был в Грузии, шведский пароход «Сириус», на этом шведском пароходе «Сириус», на японские деньги, швейцарское оружие, целый пароход был привезен в Грузию.

А кем же был привезен?

Федералистами.

На собранные деньги?

Да, да, вот Деканозишвили и Джорджадзе, они прислали и мои товарищи сидели на этом пароходе. Часть оружие удалось выгрузить и распределить там, а часть пришлось выбросить, так - как русский флот уже пронюхал это, пришлось это выбросить. Вот эти интересные, так сказать, ...

Да.

Швейцария, Швеция и Япония, вроде бы никакого отношения не имели...

Да. Теперь, - может вы суммировали бы Вашу жизнь, между 905 и скажем, 906 годом, то - есть непосредственно до событий 17 года.

В 905 г. я, значит, был самым активным участником самых трудных, самых тайных дел у этих, федералистов, фабриковал бомбы для диверсий, которому я учился уже там....

Простите, где?

Что?

Где ему учились?

В Бельгии.

В Бельгии, да, да ...

Потом, это, мы изучали там стрельбу, спец ружья были введены, японские, с этим, с окуляром, и вот я занимался главным образом, таинственными делами, это 905 г. Но в 906, в конце, потом пропагандировал в войсках. В конце 905 г. уже настоящая революция, людей сажали в тюрьмы, посылали в Сибирь, расстреливали, вешали, я был как я пишу, благодаря русскому царскому закону, что без улик нельзя ничего ... со мной ничего не могли делать, но все таки подальше от греха, я уехал опять за границу, тем более, что мне было поручено партией федералистов, лидерами, получить новые инструкции, о реакции, что и как делать.

Я приехал в 906 году в Париж, в первый раз, потом я вернулся в том же году в Баку и служил на нефтяном промышленном предприятии.

Можно удивляться тогдашними либеральным законам, что 907 году я был совершенно легально принят в СПб университет, причем мне зачли все занятия, прошедшие мною в Бельгии, я был принят на 2 - й курс...

На 2 курс какого факультета?

Физико - математический факультет, по специальности химии.

И как долго Вы были ...

Вот в СПб я был до конца 910 года. в 10 г я вернулся .. Да, в 10 г. вы наверное помните, произошли т - н. «Толстовские беспорядки»...

Какие, простите?

«Толстовские беспорядки», так они назывались. Толстой умер тогда и бастовали, там, эти вонючие, устраивали, эти, демонстранты, студенты, главным образом 1 - 2 курса, молодежь. А мы уже были взрослые, у меня уже борода была, мне было 26 - 27 лет, понимаете ли, 25 - 26 лет, и мы смеялись над ними, детворой, несчастья (?) Я готовился, переходил с курса на курс, готовился усиленно к

экзаменам, зашел в Университет случайно, чтоб получить лекции, там (они) печатались, печатные лекции, ...

Да...

... и как раз случилась облава, совсем «куры во щи», как говорится, попал в облаву и посадили меня в тюрьму.

Сидел я 3,5 месяца. Ничем не смогла доказать мне полиция, что я какое либо отношения имел, а еще имела у меня борода, а студенты с бородой ..., ну, вот без права поступления в Университет уволили меня из .. Вот так кончилась моя студенческая жизнь. Но так как я усердно занимался 3 года в Бельгии, и в СПб, сам интересовался, учебниками (?) и др. вещами, то, значит, я считаю себя окончившим курс университетский, с высшим образованием.

Вот вернулся, значит, в Грузии сразу погрузился в учебу: никакую революцию, никаких этих... я разочаровался уже после Савинкова, там я видел разочаровался в революционерах; Не в самой революции, но в революционерах, потому что на мой взгляд, они оказались хуже тех, с которыми они воевали, такие безобразия творили, - убийство, воровство, надувательство, черт знает что такое. Мне претило это.

Я совершенно отошел от этого, и другой вид деятельности ...я главным образом занимался кооперативами, и делами по сборке [нрзб].

Это было в 910 - 11 годов?

До 24 часа я был погружен в общественные и экономические дела, и считаю самым дорогим временем для меня.

Вот такой вопрос я хочу Вам задать ..

Пожалуйста.

Как была встречена война 914 года в Грузии?

Да...

Какое было отношение Ваше и вот ваших друзей к началу войны и также к его ходу?

У этих федералистов продолжал здесь комитет и появился новый комитет, «Комитет Освобождения Грузии». В начале же войны, как только началось война 14 года, отсюда приехал агент их, лицо, - можете записать фамилию, Георгий Мачабели¹²⁷, ...

Мачабели...

Мачабели, который был объявлен самым большим немецким шпионом, опасным и так далее. Разосланы были телеграммы и портреты его, «сейчас же арестовать», ... Вот этот Мачабели, он, с места в карьер, значит, учредил филиальное отделения, здешнего комитета...

Где, простите?

В Тифлисе.

В Тифлисе, да...

... И вот мы, трое были, составляли этот Тифлисский комитет: это был я, Ваш покорный слуга, был Спиридон Кедия ...

Ке - ди - я? ...

Кедия! Не Михаил Кедия, а Спиридон Кедия. И третий был князь Давид Вачнадзе.

Вач - над - зе, да?...

Вачнадзе. В течении всей войны с 14 по 18 год у нас была связь с этим комитетом, [нрзб] картина рассказывать очень подробно, книгу написать, когданибудь...

Да...

В течении всей войны у нас была связь с этим «Комитетом Освобождения Грузии», во главе этого комитета стоял князь Церетели, Михаил¹²⁸, профессор, ассириолог, потом там были братья Кереселидзе¹²⁹, Сургуладзе¹³⁰...

А какие же цели были у этого комитета?

Прямая цель Комитета, которую они не скрывали, - мы даже не скрывали, - это была полное освобождение Грузии, даже перешагнули через Трактат, который мы поддерживали. Комитет этот дальне

¹²⁷ Георгий Васильевич Мачабели (1885 — 31 марта, 1935, Нью-Йорк), грузинский политик (приближенный к нац.Демократич. партии Грузии), химик, парфюмер - промышленник, изобретатель, С 1921 г. в эмиграции.

¹²⁸ Михаил Семенович Церетели (23. Дек. 1878, сел. Цхуквети, Имеретия, Кутаисск. Губ. – 2 марта 1965 г. Мюнхен, Германия) грузинский востоковед, лингвист, социолог, издатель; Учился в Сорбонне и в Женевком ун-те, окончил Гейдельбергский ун-тет, политический деятель, марксист – анархист.

¹²⁹ Братья Кереселидзе, Лео Матвеевич (1888 г. Гори, Тифл. Губ. – 23 ноября 1943 г. Берлин, Германия) грузинский политический и военный деятель, генерал армии Груз. Демократич. республики; Георгий Матвеевич (17 марта 1885, Гори, Тифл. Губ. – 22 мая 1960 Везине, Франция), грузинский политический деятель, журналист, полит. эмигрант.

¹³⁰ Петр Ростомович Сургуладзе (2 окт. 1873, сел. Чибати, Озургетский уезд Кутаисск. Губ. Грузия. - 6 сент. 1931 г. Стамбул, Турция), Грузинский политик, член Учредительного Собрания Грузии, политэмигрант, Член центр. Совета Нац. –Демократич. Партии Грузии.

пошел, прямо полное освобождение Грузии... В чем этот контакт наш (?) Информацию друг - другу давали, потом, оружие присылали, и все время, на подводных лодках мы поддерживали ...

Да ...

Подводные лодки..

Немецкие? Да?

Немецкие подводные лодки, из Константинополя! Значит, из Болгарии, приходили, привозили русское оружие, взятое с полей сражений, привозили людей, агентов, среди них были грузины, азербайджанцы, армяне, горцы и так далее. Вот это были наши [нрзб] Это оружие у нас, [нрзб] были склады, потом мы распределяли своим боевым организациям.

Оружие мы приобретали не только за границей, но и на местах, - офицерство, солдаты, продавали нам, приносили в подарок, мой дом и там, дома моих товарищей были прямо переполнены этим оружием, я даже сам спал со своей женой спал на [нрзб] там были приблизительно 50 - 60 ружей...

Да, да...

Вот так, такое ...

Хорошо. А может вы сейчас расскажете о том настроении, на том положении, которое было в Тифлисе, скажем, зимой 916 - 17 годов, а именно о том времени, которое было непосредственно перед февральскими событиями.

Да, да. Вот, самое большое событие было в 15 г, когда русский фронт на турецком ...

Фронте, да ...

Фронте, пошатнулся и главнокомандующий Мышлаевский (?) - которого прозвали «Паническим генералом», он хотел увести все войска с Кавказа, - так решил, и уже эвакуация Тифлисцев (?) даже, тупецкие войск вошли в Саракамыш, в Тифлис войска уже эвакуация происходила, банки, там, картинные галереи и все это уже вывозилось, понимаете ли, и мы, конечно, были на Небесах от того, что этот самый Мачабели на подводной лодке, 2 раза приезжал, и когда приехал 2 - й раз, он нам привез подписанные договоры, между Грузией, Германией, Австрией и Турцией, подписанные этими... иностранными министрами, министрами Иностранных Дел, и знаменитого турецкого. этого, как он назывался ...

Кемаль? Кемаль Паша?

Нет, нет, Кемаль - Паша потом ...Тогдашний главнокомандующий ...

Да, да ...

Вот забыл... Энвер - Паша! Три договора привез, подписанный, что они, все три государства, признают независимость Грузии, и как только появится какая - нибудь возможность осуществить, они поддерживают всецело нас.

И вот, наша партия примкнула всецело к ним.

Но произошло одно, странное событие - когда мы от Мачабели получили эти .. Мы в Кутаиси созвали конференцию всех политических. партии...

Это было в каком месяце какого года?

Это было в ...

Конференция...

Это было в 915 году, месяц не могу ..

Ну, ничего ...

В 915 году, значит, Социал - демократы, «Едины - неделимцы», и «более русские, чем сами русские», потом федералисты, которые требовали автономию, и мы, Националисты, которые требовали полного, в начале мы требовали восстановления Государственного Трактата, а потом вот...

Полной независимости.

...Благодаря событиям, полной независимости, мы собрали такую конференцию.

Вы не поверите тому, это теперь кажется сказкой, на этой конференции присутствовал Жордания, Ной Жордания, наш будущий Председатель, хотя президентом он никогда не был, ни по Конституции, был Первым Министром и больше ничего, у нас была конституция безголовая. то есть без Президента.

Был Гегечкори, министр иностранных дел; От Федералистов был там один, Рцхиладзе ...

Простите, как?

Рцхи - ладзе. И другой, Пирцхелава (!)

Пирцхелава (!)

Пир - цхе - лава, (!) От нас были я и мой товарищ, князь Амираджиби.

Вот наша конференция.

Собрались мы в доме одного беспартийного, молодого человека, он был и председатель этой конференции, и мы там ставили вопрос - как нам быть, когда вот у нас такие документы, когда мы ... и так далее. И вот что произошло: Жордания, когда мы все это декларировали .. да, Георгий Мачабели тоже

там был, он был докладчиком, вскочил Гегечкори, он тогда молодой был - и говорит: «Отправьте меня в Турцию».

«Почему в Турцию?»

«Отправьте меня в Турцию, такими этими...»

Жордания его остановил, посадил на место и обратился к нам:

«Вы, знаете, что в этой войне находимся в контакте и помогаем Антанте, а Вы Коалиции Немецкой, там, и так далее Поэтому наши пути в этом... в военное .. расходятся. Но знайте, Вы работайте в этом пути, а мы будем работать в этом пути (!), друг - другу не будем мешать, и даже , при случае, даже будем вам помогать».

И потом, как выяснится, из разных эпизодов, они действительно нам помогали в этом отношении. Но официально еще они делали в пользу Антанты, а мы наоборот были. Вот, последняя речь на этой конференции, посладнее слово взял я на себя и сказал в 2 - х словах вот так: «Чем кончится Война - никому не известно, Война эта [нрзб] если Выиграет шаш Палаван, - палаван это как Герой_ если выиграет наш герой - Немцы и наша коалиция, это мы тогда объявим независимость, а вас будем спасать от возмездия от людей, которые были у нас во вражде, но мы вас будем покрывать. Если же окажется Ваша коалиция, ваш Палаван, тогда, - я говорю - вы можете всех нас как изменников повестить на фонарях, на деревьях, а вы будете спасать покровителей России и коалиции то же самое в Грузии [нрзб]».

Вот, мы, это была последняя речь, мы на это согласились друг - другу пожали руки и разошлись.

Вот такой эпизод.

Да, да.

Значит, вот какая была атмосфера, что все политические партии, так сказать, одни открыто, другие скрыто, третьи трусливо, - между прочим федералисты, два федералиста: там сидели, они что то «Ни бе, - ни ме», ни такой, ни сякой, никакого мнения, так что ясного мнения [нрзб] вот это.

Хорошо. А Вы сейчас могли бы вспомнить, где и когда вы в первый раз услышали о том, что в Петрограде к тому времени произошли какие то события, которые потом назывались Февральской революцией?

За время войны как бы слухи ходили, более - менее такие, что может быть революцию, может быть лучше нет, никто этому не верил, никто никому, ничего не было, но вот, как я Вам сказал, Мыслаевский, сотворил это, сейчас же, через 2 - 3 месяца, фронт наоборот, окреп, их прогнали, один грузин, «Шайтан - Капитан» он взял в плен весь штаб этого самого Энвера Паши, и война совершенно не только остановилось, но продвигаться [нрзб]. Но это уже пошатнуло атмосферу психологии всех людей, потому что, вдруг русские войска 600.000 войск там стояло, они, Мышлаевский хотел [нрзб] Мышлаевского оставили, поставили другого, Юденича, но это событие было страшным, потому что это отразилось во многих вещах. Подробности, конечно удлинять дела, но наш предводитель дворянства, князь [Константин] Абхази¹³¹, получил предложение от этого самого Мышлаевского, взорвать все города Кавказские, сжечь поля, дома и уйти вместе с русскими войсками.

Такое предложение сделал.

Да...

«А что касается центральных учреждений, мы, войска, сами это сами сделаем».

Абхази позвал нас, мы были молодые дворяне, и говорит, что «Вот я получил такое предложение».

Мы, молодые, знаете, взяли Абхази «в оборот»: «Как??, Турки, немцы идут сюда, так сказать, для нашего освобождения, а Вы хотите взорвать, чтоб это было выжженное поле, чтобы они не могли ни припасов, ни людей??...».

Вот такое событие.

Грузия маленькая страна, и, знаете это как пороховая ... и в один час всем все известно. На всех большое впечатление произвело. Конечно, ничего мы [от сказанного] Мыслаевским - ни взорвать, ни сами ничего не жгли, потому что фронт сразу был ...

Крепко продвинулся...

Продвинулись, Трапезунд взяли, чуть ли до Константинополя дошли. Но мы делали другое, мы организовали дружины, две дружины, Этот самый Мишлаевский, другие генералы, тому самому Абхази предложили, понимаете ли, Аджарию, одну из провинций Грузии, но магометанское (!), [нрзб] со стороны Турции действовал мал легион тьсам комитета здесь. сотня человек было, они проникли в Аджарию, потом мы их «отшлепали», и они ушли, и вместе с ними, 2 - 3 человека аджарцев ушло.

На этом основании, военное время было, генералы объявили, что всю Аджарию объявить изменниками, послать туда войска, и камня на камне не оставить.

Мы, конечно, как все националисты, грузины, возопили - «Как, наши братья, их братья, мужья, дети сражаются на всех фронтах, в русских войсках, а вы хотите, их отдать [нрзб]».

И вот мы составили две дружины, 2.000 человек, спасти этих аджарцев от такой дикой расправы.

¹³¹ Константин Николаевич Абхази (27 ноября 1867, сел. Карданахи, Кахетия, Тифл. Губ. – 20 мая 1923 г. Тбилиси, ГрССР), Князь, грузинский военный, общественный и политич. деятель, меценат, ген-майор артиллерии Российской (1916 г.) и Грузинской Демократич. Респубулики (1918) армий, Закончил СПб Военную Академию (1890 г.), член Нац. Собрания Грузии, председатель Нац. - Дем Партии Грузии, один из основателей Тбилисского Гос. Университета (1918 г.), член Комитета Независимсти Грузии (в подполье), руководитель Военного Центра Грузии(1922-1923 г.г.), Расстрелян большевистскими властями в Тбилиси.

Вот все это события, понимаете ли, здесь 2.000 человек, там сотни человек, там хотят взорвать города, всеж, вся Грузия на ноги становилась, - 150.000 человек, грузины, офицеры, 12.000 офицеров сражаются в русской армии, а в это время хотят всю Грузию сжечь, взорвать и так далее и так далее, целые провинции объявлять изменниками...

Да ...

Вот это все всем было известно, В Грузии Вы не можете, знаете - ли, новость какую либо сказать, чтобы моментально, как там - там, знаете - ли распространяется.

Вот атмосфера какая была.

А в это время, я же говорю, мы поддерживали отношения с немцами, и так далее.

Это все было 15 го - 16, 17 году, к которому мы подходим.

В 17 году, когда все фронты начали разваливаться, слухи какие - то приходили, вдруг получается телеграмма, знаменитая, «*Мтавробадзе скончался в Петрограде*», эта телеграмма тоже моментально всю Грузию облетела, и все поняли, в чем дело. «*Мтавробадзе*» это правительство, «*в Петрограде скончалось*» правительство. Ну, по газетам, по другим этим мы знали, что в Петрограде был переворот, что Николай отказался от этого, что другой, имя забыл ...

Михаил ?

Да, Михаил. Михаил тоже отказался, Престол оказался,, Характерная вещь оказалась, грузинские офицеры, в числе 12.000 и 150.000 солдат, которые были на фронте, один из них этих офицеров, князь Шаликашвили¹³², был ранен в сердце, и вот, прямо сердце прострелили, и умирая, (не умер, спасся, все - таки, как то вылечили его), он сказал: «*Передайте русскому Штабу, как умирает грузинский офицер*».

Когда он вылечился, несколько месяцев лежал в госпитале, приехав в Тифлис, он сказал: «*В титуле русского царя написано, что он царь грузинский. Раз он отказался от своего престола, значит и грузинское царство освобождено от присяги офицера, от той присяги, которой я давал русскому царю. Поэтому я совершенно свободно могу... свободен от присяги*».

Характерный текст (?) Вот, это, значит, все такие вещи, одна другой, третьи, сотнями которые собирались, создавали такую атмосферу, что сегодня - завтра независимость упадет с неба.

Я категорически заявляю, что ни в Грузии, ни в Закавказье в целом, абсолютно никакой революции не происходило. Не было никакой революции, никакого движения, революционного, нигде ничего не было. Социал - Демократическая партия стоявшая на «*Единой - неделимой*», она, получила власть не от народа, а получила тогда, когда Керенский, когда прислал особого рода комитет, во главе которого стоял какой - то Харламов, русский, и у него были грузины, Чхенкели и Абашидзе, азербейжанец, у него там, фамилии нет, но у меня где - то записано фамилия эта, и один армянин, фамилия его тоже у меня записано. Вот этот ОЗАКОМ, так как был Чхенкели и этот...

Абашидзе?

Абашидзе! Они получили половину власти, от русского правительства [нрзб] законности они получили от Николая Николаевича, он тоже пишет там... Николай Николаевич позвал Жорданию, как главу Социал-Демократической партии, и Хатисова, - Хатисов был дашнак, армянин, и им двоим поручил; «*Я еду успокоить революцию в России. Кавказ остается на произвол судьбы, я поручаю вам и все так сказать, от моего имени, Наместника и ... дяди ... вы, надеюсь, будете ... так что они лояльно, от русской власти получили власть на Кавказе*».

Вот что было. Никаких выборов, никаких разговоров, никаких революций, ничего не было, власть, хорошая, плохая, она им была передана, ... вот каким образом они, Социал - Демократы, составляющие кучку в Грузии, оказалась во главе правительства, парламента!

Далее. Когда они устраивали, ну, как устраивали выборы, мы тоже знаем, так сказать, что было еще другое ...

Да ... Вот я хотел Вас спросить, вспоминая сейчас, скажем, весну и лето 17 года, какие у вас личные, так сказать личные, особенные переживания, что вам особенно ярко запомнилось из вашей личной жизни, которая, конечно, связана вот, с общим историческим процессом.

Да, да. В 17 году, самые, так сказать яркие, впечатления, которые у меня остались, я помню все подробно, но которые остались, это было бесконечная борьба в мелочах, и в крупных ... с нашей соц - демократией. Революция произошла в 17 году, а независимость они объявили нашим и немецким, объявили только в 1918 году, через 7 или 8 месяцев. Когда в Тифлисе был русский национальный комитет организован, польский национальный комитет организован, армянский нац. комитет организован, и даже айсорский, знаете

Айсорский!

Айсоры, это, ну вот, были дворниками, подметальщиками, вот такая ... они организовали нац. комитет, азербейжанцы, армяне, все - все организовали нац. комитет, в Тифлисе, в столице Грузии, не было грузинского комитета, и на этой почве постоянно у нас были, так сказать ... «*как это нет*

¹³² Дмитрий Иосифович Шаликашвили (16 февр. 1896, Тифлис – 8 марта 1978 г. Атланта, Джорджия, США), грузинский военный деятель, Учился в тифл. Мужской гимназии. И в СПб пажеском корпусе, участник Первой мировой войны. В 1917-21 гг. в войсках Грузинской Демократич. Республики, с 1921 г. – в Эмиграции (Турция, Польша, Германия, с 1952 г. – США). Один из его сыновей – Джон-Малхаз Шаликашвили – был Председателем Объединенного комитета начальников штабов США (1993–1997).

грузинского, как - же так, в Грузии нет грузинского ...» а потому, что они, Социал - Демократы, были против чегонибудь национального. По каким соображениям, думали.

Вот самые яркие впечатления эти, потому что на протяжении целого, почти целого года, у нас бесконечная война была. Но вы должны знать, что каким образом эти люди, «Едины - неделимы», «Более русские, чем русские», вдруг, теперь, post factum хвастаются, что они объявили независимость.

Они были вынуждены объявить! не то что ... Если Вы прочли бы наш плачущий ... как это... «Акт Независимости Грузии», так они там плачут, что им приходится, понимаете, отделиться от России, что они виноваты...

Хорошо. Когда в первый раз Вы услышали о том, что в Петрограде власть перешла в руки большевиков, а именно, о октябрьской революции, уже. И какое это на Вас впечатление произвело, что Вы подумали тогда об этом.

Лично я никогда не интересовался ни социальными вопросами реформами, а был только, так - сказать революционер, националист, который интересовался только своими узкими, так - сказать делами, никакого, я могу сказать, никакого впечатления, ну русские, что хотят, - пусть делают у себя, там, но нас оставят в покое, вот так, приблизительно, размышлял.

А вот, в 17 году, в октябре 17 года, у большевиков, была какая то сила в Тифлисе, в Грузии?

Никакой силы, абсолютно у их ничего не было. Может - быть, какая -нибудь масса, организованная, это было у меньшевиков, и то, сравнительно, так - сказать, населением, маленькая, они себе приписывают большое влияние, потому что это в их партии это не было не «Грузинская Социал - Демократическая рабочая партия», а это было Российская Соц. - Демократическая рабочая партия, куда они входили, даже не филиалом, как это был Бунд, как это был ПепЕс и другие, они отдельный, как отдельный член, так что в Тифлисе, в комитете у них были и русские, и армяне, и айсоры и татары, кто хотите, это был интернационал настоящий.

А в течение 17 го года, вы лично продолжали работать в кооперации?

Да, до самого конца, до 21 года я, вместе с войсками уходил, еще из моего кооператива 30 - 40 громадных ящиков, пятипудовых, фрукты я раздавал войскам, юнкерам и так далее, до самого последнего дня, и даже когда я уже был в Константинополе, наш кооператив продолжал, оказывается, при большевиках, действовать; прислали даже человека, 2 вагона фруктов, чтобы в Константинополе продавать.

А может Вы бы сейчас, опять, суммируя события, рассказали бы, что происходило после октября 17 года.

Да, после октября 17 года меньшевики открыто заявили: «Ни большевиков, ни переворота, и т. д.» ждут и производят выборы в Российское Учредительное Собрание, и требуют восстановления российской империи на демократических началах.

Вот это была их версия¹³³. Даже и они послали депутатов, и даже я, потом только узнал, что из нашей партии, оказывается, тоже послали какого - то депутата, двух депутатов, ...

На Учредительное собрание ...

На Учредительное, это, Собрание. И вот произошел казус, какой - то: когда выбрали уже грузинский парламент, сначала было, мы, значит, их принудили Совет создать, в Грузии, грузинский Совет, они не хотели, мы им взятку дали, 15.000 золотом¹³⁴, Жордания нам сказал, «У меня денег нет, как я создать Совет?». Мы ему дали 15.000 золотом, и обещали, после московского, самое богатое дворянство было Тифлиское, большими, этими, пользовались, привилегиями, представительством у Царя и так далее, и вот они, мы, все свое имущество им обещали все свое имущество, оценивающее тогда в 26 миллионов рублей, все, дома, эти, нефтяные производства, имена, так далее, когда создали совет, так называемому. грузинскому, «Правительство» еще не называлось, «Совету»...

Да, да ...

Вот этими обещаниями и взяткой, мы их заставили создать Национальный. Совет. Потом этот Национальный Совет, выбранный на самых безобразных условиях, Совет, ... созданный на наши деньги, был избран так - 36 Соц. - Демократов, тогда это, революционная атмосфера была, 36 соц - демократов, 10, во всей Грузии было только 10 соц. - революционеров, человек, значит - 46, и еще 10 федералистов, у которых все таки была партия, и вся интеллигенция была у федералистов, и вот, от них 10; так что [собралось] 56 человек.

Нам, сделали они гнусное предложение: Жордания сказал: «Вы должны согласиться на 9 иначе, - в Тифлисе еще стоял 22.000 гарнизон, уже обольщевичевские войска, - я приведу войска, - а он был Председателем Совета Солд. и Раб. депутатов - Я приведу русских солдат, и разгоню и Совет, и» ...

Это... такое предложение, гнусное предложение. Наш депутат, Гвазава, ворвался в наш комитет, и говорит: «Вот, Жордания, такое, говорит».

¹³³ Автор ошибается. Грузинские соц. - демократы участвовали в выборах в Российское Учредительное Собрание, но никогда не требовали восстановления российской империи на демократических началах. Изд.

¹³⁴ Автор ошибается. На собрании созданного «Национального Совета Грузии», предводители дворянского сословия Тифлиской и Кутаисской губернии Константин Абхази и Давид Нижарадзе передали в дар Национальному собранию Грузии коллективную (не частную!) собственность грузинского дворянства (в виде движимого и недвижимого имущества). Какого - либо документального подтверждения передачи лично Ною Жордания 15.000 золотых рублей - нет. Изд.

Все возмутились, - «Как это так, собрание, там были больше 2.000 человек, причем 70% населения, учителя, представители банков, всевозможные эти, ... 72% было наших, не социалистов, и вот наши 28% всех партий социалистов выбрали 56 депутатов, а нам дают 9»?

Такой гвалт поднялся, что ... опять я выступил, дурака сваял, может быть, я говорю, то «Согласимся, пусть они будут, когда они станут депутатами, министрами и т.д. они огрузиняются, дадим им и министрам, деньги».

Первый раз в жизни, в партии я одержал победу, со мной согласились.

И вот с этого собрания, из 2.000 человек, где у нас были 72% мы получили 9 голосов, а они 56.

А вот это в каком месяце какого года было это собрание?

Это было, я Вам сейчас скажу, это было 22 ноября 1917 года. Это было первое безобразие нашего правительства, что они русскими штыками угрожали разогнать в грузинской столице, разогнать грузинское ... это, ... как называется, ... настоящее, реальное Учредительное Собрание, потому что здесь были представители всех слоев населения.

А я хочу опять повторить мою просьбу, суммировать уже, времени у нас остается мало, все самые основные проишествия вашей жизни, которые были связаны с историческими событиями, ...

Этот Совет избран, ... или это Учредительное Собрание, выбрал Совет, в Совете было 56 их, нас 9, мы собрались в оперном театре, громадный, а потом Совет, когда выбрали, это было, так называемая, Фрейлинская улица была, мы, на другой - же день собрались, и там уже решались все грузинские дела, но в это время в Грузии не было ни объявлена независимость, ... Кавказ, Кавказский Сейм действовал, объявленный только 5 апреля, после Кавказа действовал Сейм того, когда турки взяли Батум, а до того времени они не объявляли независимость, хотя Турки, немцы настаивали, «Объявите независимость Кавказа!», ни за что не хотели, но когда турки взяли Батум и на другой день они могли в Тифлис придти, то они решили Кавказский. ... В Кавказе действовал Сейм. Вот эти события были.

Теперь, самое, так сказать, выдающееся событие было, как грузинский Совет, Кавказский Сейм и, потом 26 мая, 1918 года они объявили независимость Грузии.

Я определенно могу сказать, что под давлением изнутри, вот, наших, националистов, и под давлением немецко - турецком, меньшевики были вынуждены объявить независимость уже Грузии. На второй же день, 26 го, а на второй день 28 уже Азербейджан и Армения объявили независимость, и так называемая «Кавказская Конфедерация» распалась.¹³⁵

А когда же Вы выехали из Грузии?

Когда и была объявлена в в 18 году, мы продержались до 21 го года. в 21 году, с боем, большевики нас раскатали, и мы с боем отступая, выброшены были в море. 18 марта 21 года я, могу сказать, нас посадили на пароходы и мы уехали на пароходе, нас разоружили...

А пароходы какие были?

Я сидел на «Марие», пароход кавказско - азовского общества было, «Веста» и «Мария», а потом несколько мелких... и вместе с так называемыми юнкерами, которая единственная часть была, которая воевала с большевиками, а «Гвардия», между нами говоря, все время только бежала, социалистическая Гвардия, постепенно, в течении месяца с лишним, мы отступали, отступали, большевики наступали...

А какая причина, Вы думаете, была, того, что большевики имели достаточно силы захватить Грузию?

Вы меня извините, и моим товарищам, Социал - Демократам не говорите: единственная сила, которая нас побил, это была наша колоссальная глупость, ничего не было сделано для защиты Грузии. В 20 году, к концу 20 года, у нашего правительства, у нас, у всех, были все данные, документальные доклады всех наших представителей, со всех концов мира, что большевики готовят армию против Грузии, все, все, все было тогда, они, вместо того, чтобы к этому приготовится, и совершенно легко это можно было, потому, что и люди были, и деньги были, и оружие было, и все было у нас, чтобы большевики не могли бы шагнуть к нам. В 20 году, в декабре месяце, 22 декабря 20 го года, они распустили кадровые войска, не мобилизовали, но распустили, демобилизовали¹³⁶. Где нибудь в мире это, что нибудь слыханная вещь...

Так что Вы считаете, что победа большевиков была, в общем, обусловлена, ошибками самих же грузин?

Да, нашего правительства, нашего правительства. Потому что невероятная вещь, невероятная, во всей 5.000 летней истории Грузии такого позорного этого ... не бывало. 16.000 без штанов, этих, они были в шинелях, и у каждого солдата, я был на войне и я брал пленных, раненных, ухаживал за ними, и так далее - у каждого солдата была сушеная селедка в кармане... и они этим... плакали ...

¹³⁵ Автор ошибается: Конфедеративного союза между странами Кавказа никогда не существовало. К 26 мая 1918 года, при провозглашении декларации независимой Грузинской республики распалась Закавказская демократическая федеративная республика (ЗДФР). Изд.

¹³⁶ Хочется думать, что автор, высказывая подобные суждения, не был документально информирован о значительных подготовительных работах по укреплению военной и политической мощи Грузинской Демократической Республики. Изданные за последние 20 лет множество официальных документов (стеонраммы и документы Учредительного Собрания грузии, Стенграммы и документы работы грузинской делегации на Парижской (Версальской) конференции, множество исследований и монографий, посвященных грузинским вооруженным силам в 1917-1921 г.г. говорят совершенно обратное. Изд.

Простите, какие солдаты были?

Русские.

Русские были, да ...

Да, да, плакали все, и раненные и не раненные... они, .. что, же нам, какое нам дело до Грузии, пулеметами стреляем, а что нам делать, раненные, ...

А среди большевистских солдат Вы встречали грузин?

Среди солдат не было грузин, но среди этого, руководителей, политруков, конечно, все грузины были, они привели, не столько русские привели, сколько эти, свои, эти самые, Орджоникидзе, Сережа Кавтарадзе, Джапаридзе, все большевики, старые большевики...

Хорошо. А с какого же года Вы во Франции?

В 21 году, значит, нас привезли в Константинополь, до 24 года я там работал, этим, столяром, делал шкафы, столы и так далее, потом там «УНРАА», американская «УНРАА» открыла разные мастерские, школы и так далее, была открыта, два русских инженера были, шоферская школа, вот я там, целый год а там изучал шоферское дело, не только шоферное дело, но механику, и там же купил я, сумел с одним прокурором, азербейджанским, купил автомобиль и работал там шофером, потом, 1,5 года, последние. Нет, не последние, потому что там у нас была грузинское общежитие, и 200 семей жило, то есть 200 человек, семья, дети, все это, выехавшие из Грузии, я был там комендантом, последний год, ну и вот, после этой комендатуры, уже в 24 году выехал в Париж и с 24 года я здесь, в Париже.

Хорошо, спасибо.

[конец записи]

Михаил Тер - Погосян

Воспоминания о Революции 1917 года

Михаил Матвеевич, перед тем, как Вы мне скажете том, что вы помните о самой революции, о 17 году, может быть Вы расскажете о вашем детстве, о вашей семье, и также о том, что непосредственно было перед революцией, то, что было связано с вашей жизнью. Может Вы бы сказали, где Вы родились, и когда Вы родились и в какой семье.

Я родился в Ереване, в такой мелкобуржуазной но очень в патриархальной армянской семье. У нас была большая семья, нас было 3 брата, (2 инженера) и 5 сестер. Жили мы не только в нашей семье, но и в семье моей матери, пятеро дядей, которые занимали довольно большое положение в городе Ереване.

Я окончил ериванскую гимназию в 908 году и в том же году тогда же поступил Петроградский Университет, кого я окончил в 1912 году.

А Вы кончили по какой специальности?

Юрист, кончил юридический факультет. Но в 911 году в связи с беспорядками по поводу годовщины смерти Толстого, и назначения к нам нелюбимого какого то профессора, - сейчас я фамилию забыл - из Харькова, были беспорядки, в которых я принимал деятельное участие, меня выгнали, в числе сорока двух студентов, и я уехал в заграницу, в Ляйпцигский университет, где, в течении года сдал 4 зачета. Потом, когда университет открылся (тогда он был закрыт), я вернулся, сдал государственные экзамены и в 1912 году уехал на Кавказ, где сейчас - же поступил в сословие (!) и начал заниматься адвокатурой.

Я хочу переспросить Вас здесь, а те годы, когда Вы были в университете, Вы уже интересовались политикой ?

Да, я я принадлежал, уже с гимназистской ... к партии социалистов - революционеров. Больше того, так называемый «Ериванский Комитет Партии соц. - революционеров» был организован мною, в числе моих других товарищей, мальчиком 15 лет, это не серьезная вещь была, но мы организовали этот комитет, и, даже помню деталь, мы расклеили на улице в Ереване, бойкот Думе. Я сейчас не помню, какая это была Дума, которую мы бойкотировали. В России, в Петрограде в это время открывал [нрзб] участие [нрзб] партии уже сознательным революционер, и очень левых революционных взглядов.

Так что Вы были в партии С. - Р. уже с какого года?

Начиная с 1915 года.

С 915 года?

Нет, что Вы, раньше, гораздо раньше, с 1909 года.

9 года, да ...

Нет, нет, раньше, извините, раньше, я поступил в гимназию, кончил гимназию в 908 году, - с 905 года!

С 905 года ..

И вот даже первую революцию мы переживали мальчиками, так сказать принимали участие, как дети в это время могут принимать ...

А в чем выразилась Ваша ...

Активность выражалась в том, что мы устраивали забастовки в гимназии, я сейчас не могу сказать, какие были требования, скорее всего они были несерьезные, зачитывались всякими аграрными программами и т. д...

А можно Вас попросить объяснить немножко, ту политическую платформу, или основные идеи, которые Вас особенно интересовали, когда Вы организовывали в Ереване ...

Когда в Ереване ... дело в том, что партия Соц. - Революционеров среди молодежи пользовалась очень большим успехом. Была абсолютная, такая, невыразимой романтикой была окружена все то, что было связано с именем Гершуни, и других других деятелей, - Каляева, Сазонова и так далее. Конечно молодежь этим увлекалась, так как семья моя, хотя и мелкобуржуазная, но очень передовая семья, у нас мои дяди занимались моим воспитанием, культурой и так далее. мы получали все, что выходило в России - новые журналы, и эти новые идеи возникали и проникали к нам, и действительно нас увлекали, так что идея просто освобождения человека. У моего дяди, и у старшего брата был маленький завод, в Ереване, чугуно - литейный завод, вот там видел действительно, что мы живем на очень хороших условиях, в то время, как люди работают на нас, и это не могло не оставить впечатления на впечатлительного молодого человека, кем я тогда был.

Так что идея Освобождения человека, Свободы, - так сказать, от царского режима, что то в этом роде, - это очень легко проникало в сознание молодежи и в гимназии, в моем классе, уже в 5 - м классе, помню, 3 - 4 молодых учеников, которые увлекались, и которых я вовлек в организацию.

А в то время, когда Вы были за границей, Вы продолжали интересоваться и участвовать ...

Нет, за границей меня ... вы понимаете, я всю жизнь спешил, и я решил, что я теряю год, когда приехал за границу, я только занимался, только учился, и старался, чтобы этот год не пропал, сдал какие - то зачеты, как раз у профессора Бинзинга, - это знаменитый криминолог, - и как только я приехал, уже

очень подготовленный, я смог сдать и курсовые, и государственные экзамены и в 12 году окончил университет очень молодым, в 21 с половиной года.

По окончании я приехал в Еривань, я должен был [нести] воинскую повинность, меня забрали, но к сожалению я заболел, и служил в войсках всего 11 месяцев. И забраковали, и после отбывания воинской повинности я начал заниматься адвокатурой, занимался довольно успешно, потому что один из моих дядей был адвокат, он [нрзб] его племянник, он все интересные, хорошие дела давал мне, хотя я первые пять дел я провалил с треском; они были совершенно выигранные, и если бы я не выступил, они были бы оправданы, я их проиграл, а потом уже под влиянием дяди я сделался довольно приличным адвокатом, и до сентября 916 го года занимался адвокатурой и общественной деятельностью.

Я был самый молодой член Городской Думы в Ериване.

Был забавный случай по этому поводу: Когда меня избрали в Думу, для того, чтобы произвестись надо мною, один из моих противников поставил официально вопрос: «А совершеннолетний ли Тер - Погосян или нет». .. Я занимался и этим, и продолжал заниматься в партии ЕсЭеров, и [нрзб] зависела о областного комитета в Тифлисе.

Два вопроса, которые меня интересуют: Первый - в 915 годах, была ли какая - либо конкретная программа у партии Соц. - Революционеров или как Вам было известно, кого вы бы хотели иметь в России, или - же ...

Несомненно была, конечно, у нас была программа - минимум, программа - максимум: Мы требовали конституционный строй, передачу земли крестьянским общинам, это самый важный пункт нашей программы, Аграрная программа, и все эти законодательные распоряжения, которые должны были сократить часы работы рабочих, страхование рабочих, и так далее. и так далее

А что касается Национального вопроса, интересно знать ...

Моя семья, хотя была сугубо армянская семья, и армянской город, я с самого начала мои обе два дяди были женаты на русских, мои братья были женаты на русских, и я никогда не замыкался в национальных рамках. Для меня русская культура, русский университет и русские политические партии - это было то попроще, которое давало мне больше простора и больше меня привлекало. Вот как раз, в это время была война, и я, С. - Р., но стоял на твердой, оборонческой точке зрения. Я считал, что защита моей страны, Кавказа и России - это священная моя обязанность, и я вел оборонческую политику. Я играл во всех общественных организациях, - несмотря на мою молодость, довольно видную роль, - был в военно - промышленном комитете Думы, которая для фронта делала всякие вещи, и вот к этому времени к нам назначили сперва Вице - Губернатором а потом Губернатором, некоего Стрельбицкого, человека очень либерального, очень приличного, и когда он приехал в Еривань, он, в числе первых визитов сделал мне визит.

Я сижу в кабинете, работаю, поручик мне говорит; «Пришел урядник».

Я выхожу, губернатор разъезжал, на козлах сидел урядник, увидев меня - говорит ; «Господин Вице - Губернатор приехал к Вам».

Я говорю; «Прошу Вас».

Он поднялся ко мне, - молодой человек, очень статный, приятной наружности. «Михаил Матвеевич, Вы вероятно удивлены, почему я к Вам приехал, когда меня назначили из Тифлиса, мне сказали, что если я хочу работать с общественностью, то в первую очередь я должен обратиться к Вам».

Я говорю; «Я очень польщен, но чем я могу Вам помочь?».

«Я знаю Вашу точку зрения и знаю кто Вы такой, Ваши политические убеждения, но я знаю, что Вы стоите на точке зрения обороны, и вот, я Вам предлагаю сотрудничество во время войны. Хотите ли вы ... пойти».

Я говорю; «С удовольствием».

И действительно, добавил: «Я Вас очень прошу, в любой момент Вы можете придти ко мне, позвонить и сказать если увидите что - либо такое в что губернии идет против того, что есть, то есть оборона, чиновники, и такого рода, тогда не стесняйтесь, прошу (?) ... мне сказать».

Я должен сказать, что середины 917 го года он был, не было ни одного случая, чтобы я обратился к нему, чтобы к.л. уездный начальник не был смещен, такой - то пристав не был бы смещен, - все, что я просил, это делалось, с ним у меня было абсолютное сотрудничество.

Сейчас я, еще один вопрос меня интересуют; Не могли бы Вы очень схематично обрисовать тот спектр политических группировок и партий, которые существовали в Ериване.

В Еривани, дело в том, что крупную, большую роль играла Армянская Революционная партия Дашнакцютюн.

Простите - как?

Даш - нак - цю - тюн! Эта революционная партия, которая стремилась воссозданию прежней Армении, то есть присоединить турецкие армянские земли к Армении.

А она себе представляла, что желала - бы, чтобы ...

Тогда она никаких сепаратистских склонностей у этой партии не было. Никаких! Потом была маленькая организация - Кадетская, Мусульманская масса была абсолютно безграмотная, или полу - грамотная, она никаких мусульманских организаций не имела. Что касается русских национальностей, - это были чиновники, которые к политическим вопросам никакого отношения не имели. Была очень маленькая организация Социал - Демократов, имена которых можно было на пальцах одной руки сосчитать...

Другими словами, самые крупные организации были ...

Дашнаки.

А Социал - Революционеры ?

Мы, Соц. - Революционеры были, так сказать, сильны, если хотите, той романтикой, которым эта партия была окружена и вся молодежь моего типа увлекалась ... революционером.

А в Городской Думе? В Ереване?

В городской Думе партии эти никакой роли не играли...

Не играли!

Это были такие, - провинциальные домовладельцы, виноделы, купцы, доктора, адвокаты, инженеры, их было всего 48 (или 52) человек, сейчас точно не помню. С городским Головой - он был Дашнакакан, эмигрант из Женевы, с которым у меня были самые дружеские отношения. И вот я тут хочу рассказать один эпизод, исключительно интересный: Я был на фронте. Я поехал на фронт добровольцем, был в казачьем батаре. Для курьеза Вам скажу, что я был единственный в истории русской казачьей армии казак - простой арменин. Они не казаков нижних чинов не было. Я был единственный принят благодаря тому, что у меня были связи, я непременно хотел поехать, на фронт и сейчас же поехал на фронт, мне губернатор помог и меня немедленно приняли.

Я хочу уточнить: в каком месяце какого года Вы поехали на фронт?

Это было осенью 16 года, точнее не могу сказать.

А какие были основные причины, которые Вас ...

Оборона! Мне было 26 лет, я мечтал, хотя я был освобожден, я не должен был пойти, мой класс не был призван, Вы знаете, но я считал необходимым, сделать свою обязанность по отношению к своей стране, в качестве солдата на фронте.

Можно спросить следующее: какой вес имел в ваших рассуждениях, что Вы были армянином и шла война с турками ...

Должен Вам сказать, что армяне в этой войне сыграли огромную роль, пропорционально, кроме того, что было мобилизовано среди армянского населения, но кроме этого армяне организовали добровольческие отряды, для борьбы против турок, количество добровольческих отрядов доходило до многих десятков батальонов, и отношения, что не было похоже на то, что было раньше, русского правительства, в особенности местного правительства, было исключительно благоприятная к армянам, и мой индивидуальный жест - он был в линии общего армянского жеста, так что ничего удивительного в этом не было, это считалось совершенно нормальным. Но я пошел не в армянские отряды, а пошел в русские войска, но в этом ничего особенного не было.

Опять маленькая деталь, мне просто интересно, как были сформированы эти армянские добровольческие отряды, кто командовал ими и как они входили в общую систему?

Дело в том, что еще до войны армянская революционная партия Дашнакцютюн организовала так называемых «четников», которые вели настоящую борьбу, партизанскую в Турецкой Армении. И среди них выделялось огромное количество людей с большим военным опытом: там были офицеры, которые учились и в Болгарии, и в других местах, и так что был огромный военный опыт, организация этих добровольческих отрядов официально было разрешено русским правительством, но на наши средства, на добровольные средства, пожертвования, оружие мы получали от русских, от правительства, а остальная экипировка сами организовывали и так далее. Среди них я могу назвать такие имена, как генерал Андраник, Дро, - который умер у Вас недавно ...

Простите, как?

Дро! три буквы: Д - Р - О. Далее, Андраник, Тери, князь Аргутинский, армянский князь, с которым я был в очень хороших, близких отношениях, так что этот жест ничего исключительного не было, это соответствовало и национальным, и принципиальным политическим настроениям. Volia.

Прекрасно! А сейчас мы перейдем к 16 году ...

Я хочу сказать, что когда Стрельбуцкий был у меня, у меня с ним установились очень хорошие отношения: в конце февраля я на три дня приехал в Еривань.

В конце февраля 17 го года?

17 го года, я приехал в Еривань, и в числе первых визитов, мы жили рядом, наш дом находился на губернской улице, а недалеко был дом губернатора. Я ему позвонил, а он мне говорит: «*Слушайте, а сейчас приеду к Вам*».

Он приехал, и говорит: «*Садитесь на машину и едем, к епархиальному начальнику*»

. Вам это покажется странным. Роль армянского духовенства в армянской жизни огромна. Общественно - политически, культурная, и этот епархиальный начальник, епископ Хорен, очень интересная фигура, очень культурный, очень умный, он был убит, буквально растерзан большевиками, когда он избран был каталикосом Армянским, от ест главы армянской церкви. Он вел очень самостоятельную, антибольшевистскую политику. С ним и губернатор, и Я были очень дружны.

Мы вызвали еще городского Голову, Хачатурян его фамилия. Он мне говорит: «*Вы знаете, в Петербурге восстание, и неизвестно что происходит*». Мы едем, сидели рядом, и он говорит: «*Мы знаете, сейчас может быть Керенский арестован, а может быть наоборот*».

Вы представляете какое это впечатление, какое гробовое молчание.

Я говорю: «*Но это невозможное дело, я должен завтра уехать*», с сознанием, что революция все еще не может войти в мое сознание.

А он говорит: «*Это зависит от кого, это ваше пребывание здесь?*» А в Игдире (?) это небольшой город недалеко от Еревани, был штаб дивизии, к которому принадлежал наша батарея.

Он говорит: «*Мы поедem к генералу Колюбакину и попросим его Вас оставить здесь, ибо без вашего присутствия...*» моя роль была такой, что мое присутствие в это время в Ериване было необходимо.

Вы спросите - Почему? Дело в том, что всего 6 лет тому назад мы пережили на Кавказе Армяно - Татарскую резню. По провокации правительства, это было сделано...

Какого правительства?

Царского правительства. Это было Сенатской ревизионной комиссией установлено, что местные власти, Наместником тогда был князь Голицин, - это он организовал, - армянские революционеры ему покоя не давали, и для того, чтобы обессилить армян, эту историю он провоцировал.

Возможное отсутствие власти в Ериване, и вообще на Кавказе переживалась как и армяно - татарской резни, и вообще всяких таких событий. И роль людей, на которых правительство могло полагаться, общественных деятелей была огромна. В особенности вот такого человека, как наш городской голова, как епархиальный начальник, и я. И он попросил принять все меры, чтоб я остался в Ериване и не поехал в батарею. И так как все еще весьма [нрзб] свою революционность, все таки революция была так сказать, теоретически еще была, еще не были, я не мог просто плюнуть и так остаться.

Мы поехали с ним вместе, ночью, на его машине, поехали, это около 45 километров, генералу Колюбакину, я к нему не пошел, он просил его срочно дать приказ, что я [нрзб] он не понял положения, он категорически сказал: «*Как Вы! я разрешил ему отпуск три дня - ему полагается вернуться*».

Больше того, я забыл, я просил его четыре эскадрона прислать в мое распоряжение.

А Колюбакин: «*Как! ... прислать в его распоряжение четыре эскадрона!*». .. Он категорически отказался.

Тогда я заявил, что я остаюсь в Эриване. Я остался и через дней пять, тут у меня плохо с датами, я точно не помню, через некоторое время мы сорганизовали, в Эриване был огромный гарнизон, около 25.000, в Еривани и в округе. Мы создали Совет, я был председателем Следственной комиссии и товарищем Председателя Совета, и вот ...

Советов Солдатских ...

Солдатских Депутатов, конечно...

А следственная комиссия? Она для чего была нужна?

Следственная комиссия! дело в том, что для [нрзб] против жандармов и так далее. Но, сейчас же собралось городское самоуправление, избрал 3 человека, Городского Голову, меня и одного мусульманина, в качестве «*Комитета Спасения Родины и Революции*». И вот, с этого времени я начал управлять, вместе с этими [нрзб] по существу я. Потом мы привлекли этого, Дро, генерала, который был начальником добровольческих отрядов, и я привлек еще одного, такого, очень хорошего кадета, армянина. И вот, до конца, до середины мая я управлял губернией. Причем, управление губернией было действительно тяжело.

Почему?

Вот это отсутствие Власти, отражалось на отношениях мусульман и армян. Население приблизительно было один миллион двести было мусульман, около миллиона было армян, и около 100 - 200 тысяч было русских. И, во получались сведения отовсюду, из губернии, что в губернии, в уездах неважно, и столкновения неизбежны. Если это интересно, я могу рассказать один эпизод...

Да, да, конечно.

У нас в поместье, земли было очень мало, но был район, где очень хороший, ценные пахотные земли принадлежали помещику Мелик - Агамалову. Эти земли он сдавал в аренду, поочередно, 3 года армянским общинам, 3 года мусульманам. Кон чался, значит, второй год, когда армяне были арендаторы, и через год аренда должна была перейти к мусульманам. Мусульмане начали требовать, чтобы эти земли немедленно были бы переданы им. И вот, уездный начальник и местные старосты телеграфируют, что «*мы накануне армяно - мусульманской резни. Ради Бога примите меры*». Тогда в моем распоряжении были войска, я, в 9 вечером, вызвал начальника конницы, подполковника Карновского, и предложил ему двумя сотнями всадников, отправиться в этот район, а через 2 часа на машине я сам приехал туда, виже - с одной стороны на высоте расположена молодежь турецкая, с винтовками, вилами, кто - как, с другой стороны - армяне. Это была маленькая, такая вспышка, а не резня. Я вытянул ряд, как французы говорят, чтоб их казалось больше, эти 200 всадников, один за другим, они вошли между ними, и через 4 часа я передал в распоряжение все земли, принадлежащий Мелик - Агамалову, - это был первый акт экспроприации земель - передал половину земли мусульманскому населению села, а половину армянам, подписал с их ахсахалами, (это слово вам ничего не говорит, я переведу - «Ахсахар» значит «Белобородые»; их старики играют огромную роль): Я вызвал 12 стариков - мусульман, 12 стариков Армян, они положили свои - они безграмотные были, конечно, - положили свои ...

Отпечатки пальцев?

Отпечатки пальцев! И как рукой сняло! Произошло чудо! Я потом вернулся в Еривань, потом выехал в Петроград, там никаких [нрзб] не было. Это был первый акт передачи, экспроприации земель, передачи земель крестьянам, во всей России! До этого передачи земель местному крестьянству не было!

Я хочу переспросить; это приблизительно было в каком месяце?

Это было в мае месяце, или в конце апреля 917 года. Как мы организовали местную власть?

Вот это очень интересно! Я хотел у Вас как раз спросить; поскольку у Вас власть была в руках, какие были самые большие заботы? Что именно Вам ...

Самая большая, основная забота была - оплатить чиновников. Все ушли, губернатора нет, (по поводу губернатора я Вам потом расскажу), и, потом, возможны армяно - татарские стычки, организация местной власти на местах, то есть, как организовать власть на местах. Губерния разбивалась на уезды. Во главе уезда стоял уездный начальник. обычно правительство назначало полковников военной службы, которые управляли, у них административный опыт был очень слабый, но это были вообще очень плохие администраторы. Во время губернаторства Стрельбицкого, мне удалось двух уездных начальников, через него, сменить, назначить других людей, но были и которых мы не успели снять, это были просто мерзавцы. И вот, в городе очень быстро ... было много интеллигенции, в особенности армянской, мы сорганизовали власть, был исполнительный комитет, от него, значит, городская Дума, мы управляли губернию очень хорошо, но на местах власть была не организована...

Еще раз, повторите, в Ереване, верховная власть была в руках кого?

Трех лиц: Тер - Погосян, Дро и Халил, - такой, инженер, мусульманин.

Да.

Все подчинялось нам.

И вы назывались как? Какое официальное название было?

«Комитет спасения Родины и Революции». Потом мы привлекли еще двух лиц - Городской Голова имел все свои полномочия, он сохранял полномочия, и так сказать, была Городская Власть. Так что его не надо было сменять, это был человек очень достойный. Потом мы привлекли еще, кроме нас троих, мы привлекли некоего Игиазарова, - это кадетских настроений человек, стало четыре, а пятый кто был?... извините, я забыл... Ах да! пятый принимал участие в этом городской Голова.

А как его фамилия была?

Хачатурян!

А какая у вас связь была с Временным Правительством?

Связи с Временным Правительством у нас не было, была связь с Тифлисом, с местной, Тифлисской властью, потому что, ведь Кавказ управлялся Наместничеством, который был в Тифлисе, и которая управляла Ериванской губернией, Бакинской губернией, Елизаветпольской ...

Какой?

Елизаветпольской губернией!

Да,

... а также Кутаисской губернией. Вот это, значит, то, что сейчас Грузия, Азербейжан и Армения, и часть Северного Кавказа принадлежала Кавказскому наместничеству. Военная местная власть была «Краевой Совет Кавказской Армии», КРАСОКАР, - кратко назывался. Председателем краевого Совета Кавказской Армии был Дмитрий Дмитриевич Донской, Социалист - Революционер, а управлял Кавказом ОЗАКОМ, - «Особый Закавказский Комитет», куда входил один представитель от Армян, Пападжанов, один представитель от мусульман - Джафаров, один от Грузин - Чхенкели¹³⁷, и Председателем был Иван Яковлевич Харламов, кадет, очень видный казак, очень достойный человек, он исключительно умело взялся за это дело. Так что мы подчинялись «Особому Закавказскому Комитету». Я сроки не могу сказать, как это организовалось, когда это было, - наша связь была с ними.

Я, значит, как только была возможность, я поехал в Краевой Центр Кавказской Армии, и установил, получил все нужные кредиты, все, что нужно было войскам - получил, иногда приходилось ночью ездить, ночью ехать в Тифлис, сделать все и на другой день вернуться, чтоб все это налаживать на местах. И вот, тут, когда я приехал в Тифлис, в Краевой Совет, ... нет, извините, еще в Ереване, меня в конце мая, даты я боюсь сказать, это можете выяснить потом, был в Петрограде съезд губернских комиссаров, то есть лиц, которые управляли губерниями. Я был избран, как представитель Еривани, на этот съезд.

По пути из Еривани в Петроград, [в Тифлисе] я поехал к Харламову, с которым у меня были очень хорошие отношения, и которого лично очень хорошо знал. Я ему рассказал о том, что собственно происходит: что турецкие эмиссары проникают на Кавказ, мутят мусульманское население, и, сегодня - завтра здесь может быть восстание мусульман.

Он тут - же посадил машинистку, мы составили особый, секретный доклад, на имя Председателя Временного правительства, тогда это Керенский был, о необходимости сформировать отдельный отряд борьбы с турецкими эмиссарами.

Краевой Совет Кавказской Армии в это время организовывался, было начало организации Совета при Военном министре, ... Совет Оборонный, который составлялся из представителей отдельных фронтов. Один представитель от Кавказской Армии, один от Румынского Фронта, другой от Западного Фронта, от Северного Фронта, словом нас там было не то 8, не то 9 человек. Я был избран представителем Краевого Совета Кавказской Армии, во первых, Совет при Военном министре, а в Ереване я был на съезд губернских комиссаров. Моя связь с Ериванем, после того, как я уехал, ... это было естественно, молодому человеку такое, более широкое поле деятельности, я распродался Ериванью и уехал в Петроград.

¹³⁷ Автор ошибается, от грузин в ОЗАКОМ – были два представителя –Иван (Кита) Абашидзе и Акакий Чхенкели.

Я хотел Вас тут попросить тут рассказать о положении на фронте. С одной стороны Вы знали о положении просто потому, что Вы сами там были ...

Да.

... а с другой стороны как - то что - то менялось.

Я Вам должен сказать, что в тот момент, когда я уезжал с фронта, ни одна рота, ни один солдат на Кавказском фронте не покинул фронта. Послушание, военная дисциплина, все то, что с точки зрения фронта требовалось - все это выполнялось абсолютно до последней возможности.

И это Вы говорите, было до какого момента?

Я Вам скажу: До того момента, как я уехал, я категорически утверждаю, что в тылу были беспорядки, и так далее, но на Кавказском фронте ничего похожего. Абсолютно. Я помню такой случай: когда я был в Ериване, - это было в конце апреля, - в 7 километрах от Еривани была деревня Канакир, где были расположены казармы военных частей. И в мирное время в Ериване были расположены много военных частей, стоял всегда один батальон пластунов, - это пешие казаки, стояла казачья батарея, была потреничная стража, было 2 батальона какого - либо пехотного полка и еще казачий полк. Так что в Еривани всегда было много войска.

Во время войны, в это время, кроме того, что было на фронте, было около 25.000 человек.

Вот как - то я сижу у меня, в кабинете, и мне сообщают, что какие - то пехотные части, две роты ведут полковника своего, из Канакира в Еривань, и издеваются над ним и так далее. В Ериване у меня была сформирована пулеметная рота, из людей ...120 человек, из них всех я знал в лицо, и по имени - отчеству и фамилии. Солдаты, простые. Было там четыре офицера. В этой роте полагалось 2, у меня там было 8. Я немедленно вызвал эту пулеметную роту, окружили этих солдат, их было около 400, я подошел к этому полковнику, козырнул, извинился «за этих мерзавцев», - я так ему и сказал, - а тех арестовали. К сожалению, через 3 дня их выпустили всех, - иначе нельзя было - все - таки гарнизон. Так что даже тыловые беспорядки - они не принимали такого большого характера.

Начиная, скажем, с февраля, в тот момент, как Вы уехали, из Еривани, фронт оставался стационарным или ...

Нет, бои были позиционные, но продвижения уже не было, Наши войска уже итак очень далеко стояли, передовые отряды доходили до Диарбекира (если карта была - бы, я бы показал), но в смысле дисциплины - это был совершенно исключительное положение.

А как было положение со снаряжением, боеприпасами на Кавказском фронте?

На Кавказском фронте были большие запасы, этого всего хватало. Не хватало орудийных снарядов, но мало - помалу из Ростова мы получали. Как раз к этому времени мой брат, фабричный инспектор, он был Товарищем Председателя военно - промышленного комитета полностью Войска Донского и я помню, что мы оттуда получали снаряды, чтобы фронт не страдал. Это категорически я могу сказать, и в смысле питания, и в смысле боевого снаряжения у фронта не было недочетов.

Я хочу Вас спросить о питании гражданского населения ...

Питание гражданского населения, оно было сопряжено с большими затруднениями, но, никогда не было случая, ни в Ериванской губернии, ни в Тифлиской, ... не было случая, чтобы население голодало, были карточки и так далее. Просто были достаточные запасы, и вообще то, что потом пережили, это была вещь, которую мы до этого никогда не переживали.

И поэтому также поэтому никогда не было бунтов, демонстраций и так далее.

Тот, что в Петрограде эти события .. Хлебные эти, у нас такого не было.

Хорошо, чудно. Теперь мы перейдем к следующей, как бы, главе, - Ваш приезд в Петроград.

Я приехал в Петроград, был на съезде губернских комиссаров, а потом, первое, что мы хотели установить - это автономное администрирование губернии, и выработку нового законодательства, чтобы эти наши пожелания были - бы осуществлены. Какие подробности о мероприятиях, которые мы предлагали, в этом вопросе, к сожалению, память мне изменяет, я ничего не могу сказать.

Я хотел Вас спросить, а какое на Вас произвел впечатление сам Петроград, который Вы знали, и вместе с тем ..

Когда я приехал, то первое, что я сделал, то с этим секретным докладом я пошел к Керенскому. Вот тогда я с Ним и познакомился, первый раз.

А какое он на Вас впечатление произвел?

Я должен сказать, что тогда мы все им очень увлекались, он мой личный друг - вот его портрет. Кстати, он был месяц тому назад у меня. Ну, я тогда очень волновался, Он принял меня в Зимнем Дворце, я позвонил ему и был принят через пол - часа. Я знал как позвонить и так далее. Он меня принял, подробно расспросил и на этой бумаге сделал надпись Верховскому, Военному министру: «Немедленно принять и мне доложить». Я оттуда пошел к Верховскому, ему доложил, тогда же он вызвал своих помощников для выработки мероприятий, - которые, к сожалению, так никогда и не были осуществлены.

После этого в Петрограде, там, состоялось Петроградское Демократическое Собрание. Это первый полный орган представителей всех партий, городов и войсковых частей, где были поставлены целый ряд государственных вопросов, так называемое «Петроградское Демократическое Собрание».

Вы не помните в каких числах какого месяца это было?

Это было после большевистского выступления, это в конце июля 1917 года. Но я подробности не помню, ... у меня были интересные встречи с Троцким, на этом собрании, где мы были ...

Так расскажите о них!

Я, во время перерыва выхожу в коридор, это было в Александринке, мы там разговариваем, в это время ко мне подходит армянский журналист, который когда - то вместе с Троцким был на балканской войне в 913 году. Помните, война была между болгарами и Турцией?

Да, да. А Троцкий в то время был журналистом газеты?

Был корреспондентом газеты. И он был знаком с моим приятелем - арменин, с ним, был хорошо знаком. Тогда Липарит, этот мой приятель, журналист, обращается к Троцкому: «Лев Давыдович, вот это мой приятель, этот страшный казак, он не такой страшный, это Петроградский юрист». Он, очевидно, до этого говорил: «Вот идет контрреволюционер». Да, да, вот я вспомнил, он сказал - «Вот этот контрреволюционер. Это не контрреволюционер, это мой большой друг», и мы с ним познакомились, с Троцким.

Должен сказать, что пока мы отдыхали, усталые, жара... говорили не о политике, и он мне рассказал как он познакомился с Андраником, - это партизан, армянский герой, - и о нем мне рассказывал: «Как это вы можете, представитель такого блестящего народа, революционного, быть в партии Соц. - Революционеров, буржуазной партии!» Я на это что то в этом же тоне ответил и больше ничего...

А может Вы помните еще с кем -нибудь встречу, скажем, до 17 го года, или во время 17 го года, если можно, встречи с теми, кто играл большую роль, и сможете ли вы такие - же картинки рассказать об этих встречах ...

Я потом может быть скажу, был у меня интересные встречи. После этого расформировался, организовался «Совет при военном министре», где мы собирались буквально каждый день, потому что мы держали связь с фронтами, то есть я - например, с Кавказской Армией, имел возможность каждый день, - я это делал между 12 часами полуночи и тремя часами утра, провод имел с Тифлисом, и Дмитрий Дмитриевич Донской мне сообщал положение на фронте, и тут я начал получать [сведения] об очень тяжелом положении, непослушаний на фронте. Там братаний (с Турками) не было, никогда на Кавказском фронте братаний не было, а непослушания и отступления от дисциплины и так далее и так далее ...

И о дезертирстве?

Тамошнее дезертирство никогда не могло принять большого характера, потому что местное население русское, а солдаты были, Царское правительство посылало русские войска на Кавказ, а армян и грузин посылало в Россию. Они дезертировать, смешаться в массе городов армянских, и мусульманских им было трудно, так что большого дезертирства не было, но все - таки было. Вот все сведения сообщал мне Дмитрий Дмитриевич Донской, и все это я, конечно, передавал сводки о политическом положении, все это я сообщал на совещаниях при Совете военного министра.

А Вы не помните состава Совета?

Председателем был капитан Смородинов, к сожалению не помню, представителя Румчерода (Румынско - Черноморского фронта) был Розенблят...

Кто он был?

Он был тогда офицером, по моему.

А политически кем нибудь ...

Он был из Соц. - Демократов; Представителем Западного фронта был Борис Николаевич Рабинович, Ес - Эр, а Верховным комиссаром был Станкевич, тогда. Он иногда приезжал на совещания, но я его раза - два его видел, Венедикт, ... не помню отчества. Значит, мы давали сводки с фронтов, они связывались со своими фронтами, и, значит, мы были политической связь с фронтом, и, должен сказать, что несмотря на тревожные сообщения Дмитрия Дмитриевича Донского, положение все - таки на фронте было такое прочное, что спустя 4 .. после октябрьской революции, у нас была знаменитая «Железная дивизия», 39 - я дивизия, мы еще с такой... рассчитывали на него, что я перегоорах с Донским, спрашивал - можно ли эту дивизию перебросить - он говорил; «Да, да».. Даже в сентябре - октябре эта дивизия была в абсолютном порядке.

Вопрос шел о переброске этой дивизии откуда - куда?

В Россию, против большевиков.

Сейчас вот какой вопрос я хочу Вам задать: когда Вы попали в Петроград, вы почувствовали это Двоевластие - с одной стороны ...

Я это хочу рассказать: Улицы были полны огромного количества дезертиров - солдат. От них прохода не было. Но, несмотря на это, должен сказать, что моя форма играла большую роль. Я ходил в черкезке. Мы, будучи в Петрограде, все члены Совета связаны были с частями настоящими, там, и те части, где было ЭсЕровское влияние было сильно - там я был: Скажем, я держал связь с ... не помню с какими полками, но там были латыши, и павловцы, к которым я ходил на Кирочной улице. Я когда приходил туда и выступал, буквально смысле слова, меня несли на руках. 24 го произошла характерная вещь; После корниловского выступления, когда тревожная состояние, в первую очередь я, конечно пешком пошел на Кирочную и пошел туда:

Меня приняли в штюки!

Меня, которого принимали как представителя Временного Правительства, как военного советника и так далее, эти - же части, эти - же солдаты, если бы не было какого - то вахмистра, который меня увел, меня - бы вероятно разорвали. Так что Корниловское выступление сыграло трагическую роль, это был удар в спину, эта перемена настроений по всему Петрограду, потом, когда мы вечером собрались, это была абсолютная, как дважды два - четыре, все эти чести мы потеряли 9/10 в этот день, которые, со временем за правительством могли пойти.

А как объяснить ...

А не надо объяснять, они просто говорили, просто, безграмотно, невежественно, солдатская масса, которая поавалась объяснению большевиков, что «мы их продали Корнилову», что мы в соглашении с Корниловым для того, чтобы привести Корнилова, что Временное Правительство и все, что с Временным Правительством связано, оно в большом соглашении с Корниловым, что это дела Временного Правительства, чтобы свалить Советы и установить власть Корнилова. И это было с такой ... ваше имя - отчество, пожалуйста.

Алексей Николаевич!

Алексей Николаевич, это с такой .. было ... как Вам сказать, перед нашими глазами, когда мы вечером собрались, это все погибло..

А в какой момент Вы в первый раз почувствовали опасность со стороны большевиков?

Мы уже в июльском выступлении, 4 июля, но скажем, до корниловского выступления никто никогда не думал, что могут большевики, военной силой захватили Власть! Это было абсолютно исключено! Об этом даже разговора не могло быть! Когда я Вам говорил о 39 - й дивизии, эти разговоры относятся уже после, к сентябрьским событиям, к началу октября! Понимаете - ли, до корниловского выступления мы никогда не чувствовали никакой опасности! Я с большим авторитетом могу говорить о Кавказе, с которым я ежедневно был в связи, никакого намека не могло быть, даже на Кавказе, где мы были в чужой стране [нрзб] грузины, которые сепаратические настроения грузины начали раньше ведь, еще тогда мы ничего не боялись, совершенно! Турецкие эмиссары доходили до Дербента, до Северного Кавказа, но этого мы не боялись, так что Корниловское выступление сыграло совершенно трагическую роль для нас.

Это страшная вещь была.

Я, Михаил Матвеевич Тер - Погосян, который приходил туда, выступал, и которого, - я не преувеличиваю - были случаи, когда меня на руках выносили, вот так. «Как вы нас предали, с Временным Правительством, это вы - Корниловы» и так далее ...

А что Вы помните о июльском восстании?

Я тогда в Петрограде не был.

А где же вы тогда были?

Я был в Тифлисе.

А Вы обратно поехали ...

Нет, нет, я приехал позже, не - то 7 не - то 8 июля я приехал в Петроград.

Вы говорите, что Вы приехали в Петроград в мае.

Нет, нет, я в Тифлисе был, в Петроград я приехал 7 или 8 - го, после июльского восстания. Сейчас - же после выступления.

И это Вы переехали в первый раз в Петроград.

Да, в первый раз. И несмотря на это, она была совершенно подавлена, и вообще никаких политических последствий она не имела совершенно ...

Я Вас не совсем понял. Мне казалось, что Вы приехали ...

Нет, нет... Съезд губернских комиссаров был в конце июля, мне не нужно было раньше приезжать.

А как менялась обстановка в Петрограде и также, как протекала Ваша жизнь, Ваши заботы, ваши работы.

Моя работа заключалась в почти ежедневном хождении в Совет военного министра, и желание, все - таки найти какие - либо части, сохранить какие - то части. Мы все расплылись по гарнизонам, к сожалению, были весьма печальные. Я сейчас не помню - когда, но до Петроградского совещания была Московское Государственное Совещание, куда я выдвинут представителем от партии Соц. - Революционеров Кавказского Областного Комитета, это было так сказать, fleur¹³⁸ всех революционных, муниципальных организаций. Вот там я впервые видел Корнилова.

Там были совершенно исключительные два выступления, Керенского и Церетели. Я их содержания не помню, они произвели совершенно невероятные впечатления.

Я Вам сейчас скажу о выступлении, котолая на меня произвело впечатление; Приезд Корнилова. Я стою недалеко, на площади Большого Театра, - Совещание происходило в Большом Театре - В это время, как точно в степи - широким галопом, «Большим намётом» - по казачьему выражению, едут на

¹³⁸ Т.е. «Весь цвет», полный состав.

маленьких лошадаках скачут «ташкентцы» - наездники, и огромная открытая машина, на нем стоит Корнилов. В машине он был, не знаю, с кем, по - моему был Завойко. А может - нет.

И, такое же количество всадников сзади. Это специально было устроено. Он подходит, его встречают с аплодисментами, крики «Ура!» и так далее. Причем этот приезд приблизительно, - я никогда царского приезда не видел, но я видел издали, - это был почти царский приезд. Это было специально поставлено и это произвело огромное впечатление и я помню, я стоял в группе моих коллег, товарищей и так далее. Это очень тяжелое впечатление произвело. Хотя он тогда абсолютно... это было как то странно, это было что - то против нас, понимаете - ли, мы не могли определить, я помню, был Завриев, крупный армянский деятель...

Завриев?

Зав - ри - ев! Яков Христофорович, и он мне говорит; «*Слушай, Миша, - он был гораздо старше меня - что - то здесь неладное, знаешь*». Вот мы так и ...

А что же Вам, более конкретно, что же было неладное?

Вы вероятно знаете Его заявление, что это должно быть возвращена смертная казнь, должны быть немедленно приняты меры и так далее. Причем Правительство шло на это! Оно шло! И, выступление Корнилова после Московского Государственного Совещания, оно было ... потому что она никогда не [нрзб] срыва между Временным Правительством и в частности, - Керенским и Корниловым - не было!

Но там я встречался со многими, сейчас мне память изменяет, почти со всеми лидерами и с - Чхенкели, Чхеидзе, Церетели, наши лидерам мы все вместе совещались, - совещания происходили по фракциям, по партиям, но это не интересно ...

Вот мне интересно, как была организована и как работал ваша партия, социал - революционеров, у вас было отдельное помещение в Петрограде, газеты ...

Да, да, Центральный Комитет помещался в дворце Великого Князя Дмитрия Павловича, на Благовещенской площади, огромное здание, многоэтажное, где был ЦК, было Бюро, были les dactylos¹³⁹, дежурство и так далее, и она держала постоянно связь с областями, с областными комитетами, губернскими комитетами, и так далее, причем эта связь была очень большая.

Еще один вопрос: что говорилось, что думалось, скажем летом и осенью, среди круга ваших знакомых, о выборах в Учредительное Собрание, насколько важно это рассматривалось и как ...

Во время выборов в Собрание я не был в Ериване, на Кавказе, я был .. участие в выборах не принимал. Огромные надежды возлагались на Учредительное Собрание. Думаю, что все, что делается, это, так сказать, «*Передняя*», а вот «Салон» будет, когда учредится само Собрание.

Вообще Учредительное Собрание было окружено каким то ореолом, романтическим ореолом, не только историческим. Твердо верилось, что когда земля (?) соберется, то все большие вопросы разрешатся и никогда мы не могли допустить, что рука большевиков подымет на то, что они сделали, на разгон Учредительного Собрания. Нам полагалось, что «*Вот, надо дотянуть до этого, придти до этого...*». Я помню, когда мы были в Ериване, были выборы в Городскую Думу в Тифлисе (это еще в июне 917 года). Меня вызвали в Тифлис - там не хватало людей, чтобы выступать в войсках. Помню, в 6 часов утра я поехал в «*Кахетинские казармы*», это около Тифлиса, с митингами, собирал войска, привел в Тифлис. Я начал агитацию в батальоне, а когда я пришел в Тифлис, за мною шло около 12.000 человек солдат, с лозунгами партии Соц. - Революционеров. В Тифлисе, где грузинские национальные партии, и в особенности Соц. - Демократия играла огромную роль, мы прошли в Собрание огромным большинством, провели в городскую Думу..

А Вы не помните, что именно Вы им говорили солдатам и какая их была реакция?

Солдатам я говорил: Первое: Война должна кончиться. Второе: Но война может кончиться позором. Наши земли мы не можем отдать немцам. Вы имеете полное право вернуться домой, но вы можете вернуться в ваши полуразрушенные хаты и участки земли, которые вам ничего не дают. Когда вы вернетесь домой, вы должны получить землю, община (!) должна получить землю, и разверстка должна быть посемейно, почленно семьи. Вот этот аграрный вопрос, о том, что они получают землю, что они будут иметь участки, где могут пахать, иметь возможность работать, это произвело на них огромное впечатление. Это был вот тот рычаг, который поднимал настроение до максимального.

А какая была их реакция на Ваши требования, просьбы, о продолжении войны?

Они относились благоприятно, к этому вопросу.

А в совещаниях, в которых Вы участвовали ...

Вот! Я был членом Предпарламента. Вы знаете, до Учредительного Собрания (это был как бы выкидыш, неудачное Собрание), от партий и от муниципалитетов тоже, такое постоянное учреждение было, которое собирался в Мариинском Дворце. Я был одним из представителей партии Соц. - Революционеров в Предпарламент (и название было какое - то дикое!). Там мы принимали решения и меры, - «*В первую очередь Фронт*», «*Сохранить фронт!*».

Я помню одно трагическое собрание: Начальником Штаба был генерал Марушевский, это генерал очень опытный, очень знающий, был маленького роста. А в Мариинском Дворце, огромные дворцовые двери, он подходит и не может открыть... со мною был какой - то офицер, он помог ему

¹³⁹ (Фр). Машинистки.

открыт, и впустил. И вот, главная комиссия, которая была избрана Предпарламентом для обсуждения текущего вопроса, была комиссия обороны (я был членом этой комиссии, я был избран как военный), и доклад генерала Марушевского, и потом доклад начальника Штаба Михаила Васильевича Алексева. Он первый раз сказал то, что потом ... что «По существу Фронта нет, может быть еще не 12 часов, но еще может остаться минуты, еще может быть можно фронт спасти». И в это время приносят телеграмму, Дагос (?), взят немцами. Я помню это гробовое молчание, и, .. я может быть это мое настроение, что у покойного Михаила Васильевича на глазах были слезы на глазах. И вот тут, был Керенский, все были, было сказано «Принять все меры»..., но какие меры, когда фронт был уже ... что сказать,

А на совещании Военного Совета никогда не мелькала какая - то мысль, или намек о том, чтобы заключить сепаратный мир?

Никогда, никогда! Я теперь, задним числом могу сказать, что если мы предали - бы союзников, и заключили бы, то есть Временное Правительство заключило бы сепаратный мир, мы бы с Вами сидели бы в России сейчас. Наоборот - когда на собрании Совета Обороны об этом был намек у Верховского, Военного министра, то через 2 часа его уволили!

Я Вам должен сказать, что этот сепаратный мир висел в «воздухе» большевиков. И это было то, против чего все политические организации, стоящие на платформе Временного правительства, против этого боролись.

Сохранение фронта какой угодно ценой и, собственно говоря, ведь тогда другая была оптика, Алексей Николаевич, иная оптика. Мы считали, что заключение Мира с немцами, это во - первых предательство союзников, на что мы никак не могли пойти, - это занятие России, занятие 80 дивизиями немцев и австрийцев России. Это значит - плен. На это мы не могли пойти. Ведь русская революция родилась со словами Свободы на устах! Она была полна романтики, понимаете ли, и она должна была, именно потому что была романтична, и она погибла, потому что мы предавать страну не могли. Но я, сейчас, не тогда, а сегодня, задним числом, думаю, что если бы Временное Правительство предало - бы Союзников, и заключила бы мир с Германией, Мы с Вами сейчас сидели - бы в России, и нас бы все уважали¹⁴⁰.

Михаил Матвеевич. Вчера Вы мне рассказали о Вашей жизни, потом о 17 году и мы дошло более менее до сентября. Можно вас попросить возобновить Ваш рассказ с сентября 17 года, а потом перейти дальше.

К сожалению, события, имевшие место после корниловского выступления до октябрьского переворота, эти события в моей памяти как - то стусевались. Я даже не могу понять, почему это произошло. Помню одно, что у нас были буквально непрерывные, 24 часа собрания, в Совете при Военном министре, в Предпарламенте, и других партии, в ЦК Партии, но к сожалению, таких конкретных данных я не могу сказать. Однако, я могу вспомнить некоторые события более мелкого характера, Во первых - удаление Военного Министра Верховского, точной даты я не помню, это было связано с его выступлением по поводу того, что положение таково, что в сущности говоря, можно прибегнуть к сепаратному миру. ... это не было сказано, но все его выступление было такого характера. Что касается деятельности нашей и Временного Правительства в сентябре, она сводилась к тому, что оно сводилось, как французы говорят, «Limiter des dégâts»¹⁴¹ корниловского выступления.

К сожалению, корниловское выступление значительно усилило авторитет Совета Солдаиских и Рабочих депутатов, и параллельно обессилило Временное Правительство. Это выражалось, как я Вам вчера докладывал, что мы теряли кадры среди Петроградского гарнизона. Эти потери отмечались с каждым днем, - какие - то части, которые были верны базы Временному Правительству, на следующий день оказывались распропагандированными, и их легко можно было пропагандировать.

Вы вчера мне задали вопрос: «Чем, собственно говоря, это объяснить»? Это очень легко объяснить. Прежде всего, нужно иметь в виду, что эта огромная солдатская масса была деморализована до последней возможности, лозунги: «Долой Войну», «Заключение Мира», находило немедленную пищу в их сознании и их привлекало. Корнилов ни одной минуты, до выступления, не срывал с Временным Правительством....

Извините, что делал?

Не срывал с Временным Правительством, и естественно было, когда солдатская масса видит, что Корнилов был все время с Правительством, а теперь идет на Петроград с ликвидацией этих частей Временного Правительства, то, несомненно, в их сознании должно было возникнуть предположение, что Временное Правительство действует заодно с Корниловым. И это было, собственно не только Ахилесова Пята, это был тот страшный удар, который был нанесен Петроградскому гарнизону, Временному Правительству в смысле верности Петроградскому гарнизону. Отборная защита, с точки зрения противников режима, что кроме юнкеров никого не осталось защиты Временного Правительства, во первых это не соответствует действительности, - целый ряд частей действительно защищали, но их было значительно меньше, чем могло быть до Корниловского выступления, и было, действительно, значительно меньше.

Некоторые факты: Во - первых, самоубийство генерала Крымова. Генерал Крымов был, Правых убеждений, но очень лояльный человек по отношению к Временному Правительству. У него состоялось драматическое свидание tête à tête avec Керенским, и Керенский заявил ему, что то, что он сделал, является ничем иным, как форменным, подлинным, настоящим предательством.

¹⁴⁰ Конец первого файла. Изд.

¹⁴¹ (Фр.) Ограничить урон.

Насколько я знаю, ... ту версию, которую мне передавал сам Керенский в свое время, сейчас я не возвращался к этому вопросу, разговор был приблизительно вокруг этого предательства....

Позвольте, для ясности, Вы можете объяснить, в чем же заключалось предательство?

Крымов ввел головную часть отряда, посланного Корниловым, и он должен был занять Петроград, ликвидировать Советы. Он был командующий головного отряда генерала Корнилова. После того, как движение этого отряда было приостановлено, вот тут конечно, большевистский настроенные части помогли Временному Правительству приостановить это, что и понятно психологически.

Крымов был вызван к Керенскому, состоялось свидание, после этого Керенский покинул кабинет, где виделся с Крымовым, а Крымов застрелился.

А Вы в те дни были в Петрограде?

В Петрограде, все время. Мы все время пытались что то собрать, что то организовать, но все наши попытки восстановить настроение рго Временного Правительства так, как до этого события были, почти повсюду не давали никакого результата, к сожалению. Однако, Временное Правительство не только не растерялось, оно приняло все меры, но как раз эти меры, принятые против Корнилова, некому было принимать, так как части шли очень охотно на это, но чтоб потом поддержать против Советов Временное Правительство, это, к сожалению, оказалось ... и когда было знаменитое выступление 25 октября, по теперешнему 7 - го ноября, то, очень мало частей пошло за этими. Из фактов, бросающихся в глаза, я могу сказать, о последнем съезде, по моему это было 25 го октября, Всероссийского Съезда Рабочих и Солдатских депутатов, я присутствовал на этом... я был делегатом, пришли мы туда - это был очень холодный день, солнечный но очень холодный, в Смольный дворец, Собрание происходило в «Двухцветном Зале» Смольного института - это очень красивый зал, с белыми колонами, и алебастровыми люстрами, совершенно невероятной красоты зал;

Когда мы вошли во двор Смольного института, спереди шел Сталин, в длинном, военном пальто, наша группа, ЕсЭров заняла место с правой от входа стороны, потом меня срочно вызвали в связи с совещанием при Совете Военного министра, я в дальнейшем не участвовал. Они мажорировали нас и мы ушли. Соц. - Демократы и ЕсЭры покинули зал и ушли, собрание велось большевиками.

Помню другое собрание на следующий день, или 26 или 27 октября, в Предпарламенте. Мы пришли на собрание, и когда мы хотели уходить, ... да, во время собрания объявили, что выходы заняты большевистскими частями, и мы объявлены арестованными. Собрание сейчас же было сорвано, некоторые выходы со стороны не площади, а с задней стороны были открыты и мы смогли уйти.

А как же произошло сам захват Власти?

Я сейчас скажу. При захвате власти Временное Правительство заседало в Зимнем Дворце. Большевистские части были мобилизованы, части выступили, для занятия ... все входы в Зимнем Дворце были заняты, в том числе и площадь перед Зимним дворцом, около Генерального Штаба. В это время, по инициативе ЕсЭров, в частности Абрама Гоца и Шрайдера, Председателя (!) городского Головы Петрограда, мы все собрались около Думы и большой толпой, огромное количество было солдат, и политические деятели, двинулись к Зимнему Дворцу, т. к. нам сообщили, что Зимний Дворец будет обстреливаться. Мы дошли только до Казанской площади, на Казанской площади нас окружили, причем толпа, - она была, тянулась около, почти километра.

А это был какой день, о котором Вы рассказываете?

Это был или 26 или, т.е в день бомбардировки Зимнего Дворца. Когда нас остановили, в это время «Аврора» обстреливала Зимний Дворец.

А этот обстрел «Авроры», он Вам помнится как непрерывный ...

Нет, было произведено 4 или 5 выстрелов всего, но войск уже не было за Временным Правительством. Войск абсолютно не было. Впрочем картина такая: когда нас остановили между Конюшенной и Казанским собором - то есть мы не дошли до площади Зимнего Дворца, я успел пройти направо, на Конюшенный, - мне хотелось все - таки пробраться к Дворцу, - я видел толпы, много пьяных солдат, в дребезги пьяных солдат. Каким образом это было сделано, где они могли напиться, не знаю, но их было очень много. И враждебные крики по отношению к нам. Потому что мы были не вооруженные, совершенно, и если с нами не были бы военные, то ... После этого, немедленно началось собрание. Был сформирован «Всероссийский Комитет Спасения Родины и Революции», куда вошли все организации, кроме большевиков, причем, начиная от Кадетов, в частности я прекрасно помню Владимира Дмитриевича Набокова (Могу рассказать один потешный эпизод: мы собирались в здании института правоведения. До этого он занимался Советом Крестьянских Депутатов, в частности, я и целый ряд военных ночью несли дежурство там, между прочим, в числе других военных, которые вместе со мной несли дежурство, был Абрам Виленкин¹⁴², впоследствии расстрелянный большевиками, человек исключительной храбрости, исключительной активности, вообще очень большая была фигура - Абрам Виленкин. Помню, как то ночью, я сидел в дежурной, вооруженный, и вдруг кто - то меня будит. Я проснулся и схватился за наган. Это был Набоков, который ночью, которого искали - нас всех искали, Меня, Набокова, Виленкина, Гоца, всех, все, что более - менее попадалось на глаза, всех искали, арестовывали. Он ночью, в два часа ночи, несмотря на арест, пришел из своего дома, с Литейной, он жил у графини Паниной, по моему, а может на Морской, я не помню, откуда, чтоб предупредить, чтоб я ушел, так как он получил сведения, что будут арестованы все, кто находится в училище правоведения. Человек исключительной храбрости, он потом был убит в Берлине Табарницким и ... словом, русскими

¹⁴² Автор ошибается, это был Александр Абрамович Виленкин.

монархистами. Значит мы, вместе с ним вышли, каким то образом чудом мы добрались до квартиры графини Паниной, а на следующий день спрятались.

Что произошло после переворота? Малый Совет товарища министра, который старался что то организовывать, что то делать. Потом, комитет Партии Соц. - Революционеров перешел на нелегальное положение, и значит, из дворца Великого Князя, и мы собирались одни и другие общественные и политические деятели собирались на Литейном, номера я сейчас уже не помню, затем на № 2 на Болотной, это на Рождественской, в Петрограде, там был между прочим было принято решение, что я поеду на Юг, в Ростов, оттуда снесусь с Донским, на предмет переброски верных частей в Петроград...

Для того, чтобы продолжать борьбу против Большевиков?

Против большевиков, причем еще в сентябре, даже в октябре, на переговорах с Донским, когда приходили о состоянии частей, в частности, относительно 39 - й, так называемой «Железной Дивизии» были таковы, что мы, лояльно могли .. о том, что эти части могут оказаться действительно полезными против большевиков. Я конечно, уехал в Ростов, там, как раз был эпизод, который я рассказал, меня арестовали казаки ...

Вы его рассказали мне, но вы его еще не рассказали ...

Да, я уехал с фальшивками, с поручениями, как будто большевик, на Юг, для связи с южными организациями, и вот, около станции Каменское я сошел с поезда и пошел пешком. Там шли бои между казаками и большевистскими красногвардейцами. Я шел специально, чтобы попасть в руки казачьих разъездов, что и случилось. Они меня, идиоты, поймали, и я - «брюнет», «паршивый жид», избили меня так, что я потерял сознание. Я потерял сознание и проснулся в остроге Новочеркасска, в тюрьме. Со мной вместе сидел знаменитый атаман Григорьев. К счастью, больничный врач, Соц. - Революционер, он знал меня, он сейчас - же сообщил товарищу наказного атамана Нагаевскому, который лично прекрасно меня знал по Совету старост Петроградского Университета, он приехал, [забрал] меня, в мертвом состоянии, я пожил у него неделю, пришел в себя, и тут - же я, в Новочеркасске участвовал в Первом казачьем Донском Круге, где сделал доклад о том, что в Петрограде происходит...

Один вопрос: Каково было настроение тех казаков, которыми Вы говорили.

Меня, как представителя Временного Правительства внешне принимали хорошо, но я, через буквально два дня как раз доктор, фамилию его я забыл, он мне описал, что «Имейте в виду, что настроение здесь против Временного Правительства, очень решительно против большевиков с одной стороны, против Временного Правительства».

Вообще психология казаков, и в Петроград, в особенности Дутова, и казачьих частей было скорее нейтральное. Это, собственно сыграла очень печальную роль для судеб Временного Правительства. Но, несмотря на это мне предложили, как раз было выступление большевиков и го [нрзб] и Ростов был занят большевиками. Но после очень небольших боев казаки заняли Ростов и Каледин, казачий атаман, я в его поезде первый приехал в Ростов. Как раз мой брат жил там, со своей семьей, и мне было предложено пост начальника гарнизона, - «Единственное, сказал я - я приехал сюда, мне нужно снести по проводу с Донским, я же должен к нему поехать».

Железная дорога не действовала, и единственное, что я имел, это всю ночь провод с Донским в Тифлисе. Я с ним переговорил, и он мне сообщил печальную весть: «К сожалению, развал начинается и здесь, пока - что 39 - ая дивизия держится, но я боюсь, что вряд - что либо можно будет организовать». Однако, он обещал подумать, может - ли что либо перебросить, если мы сможем обеспечить ... логистику. С таким настроением я сделал нужные указания по поводу ... информационные сведения, касающиеся Перербурга и просил держаться на той позиции, что может быть можно будет что - то перебросить и так далее. Вернулся снова в Петроград, в совершенно кошмарных условиях.

А это в каком месяце было, приблизительно, когда Вы выехали из Петрограда в ...
В Новочеркасск!

Да, в ноябре, наверное..
Это было не то 5 не то 7 ноября, по старому стилю.

А на Юге сколько времени Вы были?
Я думаю, что я был максимум 10 дней.

И потом Вы обратно поехали, в 20 - з числах, наверное..

К 18 му вернулся в Петроград, в очень кошмарных условиях. Как я ехал - я ждал часами, ехал 3 дня, приехал в Петроград, сделал доклад Малому Совету, в ЦК, во «Всероссийском Совете спасения Родины и Революции», тут мы были в нелегальном положении, уже собирались в специальных местах. После этого я связался с целым рядом отдельным ... с Чайковским, и я поехал в Москву для организации связи Москвы с Петроградом.

Эта связь Петрограда с Москвой, это было по партийной линии или ...

Нет, нет, это было .. только тех сил, которые спонтанейно возникали там и тут, которые старались друг с другом и вести борьбу на предмет борьбы с большевиками. Это была полу - официальная, полу - партийная, была очень смешанная борьба. Я помню встречу с Чайковским, я жил на квартире бывшего члена Государственной Думы Пападжанова, куда я приходил с соседнего дома. Этот дом имел связь с соседним домом, потому что за мной приходили, но я с швейцаром был в хороших отношениях, я иногда приходил туда ночевать. Насчет свидания с Чайковским, на Болотной улице, и для того, чтобы с ним видется перед отъездом в Москву, - я должен был вести огромную сумму денег в Москву, - мы

условились на Сергиевской улице, где, на улице стояли штабелями стояли саженьями дрова, большими штабелями были корридоры, мы условились, что он против моего дома придет, я буду ждать, как сейчас помню, пришел он, в треухе, он мне передал по тогдашним временам много миллионов, которые я надел на себя, и это трогательная вещь, Чайковского после этого я видел в Петрограде, он благословил меня, он был очень верующий человек, он надел на меня маленький образок и я поехал. Это было очень опасная вещь,

А, простите, эти миллионы предназначались против чего?

Для борьбы против большевиков!

А деньги эти были откуда?

Я не могу сказать, это трудно ... в это время я не спрашивал, очевидно это были не партийные, а они шли через какие - то источники, мне трудно сказать.

А более конкретно у Вас осталось воспоминание о том, что же на эти деньги купить надо было или оружие покупать, провиант..

И то и другое. Например, может даже чтобы подкупать, вероятно.

Ваша задача была просто взять и передать?

Нет, не только передать, но сообщить им, что мы делаем, на что мы надеемся, какие связи, какие адреса здесь и получить адреса там. Я там приехал, ...

Если можно вернуться к этому. Вы сказали, что Вы должны были доложить - что делается, и на что вы надеетесь ..

На что рассчитывать.

Рассчитывать. Вы можете сказать, что - же в тот момент делалось, и на что вы рассчитывали?

У нас, к сожалению, с какой нибудь большей определенностью, то, что я скажу ... просто память мне изменяет. У нас были организованы партизанские отряды. Вооруженные, которые были выхолощены, из отдельных частей, и которые командовались верными нам офицерами, скажем, полковник Николай Николаевич Параделов (?) который умер здесь. Он организовал военные части ...

Для ЭсЕров ...

Нет, нет, нет ! Именно для борьбы против большевиков, не ЭсЕров! Они не были партийные.

За Временное Правительство. Но они по духу были монархистскими..

Нет, нет! это были ...Монархисты никакого участия в этом не принимали, и если они что нибудь делали, я не знаю что они делали. Все эти организации связались вместе и так сказать, вели борьбу за Временное Правительство. Я, к сожалению, в Москве мог передать наши связи, передать деньги по указанному адресу, я сейчас уже не помню фамилию того, кому передал, был Руднев. Вадим Викторович и был человек, которого я знал, иначе я бы не поехал, передал ему все связи, и, к сожалению, случилось так, что я должен был немедленно вернуться, чтобы передать какое - то чрезвычайно срочное поручение Чайковскому, сейчас не помню, что это было.

Теперь очень интересный эпизод, кошмарный, конечно, это день открытия Учредительного Собрания, 5 января.

Было сделано распоряжение, что все ответственные лица будут со всех концов Петрограда будут собирать рабочих и солдат, и просто население, и массаи будут идти к Таврическому дворцу.

Я должен был вести, вместе с другими лицами колонну с Петроградской стороны. Значит мы спустились по Михайловскому дворцу, через Троицкий мост, через Каменоостровский проспект, и там повернули через Пантелемоновский мост на Литейную улицу.

На Литейном нас было, я не могу точно сказать, но когда я поднялся немножко на тумбу около ворот, я конца этой толпы не увидел. Толпа была огромная, на десятки тысяч. Я помню, я шел во главе, был я, .. забыл фамилию ... ну, неважно, и со мною был, сзади меня шла сестра милосердия, со знаком Красного Креста. Против нас, со стороны Окружного Суда, который уже ... появилось большевитские части, регулярные, и, значит, отрезали нас и начали давить. Потом они отошли и, с обеих сторон они стали на колени, на «изготовку». И начали стрелять! И вот эта Сестра милосердия, - не то Старицкая, не то Стариковаская, по - моему Старицкая, она получила, на близком расстоянии, в 20 шагах, получила пулю прямо в лоб, и голова была взорвана - когда пуля попадает на близком расстоянии, она еще не имеет достаточной быстроты, голова была разорвана. Я ее держал, чтоб нас не отгеснили, и она упала замертво.

Больше мы не попали к Таврическому дворцу.

А вот меня интересует, как происходило, когда и кем был дан приказ стрелять. Было ли сказано приказ разойтись? Стреляли в воздух или взяли и прямо начали стрелять?

Распоряжение о стрельбе, о том, чтобы ни в ком случае не пропускать к Таврическому дворцу, было дано Революционным Комитетом, - потом мы это выяснили. Им было сказано, что «Если нужно будет - применить оружие, расстреливайте толпу, перед этим не останавливаться».

Абсолютно!

А стрельба началась таким образом: Солдаты стали на колени, и взяли именно на прицел толпу. Между нами было небольшое пространство, я сейчас не помню, сперва раздалось не то 2 не то 3, может

больше выстрелов в воздух. Толпа шарахнулась, но снова пошла вреред. И пошла за черту, где мы остановились. В это время раздались выстрелы и в это время эта несчастная была убита.

А много погибло среди тех людей, которые стояли вокруг Вас?

Раненых было масса. Тут уже началась страшная паника, люди давили друг - друга, шли обратно, .. Пантелеймоновской, Семеновской, и вот так...

Потом началось заседание Учредительного Собрания, я не присутствовал, был разгон, Железняк, эта история известна ... После этого я сидел еще в Петрограде, мы занимались организационными работами, организаций партизанских отрядов, и так далее. но было ясно что Петоград потерял, и нас, С. - Р. организацией, мы приняли меры организовать в провинциях и каждый из нас получал поручение на поездку на Юг, на Восток, в Сибирь и так далее, для организации местной .. ибо мы считали, что самое большое несчастье Петрограда - это огромный гарнизон дезертиров, которые, собственно говоря и была реальной силой большевиков.

Так что , Вашей партией было принято решение более - менее уйти из Петрограда ...

Нет! Те, которые имели связи с провинцией, чтобы те выехали в провинцию, организовать антибольшевистские выступления, движения в провинции. В частности я, как кавказец, мне было поручено поехать на Кавказ. Уже в порядке совершенно ином, мне удалось получить - тут организовали целый ряд организаций, национальных и так далее. грузинские, армянские, татарские и так далее. через Армянскую Национальную организацию, я получил санитарный поезд № 19 якобы для доставки на Турецкий фронт - тогда еще фронт существовал - санитарных материалов, мне был дан этот поезд...

И это вы фактически получили ...

От большевиков! У меня была фальшивая бумага, я был иначе назван, как - уже не помню, но мы выехали. Причем я воспользовался и взял с собой около 80 переодетых русских офицеров, которых я хотел увести, спасти с Петроград. Ехали мы кошмарным образом.

Когда мы приехали в Рязань, нас окружила Красная Гвардия. Тогда ведь красная Гвардия была и так сказать регулярная армия, которая к ним перешла - но Красной армии не было! Красногвардейцы в Рязани задержали наш поезд - Вы знаете, для того, чтобы поезд пошел, дается путевка - такой жезл, который ... без этого жезла путь не может быть открыт. Нас местный исполком красогвардейский, рязанских рабочих арестовал и предложил начальнику поезда - Я был начальником поезда - придти для объяснения, что за поезд, как и так далее. Я прихожу туда, в исполком Совета Рабочих и Солдатских депутатов, и вижу мой приятель, большевик, не то Эльман, не то Ейхман, которого прекрасно знал, бывший студент СПб университета.

Он обращается ко мне: «Ты что тут!»

Я говорю: «Я начальник поезда!»

А он - «Твое счастье, что ты попал на меня. Вот что: сдай все оружие и я пушу вас всех».

Сдача оружия значит - Вы представляете, что это значит...

Да, да, сдача на милость...

Да, причем, сдача оружия - это значит на милость победителя. Причем мы получили сведения, что как раз, за несколько дней до этого, какая то часть, вот в таком порядке национальная, проехала, они сдали оружие, и из них половину расстреляли, а руководителей арестовали.

Я ему сказал: «Я уехал с поезда, и сказал им - Если я через полтора часа не вернусь, они должны с боем пробиваться на Юг».

У меня на руках были часы, и я сказал им; «Остаются 40 минут, Вы можете меня расстрелять, но...» - а поезд вооружен как следует, там было 80 офицеров и не то 60 не то 70 солдат, прекрасно вооруженных, они знали - что происходит, так что все меры были приняты. Начальником я назначил полковника Огановского...

Простите - как?

О - га - новский, их было 2 брата, один был полковник, второй чином поменьше.

Вот полковнику [Огановскому я] и сказал: «Будьте добры взять на себя командование, вместе со старшим врачом, и если я к такому то часу не буду, вы пробиваетесь, ибо, значит, я или расстрелен, или я арестован».

Он [этот большевик, в Рязани] сидит, мы сидим, я часы поставил и жду, причем он понял, что я был вооружен, и со мной были 2 человека, они также вооружены. У меня был мой наган.

Я говорю ему: «Вот видишь, этот наган, он наготове, ты можешь меня ... но этого нагана ты ек получиши» (мы с ним на «ты» были).

Расстояние между городом и этим местом - минут 20 - 15.

Когда осталось 25 минут, он говорит; «Твое счастье, что ты был у нас (?). Езжайте».

Мы поехали, получили путеву и проехали.

Какое впечатление у Вас осталось относительно организации большевиков, и насчет того, насколько они были уже хорошо связаны, скажем, с Центром. Вот, скажем, этот Ейхман: Он сам действовал или же он все время на связи, скажем, с центром?

Я думаю, что основным фактором их успеха нужно считать «Не хотим больше воевать». И так как везде было огромное количество дезертиров, которые сбрасывали форму, одевали это ... среди рабочих и тех людей, которые к ним примкнули, очень часто мы узнавали просто военных, которых мы узнавали - конечно не в лицо, но (по виду), а они и не скрывали этого. Успех прежде всего объясняется дезертирством, желанием окончить войну у всех, вся Россия Черноземная Россия, вся крестьянская Россия, она не хотела воевать! Совершенно, абсолютно не хотела воевать. Они устали. И Вы же должны

знать, что в России действительно, кроме Москвы и Петрограда деревня нуждалась во всем, уже к октябрю она уже не получала мяса, не получала ... правда, деревня не всегда получала мяса, положение было очень тяжелое, количество убитых и раненых, из возвращающихся с фронта была совершенно невероятное. И все это не могло не создать антимилиитаристических, анти военных настроений.

Теперь, была ли у них связь?

Несомненно связь была, но они заранее уже начиная с сентября, может раньше, в ближайших районах к Москве и Петрограде, - в Воронеже, в Рязани, в Орле, в особенности на Юге, они везде имели своих агентов и, конечно организованных ... тот вот Ейхман был членом Парламента, значит он был послан туда, понимаете - ли.

Потом мы приехали через Царицын - в Царицине нас опять задержали, но словом мы пробились, приехали на Кавказ.

На Северном Кавказе нас задержали казаки, просто чтоб ограбить. Я офицеров всех оставил в Кисловодске, все офицеры остались там, и потом 9/10 офицеров поступило в Добровольческую Армию.

А в тот момент уже создавалась Добровольческая Армия?

В Новочеркасске Каледин, первый когда приехал, начал создавать! Ростов был взят, казачьими частями - это начало ноября 17 года...

А политический облик Добровольческой Армии...

Это уже потом, Добровольческая Армия создавалась позже.

Да, но мне просто интересуют те казаческие части, которые начинали борьбу против большевиков - они начинали... было ли что - то, за что они боролись, или же в основном было против большевиков?

Это, во всяком случае, было не Временное правительство. Прежде всего, психология казака - оно «местечковое», или «местное», «из своей колокольни». Они хотели спасти свой дом, свою Кубань, в первую очередь, их не интересовала Россия. Это очень странная вещь, между прочим. У казаков была такая, я бы сказал «казачья психология», они были всегда против иногородних, не - казачьих частей, не казачьих настроений, идей и так далее. Но потом уже, когда Добровольческая армия создавалась, они вынуждены были подчиниться, о том перипетий (!) это очень интересно вам может рассказать кто -нибудь более знающий.

Потом я попал на Северный Кавказ, в казачьи части, они захотели отнять, - просто ограбить, они узнали, что у меня имеется огромное количество фармацевтических материалов, и так далее но мы сумели пробиться, приехали, попал я в Баку. Эти материалы я должен был вести на фронт, а в Баку оказалось окруженным турками, восставшимися азербайджанцами, совместно с турецкими войсками. Вот я тут принял участие в осаде Баку.

В обороне Баку...

Район апшеронско полуострова, в районе Баку. Я быстро вошел в связь с Соц. - Революционерскими организациями, с Армянским Национальным Советом (огромную роль в обороне Баку играл Армянский Национальный Совет) - связался с Соц. - Демократами, ЭсЭрами и так далее. У нас тут было политическое сотрудничество с большевиками - против турок. Так как мы были окружены турками, то местный Совет, то есть большевики, - они временно, как натоющие диалектики, кооперировались вместе с нами - и с Армянским Национальным Советом, и с ЭсЭрами, и с ЭсДеками...

Но все это было обусловлено именно фактом присутствия турков?

Только! только! Когда мы увидели, что в сущности помощи ниоткуда можно получить, а нам не хватало и оружия, и людей, но стал вопрос о привлечении англичан. Англичане были на юге, в Персии. И, вот, от имени ЭсЭров и Армянского Национального Совета я поехал в Персию, для установления вот этого соглашения с англичанами. Я уехал официально, предварительно переговарившись с Шаумяном, - он был за то, что англичане пришли в Баку, абсолютно, и весь Совет Министров, местный, он стоял за то, чтобы англичане пришли.

К тому времени, власть в Баку находилась в руках у кого, фактически?

Власть была большевитская, но сила была у нас. Мы их держали, так сказать, чтобы рабочие не..не делали, но так сказать Сила была Армянско - ЭсЕровская. И кадеты, конечно. Я тут немножко ... я в первый раз поехал без ведома Шаумяна, я ему не сообщил. Я в первый раз поехал в Энзели, там я сошелся с полковником Альхави, русский полковник, Северная часть Ирана была занята русскими, он был начальником гарнизона...

А фамилия его была Альхави?

Альхави. Он был сириец.

Но офицер русской армии?

Офицер русской армии, сотрудник «Речь» - и, он писал под фамилией «Семенов», очень культурный человек, мой лучший друг, - я с ним подружился. Я ему объяснил, в чем дело, он немедленно снарядил меня и я поехал в Казвин. В Казвине я вел переговоры с генералом Эндрюсом и с Данстервилем, - Эндрюс уехал на следующий ... Данстервиль, через полковника Траттерберга, который по русски говорил как Вы и я, и мы подписали такого рода соглашение: (причем я подписал как «Представитель Армянского Национального Совета, партии Соц. - Революционеров и других антибольшевитских организаций, поручик Тер - Погосян», а он, с их стороны наше соглашение было подписано генералом Данстервилем и полковником Роильнсон).

По этому соглашению они обязывались до 15 июля перебросить одну дивизию в Баку, а после 15 августа - это все в 18 году, эти переговоры велись - в апреле 18 года...

В апреле, значит после Брест - Литовского договора?

Да, да, после. А после 15 августа столько, сколько понадобится для того, чтобы защитить Баку и соединиться с Национальными силами и так далее, и с русскими силами. Причем мы - бакинское правительстве, бактнская организация, - обязывались им доставить в Энзели - Энзели это приморский порт на каспийском море, 30.000 пудов бензину в течение ближайших 8 недель, и определенное количество - количество я сейчас не помню - патрон, для полного снаряжения и предоставление в их распоряжение наши пароходы (какое количество - я сейчас не помню, это и не важно).

Мы свое обязательство полностью, на 100% выполнили в назначенный срок. 30.000 пудов бензина было доставлено нашим пароходом в Энзели, и направлено в Казвин, и южнее. Они свое обязательство не выполнили ни 15 июля, и лишь 15 августа, - а может немножко раньше, между 10 и 15 августа, после очень длительных - я ночи вел с ними переговоры по Морзе с Энзели и с Казвином, что необходимо, мы погибаем ... В конечном счете мы сговорились с этм Альхави, что он заставит полковника Стокса, эээ, командующим передовым отрядом. - потом он был генералом, он был представителем англичан на Кавказе, у армян, у грузин и у азербейжанцев, как представитель их военных. Стокс приехал, говорил с Альхави и со мной. Мы условились, что он пршлет хотя бы офицеров, чтобы показать хотя бы бакинскому населению, что англичане с нами, что они так сказать, помощь у нас будет.

Он говорит: *«Войск нет, чтоб прислать».*

Я говорю: *«Пришлите офицеров, только офицеров с джепами»*, тогда были знаменитые джепы, высокие машины.

И мы устроили такой спектакль: приехали восемьдесят офицера, мы их посадили на 40 джепов и по всему Баку провели, без солдат, безо всего. А через некоторое время пришли части, и они, в общем, вместо одной дивизии к 15 августа, они на прислали около 4 - 5.000 войска. И потом прошли бои, очень тяжелые. Турки все время, беспрерывно получали помощь с юга....

Но эти английские войска, они помогли в обороне?

В первое время они помогли, и вот в один прекрасный день, меня вызывает Данстервиль, нет - Стокс, Данстервиль уехал, - нет, Стокс приходил ко мне, причем .. поручиком ...в первый день, когда войска пришли и Стокс приехал, какой - то офицер .. он говорит: *«Я от полковника Стокса, как мы вам должны писать письма, вы занимаете должность генерала - я был начальником снабжения и комиссаром прикаспийских районов - или «His Excellency»?*

Я говорю: *«Пишите «His Excellency».* (смеется)

Ну, англичане, они всегда англичане (смеется).

В один день Стокс объявляет, что *«Мы снимаемся и уходим»* понимаете ли.

Как это?

Несколько тысяч человек и вообще какая мораль? Мы ничего не поняли.

Я говорю; *«Как это все можно понимать, как это - уходим?».*

«Вот мы уходим».

Я им сказал, что наши войска будут стрелять в вас, а он все *«Мы уходим»*, и ушли.

Мы не стреляли, конечно, а потом выяснили, почему они ушли. Вы вероятно помните Гутелямаре, значит, дельта между Тигром и Евфратом был взят в плен генерал Тоусент, английский генерал, командующий английскими войсками, со всем Штабом, - турками был взят. Он вел переговоры с турками и турки тогда вышли из войны. Англичане пришли нам помогать, остановить мусульманское рвение на Восток.

Когда эта задача с Тоусеном была разрешена, когда турки из войны вышли, мы для них больше никакого интереса не представляли. Они подло, низко продали нас и ушли.

Вот эти все разговоры о том, что англичане хотели захватить бакинскую нефть ...

Несомненно, несомненно, они у русских не могли захватить, но через азербейжанцев они могли захватить могли - бы, итальянцы ведь то - же самое делали...

Вы говорил о наших войсках? Вот эти войска, которые защищали Баку, они состояли из кого?

Это бывшие русские части, которые там застряли, и, кроме того, армянские добровольческие части.

А мусульмане все были с турками?

Все были с турками. После падения Баку мы все уехали в Персию, были в Персии, а потом...

А Баку пало когда, приблизительно ?

Вот это точно не могу вспомнить, между первым и пятнадцатым сентября.

18 го года?

18 го года. Потом, значит, англичане пришли в Азербейджан, снова в Баку, и я смог вместе с ними вернуться. И тогда, Стокс уехал в Тифлис, а мы сидели в Баку и не могли ... потому что Азербейджан восстал и армяне не могли из Баку попасть туда..

Куда попасть? В Армению?

В Тифлис и в Армению. В конце концов, после длительных переговоров, перипетий и так далее, благодаря англичанам мы сели на поезд с английскими офицерами и мы попали в Тифлис.

Вот Вы говорите «Мы». А кто это - «Мы»?

Это армянские общественные деятели, генерал Багратуни, я, целый ряд офицеров и так далее.

Это уже было в каких месяцах?

Это, я думаю, в октябре ..

18 - го?

В начале октября 18 го. Я сейчас - же поехал в Еривань, положение фронта было очень тяжелое, армяне остались одни против турок, грузины ничего не делали, кошмарное было положение, в Грузии было грузинское правительство, и нужно было оружие, и вот тогда была снаряжена миссия уже армянской республики... Армянская республика возникла в результате турецкого приказа и распада Особого Закавказского Комитета¹⁴³. И армянские, ...

И грузинские...

И грузинские, и азербайджанские и так далее. Тогда была снаряжена военная миссия, под двойным председательством, формально - Багратуни и Андраник, а я был управляющий военной миссии. Мы поехали в Америку, и в Америке боллее популярного вопроса, чем армянский вопрос, освобождение и так далее, армян, значит, Christian people и так далее, наивно - сантиментальные вещи, нас печатали во всех газетах, передовицы были полны, я вызывал редакторов, через переводчика, давал любую статью, которая печаталась немедленно, мы были приняты и министром иностранных дел - тогда министром был Хардинг, по моему, куда бы ни приезжали, мы собирали деньги у армян, чтоб купить оружие, тогда еще государственных займов не было, это теперь так легко деньги дают, мы ездили по городам Америки, и везде нас принимал губернатор, и всегда председатель, командующий войсками приезжал нас встречать и так далее.

А сколько же времени вы были в Америке?

В Америке я был 11 месяцев, потом меня послали ..

А эти 11 месяцев начались когда и кончились когда?

В ноябре 18 года началось и кончилось в сентябре (или в октябре) 19 года.

И какой - же успех был у вашей поездки в Америку?

Мы собрали много денег, очень много денег, сравнительно, конечно, купили много оружия, отправили, и главное, нам нужно было отправить провиант, - тоже отправили. Вообще я еще один интересный эпизод расскажу Вам. По Севрскому договору, которые заключили Союзники с Турцией, Армения была объявлена независимой страной. И по этому договору граница Армении в Турецкой Империи должны были быть определены Президентом Американской республики. И вот, для определения этих границ, собственно говоря, был послан главным образом генерал Багратуни.

И, вот, в течение трех месяцев, каждый четверг, я, подготовленный генералом, приходил в Генеральный Штаб, в географическое отделение, причем в Американской Армии географическое отделение было одно из основных отделений, где давал объяснение почему и какие границы мы хотим иметь в турецкой Армении, орографические, этнографические, исторические, военные, и так далее

Я довольно хорошо был подготовлен, знал карты очень хорошо, давал указания - причем меня в первый раз поразило - я сегодня давал указание - «вот такие и такие границы» и так далее, на следующий день я уже на карте видел ту границу, которую мы проводили.

Там приблизительно был такой офицер - Неджер, армянского происхождения, он прекрасно говорил по армянский по английский, он переводил, а потом я научился уже и говорил - и мы определили: Мы, армянское государство хотим иметь в турецкой Армении, и выяснилось, что в этой неприязельской среде, для того, чтобы только эти границы охранять, нам нужно иметь около 200.000 войска. То есть абсолютная химера и иллюзия. У них был генерал, который был начальником географического отделения, по фамилии Черчилль.

Он обращается к Элефтенату (?): «Как же это вы будете делать, это же невозможная вещь!?»

Я говорю: «Я Ваши соображения передам генералу, но мы надеемся, что первое время мы будем работать вместе с союзниками, и Турция не будет на нас нападать».

Словом была трагедия - я уехал туда, в Армению, с докладом, был на фронте, и уже после этого бежал из Армении. Эти эпизоды весьма драматичны, но это не интересно, вероятно.....

И Вы покинули в Армению в каком месяце какого года?

Я второй раз уже, ... сейчас я скажу, я приехал вот тогда...

То есть Вы приехали в октябре 19 - го ..

Нет, нет, позвольте! Я уехал не в 19 - ом, я уехал отсюда позже, в 20 - году. Я приехал в Париж, в Париже застрял, уехал в 20 - м году и приехал в Армению даже позже, я в середине 20 - го года уехал, и там был почти год...

В Армении ...

¹⁴³ На самом деле Грузия, Армения и Азербайджан получили независимость после распада Закавказского Сейма. «ОЗАКОМ» официально распался 15 ноября (фактически – же еще в августе) 1917 года. Изд.

... был на фронте и уже не мог вернуться, хотя мне было приказано вернуться, но просто были нужны офицеры, фронту нужны были люди, и я уже был на фронте, воевал, и когда Аермения была советизирована ...

А это было в каком месяце, когда было?

В декабре, 2 - го декабря 20 го года, было 5 офицеров, которые были приговорены большевиками к расстрелу - среди них был я. Значит, командующий войсками генерал Назарбеков приказал ...

Простите, какой генерал?

Назар - беков, это бывший генерал русской армии, Георгиевский кавалер, очень интересный человек. Мне было приказано ...

И он был командующий Красной Армии...

Нет, нет! Он был нашей армии. Он был русский генерал, и потом, когда Армения отделилась, он остался в Армении и был начальником.¹⁴⁴

Вы довели Ваш рассказ в последний раз до ноября - декабря 21 года.

Может Вы тогда возобновите Ваш рассказ и скажете, - что происходило в тех местах.

К этому времени, согласно перговорам .. армянского ... определенных представителей левых представителей... представителей левой армянской общестственности с большевистским правительством, Армения была советизирована и на Армению с одной стороны шли турецкие войска, которые должны были занять Армению, и для того, чтобы предупредить полное занятие Турецкими войсками Армении, армянское правительство вынуждено было сдать власть большевикам. И в это время, со стороны Севера, со стороны Тифлиса и с [нрзб] ой губернии на Армению шли большевистские части для занятия Армении и для передачи, значит... то есть. это... захвата власти.

Хотя это было в порядке переговоров, Армения была перед альтернативой - или быть занятым Турками, с резней и обычными последствиями турецкого нашествия, или идти на соглашение с большевиками с целью спасти хотя бы жизнь мирного населения.

Таким образом, 2 го декабря, советские войска вступили в Армению.

1921 года?¹⁴⁵

1921 года. Я был на фронте, я был старшим .. штаба отряда. Начальник штаба отряда и командующий отряда, небольшой отряд, 5.000 человек, так называемый «Баш - абаранский отряд»...

Простите, как?

Баш Аба - ран - ский отряд. Меня они вызвали к телефону и заявили, что «Свершилось», (Это был мой друг, полковник Шахназаров) - «Сдай полковнику Степанянцу» (я остался как командующий войсками, то есть а начальником отряда) «Сдай полковнику Степанянцу, - и немедленно выезжай, повторяю - немедленно, потому что тебе и целому ряду других лиц предстоит покинуть пределы Армении». Это было приблизительно часа три - четыре ночи. Я сейчас - же вызвал полковника Степанянца, ему заявил о том, что я должен срочно уехать - и показал приказ сдать ему командование. Он не знал, но он чувствовал, что происходит.

Он мне задал вопрос: «В чем дело?».

Я сказал - «Вы сами, вероятно, знаете».

У него такая радостная гримаса по лицу прошла. (он известен был своими большевистскими настроениями). Я велел выставить первую роту батальона на следующий день около дома Штаба отряда, я вышел, сдал командование - надо было командование сдать - формальность проделал, сдал командование, с ним простился, и уехал в Еривань. Это деревня, где мы сидели, - сейчас он город - Аштарак, из Аштарака уехал в Еривань, через 2.5 часа я приехал туда, повидался с командующими войсками, там я встретил полковника Шахмазяна, который был командиром моим, он мне сообщил, что я, он, начальник штаба и полковник Мнацаканян должны немедленно покинуть пределы Армении.

Значит, я поехал домой, простился с моими, поменял свою лошадь, взяли мы по одному ординарцу, и выехали.

Был солнечный, яркий день, и выехали по направлению к Северу. К ночи мы прибыли в селение Абаран, там стоял полубатальон какого - то пехотного полка, командир которого должен был нам оказать помощь и помочь уехать.

Он получил каким то образом сведение о том, что произошло в городе, и заявил, что арестует нас и не даст нам возможность выехать. Но нам удалось выехать.

Ночью мы выехали через горный проход, очень тяжелый горный проход, и вышли к высотам над деревней Караклис. Это недалеко от границы с тифлисской губернией. Это была ужасный переход, по колено в снегу, лошади падали, наконец пришло на шоссе, и издалека, я одним из первых - нас было пять офицеров и пять ординарцев, десять человек было - издалека я вижу казачий отряд идет, большевики!

Теперь нам нужно было пройти так, чтобы не попасть ни к казакам, ни к туркам, которых мы видели (!) но которые тоже .. это стыд был.. турки со стороны юга...

Я не понимаю, какой был ваш план - куда вы хотели уйти?

В Тифлискую губернию, в Грузию.

Да.

¹⁴⁴ Конец второй кассеты. Изд.

¹⁴⁵ Должен быть 1920 год. Изд.

... которая еще не была советизирована, и оттуда мы должны были вообще .. какие были планы? Мы шли на несколько дней, никакого будущего ... не было у нас.

Шел свежий снег и лошади набивали колтуны, эти большие такие, под копытами, они спотыкались, падали, и я вижу, лошади у казаков падают. Мы воспользовались этим случаем, взяли шен[нрзб] лошадей и въехали в лес, и через 2 дня оказались в тифлисской губернии, то есть в Грузии. Приехали, но нужно было иметь разрешение грузинского коменданта на въезд в Тифлис. Эти молодые государства в первую очередь воспринимал бюрократическую сторону настоящего государства. Они получили нашу просьбу запросить Тифлис по поводу визы для нас. тут, как раз подоспели другие беженцы, члены армянского Правительства, они другим путем тоже подоспели в эту деревню. Значит там оказалось около 50 человек, членов правительства и так далее.

Нам очень не хотелось, группе офицеров, быть с ними, по ряду просто соображений, мы правительству не принадлежали, мы не хотели, мы не хотели с ними быть, и потом, просто мы, так сказать, не хотели с ними быть, по ряду соображений.

В Тифлис были посланы просьбы о выдаче виз, долго это длилось, причем у нас ничего не было, абсолютно, зимняя одежда и больше ничего, - и лошади и оружие. Очень неделикатно, не по рыцарски поступили с нами на границе. отняли у оружие, это не полагается, такие вещи не делаются. Но словом - у нас отняли оружие.

Через некоторое время приехал, в отдельном салон - вагоне командующий грузинскими войсками, генерал Аделашвили (!), которого я лично очень хорошо знал, который меня знал.

Он мне говорит: «*Что вы тут делаете?*».

Я ему рассказал.

А он - «*Садитесь, мы поедem*».

Я говорю: «*Генерал, если Вы возьмете со мною моих офицеров, я поеду - иначе нет*».

Он говорит: «*Я могу взять Вас, я Вас лично знаю, я Вас доведу, мы приедem, чтобы сделать визы*».

Я говорю: «*Нет, я не могу*».

Я не поехал.

Мы остались там еще дней 10, буквально в смысле слова голодали, жили там вместе с рабочими, и так далее, покрылись вшами и так далее, и словом, через 10 - 12 дней попали в Тифлис.

Я сейчас точно не могу сказать, сколько мы пробыли в Тифлисе, агония Тифлиса продолжалась полтора - два месяца, там шли бои между большевиками и Грузинским правительством, по существу говоря агония, а не бои, и кажется в феврале, если не ошибаюсь, Тифлис, то есть, Грузия сдалась.

Оттуда я бежал, получивший от англичан визу. Стокс, о котором я говорил, дал визу мне и всем лицам, которых я просил, и мы выехали в Батуми, и из Батума в Константинополь.

Один вопрос: Когда существовала Независимое Армянское государство, члены правительства, и все эти люди, принимали положение, они понимали то, что эта Независимость временная, что Армения вряд - ли долго просуществует независимой между этим большевистским молотом и турецкой наковальней?

Это несомненно, это ощущение было. Но нам, вы знаете, сейчас очень легко говорить, что «большевитский молот» и все такое - Мы смотрели .. распространение большевизма как на жировое пятно, которое растет, охватывает всю Россию, но после этого должен начаться другой процесс, обратный процесс.

Мы никогда не думали, что большевики продержатся год, два и больше. Мы были твердо убеждены, что они продержатся год, два и больше. Мы были твердо убеждены, что антибольшевитские силы съорганизуются, мы имели сведения о антибольшевитских силах на Волге, в Сибири и так далее. вопрос года, может полтора, и все это кончится, и снова Демократическая Россия станет у власти.

Больше того, когда я приехал в моим знаменитым санитраным поездом номер 19 в Баку, естественно - приехал из Петербурга, я прочел несколько докладов, лекций, для местной обществуенности, так я сейчас помню, моя теза была такова, которая разделялась местными людьми, что вот, большевики временно захватили, народные силы организуются, вопрос этот если не месяца, но может быть полугода кончится.

Это сознание, что Россия в руках большевиков надолго - этого ни у кого не было, это мы твердо были убеждены, что народный мост (?) съорганизуется, ибо Петербург захватили дезертиры - Это не Россия. К сожалению, случилось то, что случилось ...

А потом Вы сказали, что некоторые армянские общественные деятели пошли на сговор с большевиками. Кого именно Вы имели в виду? Вы так все это осторожно сказали.

Во - первых, в Ериване были армяне - большевики. Вот они и пошли, .. те армянские деятели, не большевики, которые пошли на сговор, они пошли на предмет спасения от Турецкого нашествия, просто жизни армянского населения. Один из них, который вел переговоры с большевиками, был как раз тот Дро, о котором я говорил, это ярый националист, Дашнакцакан, но он понимал, что сейчас нет возможности у нас другого выхода, никакой альтернативы не было - или сдаться, открыть эти ... Турки шли, не то с 5, не то с 6 дивизиями, а у нас было 2 дивизии.

Так что это был выбор меньшего из зол ...

Это был выбор меньшего Зла. Причем, это меньшее Зло была Россия. Я должен Вам сказать, что вопреки азербейжанским, северокавказским и грузинским населением, в Армении всегда были российские *affinité*¹⁴⁶, российские симпатии, и все это было понятно, понимаете - ли. Мы всегда мечтали о воссоединении с турецкой Арменией, но это могли сделать только вместе с Россией, так что это было

¹⁴⁶ (Фр.) Близость, верность.

совершенно естественно. И эти настроения настроения, мы никогда не думали, - тогда, во всяком случае, никто не думал, что большевики могли продержаться и сделаться через 47 лет власть России.

А надежда на помощь Западных стран, Америки, Франции, Англии...

Никакой надежды, Они были слишком далеки, слишком. И, потом, наш опыт с Англичанами, когда они узнали - чего мы не знали - что Турция вышла из «игры», она вошла в сепаратное соглашение с союзниками, они (англичане) нас, в буквальном смысле слова, бросили в Баку, в буквальном смысле слова.

А кто из армянских коммунистов играл самую важную, самую большую роль? Может быть, Вы могли бы рассказать о тех из армянских коммунистов, которых Вы лично знали, пусть даже раньше?

Я знал очень многих армянских коммунистов, наиболее выдающимся был Степан Шаумян, о котором Я Вам докладывал.

У него, тогда часто появлялся Микоян, но он никакой роли не играл. Больше того, когда у нас бывали в кабинете у Шаумяна, у меня, или с кемнибудь, кого я приходил, серьезные разговоры, он говорил : «Анастас, оставь нас, пожалуйста»... Его зовут Анастас.

Да.

Большую роль играл Териян, большевик, поэт...

Териян?

Те - ри - ян!, поэт, очень талантливый писатель, к сожалению он не был переведен; Габриелян, Мясникян, грустную роль играл, - не там, в Армении, а на Северном Кавказе и в России - Атарбеков, чекист ...

А что за человек был Шаумян?

Шаумян был очень культурный, с европейским образованием человек, он учился в Германии, журналист, очень подготовленный. Он был человек «Первого Закала», понимаете - ли, в нем никаких, я бы сказал ... он был и большевик и местный, армянский националист. Я помню, когда один раз мы поехали на фронт, на турецкий фронт, - мы поехали на паровозе, а там, по пути, и справа, и слева были турецкие деревни, и он мне говорит: «Вы знаете, если можно было бы эти турецкие деревни - не уничтожая, в каком - то порядке их отсюда вывести» (ибо фронт Турецкий был, а тут татарские деревни, не турецкие)... «Понимаете, Вам может это покажется странным (он это мне говорит) - но хорошо было бы пустить сюда Дашнакцаканов, чтобы они почистили тут». То - есть это был не той категории интернационалист, о котором можно было .. он был очень образованный человек, очень культурный, и примат государственности, государственной идеи сохранения русской государственности у него очень крепко сидело. Это несомненно был человек ни сталинского, ни какого либо интернационалистического настроения.

А какую роль он играл во время 17 года и во время царствования Временного Правительства?

Во время Временного Правительства он был Главой Кавказских большевиков, он был Главой.

А во время независимости Армянской?

Во время Независимости вот он был... он когда оказался в Баку, и оказался Председателем местного правительства. И он с нами сотрудничал, сотрудничал с ЕсЭрами, сотрудничал с Дашнакцаканами., с Ес - Деками, так что он был соглашательным ...

А какие у Вас воспоминания у Впс остались о Микояне, который еще продолжает сейчас.

О Микояне мало, он был одно время на фронте - хотя, какой фронт, ну, маленький фронт, на Шемахинском фронте он комиссаром был, политическим комиссаром на фронте. Его послали туда. Роль у него была маленькая и ничтожная, совершенно ничтожная. Он был значительно моложе Шаумяна и моложе меня. И сейчас я думаю, он лет на 15 моложе меня. Сейчас ему 68 - 67, что - то в этом роде, значит в 18 - м году ему было 22 - 23. Никакой роли он не играл - очень маленькую, очень маленькую. Мы, все те, кто его лично знали, мы были очень удивлены, как он вырос.

Театральную «штуку» мы устроили, чтоб показать, для.. и Шаумян был в курсе и одобрил это соглашение. Он знал, что приблизительно в августе - начале сентября придут почти полная дивизия может придти. В это время положение на фронте страшно ухудшилось...

А Вы сейчас говорите о каком ...

Август месяц 18 го года. Тогда у большевиков настроение сложилось, что им нужно уходить из Баку. У них был такой, чисто большевистский отряд, хотя не совсем отряд - артиллерийский дивизион, хотя назывался «дивизион», но там было всего 6 пушек, под руководством ротмистра Петрова, очень «русский» человек, с белой бородой, молодой, 26 - 27 лет, очень убежденный большевик. Он не был офицером, он был, так сказать, большевистского «производства» офицер. И вот, эта артиллерия стояла в самом городе, и из самого города стреляла в неприятеля, у нас получились сведения, что они складываются и ищут возможности поархода и так далее. А эти пароходы были в нашем распоряжении. Но я был ...

Когда Вы говорите «Нашим», то Вы подразумеваете - кто?

В «нашем» так сказать .. мы же сотрудничали вместе с этими, с большевиками, и, технически все это было в наших руках. Мы, понимаете ...

Я опять - таки все стараюсь добиться; «Мы» подразумевает разные, и грузинские, и армянские

Грузин там не было, грузины были отдельные лица, но это армянские части, Армянский Национальный Совет, партия Соц. - Революционеров, Соц. - Демократы, и все те, которые были «справа». Мусульманское население, которое с нетерпения ждала, чтобы когда турки придут, так сказать, «соединиться» с ними.

И вот, для них сложилось такое положение, что они должны были уехать отсюда. Мы им дали абсолютную, полную возможность сесть на пароходы, с семьями, с вещами, с войсками, и уехать в Астрахань. Им отвели три парохода, небольших три парохода. Они все сели на эти пароходы, и в последний момент, приблизительно накануне их отъезда, к ним присоединился отряд полубольшевитский, Амирова, такой, «партизанский» отряд, который, по всем данным - арменин он, Амиров, - он должен был остаться.

Мы не возражали против этого, они с ними сели и три парохода двинулись - это было в августе месяце, если я не ошибюсь. Да! в августе месяце - Двинулись на Север. Дальнейшее нам известно уже из [нрзб] случилось таким образом: два парохода попали Астрахань, третий, где были комиссары, Амиров, со своими частями - он попал к в Красноводск. Есть все основания думать, то есть такого рода сведения к нам поступили, что это Амиров заставил командира парохода направиться вместо Севера взять курс на Красноводск. Красноводск это станция (?) напротив Баку, на восточной стороне Каспийского моря. Они прибыли туда, а там было такое (тогда это слово не существовало) «Правое» правительство под руководством Кун - а, он был не офицер, даже, а железнодорожный контролер, или что - то в этом роде. Правительство Куна.

Куна?

Кун! Кстати никакого отношения к венгерскому Кун - у не имеет. С ним там был английский агент Мейджен Джонсон. Что там произошло, на какой почве, как и так далее, я не знаю, во всяком случае, все 26 комиссаров, плюс командующий этим полу - большевитским отрядам Амирова, были расстреляны, причем были расстреляны в очень гнусном порядке, их заставили, их отвели в степь, там начинается степь, песчаная степь, пустыня, их самих заставили вырыть могилы, их расстреляли и там же зарыли.

В 24 году большевики издали в Москве брошюру, толстую, с синей обложкой, как сейчас помню, под заглавием «Расстрел Большевитских Комиссаров», где все эти истории рассказываются, - что они отсюда уехали ... и что ... я сейчас подробно каким образом, словом «мы сделали так, что этот пароход был направлен вместо Астрахани туда, и благодаря Тер - Погосяну, Велундсу, Сако Саакяну и другим Дашнакцаканско - Эсеровским бандитам они были преданы в руки фашистских бандитов Куна и англичан, и они были расстреляны».

Абсолютно никакого отношения к этому мы, абсолютно никакого отношения мы не имели.

А у Вас есть какие - нибудь предположения, почему они были расстреляны. ..

Что?

Сейчас, уже много лет спустя, есть ли у Вас какие нибудь предположения почему?

Слушайте, тут ведь образовывались всякие правительства, под начальством, действительно, настоящих бандитов. Этот Кун был какой - то бандит, который, для того, чтобы понравится англичанам, которые ему, как видно, какую то помощь оказывали, взял и расстрелял.

Просто, как людей, которые могли поставить под опасность его собственную власть...

Да, да, конечно, несомненно! Это было целое правительство, это была такая добыча в руках этих извергов. У меня нет никакого сомнения, что эта бандитское правительство, которое расстреляло. Какое «Правительство Красноводска»? Это какая - то местная власть!

Слушайте, Алексей Николаевич, тут не нужно делать никаких иллюзий, когда захватывали казаки, Кольчаковцы большевиков, их просто расстреливали, когда Добровольческая Армия захватывала большевитских офицеров. их просто расстреливала. Война, а тут попали в руки Джапаридзе, Степан Шаумян, и так далее, там же ... их было расстреляно 26 человек.

Каким - то образом, ... вот это я хочу обратить Ваше внимание - все главные уже уехали, большевики, каким ничтожным владеть должност занимал Микоян, что ему не надо было бежать и уезжать.

И Микоян остался в Баку?

Да, он остался, и каким образом он спасся, я дальше не знаю. В начале ноября был созван общепартийный комитет, так называемый «ОбАрКом», в Ставке, в Могилеве....

Это Вы сейчас говорите о 17 - м годе.

О 17 - м годе. Значит, в начале ноября 17 года был созван «ОбАрКом», в Могилеве. Я был послан из Петербурга, и со всех фронтов приехали туда представители фронтов. Мы должны были организовать антибольшевитские силы, Задача «ОбАрКома» была в этом.

В это время там находился, в поезде жил генерал Духонин. Мы с Ним встречались, он знал, для чего мы приехали, мы с ним общались и так далее. Получили сведения о том, что Крыленко, с каким - то отрядом едет туда, уже большевики имели власть там, в Петрограде.

Тогда Председатель Совета при военном министре, капитан Смородинов, который тоже был членом ОбАрКома,¹⁴⁷ на съезде, несколько представителей, пошли к Духонину - меня не было в тот раз - и предложили немедленно уехать на Юг. Он заявил, что он своего поста не может оставить, что тут имеется батальон Георгиевских кавалеров, которые охранял в свое время Государя, они охраняют его и никакой опасности ему не грозит. Мы прекрасно знали, что к северу от нас, приблизительно через 3 - 4 часа должен появиться отряд, большой, и Георгиевский батальон не может их защитить.

Снова посланы были, - и я пошел вместе с ними. Генерал заявил, что он своего поста не оставит, если даже ему грозит смерть. На наше заявление, что мы вынуждены будем принять меры, его арестовать, чтобы послать [на Юг], он сказал: «*Это уже, как хотите*».

Мы вышли, а через пол - часа нам сообщили, что Георгиевский батальон перешел на сторону большевиков и арестовал Духонина.

Мы ничего не смогли сделать, и нам сообщили, что разъехаться по своим местам, мы же .. каждый из нас считал себя на службе, все на фронтах. Я уехал в Петербург, уж не помню, каким - то окружным путем, со Смородиновым, те уехали на фронты.

А на следующий день в Могилев приехал Крыленко и его (Духонина) расстреляли у вагона. Причем Он пал жертвой не только своего благородства и нежелания оставить свой пост, но действительно, настоящая, подлинная храбрость: Это был один из самых молодых офицеров Генерального Штаба, один из самых способных и когда посмотришь на него - человек среднего роста, даже меньше среднего роста, с очень мягким выражением лица, ничего в нем не было такого, чтобы можно было почувствовать то решение, которое он принял - трагическое решение. Страшная вещь, его убили, его растерзали в буквальном смысле этого слова. Он пал жертвой своего благородства, своего служебного долга, и храбрости, конечно. Он знал что этим кончится.

И вот, для того, чтобы показать Вам, Алексей Николаевич, настроение войск, - Георгиевские кавалеры, не - молодые, уже прошедшие войну, - все они имели по три - четыре креста, понимаете - ли, по ту сторону 25 - 26 лет, эти люди, которые охраняли Государя, на которых мы полагались, как я не знаю, как на каменную стену - они предали в последний момент.

Вот в России происходило это!

С минуты на минуту, чаяния, перемены и так далее, менялось все настроение ... и это кончилось вот так, как кончилось. Больше того: какие - то части Финляндского полка стояли к Северу от Орши. Мы надеялись на них, - их призвать. Мы не успели принять какие - то решения, про них, - нас заверили, что они перешли на сторону большевиков. Это тоже в этом районе.

Да.

[Конец записи].

¹⁴⁷ «В последнее время в газетах распространяются самые превратные и клеветнические известия о ставке. Ставлю всех в известность, что в Могилеве несколько дней тому назад было совещание демократических партий, народн, социал. и левые, вынужденных работать вне нормальных условий гражданской свободы. Ни представители партии народной свободы, ни представители командного состава в совещании никакого участия не принимали и даже не были оповещены о нем. Ныне совещание прекратило свою работу и все участники его разъехались. Кроме того ОБАРКОМ обратился к армиям с вопросом о возможности и желательности образования общедемократической власти от народных социалистов до большевиков под председательством Виктора Михайловича Чернова. Хотя большинство армий высказалось ЗА это предложение, ответы, в частности относительно личной кандидатуры были не настолько категоричны, чтобы центральные комитеты партий сочли возможным приступить к образованию власти на основании ... [?] только армии и эта попытка образования законной власти считается законченной самим Обаркомом. Таким образом, в настоящее время не только ставка, которая все время вела чисто сепаратную военно-техническую работу, но и остальные организации в Могилеве не ведут какой-либо политической работы в общенародном масштабе. Заявление Обарком о защите нейтралитета ставки исходит исключительно из опасений разрушения технического аппарата Ставки (!) людьми, которые действуют явно в интересах нашего противника. Ставка в Могилеве будет защищаться от всякого вооруженного нападения. Здесь защищается последний клочок Русской Республики, где царит еще полная свобода, где всякий без опасения может высказать свое мнение, где газета ни правая, ни левая, ни большевистская не конфискуется, где обеспечена свобода личности даже прапорщику Крыленко, если он придет без вооруженной силы. Все демократические организации гарантируют полную свободу действия и передвижения и личную безопасность». См. Кушников П.Д. Армейский дневник: Осень 1917 года / предисл. В. К. Кагана. - New York : Chalidze Publications, 1981. 95 с. : портр. <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=3755>

Василий (Васо) Цуладзе

Воспоминания о Революции 1917 года

Господин Цуладзе, Вы были свидетелем, даже участником всех исторических событий, которые происходили в России в 1917 году. Я был бы очень рад, если - бы Вы мне рассказали о них.

Но, если можно, сначала скажите где и когда Вы родились.

Я родился в Грузии, в Озургетском уезде, в бедной крестьянской семье. Десяти лет я лишился отца. В то время я окончил духовное училище ...

А в каком городе Вы учились?

В моей деревне. Но когда мой отец скончался, и в то же самое время я окончил духовное училище, мой дядя, который жил в Батуме, меня взял с собой и определил в батумскую грузинскую школу, которым заведывал Исидор Рамишвили., депутат Первой Государственной Думы, но тогда был учителем.

Два года можно было, чтобы окончить эту грузинскую школу, а потом меня определили в гимназию, в батумскую Михайловскую гимназию.

После двух лет гимназии я принужден был оставить учение из-за материального положения, - У моего дядя тоже расстроились дела и некому было ... После этого я остаюсь вне школы, но дядя захотел частными уроками продолжить мои учения и я некоторое время брал частные уроки, чтобы продолжать обучение, но в 904 году мы достигли четвертого года, и это нельзя было продолжать, японская война началась, и я продавал грузинские газеты...

Вам тогда было 16 лет, да?

16 ти не было еще... в 89 году я родился, в 904 году ... война началась когда?

В 904.

Собственно говоря, в 905 году я продавал газеты. Газеты продавал легко, так как я ходил в заводы - беру кипу газет и сижу у завода Ротшильда, там были много рабочих - грузин, которые, некоторые не умели читать, я им читал эту газету: продавал и читал эту газету и с ними сблизился. Тогда был разгар забастовок и вообще, начато было большое движение, так сказать. В Партии я еще не был, не записывался, но на ихних собраниях я был «свой человек», все-таки.

И вот в 905 году, это было весной, во время армяно - татарской резни, батумский Комитет, Соц. - Демократический взял официально, обустроить собрание, в батумском «Железном Театре», большой митинг был созван, официально, с позволения правительства, коменданта, и чтобы предотвратить армяно - татарскую резню.

Это был как бы митинг протеста?

Знаете ли, говорили, что это устраивает правительство, но мы, комитет, попросили, чтобы народ вмешался, чтобы предотвратить армяно - татарскую резню, собрать митинг, произнести речи, и вообще со всех наций, что было бы это собрание. И действительно, собрание было интернациональное. Все были, и армяне, и турки, и так далее... и в Батуме это был в первый раз, такой свободный митинг, тогда это была новость, приехали важные ораторы, из наших...

Кто именно, Вы не помните?

Чхеидзе был избран Председателем, Варганян был, такой, Соц. - революционер, армянский, - он был, доктор по профессии, и жена его - русская, была тоже соц. - революционерка, и вообще много... приехали все важные ораторы, Арсенидзе, теперь он здесь живет, он постарел уже, - был очень хороший оратор; был русский - Федоров, очень хороший, были армянские товарищи, тоже, и вообще из «Железного Театра», который около городской Думы находится, перешло на воздух, этот митинг, во дворе Городской Думы.

Митинги продолжались в течение целой недели, знаете ли ...и были там критика правительства, очень свободно говорили, и в конце - концов удалось, что в Батумской области этого столкновения не было, благодаря вмешательству Комитета, благодаря этого митинга, и вообще...

А Вы говорите «столкновения» какого? Между армянами и ...

Между Армянами и турками, потому что там тоже готовились, там тоже были, везде были: знаете ли, в Баку была большая резня, потом в Тифлис перешло, но в Батуме не было. Это один из эпизодов, так сказать ..

Да, да... А когда Вы поступили в Соц. - демократическую партию?

В партию я поступил в 906 году, после реакции, я записался ... собственно говоря я вращался среди них всегда, но официально я не был записан. мне сказали - «Запишись». Тогда мне было уже наверное 16 лет, 17 уже Это было зимой 6 го года. Я записался, это была ячейка ... торгово - помышленных служащих.

А Вы продолжали Ваше образование, или нет?

Образование я прекратил уже, я продолжал распространять партийные газеты. Потом я некоторое время работал в заводе, во время реакции, до 914 года. В 14 году меня вызвали, около Батума были большие рудники, заведывающим больничными кассами - это была новость тогда, но ... было обязательным, там было около 15.000 рабочих, это 60 верст от Батума, на границе с Турцией. Там поехал я, это было как раз перед первой мировой войной, война застала меня там.

Простите, где?

В этих рудниках, «*Мургули*» (მურღული) назывался. По русски называлось село Александровское, но это были рудники меди, английская компания была, нам пришлось бежать, так как турки напали на нас и мы бежали в Батум, а потом я приехал в Тифлис.

К концу 914 года я приехал в Тифлис, я уже имел партийный стаж, был членом комитета, принимал участие в выборах, был выборщиком Государственной Думы, мы провели своих, выбрали депутатом Чхенкели, может слышали - Чхенкели, был такой депутат.

Да.

Мы его провели из Батума. Я уже стал членом областного комитета, после этих выборов, так как мы хорошо провели эти выборы ... я не присутствовал на конференции, но меня выбрали членом. И когда я приехал в Тифлис, я уже стал заведующим нашим издательством нашей партийной газеты.

Я хотел Вас спросить вот что: Как отразился раскол меньшевиков и большевиков, у вас, в Грузии?

В Грузии была такая вещь: До 905 года никакого раскола не было, хотя этот раскол произошел в 903 году, но до Грузии это не доходило, и большевики и меньшевики работали рука об руку, когда делегаты приехали из конференции и доложили, комитету, тамошнему, Кавказскому - тогда был Кавказский Союз - большинство стало на сторону меньшевиков, официально, в 903 году. На деле это не отражалось. Когда за границей этот раскол принял характер большой, и началась борьба между Лениным и Мартовым и Аксельродом и так далее, оказывается на этом съезде жордания приглашен, он был тогда эмигрантом и его пригласили как знатока, и он, когда приехал, стал на сторону меньшевиков. И поместил в газете критическую статью в газете «*Социал – Демократ*», раскритиковал Ленина и стал на сторону меньшевиков. Все организации перешли на сторону меньшевиков. Большевики остались ... у них осталось ... сами они пишут, Махарадзе и так далее. «*К нас только в Баку осталось часть. Остальная организация, по всей Грузии перешло в руки меньшевиков*». Об этом повествует литература, воспоминания и прочее, нет никакого разногласия в этом. И даже они пишут, что «*Несмотря на то, что они были меньшевики, они готовились к революции, вооружали своих. даже в Кутаисе создали - это Махарадзе пишет, большевик - группу сестер милосердия, но .. они были не для того, чтобы напасть на правительство, но у них на оборону было*». Вот его критика.

А я хотел спросить у Вас, во время Вашей партийной работы до войны, или вовремя первой войны, Вам когда нибудь приходилось или встречать. или слышать о Сталине?

О Сталине я Вам скажу: Сталин был очень активный в первые годы, и даже в Батуме. Я его лично не знал. В Батуме он сыграл большую роль, первую забастовку...

Она когда была? В каком году?

В 902 году. Большая батумская забастовка, были расстрелы, даже, тогда я был в гимназии, около нашего жилища были казармы, где собрали этих рабочих, и где была перестрелка с рабочими, убили там человек 9, я даже слышал стрельбу, но я там не находился. Через год, был суд, судили арестованных. Приехали из Петрограда, Муравьев, Андронников, и так далее. и было большое событие, - всех оправдали. И когда эти адвокаты возвращались в Петроград, на вокзале - я жил около вокзала, и ходил в пекарню, покупать хлеб - многочисленное число рабочих, демонстрацию устроили, остановили поезд, кричали: «*Да здравствует Свобода*», в пользу этих адвокатов, которые оправдали этих рабочих, было большое событие. Перед моими глазами произошло все это.

Вы начали рассказывать о Сталине ...

Сталин ... его арестовали после, он сидел в Кутаисе, потом его освободили, был в Тифлисе, и руководил большевистской организацией. Когда к нам перешли все, они устроили свои группы. и они устроили большую экспроприацию, на Эриванской площади - это известно, и взяли деньги, даже деньги были за границей, арестовали Литвинова в Лондоне, когда он разменивал эти деньги, но организации их растаяли после этой экспроприации, мы всех их из партии удалили, как экспроприаторов, и даже был поставлен на съезде вопрос, ...

На каком съезде?

За границей, на партийном съезде, против этого...

А Вы не помните, этот съезд, на каом съезде? В Стокгольме, Лондоне?

Это наверно было до Стокгольма ... не могу сказать ... но съезд согласился с нашими доводами, и как будто их всех, официально ... но они продолжали свои действия маленькими группами. Сталина я лично никогда не видел, я ему посылал газеты, и он часто писал мне открытки, но мы друг - друга не знали, он был в Сибири, до революции. В 904 году я ему послал наши газеты и он переписывался со мной, когда менял свой адрес. Вот то, что я знаю о Сталине лично.

А из других большевистских лидеров Вы кого -нибудь знали?

Я знал Махарадзе, он работал в газете, писал статьи, я ему платил 50 рублей в месяц, из газеты. Все интеллигенты которые остались, лидеры, они, других организаций не было, и работы такой не было во время Реакции, во время Реакции, как я пишу здесь, мы работали в кооперативах, в университетах (?) и так далее. и интеллигенты - большевики работали с нами, и мы их выбирали в качестве делегатов. Например Махарадзе был в редакции, давал нам статьи, я ему ежемесячно выплачивал 50 рублей.

А например, такие, как Берия ...

Берия я никогда не знал, этот совершенно новый человек, который до нашего существования там Берия никто не знал. Может он где -нибудь там был, но Берия, - как таковой - не был известен.

А например Орджоникидзе?

Орджоникидзе был в Персии. Вы знаете, наш товарищ Власа Мгеладзе, который был большим революционером, помогал Революции, там, он умел бомбы готовить, и так далее. и в истории написано, в персидской. Когда он был в Персии, он писал, что вот, Серго Орджоникидзе, тоже принимал участие. Лично я его никогда не знал. Я знал Жгенти...

Простите, как?

Жгенти! Тенгиз, был членом большевистского правительства. Шалва Элиава, тоже был членом большевистского правительства, расстреляли их, сами большевики. [Буду] Мдивани я не знал, но я знал, что он был один из хороших ораторов большевиков, [Мамия] Орахелашвили⁴⁸ я тоже не знал, но тоже был среди них, их всех расстреляли большевики, хотя они были членами первого большевистского правительства, с войсками, которыми вошли в Грузию.

Но такие интеллигенты, как Торошелидзе - он тоже был, мы его выбирали в кооперативы, Нико Элиава, брат этого Шалвы Элиава, тоже был большевик, мы его выбирали в Народный Университет, так что организация была наша, народ был наш, и они примкнули к нам, поскольку других поприщ для работы у них не было, и они, конечно был с нами до приезда Ленина.

Когда Ленин приехал, после переворота, в апреле 17 го года, у нас даже спор был с ними, с большевиками, некоторые не верили, что Ленин перешел на такую позицию, и большевики, которые работали в нашей редакции, некоторые работали как наборщикам, но они были видные члены большевиков, они спорили со мной что «*Это не правда, что про Ленина говорят, не правда*», Махарадзе тоже, но поехал Махарадзе в апреле в Петроград, он перешел уже на сторону Ленина.

Он сам рассказывал, что «*Когда Ленин начал речь, до середины речи я был против, а после стал на его сторону*».

Когда он приехал, хотя мы первый съезд устроили вместе с большевиками, в июле уже они от нас отошли и уже начали борьбу, кроме некоторых лиц, которые совершенно перешли к нам.

Некоторые, как Нико Элиава, брат Шалвы Элиава, Джугтели, - он был наш до конца и большевики его расстреляли в 24 году, во время восстания.

Я хотел во такой вопрос задать: Летом 17 - го года, или весной 17 - го года, в чем, практически, для грузинских Соц. - Демократов была разница между большевизмом и меньшевизмом?

До июля 17 года никакой разницы не было. Никакой. Все они работали с нами, когда переворот... они приходили в редакцию, редакция была, так сказать, Центр., потому что там было большое помещение, там собирались все, и большевики, и меньшевики до приезда Ленина мы были вместе. и никакого, - ни идейного, ни практического, но после приезда Ленина и образования там Центра и раскола в Петрограде, определенно взятого Лениным курса, он нашел приверженцев среди грузинских и они от нас отошли и издали даже газету, против нас.

Но до тех пор они работали вместе с нами, до июня 1917 года. Махарадзе возвратился уже преобразованный в ленинизм, значит, начался отход большевистских товарищей, и они начали борьбу против нас.

А вот сейчас, может быть мы вернемся немножко назад, и Вы рассказали, как была встречена война, начало войны в 14 году, как вы написали в ваших заметках.

Когда была объявлена война, областной комитет собрался без меня, я был членом но был на границе, по личным делам ..не мог присутствовать, Они, значит, выпустили прокламацию с порицанием войны, что «*империалисты, народ, что это против народа...*». И вот эти прокламации распространены были, арестовали, пошли в каторгу за то что распространяли, я сам присутствовал на суде, когда одного арестовали в Батуме, и в Тифлисе его судили и послали на каторгу. За распространение этой прокламации. Но как я Вам сказал, это было чисто идейного характера, и так сказать порицания...

Общих принципов?

⁴⁸ Иван (Мамия) Дмитриевич Орахелашвили (29 мая [10 июня] 1881, Шорапанский уезд Кутаисской губернии — 11 декабря 1937) — грузинский большевик и советский партийный деятель. Окончил Кутаисскую классическую гимназию. Учился на медицинском факультете Харьковского университета, с 1903 года перевёлся в Военно-медицинскую академию в Петербурге, которую окончил в 1908 году. В 1914—1917 годах военврач в действующей армии. Член партии с 1903 года, кандидат в члены ЦК (1923—1926), член ЦК ВКП(б) (1926—1934), в 1934—1937 годах член ЦРК партии, член ЦИК СССР 1—6 созывов. Расстрелян. Реабилитирован в партийном порядке КПК при ЦК КПСС 1 июля 1955 года.

Принципов. Но никакого воззвания, чтобы не идти на войну или т. п. не было. Просто была симпатия большинства и партии, и грузинского народа, и думали, что если поражение будет, это будет поражение Самодержавия, от этого родится Свобода.

Вот такое было направление, как среди партийного большинства, так и всего грузинского народа. Так что не было симпатии к правительству и не желали, но среди нас, как я Вам сказал, Ное Жордания приехал ...

Из за границы?

Из за границы. Он, значит был на стороне Плеханова, который говорил, что победа Германии хуже для Свободы и для будущего, чем ..

Победа Антанты...

Да, и они защищали, это даже в газетах, .. т. к наша газета, «Танамедрове азри¹⁴⁹» симпатизировавших пораженчеству, ему не дали возможность, и он сделал свою газету в Кутаисе и защищал ...

Эта газета называлась «Кутаиси» или была в Кутаиси, там издавалась?

В Кутаиси издавалась, но как называлась, я не помню сейчас. Но это можно узнать. Узнать, несколько номеров вышло, он также помещал в Полторацких журналах статьи, но у нас работа все таки было вместе. Так что без него мы ничего не делали, без Жордания, он жил за 100 верст от Тифлиса, в селе Ланчхути, но мы собирались к нему приезжали, 915 году у нас была первая конференция, и попали в тюрьму все члены конференции: Я, Джигладзе, Хомерики - был такой, Хомерики, - Ное Рамишвили, но нам скоро удалось выйти, и после этого мы собрались в Ланчхути, у Жордания, была маленькая конференция, он провел, заставил нас примкнуть ... в Петрограде был такой, «Рабочий Комитет», производство принимало участие, как это называется, был это ... Емельянов, в Петрограде и более видный рабочий, в Военно - Промышленном комитете, в пользу защиты, был ... который доказывал, что рабочие тоже принимают участие в защите отечества. И эту резолюцию Жордания провел среди нас, Емельянов приезжал к нам из Петрограда, и практически мы ничего так сделать, не сделали ..

Но это было как бы переход к пораженчеству к оборончеству, нет?

Как будто, практически, но практически нет, ничего не было такого сделано. Было охлаждение пораженчества. Но как я говорю, симпатия пораженцев осталась до конца. А так как от этого ждали поражения Самодержавия и вместе с ним Свободу.

Вы говорили раньше, о том, что в Берлине, во время войны, был комитет грузин - националистов.

Я так скажу, что они создали там, членами были Церетели, он жив, но болен бедный, Сургуладзе был, умер в Стамбуле, был Кереселидзе, который был убит бомбами в Берлине, во время второй войны, и другие лица, не такие уж известные, они заручились, как я Вам написал ...

А Вы повторите это!

Заручились поддержкой германского правительства, на случай победы, они восстановят свободную Грузию. Но в эту затею наши приверженцы не приняли никакого участия. Они даже порицали это.

Но, по моему, этот комитет хотел организовать отряд...

Отряды хотели создать, из пленных, но пленные не поддались и они не смогли составить отряды, это было еще влияние наше, чтобы авантюра не была ... ну что - то они в Турции что - то составили, но никакого значения это не имели...

Потом Вы говорили, что как повлияло ваша критика этого комитета, что Наместник, кажется, написал ..

Да, да. Приехал какой - то Розенфельд из Германии... хотите, чтобы я повторил?

Да, да...

Приехал и поместил статью об этом грузинском комитете, который создавался в Берлине. И он писал, что, Грузины - пленные, не хотят записаться в отряды, не поддались на удочку этого комитета. Мы эту статью переписали, в нашей газете, «Танамедрове азри». Эта статья вызвала отклик от жандармерии, и вызвали в жандармерию нашего редактора, Владимира Ахметели, этот Ахметели был нашим представителем в Берлине (и он там скончался, в Берлине). Он объяснил жандармерии, что народ не хочет авантюры, что грузины вообще лояльны режиму, делу, и это объяснение жандармерию удовлетворили, но потом мы узнали, что они послали хороший отзыв о грузинском народе, ввиду того, что грузины, социал - демократы и их лидер, Жордания на стороне Антанты. И это нам ...

Помогло?

Помогло нам, безусловно!

Хорошо. А может быть сейчас Вы бы рассказали мне, когда и при каких обстоятельствах Вы узнали о февральской Революции.

¹⁴⁹ «თანამედროვე აზრი», то есть «Современная Мысль».

Перед февральской революцией у нас было такое настроение, как я Вам сказал, анти самодержавного характера. Мы все ждали, что что - то случится. Что случится - никто не знал. Радикального решения такого вопроса: «*что случилось*» никто из нас не предполагал. Но это, история дворца Распутина, поражения на фронте, некоторые продовольственные беспорядки, которые случались, это что - то предвещало. Мы... до переворота, февральского, во всех газетах появился приказ генерала, как его

Какого генерала, простите?

Генерала Хабалова. В Петрограде. «*Патронов не жалеть!*» И в те же дни мы получили от Карло Чхеидзе, депутата, на имя «*товарища Петра*» - так называли Ноя Рамишвили, псевдоним его - Товарищу Петру писал, что в Петрограде воздух насыщен и возможна какая - то развязка - но какая - он не писал. Это меня очень обрадовало, как я Вам сказал, и воодушевило, и когда я начал радоваться, Рамишвили меня предупредил, что «*Ты молод, фантазии не поддавайся, ничего такого не будет*»...

Это было совсем незадолго до Февральского переворота?

За десять дней до переворота. ... Значит, мы были в таком положении, и первого марта, я как говорил, в редакции не входил, ходил по делам партии по городу. Вечером я зашел и мой помощник читает и положил на другой стол и говорит мне, что «*Какой - то студент скончался в Петрограде и прислали траурное объявление*». Я заинтересовался этим и попросил телеграмму. И что читаю? «*28 февраля в Петрограде скончался Мтаврбадзе. Оповестите*». Подписано - «*Гани*».

Гани - это псевдоним нашего товарища Георгия Пагава, в Москве. Телеграмма была подана в Москве.

Когда я прочел эту телеграмму, мне стало ясно, в чем было дело. «*Мтаврбадзе*» - это Правительство. «*Скончался*» - значит правительство...

Значит, по - грузински слово «Правительство» ...

«*Мтаврбадзе*», это ..

«Мтаврба»?

«*Мтаврба*», «*Мтаврбадзе*». Мтаврба это прямо «*Правительство*», а «*дзе*» - это чтобы ... как «*ов*», например ...

Да, да, понимаю.

Если можно сказать - «*Королев*», или там ...

Да, да.

Вот, значит, для меня это стало ясным, я тотчас же прекратил работу редакции, написал письмо Жордания и в тот же вечер послал, чтобы он приехал из Ланчхути немедленно; вышел из редакции, и направился к товарищам, нашим, большим товарищам, к Джибладзе, - это был лидер наш, к Ное Рамишвили, чтобы сообщить эту радостную весть.

На другое утро, мы, значит, все собрались, это было 2 го, а 3 - го мы уже созвали большой митинг, в Нахаловке, около вокзала...

И это все было в Тифлисе, да?

В Тифлисе. Третьего, там большое поле, там рабочий район, Нахаловка¹⁵⁰ значит «*нахально взятое место рабочими*», нахально построили свои дома. «*Нахаловка*» называется потому.

И вот там живет рабочий народ, железнодорожники, и там мы устроили большой митинг, никого не спрося, конечно, теперь уже свободно (смеется) ... и митинг был большой, очень. Открыл тот Сильвестр Джибладзе, наш старейший товарищ, как я Вам сказал, словами Библейского Симеона, «*Ныне отпускаеши*» ... но народ прибыл со всех концов города, - солдаты, генералы, рабочие, и все, все, и пришлось открыть несколько трибун.

На одной трибуне я заседал, там поднимались солдаты, генералы, один генерал поднялся и приветствовал случившееся и просил только о том, что не забыли мы внешний фронт, так как враг стоит у ворот, и так далее. И в тот - же день было там же выяснилось разные направления, ЭсЕры, был такой из видных ЭсЕров - Верещага, военный, который потом играл большую роль в Тифлисе, у нас, в рабочих депутатах, и солдатских. тогда - же заговорили уже было известно, что рабочие, солдатские депутаты Петрограде .. предложили нам такие вести (?) и вот третьего, значит, был большой митинг, не могу сказать, третьего - же вечером, или же 4 - го, в городской Думе был большой Городской Голова и все члены городской Думы, чтобы взять милицию и установить, никто .. препятствовал нам это ...

Да, да...

И мы выбрали, одному поручили быть во главе милиции, между прочим, тюрьму открыли мы в тот - же день, третьего, из тюрьмы пришли арестанты, политические, всех политических третьего [марта] уже выпустили. Так что Власть без сопротивления, если хотите, перешло в областному комитету партии, и мы уже организовали митинги, потом в Городской Думе собрались, и так далее. Правительства, как такового, Наместник и так далее, они уже ничего не приказывали никакого, некоторых полицейских мы взяли, как например приставов, начальников милиции и т.д., чтобы использовать уже строящуюся...

Организацию?

¹⁵⁰ Нахаловка, - название рабочего поселка около Тбилиси, за вокзалом. Р.А.

Организацию! И поручили им не знаю, это устроено, или .. это, городской Думе, во время собрания, упал портрет Николая [смеется]... Не могу сказать - это было устроено или случилось так, но это случилось... Так что мы уже, с этого дня образуются рабочий и солдатские эти ... Советы, и Власть переходит в их руки.

Вы тут, в ваших заметках писали о том, как Николай Николаевич пригласил к себе кого - то.

В редакцию позвонил, я думаю, это было 4 или 5, потому, что 6 - го он уже уехал. Позвонил в редакцию, что он просит Жордания приехать во Дворец. Жордания, конечно, поехал, тогда не было Жордания (в редакции), я передал, что телефон от Наместника, он поехал и [Наместник] ему сказал, что «Я должен уехать». Между прочим, его вызвали или сам, ... не могу сказать, как это было, но он уехал. И ему сказал, что «Я знаю Вас, что Вы защитник родины», и так далее. «И знаю, что на Кавказе будет, благодаря Вам, вашего влияния, и что внешний фронт разрушится», и так далее.

А какое было у вас вообще отношение, не у Вас лично, а скажем, у партии к Николаю Николаевичу, как его считали?

До того?

Да, да.

Никакого отношения не имели. Мы просто, мы знали, что он Наместник, вы не знакомства с ним ... (смеется).

Я понимаю, но он подписывал какие - то законы, какие - то, распоряжения?

Он был недавно приехавший, знаете, раньше был, один, Воронцов, не тот Воронцов, который был раньше, он заболел, он не был долго у нас, а Николай Николаевич, своим действием ничего не выказывал, он был по военным делам, больше, и никакого так сказать ... Мы газету издавали, под цензурой, военной цензурой, это нам давало возможность существовать, потому что раньше всегда закрывали, каждый день приходилось другую издавать, знаете, во время реакции, но во время войны, в этом отношении для нас было лучше, потому что мы ... просматривали цензоры и газеты никогда не закрывали ...

Какой был тираж вашей газеты, скажем весной 17 го ...

Раньше, до революции тираж нашего журнала был 8.000, в 17 году после революции - 25.000.

Вот еще какой вопрос: какие другие партии существовали в Грузии, и можете вы рассказать о них немножко.

Национал - демократы, это правые; Социал - Федералисты, каждый из них имел свой орган, журнал; были Социалисты - Революционеры, но у них никакого журнала не было, а просто маленькие группы и они себя не выказывали, как партию...

А какая была политическая платформа вот первой группы - Националистов?

Они боролись против нас, за то, что мы не выдвигали национальный вопрос. За это они боролись, и говорили, что автономию они требовали. Больше автономию никто не требовал, между прочим, Соц. - Федералисты - это была более сильная, чем их партия, они имели больше историю. Нац. - Дем. партия создалась в 14 или 13 году, во время войны, или немножко до войны. А Соц. - Федералисты создались в 1900 году, они имели начало в Париже, был Арчил Джорджадзе, здесь в Париже, газету «Свободная Грузия»...

А у них какая была политическая программа?

Программа была Социалистическая, и автономию требовали, на федеративных началах.

А у вашей партии?

У нашей партии по национальному вопросу был общий, в общерусском масштабе самоопределение нации. Мы говорили нашим товарищам, этим самоопределением все можно - и полное отделение, и федерация и что хотите, но ставить этот вопрос до революции, это, значит, раздражать русских товарищей, и не имеет значения ...

А практически, не было опасности, что если, скажем, Грузия, станет независимой, то она, немедленно подвергнется нападению со стороны Турков?

Конечно, это всегда было, всегда существовало боязнь турецкого нападения. И это слишком помогало нашей позиции. Они знали, что партия знает - если мы, значит, турецкая опасность всегда была в мыслях грузинского населения, - что они из предков передавали турецкий ... вообще плохих действий турецких ... переменили веру целой области, Аджаристан, батумская область, там все грузины, но ...

Магометане...

Насильно магометанами стали.

Это в какой области?

Батумская область и Ахалцихская область, это старая Месхетия. 300 лет тому назад они насильно переведены в магометанство.

Хорошо, одну минуточку я должен попросить Вас подождать... Я хотел вас рассказать, более - менее хронологически, что же происходило в Грузии сразу после февраля. Мы

кажется кончили 6 марта. 6 марта уехал Николай Николаевич, и вы начали рассказывать о организации и создании рабочих комитетов.

Образовался Солдатский комитет и рабочий комитет, Совет Солдатских и Рабочих депутатов. И вот, председателем был избран Ноэ Жордания. Мы созвали съезд всего Кавказа, под руководством Совета, и приехали все, во Дворце было большое собрание, и они тоже, чтобы установить власть по всему Кавказу, но чтобы руководство было бы в Тифлисе. Там многоплеменный народ, там есть горцы, азербайджанцы, армяне, и так далее, но все таки Тифлис был в центре, и мы были так сказать, руководителями всего Кавказского вообще движения. Мы послали по деревням пропагандистов, которые объясняли сущность нового режима, и так далее и так далее.

А какие вопросы считались самыми важными, самыми неотложными, Тифлисского Совета?

Перед нами, практически поставлен был вопрос порядка - первым. Потому что, некоторые темные элементы уже появились. Когда они видели, что городского нет, значит ... и вот нам пришлось Гвардию. Когда говорят о «Народной Гвардии», - Джугели был поставлен во главе Гвардии, бывший большевик, но настоящий наш национальный герой, партийный товарищ, и мы создали Гвардию, вызвали из наших надёжных местностей наших товарищей, ... рабочие вооружились, Депо и т.д., и создали, прежде «Красную Гвардию». Но после объявления независимости мы их назвали «Народная гвардия». И эта Гвардия начала устанавливать порядок. Первым нашим делом было продовольствие и порядок. В это время из Петрограда назначили Краевой комитет, из Петрограда. В нем вошел Чхенкели, от грузин Абашидзе Кита...

Простите, кто?

Абашидзе, Кита, федералист, Социал - федералист. Акакий Чхенкели - социал - демократ, там из армян был ... не помню, но это можно сказать, из азербейджана тоже, значит, и этим создался «Особый Закавказский Комитет», «ОЗАКОМ». И власть Петербург делегировал этому «ОЗАКОМ» - у. Но фактически, все было Рабочие и Солдатские депутаты, потому что не было раскола между ними и они сами знали, что сила здесь, и они сами, хотя это официально ... Харламов был, кажется...

Харламов?

Харламов, депутат Харламов, из Ростова, кажется он был. Он был делегирован из русских, и вот этот «ОЗАКОМ» официально, до переворота большевистского, был официальным представителем Петрограда. И вот нам удалось установить порядок, истребить этих ... темных лиц, которые, значит, воспользовались временем замешательства.

Большевистское движение началось, уже., среди солдат. Уже фронт развалился, и большевики им говорили, «Домой!», и вот нужно было, значит, какнибудь вот это дело уладить.

А какое было отношение ваше к войне, скажем вашей партии?

К войне мы продолжали борьбу, с Турками, у нас были русские офицеры, генерал Лебединский был главнокомандующий, был, как это называется, генерал ...

Вы хотите вспомнить фамилию?

Я хочу вспомнить фамилию генерала, который, .. собственно говоря, были русские генералы, остались, которые вели военное дело и они подчинялись нашему местному правительству.

Так что на Кавказе считалось необходимым продолжать войну, в основном...

Конечно, конечно, против турок, конечно, но, большевики разводили фронт. «Домой!», И вот началось движение целых ешелонов на Тифлис. так сказать, эти, расформированные солдаты, захватили все, что возможно захватить, мешками, и хотели даже, под предводительством большевиков, идти против нашего, местного правительства. Но вооруженная гвардия и рабочие, были наготове и не давали возможности войти в Тифлис.

У нас был бронированный поезд, во главе с товарищем Гогуадзе (который здесь умер), и вот, переговорами и т.д. мы их направляли дальше, ...

В Россию?

В Россию, чтобы предостеречь себя от нашествия этих расквартированных солдат. Большевики, во главе с Шаумяном и Кузнецовым, образовали в Тифлисе представительство Ленина, ... мы имеем переворот, большевистский, в 17 году, ...

А это уже Вы говорите, о каком месяце?

Месяца Ноября, 7 го ноября, уже они, тогда был, когда мы получили известие из Петрограда, что до этого, значит, все было так или иначе, сходно. Солдаты начали уже двигаться после этого, большевистского переворота...

Так, значит, фронт Турецкий более - менее хорош?

Хорошо, до октября, но после октября уже развал начался, и вот пришлось защищаться от наших же защитников границы. И вот, в этом большую роль сыграли гвардейцы, и бронированный поезд. Мы их направляли в 300 ную версту, так называемую, - от Соганлуга до Навтлуга. Так что Тифлис был изолирован железной дорогой, на Бакинскую дорогу их оттягивать. Но несчастье было в том, что азербейжанские ... назовите их, если хотите, бандиты, нападали на них и убивали, отнимали оружие.

Нападали на солдат?

На солдат. Так что нам пришлось, нашему броневому поезду защищать этих солдат до Баку, от этих азербейжанских бандитов. И даже мы понесли потери, у нас убили начальника поезда, в Гандже, или где то, на дороге, от Тифлиса до Баку. Но большинство их, под руководством наших, броневика, свободно проходили. И они это ценили, что они несли с собой и уходили. Но фронт разваливался, пришлось потом образовать наши, национальные полки, из оставшихся этих солдат, и направить на фронт для защиты Батума и так далее, Карса...

Нам не совсем удалось это. Мы потеряли и Карс и Батум.

И когда это было? В каком месяце?

Мы потеряли Батум в 18 году, в апреле месяце. Карс еще раньше. Карс - это армянская часть, Батум - это грузинская часть. Азербейжанцы, как магометане...

Они были на стороне турков...

Да, на стороне турков.

Да.

Мы, после объявления большевиками в Петрограде перевороте, мы объявили сами маленькую... независимый Сейм. Мы все таки выбрали, выборы происходили, ...

Эти выборы ...

При большевиках, большевики сделали переворот, но выборы продолжались, по России и по Грузии...

Выборы в Учредительное Собрание?

Выборы в Учредительное Собрание! И даже собралось, Собрание, но они разогнали ...

Да, да, да ...

... они собрались все - таки, но часть Грузии, Кавказа, собрались в Тифлисе. Как этот генерал, я не могу вспомнить, ... он в черкеске ходил, заходит ко мне после большевистского переворота, в кабинет, он, совершенно без конвоя, вошел, я был один, вечером, сел, ... имя его я не помню, но я могу вспомнить после.. и он сам советовал, чтобы объявить независимость Кавказа, чтобы защищать фронт.

А генерал этот был русский, да?

Генерал русский, да, он сам ко мне заходил, вечером и сказал, что единственным выходом ... Теперь так - собрался «Креба», то есть съезд. Русские там были, офицеры, члены комитета, и все они решили объявить Кавказ независимым.

А когда это было, в каком месяце?

В ноябре, тотчас же после переворота. И из оставшихся кавказских депутатов создан «Кавказский Сейм». Этот сейм просуществовал до 9 го апреля, до падения Батума. Были переговоры в Трапезонде, ехал Чхенкели там, с турками, и они все требовали и требовали и требовали, значит, напирала на нас Турки, «Брест - Литовский» ...

Мир ...

Договор уже скоро Ленин совершил и передал Батуми и Карс туркам. Батуми и Карс были в наших руках, мы хотели их защищать, они требовали ...

Отдать ...

Отдать по «Брест - Литовскому договору». Мы это не хотели.

А ваше отношение к Брест - Литовскому договору было то, что вы его не признавали?

Конечно не признавали, потому - что мы не хотели исполнить это, мы не хотели передать Батуми и Карс туркам.

А вот еще один вопрос: Фактическая власть после октября, находилась в чьих руках?

Солдатских депутатах и рабочих депутатах; Мы взяли арсенал силой, против большевиков, Арсенал, потому что там (в Арсенале) были большевики, не хотели нам давать оружие, гвардейцам, так мы их взяли силой. Это было в начале декабря, 6 декабря или, что - то вроде этого. Очень скоро, после переворота большевиков.

А вот, так - же, как Вы рассказали, мне о первых сообщения о февральской революции, как пришли сообщения к вам об октябрьском перевороте?

В октябре .. телеграмму прислали, что вся власть взял Ленин. Тогда в Тифлисе был Церетели, и был один из старых ЭсЕров, ... с бородой... и они в тот же день выехали в Петроград, тогда - же. Это была новость, переворот, и в тот - же вечер Церетели и этот, ... известный социалист - революционер, с белой бородой ... выехали, чтобы ...они не знали еще в чем дело. как дело и так далее Но мы, власть оберегли здесь, ОЗАКОМ - а уже не было, потому - это Сейм уже был, Сейм выбрал правительство, и вот это правительство было заменено ОЗАКОМОМ...

А эта новая власть, она распространялась только на Грузию, или же на все Закавказье?

На весь Кавказ. И оно просуществовало до апреля. В апреле произошел развал ... До мая, до мая просуществовал. Именно 26 мая Сейм был раскассирован и объявлено было Независимость Грузии. В тот день, утром Сейм объявил себя распущенным, заявили там Жордания и Церетели, что «Мы, часть

нашего, так сказать, ... магометане... не хотят идти с нами т что Сеим не имеет основы, так что после обеда мы объявили Независимую Грузию, выбрали новое правительство, во главе с Рамшвили».

***А основная причина провозглашения независимости Грузии, она была в чем?
Необходимости власти в Грузии?***

Уже не было иной возможности! Россия ушла сама. Фронт оголен, солдаты уехали, хорошо, что нас не разгромили, - мы успели так устроить, чтоб их какнибудь сопроводить и объявить наше государство и наше правительство. И когда мы объявили независимость 26 - го мая, другие тоже объявили свою независимость, Армяне и Азербейжанцы. Они тоже создали свои части.

[Конец записи].

Мамед САДЫХОВ

Воспоминания о Революции 1917 года¹⁵¹

Мамед Михеевич, Вы были участником событий 1917 года. Я хочу попросить вас рассказать нам о Ваших впечатлениях того времени, но прежде этого, скажите, очень коротко о себе, о том, где Вы родились, как вы учились и как вы попали в армию.

Я родился 15 го января 1892 года, в городе Ереван. У меня Ханская фамилия. С 1899 по 1908 год в городком училище учился, в городе Ереване. С 1908 по 1913 года был в кадетском корпусе, в городе Тифлисе. В 1913 по 1915 года был в офицерском училище в городе Тифлисе. Окончил училище в чине корнета. После чего вступил в 3 - й кавалерийский корпус действующей армии на Австрийском фронте.

Начиная с 1914 года очень интересовался о политическом и экономическом положении в России того времени, и принимал активное участие. О Февральской революции мы слышали на румынском фронте. Я и мои соотечественники плакали об этом событии. Я им мои друзья, знакомые, очень враждебно смотрели на Временное Правительство, называли их «Английским ставленником», «Врагом России», «Английскими деньгами свергнули законного царя в России».

Я слышал, что Вы были участником похода генерала Корнилова на Петроград в 1917 году. Могли бы Вы рассказать немного об этом походе?

В 1917 году мы покинули в Австрийском фронте, в городе Колыч (?) . Оттуда отступили до Проскуров, где мы жили, находились там до конца июля месяце.

Генерал Корнилов тогда вызывал тогда вызывал всех офицеров и гарнизон, находящихся в этом городе и говорил нам: «Господа офицеры, солдатй, сегоднa наше отечество находится в тяжелом положении, Шпионы, дезертиры, проходимцы, все сосредоточились в Петрограде, отстранили законного царя. Наша задача - отправиться Петроград и очистить Петроград от проходимцев».

В Августе месяце начался поход эшелонами. Наши дивизии тогда были 4 бригады. Вторая бригада, в которой я находился, татарский конный полк, то есть азербейжанский тогда был народность. До станции Дно. До станции Дно путь был разобран, мы не могли пройти в Петроград. Пришлось нам приостановится на станции Дно. Артиллеристы, как мы начали наступление, наши артиллеристы сняли замки с наших орудий и ушли, неизвестно куда. Затем мы слышали, что эти артиллеристы очутились в Петрограде.

После ареста генерала Корнилова, нам, наша дивизия не двинулась вперед. Тогда вызвали с каждого полка по 2 парламентарий поехать, в Петроград, договорится с Временным Правительством, то ест с Керенским. В то время, как раз из татарского полка один парламентариев я был. 29 августа 1917 года в Петрограде, в Зимнем Дворце мы встречались с генералом Корниловым.

С Керенским!

С Керенским. Керенский поставил перед нами задачу: «Не вмешивайтесь во внутренние дела России. Кавказ находится сейчас в плохом положении, лучше всего отправиться в Кавказ и там наведите порядок».

Скажите пожалуйста, а кто вызвал вашу делегацию, кто организовал делегацию из полков, чтобы отправиться в Петроград?

Командир дивизии генерал Магалов¹⁵².

Он был командиров дивизии или...

Командиром дивизии.

Командиром дивизии, и после ареста генерала Корнилова, он вызвал вас, чтобы организовать такую делегацию?

Такую делегацию, так точно.

Будьте добры, продолжите ваш рассказ. Что же произошло после вашей встречи с Керенским?

После того, как мы встречались с Керенским, Керенский нам обещал нашу артиллерию, но она, конечно, не была возвращена. Нам пришлось отходить от станции Дно в направлении Закавказья. Одновременно Керенский отдал распоряжение в Минеральные Воды, в Дербент, затем в Махачкалу - то есть Петровск, - обезоруживать наши дивизии, но это, конечно, не удалось, это мы обезоружили в Минеральных Водах целый полк...

Полк, который должен был вас разоружить?

Разоружить.

Это был полк, переброшенный с фронта, или что это было?

Это был местный гарнизон.

¹⁵¹ Комментарии к тексту М.М. Садыхова составил Докт. Ист. Наук Юсиф Исмаил.

¹⁵² Князь Леван Луарсабович Магалов (1879-1926) — российский военный, участник русско-японской и Первой мировой войны. Командир Татарского конного полка Кавказской туземной конной дивизии («Дикой дивизии»).

И он действовал по приказанию Керенского?

Думаю, что он действовал по приказанию Керенского, совместно с рабочими, то есть коммунистическими организациями, потому, что среди них находились очень много железно дорожные рабочие.

А почему вы приняли предложение Керенского эшелонами отправиться на Юг?

Потом что нам дали такое приказание наш командир дивизии, что Керенский прав, нам нечего мешать, в России много народностей, а мы должны защищать наше Закавказье от Турции и Ирана, чтобы они не наступили на наши территории.

Из кого состоял ваш эшелон, когда вы двинулись из Петрограда на Юг.

Это состояла из Татарский конный полк, Чеченский конный полк, Кабардинский конный полк, Черкесский конный полк, Дагестанский Первый и Второй конный полк, то есть первый полк это был сформированный при Японской войне.

Другими словами, все те полки, которые должны были направится в Петроград, для занятия его по приказу генерала Корнилова.

Так точно.

Известна ли Вам дальнейшая судьба генерала Корнилова после его ареста? Известны ли Вам обстоятельства ареста генерала Корнилова?

После того нам ничего не стало известно, потому что мы отходили в Закавказье и совершенно потеряли связь ...

Когда Вы приехали в Петроград в числе делегации ваших полков, что Вы видели в Петроград, какая была атмосфера и, может быть более подробно Вы могли бы описать вашу встречу с Керенским.

Тогда мы приехали в Петроград., целую ночь нам пришлось ждать на станции Петрограда, в Главном вокзале. В город выход воспрещались (?), кругом ходили патрули, по городу. К нам Петроградские люди относились совершенно плачевно, на нас, потому что им объяснили, как будто мы дикие люди. Если мы садились в одну сторону в трамвае, то с другой стороны трамвая все граждане уходили.

А когда Вы приехали на станцию, в Петрограде, вас обезоруживали, или у вас с собой не было оружия?

У нас с собой не было оружия.

Теперь, на следующий день, когда вы отправились на встречу с Керенским, это было в Таврическом Дворце, где вы с ним встречались?

Так точно.

И как произошла сама встреча? Можете ли Вы припомнить детали?

Встреча произошла вроде дружелюбно, как Керенский с нами обращался, очень дружно, принял, но долго у него было речи о том, что ... он говорил по отношению к старому режиму, старой царской законности, говорил, что не было там Свободы, а теперь надо (?) дать свободу всем народам, все будут иметь свои государства, - вот таким образом у него были его речи. Как бы ... затем мы отправляемся в Закавказье, для того, чтобы установить национальные государства.

Какое на Вас впечатление произвел тогда Керенский?

Нас очень взгляд Керенского на нас, на наших друзей очень не добродушно относились, недоверчивые были разговоры ...

А какова судьбы была этих артиллеристов, которые сняли замки? Это что - были уже большевизированные солдаты?

Они были большевизированные солдаты.

Так что они, очевидно специально сняли замки, чтобы вывести из ...

Из строя артиллерию.

И они куда ...

... и чтобы остановить наше наступление, потому что без артиллерии мы не могли наступать, поскольку Петроград окружен вокруг болотами, болотистое место и без артиллерийской подготовки нам трудновато было бы, в пешем порядке наступать на Петроград.

Кроме того, Вы сказали, что были разобраны пути от станции Дно...

Разобраны были железные дороги, и ехать было невозможно. После ареста Корнилова, и затем, когда они установили с командирами дивизий, для того, чтобы послать туда парламентариев, тогда они возобновили железную дорогу.

Так что, когда вы вернулись обратно, после переговоров с Керенским, в свои части, то, вы известили, очевидно, командный состав...

Весь командный состав собрался и мы все им объяснили.

В общем все приняли это предложение, так как не было другого выхода?

Другого выхода у нас не было, и кроме того в командном составе не так приняли, как был приказ командира дивизии.

Хорошо. Теперь, будьте добры продолжить Ваш рассказ, что произошло по пути вашего следования на Юг.

Мы отправились и по пути первым .. в котором я находился, нас встретили в Ростове - на - Дону, враждебно, рабочие. Пришлось нам почти сутки стоять, пока мы не получили паровозы - не хотели давать. Наконец мы его получили, нас не трогали, никаких других событий не было. Когда мы доехали до Минеральных Вод, там наш эшелон стоял на дороге - на станции никого не было. Все железнодорожники покинули станцию, рабочих, начальника станции - никого не оказалось. И вдруг наш эшелон окружили.

Когда это было, примерно, в каком месяце?

Примерно в сентябре месяце. И началась перестрелка. У нас другого выхода не было, только слышали мы от командира, солдаты сами решали, шашки наголо, ура, Мы заняли казармы, обезоружили весь полк, рабочие все скрылись. У нас были убитые 10 человек.

И после этого вы продолжали ...

После этого мы ожидали паровоза, нам подали попозже паровоз и наконец мы двинулись. Второе наше событие было в городе Грозном. Когда мы дошли до города Грозный, там уже целая бригада против нас стояла. Железнодорогу сняли, в городе, недалеко, в местечке Ермоловка, станица, недалеко о Грозного. Пассажирский поезд прежде нас отправился и попал в крушение. Они думали что это наш эшелон, а это был пассажирский поезд. Тогда мы стояли почти неделю. Убитых похоронили - те, что были убиты в Минеральных Водах, как все чеченцы пришли к нам на помощь, и вооружались, мы решили выступать на Грозный, насильно взять... Это мы сделали, но никто против нас не стоял. Когда Грозный был взят, мы там оставили чеченский конный полк. И двинулись дальше.

Когда и где Вы пережили октябрьскую революцию?

Октябрьскую революцию мы слышали в Азербайджане. Когда мы прибыли в Азербайджан, там была анархия, деревни на деревни нападали, людям невозможно было из квартир выходить, убивали, грабили.

В каком городе Вы находились в это время?

Я находился в Елисаветполь, сейчас он называется Гянджа. Мы находились там. После делегации с каждого района азербайджанцы попросили, чтобы их избавить от банд. Нам пришлось, - в нашем полку было 4 эскадрона, - один эскадрон попал в город Казах, охранять город, один эскадрон в Джаванширский уезд, я был во втором эскадроне ...

Вы были командиром этого эскадрона?

Нет, я не был командиром, тогда командиром был Ширин-бек Кесеменский¹⁵³. Я был его заместителем. Третий наш эскадрон попал в Курдистан, недалеко с иранской границей, четвертый наш эскадрон попал в тогда называли «Молокан», то есть Карягино¹⁵⁴. Село наше (?) в составе полка было, и затем мы получили приказ от Наместника Закавказья, Николая Николаевича, отходящих от персидской границы солдат обязан оружие сдать. Мы их встречали недалеко от города Барда¹⁵⁵, они безо всякого сдали нам оружие....

Это те солдаты, которые бросали часть и возвращались домой, да?

Да, но мы опасались, что... мы слышали, что в Баку имеются 26 комиссаров, мы знали (?) , что эти части к ним не попадут, оружие не попадет в войска большевиков, и поэтому нам нужно было их оружие, чтобы их без оружия пустить [домой].

Так что, Баку, в то время уже было под властью большевиков?

Была под властью большевиков, 26 комиссаров. Тогда мы там и услышали про октябрьскую революцию. И в то же время мы вели борьбу с 26 комиссарами. 26 комиссаров хотели овладеть всем Азербайджаном. Мы их застали на станции Алжикабул¹⁵⁶, атаковали их. Они бросили эшелоны, в беспорядке отошли в сторону Баку. Но на третий день, их сил стало больше чем у нас. Они заставили нас отступить. Постепенно мы отступили до станции Курдамир¹⁵⁷, и последнее наше решение было покинуть Курдамыр до станции Мюсисли. От Мюсисли недалеко мост через Куру, на мост переходит железная дорога. Мы решили мост разрушить и обороняться на той стороне Куры. И тогда к нам, мы получили известия о том, что Турецкий генерал Нури Паша с 40.000 солдатами приходит нам на помощь. Конечно, грузины тоже дали нам полк на помощь, князь Магалов, находящийся в городе Тифлисе...

Когда турки прибыли, с их помощью мы начали наступление в сторону Баку. В 18 году, 28 мая Баку был занят¹⁵⁸ и 26 комиссаров покинули Баку, они начали уходить. Из них 25 комиссаров сели на пароход и направились в сторону Красноводска. Но, они хотели уехать в Астрахан. Капитан парохода был Эсер. Он туда их не повел, а повел прямо на Красноводск, по приказанию черезвычайного комиссара Фунтикова.

¹⁵³ Ширин-бек Джафар-бек оглы Кесеменский (Касаманский) (1887-1920) — российский и азербайджанский офицер, участник Первой мировой войны, полковник армии Азербайджанской Демократической Республики.

¹⁵⁴ Карягино (до 1827 – Карабулаг, с 1959 – Физули) — прежнее название города Физули в Азербайджане.

¹⁵⁵ Барда – город в Азербайджане.

¹⁵⁶ Аджибакул – город в Азербайджане.

¹⁵⁷ Кюрдамир – город в Азербайджане.

¹⁵⁸ Баку был занят азербайджано-турецкими войсками 15 сентября.

Когда они прибыли на Краснодарск, там их встретил Фунтиков с английскими солдатами. Их арестовали и затем, через несколько недель их расстреляли. А 26 - й комиссар из них - они должны быть 26 человек - один исчез. Наконец - то услышали, что это был проклятый сегодняшний Микоян, который сел на отдельную лодку и удрал в Астрахань, и сейчас живет в Москве. (смех)

Скажите, этот комиссар Фунтиков, который расстрелял 26 комиссаров, он был от какой власти?

Он был Эсер, все железнодорожные рабочие Краснодарска были в его партии, Эсеры. Была сильная партия у него.

То есть, у него там была своя власть?

Совершенно верно.

При поддержке англичан?

При поддержке англичан. Он имел свою власть там, Закаспийский Край. Затем, Фунтиков был в Сибири, скрылся там, дочь вступила в комсомольскую организацию, дочери дали анкету, заполнить - кто, что, как, ваши ...

Это при большевиках?

При большевиках. В 1928 году его дочь там анкету заполнила, что – «Отец был чрезвычайный комиссар». Где? – «В Краснодарске». Фамилия - (тогда он переименовал фамилию) – «Фунтиков». Ага. И сейчас же арестовали Фунтикова и привезли в Баку. Целые 2 недели был суд. Судили его, приговорили к расстрелу. Местные жители собирали деньги, послали телеграмму о помиловании, но конечно, это не было принято. Расстреляли.

В 28 году. Хорошо. Пожалуйста продолжите ваш рассказ после взятия Баку. Какова была ваша судьба в дальнейшем?

Да, после взятия Баку, конечно, турецкая армия двинулась по направлению Махачкалы. Покамест в это время мы заняты были военными действиями, в то время ... появилась какая-то шайка под названием «Мусаватское правительство». Захватили в городе Баку, вроде ставленников турок, то есть власть, как будто правительство. Когда мы вернулись [и] услышали об этом, что состав этого правительства исключительно [состоит] из тех банд, которые целиком Азербайджан ограбили. Например, Гархунлы Ашраф¹⁵⁹. Он был генерал-губернатором Джеванширского уезда.

Как его звали точно?

Ашраф. Гархунлы Ашраф. Он был генерал-губернатором Джеванширского уезда, в Карабахе. Целиком население ограбил, изнасиловал, бил, убил и, наконец, его оставили генерал-губернатором потому, что народ от него боялся. Второй момент, Гочи¹⁶⁰ Наджафули¹⁶¹ в городе Баку. Не было семьи о том, чтобы не плакала от него.

Как фамилия его еще раз?

Наджафули. Он был членом парламента мусаватского правительства. Так что таких банд в это время было очень много. Я сам очевидцем был в Ширванлы¹⁶². Однажды поехал. Там был пристав Гасан-бек. Под арестом сидит старик-азербайджанец. Одна сторона веревки привязана к собаке, другая сторона веревки - сам это старик, [который] сидит под арестом. На место хлеба ему ставили кости. Собака кушает, и он смотрит. Ему говорят: кушай тоже сам. Было таких очень много незаконных действий, так что народу надоело эта законная [власть], так сказать, как они называли «Мусаватское правительство». Тогда, когда появились в 1920 году, либо проба - один бронепоезд в станции Яламы¹⁶³ на границе Азербайджана... Азербайджан граничит с Дагестаном... Солдаты мусаватские надели на штучки белый флаг и кричали: Да здравствует товарищи, [которые] пришли нас освободить! После чего двинулась Красная армия в город Баку. В эту ночь правительство находилось в большом, так сказать влиянии... все министры, сам президент - сообщили... Насиб-бек¹⁶⁴ был президентом Азербайджана вроде...

Как? Повторите еще.

Насиб-бек Усуббеков. Большевики пришли в Баку. По пьянке он тогда говорил: Кто имеет право без моего разрешения вступать в мою территорию? И как раз через полчаса слышно была музыка (?) - рабочие с красными флагами встречали Красную армию, которая пришла... XI Армия сейчас же был переброшенная...

¹⁵⁹ Гархунлы Ашраф (прозвище в народе Ашраф-бека Гасан-бек оглы Тагиева) (1867-1930) — азербайджанский бек, меценат, уездный начальник Арешского уезда. Был членом партии «Ахрар», избирался членом азербайджанского парламента от этой партии. Его участие в убийстве Насиб-бека Усуббекова сомнительно.

¹⁶⁰ Гочи, Гочу (азерб. Qoçu) — это т.н. авторитеты, в некотором смысле разбойники в городах, которые выступали телохранителями богатых людей и имели своих подопечных.

¹⁶¹ Гочи Наджафули (?-1920) — один из знаменитых гочу города Баку. Прообраз Гочи Аскера из оперетты Узеира Гаджибекова «Не та, так эта» (1910).

¹⁶² Ширванлы — село в Бардинском районе Азербайджана.

¹⁶³ Ялама — село в Хачмазском районе Азербайджана. В апреле 1920 года на железнодорожной станции Ялама произошла стычка между частями XI Красной армии и армией АДР.

¹⁶⁴ Насиб-бек Юсиф-бек оглы Усуббеков (Юсифбейли) (1881-1920) — азербайджанский общественно-политический деятель, публицист. Занимал должности министра просвещения, финансов, внутренних дел и председателя Совета Министров АДР (1919-1920). Не до конца ясны обстоятельства его смерти: по одной версии убит бандой Гархунлы Ашраф, по другой — большевиками.

Когда это было? В каком месяце?

Это был 1920 год. Думаю, что это было в июле... июне¹⁶⁵, вот так я это запомнил, вот так это будет...

В июне-июле, да?

Да, в этом месяце. И собирал свои чемоданы, начал удирать. Поехал, как раз думает, что остановиться у своего генерал-губернатора Ашрафа Гархун[ли]. Тот поехал к нему, Ашраф вышел, увидел у него драгоценные вещи. - Да, пожалуйста, заходите. Они сидели у него. Ашраф обещал, что тоже собирается с ним уехать. После еды они заснули, он снял их головы и понес XI Армии в подарок. И там ему обещали: Ашраф, ты будешь генерал-губернатором, продолжайте дальше. И через неделю был вызван Ашраф, когда все это кончилось победой, уверенным был, что больше никого не осталось и его арестовывать и больше не слушали [=не судили].

Так что фактически коммунистическая власть утвердилась в Баку только в 1920 году?

Только в 1920. До 20 года там не было коммунистической власти. Тогда, когда я в 18... я это не рассказал это, тоже рассказать... После того, когда я был в Баку, видел эту банду, я решил уйти. Я нашел этапного коменданта Добровольческой армии в городе Баку, с ним все это документы оформил. С английскими пароходами я выехал в Махачкалу, то есть в Кисловодске я встретил [у] главного штаба дежурного генерала нашу [то есть г. Корнилов] и вступил в Добровольческую армию. Был [в] Апшеронском Екатерины Великой 85 полку до 1920 года.

А потом что? После окончания Гражданской войны?

Окончания Гражданской войны... мы конечно разделились с этими... не буду говорить вам.

Скажите очень коротко.

Наша армия, Добровольческая армия разделились на две части, то есть г. Деникин сдал армию г. Врангелю. Сам уехал, кажется в Англию. Я так слышал.

А вы оставались у генерала Врангеля?

Генерал Врангель со своими частями попал в Крым. Мы были оторваны. Мы оторвались от Грозного... от Владикавказа до Грозного, Махачкалы и так далее. осталось в наших руках. Наши солдаты начали убивать офицеров, переходить на сторону большевиков. Поэтому генерал Драценко [в] городе Махачкала дал декрет: «Расформировать солдат». Мы их расформировали.

Генерал Драценко?

Генерал Драценко.

Генерал Драценко - это ваш командир?

Наш командир. Мы расформировали солдат. После солдат, мы офицеры держали только в районе Махачкала, то есть Дер[бент]... ээ... город Петровск. Почти полтора месяца. После чего нам невозможно было, совсем в сторону наступления коммунистов. Мы стали отступать. У нас силы были достаточно. Около 40 (?) было с военными кораблями, пароходом. В этом числе с нами поехал Юрьев - он знакомый был.

Юрьев?

Юрьев. В Америку поехал. От [нрзб] Юрьев. С нами поехал Юрьев как раз в том пароходе, где я находился.

А какие пароходы это были?

Это был гражданский пароход. Мы на гражданском, а военные корабли уже иначе. В другом охраняли нас, сопровождали.

Это русский военный корабль?

Да. Мы решили попасть в Иран, то есть слышали, что англичане... Мы поехали туда, стояли в море. Наши делегаты пошли к английскому командованию. Они нам предложили, что мы должны сдать свое оружие, интернироваться. На это мы не разрешили, не хотели, начали отходить в сторону, по направлению Баку. Мы стояли в Наргине,¹⁶⁶ в 20 километрах от Баку, имеется такой остров. И решили наступать в Баку. [Звуки курантов часов] И затем сначала думали предложить...

Подождем когда кончит.

Сначала думали предложить... ээ... мусаватскому, в то время как под названием правительству о том, что они совместно с нами боролись против коммунистов. Мы объяснили им, что завтра, после завтра они придут сюда, но у вас сил не хватит. Они этого не захотели. Для того чтобы нам попасть [к] генералу Врангелю, нам нужно было ехать через Тифлис, в Черное море. А мусават[ист]ы нам не дали дорогу. Они говорили, что сдайте оружие и мы вас отправим. Мы им сдали оружие, попали в город Гянджа, где застали большевиков за нами там. И как раз тогда... ээ... когда большевики прибыли в город Гянджа, собрали всех офицеров. Был приказ собираться в церкви, там, у церкви кругом заборы. Все офицеры вошли туда. 16 человек мы не пошли, стояли в стороне. Через полчаса пришел отряд, их окружили, взяли. Мы совершили побег дальше. Я шесть месяцев скрывался. После шести месяцев выехал в город Баку. Конечно, все это скрывал от Красной армии, что я был в Белой армии. И 1921 года был

¹⁶⁵ XI Красная армия вошла в Баку 28 апреля 1920 года.

¹⁶⁶ Наргин (с 1991 – Бёюк-Зирия) — остров в Каспийском море у южного побережья Апшеронского полуострова.

приказ всем царским офицерам явиться на пересчет у военкомрада. В этом числе и я пошел. Далее контракт [нрзб] Анкет. Заполните: Кто? Что? Где? В чем вышло? В каком фронте? и так далее.

Я тогда написал, но не указал, что был в Добровольческой армии. Я там указал, что «я был [нрзб] после выехал в 1917 году в отпуск в Азербайджан и больше не вернулся». Я был принят тогда в командиры отдельного батальона при Шемахинском УездВоенКомрада. После чего 22 года вызвали, был назначен командиром кавалерийского отделения Азербайджанского военного училища. В 1925 году я был отправлен в Петроград, в Высшее кавалерийское училище, то есть «КККУКС» - это «Краснознамённые кавалерийские курсы усовершенствования командного состава» РККА. Таким образом в Красной армии я держался до 1941 года.

В 1941 перебрался сюда.

***Попали за границу!. Спасибо большое.
На этом мы закончим наше интервью.***

